

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Библиотека О.О.

- Ласковскаго

III/v8.

VSlav 8510.1.5

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

The gift of

RUSSIAN DUPLICATES

EXCHANGE PROJECT

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Class DR 109

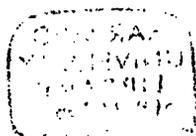
Book .F91

copy 2
YUDIN COLLECTION

СОВРЕМЕННАЯ ЧЕРНОГОРІЯ.

ФРИЛЛЕЯ И ВЛОХИТИ.

||

съ рисунками и картою Черногоріи, Герцеговины и
Восніи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
ВОДЪШ. ПОДЪЯЧ. СОВСТ. Д. № 39.

1876.

VSlav 8510.1.5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Мая 1876 года.

55 x 17

104837
'07

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТРАН.
Глава I. Общій видъ и географическое положеніе Черногоріи. — Происхожденіе этого названія. — Границы. — Главныя разстоянія. — Поверхность. — Населеніе. — Раздѣленіе на области и племена. — Краткій обзоръ послѣднихъ	1
Глава II. Гидрографія. — Орографія. — Геологія. — Фауна и Флора. — Торговля. — Привозъ и вывозъ товаровъ. — Налогъ. — Промышленность. — Культура	12
Глава III. Черногорецъ. — Его этнографическій типъ. — Физическія свойства. — Нравственный и общественный характеръ. — Умственныя способности. — Вкусъ къ изящному.	24
Глава IV. Черногорская женщина съ физической и нравственной стороны. — Ея жизнь, занятія и ея роль въ военное время.	35
Глава V. Черногорскій костюмъ. — Оружіе. — Одежда женщинъ. — <i>Капа</i> и ея символическое значеніе	44
Глава VI. Жизнь въ Черногоріи. — Жилища. — Игры. — Дѣтство и юношество. — Побратимы. — День черногорца. — Гуцла. — Смерть. — Эпизодъ.	52
Глава VII. Обычаи черногорцевъ. — Похороны. — Суевѣріе. — Вилы. — Вампиръ. — Предзнаменованія. — Клятвы. — Религіозныя и семейныя праздники. — Пословицы. — Гостепріимство. — Родовая месть и примиреніе. — Танецъ и легенда о немъ. — Обрученія и свадьбы.	63
Глава VIII. Отъ Триеста до Катарро. — Отъ Катарро до Цетиньи. — Столица Черногоріи	86
Глава IX. Отъ Цетиньи до Рѣки. — Данилгородъ и Острогъ. — Ловля скоранцы	105
Глава X. Николай I, князь Черногоріи и Берды. — Его молодость. — Его вступленіе на престолъ. — Женитьба его. — Война 1862 года. — Шпага Черногоріи. — Договоръ въ Скутари. — Хокера въ Черногоріи. — Смерть Мирко. — Конституція 1868 г.	116
Глава XI. Улучшенія и преобразованія въ княжествѣ. — Характеръ и образъ жизни князя Николая. — Князь поэтъ. — Князь легкоудовлетворенный. — Безполезная шапка	127

Глава XII.	Правительство Черногорин. — Внутренняя и внѣшняя политика. — Гражданскій бюджет князя (<i>liste civile</i>). — Сенатъ. — Первое министерство. — Религія. — Владѣнкі. — Священники. — Богословія. — Просвѣщеніе. — Женскій институтъ	134
Глава XIII.	Языкъ. — Книгопечатаніе. — Журналы. — Телеграфъ. — Почта. — Эстафеты свѣтлѣйшей республики. — Дороги. — Доходы и расходы княжества	143
Глава XIV.	Краткій очеркъ климата Черногорин. — Паша. — Гигіена. — Болѣзни и медицина въ Черногорин	154
Глава XV.	Черногорія съ военной точки зрѣнія. — Древнія времена. — Попытки реформы, сдѣланныя княземъ Данииломъ I. — Нынѣшняя организація. — Черногорскій воиънъ	168
Глава XVI.	Право Черногоринъ на независимость. — Будущность княжества.	180

СОВРЕМЕННАЯ ЧЕРНОГОРІЯ.

ГЛАВА I.

Общій видъ и географическое положеніе Черногоріи. — Происхожденіе этого названія. — Границы. — Главныя разстоянія. — Поверхность. — Населеніе. — Раздѣленіе на области и племена. — Краткій обзоръ послѣднихъ.

Въ продолженіи долгаго періода борьбы и переворотовъ, составляющихъ всю исторію страны, Черногорія не составила себѣ точныхъ предѣловъ. Ея непостоянную границу — поочередно утрачиваемую и приобретаемую — составляли утесы, за обладаніе которыми и геройскій народъ боролся ежедневно, не уступая ни на шагъ. Для этихъ безыюкойныхъ и воинственныхъ племенъ каждый ключокъ земли давалъ поводъ къ несогласіямъ и раздорамъ. Это вело къ постояннымъ столкновеніямъ на границахъ. Такое ненормальное положеніе продолжалось до настоящаго времени. Только въ 1859 году, подъ вліяніемъ французскаго правительства, сочувствіе котораго къ Черногоріи постоянно возрастало въ трудныхъ обстоятельствахъ, европейскія державы наконецъ убѣдились, что единственное средство упрочить положеніе княжества состоитъ въ официальномъ распредѣленіи границъ. Вслѣдствіе этого была учреждена коммиссія, въ которой, кромѣ двухъ заинтересованныхъ сторонъ, участвовали представители Англіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи. Ей было поручено начертить планъ турецко-черногорской границы. Но эта коммиссія, назначеніе которой, по необходимости, ограничивалось разрѣшеніемъ вопросовъ чисто политическихъ, отклоняла отъ себя дѣла, имѣющія мѣстный или личный характеръ. Такое полномочіе было возложено на Турецко-Черногорскую коммиссію, учрежденную на основаніи договора, заключеннаго въ Цетиньѣ въ 1862 г.

Указавъ предварительно на препятствія, помѣшавшія окончанію

этого кропотливаго дѣла, за которое, начиная съ 1867 года, принимались не разъ, мы постараемся объяснить какимъ образомъ трудн исполненныя международной комиссіей, съ цѣлью взаимнаго соглашенія, повели къ новымъ затрудненіямъ. Видоизмѣнивъ опасное положеніе, которому желали положить предѣлъ, эти исключенія под держивали только его *).

Территорія Черногоріи, въ настоящее время, имѣетъ видъ шести-угольника, распадающагося на два треугольника, прислоненныхъ другъ къ другу двумя острыми углами. Вслѣдствіе такого расположенія, Черногорія, какъ бы перерѣзанная по срединѣ, охватываетъ, въ видѣ довольно правильнаго треугольника, на сѣверо-востокѣ Герцоговину, на юго-востокѣ, такимъ же образомъ, часть Альбаніи. Эти два значительныхъ пробѣла на ея границѣ, среди которыхъ возвышаются крѣпости Никшичъ и Спуща, представляютъ, относительно защиты, дѣйствительно слабую сторону страны, укрѣпить которую Турція никогда не согласится. Напротивъ того, статья договора 1862 года, признавая возможнымъ проложить военную дорогу между Спущей и Никшичемъ, черезъ большое ущелье, соединяющее двѣ части Черногорской области, предлагала построить извѣстное число блокгаузовъ на томъ же протяженіи.

Исполненіе этой статьи, продиктованной побѣдителемъ, разсѣкло бы Черногорію на двѣ части. Такое раздѣленіе, при самомъ началѣ войны, затруднило бы защиту страны. Но въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, договоръ, утвержденный Омеромъ - пашей, не былъ приведенъ въ исполненіе.

Изъ двухъ главныхъ отдѣловъ Черногоріи, упомянутыхъ нами и пересѣкаемыхъ главной осью съ сѣверо-востока на юго-западъ, та часть, которая достигаетъ Адриатики, заключаетъ древнюю область княжества, собственную Черногорію (или Черную Гору). Другая — внутренняя—образуетъ страну Бердовъ (Брда—Гора).

Прежде чѣмъ подробно представить настоящія границы этихъ двухъ областей, согласно плану международной комиссіи, будетъ можетъ быть уместно разъяснить спорный вопросъ относительно названія Черногоріи.

Большинство авторовъ, повторяя одно и то же и поддерживая безсознательно общее заблужденіе, сообщали, что Маріано Болицца, патрицій изъ Каттаро, посѣтившій Черногорію въ началѣ 17-го столѣтія, писалъ въ своемъ докладѣ отъ 25-го мая 1614 года, что Черногорія получила свое названіе отъ самихъ турокъ. Последніе, вѣроятно пораженные ужасомъ, при видѣ неприступныхъ скалъ, съ вершинъ которыхъ бросался непобѣдимый и безпощадный врагъ,

*) Такимъ образомъ въ 1869 году возникъ вопросъ о правѣ владѣнія холмами Великой и Малой Берды, на которые одновременно предъявляли притязанія Турція и Черногорія. Наконецъ они достались Великой Портѣ, уплатившей княжеству 300,000 франковъ.

выразили названіемъ страхъ, внушаемый имъ этой страной. Хотя Болицца никогда ничего подобнаго не писалъ, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ его воспоминанія, необходимо сознаться, что это предположеніе подтверждается само собою, помимо всякихъ нравственныхъ побужденій какъ фактъ чисто физическій.

Не останавливаясь на сомнительныхъ вопросахъ этнологіи, путешественникъ, увидавъ издали обнаженные и мрачныя вершины Черногоріи, невольно передаетъ свое первое впечатлѣніе восклицаніемъ: «Черногорія, твое названіе начертано на твоихъ утесахъ! Ты въ полномъ смыслѣ слова Черная гора!» *) Взгляните на живописные берега Скутари и Альбаніи, на эту непроницаемую массу горъ, теряющуюся въ облакахъ, и посудите сами—найдется ли болѣе подходящее названіе для этой дикой страны.

Черногорія обязана своимъ мрачнымъ колоритомъ строенію своихъ утесовъ, ихъ многочисленнымъ пещерамъ, гдѣ сгущаются тѣни, наконецъ самой растительности: послѣдняя состоитъ изъ тощаго кустарника, покрытаго лѣтомъ густою и темною зеленью и сохраняющаго на зиму одні почернѣвшія вѣтви.

Дмитрій Милоковичъ въ своей исторіи Черногоріи утверждаетъ, что названіе Черногоріи позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ изъ авторовъ древности или среднихъ вѣковъ о немъ не упоминаетъ. Кромѣ того онъ прибавляетъ, что въ общественныхъ договорахъ, во время правленія Черновичей (1427—1499) не упоминаютъ о Черногоріи, а только о Цетѣ.

Тотъ же авторъ не признаетъ общепринятаго мнѣнія, что Стефанъ Черновичъ I, извѣстный въ исторіи подъ этимъ именемъ, на самомъ дѣлѣ назывался Черногорецъ, по мѣсту своего рожденія и что названіе Черновича принадлежало его старшему сыну Ивану.

Милоковичъ отрицаетъ это на томъ основаніи, что Черновичи, управляя Верхней Цетой, уже въ 1385 году не признавали власти Георга Строчимира Большаго, и что наконецъ Стефанъ Черновичъ,

*) Мы сами не разъ, испытывали подобное чувство, возвращаясь изъ страны Бердовъ въ Черногорію. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ великолѣпныхъ пастбищъ и вѣковыхъ лѣсовъ, видѣнныхъ нами, мы восхищались видомъ богатой долины Цетѣ. Когда передъ нами неожиданно возвышались утесы Черногоріи мы невольно повторяли: «Черногорія! Черногорія!»

Черногорскій владика Василій Петровичъ, напечатанный во время своего пребыванія въ Москвѣ небольшую замѣтку относительно Черногоріи, болѣе другихъ способенъ рѣшить этотъ вопросъ. Онъ подтверждаетъ, что наружный видъ страны оправдываетъ названіе Черногоріи. Одинъ изъ повѣйшихъ авторовъ, писавшихъ о Черногоріи, М. Видингтонъ безусловно принимаетъ это предложеніе. (Дальмація и Черногорія). Андрићъ полагаетъ, что страна обязана своимъ названіемъ высокимъ соснамъ, которыя зимою придаютъ странѣ мрачный характеръ. Отсюда названія: Шварцвальдъ (Чернолѣсье); Черная Гора и т. д. Мы прибавимъ отъ себя, что Черногорія получаетъ темный отпечатокъ отъ особой породы мховъ. Послѣдніе, образуя переходную ступень отъ неорганическихъ къ органическимъ тѣламъ, покрываютъ утесы на всемъ протяженіи.

Графиня Странфордъ разсказываетъ, что на вопросъ откуда происходитъ названіе Черной Горы, предложенный ей Черногорскому князю, послѣдній указалъ на мрачные утесы.

въ договорѣ, заключенномъ съ венеціанцами, именуется Черновиць а не Черногорець.

Мѣстныя особенности страны выясняютъ всякія недоразумѣнія по поводу названія Черногоріи; ихъ свидѣтельство, во всей простотѣ, имѣетъ бѣльшую силу нежели историческія доказательства. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что названіе Черногоріи можетъ происходить отъ имени Черногорца, родоначальника Черновичей. Его родина вѣроятно, упрочила за собой это названіе, благодаря блеску царствованія Черновичей.

Что касается названія Берды, то оно объясняется наружнымъ видомъ страны: Великая Берда — иначе Великая Гора.

Черногорія, расположенная съ одной стороны между $16^{\circ}1'$ и $16^{\circ}58'$ восточной долготы, съ другой между 42 и 43 градусами сѣверной широты граничитъ на западѣ и на с. западѣ съ Герцеговиной, на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ и отчасти на востокѣ Босніей; на востокѣ и на юго-востокѣ Альбаніей и Далмаціей; послѣдняя область дополняетъ на юго-западѣ предѣлы княжества.

Предположивъ, что граница беретъ начало на западѣ, на окраинѣ Герцеговины, т. е. Клубукскихъ горъ, среди которыхъ возвышается оттоманская крѣпость того же имени, и прослѣдивъ ее, мы увидимъ, что она подымается, округляясь къ сѣверу, и заключаетъ вновь присоединенныя области Грахово и Рудино. — Затѣмъ, простираясь далѣе на разстояніи 6 или 7 верстъ, она подымается на востокѣ на гору Мало.—Биту, достигаетъ селенія Силовию; далѣе, оставивъ на лѣво укрѣпленный городъ Никшичь, пересѣкаетъ долину того же имени, и наконецъ идетъ на сѣверо-востокѣ до горы Вожникъ близъ притока Тучина и Таро, гдѣ начинается территорія Босніи. Направляясь на сѣв. востокъ, и оставляя на лѣво гору Домиторъ, эта граница переходитъ Ускокскій мостъ и, пересѣкая долину Тузино, доходитъ до Брукози. Принимая затѣмъ прямое направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, она идетъ по горѣ Требешъ, выходитъ за предѣлы оттоманскаго селенія и области Колашинъ; направляясь сперва прямо на сѣверъ и возвращаясь на востокъ, она наконецъ достигаетъ высокихъ вершинъ Горныхъ Васоевичей.

Начиная отъ Дрешка, восточной оконечности Берды, граница направляется на югъ, гдѣ, примкнувъ къ горѣ Комъ (2400 метровъ) она переходитъ съ окраины Босніи въ Альбанію. Пограничная черта на юго-западѣ достигаетъ горы Двардо и Черную Планину (Черную Гору), затѣмъ, направляясь на западъ по области Кучи, она достигаетъ устья Цеты въ Морачъ, оставляя на лѣво часть бывшей Черногорской области Дрекаловичи. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Цета представляетъ естественную границу, которая продолжается до крѣпости Спущъ, подымаясь немного на сѣверо-западъ. Среди долины, образованной Цетой и Морачемъ, находятся холмы Великой и Малой Берды, которые въ 1869 г. были предметомъ распри между

Портой и Черногорскимъ правительствомъ. Почти противъ этихъ холмовъ, на лѣвомъ берегу Морача, возвышался нѣкогда знаменитый городъ Дукла или Дюклея, бывшая императорская резиденція, развалины которой свидѣтельствуютъ о его прошломъ величїи.

Начиная отъ холма Моронива Главичы недалеко отъ Спужа, граница свободно простирается на юго-западъ до Щитури, гдѣ она идетъ вдоль праваго берега Ситницы, по которому она слѣдуетъ, возвращаясь на юго-востокъ до селенія Фармаки, т. е. до впаденія Ситницы въ Морачъ. Продолжаясь затѣмъ прямо на югъ, она пересѣкаетъ Мало Блато (Малое озеро) и немного далѣе воды озера Скутари, узкая полоса котораго, до острововъ Вранины и Лесандри, принадлежитъ Черногорїи.

Оставивъ за собой воды озера, пограничная линія слѣдуетъ по горамъ Аравинъ, Суторманъ и Берзуты, окружаетъ нахию Черницу, которая въ видѣ клина вдается между Альбанїей и Далмаціей. Въ недалекомъ разстоянїи отъ точки соединенія этихъ трехъ окраинъ находится небольшая гавань Спицца, на которую Черногорїя не разъ предъявляла свои права. Эта гавань могла бы открыть странѣ доступъ въ Адриатику, такъ какъ устья Каттаро при настоящемъ положенїи Европы, представляютъ для княжества несбыточную мечту.

На мѣстѣ соединенія австрійской и черногорской границы послѣдняя принимаетъ сѣверное направленіе. Сохраняя его до своей исходной точки, т. е. до Клобука, она образуетъ незначительный уголъ между Кривошеей далматской и герцеговинской Корыницею. На этомъ протяженїи она минуется австрійскую крѣпость Пресѣку; далѣе по горѣ Мирочъ она идетъ выше надъ городомъ Каттаро и возвышаясь надъ его укрѣпленїями, доходитъ до Оравца и достигаетъ австрійской крѣпости Драгай, возвышающейся надъ Кривошеей. Здѣсь она отгибаетъ знаменитое Грахово Поле, и, образуя незначительный уголъ на юго-западѣ, спускается къ горѣ Волчїй Зубъ, гдѣ снова образуетъ тройную окраину Далмаціи, Герцеговины и Черногорїи. Затѣмъ граница снова принимаетъ сѣверо-западное направленіе до Клобука.

Пограничная линія, опредѣленная трудами международной комиссіи 1859 г., не можетъ составлять постоянныхъ предѣловъ княжества. На всемъ его протяженїи природныя окраины, подобныя Цеты и Синицы, встрѣчаются рѣдко. Большею частью ея границы составляютъ неприступныя вершины, опредѣлить которыя довольно трудно, благодаря своеобразному характеру Черногорїи*). Эта трудность возрастаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ граница продолжается въ

*) Легенда о происхожденїи Черногорїи, живо изображая наружный видъ страны, рассказываетъ слѣдующее: Богъ, создавъ землю, удалился, унося съ собой въ мѣшкѣ груды горъ, которыя онъ разсыпалъ на своемъ пути, по собственному усмотрѣнїю, судя по потребностямъ странъ. Проходя Черногорїю, онъ намѣревался наградить ее тѣмъ же, назначая ей предѣльную маленькую гору. Но къ несчастью въ эту

прямомъ направленіи, не встрѣчая преградъ на своемъ пути. Несмотря на то, что комиссія старалась опредѣлить пограничную линію, воздвигая на пограничныхъ мѣстахъ пирамиды, большая часть послѣднихъ была похищена рукою недоброжелателей. Что касается до смежныхъ областей, то онѣ, не имѣя опредѣленныхъ границъ бывають предметомъ постоянныхъ раздоровъ. Когда рѣшеніе этихъ споровъ требуетъ вмѣшательства комиссаровъ, то послѣдніе напрасно теряють время и трудъ, разыскивая слѣды давно исчезнувшихъ границъ. Имъ даже не удается достигнуть вершинъ загроможденныхъ снѣгами, для того чтобъ среди облаговъ и тумановъ производить необходима изслѣдованія. Но тяготятся ли дѣйствительно черногорцы своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и желаютъ ли они всерьезно избавиться отъ него? Мы въ этомъ сомнѣваемся.

Точное опредѣленіе границъ положило бы разъ-на всегда конецъ раздорамъ, обогащавшимъ въ былое время Четасовъ и поддерживавшихъ вражду противъ турокъ; до тѣхъ поръ, пока вопросъ о правахъ останется спорнымъ, находчивость черногорца всегда одержитъ верхъ надъ происками турецкаго правительства.

Принимая во вниманіе незначительное протяженіе Черногоріи и предположивъ, что сообщеніе въ ней происходитъ также легко какъ въ другихъ странахъ, можно составить себѣ ложное понятіе о времени, необходимомъ для путешественника, чтобъ пройти съ одного конца страны до другаго. Кромѣ тѣсныхъ тропинокъ, едва замѣтныхъ среди утесовъ, преграждающихъ путь на каждомъ шагу, по которымъ съ трудомъ можно пробираться верхомъ, въ княжествѣ нѣтъ ни одной проѣзжей дороги. Мы не исключаемъ отсюда дорогу, проведенную въ 1869 г., чтобъ облегчить сообщенія между Цетиньей и странкою Бердовъ. Поэтому туристъ, оставляющій гавань Каттаро, съ цѣлью посѣтить восточную окраину Бердовъ или даже гору Комъ не можетъ надѣяться достигнуть цѣли своего путешествія ранѣе 6-го дня самаго тяжелаго пути, хотя съ перваго взгляда разстояніе это не превышаетъ 15 километровъ.

Разстояніе отъ сѣверной границы до южной окраины княжества, т. е. отъ горы Берзуги до Дормитора, равняется 9 километрамъ. Отъ Рудина и Грахово до оконечностей Дольней Васоевичи — гдѣ пограничная черта имѣетъ наибольшее протяженіе, разстояніе равняется 112 километрамъ, а не 25 лѣ, какъ объ этомъ писали. Наконецъ отъ крѣпости Спудъ до Никшича черезъ долину Вѣлопавицы и гористое ущелье, соединяющее Черногорію съ Бердой разстояніе 33 километра. Замѣтимъ однакоже, что неожиданные обрывы, постоянныя восхожденія и безчисленные обходы удваивають разстоянія, сокращать которыя способенъ только черногорецъ въ своихъ быстрыхъ переходахъ по обрывамъ.

минуто мѣшокъ лопнулъ и груди скалъ, камней и горъ разсыпались въ безпорядкѣ по всей Черногоріи.

Хотя, вслѣдствіе многочисленныхъ внутреннихъ угловъ пограничная черта имѣетъ 420 километровъ протяженія, общая поверхность страны едва достигаетъ 290 квадратныхъ километровъ. Что касается до населенія страны, то мнѣнія о немъ у различныхъ авторовъ неодинаковы. Въ началѣ 17-го столѣтія Бодипца насчитывалъ 90 селеній, 3,524 дома или семейства и 8,027 человекъ способныхъ носить оружіе. Въ то время, когда горцы боролись вмѣстѣ съ русскими противъ французовъ, овладѣвшихъ Далмаціей, населеніе простиралось до 55,000 человекъ; оно доходило въ 1825 г. до 75,000, а въ 1835 году Цетинскій офиціальный календарь доводилъ его число до 100,000 душъ. Тридцать лѣтъ позднѣе «Орлицъ» альманахъ издаваемый въ Цетиньѣ, на основаніи переписи черногорскаго населенія приводитъ нѣсколько сомнительную цифру въ 196,238 душъ жителей.

Большинство новѣйшихъ авторовъ, по примѣру Мальтъ-Брюна, опредѣляютъ число жителей приблизительно отъ 120 до 140 тысячъ человекъ. Но возрастающее благосостояніе страны, присоединеніе значительныхъ областей, послѣ борьбы Черногорцевъ подъ предводительствомъ князя Данилы, наконецъ, свѣдѣнія, собранныя нами, даютъ поводъ предполагать, что населеніе Черногоріи превышаетъ въ настоящее время, 190,000 жителей. Однако въ Цетиньѣ статистикъ не могъ бы удовлетворить свое любопытство, такъ какъ тамъ самыя простыя свѣдѣнія относительно страны передаются невѣрно и всегда съ нѣкоторою таинственностью.

Княжество, протяженіе котораго мы только что опредѣлили, раздѣляется на области или «нахіи», изъ которыхъ четыре принадлежатъ Черногоріи и четыре территоріи Берда. Черногоріи принадлежатъ области Катунская, Черницкая, Рѣчанская и Липанская. Бердскую область составляютъ: Бѣлонавицы, Пиперы, Морача и Васоевичи. Къ этимъ 8 областямъ въ 1858 году присоединились округи Грахово, Рудино, вошедшія въ составъ Катунской области, и Юпа, примкнувшая къ Морачѣ. Черногорскія нахіи раздѣляются на племена, племена въ свою очередь дѣлятся на селенія.

I. Катунская нахія.

Ограниченная на сѣверѣ и на западѣ Герцеговиной, на востокѣ Бѣлопавицей, на юго-западѣ устьями Каттаро, а на югѣ Черницею, эта область заключаетъ одиннадцать племенъ, а именно: 1-я Цетинью, 2-я Нѣгуши; 3-я Чевличи; 4-я Бѣлицы; 5-я Цуцэ; 6-я Озреничи; 7-я Грахово; 8-я Рудине; 9-я Комани; 10-я Загарачь; 11-я Пѣшивцы.

Въ этой нахіи находится Цетинья, столица княжества, которая далѣе будетъ описана отдѣльно. Скажемъ только мимоходомъ, что

помимо ея значенія, какъ княжеской столицы, Цетинья представляетъ центръ торговли, происходящей между озеромъ Скутари, Рѣка и Каттаро. Въ долину, гдѣ находится столица, расположены селенія Доникрай, Дубовикъ и Гуницы. Отъ Цетиньи идутъ дороги въ Каттаро или чрезъ Нѣгущь, чрезъ Бѣлохъ или Ловхенъ; въ Ризано, Грахово и Рудино и оттуда въ Блобукъ и Требинью черезъ Селитъ; въ Гаско черезъ Грабъ; въ Будуа черезъ Очиничи, Аулія и Брайче; въ Ка-стель Ластуа, Жаблякъ Вирь-Базаръ и Альбанское Скутари черезъ Рѣку; въ самый центръ княжества черезъ Рѣку или Чезо и оттуда въ Никшичъ черезъ Сливію; наконецъ въ Подгоръ черезъ Градацъ. На полдорогѣ отъ Каттаро въ Цетинью, путешественникъ встрѣчаетъ селеніе Нѣгущь, родина царствующаго дома Петровичей; тамъ можно замѣтить небольшое строеніе съ башенками, служащее лѣтнимъ мѣстопробываніемъ княжескаго семейства.

Мы сказали выше, что Грахово поле знаменитое побѣдой, одержанной надъ войскомъ Гуссейна Дахимъ-паша 13-го августа 1858 года Мирко-Петровичемъ, отцемъ князя Николая, составляетъ часть Катунской области.

II. Рѣчанская нахія.

Ея границы составляютъ на сѣверѣ Катунская область; на юго-западѣ окраины Далмаціи; на востокѣ и на югѣ Черница. Она включаетъ пять племенъ: 1-я Градяни, 2-я Люботинъ; 3-я Цеклинъ; 4-я Доброскосело; 5-я Козыри; ея главный центръ составляетъ небольшой городъ Рѣка, на рѣкѣ того же имени, которая въ трехъ верстахъ оттуда, впадаетъ въ озеро Скутари; базаръ, бывающій тамъ всякую субботу, считается въ княжествѣ самымъ значительнымъ. На небольшомъ разстояніи, въ живописной мѣстности Ободъ, на самой рѣкѣ находится небольшой арсеналъ, служащій для производства, или, скорѣе, для починки оружія, которое носятъ всѣ Черногорцы.

Близъ села Доброско, т. е. на полдорогѣ между Рѣчкой и Цетиньей и въ получасовомъ разстояніи отъ этой мѣстности, встрѣчается виноградъ и гранатовое дерево. Въ области Рѣчкѣ климатъ очень мягкій. Вслѣдствіе этого княжеское семейство проводитъ большую часть зимы въ этой мѣстности, такъ какъ преобладающая страсть князя къ охотѣ и рыбной ловлѣ находятъ здѣсь полное удовлетвореніе. Но переходныя времена года въ этой мѣстности довольно опасны, вслѣдствіе мязмовъ, ощутимыхъ большую часть года. Дѣйствительно, такъ какъ уровень рѣки и озера Скутари почти одинаковъ, то Рѣка, переполненная осенними дождями, или таяніемъ снѣговъ, разливается на значительное разстояніе; а потомъ, принявъ свое обычное теченіе, она оставляетъ за собой обширныя болота, порождающіе нерѣдко смертельныя болѣзни.

III. Черницкая нахія.

Ограниченная на сѣверѣ Катунскою областью, она вдается въ оконечность Далмаціи и Альбаніи, которыя окружаютъ ее на западѣ, на югѣ и на востокѣ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ семи племенъ: 1-я Боевичи; 2-я Лиманіяны; 3-я Глуvido; 4-я Берчелы; 5-я Душилло; 6-я Согучи; 7-я Подгоръ. Эта нахія, самая красивая, самая богатая и лучше другихъ обработана. Она отличается изобиліемъ плодовъ разнаго рода: грушъ, яблокъ, вишенъ, дынь, арбузовъ, винныхъ ягодъ, персиковъ и абрикосовъ. Виноградъ произрастаетъ отлично и доставляетъ превосходное вино, изъ котораго приготовляютъ лучшую водку. Климатъ Черницы подобенъ Италіи; эта область — земной рай Черногоріи, — противоположность засухи и запустѣнія другихъ нахій. Въ селеніи Виръ, въ полверстѣ отъ озера, куда впадаетъ рѣка того же имени, бываетъ по пятницамъ базаръ, довольно значительный, куда охотно отправляются Подгоричане.

IV. Лишанская нахія.

Ея границы составляютъ: на сѣверѣ Герцеговина; на востокѣ Берда и Альбанія; на западѣ Катунская и Рѣчанская области; на югѣ Черница. Она раздѣляется на три племени, а именно: во 1-хъ Драгевина; во 2-хъ Градацъ, въ 3-хъ Буронія. Эта мѣстность малообработана, видъ ея мраченъ и пустыненъ. Жители занимаются скотоводствомъ. Жилища въ ней до такой степени разсыпаны, что нерѣдко бываетъ трудно различить — какому селенію принадлежатъ тотъ или другой домъ. Можно пройти на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, не встрѣтивъ ничего кромѣ убогихъ хижинъ или пастбищъ, гдѣ пасутся овцы подъ охраной дворняшекъ, одинъ зай которыхъ только нарушаетъ безмолвіе этихъ мрачныхъ пустынь.

Если никакими словами нельзя выразить мрачность той части Черногоріи, которая включаетъ Катунскую и Лишанскую области, и особенно запустѣніе горъ, достигающихъ устьевъ Каттаро, то никакія краски не въ состояніи передать красоту ландшафтовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагѣ въ странѣ Берда.

Здѣсь видишь передъ собой зеленыя долины, исчезающія среди горъ, покрытыхъ богатыми пастбищами или увѣчаныхъ вѣковыми лѣсами буковъ, дубовъ или сосенъ. Вездѣ встрѣчаются источники; рѣки, струясь въ песчаныхъ руслахъ, образуютъ мѣстами водопады. Въ другихъ мѣстахъ обрывы и потоки, неожиданные перспективы, представляютъ картины достойныя новой Гельвеціи. Слѣдующія четыре нахія принадлежатъ Бердамъ: Бѣлопавица, ограниченная

на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Морачей; на востокѣ Пиперы; на западѣ Лишанскою областью, на югѣ Альбаніею. Эта нахія раздѣляется на четыре племени: 1) Петрушиновичи; 2) Паковичи; 3) Врагечерница; 4) Мартиничи.

Ея главный городъ Данилгородъ, вновь построенный, займетъ, со временемъ, видное мѣсто въ княжествѣ, благодаря своему положенію между Бердой и Черногоріей и по своему сосѣдству съ Альбаніей и Герцеговиной. Планъ его, составленный по новѣйшимъ даннымъ сербскимъ инженеромъ Милутиновичемъ, имѣетъ въ виду городъ въ 15,000 жителей. Но нынѣшнее поколѣніе не увидитъ выполнения этого великаго намѣренія, такъ какъ оно требуетъ расходовъ, превышающихъ средства княжества. Самая мѣстность, гдѣ бывалъ еженедѣльно базаръ, называлась Цераника - Главница.

Николай I назвалъ этотъ городъ Данилгородомъ, въ память князя, погибшаго слишкомъ рано для страны, управленіе которой требуетъ непоколебимой твердости. Рѣка Цета, быстрая и глубокая въ этомъ мѣстѣ, превращаетъ въ полуостровъ мѣстность, предназначенную для города. Черезъ рѣку перекинутъ мостъ, имѣющій болѣе 200 метровъ длины, изящная и крѣпкая настилка котораго сдѣлана плотниками изъ Курцолы и утверждена на девяти столбахъ, довольно высокихъ.

Открытіе этого моста, быть можетъ самаго большаго на Балканскомъ полуостровѣ, происходило съ большой торжественностью 4-го сентября 1870 года.

Каждое воскресенье въ Данилгородѣ бываетъ базаръ, значеніе котораго вначалѣ было преувеличено.

Данилгородъ расположенъ среди обширной и прекрасной долины Бѣлопавицы, которая на сѣверо-западѣ служитъ продолженіемъ плодородной Цеты. Эта мѣстность составляетъ затерянный рай Черногоріи. Ея виноградники, огороды, богатая жатвы и дуга, еще долгое время будутъ для черногорцевъ предметомъ зависти. Въ героическія времена Цетовъ тамъ находили одновременно славу и добычу. Оттуда появлялись осѣдланые кони, смѣло покинутыя стада и нерѣдко кровавые трофеи, назначенные для Капитолія Цетиньи.

Отъ маленькой крѣпости Спуць до Данилгорода $2\frac{1}{2}$ часа ѣзды. Столько же времени необходимо чтобы отъ этого мѣста достигнуть глубины долины, суживающейсѣя незначительно въ сторону Нившича. Одна обработка долины Бѣлопавицы могла бы доставить Черногоріи значительный ежегодный доходъ. Это помѣшалобы возвращенію голода столь обыкновеннаго, подготавлиаемаго лѣностью и бездѣйствіемъ населенія. Но, оставивъ въ сторонѣ финансовый вопросъ, рѣшеніе котораго невозможно для княжества, мы видимъ, что въ такомъ случаѣ пришлось бы пожертвовать лѣсомъ и кустарникомъ, представляющими въ долинѣ линію защиты въ случаѣ нападенія турокъ одно-

времено изъ Нившича и Спуда, какъ это неразъ происходило, а именно въ 1862 году.

Правительство Черногоріи восхищается плодородіемъ Бѣлопавицы и восхваляетъ результаты, къ которымъ можетъ повести расчистка, орошеніе и осушеніе. Но въ то же время оно остерегается принимать мѣры для выполненія намѣренія, къ которому, повидимому, стремится.

Въ получасовомъ разстояніи отъ Данилгорода возвышается на крутомъ и скалистомъ холмѣ селеніе Орья-Лува. Не смотря на сосѣдство города, князь останавливается въ этой мѣстности во время своего пребыванія въ Бѣлопавицахъ. Тамъ онъ имѣетъ небольшую дачу, откуда открывается прелестный видъ на Бѣлопавицу и на Цету. Передъ террасой находится церковь, построенная Николаемъ I въ память его отца Мирко Петровича. Справедливо было воздвигнуть ему памятникъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ отсюда открывается видъ на мѣстность, гдѣ онъ совершилъ столько подвиговъ.

Въ шести часахъ отъ Данилгорода въ Острогѣ находится самый знаменитый монастырь княжества, принадлежащій области Бѣлопавицѣ. Ежегодно въ Троицынъ день отъ 5 до 6000 странниковъ приходятъ сюда поклониться мощамъ знаменитаго владыки Василія. Онъ былъ въ одно и то же время воинъ и аскетъ и умѣлъ, отложивъ на время совершаніе, нанести смертельные удары туркамъ.

2) Пиперская область граничитъ на сѣверѣ Морачей, на востокѣ Васоевичами, на юго - востокѣ бывшей Черногорской областью Кучи Дрекаловичи, присоединенныхъ въ Албаніи, на югѣ и юго - западѣ этой послѣдней, а на западѣ Бѣлопавицей. Она заключаетъ три племени, а именно: Черницу, Стѣну и Заваль. Ей принадлежитъ знаменитый монастырь Пиперская Челья, куда приходятъ издалека поклоняться мощамъ святаго православнаго Стефана. Жители области Пиперы составляютъ пастушеское племя, которое въ старину имѣло обыкновеніе въ зимнее время пасти свои стада на холмахъ Берды, находящихся противъ этой области между Цетой и Морачей. Мы указали выше какимъ образомъ это положеніе, принятое во вниманіе международной комиссіей, могло стать причиной серьезныхъ столкновеній между Турціей и Черногоріей и вслѣдствіе какихъ соглашеній двухъ странъ, жители области Пиперы довольствуются въ настоящее время средствами собственныхъ пастбищъ.

3) Морача граничитъ на сѣверѣ и на сѣверо - западѣ Герцеговиной, на западѣ Бѣлопавицами, на югѣ областью Пиперской, на востокѣ Босніей и Васоевичами. Она заключаетъ Дonya Морача или нижнюю Морачу, Горную Морачу или верхнюю, Ровцы, Ускочи и Дробнякъ. Племя Ровцевъ извѣстно своей смѣлостью. Воинскія преданія сохранились у нихъ во всей своей силѣ, и характеръ населенія представляетъ для наблюдателя любопытный предметъ для изученія. Однако у всѣхъ морачанъ черногорскія добродѣтели сохранились во

всей ихъ первобытной простотѣ. Этотъ народъ отличается болѣею откровенностью, гостеприимствомъ и смѣлостью нежели другія племена. Въ его средѣ еще сохранилось чувство преданности общему дѣлу, исчезающее среди горцевъ по мѣрѣ того, какъ чужеземный элементъ проникаетъ къ нимъ.

Морача богата пастбищами и стадами, но малообработана. Жители употребляютъ пищу самую первобытную. Ихъ существованіе, вращаясь въ легендарномъ кругу, ограничивается воспоминаніями славнаго прошлаго и мечтами о будущемъ, которыхъ не разрушаютъ никакія разочарованія.

Огромные лѣса, пользованіе которыми могло бы обогатить морачанъ, оставались до послѣднихъ лѣтъ нетронутыми. Въ 1870 году компанія триестскихъ негодіантовъ предложила предпринять эксплуатацію этихъ лѣсовъ на условіяхъ выгодныхъ для княжества. Но предусмотрительность нѣкоторыхъ лицъ увидала въ этомъ источникъ доходовъ, которые не слѣдовало уступать иностранцамъ. Вслѣдствіе этого, въ 1873 году морачане, повѣривъ этому, храбро принялись за работу и провели съ трудомъ дорогу, которая въ настоящее время служитъ для перевозки лѣса. Дѣло эксплуатаціи подвигается впередъ, но можно опасаться, что въ рукахъ черногорцевъ оно будетъ имѣть плохой успѣхъ.

4) Нахія Васоевичи граничатъ на сѣверѣ и на востокѣ Босніей, на юго-востокѣ и на югѣ Альбаніей и на западѣ Пиперской областью и Морачей. Она содержитъ пять племенъ, а именно: во 1-хъ Братоноичи; во 2-хъ Беркучанъ; въ 3-хъ Лѣвую Рѣку; въ 4-хъ Краљяны; въ 5-хъ Иваберды. Подобно Морачѣ Васоевичи богата лѣсами еще не тронутыми.

ГЛАВА II.

Гидрографія.—Орографія.—Геологія.—Фауна и Флора.—Торговля.—Привозъ и вывозъ товаровъ.—Навозъ.—Промышленность.—Культура.—

Нѣкоторыя изъ областей Черногоріи, общій видъ которыхъ мы представили, получаютъ свое названіе отъ орошающихъ ихъ рѣкъ. Своевольное теченіе послѣднихъ мѣстами прерывается стѣною горъ, продолжается въ глубинѣ неизмѣримыхъ овраговъ, среди ущелій черногорской цѣпи. Однако, кромѣ рѣки Черновицы, пространство которой, отъ истоковъ до устья, можно объять однимъ взглядомъ, онѣ не судоходны; едва ли онѣ могутъ служить для перевозки сплаваемого лѣса. Поэтому напрасно было бы стараться раздѣлить географически страну на извѣстное число бассейновъ, снабжающихъ водою рѣки, которыя позднѣе

изливаются въ общій резервуаръ озера Свутари. Теченіе послѣднихъ съ трудомъ можно прослѣдить среди лабиринтовъ природы. Нерѣдко, подобно тому какъ въ Цетинской долині, огромныя массы водъ, ниспадая съ сосѣднихъ склоновъ, образуютъ неожиданныя озера, которыя исчезаютъ черезъ нѣсколько часовъ безъ всякаго слѣда *).

Къ главнымъ рѣкамъ Черногоріи принадлежатъ, во 1-хъ Морача, которая беретъ начало близъ Яворья въ Динарскихъ Альпахъ. Слѣдую вообще въ своемъ теченіи направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, по узкимъ долинамъ, стѣсненнымъ горами, она близъ Дуклы покидаетъ Турецко-Черногорскую границу, вступаетъ въ Альбанію, принимаетъ Цету и продолжаетъ свое теченіе по великолѣпной долині. Немного ниже она, минуя Подгорицу, впадаетъ въ озеро Свутари близъ острова Вранины. Кромѣ Цеты она принимаетъ еще Малую Рѣку, которая, низвергаясь съ Васоевичей, съ шумомъ протекаетъ по каменному руслу, и кромѣ того Ситницу. Морача, мѣстами превращаясь въ стремительный потокъ, вступаетъ иногда въ тѣсины, среди стѣвъ отвѣсныхъ скалъ. На всемъ ея протяженіи находится только одинъ мостъ, такъ называемый Визиревъ мостъ между Дуклой и Подгорицей. Визиревъ мостъ служитъ для проѣзда черногорскихъ обозовъ, направляющихся изъ Кучи въ Васоевичи, пересѣкая на нѣкоторомъ протяженіи Оттоманскую территорію. Этимъ проѣздомъ нерѣдко пользуются для безошпиннаго провоза соли. Поэтому, согласно договору заключенному между администраціею Альбаніи и Цетиньи, на Визиревомъ мосту долженъ содержаться караулъ, обязанный наблюдать за обозами и сопровождать ихъ до Оттоманской границы выше Дуклы. Недалеко отъ этого мѣста Морача образуетъ прекрасный водопадъ; два другихъ находятся при устьяхъ Малой Рѣки и въ сосѣдствѣ Новой Яссы.

2-ая Цета. Она беретъ свое начало въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ Нишича. Оттуда она спускается къ Сливли, теряясь подъ горою Капа, гдѣ она исчезаетъ, выступая снова въ четырехъ различныхъ мѣстахъ Черногоріи ниже Острога. Эти четыре вѣтви сливаются близъ Фрутаки, и Цета продолжаетъ свое теченіе среди великолѣпной долины Бѣлопавицы, которую она орошаетъ. Но, переполненная дождями и снѣгами, сдерживаемая съ трудомъ въ землистыхъ и песчаныхъ берегахъ, она разрушаетъ въ своемъ извилистомъ теченіи цѣнныя земли. Плотины, построенныя на сѣверо-западѣ долины, могли бы устранить это неудобство.

Берега Цеты одни изъ самыхъ живописныхъ. Во время лѣтнихъ жаровъ, весьма сильныхъ въ Бѣлопавицахъ, они защищены густою тѣнью, гдѣ, удаляясь мысленно отъ мрачныхъ картинъ Черногоріи, можно вообразить себя на берегахъ одной изъ рѣкъ Италіи. Поэ-

*) Въ глубинѣ одного склепа Цетинскаго монастыря находится въ скалѣ глубокая пещера, откуда въ разныя времена устремлялись потоки водъ, наводившіе сосѣднія долины. Повидимому, избытокъ подземныхъ водъ находятъ здѣсь случайный исходъ.

тому поэтъ съ патриотическимъ восторгомъ восклицаетъ: Прекрасная долина Бѣлопавицы! Для того ли создала тебя природа, чтобъ служить предметомъ вождѣлннй турка - варвара! (Петръ II.) Цета, общее направленіе которой съ сѣверо-запада на юго-востокъ, орошаетъ Бѣлопавицы, и миновавъ Данилгородъ, достигаетъ оттоманской крѣпости Спудъ. Направляясь оттуда на востокъ и образуя на нѣкоторомъ разстояніи пограничную линію, она впадаетъ въ Морачу близъ развалины Діоклеи. Въ однихъ мѣстахъ, стѣнная и губовая, особенно въ окрестностяхъ Данилгорода и Спуда, Цета въ другихъ значительно расширяетъ свое русло и дѣлается проходимою въ бродъ. Ее переходятъ близъ Фрутаки, близъ Миргова моста подъ Данилгородомъ, близъ Турильцы и около Спуда. Цета принимаетъ близъ Спуда Сушицу, которая беретъ начало близъ Загарача и течетъ у подошвы горы Платы: эту рѣку переходятъ близъ моста Меджицы, при вступленіи изъ Липшанской области въ Бѣлопавицы. Златная-Рѣка, небольшая рѣчка, вытекающая изъ Пиперскихъ горъ, сливается съ Цетой близъ Градаца. Ее переходятъ черезъ Ужичкій мостъ.

3) Ситница, выступая изъ Ставорскихъ горъ въ Липшанской области, проходитъ въ Комманѣ, принимаетъ множество ручьевъ и впадаетъ въ Морачу близъ Фармаки. Ея теченіе быстро. Цереправы близъ Читари, Бери и Фармаки.

4) Рѣка Черновица. Почти единственная рѣка, извѣстная чужеземцамъ, посѣщающимъ Черногорію. Начиная отъ ея истоковъ на горѣ Вертелкѣ на Ободѣ до ея устья на сѣверозападной окраинѣ озера Скутари, она имѣетъ отъ трехъ до четырехъ верстъ протяженія. При своемъ выходѣ изъ глубокой пещеры на склонѣ Вертелки, среди громадныхъ утесовъ, она, течетъ по камнямъ; затѣмъ, обогнувъ гору, она образуетъ обширный бассейнъ передъ Ободскимъ арсеналомъ. Нѣсколько далѣе, стѣнная въ своемъ теченіи набережной, которую она нерѣдко заливаетъ, она идетъ вдоль базара, проходитъ подъ двойнымъ сводомъ высокаго моста, довольно тѣсной и первобытной постройки. Отсюда рѣка Черница, на разстояніи трехъ верстъ, стремительно протекаетъ среди лабиринта горъ, то суживая свое теченіе, то расширяясь, чтобъ образовать множество небольшихъ озеръ, рѣзко отгвняемыхъ на горизонтѣ сосѣдними цѣпами горъ. Поэтому путь отъ Рѣки до Лиссандры представляетъ рядъ очаровательныхъ картинъ. Наконецъ берега расширяются все болѣе и болѣе, оттоманскій караулъ появляется у стѣнъ небольшой крѣпости, показываются волнистые берега острова Бражина, подобные турецкому сѣдлу, и рѣка впадаетъ въ Альбанское озеро. Немногія поля, доступныя для обработки, по лѣвую сторону рѣки, заливаются и дѣлаются разсадникомъ заразы. Глубина воды допускаетъ дѣятельное сообщеніе между Скутари и Рѣкой посредствомъ небольшихъ пароходовъ. Множество *лондрасовъ* (*londras*) управляемыхъ 10 или

12 гребцами поднимаются и спускаются по рѣкѣ, оживляя мѣстность. Лѣса Морачи, связанные въ плоты и пересѣкая черногорскія воды озера, поднимаются до Обода, по Черновицѣ останавливаясь передъ небольшимъ арсеналамъ, гдѣ недавно была устроена лѣсопильня.

5) Ораховта—небольшая рѣчка, впадающая въ озеро Скутари выше Вирбазара, устье которой находится близъ Утерки.

6) Рѣка Черница беретъ свое начало на горѣ Суторманъ т. е. на мѣстѣ соединенія тройной границы австро-турецко-черногорской; она орошаетъ плодородныя равнины Черницы и впадаетъ въ озеро Скутари въ получасовомъ разстоянн отъ Вирбазара. Такъ какъ рѣка судоходна до этого мѣста, базаръ по пятницамъ бываетъ очень оживленъ присутствіемъ альбанскаго населенія, которое прибываетъ сюда на многочисленныхъ судахъ.

7) Тара. Она имѣетъ три источника, а именно: Нагарица, Чарска, и Ласке. Рѣка, соединившись такимъ образомъ, проходитъ среди горъ Васоевичей, протекая по камнямъ и утесамъ, покидаетъ Черногорію; принявъ Шлезаничъ, Пластицу и Капитанову Речицу, впадаетъ въ Альбанію въ Дрину.

8) Дречка, берущая свое начало въ Васоевичахъ, служитъ границей между Альбаніей и Черногоріей; принимаетъ Бречвицу, Люботицу, и впадаетъ въ Лимму.

9) Тушино. Образуетъ изъ сліянн нѣсколькихъ ручьевъ, выходящихъ изъ Динарскихъ Альпъ; ея главный источникъ находится въ Требесира въ Бяніи и затѣмъ теряется въ землѣ. Тушино принимаетъ выше Почери Мокрую, которая вытекаетъ изъ Яворскихъ горъ.

10) Буковица. Она возникаетъ выше Дормитора, течетъ по Дробняку и впадаетъ въ Тушино. На ея протяженн встрѣчается Ускочій Мостъ. Берега Тушины, Буковицы, Потока и Мокрой неприступны; напрасно старались устроить на этихъ рѣкахъ мосты; потому они для черногорца имѣютъ важное значеніе въ стратегическомъ отношенн.

Если всѣ эти рѣки, зимою и еще болѣе весной, содержатъ большое количество воды, то нѣкоторыя изъ нихъ, напротивъ, высыхаютъ лѣтомъ; большая часть рѣкъ впадаетъ въ озеро Скутари. Поэтому послѣднее служитъ посредствующимъ бассейномъ между моремъ и внутренней частью страны, куда стекаются всѣ воды изъ Альбаніи и Черногоріи. Бояна представляетъ единственный путь, по которому такая масса водъ въ извѣстное время года устремляется со всѣхъ сосѣднихъ горъ; вслѣдствіе этого уровень ея непостояненъ. Послѣдній иногда понижается до такой степени, что оставляетъ сухимъ значительное пространство въ предѣлахъ береговъ. Въ другой разъ, напротивъ того, Скодорско Блато, разливаясь, заставляетъ свои притоки выходить изъ береговъ. Вслѣдствіе этого Морача, заливая долину Цеты, распространяетъ свои волны до Жабляка, а рѣка Черновица,

сдерживаемая въ своемъ ущельѣ, измѣняетъ направленіе своего теченія и, по выраженію Псалмопѣвца, «возвращается къ своему источнику».

Во всѣ времена рѣки Черногоріи, а именно Цета, Морача и Черновица были извѣстны качествомъ и количествомъ доставляемой рыбы. Маріано Болицца нѣсколько разъ упоминаетъ о карпахъ, линяхъ, нѣжныхъ угряхъ, о фореляхъ, достигавшихъ вѣсомъ въ 100 фунтовъ и наконецъ о знаменитыхъ скоренцахъ. Послѣ двухъ съ половиной вѣковъ, ни озеро Скутари, ни черногорскія рѣки не измѣнились въ этомъ отношеніи. Если мы не видали форелей вѣсомъ въ 100 фунтовъ, то намъ удалось увидать нѣкоторыхъ изъ этихъ феноменовъ рѣчнаго міра вѣсомъ въ 75 фунтовъ.

Но главный источникъ доходовъ для Черногоріи составляетъ небольшая рыба изъ рода «mugil» величиною въ сардинку, которая въ зимнее время изъ водъ озера переходитъ въ рѣку Черновицу, гдѣ она попадаетъ въ большомъ количествѣ. Ловля скоренцы или уклейки, составляетъ такой важный эпизодъ въ жизни черногорца, что послужить предметомъ особаго описанія *).

Изъ многочисленныхъ горъ, которыя составляютъ границу Черногоріи, и возвышаются внутри территоріи, каждая имѣетъ особое наименованіе; мы назовемъ только пограничныя: На югѣ Суторманъ и Верзута, на западѣ Драгайскаія Планины, Оріанъ, Волчій зубъ, Ястребица; на сѣверѣ Войникъ, Дормиторъ, Ориту; на сѣверовостокѣ, Осубница, Стортсу, Яблонова; на востокѣ Комъ, Черная Планина. Внутри мы видимъ въ Катунской области: Ловшенъ, Пустилицу, Будохъ; между Бѣлопавицей и областью Никшичъ Капскаія горы, служащія точкою соединенія Черногоріи и Берды; въ области Морачѣ: Нечно Берда, соединяющіяся съ Динарскими Альпами посредствомъ Войника и Дормитора; затѣмъ Яворья, горы областей Морачи и Сировать; Остротохватъ; далѣе тянутся высокія вершины Васоевичи, Пустила и Ставоръ; наконецъ большая гора Гарачъ, возвышающаяся, со стороны Липанской области, надъ Бѣлопавицей.

Г. Ленорманъ полагаетъ, что два горныхъ узла, составляющіе нинѣшнюю Черногорію, принадлежатъ двумъ различнымъ образованіямъ. Они раздѣлены долиной Цеты и соединяются на сѣверо-

*) Mugil. Путешественники, упоминавшіе объ этой рыбѣ, причисляютъ ее къ породѣ головей. Мы же относимъ ее къ породѣ mugil, имѣющей сходство съ Mugil Serphalus Линнея. Извѣстно, что послѣдняя, встрѣчалась въ изобиліи въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Испаніи, въ Ронѣ, Тибрѣ и По, появляется тысячами при устьяхъ Луары и Гаронны. Она находится безразлично въ солонныхъ и прѣсныхъ водахъ, даже улучшалась въ послѣднихъ. Ловля этой рыбы, подобно скоренцы, бываетъ иногда такъ обильна, что рыба не потребляется вся въ свѣжемъ видѣ, а избытокъ коптятъ и солятъ подобно седедкамъ. Изъ ея яицъ приготовляютъ особый родъ икры довольно дорогой. Катесби рассказываетъ о такой породѣ рыбъ (mugil), появившейся въ большомъ количествѣ въ рѣкѣ Каролинѣ. Головки были извѣстны древнимъ, и Плиній рассказываетъ о феноменальныхъ ловахъ, производившихся уже въ его время.

западъ посредствомъ Капскихъ горъ. Согласно этому предположенію, Черногорскій узелъ слѣдуетъ разсматривать какъ южную оконечность системы Далматскихъ горъ, простирающихся вдоль южныхъ береговъ Адриатики, тогда какъ узелъ Бердскихъ горъ принадлежитъ къ системѣ Динарскихъ Альпъ, цѣпь которыхъ, отдѣляя Герцеговину отъ Босніи, образуетъ, до своего соединенія съ Гелленическими и Балканскими Альпами, сѣверную границу Альбаніи.

Эта теорія, какова бы она ни была, требуетъ, для своего подтвержденія, специального изученія всей горной области страны. Однако можно сказать, что двойной горный узелъ Черногоріи скорѣе принадлежитъ концу переходной эпохи, нежели вторичному періоду, какъ предполагали, доказательствомъ чего служитъ грунтъ, образующій его первый и второй слои. Такимъ образомъ въ Черницкой нахіи большое накопленіе порфира, желѣзнаго блеска и присутствіе каменнаго угля указываетъ на слой псефита, между тѣмъ какъ въ Катунской и Лишанской областяхъ, всюду распространенный доломитъ достаточно характеризуетъ слой цехштейна.

Здѣсь преобладаетъ известъ, составъ которой довольно твердъ, она расположена въ болѣе или менѣе неправильныхъ массахъ или наслоеніяхъ, которыя рѣдко сохраняютъ горизонтальное положеніе, но большею частью приподняты и разбросаны во все стороны. Что касается магнезистой извести — она имѣетъ зернистое, рыхлое, нѣжное и скважистое строеніе.

Вслѣдствіе переворотовъ, которымъ, повидимому, подвергался узелъ Черногоріи, разновидности извести разсѣяны, такъ сказать, по всему пространству. Такимъ образомъ, рядомъ съ обломками мрамора, принадлежащаго очевидно къ первобытной извести, часто находятъ въ изобиліи известъ переходной эпохи, а также известъ раковинистую.

Присутствіе каменнаго угля, занимающаго въ Черницахъ, вблизи озера Скутари, довольно большое пространство, недавно подавало черногорскому правительству надежды, которыя не осуществились. Анализъ этого угля, произведенный г. Евгеніемъ Лормелемъ сначала въ Триестѣ, затѣмъ въ Парижѣ, не дозволяетъ предполагать, чтобы добываніе его могло оказаться выгоднымъ. Исслѣдованные образцы, казались, дѣйствительно принадлежали разновидностямъ (condle-coal) угля, имѣющаго весьма мало горючихъ свойствъ.

Слѣдующія слова г-на Делярю весьма живо представляютъ совокупность явленій, совершающихся ежедневно на вершинахъ Черногоріи. «Исслѣдованіе скалъ, известковый составъ ихъ и правильное расположеніе болѣе или менѣе горизонтальными слоями, повидимому, указываютъ на ихъ осадочное образованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Цетинѣ, воды замкнутыхъ бассейновъ проложили себѣ подземный путь, чему много способствовала почва, состоящая изъ песка и валуновъ; въ другихъ мѣстахъ русла водъ

прорыли глубокія долины по направленію въ югу. По непрерывнымъ рядамъ скалъ, ограничивающихъ эти долины, можно прослѣдить послѣдовательное пониженіе уровня водъ.

Эти известковыя горы орошаются зимой и весной проливными дождями; ниспадая потоками вдоль крутыхъ склоновъ, они разрушаютъ и увлекаютъ все на своемъ пути; обнажая такимъ образомъ каменистый составъ Черногоріи, они превращаютъ ее въ настоящій островъ. Тощая растительность пускаетъ корни между камнями, ей одной удается выдержать ежегодныя опустошенія. Вслѣдствіе чрезмѣрной рыхлости почвы, вода не можетъ удержаться на обнаженныхъ вершинахъ и въ глубинѣ долинъ, такъ что за наводненіями слѣдуетъ засуха, продолжающаяся иногда все лѣто. Если-бы морскія бури изрѣдка не доставляли бы орошенія, то постоянный голодъ разорилъ бы эту горную страну. Источники, бассейны которыхъ не могутъ быть наполнены, скоро истощаются; даже рѣки, въ теченіе лѣта почти совершенно высыхаютъ.

Затѣмъ Г. Деларю описываетъ одну изъ тѣхъ страшныхъ бурь, которыя часто, въ особенности же лѣтомъ и зимой, свирѣпствуютъ въ Черногоріи и сопровождаются молніей и сильными раскатами грома. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Утромъ равнина Цетиньи имѣла видъ болота, нивы были затоплены, бассейны накануне безводные переполнились, однако вся эта масса воды исчезла въ одинъ день».

Флора и фауна Черногоріи могли бы служить весьма интереснымъ предметомъ изученія. Это было предпринято нѣкоторыми учеными иностранцами, прибывшими изъ Швейцаріи, Германіи и Австріи съ цѣлію посѣтить страну. По ихъ словамъ, съ самаго начала изслѣдованія они встрѣчали множество драгоценныхъ, иногда даже совершенно новыхъ породъ.

Въ лѣсахъ водится много медвѣдей, кабановъ, волковъ, рысей, лисицъ, ланей, оленей и косулей. Зайцы, горлицы и куропатки здѣсь весьма обыкновенны. Окрестности озера Скутари изобилуютъ лапчатоногими птицами. Скалы и лѣски наполнены пресмыкающимися, между которыми ехидна часто бываетъ причиной смертныхъ случаевъ; даже въ дома проникаютъ многоножки и скорпіоны. Съ другой стороны, царство рѣкъ и озеръ изобилуетъ прекрасными породами, выше упомянутыми. Бѣлопавицкая долина, температура которой благопріятствуетъ разведенію шелкопряда, можетъ ежегодно производить на 100,000 фр. шелка, коконовъ и ячеекъ шелколичныхъ червей.

Что касается флоры, то она представляетъ богатый сборъ болѣе или менѣе дорогихъ лекарственныхъ травъ и душистыхъ растений, способныхъ доставлять масла, необходимыя въ промышленности. Но до сихъ поръ самую большую выгоду доставляла странѣ продажа кавказскаго жигунца, растущаго здѣсь въ изобиліи и доставляющаго около 100 или 80 тысячъ годоваго дохода. Предметомъ торговли

также служить сумахъ или кожевенное дерево (*Rhus cogiaria*), сборъ котораго достигаетъ, а иногда превышаетъ стоимость 300 тысячъ франковъ. Если бы руда, которая, вѣроятно, находится въ Черницахъ, могла быть предметомъ правильной разработки, то это послужило бы правительству вознагражденіемъ обманутыхъ надеждъ, нѣкогда возлагавшихся на залежи каменнаго угля. Наконецъ, Бердскіе лѣса, тщательно изслѣдованные, доставили бы странѣ доходъ въ нѣсколько милліоновъ флориновъ.

Маленькая Черногорская лошадка, наружныя свойства которой мы не станемъ описывать, представляетъ неоцѣнимыя качества для черногорца, котораго она сопровождаетъ въ его опасныхъ походахъ. Путешественникъ, взбравшійся на утесы Черной Горы, верхомъ на этой смѣлой лошадкѣ, можетъ свидѣтельствовать о твердости ея шага, бротости нрава, неутомимомъ усердіи и смѣлости.

Что касается лошаковъ этой страны, то нельзя составить понятія о ихъ силѣ, скрытой невзрачною наружностію, способности превидѣть опасность и невозмутимомъ терпѣніи, не видѣвъ какъ они, тяжело навьюченные, длинными рядами спускаются по крутымъ тропинкамъ, расходящимся надъ Катарро.

Изобиліе гористыхъ луговъ, покрывающихъ большую часть Берды, даетъ населенію этой области возможность разводить многочисленныя, великолѣпныя стада. Продажа молока, масла, сыра, домашнихъ животныхъ и соленнаго мяса доставляетъ этой странѣ относительное богатство и благосостояніе.

Ежегодно закалываютъ, солятъ и коптятъ сто тысячъ головъ мелкаго скота, который вывозятъ подъ именемъ кастрадины во всѣ гавани Адриатическаго моря. Привозимыя изъ Сербіи, значительныя стада свиней откармливаются и перепродаются съ большою выгодой. Наконецъ, произведенія пчелиныхъ ульевъ, которыхъ здѣсь довольно много, отправляются въ большомъ количествѣ въ сосѣднія оттоманскія области, или употребляются для приготовления крѣпкаго медоваго напитка превосходнаго качества. Не смотря на бѣдность почвы, Черногорія доставляетъ въ урожайные годы не только себѣ продовольствіе, но вывозитъ значительное количество своихъ произведеній. Перечисливъ тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно приносятъ княжеству выгоду, мы приведемъ слѣдующую приблизительную статистику:

Ежегодный вывозъ.

Соленое и копченое мясо	625,000 фр.
45000 быковъ и коровъ	2.130,000 »
1200 свиней	250,000 »
Соленая и свѣжая рыба	160,000 »
Шелкъ, коконы, ячейки шелкопряда	125,000 »
Сумахъ или кожевенное дерево	300,000 »

	Ежегодный вывозъ.
Порошокъ отъ наѣкомыхъ	70,000 фр.
Сыръ, яйца, плоды	65,000 »
Шерсть	20,000 »
Топливо	50,000 »
Итого	3.795,000 фр.

Прочія произведенія страны, какъ то вино, водка, пшеница, кукуруза, картофель, табакъ обыкновенно потребляются на мѣстѣ и служить предметомъ внутренней торговли или простаго обмѣна.

Если мы постараемся узнать источникъ доходовъ, входящихъ въ финансовую смѣту государства, то найдемъ слѣдующимъ образомъ распределенные налоги:

1) Налогъ на пахатныя земли	102,109 франк.
2) » на луга	33,899 »
3) » на быковъ, коровъ	84,057 »
4) » на лошаковъ и вьючныхъ лошадей	4,200 »
5) » на свиней	6,300 »
6) » на пчелиные ульи	16,800 »
7) » на козъ и барановъ	79,590 »
8) » на соль	25,000 »
Итого	348,855 франк.

Относительно распределенія налоговъ г. Булонь приводитъ слѣдующія цифры:

Правительству платять ежегодно австрійскій zwanzig т. е. 20 крейцеровъ за день пахатной земли (день пахатной земли равняется квадрату въ 120 футовъ въ боку). Въ Черногоріи такихъ дней пахатной земли 120,011. За луговой день платять полъ zwanzig. Луговой день представляетъ квадратъ въ 240 футовъ (такихъ дней 80,713). Болѣе или менѣе лѣсистыя горы не входятъ въ эту смѣту, онѣ составляютъ общинное владѣніе, изъятые отъ налоговъ. Точно также платять полъ zwanzig'a за cadaго быка или корову и ту же сумму за вьючное животное; верховыя лошади свободны отъ налога. Число быковъ и коровъ доходить до 200,138, а лошаковъ, ословъ или вьючныхъ лошадей до 10,000; наконецъ взимается четверть zwanzig'a за каждую свинью и каждый пчелиный улей; первыхъ насчитываютъ до 300,000, а вторыхъ 80,000; за каждую козу или барана платять поголовно до 3 soldi австрійскихъ; во всемъ княжествѣ насчитываютъ до 957,380 годовъ этихъ животныхъ. *)

Исключая земледѣлія и скотоводства, занятія, къ которымъ черногорецъ имѣетъ склонность, напрасно искать у этого народа на-

*) Не провѣривъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были представлены автору, тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ преувеличенными.

стоящей промышленности. Теперь какъ и въ то время, когда полковникъ Виола де Соммьеро *) посѣтилъ Черногорію, здѣсь нѣтъ булочниковъ, мясниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и слесарей. Люди, занимающіеся въ княжествѣ этими ремеслами, большею частію временно поселившіеся или случайно призванные въ страну альбанскіе или далматскіе рабочіе, нерѣдко это просто бѣглецы и бродяги, находящіеся, въ своемъ отечествѣ, подъ военнымъ или гражданскимъ судомъ. Люди опасные, но приносящіе не малую пользу, въ чемъ мы не разъ убѣждались.

Каждое семейство занимается уборкой собственнаго хлѣба, постройкой жилища, приготовления сруба, молотью ржи и кукурузы, печеніемъ хлѣба, тканьемъ одѣялъ, приготовленіемъ одеждъ. Къ тому же голыя стѣны жилищъ не требуютъ ни столярнаго искусства, ни роскоши обоевъ. Часто ложемъ служить голая земля возлѣ дыннаго очага. Это положеніе, упрощенное простотой народа становится для него тягостнымъ, такъ какъ въ предметахъ первой необходимости онъ становится данникомъ сосѣдей, которые пользуются его нуждой. Вслѣдствіе этого наибольшая выгода, извлекаемая черногорцами отъ продажи произведеній страны обогащаетъ купцевъ Катарры и Триеста. Послѣдніе доставляютъ горцамъ, по высокой цѣнѣ, плохую водку, къ несчастію потребляемую въ большемъ количествѣ, колониальные товары, мелочные, желѣзные, мѣдные и самыя необходимыя швейныя товары, веревки, доски, желѣзо, ножевыя товары и наконецъ бумажныя ткани и сукна, необходимыя для богатаго костюма, единственной роскоши жителя Черной Горы.

Были сдѣланы попытки съ цѣлію, хотя отчасти, освободить народъ отъ тяжкихъ налоговъ, которые онъ платитъ чужестранцамъ; однако долго еще не исчезнетъ презрѣніе, съ которымъ черногорецъ относится къ промышленности въ собственномъ смыслѣ этого слова **). Чувство это, внушенное въ дѣтствѣ и возникшее вслѣдствіе чрезмѣрнаго самолюбія или быть можетъ отъ ложнаго самоуваженія, покидаетъ черногорца за границей его страны. Переселенный въ Константинополь, онъ становится ремесленникомъ, носильщикомъ, неутомимымъ работникомъ, съ трудомъ добывающимъ скудный заработокъ, съ которымъ онъ гордо вернется въ отечество, чтобъ тамъ снова начать праздную жизнь.

*) Историческія и политическія путешествія по Черногоріи 1820 года.

**.) Слѣдующій фактъ доказываетъ, въ какой силѣ этотъ предрасудокъ сохранился среди этого населенія. Пять лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе благосклоннаго предложенія, сдѣланнаго славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ въ Москвѣ двѣнадцать молодыхъ черногорцевъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ было не болѣе 12 лѣтъ, были посланы въ древнюю столицу Россіи, для помѣщенія въ ремесленное заведеніе. Окончивъ курсъ, они по возвращеніи въ отечество были бы въ состояніи руководить какою либо промышленностію. Обученіе грамотѣ и рисованію имѣло полный успѣхъ, но какъ только хотѣли усадить изъ за станокъ, эти сыны воинственнаго народа возстали, такъ что пришлось имъ уступить. Только трое изъ нихъ согласились исполнить это требованіе.

Территорія Черногоріи, въ большей части своего протяженія, не представляетъ удобства для обработки. Поэтому первые переселенцы должны были обладать рѣдкою настойчивостію, чтобъ обработать эти бесплодныя вершины. Только помощію постоянной борьбы съ дикою и непокорной природою, имъ удалось извлечь изъ почвы то немногое, что она могла произвести и тѣмъ самымъ обезпечить себя на будущее время. Они бросали первыя сѣмена въ извилины скалъ, въ глубокія рытвины, гдѣ накопился черноземъ, увлеченный съ горъ потоками. Къ счастью, открылось нѣсколько равнинъ, которыя представляли настоящіе оазисы среди утесовъ. Они стали обильными житницами страны, вокругъ которыхъ неправильно расположились селенія. Такимъ образомъ возникли центры: Нѣгушь, Цетинья, Тшево, Грахово и другія.

Въ настоящее время Черногорія, исключая прекрасной Бѣлопавичкој равнины, всюду представляетъ слѣды упорнаго труда, съ помощію котораго народъ оспаривалъ у стихій плохую почву, которою ему удалось воспользоваться. Путешественникъ, посѣтившій въ первый разъ Черногорію, бываетъ пораженъ многочисленностію небольшихъ, большею частію неправильныхъ полей, висящихъ, такъ сказать, на склонахъ горъ и окруженныхъ изгородами, поддерживающими съ трудомъ собранную землю.

Г. Ленорманъ справедливо замѣчаетъ, что «всюду, куда могли проникнуть заступъ и кирка, на самыхъ крутыхъ склонахъ и въ самыхъ глубокихъ долинахъ, земледѣліе принялось, Ячмень овесъ, кукуруза и картофель, единственныя растенія, которыя почва успѣшно производитъ. Благодаря настойчивому труду населенія, Черная Гора не только въ достаточномъ количествѣ производитъ продовольствіе для собственныхъ жителей, но снабжаетъ имъ сосѣдній городъ Катарро». Нерѣдко, какъ это видно въ равнинѣ Цетиньи, большія пространства, покрытыя во время оттепели камнями и повидимому едва способныя производить терновникъ или репейникъ, осенью превращаются въ поля, засѣянные кукурузою и картофелемъ. Иной разъ черногорецъ замѣчалъ, между скалами, небольшія рытвины, расположеніе которыхъ поражало его пронизательность. Онъ переносилъ туда чернозѣмъ, накопившійся въ сосѣднихъ рытвинахъ, пустота наполнялась, грунтъ поднимался и вскорѣ появлялся микроскопическій разсадникъ, изъ котораго на слѣдующій годъ онъ добывалъ ростки овощей и табака; искусно расположенный терновникъ охранялъ его небольшое имущество. Черногорецъ прилагалъ всѣвозможныя старанія, чтобъ успѣшно окончить свой трудъ. Вопросъ о матерьяльномъ благосостояніи черногорца ограничивается двумя произведеніями, а именно кукурузою и картофелемъ, которые составляютъ существенную часть его пищи. Въ случаѣ неудачной жатвы наступаетъ голодъ; если же она бываетъ обильна, то годовое продовольствіе обезпечено. Благодаря умѣренности горца, такая скудная

пища удовлетворяет его впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; если онъ въ состояніи прибавить къ этому простокваши, до которой онъ большой охотникъ, немного копченой рыбы и кастрадины *), то это составитъ для него большую роскошь, отъ которой мы отказались бы съ отвращеніемъ. Недостатокъ весеннихъ дождей причиняетъ ему много заботъ, а если въ день св. Георгія небо было ясно, то это предвѣщаетъ неурожай, такъ какъ осенью годичный запасъ истощится и общественныя житницы совершенно опустошатся.

Хотя Черницкая нахія производитъ значительное количество водки, ее однако бываетъ недостаточно и вслѣдствіе дороговизны она недоступна для всеобщаго потребленію. Ея сберегаютъ для знатныхъ особъ, а преимущественно для князя и его свиты; во время его объѣздовъ имѣютъ обыкновеніе подносить ему водку. Черногорцы довольствуются плохой, привозной водкой, доставку которой правительство должно было бы прекратить, назначивъ высокій налогъ **). Склонность горцевъ къ крѣпкимъ напиткамъ могла бы служить источникомъ для увеличенія незначительныхъ доходовъ страны. Въ Черницкой нахіи виноградники доставляютъ прекрасное вино, которое, по недостатку погребовъ и утвари, не можетъ сохраняться. Старанье и промышленность жителей могли бы возвысить его цѣнность, тогда какъ въ настоящее время ежегодный сборъ бываетъ израсходованъ прежде, нежели созрѣетъ слѣдующій виноградъ. Часть княжества и преимущественно Черницкая, Лишанская и Бѣлопавицкая нахіи удобны для разведенія табака; относительно этого Черногорское княжество пользуется вполне заслуженною извѣстностью. Въ этомъ отношеніи страна никому не платитъ дань и даже можетъ направлять въ Скутари и Подгорицу значительное количество еще неприготовленныхъ листьевъ.

Содержаніе многочисленныхъ стадъ и сбереженіе извѣстнаго количества мяса и рыбы требуютъ значительной покупки соли. Вслѣдствіе этого княжество принуждено дѣлать большіе займы въ Австріи и Турціи, чтобъ при помощи ихъ обезпечить свое продовольствіе. Съ цѣлью освободить страну отъ слишкомъ тягостныхъ для нея налоговъ, правительство Черногоріи отправило въ Константинополь въ 1867 году сенатора Юру Матановича, которому было поручено ходатайствовать у Высокой Порты о разрѣшеніи безпошлиннаго провоза соли, доставляемой въ Черногорію черезъ оттоманскую область. — Это порученіе увѣнчалось успѣхомъ. Высокая Porta дозволила

*) Козье или баранье мясо, соленое и копченое. Приготовленіе его мы опишемъ своевременно.

***) Цѣна ея доходитъ до двухъ паралисовъ (серебряная монета) за мѣру въ 2 литра съ половиною (называемой въ странѣ ботчей). Въ урожайные года обыкновенная цѣна этой мѣры 6 zwanzig (5 франковъ), за водку лучшаго сорта и 5 или 4 5 zwanzig'a за неочищенную. Такъ какъ Катарро доставляетъ водку за полцѣны то потребленіе ея значительнѣе.

Черногоріи провозить ежегодно через Бояну и Скутари большое количество соли, болѣе 6 милліоновъ фунтовъ.

Такая значительная и выгодная уступка побудила черногорцевъ уважать международныя права относительно произведеній, получаемыхъ изъ Сициліи по весьма низкой цѣнѣ. Не смотря на это, соль привозимая въ Черногорію по озеру Скутари, стала предметомъ значительной контрабанды. Вслѣдствіе этого оттоманская таможня, отданная на откупъ иностранной компании, предъявила жалобу. Отрекаясь отъ своего прежняго рѣшенія, Высокая Порта потребовала чтобы Альбанскій губернаторъ уменьшилъ на будущее время до трехъ милліоновъ фунтовъ количество соли, вывозимой безъ пошлины. Это постановленіе сохранило свою силу и до настоящаго времени. Однако необходимо сознаться, что оттоманская власть, не придерживаясь этихъ правилъ, со времени этого рѣшенія неоднократно позволяла провозить огромное количество соли.

Не останавливаясь на вопросахъ о торговлѣ, промышленности и различныхъ доходахъ Черногоріи, мы при удобномъ случаѣ укажемъ на источникъ незначительныхъ доходовъ княжества, которыми оно можетъ располагать. Замѣтимъ только, что эти средства весьма рѣдки и выгоды слишкомъ незначительны по отношенію къ сдѣланнымъ затратамъ. Неумолимая природа сокрушаетъ терпѣніе и настойчивость жителей. Подобно тому какъ въ библейскія времена жезлъ божественнаго законодателя извлекаетъ чудесный источникъ изъ бесплоднаго Гебронскаго утеса, точно также одна сверхъ естественная сила могла бы сдѣлать эту почву плодородной.

ГЛАВА III.

Черногорецъ.—Его этнографическій типъ.—Физическія свойства.—Нравственный и общественный характеръ.—Умственныя способности.—Вкусъ къ изящному.

Сдѣлавъ общій обзоръ Черногорскаго княжества, мы займемся изученіемъ жителя страны, географическое положеніе и характеръ которой были представлены выше. Наша задача становится щекотливой и трудной. Отрицая мнѣніе страстныхъ поклонниковъ и несправедливыхъ хулителей, мы постараемся изобразить черногорца со всѣми его недостатками и добродѣтелями. Большая часть путешественниковъ, посѣтившихъ Черногорію сохранили о ней много воспоминаній, но мало точныхъ наблюденій. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ ней относятся съ безграничнымъ восторгомъ въ разсказахъ, гдѣ вдохновеніе затмѣваетъ мрачную дѣйствитель-

ность; въ другихъ же, напротивъ, выражаютъ горькую насмѣшку, разочарованіе и даже презрѣніе.

Существо въ высшей степени загадочное и непроницаемое, черногорецъ требуетъ тщательнаго и безпристрастнаго изученія. Послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ ихъ средѣ, мы не рѣшались выразить о нихъ какое-либо сужденіе. Одинъ писатель, изучившій этотъ народъ, благодаря своей проникательности, опредѣлилъ сразу характеръ черногорца. Взглядъ г. Мармье на этотъ народъ, есть ничто иное какъ ясновидѣніе. Онъ угадалъ все то, чего не могъ видѣть. Однако, къ сожалѣнію, въ концѣ этого правдиваго разсказа знаменитый членъ французской академіи въ слѣдующихъ строкахъ выразилъ полное разочарованіе, произнося тѣмъ самымъ роковой приговоръ черногорцамъ. «Согласно закону порядка и справедливости среди умственнаго движенія европейскаго общества эта страна представляетъ фактъ противоестественный, который долго существовать не можетъ».

Мы надѣемся, что будущее не подтвердитъ для Черногоріи такой строгой приговоръ и что анаэма, произнесенная 20 лѣтъ тому назадъ этимъ писателемъ, не поразитъ дорогую намъ страну, съ которой насъ соединяетъ священный союзъ гостепріимства.

Мы не думаемъ, чтобъ можно было подвести подъ общій типъ населеніе Черногоріи, представивъ сразу его характеристику, подобно тому какъ за это слишкомъ смѣло принимались.

Подобно тому какъ въ обширныхъ государствахъ физическія свойства жителей представляютъ рѣзкія особенности точно также въ незначительныхъ областяхъ Черногоріи, въ различныхъ частяхъ страны встрѣчаются самые разнообразные типы, которые повторяются въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей или племенъ. Разновидности арійскаго племени вообще подвержены превращеніямъ. Примѣромъ того служатъ лакедемонки, извѣстныя голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, тогда какъ месспнеи славились черными глазами и волосами. Сербско-славянское племя, населяющее Черногорію, представляетъ подобныя рѣзкія противоположности. Рядомъ съ бѣлокурой женщиной Берды, мы встрѣчаемъ смуглую черногорку. Большая часть населенія княжества представляетъ чисто-славянскій типъ. Несмотря на то, многочисленныя исключенія доказываютъ, что чужеземный элементъ проникъ въ среду сербскихъ переселенцевъ, поселившихся на Черной Горѣ. Здѣсь встрѣчается чисто славянскій типъ, имѣющій слѣдующіе признаки: широкое лицо, почти горизонтальную челюсть, короткій и прямой носъ, небольшіе глубокіе глаза, прямая соединяющіяся брови, узкій лобъ, выдающіяся скулы, короткую верхнюю губу, бѣлокурые волосы, сѣрые или голубые глаза. Но рядомъ съ нимъ мы видимъ самый совершенный типъ, воспроизведенный древнимъ искусствомъ: высокій, выпуклый лобъ, закругленный черепъ, правильный профиль, мало-

развитыя скулы, дугообразныя брови, орлиный носъ, продолговатыя глаза, красивый ротъ, округленный подбородокъ *). Сербы, переселившеяся въ Черногорію въ XIV вѣкѣ, нашли потомковъ первобытной расы, къ которой послѣдовательно присоединялись греки и римляне. Впослѣдствіи сношенія съ турками, боснійцами и альбанцами оказали нѣкоторое вліяніе. Подобно царствующему дому, многочисленныя семейства, изгнанныя или бѣжавшія отъ преслѣдованій турокъ, прибывъ изъ сосѣднихъ странъ, нашли убѣжище на Черной Горѣ.

По физическимъ особенностямъ, мы отнесемъ населеніе Черногоріи къ тремъ характеристическимъ типамъ. Ростъ черногорцевъ бываетъ различенъ: рядомъ съ высокими встрѣчается средній. Они отличаются худощавымъ, но крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, и никогда не бываютъ тучны; имѣютъ сильно-развитыя мускулы, каштановые волосы; большею частью свѣтлые и живые, а иногда черные глаза и темные волосы. Наружныя свойства обитателя Берды болѣе постоянны. Онъ полнѣе черногорца, что, вѣроятно, зависитъ отъ пищи, имѣетъ свѣтлые большею частью блондинскіе волосы, сѣрые или голубые глаза. Этотъ типъ, напоминаетъ швейцарскаго горца. Большая часть жителей Черницкой, Бѣлонавипской областей и др. высокаго роста, смуглы, очень сильны, богатырскаго сложенія съ величественной осанкой. Всѣ имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, загорѣлую и огрубѣлую кожу отъ дѣйствія воздуха и солнца, широкія, плоскія и некрасивыя ноги, вслѣдствіе постоянной ходьбы по горамъ и первобытной обуви; необыкновенно развитыя игры, вдавленный животъ, вслѣдствіе особаго рода оружія, которое носятъ на поясѣ; широкую, выпуклую грудь, крѣпкія немного откинутаго назадъ плечи. Сила черногорца, скрытая иногда подъ тѣлешною наружностію, значительна; это происходитъ не отъ пищи, но объясняется воздержностію, большою вдыхательною силой, постояннымъ упражненіемъ мускуловъ, наконецъ наслѣдственностію. Быстрота его необыкновенна; переходя со скалы на скалу, чрезъ самыя опасныя косогоры, его нога едва касается камней. Тяжесть его оружія не мѣшаетъ равновѣсію и не уменьшаетъ его ловкости. Онъ въ состояніи проходить на тощакъ цѣлый день, останавливаясь только у источниковъ, чтобы утолить жажду. Въ замѣнъ такой огромной траты силъ онъ довольствуется простымъ обѣдомъ, состоящимъ изъ лука, хлѣба, кукурузы и картофеля.

Одаренный нервно-сангвиническимъ темпераментомъ, черногорецъ представляетъ значительное развитіе и силу легкихъ и сердца и обладаетъ необыкновенною впечатлительностію. Его оживленный

*) Президентъ Сената Петръ Степановичъ Вукочичъ, отчимъ князя Николая I-го, можетъ служить представителемъ этого типа. Высокій и величественный, этотъ воинъ представляетъ образецъ мужской красоты. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, на этнографической выставкѣ онъ возбуждалъ общее удивленіе жителей древней столицы.

дѣлать лица, мускульное, съ рѣзкими очертаніями, сложеніе, ловкость его дѣйствій, глубокое; легкое дыханіе, свободныя, правильныя тѣлодвиженія; однимъ словомъ, соразмѣрность всѣхъ его отправленій представляетъ соединеніе силы съ здоровьемъ. Подвижность и впечатлительность нервной системы, сила привязанностей и страстей даетъ черногорцу новый поводъ къ возбужденію; отсюда происходятъ пороки и добродѣтели его богатой натуры.

Въ нравственномъ отношеніи черногорецъ отличается веселостію, живостію ума, врожденнымъ краснорѣчіемъ, воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ, легкомысленнымъ безразсудствомъ въ предпріятіяхъ, полнымъ разочарованіемъ въ неудачахъ, дерзостію, непостоянствомъ, сильнымъ гнѣвомъ.

Гордость племени, сознание собственного достоинства, рыцарскія чувства, внушенныя въ дѣтствѣ, придаютъ наружности и походкѣ черногорца гордый и презрительный видъ, который онъ сохраняетъ вездѣ. Гордо подбоченясь, придерживая свой мечъ, онъ самодовольно прогуливается въ часы досуга по улицамъ Цетиньи. Если онъ занимаетъ какую нибудь должность, то относится съ пренебреженіемъ къ почету, который его тщеславіе встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ. Настоящій актеръ, онъ впродолженіи своей жизни изучаетъ роль, которую постоянно разыгрываетъ. Онъ рѣдко бываетъ принужденнымъ, а съ чужими людьми никогда.

Подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, черногорецъ отличается необыкновеннымъ развитіемъ нѣкоторыхъ чувствъ, тогда какъ другія у него совершенно притуплены. Вкуса, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у него нѣтъ или же онъ только проявляется подъ вліяніемъ сильновозбуждающихъ средствъ. Вслѣдствіе этого онъ очень любитъ крѣпкіе напитки, горькія масла, разнаго рода пряности, лукъ, сырой порей, сильно пахучіе жиры, копченое мясо; изысканныя блюда и дичь не имѣютъ для него никакой прелести. Самыя отвратительныя испаренія не поражаютъ его обоняніе, тогда какъ нѣкоторыя благовонія ему неприятны. Одаренный необыкновенно тонкимъ слухомъ, онъ на огромныхъ разстояніяхъ слышитъ вопросы, дѣлаемые часто на противоположной горѣ, когда голосъ кажется намъ неопредѣленнымъ звукомъ. Съ своей стороны онъ отвѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ. Это составляетъ своего рода телеграфъ, гдѣ звуковыя волны воздуха замѣняютъ электричество. Его необыкновенно - острое зрѣніе пронизываетъ горизонтъ съ такой же увѣренностію, какъ нашъ вооруженный глазъ. Онъ рѣдко промахивается и съ поразительною точностію попадаетъ въ цѣль. Близорукость въ Черногоріи неизвѣстна, и если этотъ недостатокъ характеризуетъ степень умственного развитія, то смѣло можно сказать, что черногорцы въ высшей степеніи невѣжественны.

Физическая чувствительность черногорца мало развита, судя по хладнокровію, съ какимъ онъ переноситъ самыя тяжкія раны; на-

противъ того, обыкновенная болѣзнь лишаетъ его энергіи. Способный къ тѣлеснымъ упражненіямъ, каковы напр. ходьба, прыганіе, борьба, черногорецъ въ состояніи потребить на трудъ значительное количество силъ и энергіи, но отказывается отъ необходимой ручной работы. Праздность служить для него подтвержденіемъ его достоинства, а удовлетворенное честолюбіе противудѣствуетъ скукѣ празднои жизни. Съ психологической точки зрѣнія мы дѣйствительно видимъ существо проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства и увѣреннымъ къ себѣ. Поверхностно коснувшись какого либо вопроса, онъ уже считаетъ его рѣшеннымъ и разомъ рѣшаетъ всѣ затрудненія, замѣняя чужія сужденія собственнымъ. Однимъ словомъ, гордость есть основная черта нравственнаго характера черногорца. Желаніе блеснуть предъ своими равными возвышаетъ его до самоотверженія. Его воинскій пылъ не есть рассчитанная храбрость обитателя сѣвера, идущаго на встрѣчу опасности, въ полной увѣренности, что исполняетъ свой долгъ. Черногорцу необходимо возбужденіе, взаимный вызовъ, запахъ пороха, ружейная пальба, присутствіе родныхъ и друзей, ласковое слово начальника, но прежде всего одобреніе князя. Тогда онъ перестаетъ быть человѣкомъ, дѣлается львомъ, бросается на встрѣчу смерти и поражаетъ своимъ канджаромъ все, что попадаетъ на его пути до той минуты, пока непріятельскій мечъ не прекратитъ эту жертву, жрецомъ которой онъ сталъ добровольно.

Повѣствованія о борьбѣ черногорцевъ богаты героическими подвигами, достойными пѣснопѣнія Гомера, часто совершенными неизвѣстнымъ солдатомъ, бывшимъ крестьяниномъ, превратившемся въ мученика за отечество, на могилѣ котораго молодые черногорцы, завидуя его славной участи, охотно повторили бы слова поэта:

«Пріятно и достойно умереть за отечество!»
(*Dulce et decorum est pero patriâ mori*)

Взгляните въ праздничный день на проходящаго, по улицамъ Цетиньи, украшеннаго орденами священника, съ длинной бѣловурой бородой, облаченнаго въ черную рясу съ ниспадающимъ краснымъ поясомъ. Это Стево Капицикъ, протоіерей столицы. Сколько разъ во время послѣдней войны, онъ бросался, съ кинжаломъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой, въ передніе ряды Батунскаго отряда, указывая ему путь къ непріятелю. Если вы отправитесь изъ Катарро въ Цетинью, поклонитесь мимоходомъ молодому капитану Негушей, Юрѣ Петровичу. Двѣнадцати лѣтъ, онъ уже присутствовалъ на полѣ битвы. Сраженный туркомъ занесшимъ надъ головой его ятаганъ, ему угрожала неминуемая смерть, когда подошелъ черногорецъ, который убилъ оттоманскаго солдата, спасъ ребенка, подвергнувъ собственную жизнь опасности. Однажды, во время осмотра Бѣлопавицкой нахія, князь Николай остановился передъ молодымъ чело-

вѣкомъ, лицо котораго, обезображенное рубцами, невольно привлекало вниманіе. «Какое несчастіе тебя такъ изуродовало?» спросилъ князь. «Государь,» отвѣчалъ солдатъ, «я раненъ на войнѣ гдѣ былъ съ Мирко.» «А сколько тебѣ было лѣтъ; ты теперь еще не взрослый?» «Государь,» мнѣ было 13 лѣтъ,» отвѣчалъ невозмутимо молодой герой. На вечернихъ собраніяхъ, вокругъ очага, эти храбрые подвиги будутъ служить предметомъ безконечныхъ разсказовъ. Какая честь горцу, когда въ собраніи, гдѣ будетъ присутствовать князь, старые воины, указывая на него повелителю страны, скажутъ: «Этотъ герой отрубилъ много головъ.» Его честолюбіе будетъ вполнѣ удовлетворено, если его произведутъ въ капитаны.

Къ несчастію черногорецъ гордится не одними воинственными подвигами: странное чувство мелочнаго честолюбія проявляется во всѣхъ его поступкахъ. Если онъ гордится удивленіемъ, возбужденнымъ его храбростію и подвигами, то онъ еще болѣе любитъ привлекать вниманіе блескомъ своей одежды, красотой оружія величественнымъ достоинствомъ осанки и походы. Въ черногорцѣ мы замѣчаемъ мужественную энергію рядомъ съ женственностію, — самое странное совмѣщеніе, какое только можно себѣ представить. Какимъ образомъ согласовать аристократическое высокомѣріе черногорца, уничтожающіе презрѣніе, которое онъ выказываетъ другимъ, съ унижительнымъ почтеніемъ къ особѣ князя или даже къ высшимъ сановникамъ страны. Этотъ высокомѣрный человѣкъ, покорно дѣлющій руку, одежду или даже ногу своего князя, представляетъ высшую степень униженія, до котораго можно дойти вслѣдствіе невѣжества подъ униженіемъ личной деспотической власти. Лучъ свободы и независимости начинаетъ проникать въ Черногорію, гдѣ общность страданій и стремленій могли бы уравнивать ряды народа. Однако сословныя предразсудки его въ такой силѣ, какой они могутъ достигнуть только въ наименѣ демократическихъ странахъ.

Героическая слава черногорца была бы полная, если бъ упреки въ жестокости не помрачали славныя повѣствованія о ихъ борьбѣ и успѣхахъ.

Но здѣсь критика оставила въ сторонѣ вопросъ, котораго надо было коснуться слегка. Впрочемъ, до сихъ поръ еще не опредѣлили существовалъ ли черногорскій варварскій обычай отрубать головы или же онъ перешелъ къ нимъ отъ Турокъ. Представьте себѣ съ одной стороны воинственную, фанатическую націю, заставляющую трепетать Европу, которую она угрожаетъ покорить, съ другой стороны горсть сербовъ, остатокъ государства, находящихся въ засадѣ на бесплодныхъ горахъ, сражающихся противъ массы войскъ, стойко отстаивая независимость своего дикаго убѣжища. Спрашивается умѣстно ли здѣсь великодушіе: не лучше ли было замѣнить численность страхомъ, которой они могли внушать. Черногорцамъ это удалось и мы не станемъ обвинять ихъ въ этомъ. Одно

название Черной Горы сдѣлалось для мусульманъ предметомъ ужаса, и сосѣдніе паши часто содрогались отъ ужаса, при видѣ окровавленныхъ головъ на башнѣ Цетинскаго монастыря.

Хотя строгіе указы князя Данилы *) повторенные княземъ Николаемъ, не прекратили окончательно эти кровавыя дѣйствія, однако, благодаря имъ, они стали повторяться гораздо рѣже. Во время нашего пребыванія въ Черногоріи, исключая мщенія, которымъ сопровождалось столкновение въ Липово въ 1872 г., до насъ только въ исключительныхъ случаяхъ доходили рассказы объ отрубленныхъ на границѣ головахъ.

Черногорецъ отличается хитростью, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ недоувѣрчивость, въ другихъ же въ двуличность. Поэтому никто не можетъ сравниться съ черногорцемъ въ дипломатіи, даже въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ рѣдко даетъ точное показаніе, если онъ въ этомъ не видитъ для себя выгоды; рѣдко выскажетъ свое искреннее чувство относительно извѣстной личности, свое мнѣніе о совершившемся событіи. Въ случаяхъ, гдѣ ему приходится отвѣчать на опасный и неосторожный вопросъ, онъ всегда старается умалчивать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Такимъ онъ является когда дѣло идетъ о покупкѣ или продажѣ. Хитрыми уловками онъ сумѣетъ воспользоваться вашей доувѣрчивостью и заставить васъ служить его интересамъ. Единственная защита противъ этого лукавства откровенность и простодушіе, которыя мѣшаютъ его хитростямъ и которымъ онъ не можетъ повѣрить. Однако не есть ли подобный недостатокъ необходимое слѣдствіе невзгодъ существованія, постоянной борьбы съ нуждой, возмущенія слабѣйшей стороны противъ силы и притѣсненія.

Угнетенный бѣдностію и не желая трудиться черногорецъ корыстолюбивъ; онъ дорожитъ своими сбереженіями и съ сожалѣніемъ отдаетъ нѣсколько съ трудомъ собранныхъ денегъ. Изъ за самой ничтожной выгоды онъ затратитъ много времени и цѣлыми днями будетъ ожидать рѣшенія какой либо сдѣлки, если только надѣется получить нѣсколько копѣекъ барыша. Пройдутъ цѣлые вѣка, прежде нежели американская поговорка «time is money» (время — деньги) проникнетъ въ Черногорію.

Напрасно ожидать отъ черногорца состраданія къ чужимъ несчастіямъ; его чувствительность, относительно всего, что лично его не касается совершенно ничтожна. У мужчинъ она притупилась вслѣдствіе постоянного зрѣлища жестокихъ войнъ, у женщинъ отъ оскорбленій и превратностей ихъ жалкаго существованія.

*) Послѣ битвы онъ находился вечеромъ въ своей палаткѣ, куда собралось нѣсколько вождей и угрожалъ тѣмъ черногорцамъ, которые осмѣлятся совершить жестокий поступокъ. При этомъ присутствовалъ сановникъ, который въ теченіе дня украсилъ свой поясъ отрубленными носами и ушами. Опасаясь княжескаго гнѣва, онъ осторожно пряталъ подъ закраину палатки свои предосудительные трофеи.

Ежедневныя нападенія на границы должны были превратиться въ воровство и грабежъ, производимый не только въ непріятельскихъ земляхъ, но и въ собственномъ отечествѣ. Поэтому воровство достигло громаднхъ размѣровъ въ Черногоріи, когда Петръ I нашелъ необходимымъ обуздать эти злоупотребленія, Сводъ Законовъ 1796 г. содержитъ по этому поводу слѣдующія статьи:

Статья 13. Если воръ убитъ или раненъ на мѣстѣ преступленія, то никто неподвергается отвѣтственности, такъ какъ по всеобщему соглашенію, весь народъ долженъ преслѣдовать преступника.

Ст. 14. За воровство, совершенное до утвержденія постановленія составленнаго нами въ Цетиньѣ, въ день Преображенія, въ августѣ 1796 г. будутъ судить по прежнему. Воровство, совершенное послѣ обнародованія этого указа, т. е. послѣ вышеупомянутаго дня, будетъ наказано согласно приговору, изданному нами въ прошломъ году, въ день Пресв. Богородицы. Въ немъ объявлено: За каждую корову или быка, большаго или малаго, взимается вознагражденіе въ 12 цехиновъ, а штрафъ въ 10.

За барана, овцу или ягненка большаго или малаго взимается вознагражденіе въ 5 серебрянныхъ монетъ, штрафъ въ 10.

За воровство, совершенное въ домѣ, на дворѣ дома или въ другомъ прилегающемъ къ нему мѣстѣ, послѣ оцѣнки похищенныхъ вещей, число которыхъ будетъ объявлено, заставлятъ заплатить цѣнность ихъ, затѣмъ соразмѣрное вознагражденіе и штрафъ. Такъ напр., если вещь стоитъ одинъ пиастръ, вознагражденіе будетъ равняться 5 пиастрямъ, штрафъ 10.

Это относится и до покражи, совершенной въ домѣ или внѣ дома, исключая воровства, произведеннаго ребенкомъ, по невѣдѣнію или челоукомъ, лишеннымъ разсудка.

Такія легкія наказанія не достигли результатовъ, ожидаемыхъ почтеннымъ владыкой Черногоріи. Вслѣдствіе этого въ теченіе первой половины этого столѣтія грабежи продолжались по прежнему. Совершеннымъ уничтоженіемъ этого порока страна обязана князю Данилѣ. Указъ его, обнародованный въ 1855 г., содержитъ слѣдующіе параграфы, доказывающіе, что зло, противъ котораго приходится бороться, пустило глубокіе корни въ Черногоріи.

Статья 76. Воръ, схваченный на мѣстѣ преступленія, послѣ троекратнаго обнародованія настоящаго указа, будетъ приговоренъ къ смерти.

Статья 77. Если черногорець или бердянецъ убьетъ вора на мѣстѣ преступленія, то получать вознагражденіе въ 20 таларисовъ (сереб. монета). Однако всякій долженъ опасаться убить невиннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ будетъ отвѣчать предъ судомъ какъ убійца.

Статья 78. Если кража совершена до обнародованія указа преступникъ заплатитъ за похищенное. Въ случаѣ же совершенія кражи

послѣ обнаруженія, каждый воръ подвергается палочнымъ ударамъ, а именно: за кражу оружія 100 ударовъ, за быка или лошадь 50, за жеребенка столько же какъ и за быка, за кражу въ домѣ или другія незначительныя кражи 20 ударовъ. Исключеніе составляютъ дѣти, похитившія нѣкоторыя вещи, а также умалишенные.

Статья 79. Совершившій святотатство будетъ приговоренъ къ смерти.

Статья 80. За кражу государственнаго провіанта полагается смертная казнь, тоже ожидаетъ тѣхъ, кто явно или инымъ способомъ вывезетъ запасы оружія.

Надо согласиться, что подобный Драконовъ законъ, могъ избавить отъ злоумышленниковъ не только Черногорію, но и весь свѣтъ. Поэтому въ настоящее время для путешествующихъ нѣтъ страны безопаснѣе Черногоріи. *) Хотя смертный приговоръ, объявленный за третью попытку кражи съ взломомъ въ настоящее время ограничивается ссылкой, тѣмъ не менѣе можно смѣло поручить кошелекъ проводнику, сопровождающему путешественника.

Часто превозносили гостепріимство Черногорцевъ, но необходимо отличить жителя Черногоріи, сохранившаго невѣжество и первобытныя добродѣтели, отъ того, который измѣнился подъ вліяніемъ чужестранцевъ. Первый принимаетъ путешественника съ патріархальной простотой и предлагаетъ ему отъ чистаго сердца то небольшое, чѣмъ обладаетъ; послѣдній, слишкомъ цивилизованный въ этомъ отношеніи, склоненъ къ барышу и видитъ въ путешественникѣ предметъ эксплуатаціи, который доставитъ ему хорошую выгоду. Но мы скажемъ, къ чести черногорцевъ, что во многихъ случаяхъ они заставляли уважать неприкосновенность своего жилища, гдѣ скрывался преступникъ, иногда даже врагъ ихъ. Кромѣ того вся область Черногоріи служила недавно священнымъ пріютомъ для всѣхъ несчастныхъ. Статья указа князя Данилы, касающаяся изгнанниковъ, достойна уваженія.

Статья 89. По завѣщанію Петра I, нашего бывшаго повелителя, каждый изгнанникъ, вступившій въ наше свободное княжество, будетъ внѣ опасности и никто не посмѣетъ притѣснять его, пока онъ будетъ жить спокойно. Пользуясь правами черногорцевъ и бердянь онъ будетъ наказанъ по закону, если совершитъ преступленіе.

Договоръ объ изгнаніи, заключенный 3 года тому назадъ между Австріей, и княжествомъ Черногорією, уничтожилъ прежнее постано-

*) Объ этомъ упоминаетъ графиня Странфордъ, приводящая поразительный при-
мѣръ: «Кромѣ простоты въ образѣ жизни они отличаются необыкновенной честностію.
Мнѣ пришлось упомянуть о потерѣ драгоцѣннаго браслета, въ Альбании». «Если бы
вы потеряли его здѣсь, отвѣчалъ мнѣ князь, «въ самомъ удаленномъ мѣстѣ горы, мнѣ
черезъ три дня принесли бы его». Я увѣрена въ справедливости этихъ словъ, кото-
рыя подтверждались одинаково неприятелями и доброжелателями черногорцевъ. Мнѣ
рассказывали, что одинъ путешественникъ оставилъ свою палатку, съ растворенною
дверью на склонѣ горы въ Черногоріи. Возвратившійся черезъ 3 года онъ нашелъ
каждую вещь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ ее.

вленіе; но мы полагаемъ, что черногорецъ потерялъ болѣе нежели выигралъ, утративъ право давать убѣжище.

Повидимому черногорецъ проникнуть глубокимъ религіознымъ чувствомъ. При звукѣ благовѣста онъ оставляетъ работу, прекращаетъ разговоръ, снимаетъ шапку и крестится, произнося молитву. Примѣтивъ съ вершины горъ, окружающихъ Цетинью, монастырь, гдѣ покоятся мощи Св. владыки, онъ останавливается, снимаетъ шапку и нѣкоторое время молится. Его привѣтствія имѣютъ религіозный характеръ. Онъ нерѣдко повторяетъ: «Богъ съ тобой!» Часто въ своихъ восклицаніяхъ онъ призываетъ Бога. Во время болѣзни онъ соборуется и зажигаетъ восковыя свѣчи. Желая подтвердить предъ судомъ истину своихъ показаній, онъ произноситъ клятву надъ мощами св. владыки. Набожно соблюдая суровые посты православія, онъ считалъ бы себя виновнымъ, нарушивъ ихъ. Поэтому онъ постится 191 день въ годъ, у него 19 недѣль поста, въ теченіе котораго онъ не употребляетъ яицъ, масла и рыбы, а въ теченіе 2 недѣль ему не дозволено даже пить вино. У насъ самый строгій аскетъ едва бы могъ вынести подобный постъ, такъ какъ черногорецъ ничѣмъ не можетъ удовлетворить свой голодъ, кромѣ плохого хлѣба, чеснока, горькаго масла, картофеля и гнилой вауусты, составляющихъ единственную его пищу. Однако есть одно лишеніе, котораго онъ не выноситъ, а именно: отсутствіе воды.

Г. Робертъ вѣрно изобразилъ характеръ черногорца; онъ говоритъ:

«Западные сосѣди черногорцевъ приписываютъ имъ самую грубую суевѣрію; по ихъ мнѣнію, черногорецъ думаетъ, что ему все будетъ разрѣшено, если только онъ заплатитъ десятую часть монахамъ и подѣлится съ монастыремъ неприятельскою добычею. Напротивъ того, восточные христіане считаютъ ихъ вольнодумцами.

Большая часть этихъ воиновъ позабывали даже молитву Господню и помнили только посты и крестное знаменіе. *)

Блуждая по склонамъ горъ, поглощенное военными занятіями, черногорское племя не могло посвящать время умственной работѣ, заботясь о собственной безопасности. До настоящаго времени Петръ II олицетворяетъ всю литературную исторію страны, и только въ послѣдніе годы въ странѣ проявилось умственное движеніе. По своей сообразительности, остроумію и живости воображенія черногорецъ способенъ столько же сколько и другіе къ быстрому усовершенствованію. Недавно сдѣланныя попытки обученія доказали своими блестящими результатами на что онъ способенъ, находясь подъ хорошимъ руководствомъ.

Врожденное краснорѣчіе черногорца составляетъ самую удивительную черту его характера. Справедливо можно сказать, что онъ таковъ же искусный ораторъ, какъ и неустрашимый воинъ. Кто не

*) Восточные славяне.

слыхалъ, какъ онъ, на вечернихъ собраніяхъ, излагаетъ свои повѣствованія, сопровождаемыя разговоромъ, оживленными жестами и удареніемъ, тотъ не можетъ представить себѣ всѣ средства его ума и живость его мимики. Однако вниманіе слушателей можетъ сравниться съ болтливостію рассказчика. Любопытно видѣть, какъ каждый ждетъ минуты, когда прекратившійся разговоръ дозволитъ ему возвысить голосъ. Этой ораторской способностію черногорецъ точно также пользуется въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ, политическихъ спорахъ и проповѣднической дѣятельности, которую онъ принимаетъ на себя въ турецкихъ провинціяхъ. Тогда онъ превращается въ дипломата, обладающаго самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, которому всегда удается убѣдить своихъ слушателей. Если дѣло идетъ о личной выгодѣ, когда онъ долженъ защищаться предъ сенатомъ или произносить обвиненіе, онъ умѣетъ подобно самому искусному адвокату, представлять самыя убѣдительныя доводы. Хотя ораторскіе обороты ему мало извѣстны, тѣмъ не менѣе онъ украшаетъ ими свою рѣчь и подобно искусному стрѣлку всегда даетъ отпоръ удару, который готовъ его уничтожить.

Два черногорца, находящіеся во враждѣ, были призваны, въ нашемъ присутствіи, на судъ, который производится во время путешествія князя подъ деревомъ или на порогѣ дома. Непріатели, которыхъ хотѣли примирить, объяснили князю причину своей распри. Рѣчь ихъ была оживленна, рѣзка; явительныя упреки смѣняли другъ друга въ присутствіи безстрастнаго ареопага. Наконецъ одинъ изъ тяжущихся, выбившійся изъ силъ, нанесъ послѣдній ударъ своему противнику. «Ты», сказалъ онъ, «былъ всегда воромъ». «Да» отвѣчалъ оскорбленный, гордо выпрямляясь, «да я былъ воровъ и горжусь этимъ. Кому извѣстно сколько разъ, я отпирался на ту сторону границы, чтобъ похищать у турокъ рожь и барановъ, а также лошадей и оружіе. Ты же никогда не будешь грабить на границѣ, для этого тебѣ не достанетъ храбрости». Но надо согласиться, что такая находчивость даетъ черногорцу возможность злоупотреблять словомъ, поэтому было бы желательно, чтобъ онъ обдумалъ и примѣнилъ на дѣлѣ, слова Фенелона о Менторѣ: «Все, что онъ говорилъ, было коротко, ясно и энергично. Онъ никогда не прибѣгалъ къ повтореніямъ, но всегда приводилъ только необходимое доказательство для рѣшенія дѣла».

Какъ у всѣхъ сербовъ, поэтическое чувство черногорцевъ чрезвычайно развито. Возможно ли иначе. Живость его воображенія доставляетъ ему разнообразіе выраженій и яркость красокъ; его нарѣчіе пріучаетъ его къ созвучію, къ ритму, къ богатству оборотовъ, такъ что онъ легко можетъ выразить самыя тонкія оттѣнки мыслей и ощущеній. На вечернихъ собраніяхъ поются пѣсни, сочинители которыхъ остаются неизвѣстными.

Достаточно будет нѣсколькихъ словъ, чтобъ оцѣнить артистическую сторону характера черногорца.

Самыя элементарныя правила рисованія и живописи ему неизвѣстны. Скульптура ограничивается нѣкоторыми, довольно изящной работы, изображеніями, служащими украшеніемъ гуслей, его любимого инструмента. Онъ имѣетъ самыя первоначальныя понятія объ архитектурѣ; если кто нибудь, желая услужить, начертитъ планъ его скромнаго жилища, то онъ не рѣшится приступить къ постройкѣ по данному образцу. Фантастическое расположеніе оконъ и дверей, полное презрѣніе къ симметріи, повидимому служитъ символомъ его измѣнчиваго существованія.

Его музыкальное искусство ограничивается гармонической послѣдовательностію нѣсколькихъ полутоновъ, производящихъ монотонные, жалобные, печальные звуки, такъ что одной пятиструнной лиры и понынѣ еще достаточно для всякой мелодіи черногорца.

А между тѣмъ мы увидимъ, что, подобно тому, какъ это было во времена Гомера, эти простыя, первоначальныя пѣсни переносятъ изъ рода въ родъ, изъ одного семейства къ другому всё воспоминанія народа, всю его прошлую славу, всё его надежды; что они способны болѣе, чѣмъ всё наши страстныя, капризныя или ученныя мелодіи возвысить его душу, увеличить его храбрость и быть можетъ помогутъ ему сохранить ту силу вѣры и энергіи, которыя потребуются отъ него для того, чтобъ онъ могъ снова занять свое мѣсто между цивилизованными народами.

ГЛАВА IV.

Черногорская женщина съ физической и нравственной стороны.—Ея жизнь, занятія и ея роль въ военное время.

Описывая въ предъидущей главѣ бытъ черногорца, мы съ умысломъ ни слова не упомянули объ несчастной спутницѣ его жизни объ его женѣ-рабѣ. Исторія черногорской женщины можетъ быть резюмирована въ двухъ словахъ: работать и страдать. На порогѣ храма жизни, какъ на фронтисписѣ ада, она читаетъ фатальный приговоръ ея судьбы: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!* И дѣйствительно, все ея существованіе будетъ состоять изъ цѣлаго ряда страданій, непосильнаго труда и рабской зависимости. Подобно той дѣвушкѣ съ береговъ Ориноко, которая описывала когда-то іезуиту Гумилла, несчастную жизнь индіянокъ, черногорская женщина можетъ воскликнуть: «сколько я уже страдала и ктознаетъ сколько еще мнѣ остается страдать до моей смерти. Ты не можешь представить себѣ всѣхъ

муку, которая испытывает индianка между индianцами! Они слѣдуютъ за ними въ поля съ ихъ луками и стрѣлами. Мы несемъ туда нашихъ дѣтей: одинъ лежитъ на груди, другой за спиною въ корзинкѣ. Они идутъ туда для того, чтобъ убить птицу или поймать рыбу; мы же копаемъ землю и это еще не все; кромѣ земледѣлія мы несемъ на себѣ всю тяжесть домашнихъ заботъ. Они возвращаются вечеромъ безъ всякой тяжести, мы несемъ коренья для ихъ пищи и маисъ для приготовленія имъ питья. Возвратившись домой, они идутъ толковать съ своими друзьями; мы отправляемся за дровами и водою, чтобъ приготовить имъ ужинъ. Они поѣдятъ и заснутъ; мы отправляемся на всю ночь молотъ маисъ, чтобъ приготовить для нихъ шива. Всѣ эти слова буквально примѣнимы къ жизни черногорки; нравы дикихъ обитателей береговъ Ориноко, спустя много вѣковъ, снова воскресаютъ среди утесовъ Черногоріи.

Взрывъ шумной радости привѣтствуетъ рожденіе наслѣдника у черногорскаго воина; заздравные крики пиршества перемѣшиваются съ радостной палбою; всѣ празднуютъ этотъ счастливый день, а между тѣмъ скорбь и разочарованіе царствуютъ въ этомъ-же семействѣ, если вмѣсто сына родится дочь. На вашъ вопросъ у отца: кто у него родился? онъ отвѣчаетъ: «извините меня, извините—это дочь». Онъ также охотно сказалъ-бы это змѣя. И эта ненависть нисколько не уменьшается съ теченіемъ времени; маленькое, несчастное существо, совершенно лишенное тѣхъ нѣжныхъ ласкъ и страстныхъ заботъ, которые вполне отдаются ея братьямъ, растетъ въ невѣжествѣ и полнѣйшемъ забвеніи до тѣхъ поръ, пока является возможность заставить ее работать. Уже съ маленькихъ лѣтъ она приучается къ легкимъ домашнимъ работамъ и не долго ей приходится ждать того времени, когда ихъ замѣнять работы въ полѣ и лѣсу. Еще ребенкомъ вы увидите ее, блѣдную и худую, спускающуюся съ горъ съ тяжелой вязанкой сухихъ дровъ; но вотъ она молодая дѣвушка; но вмѣсто того, чтобъ жить жизнью этого возраста, она преждевременно чахнетъ подъ гнетомъ страшнаго труда; наконецъ она женщина, она жена; но выйдя замужъ она дѣлается настоящей служанкой и скоро подъ тяжестью своихъ двойныхъ обязанностей: жены и служанки, она прощается на всегда съ своею скоропреходящею красотою и съ мечтами своей юности. Зачастую можно встрѣтить двадцати-пяти лѣтнихъ женщинъ до такой степени истощенныхъ и оцѣтшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огрубѣлыхъ, лишенныхъ тѣми женственности, что, смотря на нихъ, трудно вѣрить, чтобъ ей было только двадцать пять лѣтъ. Обыкновенно черногорскія женщины средняго роста, коренасты и совершенно лишены граціи. Ихъ тяжелая походка, ихъ широкій шагъ, сутуловатость, вѣчно опущенная книзу голова—все доказываетъ въ нихъ привычку къ тяжелому труду и ясно говоритъ о долгихъ путешествіяхъ по горамъ съ тяжелою ношею на спинѣ. Вы не найдете ни въ ея поступкахъ, ни въ словахъ и движеніяхъ и тѣни той справедливой увѣренности,

того довѣрія къ самой себѣ, которыя у женщинъ цивилизованныхъ народовъ являются слѣдствіемъ сознанія своихъ правъ, своею равенства передъ мужчинами. Въ своемъ отцѣ, братѣ, мужѣ, во всѣхъ нихъ черногорка видитъ существа высшей породы, передъ которыми она должна дрожать, молчать и повиноваться; мужчинѣ же правится выказывать свою власть, доводить ее до крайняго деспотизма: онъ видитъ въ этомъ сохраненіе своего достоинства и зачастую только одно должное чувство чести не позволяетъ ему перестать тиранить свою жену.

Хотя весьма рѣдко, можно встрѣтить въ Черногоріи дѣйствительно красивыхъ женщинъ, но все таки иногда попадаются лица съ замѣчательно тонкими и правильными чертами. Въ напрасно стали-бы въ этихъ личностяхъ искать общихъ признаковъ сербско-славянской расы; они совершенно исчезаютъ и ихъ мѣсто занимаютъ античный овалъ стана, благородный профиль и общая изящность. Роскошные волосы, глаза, полные блеска, какое-то обаяніе во взглядѣ дополняютъ общее впечатлѣніе. Сомнѣніе въ чистотѣ расы невольно закрадывается въ голову при видѣ такой красоты. Весьма вѣроятно, что было такое время, когда не одно оружіе и лошади составляли военную добычу черногорцевъ, что часто новѣйшія сабляныя разгоняли скуку и одиночество ихъ мрачныхъ домашнихъ очаговъ. И дѣйствительно, если вѣрить народнымъ пѣснямъ, то черногорскіе герои, выродожденіе многихъ лѣтъ, женились на мусульманскихъ плѣнницахъ, разумѣется, предварительно неволею окрестивъ ихъ.

Вся энергія и всѣ силы черногорскихъ женщинъ уходятъ исключительно на ихъ домашнія работы. Все остальное закрыто для нихъ. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ для нихъ стало доступно элементарное образованіе, но и теперь уже можно предвидѣть, что результатъ этого будетъ крайне незначителенъ; съ одной стороны удовлетвореніе матерьяльныхъ потребностей отнимаетъ у нихъ почти все время, — съ другой — нравы страны допускаютъ для нихъ только самое отдаленное участіе въ дѣлахъ, не касающихся домашней жизни. Еще долго можно будетъ увидать ихъ, когда онѣ, почти равнодушныя къ своей тяжелой работѣ, взбираются на утесы, ползаютъ надъ пропастями или-же покорныя и безропотныя исполняютъ самыя отвратительныя работы, отъ которыхъ мужчины отвертываются съ омерзениемъ. Тѣмъ не менѣе черногорки какъ будто находятъ удовольствіе въ ихъ подчиненности и униженіи, даже видятъ въ этомъ удовлетвореніе своего самолюбія, совершенно не понимая того, что ихъ самолюбіе — есть самолюбіе вьючнаго животнаго, работающаго изъ всѣхъ своихъ силъ.

Однажды я взбирался съ моими спутниками на горы. Впереди насъ шла толпа женщинъ съ нашими вещами. Подойдя къ одному утесу, мы нашли у подошвы его черногорку: она прислонилась спиною къ стѣнѣ утеса и горько плакала. Когда мы спросили о причи-

нѣ, ея слезъ, она намъ отвѣчала, что одинъ изъ путешественниковъ сказалъ ей, что она никогда не взберется съ своею ношею на вершину горы. И это оскорбленіе ея самолюбія было единственною причиною ея отчаянія и слезъ!

Въ жизни черногорской женщины часто встрѣчаются примѣры храбрости и самоотверженія; но въ этой области романистъ напрасно сталъ-бы искать въ ея жизни хоть сколько нибудь разнообразныхъ фактовъ. То что у насъ называется ухаживаніемъ за женщинами совершенно неизвѣстно въ Черногоріи; тамъ окончательно не примѣними наши способы нравиться женщинамъ, и если-бы ихъ не сочли преступными, то во всякомъ случаѣ они показались-бы унижительными и смѣшными. Такимъ образомъ мужчина старается не показывать ни малѣйшаго вниманія къ женщинамъ, да и притомъ ничто не доказываетъ, чтобъ черногорскія женщины были-бы чувствительны къ тому ухаживанію, которымъ окружены женщины у насъ. Правда, что добродѣтель, благодаря этому, выигрываетъ и молодая дѣвушка можетъ свободно ходить изъ дома въ домъ, съ горы на гору, лучше гарантированная тѣмъ, быть можетъ, немного и лицемѣрнымъ уваженіемъ, которое ее окружаетъ, чѣмъ наши дѣвушки гарантированы нашими строгими законами. Нерѣдко можно видѣть какъ черногорская дѣвушка спокойно подходитъ къ незнакомому ей человѣку и если только замѣтитъ на немъ какой нибудь знакъ отличія, то смиренно цѣлуетъ ему руку и спрашиваетъ не можетъ-ли она оказать ему какую нибудь услугу? Но горе тому кто обидитъ ея; тогда каждый, идущій мимо, явится ея защитникомъ, а едва она возвратится въ деревню, то, можетъ быть, десять человѣкъ захотятъ отомстить за нее. Такимъ образомъ вы можете встрѣтить ее во всякое время и на самыхъ уединенныхъ тропинкахъ; она спокойно идетъ за своимъ осломъ или муломъ и совершенно безопасно прѣзжаетъ на базаръ, чтобъ продать жалкіе продукты своего хозяйства. Въ базарный день въ Каттаро вы увидите, какъ съ ранняго утра цѣлою толпою спускаются онѣ съ горъ по австрійской дорогѣ; вязанки дровъ или корзины съ рыбою или зеленью виднѣются за спинами у нихъ, а руки заняты вязаніемъ. Наступаетъ вечеръ и они снова возвращаются въ горы, неся въ Петинѣ товары, прибывшіе изъ Триеста съ пакетботомъ Лойда. А чтобъ не скучать дорогою онѣ ведутъ нескончаемые рассказы, въ которыхъ, благодаря національной живости и образности языка, малѣйшія обстоятельства принимаютъ размѣры домашней драмы. Если случайно эта фаланга женщинъ проходитъ мимо какого нибудь мѣста, бывшаго театромъ трагическихъ событий и вызывающаго печальныя воспоминанія — то разговоры прекращаются и звуки цѣсни съ ихъ мрачною мелодіею раздаются по ущельямъ, переходятъ отъ одной толпы къ другой и странно поражаютъ путешественника, привычнаго къ безмолвію этихъ мѣстъ.

Но путешественникъ жестоко ошибается, если придаетъ особое

значеніе этой горести; она очевидно лицемѣрна, потому что едва каждая изъ этихъ дикарей кончитъ жалобную строфу пѣсни, какъ сейчасъ-же оборачивается къ своей сосѣдкѣ и, смѣясь и жестикулируя, вполне натурально снова начинаетъ прежніе разговоры.

Зная, что женщина въ Черногоріи совершенно лишена тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ наслажденій, которыя столь обычны для нашихъ женщинъ, весьма естественно предположить, что радости домашняго очага вполне вознаграждаютъ ихъ за всѣ ихъ лишенія; но на дѣлѣ это совершенно не такъ. Дикая натура черногорца ничуть не смягчается подъ его домашнею кровлею; напротивъ того, здѣсь, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, каждое изъ его дѣйствій есть подтвержденіе его неоспоримой власти. Жена не смѣетъ выѣпиваться въ дѣла своего мужа; не смѣетъ даже безпокоиться объ его поступкахъ; когда онъ приходитъ или уходитъ она не имѣетъ права ни спрашивать откуда онъ или куда онъ идетъ, ни сердиться на его самыя продолжительныя отсутствія. Когда къ ней приходятъ справиться гдѣ ея мужъ, то, даже зная отлично гдѣ онъ, она должна отвѣчать: не знаю. Когда черногорецъ въ отсутствіи онъ никогда не посылаетъ женѣ извѣстій о себѣ; жена иногда совершенно случайно узнаетъ, что ея мужъ въ Константинополь или еще гдѣ нибудь, между тѣмъ, какъ она даже и не знаетъ, что онъ уѣхалъ изъ страны. Иногда черногорецъ посылаетъ своей женѣ деньги, но никогда не напишетъ ей ни одного слова. Жена никогда не называетъ по имени своего мужа; тоже дѣлаетъ и мужъ. Она говоритъ «вотъ этотъ.... о! ты», а мужъ «вотъ эта.... о! ты». Спросите у жены какъ зовутъ ея мужа; она смѣясь отвѣтитъ вамъ «не знаю, чортъ его поberi» (Nesnam ja, Diavolo posi). Когда мужъ съ своей стороны бываетъ поставленъ въ необходимость раскрыть инкогнито своей жены, то съ замѣшательствомъ произноситъ «извините меня, это моя жена» (Da prostitute moja zopa), какъ будто его мужская благопристойность нарушается этимъ признаніемъ. Черногорецъ никогда не сопровождаетъ своего мужа въ его поѣздахъ въ столицу-ли или въ другія мѣста; но онѣ могутъ отправиться на базаръ въ сопровожденіи домашнихъ друзей или своихъ друзей. Если случайно она встрѣтитъ на дорогѣ своего мужа или нагонитъ его, то спѣшитъ удалиться или даже выбираетъ другую дорогу. Когда встрѣча супруговъ дѣлается неизбежной, то мужъ подъ предлогомъ закурить трубку или завязать подвязку останавливается и пропускаетъ жену; онъ долженъ во что-бы то ни стало избѣжать стыда сопровождать ее, иначе онъ сдѣлается предметомъ насмѣшекъ всей деревни. Въ такомъ случаѣ онъ отомщаетъ все на женѣ: права она или виновата, онъ все равно начинаетъ исправлять ее и иногда исправляетъ самымъ жестокимъ образомъ; если жертва защищается, то ей-же хуже; исправленіе дѣлается еще строже. Эти домашнія сцены нисколько не трогаютъ ни родственниковъ, ни сосѣдей, замѣшательство кото-

рых можетъ только еще болѣе ожесточить исправителя; да и кто знаетъ: быть можетъ черногорка отвѣтитъ своему заступнику такъ же, какъ отвѣчала жена Сганарелли своему сосѣду Роберту «миѣ нравится быть битой». Къ тому же эти наказанія вовсе не озлобляютъ ея, напротивъ того, она съ гордостью переноситъ ихъ, потому что они возвышаютъ въ ея глазахъ власть того человѣка, который выбралъ ее себѣ въ жены. Притомъ тотъ черногорецъ, который захотѣлъ бы быть добрѣе съ своей женой, былъ бы обвиненъ въ слабости и быть можетъ презираемъ. Едва оканчивается свадебное торжество, какъ молодая жена принимается за работу, делающую на ней уже въ отцовскомъ домѣ. Каждый день она непремѣнно должна сдѣлать три дѣла: сходить къ колодцу за водою; принести дровъ и приготовить кушанья; всѣ остальные работы болѣе или менѣе необходимы. Въ свободное время черногорки или вяжутъ и прядутъ, или ткутъ одѣяла и различныя ткани для мѣстнаго потребленія или наконецъ плетутъ довольно тонкія кружева, которыми онѣ украшаютъ свою одежду. Черногорки, какъ и всѣ славянскія женщины имѣютъ какой-то врожденный талантъ къ вышиванію и занимаются имъ съ прилежаніемъ достойнымъ лучшаго результата чѣмъ тотъ, котораго достигаютъ онѣ помощью своихъ слишкомъ простыхъ средствъ. Умственные занятія, какъ мы уже сказали, имъ совершенно незнакомы; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во всей Черногоріи нельзя было найти ни одной женщины, умѣющей читать и писать. Какъ бы въ возмездіе за это, онѣ съ непоколебимымъ постоянствомъ и храбростью исполняютъ большую часть земледѣльческихъ работъ, и совершаютъ продолжительныя и опасныя путешествія по горамъ. Этотъ тяжелый трудъ и странствованія не прекращаются ни во время беременности, ни во время исполненія материнскихъ обязанностей; много разъ видѣли какъ женщина возвращается домой, завернувъ въ передникъ новорожденнаго, первый крикъ котораго раздавался среди мрачнаго безмолвія горъ. Всѣ заботы о молодой матери и ея ребенкѣ предоставляются одной природѣ; она должна завершить свое дѣло, спасти мать и дитя, такъ какъ нравамъ черногорцевъ совершенно чужды тѣ попеченія и предосторожности, которыми мы окружаемъ нашихъ женъ и дѣтей.

Вся гордость, всѣ мечты женщины состоятъ въ томъ, чтобъ имѣть сыновей; чѣмъ больше ихъ — тѣмъ болѣе ихъ любить, почитать, тѣмъ болѣе даютъ имъ свободы. На что имъ нужны дочери, рожденіе которыхъ неизбѣжно ведетъ за собою общее уныніе, грусть и семейные раздоры? Униженіе женщины видно даже и въ томъ, какъ она принимаетъ въ своемъ домѣ посѣтителей. Если придутъ ея родственники, то они цѣлуютъ ея въ лобъ или въ щеку; если входятъ посторонніе, то ограничиваются громкимъ поцѣлуемъ въ воздухъ, между тѣмъ, какъ она должна цѣловать ихъ руку или плечо. Если посторонній приходитъ издалека, то хозяйка снимаетъ съ не-

го обувь и высушивает ее, снимает его чулки, приносит теплой или холодной воды, смотря по его желанію, и обмывает ему ноги, чего она никогда не дѣлает даже своему мужу. Когда наступает время ужина, то она не садится за общій столъ, а прислуживает гостямъ и держитъ въ рукѣ горящую лучину, помощью которой освѣщается вся комната.

Когда черногорецъ заболѣваетъ, то жена его никогда не ухаживаетъ за нимъ и даже рѣдко видитъ его; заботы о мужѣ падаютъ на его родственниковъ и друзей; жена же продолжаетъ заниматься хозяйствомъ. Не выказывая ни однимъ словомъ свою грусть и отчаяніе, она невозмутимо ждетъ кризиса, и когда несчастье совершится, тогда она можетъ присоединить свои жалобы къ общимъ соболѣзнованіямъ и дать волю своимъ чувствамъ. Но вы напрасно будете искать въ ея печальныхъ крикахъ восхваленія ея мужа какъ человѣка; нѣтъ, она хвалитъ только его храбрость и рассказываетъ о многочисленныхъ трофеяхъ, принесенныхъ имъ съ поля сраженія.

Черногорскія женщины старательно ухаживаютъ за своими дѣтьми, особенно за мальчиками, но эти заботы скорѣе говорятъ за ихъ сердце, чѣмъ за ихъ разумовъ. Дѣйствительно, нельзя не порицать ихъ привычки кормить грудью ребенка до четырехъ лѣтняго возраста; нельзя не осуждать ихъ обычай подвергать ребенка, со дня его рожденія до тѣхъ поръ пока онъ уже въ состояніи ходить, настоящей пытки. Въ самомъ дѣлѣ все первоначальное развитіе его организма совершается при абсолютной неподвижности тѣла. Цѣлые дни и ночи заставляютъ его лежать въ колыбели крѣпко спеленутого, и даже въ то время, когда мать кормитъ его грудью, она не даетъ свободы его маленькимъ членамъ. Если мать поставлена въ необходимость перенести ребенка въ горы она кладетъ его на спину въ корзинку, и покрываетъ ее толстымъ одѣяломъ, все равно зимою-ли это или лѣтомъ, такъ что ребенку рѣшительно не достаетъ воздуха, который съ трудомъ проходитъ чрезъ толстую покрывку. Впрочемъ, эту обязанность женщины принимаютъ на себя весьма неохотно, разумѣется, когда дѣло идетъ не объ ихъ дѣтяхъ, такъ какъ весьма уважаемый предрасудокъ запрещаетъ имъ переносить новорожденныхъ не ихъ дѣтей. Экскурсія въ горы за дровами, земледѣльческія работы, заточеніе въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ въ дымныхъ лачужкахъ, совершенное отсутствіе матеріальнаго благосостоянія — все это ведетъ къ тому, что черногорка съ раннихъ лѣтъ теряетъ всѣ прелести своего пола. Исчезаетъ свѣжесть лица, преждевременныя морщины покрываютъ ея лобъ, рука теряетъ свою форму, нога дѣлается широкою и низкою. Только въ аристократическихъ семьяхъ страны можно встрѣтить тѣ качества расы, о которыхъ мы говорили: тонкость очертаній и общее благородство въ наружности.

Но, если мы забудемъ на минуту о наружныхъ качествахъ чер-

ногорки, если мы взглянемъ на нее съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, то мы найдемъ существо скромное, молчаливое, прилежное, способное каждую минуту на крайнее самопожертвованіе и героическую храбрость. Дѣвушкой,—она строго охраняетъ свою дѣвственную чистоту; женщиной—она высоко чтитъ культъ супружеской вѣрности, тѣмъ болѣе что непопозволительная страсть зачастую имѣетъ самый трагическій конецъ. Но въ этой свѣтлой картинѣ есть и темныя мѣста. Тяжелый, раздражительный, часто капризный характеръ; вспышки ревности, зависть, любовь къ злословію, чрезвычайное любопытство. Если присоединить къ этому жажду къ разнообразію нервной страстной натуры, между тѣмъ какъ жизнь складывается самымъ монотоннымъ образомъ, то станетъ понятнымъ болѣзненно-истерическое состояніе, въ которомъ находится большинство женщинъ этой дикой страны. Но если мы сравнимъ это несчастное, забитое существо съ свободной, независимой, могущественной женщиной нашей цивилизаціи, если мы вспомнимъ, что природа предназначила ихъ для одной и той-же роли, то чувство жалости невольно охватываетъ насъ и мы не можемъ отказать черногоркѣ въ нашей похвалѣ и удивленіи. Въ ней вполнѣ примѣнимы слова Мишеля Леви: «женщина, съумѣвшая отказаться отъ всѣхъ своихъ потребностей для того, чтобъ доставить благосостояніе тому, кого она любить..... Она слаба, но когда явится необходимость или раздается приказаніе деспота-мужа, она идетъ копать землю или, сгибаясь подъ тяжестью ноши, слѣдуетъ за лошадыю своего хозяина... Нѣтъ усилій свыше ея силъ, нѣтъ труда слишкомъ для нея тяжелаго».

Поэзія въ свою очередь воздастъ черногоркѣ должную ей славу; часто совершенно неизвѣстная дѣвушка дѣлается благородной, возвышенной, легендарной героиней народной пѣсни. Но по большей части она фигурируетъ въ поэтическихъ рапсодіяхъ въ роли сотрудницы отца или мужа, участницы въ ихъ военныхъ подвигахъ, трудахъ и кровавой мести. Какъ слабо вышло-бы романтическое описаніе несчастій двухъ влюбленныхъ рядомъ съ пѣсней *Черногорска жонна* (черногорская женщина)! «Въ горахъ жалуются и плачутъ гайдуки: бѣдный Станишъ; несчастье мнѣ, неотомстившему за твою смерть! Въ глубинѣ долины Чузы жена Станиша слышитъ эти крики и узнаетъ, что мужъ ея умеръ».

«Тогда, она бросается, съ ружьемъ въ рукѣ, пылая христіанка, и взбѣгаетъ на зеленыя тропинки, по которымъ спускались пятнадцать турокъ, предводимые Ченгизъ-агою (Schenghitj-aga), убійцы ея мужа. Едва она замѣчаетъ Ченгизъ-агу, какъ прицѣливается въ него и владетъ его мертвымъ. Остальные турки убѣгаютъ, испуганные смѣлостью этой героической женщины; она отрѣзаетъ голову ихъ начальника и приноситъ ее въ деревню».

«Тогда Фати, вдова Ченгиза пишетъ письмо къ вдовѣ Станина: «Ужасная христіанка; убивъ моего Ченгизъ-агу, ты вырвала у меня

оба глаза; поэтому, если ты настоящая черногорка, ты придешь завтра одна на границу; там я буду тебя ждать; мы помѣримъ наши силы и увидимъ кто изъ насъ былъ лучшей женой.

«Христіанка снимаетъ съ себя женскую одежду, надѣваетъ платье и оружіе Ченгизъ-аги, беретъ его ятаганъ, два пистолета и его великолѣпный карабинъ, садится на его славнаго скакуна и пускается въ путь по тропинкамъ Чузы, крича передъ каждымъ утесомъ: «Если здѣсь спрятался братъ черногорецъ, то пусть онъ не убиваетъ меня, принявъ за турка, потому что я дочь Черногоріи!»

«Но, пріѣхавъ на границу, она видитъ, что коварная мусульманка привела съ собою родственника, который верхомъ на огромной черной лошади, какъ бѣшеный, бросается на молодую христіанку.

«Но она безъ страха ждетъ его; хорошо направленная пуля попадаетъ ему прямо въ сердце; она струбаетъ ему голову, потомъ догоняетъ, бросившуюся въ бѣгство мусульманку, приводитъ ее связанною въ Чузу, дѣлаетъ своею служанкою и вставляетъ ее усыплять своими пѣснями сиротъ Станина. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ она освобождаетъ мусульманку и отсылаетъ къ ея соотечественникамъ».

Кромѣ того славянскія пѣсни изобилуютъ отдѣльными эпизодами, въ которыхъ женская храбрость принимаетъ величественные размѣры; нѣтъ ни одной войны, гдѣ не появилась-бы новая героиня и не прибавился-бы новый лавровый вѣнокъ къ этой коронѣ безсмертія.

Намъ легко въ настоящее время признать и одѣнить всѣ заслуги черногорскихъ женщинъ, такъ какъ теперь передъ нашими глазами, въ лицѣ княгини Черногоріи, стоитъ образецъ женщины способной на самое крайнее самопожертвованіе и на самую отчаянную храбрость. Но прежде чѣмъ закончить эту главу, мы считаемъ нужнымъ еще разъ напомнить о той дѣятельной роли, которая всегда выпадаетъ на долю черногорскихъ женщинъ въ то время, когда Черногорія дерется съ турками. Дѣйствительно, во все время непріязненныхъ дѣйствій на долю женщинъ выпадаетъ обязанность каждый день приносить войскамъ съѣстные и военные припасы, переносить и заботиться о раненыхъ, однимъ словомъ образовать вторую вспомогательную армію, которая позволила-бы утилизировать всѣ силы страны. Сколько разъ видѣли, какъ онѣ безстрашно устремлялись на поле сраженія, подвергали себя опасностямъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и такимъ образомъ, много столѣтій спустя, воскрешали то безстрашное поведеніе германскихъ женщинъ, о которомъ Тацитъ писалъ:

«Memoriae proditur, quasdam actes, inclinatas jam et labantes, a feminis restitutas, constantiâ precum, et objecta pectorum, et monstratâ cominus captivitate *).

*) C. C. Tacitus, De situ, moribus et populis Germaniae, pars VIII.

«Утверждаютъ, что иногда женщины задерживали бѣгство армій, уже близкихъ къ пораженію; что они своею настойчивостью, своими упорными просьбами возобновляли битвы, подставляя подъ удары свою грудь и описывая всѣ ужасы плѣна».

ГЛАВА V.

Черногорскій костюмъ. — Оружіе. — Одежда женщинъ. — *Кана* и ея символическое значеніе.

Обращая вниманіе на одежду жителей Европы или даже всего земнаго шара, мы безъ труда можемъ замѣтить, что отдѣльные, національные костюмы приводятся все болѣе и болѣе къ одному общему типу, типу крайне неудобному, часто даже смѣшному и непостоянному. Черногорецъ совершенно не подчиняется этому правилу; онъ съ презрѣніемъ смотритъ на тысячи изобрѣтеній моды, и, вѣрныи своимъ традиціямъ, въ наше время представляетъ всею своею личностью того-же воина, который много вѣковъ тому назадъ сражался за независимость своей страны. Въ данномъ случаѣ одежда нѣкоторымъ образомъ обрисовываетъ того, кто ее носитъ. Яркія цвѣта и изобиліе вышивокъ указываютъ на тщеславіе и древніи аристократическіи претензіи; форма обуви и ея легкость прямо говорятъ о человѣкѣ, привыкшимъ бросаться съ утеса на утесъ и безъ усталы проходить огромныя пространства; многочисленное и роскошное оружіе очевидно принадлежитъ солдату, всегда готовому выступить на границу; наконецъ въ прическѣ черногорца находятъ себѣ эмблематическое выраженіе и даже народныя стремленія.

Вопросъ объ одеждѣ, съ экономической точки зрѣнія, касается самыхъ серьезныхъ интересовъ черногорскаго княжества. Общая роскошь въ одеждѣ, не говоря уже о томъ, что дѣлаетъ мертвымъ значительный капиталъ, служить, кромѣ того, источникомъ долговъ, оправданіемъ ничего не дѣланію и вдобавокъ возбуждаетъ зависть, къ которой черногорцы, къ сожалѣнію, весьма склонны. Достаточно будетъ сказать, что стоимость полнаго черногорскаго костюма, включая сюда и оружіе, достигаетъ до 1,500 франковъ, что, при капитализаціи изъ мѣстныхъ процентовъ (17 на 100), представитъ капиталъ въ 5,100 франковъ; эта сумма въ пятнадцать разъ болѣе ежегоднаго жалованія мелкаго правительственнаго чиновника и превышаетъ даже оклады высшихъ государственныхъ садовниковъ.

Понимая вполне губительное вліяніе подобной роскоши на народное богатство, князь Николай попытался въ 1870 году положить конецъ такому порядку вещей. Онъ установилъ извѣстныя категоріи отличій

присвоилъ только строго опредѣленное золотое шитье каждой тещени въ этихъ категоріяхъ. Затѣмъ, присоединяя собственной примѣръ къ изданнымъ правиламъ, онъ нѣкоторое время носилъ только одно бумажное шитье и путешествовалъ съ крайней простотой. Но сила привычки не замедлила восторжествовать надъ этимъ благоразумнымъ распоряженіемъ, и въ настоящее время дѣла идутъ такъ-же какъ и прежде. Притомъ изданіе закона противъ роскоши никогда не можетъ уничтожить описываемой нами безпорядокъ: черногорцы охотнѣе помирятся съ новымъ налогомъ, чѣмъ пожертвуютъ удовольствіемъ своего тщеславія.

Главная мужская одежда состоитъ изъ *гуны*, родъ длиннаго сюртука, съ узкими рукавами и съ складками на талии. Она носится широко раскрытой, какъ для удобства ходьбы, такъ и для того, чтобъ не закрывать шитье *джамадана* (жилета). Гуня напоминаетъ венгерскій сюртукъ и какъ кажется употреблялась еще въ древней Сербіи, гдѣ ее носили богато разукрашенною шитьемъ. Ея бѣлый цвѣтъ вполне націоналенъ: у венгерцевъ она черная, а у древнихъ сербовъ часто была изъ краснаго бархата. Люди съ состояніемъ дѣлаютъ ее изъ весьма тонкаго и дорогаго сукна вѣнскихъ фабрикъ; простой народъ — изъ толстаго сукна и часто даже просто изъ бумажной матеріи. Простая гуня изъ хорошаго сукна обыкновенно стоитъ отъ 75 до 125 франковъ; но золотое шитье сильно возвышаетъ ея цѣну. Стоимость гуны изъ зеленаго сукна, съ богатымъ шитьемъ, доходитъ до 1,500 фран. Несмотря на все уваженіе, которое заслуживаетъ эта одежда, какъ костюмъ чисто національный, нельзя не сознаться, что она весьма неудобна и не выполняетъ гигиеническихъ условій: рукава ея слишкомъ узки и она не закрываетъ передней части тѣла; впрочемъ, она имѣетъ то преимущество, что не доходитъ до шеи и не стѣсняетъ ея движеній.

Снизу гуны носится *джамаданъ*, родъ широкаго жилета, вастеги-вающагося на груди. Онъ тоже часто украшается золотымъ шитьемъ; его обыкновенная цѣна 25 фран., но можно встрѣтить джамаданы въ десять разъ дороже.

Якета, родъ суконной куртки съ широкими, равнѣнными рукавами, обыкновенно откидываемыми назадъ, надѣвается поверхъ гуны или же и безъ ней. Ея носить только князь и нѣкоторые высокопоставленныя личности; но эта чрезвычайно богатая и красивая одежда вовсе не принадлежитъ, какъ это думаютъ иностранцы, къ національному костюму; она занесена въ Черногорію и даже, какъ говорятъ, выдумана однимъ банатскимъ сербомъ по имени Цега, который одно время былъ адъютантомъ у нынѣшняго черногорскаго князя. Якеты стоятъ очень дорого, часто болѣе ста дукатовъ.

Коретъ — красная куртка безъ рукавовъ; носится поверхъ гуны, какъ и якета, которой онъ не уступаетъ ни въ богатствѣ шитья, ни въ цѣнѣ. Коретъ вполне національная одежда.

Нѣкоторые изъ старыхъ черногорцевъ, кромѣ одеждъ вышешеношнованныхъ, носятъ еще красную, длинную и широкую куртку, отланную мѣхомъ. Эта старинная одежда называется *чинтератъ*. Бия Данило весьма любилъ этотъ костюмъ и въ немъ онъ представленъ на портретѣ, украшающемъ парадный залъ дворца въ Цетиньѣ.

Въ числѣ костюма черногорцевъ сохранилась еще одна одежда правда, встрѣчающаяся довольно рѣдко. Она имѣетъ форму жилета и также застегивается, но вся ея передняя часть и плечи убраны положенными горизонтально маленькими серебрянными пластинками и пуговицами, образующими такимъ образомъ родъ кирасы, способной защитить плечи и грудь отъ сабельныхъ ударовъ, но безсильной противъ ружейной пули. Эта одежда называется *поке*.

Гачъ или панталоны дѣлаются изъ голубаго сукна или изъ бумажной матеріи того же цвѣта и имѣютъ форму турецкихъ шароваръ. Они доходятъ только до колѣнъ и тамъ удерживаются подвязкою.

Поясъ или *паясъ* походитъ вполнѣ на турецкій; онъ широкъ и длиненъ, такъ что нѣсколько разъ обхватываетъ тѣло; съ помощью его равномерно располагаютъ на талии складки гуньи. Паясъ обыкновенно дѣлается изъ красной шерсти и состоитъ отъ четырехъ до шести флорицовъ; цѣна турецкаго пояса изъ разноцвѣтнаго шени доходитъ до семи дукатовъ.

Второй поясъ называется *коланомъ*. Онъ дѣлается изъ кожи или краснаго сафьяна и состоитъ изъ множества двойныхъ ремешковъ или петелекъ, взаимно другъ друга прикрывающихъ съ цѣлью защитить пистолеты и ханджаръ, которые за нихъ затыкаются.

Такъ какъ черногорецъ постоянно носитъ свое оружіе и зачастую порохъ уже бываетъ насыпанъ на полки его кремневыхъ пистолетовъ, то коганъ, прикрывающій ихъ казенную часть, дѣлается весьма важною частью одежды. Эти пояса изготовляются по большей части въ Скутари и Подгорицѣ и на каждомъ базарѣ ихъ можно найти сколько угодно; они стоятъ отъ шести до двѣнадцати цванцигеровъ. Въ сосѣднихъ турецкихъ провинціяхъ носятъ коланы, украшенные различнымъ шитьемъ, но въ Черногоріи они всегда просты. Мальчики надѣваютъ ихъ съ весьма ранняго возраста и затыкаютъ за нихъ ножъ или кинжалъ, въ ожиданіи перваго пистолета, который скоро замѣнитъ для нихъ всѣ дѣтскія игрушки.

Штрукой называется шарфъ изъ сѣрой шерсти въ 2 метра длиною и 80 сантиметровъ шириною. Онъ оканчивается длинными концами, что придаетъ ему весьма красивый видъ, вполнѣ напоминающій шотландскій пладъ. Штрука ткется дома и ея средняя стоимость равняется пяти талари; она составляетъ предметъ первой необходимости для черногорца. Онъ не можетъ обойтись безъ нея ни зимою, ни лѣтомъ, потому что, смотря по надобности, она защищаетъ его и отъ дождя, и отъ вѣтра, и отъ холода, а также часто

замѣняетъ ему матрацъ, одѣяло или подушку. Поэтому сложилась такая пословица: хорошая-ли погода, дурная-ли, все равно, бери свою штруву; ты ляжешь или на ней или подъ ней.

Сапоги и башмаки замѣнены въ Черногоріи *опанками* (оранкѣ); такъ называются сандалии, употребленіе которыхъ сильно распространено на Балканскомъ полуостровѣ. Для производства не требуется ни малѣйшаго искусства; для этого нужно взять кусокъ недубленной кожи и выкроить его по формѣ ступни но, по длиннѣе и пошире, такъ какъ потому края опанке загибаются и предохраняютъ пальцы ногъ отъ ударовъ. Затѣмъ вокругъ подошвы протыкаютъ рядъ дырочекъ и въ нихъ продѣваютъ ремень, который образуетъ собою края сандалии и даетъ ей полувогнутый видъ. Дальше, края передней обуви переплетаются тонкими ремешками и образуется сѣтчатый передокъ башмака, и наконецъ въ петли задней половины продѣваются тѣ же ремешки, которыми сандалии привязываются крѣпко къ ногъ.

Надѣтый опанке имѣетъ видъ восточной туфли, но не лишень изящества. Пара опанокъ стоитъ четыре цванцигера и можетъ носиться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, хотя обыкновенно носится гораздо больше, такъ какъ мужчины и женщины ради экономіи ходятъ большею частію босикомъ, особенно во время дождя, потому, что сырость очень вредна для ихъ обуви. Поэтому черногорская пословица совершенно основательно говоритъ: «опанке изнашиваются на всегда, а ступня ноги только на время».

Опанки находятся въ употребленіи не только въ Черногоріи, но и въ Далмаціи, Босніи, Герцеговинѣ и даже Сербіи, гдѣ ими снабжены нѣкоторые войска.

Эта простая обувь даетъ возможность черногорцу крѣпко держаться на его утесахъ; онъ легко, свободно и въ совершенной тишинѣ передпрыгиваетъ съ одного утеса на другой и иногда только слабое бряцаніе оружія указываетъ на его присутствіе. Сколько разъ случилось намъ идти по тропинкѣ и думать, что мы совершенно одни, между тѣмъ, оборачиваясь, мы замѣчали черногорца, который, быть можетъ, уже давно совершенно спокойно, безъ всякаго шума, шелъ за нами. Иностранецъ, рѣшившійся надѣть черногорскую обувь, былъ-бы жестоко наказанъ за это: камни скоро изрѣзали-бы его ступню, такъ какъ слабая подошва сандалии не въ состояніи защитить ея. Во время возмущенія въ Каттаро въ 1869 году вздумали снабдить обувью горцевъ войска, назначенныя къ атакѣ неприступныхъ высотъ, но опытъ скоро показалъ все безуміе подобной попытки, отъ которой немедленно надо было отказаться изъ опасенія сдѣлать нигуда негодными тѣ поля, гдѣ она была примѣнена. Дѣйствительно, только въ силу долгаго упражненія съ самаго дѣтства ступня ноги получаетъ ту затвердѣлость, которая необходима для носки опанке.

Мѣстный чулокъ, или *чарапъ* вяжется не цѣльнымъ, а застегивается сбоковъ на маленькія пугови; его вяжутъ изъ толстой шерсти и это составляетъ главнѣйшее занятіе женщинъ, какъ дома, такъ и въ дорогѣ. Къ чарапу часто прибавляютъ *мазучичи* или плотные концы чулка съ цѣлью лучше предохранить пальцы ноги отъ ударовъ.

Затѣмъ важную часть черногорской одежды составляетъ родъ щиблета изъ войлока или толстой шерстяной матеріи. Онъ называется *доколеница*; обхватывая плотно всю ногу до самой щиколки, доколеница держать въ напряженіи мускулы икръ, служить имъ точкою опоры и значительно облегчаетъ ходьбу. Застегивался сбоку на сорокъ мѣдныхъ крючковъ, доколеница нѣкоторымъ образомъ выливается въ форму ноги и имѣетъ только одинъ недостатокъ: — трудность одѣванія. Дѣйствительно, на это потребно по крайней мѣрѣ десять минутъ, что было-бы совершенно несообразно съ условіями боевой жизни солдата, если-бы черногорецъ не имѣлъ привычку спать совершенно одѣтымъ и такимъ образомъ готовымъ броситься при первомъ шумѣ, при малѣйшей тревогѣ. Люди съ состояніемъ носятъ доколеницу изъ тонкаго сукна, часто зеленого цвѣта, и украшенную золотыми позументами. Такія щиблеты встрѣчаются и въ Албаніи.

Оружіе черногорца, составляющее часть его костюма, состоитъ изъ пистолетовъ или *мале пушке* и *санджара* или ножа. Пистолеты употребляются исключительно кремневые, съ широкимъ дуломъ; дороговизна капсюлей и трудность ихъ добыванія, рядомъ съ закоренѣлой привычкою еще на долго обезпечать употребленіе этого крайне неудобнаго оружія, которое впрочемъ дѣлается ужаснымъ въ рукахъ черногорца. Пистолеты съ серебряными украшениями называются *леденца*, а съ толстой рукояткой — *кубурици*. Нѣкоторые изъ черногорцевъ отличаются тѣмъ, что носятъ за поясомъ одинъ или два револьвера. Цѣна пары пистолетовъ колеблется между четырьмя и сорока дукатами. Кромѣ карабиновъ новой системы и игольчатыхъ ружей, имѣющихся, какъ мы увидимъ, въ княжествѣ въ довольно значительномъ количествѣ, много семействъ имѣютъ еще *дуна тунка*, длинное ружье, или албанское ружье; если прикладъ этого ружья украшенъ перломутровыми инкрустаціями, то оно носитъ названіе *джевердаръ* (*djevedgar*) и стоитъ до сорока дукатовъ. Обыкновенное ружье, съ длиннымъ и узкимъ дуломъ называется *шишана* (*shichana*); короткое и толстое ружье — *штучъ*. Эти весьма плохія ружья стоятъ не болѣе трехъ или четырехъ дукатовъ. Черногорецъ, какъ отличный стрѣлокъ, весьма скоро понялъ значеніе нашихъ карабиновъ и особенно игольчатыхъ ружей. Но эти послѣднія выдаются только самымъ лучшимъ стрѣлкамъ, такъ какъ финансы страны не позволяютъ бесполезно тратить на одного патрона.

Каждый черногорецъ сохраняетъ свое оружіе дома; оружейныхъ складовъ въ странѣ весьма немного; горецъ ухаживаетъ за своимъ

Николай I, князь Черногоріи.

ружьемъ, бережетъ его и часто вмѣстѣ съ нимъ путешествуетъ, такъ что чужестранецъ не рѣдко принимаетъ за солдата каждаго крестьянина, спокойно идущаго въ сосѣдную деревню устраивать свои дѣлишки.

Ханджаръ (handjar) или *ноже* (noje) дополняютъ оружіе черногорца; это скорѣе длинный кинжалъ, чѣмъ настоящая сабля. Его длина равняется 65 или 70 сантиметрамъ, изъ которыхъ 12 приходятся на долю костяной рукоятки. Стоимость ханджара зависитъ отъ качества клинка, отъ его древности, отъ отдѣлки ноженъ и рукоятки и наконецъ изъ его репутаціи. Дѣйствительно съ нѣкоторыми изъ нихъ связаны цѣлыя легенды, они считаются безцѣнными и религиозно передаются отъ отца къ сыну въ продолженіе многихъ поколѣній. Весьма обыкновенный *ножь* стоитъ уже четыре дуката; между этимъ скромнымъ оружіемъ и ханджаромъ съ ножнами и рукояткою изъ стараго серебра можно найти цѣлый послѣдовательный рядъ оружія; часто люди среднего класса носятъ за поясомъ ханджаръ цѣною въ пятнадцать или двадцать дукатовъ.

Ятаганъ, настоящая турецкая сабля, составляетъ по преимуществу часть военной добычи. Онъ носитса исключительно людьми, отличившимися на полѣ сраженія и служитъ признакомъ власти.

Клинокъ ятагана, равно и ханджара, всегда отточенъ. Черногорецъ часто пользуется своимъ оружіемъ для потребностей обыкновенной жизни. На пиршествахъ онъ разрѣзаетъ имъ на двадцать частей цѣлаго жаренаго барана, и даже самыя толстыя кости не могутъ устоять передъ напоромъ острой стали. Въ рукѣ черногорца ханджаръ ужасное оружіе; имъ наносятся всегда страшные удары и рѣшается участь битвы. Намъ рассказывали, что во время войны 1862 г., одинъ знаменитыиъ, преслѣдуя бѣжавшаго турка, ударомъ ханджара мгновенно отрѣзалъ ему голову, такъ что тѣло турка не испытало ни малѣйшаго сотрясенія. Разумѣется, мы не повѣрили-бы этому разсказу, если-бы сами не были свидѣтелями еще болѣе странныхъ примѣровъ *).

Кромѣ этого оружія, черногорецъ носитъ еще въ своемъ коланѣ маленькую палочку или *арбіа* (arbia) для заряжанія пистолетовъ; она же служитъ ему щипцами при закуриванія его трубъ.

Свади, на поясѣ, привѣшаны тѣзе (tjese) или патронницы. Эти состоятъ изъ двухъ ящичковъ, сдѣланныхъ изъ твердой кожи, а иногда изъ массивнаго серебра художественной работы; въ послѣднемъ случаѣ ихъ цѣна доходитъ до пятидесяти дукатовъ.

Длинная трубка или *чибукъ* тоже составляетъ необходимую принадлежность черногорца; она зачастую служитъ ему вмѣсто рычага; такъ какъ черногорецъ никогда не носитъ тяжесть на спинѣ, что

*) Такъ, напр., мы видѣли, какъ однимъ ударомъ разрѣзались пополамъ три положенныхъ одинъ на другаго жаренныхъ барана, или отрубалась голова молодого быка.

уподобляло-бы его женщинѣ и слѣдовательно унижало бы его, то онъ владеть свой чибукъ на плечо, прицѣпляеть свою полу на одинъ конецъ и держа руками за другой балансируетъ ея тяжесть.

Маленькая турецкая трубка, или *кратки чибукъ* (cratke tchibouk) съ весьма узенькой головой, тоже находится во всеобщемъ употребленіи; но наша обыкновенная трубка или *Синзіа* (sinsia) совершенно неизвѣстна въ Черногоріи. Портъ-сигаръ, мухтикла (mouchtikla) и *чибучихи* (tckibouchitchi,) встрѣчается только у знатныхъ людей. Каждый носить на поясѣ свой табачный кисетъ или *таболатъ* (tabolats), а въ маленькомъ кармашкѣ, называемомъ *чизитза* (tchiésitza), помѣщаются кремь, огниво и трутъ.

Наконецъ, когда черногорецъ отправляется въ дорогу и ему необходимо имѣть съ собою провизію, онъ беретъ торблицу—маленькій шерстяной мѣшокъ, куда какъ ни попалю кладутся маисъ, сыръ, лукъ и соленая рыба.

Черногорцы рѣдко надѣваютъ чистое бѣлье; если надѣта новая рубашка, то она снимается только тогда, когда превратится въ лохмотья, носовые платки имъ рѣшительно незнакомы и зачастую, разговаривая съ вами, черногорецъ спокойно поворачивается и сморкается самымъ первобытнымъ способомъ.

Важнѣйшую часть костюма черногорской женщины составляетъ *коретъ* (corot)—родъ длинной басины съ таліей и безъ рукавовъ. Коретъ всегда бѣлаго цвѣта, какъ и гуны, и готовится изъ того-же сукна; въ углахъ и по краямъ находится золотое шитье; дѣла корета колеблется между тремя и шестью дукатами. Мало находится женщинъ, которыя были бы въ состояніи носить такую-же вышитую золотомъ якету, каковую носятъ мужчины; подобная ронгошь встрѣчается только въ семействахъ князя и сенаторовъ. Якета передается по наслѣдству отъ матери къ дочери и носится только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно юпла якеты дѣлается бѣлой или весьма яркихъ цвѣтовъ; корсажъ замѣненъ турецкой рубашкой съ широкими рукавами, украшенными золотыми галунами.

Фартукъ или *траверса* (traversa) составляетъ тоже существенную часть женскаго костюма. Онъ дѣлается шелковый или изъ цвѣтныхъ матерій и такъ какъ онъ скорѣе предметъ роскоши чѣмъ необходимости, то и надѣвается только при большомъ туалетѣ. Женская обувь состоитъ тоже изъ опаночъ; но столичные франтихи уже начинаютъ носить ботинки. Длинные чулки называются *биче*.

Почти дикій образъ жизни черногорской женщины, необходимость въ свободѣ движеній, не позволяють ей носить корсета; найдутся люди, которые похвалятъ этотъ обычай, но имъ стоитъ только отправиться въ Черногорію, чтобъ убѣдиться, что женщина врядъ-ли что выиграетъ отъ этого.

Женскій поясъ имѣетъ скорѣе видъ огромнаго ожерелья, чѣмъ настоящаго пояса. Онъ состоитъ изъ крупныхъ кусковъ сердолика,

въ мѣдной или серебряной оправѣ, прикрѣпленныхъ къ толстому ремню; его высота двѣнадцать сантиметровъ; натурально онъ весьма тяжелъ и поэтому снимается во время путешествій. Этотъ поясъ, по причинѣ своей ширины и вѣса, не можетъ плотно охватывать талію, такъ что между нимъ и животомъ остается большой промежутокъ, который черногорки обращаютъ въ настоящій магазинъ.

Женщины высшихъ классовъ носятъ легкіе и красивые серебряные пояса, приготовляемые въ Скутари. Цѣна обыкновеннаго, народнаго пояса, если онъ сдѣланъ изъ хорошихъ кусковъ сердолика и оправленъ въ серебро, доходить до сорока дукатовъ и даже болѣе.

Черногорскія женщины до своего замужества носятъ обыкновенный мужской головной уборъ т. е. капу (кара) или капичу (kapitsa), но послѣ замужества надѣваетъ *марама* (marama). Это большой шелковый или шерстяной платокъ; онъ вполне закрываетъ голову и падаетъ на спину до самаго пояса, прикрывая плечи и образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ вуаля. Въ отношенія изящества и красоты—марама никуда негодный головной уборъ; она скрываетъ роскошные волосы черногорки, которые сами по себѣ могли бы быть великолѣпнымъ уборомъ. Головной платокъ можетъ быть разнообразныхъ цвѣтовъ, но во время траура онъ всегда черный.

Одежда черногорской женщины, взятая въ общемъ, дѣйствительно живописна и весьма красива. Блескъ бархата и золотого шитья производитъ впечатлѣніе, которому могли-бы позавидовать царицы модъ нашихъ столицъ.

Древніе сербы и венгерцы носили обыкновенно калпахъ (kalpach), но теперь онъ почти вышелъ изъ употребленія. Собственно въ Черногоріи, со времени князя Данилы, который еще часто носилъ его, калпахъ можно увидать только весьма рѣдко на торжественныхъ церемоніяхъ. Головной уборъ дѣйствительно національный въ Черногоріи—есть *капа*. Мы не забудемъ дать ея описаніе, такъ какъ капа имѣетъ символическое значеніе, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ резюмируется все прошедшее и будущее страны. Капа имѣетъ форму ермолки высотой въ семь или восемь сантиметровъ, съ прямыми краями и плоскимъ дномъ. Дѣлается она изъ краснаго сукна, но покрывается по всей своей высотѣ черной шелковой лентой, которая кончается легкой складкой на верху ермолки. Отъ конца этой складки, по красному фону дна, вышивается золотой полукругъ, окруженный ореоломъ.—Такова простонародная капа; у высшихъ-же сословій она украшена спереди позолоченной или посеребренной мѣдной пластинкой, на которой у сенаторовъ и адъютантовъ находится княжескій гербъ, а у остальныхъ чиновниковъ или военныхъ начальниковъ—корона или вензель князя.

Капа весьма недостаточно защищаетъ отъ солнца и атмосферическихъ вліяній, тѣмъ не менѣе черногорецъ никогда не разстанетъ съ ней.

Символическое значеніе капы слѣдующее: красное дно—это кровавое озеро, въ которомъ со времянь битвы при Коссово, находится Черногорія постоянно борясь за свою независимость, черный бордюръ означаетъ траурный вуаль, накинутый на всю страну: золотой полукругъ, окруженный ореоломъ—это солнце Черногоріи, восходящее на кровавомъ горизонтѣ; оно скоро покроетъ и согрѣетъ своими лучами возраждающееся сербское отечество.

ГЛАВА VI.

Жизнь въ Черногоріи. — Жилища. — Игры. — Дѣтство и юношество. — Побратимы. — День черногорца. — Гула. — Смерть. — Эпизодъ.

Два условія необходимы для того, кто хочетъ знать чужую страну, народъ или правительство. Во-первыхъ, нужно долго жить въ данной странѣ, жить посреди этого народа, подчиняться законамъ даннаго правительства; во-вторыхъ, необходимо проникнуться нравами, учрежденіями, исторіею народа, узнать языкъ, литературу, словомъ, всю цивилизацію того громаднаго человѣческаго семейства, съ которымъ хочешь познакомить своего читателя. Безъ соблюденія этихъ двухъ условій, можно написать сочиненіе болѣе или менѣе ученое, поэтическое или юмористическое, но всегда далекое отъ истины.

Подобныхъ сочиненій существуетъ много и о Черногоріи, такъ что эта маленькая страна рѣдко появлялась въ ея описаніяхъ съ своей настоящей физиономіею. Мы долго жили въ Черногоріи; ея языкъ родной для одного изъ насъ, и посвященные въ нравы страны, мы, такъ-сказать, сами испытали ту оригинальную жизнь, картину которой мы хотимъ представить нашимъ читателямъ. Но прежде чѣмъ приступить къ изученію интересныхъ вопросовъ объ учрежденіяхъ страны, объ ея правительствѣ, о религіи и нравахъ, мы послѣдуемъ за черногорцемъ въ его жилище и посмотримъ на его обыкновенную жизнь, впоследствии мы встрѣтимъ его на болѣе широкомъ поприщѣ, на поприщѣ политики, религіи и войны.

Сербы, бѣжавшіе въ Черногорію послѣ разоренія своего отечества, строили свои бѣдныя деревушки или на мало доступномъ утесѣ, или у подошвы горы, служившей имъ могучею защитою. Ихъ дѣти расширяли первоначальныя постройки и скоро каждая деревня представляла какъ-бы одно семейство (Братство, bratsvo). Въ формѣ постройки этихъ деревень нельзя найти ни малѣйшей правильности и однообразія. Черногорскія хижины, большею частью въ одиночку, встрѣчаются и здѣсь и тамъ, или разбросанныя по пригорку или

расположенные амфитеатромъ по склону долины, причѣмъ каждый клочекъ плодородной земли тщательно оберегается отъ построекъ. Иногда дома, разбросанные среди утесовъ, кажутся издалека какъ будто переиъшанными съ утесами, а близи имѣють видъ зубчатыхъ редиовтовъ; посреди которыхъ можно совершенно безопасно выдерживать огонь нападающаго. Каждая деревня могла превращаться въ врѣбность, а если пожаръ истребитъ соломенные крыши и жалкіе заборы, то достаточно работы нѣсколькихъ дней, чтобъ черногорець снова имѣлъ прежнее жилище.

Двѣнадцать лѣтъ относительнаго мира, которымъ пользуется княжество, увеличивая благосостояніе страны, повліяло въ выгодную сторону на постройку жилищъ; даже въ столицѣ до этого времени крыши покрывались исключительно одною соломой; въ настоящее же время тамъ можно найти много домовъ, покрытыхъ черепицами. Городъ Ріека (Riëka), деревни Чево, (Scheev) Доброско-село (Dobrosko-selo), Селлинъ (Seklin) и наконецъ новый городъ Данилоградъ не имѣють уже болѣе того жалкаго вида, которымъ они двадцать лѣтъ тому назадъ поражали глаза рѣдкихъ путешественниковъ по Черногоріи. Тѣмъ не менѣе мы остановимся на одной изъ первобытныхъ деревень Черногоріи, типъ которыхъ еще долго продержится въ странѣ, и рассмотримъ ее. Жилище здѣсь походить болѣе на хижину, чѣмъ на домъ; стѣны болышею частью изъ сухаго камня, крыша соломенная. Иногда четыре толстые столба, вбитые по угламъ и соединенные перекладинами, образуютъ весь остовъ зданія; плетень, обмазанный глиной и навозомъ, служить стѣнами; весь домъ имѣеть только одно отверстіе — дверь; полъ земляной. Внутренность жилища вполне согласуется съ его жалкимъ наружнымъ видомъ; весь домъ часто состоитъ только изъ одной комнаты, которая служитъ въ одно и то же время кухней, спальнею, чердакомъ и конюшнею. Середина комнаты занята вѣчно пылающимъ или дымящимъ очагомъ, надъ которымъ виситъ мѣдный или чугунный котелъ, предназначенный для всѣхъ возможныхъ кулинарныхъ упражненій; вокругъ очага расположена круглая скамья, сдѣланная изъ обтесанныхъ камней или просто изъ утрамбованной земли. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ грубо сдѣланная на подобіе сундука кровать; (одаръ, oðar или постелья, postelja) гдѣ обыкновенно спятъ двое или трое на соломенномъ тюфякѣ или просто на соломѣ. Круглый столъ въ нѣсколько дециметровъ высотой и на немъ большая миска, изъ которой каждый можетъ ѣсть сколько угодно, доставая пищу пальцами; маленькія деревянныя скамеечки, на подобіе треножниковъ, называемыя *столитце* (stolitze); большой ящикъ, выкрашенный яркими красками и купленный въ Скутари или на базарѣ Ріека; ящикъ, въ которомъ складывается вся одежда цѣлаго семейства; нѣсколько глиняныхъ или желѣзныхъ кувшиновъ, немного старой посуды, мѣдное ведро, одинъ или два боченка, вмѣстимостью до сорока литровъ для

носки воды; каменный или деревянный молотъ для того, чтобы молотъ масть; весьма толстое глиняное блюдо для печенія хлѣба; нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ одѣяль, которыя на ночь расстилаются вокругъ очага; наконецъ, нѣсколько вязанокъ хвороста въ углу: вотъ всѣ вещи, которыя находятся внутри этого спартанскаго жилища. Но почти во всякомъ домѣ можно встрѣтить одинъ или нѣсколько простыхъ образовъ Богородицы; передъ ними набожно молятся всѣ члены семейства и, когда въ домѣ есть больной или просто семейству угрожаетъ какое нибудь несчастье, то зажигаются маленькія восковыя свѣчи.

За исключеніемъ нѣсколькихъ столичныхъ домовъ, своей постройкой приближающихся къ европейскимъ, въ остальныхъ черногорскихъ домахъ окончательно нѣтъ печекъ. Съ утра до ночи, а часто и всю ночь дымъ отъ очага свободно расходуется по всей комнатѣ, коптитъ мебель, стѣны и балки, которыя принимаютъ наконецъ общій цвѣтъ, и уходитъ въ мѣстахъ соединенія черепицъ или въ скважины соломенной крыши. Такъ какъ черногорецъ по большей части сидитъ согнувшись около очага или на столитцахъ, то его мало беспокоитъ дымъ, собирающійся по преимуществу въ верхнихъ частяхъ комнаты и онъ такимъ образомъ сохраняетъ остроту своего зрѣнія, потеря которой была-бы неизбѣжной въ противномъ случаѣ. Поэтому вполне напрасно приписали черногорцамъ способность жить въ совершенно наполненномъ дымомъ пространствѣ. Болѣе внимательный наблюдатель никогда не написалъ-бы тѣхъ словъ, которыя мы читаемъ въ одной маленькой замѣткѣ о Черногоріи *). «Сидя на камнѣ или на скамьѣ передъ своимъ первобытнымъ очагомъ они проводятъ такъ цѣлыя часы, рассказывая о своихъ подвигахъ, покуривая свои трубки и дымъ сырыхъ деревьевъ ничуть не мѣшаетъ имъ дышать и не ѣсть ихъ глазъ. Нельзя не сознаться, что это замѣчательный примѣръ силы привычки». Авторъ этихъ строкъ долженъ замѣтить, что черногорецъ избѣгаетъ стоять посреди облака дыма, подымающагося изъ очага и если онъ проводитъ около послѣдняго цѣлыя часы, то съ непремѣннымъ условіемъ держаться какъ можно ниже къ полу, куда дымъ почти не доходитъ. Мы можемъ прибавить, наконецъ, что намъ самимъ нѣсколько разъ приходилось проводить длинные вечера вокругъ очага черногорцевъ и ни разу мы чувствительно не пострадали отъ этого, хотя и вовсе не были подготовлены къ такому опыту. Но нельзя отрицать и того, что и слабое дѣйствіе дыма очага вредитъ зрѣнію. Дѣйствительно, рѣдкій изъ черногорцевъ не страдаетъ тѣмъ поврежденіемъ глаза, который хирурги называютъ перепончатымъ наростомъ; эта болѣзнь настолько распространена въ нѣкоторыхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Черногоріи, что на нее смотрѣли какъ на эндемическую, между

*) Le Monténégro: Le pays et ses habitants. (Boulogne, Paris, 1869).

тѣмъ, какъ она вѣроятно зависить отъ причинъ, подобныхъ нами описанной. Но дымъ, наполняющій черногорскіе дома, приноситъ также и свою долю пользы. Помощью его коптятъ говядину и рыбу; затѣмъ, онъ образуетъ густой слой сажи на всѣхъ углахъ, а сажа, благодаря содержащимся въ ней креовету и смолѣ, предохраняетъ отъ гніенія балки и плетни хижины, и наконецъ онъ мѣшаетъ размноженію тысячи насѣкомыхъ, которыя безъ того давно-бы завладѣли черногорскими домами.

Дѣтство молодого черногорца проходитъ среди деревенскаго убѣжища, которое мы только что описали. Его естественные воспитатели мало повліяютъ на его умъ и сердце, но до крайнихъ предѣловъ разовьютъ его физическую силу, ловкость, проворство и внушать ему то чувство личнаго достоинства, которое современемъ станетъ въ немъ преобладающимъ чувствомъ. Привыкнувъ обращаться съ своими родителями какъ съ чужими, навывая ихъ, согласно обычаю страны, по ихъ собственнымъ именамъ, ребенокъ не испытываетъ сладостнаго чувства сыновней почтительности; видя постоянно свою мать въ состояніи близкомъ къ рабству, онъ не можетъ представить себѣ ее, обруженною сверхъестественнымъ ореоломъ, какъ это дѣлаемъ мы. Рядомъ съ этимъ онъ слушаетъ героическія пѣсни, длинные рассказы о военныхъ подвигахъ знаменитыхъ начальниковъ и его собственныхъ предковъ, и все это развиваетъ въ немъ желаніе славы, уваженіе къ своему князю и любовь къ своей родинѣ. Едва выйдя изъ пеленокъ, онъ уже гордо носить за своимъ коланомъ кинжалъ, который ему положили въ день рожденія въ колыбель. Онъ серьезно изучаетъ театральную походку взрослыхъ людей и мечтаетъ о битвахъ и отличіяхъ въ тотъ возрастъ, когда обыкновенныя дѣти думаютъ исключительно о разнообразіи удовольствій и только въ неповиновеніи родителямъ выказываютъ свою волю. Его забавы представляютъ въ миниатюрѣ военныя игры, которыми житель горъ ежедневно поддерживаетъ свою силу и ловкость.

Этихъ игръ существуетъ цѣлый рядъ: борьба, бѣгъ просто или съ значительною тяжестью; прыжки на ровномъ мѣстѣ или же чрезъ препятствія, высоту въ человѣческой ростъ; наконецъ, прыжки, держа ноги вмѣстѣ, въ которыхъ черногорецъ достигаетъ искусства перепрыгивать чрезъ лошадь. Затѣмъ слѣдуетъ игра въ паletъ, (*траиске пловки*, *ugraiské plōiki*), въ которой онъ имѣетъ настоящую страсть игра въ камень (*бачати зе камена* *batsati s'ê kamena*) или въ шаръ (*бачати зе джулета*, *batsati se djuleta*). Если прибавить къ этому самую разнообразную гимнастику, то нечего удивляться тому полному и гармоническому развитію, котораго съ раннихъ лѣтъ достигаетъ черногорецъ. Игры и упражненія пользуются всеобщимъ почетомъ; они нисколько не унижаютъ въ глазахъ черногорца ни личное достоинство, ни даже достоинство власти, такъ что часто можно видѣть какъ самъ князь, среди наиболѣе вліятельныхъ лицъ страны,

съ любовью занимается ими. Причина этому та, что древнія національныя привычки, поддерживаемыя необходимостью боевой жизни, создали родъ культа изъ того, что у насъ было-бы бесполезною забавою, и черногорець, побѣдитель на этихъ новыхъ пифійскихъ играхъ, охотно былъ-бы, какъ въ вѣкъ Перикла, награжденъ дубовымъ, лавровымъ и даже золотымъ вѣнкомъ.

Рядомъ съ этими упражненіями, подготовляющими его къ выполнению тяжелыхъ обязанностей, налагаемыхъ на него ролью защитника страны, молодой черногорець узнаетъ наиболѣе славныя событія изъ исторіи его народа. Цѣлые длинныя вечера онъ слушаетъ рассказы стариковъ, собравшихся у очага, запоминаетъ ихъ, и впоследствии самъ передаетъ ихъ своимъ дѣтямъ.

Имена сербскихъ героевъ дѣлаются ему вполне знакомыми; ихъ славныя подвиги раздаются въ его ушахъ; кто знаетъ, быть можетъ и онъ когда нибудь сравняется съ ними! До учрежденія княземъ Николаемъ школы, образованіе черногорца на этомъ и останавливалось; теперь, къ счастью, готовится новое поколѣніе, которое не въ однихъ только воспоминаніяхъ будетъ искать источника для своего нравственнаго и умственнаго развитія.

Нашъ будущій воинъ вырастаетъ подъ родительской кровлею, равнодушный къ требованіямъ комфорта, беззаботный и счастливый; онъ не видитъ ничего дальше нахмуренныхъ вершинъ сосѣднихъ горъ; изъ людей онъ знаетъ только своихъ родныхъ и ихъ друзей, собирающихся у очага; въ интересахъ его страны резюмируются для него интересы всего человѣчества. Но хоть и не велика сфера его ощущеній, а и въ ней найдется одно чувство, которое растетъ вмѣстѣ съ нимъ и наконецъ получаетъ страшное развитіе. Это — ненависть къ мусульманамъ. Все способствуетъ тому, чтобъ укрѣпить въ немъ это чувство ненависти къ угнетателямъ его расы: пѣсни, рассказы прошлаго, новости, пришедшія съ границы и всегда комментируемая враждебно, и наконецъ провлатія, которыя онъ слышетъ со всѣхъ сторонъ, противъ вѣчнаго врага сербскаго имени. Такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ у него есть уже цѣль въ жизни; для ея достиженія онъ сосредоточиваетъ все свое рвеніе на военныхъ упражненіяхъ и съ презрѣніемъ относится къ подробностямъ обыкновенной жизни. Спросите какъ у молодого человѣка, такъ и у старика, чего они ждуть, на что они всегда надѣются; тотъ и другой отвѣтатъ вамъ: войны.

Обычай брататься практикуется у черногорцовъ исключительно въ юношескомъ возрастѣ. Согласно преданіемъ, онъ имѣлъ мѣсто еще у скифовъ и въ настоящее время сильно распространенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Далмаціи и особенно у морлаковъ. Два молодые человѣка, совершенно другъ другу чужіе, но съ одними и тѣми-же привычками и взаимной другъ къ другу склонностью, скрѣпляютъ религіознымъ освященіемъ свою дружбу, которая иногда достигаетъ

чувства возвышенной привязанности. Эти братья по сердцу, которыми даютъ названіе *побратимовъ*, должны во всѣхъ случаяхъ поддерживать другъ друга, слѣдовать въ битвахъ одинъ за другимъ, предохранять взаимно отъ опасностей и наконецъ мстить другъ за друга. Въ день, назначенный для церемоніи, соединяющей ихъ на вѣки, оба побратима, съ толпою родственниковъ и друзей, отправляются въ церковь, и съ свѣчами въ рукахъ выслушиваютъ обѣдню. По окончаніи службы священникъ благословляетъ ихъ, они клянутся въ взаимной помощи до самой смерти и крѣпко цѣлуются. При выходѣ изъ храма, на паперти, они принимаютъ поздравленія всего многочисленнаго собранія, затѣмъ, при звукахъ выстрѣловъ и крикахъ *жмѣю* они отправляются въ жилище одного изъ нихъ; начинается шумный, веселый пиръ, съ танцами и стрѣльбой, — и подь конецъ всего игроки въ гуцла поютъ импровизованные стихи въ честь этого новаго брата дружбы. Освященный такимъ образомъ церковью, клятвы побратимовъ имѣли священный характеръ; родовая месть постигла-бы того изъ побратимовъ, который, измѣнивъ своимъ торжественнымъ обѣщаніямъ, покинулъ-бы или предалъ своего своднаго брата. Трудно пересчитать всѣ примѣры, разбросанные въ исторіи черногорскихъ войнъ, тѣхъ жертвъ во имя дружбы, того самоотверженія, съ которымъ побратимъ спасаетъ жизнь своего брата по оружію; кто можетъ сказать также сколько разъ новый Ахиллъ, оплакивая другаго Патрокла, повторилъ крикъ воинственнаго сына Пелея: «Умремъ, потому что я позволилъ убить своего друга, не защищая его».

Изъ описанія свадьбы мы увидимъ насколько любовныя интриги мало развиты между черногорскою молодежью. Притомъ-же общинная жизнь, дѣятельный надзоръ за дѣвушками со стороны всего народонаселенія деревни, дѣлаютъ любовныя похождения чрезвычайно опасными и затруднительными; затѣмъ самолюбіе молодаго человѣка, который не хочетъ, чтобъ его подозрѣвали въ слабости, не позволяетъ ему поддаться увлеченію столь свойственному его возрасту, и бракъ, наконецъ съ раннихъ лѣтъ опредѣляетъ предметъ его любви; дѣйствительно черногорцы женятся часто въ восемнадцать или двадцать лѣтъ. Обыкновенно новобрачный продолжаетъ жить у своихъ родителей и его жена помогаетъ матери въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Если помѣщеніе позволяетъ, то молодымъ отдѣляютъ одну или двѣ комнаты, но зачастую они не находятъ таковаго удобства и тогда размѣщаются какъ могутъ. Иногда-же можно видѣть, какъ нѣсколько сосѣднихъ домовъ заняты дѣтьми одного и того-же семейства или ихъ близкими родственниками. Тогда, для того, чтобъ устроить родъ общинной жизни, продѣлываютъ въ стѣнахъ домовъ отверстія весьма полезныя въ хозяйственномъ отношеніи, и которыя позволяютъ женщинамъ строго наблюдать другъ за другомъ, когда ихъ мужей нѣтъ дома, что случается съ послѣдними весьма часто. Даже

вдовы не могут освободиться от этого надзора и смерть мужа, память котораго они должны чтить волею или неволею, далеко не даёт имъ полной свободы.

Посмотрѣвъ на юность черногорца, взглянемъ теперь на него, когда онъ уже достигъ зрѣлаго возраста, пользуется всѣми своими правами, исполняетъ какую нибудь военную или общественную должность и даже достигъ цѣли общаго честолюбія—обратилъ на себя вниманіе князя и заслужилъ его милость. Въ этомъ случаѣ вы видите передъ собою важное лицо, вполне увѣренное въ своемъ достоинствѣ, охотно принимающее почести, гордое, презирающее своихъ подчиненныхъ и требующее отъ нихъ безусловнаго повиновенія. Не старайтесь убѣдить его, что иногда есть величіе въ самоуниженіи; онъ не пойметъ этого. Его жизнь будетъ постоянной выставкой его личности, храбрости и другихъ качествъ; бездѣйствіе дѣлаго дня не тяготитъ его, такъ какъ она наложитъ на него печать аристократизма, которымъ онъ такъ гордится.

Его день начинается весьма поздно, онъ тщательно одѣвается, навѣшиваетъ свое оружіе, потому что, подобно древнему германцу онъ никуда не можетъ показаться безъ него, и идетъ на площадь узнавать новости дня. Начинается безконечный обмѣнъ привѣтствій, формула которыхъ измѣняется, смотря по времени дня *), потомъ многократныя объятія съ друзьями или иностранцами **). Завязываются длинныя разговоры, въ которыхъ подробности перемѣшиваются съ повтореніями, образуются кружки и часто всѣ слушаютъ весьма долго, какъ говорить одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, черногорцы охотно вступаютъ въ споры и слушая ихъ безпрестанныя восклицанія: Богъ а ми, Богъ а ти, Богъ съ тобомъ, вы можете подумать, что онъ имѣетъ какой нибудь личный интересъ въ спорѣ. Если дѣло происходитъ въ столицѣ, то можно видѣть толпу людей, которые при-

*) Поутру говорятъ: *добро утро* или *добры дань* (добрыи день); въ полдень *помага ти Божь* (Богъ помочь); позаднѣ: *добра вече* или *добра ноце*, смотря по времени. Тотъ, къ кому обращаются, обыкновенно отвѣчаетъ: *добро ти среча* (добраго тебѣ благополучія).

Черногорцы называютъ другъ друга всегда по именамъ и всѣмъ говорятъ: ты, старики не дѣлаютъ исключеній даже и для князя. Впрочемъ, въ настоящее время входитъ въ употребленіе обычай говорить лицамъ почтеннымъ: *господине*, а женщинамъ высшаго класса *господини*. Князю обыкновенно говорятъ: *господарь* или *свѣтлымъ господару*, а пишутъ къ нему: *ваша свѣтлость* точно также и княгини: *княженино* или *свѣтлы княженино*. Кромѣ этого необходимо сказать, что когда говорятъ съ известнымъ лицомъ, то бываетъ недостаточно называть его только по имени, необходимо еще добавить имя его отца, чтобъ отличить разныхъ лицъ, носящихъ одно и тоже имя. Такимъ образомъ говорятъ: Станко Юро (Станко сынъ Юро); для отличія дѣвухекъ къ ихъ именамъ прибавляется тоже имя отца: Милена Петрова (Милена дочь Перо); къ именамъ женщинъ прибавляютъ имена ихъ мужей Марія Юрова (Марія жена Юро); Даринка Данилова (Дарика жена Данило). Эти прозвища часто ведутъ къ смѣшиванію лицъ, потому что напр. Елена Станкова значить въ одно и то же время Елена жена и Елена дочь Станки.

**) Равные между собою звонко цѣлуются въ губы одинъ или нѣсколько разъ, причѣмъ снимаютъ капы; низшій цѣлуетъ правое плечо или правую сторону груди высшаго; у князя, княгини, у членовъ ихъ семейства и митрополита Черногоріи (владика) цѣлуютъ руку или даже край одежды.

хали по дѣламъ въ сенатѣ, къ князю или по торговымъ операциямъ. Такимъ образомъ утрення прогулка даетъ много пищи для любопытнаго и незамѣтно подходитъ часъ, въ который монастырскій колоколь громко объявляетъ, что настало обѣденное время. Обѣдъ не отличается ни разнообразіемъ блюдъ, ни ихъ сочностью. Ржаной или маисовой *) хлѣбъ, твердый и тяжелый какъ свинецъ, сырой лукъ, картофель, и наконецъ вполне національное блюдо, называемое *кастрадина* **) изготовляемое изъ соленой и прокопченной козы или баранины. Передъ обѣдомъ охотно пьютъ водку и если есть плоды, то ихъ ѣдятъ равнѣе чѣмъ съестъ за столъ. Десертъ совершенно незвѣстенъ, но кофе во всеобщемъ употребленіи. Чтобы не преувеличили благосостояніе черногорца необходимо замѣтить, что обѣдъ, только что нами описанный, принадлежитъ относительно богатому классу; бѣдные люди, а часто и люди средняго класса ѣдятъ только маисовый хлѣбъ, немного картофеля или кислаго молока.

Привычка къ постѣ-обѣденному сну весьма распространена у черногорцевъ, даже между работниками; такъ что только далеко за полдень движеніе снова начинается по улицамъ столицы, — мы предполагаемъ, что находимся въ столицѣ; вмѣстѣ съ движеніемъ начинаются и прогулки правыхъ людей. Такъ какъ существуетъ обычай ходить въ рядъ по всей ширинѣ улицы, то иногда семь или восемь человѣкъ совершенно захватываютъ всю улицу. медленно двигаются и математически-однообразно поворачиваются бругомъ. Въ это время обыкновенно гуляютъ сенаторы и выѣзжаетъ князь, окруженный тѣлохранителями и толпою народа.

Для всякаго черногорца высшаго класса это самое удобное время чтобы показаться во всемъ блескѣ.

День конченъ; съ наступленіемъ ночи начинаются часы вечернихъ собраній, столь дорогихъ для черногорцевъ.

Едва кончается ужинъ, какъ разводится большой огонь на очагѣ; посѣтители съ длинными чибукками въ рукахъ приходятъ безъ вся-

*) Чтобы приготовить этотъ хлѣбъ, составляющій основную пищу всего княжества достаточно грубо истолочъ маисовыя зерна, замѣсить тѣсто и дать ему немного заквашнуть. Въ промежуткахъ между этими занятіями нагреваютъ до красна на очагѣ глиняное блюдо, и положивъ на него большой кусокъ тѣста, котораго хватитъ на нѣсколько дней для всего семейства, прячутъ все въ родъ шкапа, находящагося непременно въ одномъ изъ угловъ общей комнаты. Затѣмъ хлѣбъ покрываютъ колоделомъ изъ листоватаго желѣза, на который кладутъ толстый слой горячаго пепла и угольевъ и не успѣвъ еще глиняное блюдо хорошенько остынуть, какъ уже хлѣбъ считается испеченнымъ. Счастливы тотъ, кто можетъ удовольствоваться подобной пищей: онъ не будетъ заботиться о своемъ существованіи, гдѣ бы онъ не находился, потому что даже въ живинѣ дикаря онъ найдетъ пищу болѣе питательную и вкусную.

**) Мясо это готовится исключительно осенью и въ большомъ количествѣ отсылается на берега Адриатическаго моря. Въ теченіе ноября происходитъ настоящее избіеніе ковъ и барановъ во всѣхъ деревняхъ и особенно въ деревняхъ Берда, гдѣ стада водятся въ изобиліи. Съ животныхъ сдираютъ кожу и кладутъ ихъ въ соляной растворъ или по частямъ; тамъ лежатъ они отъ четырехъ до восьми дней и затѣмъ развѣшиваются надъ очагомъ. Прокопченное мясо сохраняется очень долго, но если оно не достаточно просолилось, то бываетъ весьма безвкуснымъ и нужно быть черногорцемъ или даиматцемъ, чтобы ѣсть его.

нихъ предварительныхъ приглашеній и послѣ цѣлаго ряда поклоновъ и привѣтствій, усаживаются около очага на каменныхъ скамейкахъ или на скромной столицѣ. Часто пламя почти достигаетъ до балокъ крыши; его фантастическій блескъ отражается на кружкѣ воиновъ, на ихъ оружіи и освѣщаетъ ихъ мужественныя и часто дикія лица.

Вокругъ этого собранія молча ходятъ женщины, приготовляя кофе, предлагая свѣжей воды и вина, налитого въ огромные ботцасы (botzas), изъ которыхъ каждый пьетъ одинъ за другимъ.

Если какой нибудь другъ прійдетъ изъ дальней страны, его принимаютъ съ особенною радостью; такъ какъ привезенныя имъ новости оживятъ вечеръ и удовлетворятъ всегда возбужденное любопытство. Дѣло въ томъ, что для этихъ людей, совершенно лишенныхъ средствъ сообщенія, иностранецъ замѣляетъ въ одно и то же время и газету, и письмо, и телеграфъ. Событія дня часто тоже служатъ предметомъ длинныхъ разсужденій, изъ которыхъ видно все богатство критическихъ способностей и остроумія черногорцевъ.

Поговоривъ о текущихъ событіяхъ, собраніе непремѣнно перейдетъ къ воспоминаніямъ прошлаго.

Если въ кружкѣ находится интересный разсказчикъ, то скоро кругомъ его смолкаютъ всѣ разговоры и собраніе съ неослабнымъ интересомъ будетъ слушать его до тѣхъ поръ, пока ему не надоѣтъ говорить. Часы проходятъ незамѣтно; цѣлыя вязанки дровъ сгораютъ на очагѣ; опоражниваются ботцасы съ виномъ и медомъ и шумное, откровенное веселье мало-по-малу охватываетъ собраніе. Вдругъ посреди шумныхъ разговоровъ раздается особый звукъ или скорѣе пискъ; посмотрите: одинъ изъ присутствующихъ схватываетъ инструментъ, похожій на скрипку и съ помощью маленькаго смычка старается настроить единственную струну подъ діапазонъ своего голоса. Слушайте — это *гузла* (guzla).

Инструментъ этотъ имѣетъ слѣдующее устройство: кусокъ дерева въ формѣ полушара, выдолбленный внутри и обшитый козлиной кожей; длинная ручка съ колоколомъ на концѣ: куда прикрѣпляется струпа, состоящая изъ пятидесяти конскихъ волосьевъ; высокая подставка, не позволяющая струнѣ при нажатіи на нее касаться до грифа и наконецъ маленькій полукруглый смычекъ. Подъ звуки этого инструмента расподы Сербіи уже много вѣковъ поютъ славу и счастья своего отечества.

Благодаря постояннымъ войнамъ, наполняющимъ всю исторію черногорцевъ, у нихъ не было времени думать о развитіи искусствъ и литературы; поэтому всѣ ихъ героическіе подвиги погибли — бы безвозвратно для будущаго, если-бы народные пѣвцы не переложили-бы въ стихи всѣ разсказы о нихъ и теперь они поютъ ихъ на вечернихъ собраніяхъ для удовольствія и поученія молодыхъ воиновъ. Украшенные и опоэтизированные деревенскимъ бардомъ, героиче-

скіе подвиги сербовъ и черногорцевъ, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранились полными жизни въ памяти народа.

Преданіе замѣнило для него книгу; оно даетъ ему больше тѣмъ дала — бы книга; оно возбуждаетъ его, ослѣпляетъ; оно дѣлаетъ изъ него свободный и гордый народъ. Поэтому кто могъ-бы удивиться, слыша какъ черногорецъ, указывая на свою дорогую гудду, вскричалъ — бы: вотъ вся наша исторія! И дѣйствительно, тамъ вся его исторія, потому что безконечны пѣсни, которыя поютъ подъ аккомпанементъ гудди, и теперь еще почти каждый день какой нибудь неизвѣстный поэтъ присоединяетъ новый перлъ къ этому драгоценному національному достоянію.

Между тѣмъ пѣвецъ испустилъ раздирающій крикъ, который онъ модулируетъ безъ всякаго искусства до тѣхъ поръ пока не попадетъ въ тонъ инструмента. Тогда, увѣренный въ самогъ себѣ, онъ начинаетъ героическую мелодію. Длинные строфы слѣдуютъ одна за другой однообразно, монотонно и расходятъ только повышеишемъ голоса отбѣивая сильныя или патетическія мѣста.

Каждый слогъ пѣсни требуетъ новаго удара смычкомъ, и стихи льются спондованные, какъ бы плотно выкованные и долго безконечный речитативъ не утомляетъ внимательныхъ слушателей. Впоследствии, если намъ удастся, мы попробуемъ соединить въ отдѣльное произведеніе нѣкоторыя изъ пѣсней этой длинной эпопеи, разбросанные отрывки которой кажутся остатками новой Илиады. Мы увидимъ, какъ всѣ роды древней поэзіи: героическій, воинственный, эпическій нашли себѣ мѣсто въ пѣсняхъ южныхъ славянъ, которые, подобно пѣснямъ Гомера, восхваляютъ подвиги великихъ воиновъ, призываютъ къ оружію новыхъ спартанцевъ, или оплакиваютъ ихъ несчастія.

Но уже поедно; послѣднія головки потухаютъ одна за другой старики поднимаются, прощаясь торжественнымъ *доброги ноге*, а друзья, пришедшіе издалека, завертываются въ толстыя одѣяла и укладываются спать кругомъ очага.

Цѣлые мѣсяцы и годы проходятъ для черногорца съ самою монотонною правильностью, далеко непохожею на нашу поражающую дѣятельность, многочисленныя и религіозно чтимые праздники, военныя собранія, еженедѣльные свиданія на сосѣднихъ базарахъ и наконецъ рѣдкія путешествія въ Каттаро или внутрь страны — вотъ всѣ его обыкновенныя развлеченія. Но едва закипитъ битва на границѣ, едва шумъ войны пронесется по воздуху — все принимаетъ другой видъ; въ нѣсколько часовъ оживаетъ вся Черногорія; деревенскіе контингенты уже готовы и ждутъ только приказа начальниковъ, чтобы соединиться и броситься въ горы; ханджары отточены, шезе наполнены патронами. Едва придетъ изъ Цетинья приказъ князя — и изъ всей этой праздно аристократіи, изъ земледѣльцевъ и пастуховъ составится одна армія, въ которой отъ воеводы до послѣдня-

го солдата всё готовы пожертвовать жизнью за защиту и независимость Черногоріи.

Если судьба войны не заставит черногорца пасть на полѣ битвы, смерть, которой онъ очень завидуетъ*), то онъ часто достигаетъ замѣчательнаго долголѣтія. Не своей-ли постоянной трезвости, спокойствію чистой совѣсти и наслѣдственности обязанъ черногорецъ этимъ благомъ.

Полковникъ Віалла де Соммьеръ утверждаетъ, что во время своего путешествія по Черногоріи, онъ встрѣтилъ въ деревнѣ Негошѣ одно семейство, гдѣ жили шесть послѣдовательныхъ поколѣній, прапрадѣдъ имѣлъ сто семнадцать лѣтъ, его сынъ сто лѣтъ, внукъ — восемьдесятъ два, правнукъ — шестьдесятъ, у правнука тоже былъ сынъ сорока трехъ лѣтъ и внучка двадцати одного года. Мы бы усумнились въ правотѣ словъ французскаго путешественника, если-бы насъ не убѣдили многочисленными фактами, что долголѣтность весьма распространена въ Черногоріи и притомъ исключительно въ извѣстныхъ фамиліяхъ, какъ напр. въ фамиліи Петровичи, къ которой принадлежитъ нынѣ царствующій князь.

Смерть постигаетъ иногда стараго черногорца совершенно внезапно безъ всякихъ болѣзней, въ то время, когда онъ еще вполне свободно располагаетъ своими нравственными и физическими качествами; развѣ мы не знаемъ, что Петръ I собралъ у своей постели своихъ сподвижниковъ, отдалъ имъ свои послѣдніе распоряженія и объявилъ, что пришелъ его послѣдній день. Достигнувъ послѣдней сцены драмы своего тяжелаго существованія, посвященнаго вполне славы, независимости и любви къ родицѣ, старый черногорецъ, еще болѣе чѣмъ древній актеръ, имѣетъ право сказать съ гордостью: *Et nunc plaudete ares!*

Однажды послѣ обѣда намъ пришло сказать, что одинъ старый военачальникъ, родственникъ княжеской фамиліи, умираетъ; такъ какъ мы видѣли его только нѣсколько часовъ назадъ, то не повѣрили этому и совершенно спокойно отправились къ нему въ домъ.

Мы полагали, что найдемъ старика только не много прихворнувшимъ, но когда вошли въ комнату, то нашли тамъ уже всѣхъ въ сборѣ; похоронныя свѣчи горѣли у изголовья умирающаго, изъ груди его вырывались тяжелые вздохи.

Когда священники прочли молитвы и исполнили всё предсмертные религиозные обряды, умирающій очнулся и началъ разговаривать съ друзьями и родственниками, его окружающими. Всѣ успѣлись, чаша съ водкой начала совершать свой кругъ и всѣ выпили за славное прошлое война, который былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ бойцовъ послѣднихъ войнъ. Разказы слѣдовали одинъ за другимъ до самаго

*) Выраженіе «устъ ты умреш на своей постели» считается браннымъ; это указываетъ насколько цѣнится честь пасть на полѣ битвы.

вечера, пробуждая воспоминанія умирающаго. Въ это время прѣѣхалъ одинъ изъ его сыновей, за которымъ послали за нѣскольکو миль; онъ подошелъ къ постели отца, не выказывая ни малѣйшей горести и отчаяннѣя.

— Марко, сказалъ онъ, меня извѣстилъ, что ты умираешь и я спѣшилъ изъ всѣхъ силъ, чтобы еще застать тебя. Ты меня узнаешь? Скажи мнѣ, гдѣ хочешь ты быть погребеннымъ. и кому отдашь свое оружіе? Бодигаръ возьметъ твой ханджаръ, а я пистолеты. Ты былъ славнымъ воиномъ; мы будемъ подражать тебѣ.

Ночь наступала; старикъ, голова котораго лежала на колѣняхъ сына, снова впасть въ агонію и скоро безъ всякихъ страданій перешелъ въ вѣчную жизнь.

Женщины запѣли жалобныя пѣсни; все дышало невыразимой поэзіею въ этой сценѣ, столь трогательной по своей простотѣ, и прислушиваясь къ звукамъ голосовъ, намъ казалось, что отдаленное эхо доносить до насъ торжественную прелюдію изъ пѣсни древнихъ Палликаровъ:

«Солнце садилось и Димось отдавалъ свои послѣднія приказанія: «Вы, дѣти мои, ступайте за водой для вашего ужина; ты, мой племянникъ, садись здѣсь около меня, возьми мое оружіе и будь начальникомъ; вы, дѣти мои, возьмите мою покинутую саблю, сѣжьте зеленый дернъ и вскопайте землю, чтобы я могъ отдохнуть въ ней. Приведите ко мнѣ духовника, чтобы онъ исповѣдывалъ меня и чтобы я могъ сказать ему всѣ мои грѣхи. Тридцать лѣтъ я былъ арматоломъ и двадцать клеветомъ; теперь пришла смерть и я хочу умереть; сдѣлайте мнѣ гробницу; сдѣлайте ее мнѣ широкой и высокой, чтобы я могъ сражаться въ ней стоя; оставьте на правой сторонѣ окно, чтобы ласточки могли извѣщать меня о новой веснѣ, а соловьи воспѣвать славный май мѣсяцъ».

ГЛАВА VII.

Обичаи черногорцевъ. — Похороны. — Суевѣріе. — Вѣли. — Вампиръ. — Предзнаменованія. — Клятвы. — Религіозные и семейные праздники. — Пословицы. — Гостеприимство. — Родовая мечь и примиреніе. — Танецъ и легенда о немъ. — Обрученія и свадьбы.

Если судить о печали по крикамъ и обилію слезъ, то несомнѣнно что нигдѣ такъ не сожалеютъ объ умершихъ, какъ въ Черногоріи. Едва больной испуститъ послѣдній вздохъ, какъ всѣ собравшіеся кругомъ него родные и друзья, до этой минуты молчаливые и спокойные, какъ будто по командѣ, разражаются общими криками; женщины бьютъ себя въ грудь и въ лобъ, царапаютъ лица и рвутъ во-

лосы *)). Послѣ этого перваго періода шумныхъ и дикихъ манифестацій, въ которыхъ принимаютъ участіе сосѣди и даже посторонніе люди, наступаетъ относительная тишина, среди которой начинается настоящая похоронная пѣснь. Въ ея импровизованныхъ строфахъ, мѣстами дѣйствительно поэтическихъ, восхваляются исключительно военные подвиги умершаго и мало говорится объ его домашнихъ или общественныхъ качествахъ. Здѣсь поэтическое творчество не нуждается въ особомъ вдохновеніи, кромѣ того, которое, такъ сказать, находится въ крови народа и проявляется часто совершенно бессознательно.

Молодая дѣвушка слѣдуетъ за гробомъ своей матери и въ слѣдующихъ словахъ, часто прерываемыхъ рыданіями, выражаетъ свою скорбь:

«Моя мать, моя душа; мать, мое сокровище; мать, моя защита; мать мое украшеніе; мать, моя радость; мать, моя жизнь; моя мать, моя мать!»

Три дня я была около тебя, три дня я ухаживала за тобою, три дня я утѣшала тебя; я служила тебѣ всю мою жизнь, а ты была настолько жестока, что побинула меня. Ты оставляешь меня здѣсь одну бѣдной сиротою.

«Увы! они уносятъ ее отъ меня; они провожаютъ ее къ мѣсту ея вѣчнаго покоя; они уносятъ ее отъ меня, они уносятъ ее отъ меня. Идите тише, идите тише, подождите; не спѣшите, подождите, не уносите такъ скоро мою мать.

«О! мать, посмотри на меня; посмотри на эту несчастную, которая плачетъ, посмотри на эту бѣдную. Ахъ! ты не смотришь болѣе на нее; ты продолжаешь свою дорогу!»

О! я была рождена для несчастій! Братъ, братъ! теперь исполнилось уже шесть лѣтъ, какъ ты меня покинулъ; но моя мать оставалась со мною; теперь и она унесена отъ меня и никто болѣе не остается у меня. Я теперь бѣдная, несчастная, покинутая!

«Я отдамъ всѣ сокровища, я отдамъ всю вселенную; я посвящу жизнь, мою жизнь и мою душу; но тщетно я молю: ее уносятъ отъ меня! о! несчастная! о! постигнѣ несчастная!»

«Я все потеряла; я потеряла мое сокровище, я потеряла мою жизнь, я потеряла мою душу, я потеряла мою мать, мою мать!»

«Какъ возвращусь я домой? Что я буду дѣлать одна? Съ кѣмъ я буду говорить? Никто не будетъ отвѣчать мнѣ, я останусь покинутая,

*) Специальный параграфъ уложенія князя Данила I запрещаетъ эти дикія манифестаціи; но много пройдетъ еще времени пока онѣ вполнѣ исчезнутъ изъ народныхъ обычаевъ, хотя за нихъ и налагается довольно строгое наказаніе:

Стат. 87. Варварское обыкновеніе, которое имѣютъ мужчины и женщины, если ктонибудь умретъ, рвать на себѣ волосы, параться, и на долго обезображивать лицо, строго запрещается на будущее время и каждый чертогорецъ и бердіанецъ (Berdiáni), нарушившій это запрещеніе, будь то мужчина или женщина, заплатитъ на первый разъ два золотыхъ секина штрафу. (Уложеніе князя Данила 1855 года).

безпрерывно плача. Все время я буду звать мою мать и она не отвѣтитъ мнѣ.

«Колоколъ зоветъ тебя; священникъ молится за тебя, а мы, мы тебя оплакиваемъ. Могила вырыта; ахъ! они закопаютъ тебя въ землю! Я васъ прошу—не спѣшите; я не могу перестать плакать; я не могу болѣе цѣловать мою мать».

Пѣсни смѣняются одна другою вокругъ тѣла усопшаго. На груди его лежитъ крестъ и мощи; на стѣнѣ привѣшаны образа Богородицы и святыхъ; по краямъ кровати горятъ восковыя свѣчи. Наступаетъ ночь, но вопли и молитвы не прекращаются и часто многочисленное собраніе проводить всю ночь у постели умершаго. Для того, чтобъ не податься сну пережѣшиваютъ рассказы и надгробныя рѣчи съ глотками водки, и если нельзя пить за здоровье умершаго друга или родственника, то ни что не запрещаетъ пить за спасеніе его души. Съ разсвѣтомъ дня начинаются новыя посѣщенія, а съ ними вопли и сожалѣнія.

Если умеръ воинъ, то его вдова разстилаетъ передъ дверью стук покойнаго и на нее кладетъ его шапку и оружіе. Потомъ вмѣстѣ съ другими женщинами она начинаетъ передъ этими трофеями хвалить память усопшаго, поджидая часа, назначеннаго для торжественной церемоніи. Между тѣмъ изъ сосѣднихъ деревень собираются друзья и родственники покойнаго. Едва ихъ оживленные группы услышатъ погребальныя пѣсни и замѣтятъ передъ дверьми печальныя приготовленія, какъ всѣ останавливаются, снимаютъ шапки и отвѣчаютъ на звуки женскихъ голосовъ громкими восклицаніями въ честь и славу усопшаго. Эти восклицанія повторяются по дорогѣ время отъ времени; наконецъ толпа приходитъ въ домъ умершаго, пожалѣетъ вдову и скоро переходитъ къ обычному утѣшенію въ горести—къ водкѣ.

Поведеніе пришедшихъ женщинъ болѣе благочестиво и торжественно.

Они подходятъ длинною вереницей, съ черными платками на головѣ, безъ цвѣтныхъ фартуковъ, молчаливые, съ опущенными головами. Только время отъ времени одна изъ нихъ испускаетъ крики, въ которыхъ можно различить имя умершаго, сожалѣніе о немъ и похвалу его памяти.

По окончаніи религіозной церемоніи, цѣлуютъ мертваго и потомъ гробъ опускается въ могилу, куда ближайшій родственникъ покойнаго бросаетъ первую лопату земли. Затѣмъ начинается похоронный пиръ, сходный во всѣхъ отношеніяхъ съ свадебнымъ, такъ какъ гости скоро забываютъ почему они собрались у стола, и только костюмъ женщинъ напоминаетъ, что празднуется горестное событіе.

Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за похоронами ихъ родственниковъ, и особенно въ праздники, женщины часто

приходить на ихъ могилы, становятся на колѣни, крапятъ святою водою надгробные камни и снова раздаются вопли сожалѣнія.

Выраженіе печали не менѣ шумно и въ томъ случаѣ, когда семейство узнаетъ о смерти своего родственника, если даже послѣдній умеръ и весьма давно. Однажды утромъ насъ разбудили крики, выходящіе изъ сосѣдняго дома. Справившись, мы были чрезвычайно удивлены, узнавъ, что весь этотъ шумъ происходилъ отъ того, что было получено письмо изъ Москвы, въ которомъ говорилось о смерти молодаго человѣка, ихъ родственника, случившейся шесть мѣсяцевъ тому назадъ. По той торжественности, которая сопровождаетъ похоропы людей средняго класса, можно отчасти судить о необыкновенномъ блескѣ, окружающемъ похоропы знаменитыхъ людей. Пять недѣль послѣ смерти князя Давида еще цѣлыя толпы черногорцевъ приходили въ Цетинью, чтобъ воздать послѣднія почести любимому правителю. Все пространство вокругъ города было обращено въ обширный лагерь, гдѣ съ утра до ночи жарились бараны и вышивались бочки вина и водки; издержки по угощенію падали на новаго князя, на которомъ лежала священная обязанность съ возможной щедростью выполнить тѣ обязательства, которыя налагали на него обычаи страны. Мы полагаемъ, что читатель съ удовольствіемъ прочтетъ помѣщенный ниже рассказъ очевидца о похоронахъ знаменитаго Мирко Петровича, брата князя Давида и отца князя Николая. Трудно лучше передать характеръ этой скорби искусственной чѣмъ настоящей печали, въ выраженіи которой черногорцы прослыли настоящими мастерами.

«Нѣсколько времени до прибытія моего въ Черногорію, Мирко Павловичъ, отецъ князя Николая, умеръ отъ холеры; карантинныя учрежденныя въ различныхъ провинціяхъ, не позволяли до этого времени жителямъ отдаленныхъ деревень придти въ столицу чтобъ почтить память этого героя. Поэтому я имѣлъ случай, нѣсколько времени спустя, присутствовать при сценахъ народной печали, странныя и энергическія манифестаціи которой заслуживаютъ быть описанными, какъ грандіозный и замѣчательный примѣръ этого рода церемоній. Вотъ какъ все происходило:

«Какъ только были сняты карантинныя, въ Цетиньѣ, изъ разныхъ округовъ Черногоріи стали стекаться цѣлыя толпы вооруженныхъ съ ногъ до головы мужчинъ и женщинъ подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ. Взобравшись на вершину горъ, окружающихъ долину, они останавливались, крестились на мощи св. Петра и выпускали первые раздирающіе крики, били изъ всѣхъ силъ кулаками въ грудь, раздирали ногтями лица и рвали волосы. Женщины довольствовались слезами и криками. Внизу горы высказывались тѣ же внѣшнія признаки печали. Затѣмъ толпа медленно проходила по долинѣ, останавливаясь у церкви, у жилища нынѣшняго князя и снова испуская крики, царапая лицо, колотя себя въ грудь и вырывая но-

вше влоки волосъ. Потомъ она быстро направлялась къ той церкви, гдѣ лежало тѣло усопшаго и каждый, прежде чѣмъ войдти, клалъ вдоль стѣны свое оружіе. Въ церкви начиналась страшная давка; крики, слезы, призыванія, наивные вопросы, обращаемые къ умершему, какъ будто онъ могъ ихъ слышать и отвѣчать на нихъ, длились болѣе четверти часа; женщины особенно отличались преувеличеніемъ внѣшнихъ выраженій печали; наконецъ, когда истощатся всѣ силы, высохнутъ глаза, щеки окажутся достаточно разорванными, пересохнетъ горло, толпа въ молчаніи выходитъ изъ церкви, беретъ свое оружіе и выстраивается во дворѣ стараго дворца. Тогда ей давали въ большомъ количествѣ водки и хлѣба, чтобъ она могла подкрѣпить свои силы. Спустя полчаса начиналось жалобное пѣніе, трогательное по своей интонаціи и монотонности. Женщины пѣли solo и толпа отвѣчала имъ. Дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: двѣ женщины, одѣтыя во все черное, шли одна за другой медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ, съ опущенной головою, съ совершенно убитымъ видомъ, и начинали вначалѣ пѣть, въ честь умершаго, нѣжную и грустную пѣсню, а потомъ переходили къ *de profundis* причемъ каждая поочередно говорила одинъ куплетъ. Это тянулось инѣгда въ продолженіе цѣлаго часа и повторялось каждый день въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсяца, не смотря на дурную погоду, такъ что, если бы князь, огорченный такимъ зрѣлищемъ, не приказалъ бы прекратить эти печальныя церемонія, то всѣ деревни Черногоріи сочли бы своею обязанностью послать своихъ жителей плакать на могилѣ ихъ начальника *)).

Черногорцы суевѣрны, и дѣйствительно въ ихъ жизни соединены всѣ данныя къ тому, чтобъ довести до высшей степени естественную склонность ихъ ума къ сверхъестественнымъ вѣрованіямъ: ихъ совершенное невѣдѣніе законовъ природы и дѣйствія главнѣйшихъ физическихъ силъ, мало просвѣщенная религія, поэтическое и экзальтированное воображеніе, уваженіе къ самымъ страннымъ традиціямъ, рассказы о чудесахъ, къ которымъ они приучены съ самаго дѣтства. Они вѣрятъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ геніевъ (добра Срита, не серича; дурь чисти, дурь нечисти), которые принимаютъ различный видъ, то змѣи, то ночнаго свѣта, или даже вѣтра. Горы, лѣса, источники, утесы не потеряли для нихъ слѣдовъ и воспоминаній тѣхъ прелестныхъ нимфъ, которыми населила ихъ мифологія и *вила* (*vila*) замѣнила собою всѣ эти исчезнувшія божества. Вила — это добрый геній человѣка; она раздѣляетъ его горе и радость, видитъ и знаетъ все; она взбирается на недоступныя вершины; ее встрѣчаютъ въ углу очага. Посмотрите изъ долины Цетиньи на эту утесистую гору,

*) Булонье. Le Monténégro.

которая прячетъ въ облакахъ свою сѣрую вершину: это Лойшенъ (Lowchen), это жилище Вилы.

«Здѣсь, и тамъ поднимаются горы, одна выше другой; но самая высокая—это Лойшенъ. Тамъ растутъ только крапива и тернъ. Ея вершина покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и буря реветъ тамъ весь годъ. Тамъ живутъ вилы, тамъ кругомъ танцуютъ онѣ.

«У подошвы этой горы проходитъ герой, ищущій счастья любви. Вилы замѣчаютъ его и кричатъ ему:

«Иди къ намъ, иди; здѣсь найдешь ты счастье; здѣсь солнечные лучи будутъ освѣщать тебя; здѣсь тебѣ будетъ покровительствовать блѣдный свѣтъ луны; здѣсь звѣзды окружаютъ короною твою голову».

Герой-ли, просто-ли смертный, кто можетъ противиться этимъ новымъ сиренамъ? Это болѣе не дочери Ахелая, ожидающія жертвъ, обольщенныхъ ихъ нѣжнымъ пѣніемъ, чтобъ растерзать ихъ; это гений добра, зовущій человѣка наслаждаться счастьемъ. Уходя съ земли, но не забывая своей роли покровителя, вила часто строитъ на облакахъ свой воздушный дворецъ:

«Бѣлая вила строитъ себѣ жилище; она не строитъ его ни на землѣ, ни на небѣ, но на облачной горѣ. Она воздвигаетъ тамъ трое воротъ: первые изъ золота, вторые изъ жемчуга, третьи изъ пурпура. Въ золотыхъ воротахъ она женитъ своего сына, въ воротахъ изъ жемчуга она отдаетъ замужъ свою дочь; въ пурпуровыхъ воротахъ она сидитъ сама и смотритъ внизъ какъ молнія играетъ съ громомъ, сестра съ братьями, невѣста съ своими деверьями и какъ сестра подчиняетъ братьевъ, невѣста — своихъ деверьевъ».

Согласно преданіямъ южныхъ славянъ происхожденіе вилей относится къ началу свѣта. Легенда эта была описана г. Ленорманъ съ такою пределью, что мы заимствуемъ его разсказъ:

«У Адама отъ женитьбы съ нашей матерью Евой родилось тридцать сыновей и тридцать дочерей. Когда однажды Богъ спросилъ, сколько у него дочерей, то честный Адамъ устыдился, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ каждый сербъ или черногорецъ, назвать такое большое количество дочерей, такъ какъ дочери вовсе не носятъ оружіе и не могутъ ни капли напугать непріятеля. Въ своемъ замѣшательствѣ онъ имѣлъ глупость скрыть трехъ изъ нихъ, какъ будто возможно что нибудь скрыть отъ всевидящаго, божественнаго ока. Тогда Богъ, въ наказаніе ему, взялъ у него этихъ трехъ самыхъ красивыхъ дочерей и сдѣлалъ изъ нихъ вилей. Съ этого времени онѣ блуждали въ пространствѣ и такъ какъ они жили вполне чисто, то и не были осуждены погибнуть во время потопа. Предупрежденные подобно мудрому Ною о всемірномъ наводненіи, онѣ вмѣстѣ съ воздухомъ вошли въ ковчегъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока голубь не принесъ оливковой вѣтви. Онѣ несутся изъ одной страны въ другую и долетаютъ до границъ старой Сербіи, жить въ кото-

рой имъ особенно нравится. Онѣ имѣють способность говорить на всѣхъ языкахъ, но предпочитаютъ славянскій языкъ. Подобно славянамъ онѣ приняли христіанство и часто невидимы входятъ въ церкви; онѣ покровительствуютъ тѣмъ, кто храбро дерется подъ знаменами Христа и всегда относятся враждебно къ мусульманамъ *)).

Въ славянской мифологіи сохранились имена нѣкоторыхъ вилей, которымъ приписываютъ спеціальныя функціи; одна изъ нихъ, и несомнѣнно самая могущественная, располагающая судьбами войнъ, называется Ривола. Вилы считаются божествами по преимуществу благодѣтельными, но, раздраженные гордостью или презрѣніемъ челоуѣка, могутъ быть гибельны для него.

Рядомъ съ этими добрыми гениями (стихейонъ, sticheion) находятся существа, занимающіяся самымъ ужаснымъ и даже кровавымъ колдовствомъ: огненный змій; (*мора* или *морима*) домовой; (*мачичъ matsits*) блудящіе огни, (*свишиче, swiétchitse*), которыхъ черногорцы особенно боятся, потому что они преслѣдуютъ убѣгающихъ отъ нихъ людей; но если какой нибудь дерскій не испугается ихъ, то они въ свою очередь бѣгутъ отъ невѣрующаго смѣльчака; эхо, (*вада*) злой духъ, который живетъ въ пещерахъ и радуется несчастію людей; и наконецъ вампиръ (вукодакъ, vukodlak), котораго г. Каприанъ-Роберъ описалъ въ слѣдующихъ поразительныхъ краскахъ:

«Жители Сербіи и Герцеговины сохранили много мрачныхъ легендъ о душахъ, присужденныхъ для искупленія своихъ грѣховъ бродить по землѣ или быть запертыми въ гробницахъ, чтобы оживлять собою вукодаковъ или вампировъ Вукодакъ (буквально: оборотень) спитъ въ своей могилѣ съ открытыми глазами, съ неподвижнымъ взглядомъ; волосы и ногти у него растутъ; теплая кровь течетъ въ его жилахъ. Въ ночи полнолунія онъ выходитъ изъ своей могилы и отправляется сосать кровь у живыхъ людей, открывая имъ сонную артерію. Когда умершій подозрѣвается въ подобныхъ похищеніяхъ, то его торжественно выкапываютъ изъ могилы; если тѣло подверглось уже гніенію, то попь только окропляетъ его святой водой; если же оно красно и кроваво, то прибѣгаютъ къ заклинаніямъ и послѣ вторичнаго погребенія вбиваютъ ему въ грудь колы, чтобы оно уже больше не двигалось. Въ прежнія времена сербы въ этихъ случаяхъ прострѣливали множествомъ пуль голову мертвеца и потомъ сжигали тѣло. Теперь они отказались отъ такого мщенія, но продолжаютъ утверждать, что даже самые голодные вороны летятъ далеко отъ этаго живаго трупа, не смѣя тронуть его ковчиномъ клюва. Въ Эссалии и Эпирѣ извѣстенъ другой родъ вампировъ, о которыхъ упоминалось еще въ древности. Это живые люди, одержимые родомъ сомнамбулизма, которые, охваченные жаждою рѣзни, выходятъ ночью

*) Turcs et Monténégriens.

изъ своихъ пастушьихъ хижинъ и, бѣгая по деревьямъ, рвутъ зубами все, что имъ не попадется: людей и животныхъ. Эти вуголдаки, особенно жадные до свѣжей крови молодыхъ дѣвушекъ, по народному повѣрью совокуляются съ *вихтичей*, (*vieschtitsa*) женщиной—гномомъ призракомъ съ огненными крыльями, который по ночамъ спускается на грудь сильныхъ мужчинъ, душитъ ихъ своими поцѣлуями и сообщаетъ имъ свое бѣшенство; иногда также, обернувшись въ гіену, вихтича уноситъ въ лѣса маленькихъ дѣтей. *)

Черногорцы вѣрятъ въ силу колдуновъ и колдуній; (каровничи вистипше) въ появленіе мертвыхъ; въ то, что злой духъ можетъ вселиться въ человѣка; они довѣряютъ талисманамъ и амулетамъ, (записи-аманетъ (*zarisi-amanet*), состоящимъ по большей части изъ маленькой, тщательно сложенной записочки, гдѣ написанъ какой нибудь стихъ изъ Священнаго писанія или молитва. Тотъ, кто выдаетъ эти талисманы, судитъ объ ихъ значеніи по наблюденію надъ пламенемъ священной свѣчи. Они глотаютъ заколдованныя бумажки и пьютъ воду, освященную колдунами, которые для этой цѣли погружаютъ въ нее два священные камешка. Но мы ограничимся перечисленіемъ только нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ и вѣрованій.

Надо радоваться присутствію въ домѣ змѣи. Змѣя хорошій предвѣстникъ, такъ какъ она охраняетъ спрятанное сокровище.

Тотъ, кто въ вечеръ подѣ Рождество уберетъ свою дверь плюшемъ, кто въ Ивановъ день искушается въ росѣ и кто натираетъ себѣ грудь самымъ чистымъ масломъ—тотъ на цѣлый годъ безопасенъ отъ колдовства.

Если на зарѣ Егорьева дня посвистать въ дудочку изъ ясеневои коры или смововницы, то колдуны не могутъ вредить на всемъ пространствѣ, гдѣ будетъ слышенъ звукъ.

Прыганье черезъ огонь, который пастухи зажигаютъ въ Ивановъ день, предохраняетъ отъ грома и отъ вліянія злыхъ духовъ.—Звонъ въ колокола, и придѣланные къ лампадѣ рога удаляютъ бурю и прогоняютъ спрятавшихся въ облакахъ колдуновъ.—Въ день обращенія Св. Павла нужно ударить топоромъ по оливковому дереву, приговаривая: обратись въ плодъ такъ же, какъ святой Павелъ обратился въ вѣру; если этого не сдѣлать, то урожай будетъ плохъ.

Въ день избіенія младенцевъ дѣти бьютъ палочкой виноградную лозу и говорятъ: «приноси плодъ, приноси плодъ, прекрасная лоза, иначе я тебя срѣжу»

Освященный въ Васильевъ день хлѣбъ, и яйца, освященные въ великую субботу, служатъ лекарствами отъ болѣзни горла.

Обмываніе водою во время колокольнаго звона въ воскресенье исцѣляетъ воспаленіе глазъ, лишай и другія навожныя болѣзни.

*) *Les Slaves de Turquie.*

Масло сдѣланное изъ молока, надоеннаго въ день чьей нибудь смерти, служить лекарствомъ отъ всякихъ язвъ.

Кусокъ угля, пролежавшій цѣлый годъ подъ камнемъ и вынутый въ день св. Лаврентія, вылечиваетъ отъ лихорадки такъ-же, какъ и прикладываніе лбомъ къ правой рукѣ трупа.

Монеты Византійской имперіи, называемыя монетами Св. Елены и венгерскія монеты съ изображеніемъ Божіей Матери, названныя монетами св. Анны, вылечиваютъ отъ эпилепсіи.

Женщина, у которой нѣтъ сыновей, должна собрать семь священниковъ; они освятятъ масломъ и снимутъ порогъ дома, который считается въ этомъ случаѣ заколдованнымъ въ день свадьбы.

Изъ дурныхъ предзнаменованій особенно распространены слѣдующія: трескъ дерева въ очагѣ, рожденіе черныхъ ягнятъ, три сразу горящія свѣчи, присутствіе тринадцати за столомъ, крестъ изъ двухъ палочекъ или изъ ложки и вилки, мѣшаніе лѣвой рукой, разсыпанная соль или пролитое масло, завываніе собаки, крики совы и когда входятъ въ домъ съ лѣвой ноги.

Черногорцы приписываютъ нѣкоторымъ святымъ особую власть надъ силами природы; вѣрованіе это, впрочемъ, вообще распространено у христіанскихъ народовъ. Для нихъ святой Илья управляетъ громомъ, святой Пантелей распоряжается ураганами, святой Николай владычествуетъ надъ морями, а царство огня принадлежитъ самой Богородицѣ.

Привычка клясться сильно распространена въ Черногоріи. Они ксати и не ксати призываютъ Бога, Матерь Божию и святыхъ въ свидѣтельство истины ихъ словъ. Они клянутся мощами угодниковъ, святыми ихъ деревни, воскресеньемъ, пятницей и когда сами произносятъ или услышатъ имена Бога, Богородицы или Святыхъ, то въ знакъ уваженія прикладываютъ руку ко рту или лбу. Въ ихъ рѣчахъ ежеминутно попадаютъся неизбѣжныя: *богами* или *такоми богао*, также истинно, какъ Богъ. Если нужно двумъ произнести общую клятву, то каждый хватаетъ лѣвой рукою конецъ своего пояса, правую поднимаетъ къ изображеніямъ святыхъ и торжественнымъ голосомъ вмѣстѣ произносятъ священныя слова.

Религіозныя обѣты состоятъ обыкновенно въ томъ, что постятся по вторникамъ и четвергамъ, отправляются босикомъ въ церковь, дарятъ святому маленькую серебряную пластинку, на которой сдѣланъ глазъ, рука, нога или та часть тѣла, о выздоровленіи которой просятъ помощи неба.

Священники и монахи имѣютъ такую власть надъ умомъ народа, что легко могли бы сдѣлаться его оракулами, если - бы стояли хоть немного на высотѣ своего призванія. Они подають совѣты, усмиряють домашнія распри, и посѣщеніе ихъ считается за честь. Наконецъ, чтобъ дополнить описаніе религіозной стороны черногорца скажемъ,

что вставая, ложась спать, передъ обѣдомъ и послѣ него, онъ непременно крестится и произноситъ коротенькую молитву.

Изъ описанія главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ, мы увидимъ, какъ свято чтутъ черногорцы различныя священныя вещи и связанныя съ ними преданія. Такъ какъ въ православныхъ странахъ существуетъ обыкновение со дня Рождества поздравлять другъ друга съ Новымъ годомъ и дѣлать взаимно подарки, то вслѣдствіе этого въ Черногоріи такъ-же какъ, и въ Россіи, оба праздника переимѣшиваются или вѣрнѣе соединяются цѣлымъ рядомъ празднествъ. Такимъ образомъ въ сущности первымъ праздникомъ въ году является праздникъ Богоявленія. Въ этотъ-же день обыкновенно происходитъ освященіе домовъ. Въ Петинѣ, по окончаніи обѣдни, владыко съ большимъ торжествомъ отправляется во дворецъ, чтобъ окропить каждую комнату святой водой; низшее духовенство исполняетъ эту-же церемонію въ остальныхъ домахъ столицы и собираетъ при этомъ неизбѣжныя добровольныя приношенія. Длинный постъ, столь строго и свято соблюдаемый, что черногорцу кажется простительнѣе убить врага, чѣмъ поѣсть мяса въ запрещенное время, долго подготавливаетъ его къ веселію на праздникъ Пасхи.

Всю Страстную недѣлю продолжается самое усиленное умерщвление плоти. Въ древности, въ продолженіе этой недѣли, назначались перемирія между двумя враждующими племенами и не проводилась въ исполненіе самая ожесточенная родовая месть. Наконецъ на зарѣ изъ глубины иконостаса раздается гнѣе священниковъ, возвѣщающее о воскресеніи Христа, и это событіе принимается всѣми присутствующими какъ радостная новость. Начинаются, какъ и въ день Рождества, братскія объятія, въ знакъ мира, дружбы и общей радости. Затѣмъ садятся за разгавливанье, которое бываетъ богѣе или менѣе обильно даже и въ самыхъ обѣдныхъ семействахъ.

Въ отдаленныхъ деревняхъ до сихъ поръ еще сохранился обычай носить утромъ въ день Пасхи въ церковь для освященія жареннаго агненка, яйца, сыръ и хлѣбъ съ солью. Все, что изъ освященныхъ продуктовъ не бываетъ съѣдено, то сжигается, такъ какъ никто не рѣшится просто выкинуть ихъ. Между тѣмъ повсюду раздаются пистолетныя выстрѣлы, переимѣшанные съ криками *во истину воскресъ*. Вино, вода не жалѣются никѣмъ и на первой весенней травѣ начинаются оживленные танцы, продолжающіеся до самаго вечера. Понедѣльникъ на Святой недѣли посвящается памяти умершихъ. На ихъ могилахъ зажигаются свѣчи и лампы, и мрачныя, похоронныя молитвы переимѣшиваются съ послѣдними праздничными криками. Въ тѣ времена, когда обычай брататься былъ сильно распространенъ, недѣлю Святой Пасхи выбирали по преимуществу тѣмъ временемъ, когда церковь освящала неразрывныя узы *побратимовъ*.

Накунунъ дня Іоанна Крестителя черногорскіе пастухи зажигаютъ на вершинахъ горъ радостныя огни, такъ какъ считается, что эти

огни, впродолженіи дѣлаго года предохранять ихъ самихъ и ихъ стада отъ колдовства всякаго рода. Въ каждомъ домѣ есть свой святой-покровитель, день котораго празднуется съ возможнымъ торжествомъ. За обѣдъ, на который приглашаются всѣ родственники и друзья, сами хозяева и члены ихъ семейства не должны садиться ни подъ какимъ видомъ *). Они, напротивъ, обязаны все время прислуживать своимъ гостямъ, а сами обѣдаютъ уже послѣ всѣхъ. Среди стола, по обычаю, ставится большой ржаной хлѣбъ и на немъ горитъ освященная свѣчка, причемъ строго запрещается зажигать что нибудь на ней.

Въ древности, а можетъ быть и теперь въ какихъ-нибудь отдаленныхъ деревняхъ, день святаго, покровителя семейства, праздновался нѣсколько иначе. Наканунѣ вечеромъ младшій сынъ семейства, отъ имени отца, отправлялся приглашать на праздникъ его друзей. Подойдя къ двери онъ обыкновенно говоритъ: «Дай Богъ вамъ Царствія Небеснаго. Мой отецъ вамъ кланяется и приглашаетъ васъ придти къ нему сегодня вечеромъ выпить стаканъ водки. Мы будемъ бесѣдовать, чтобы скорѣе шло время и мы не спрячемъ того, что принесетъ святой покровитель *старшиина*» (глава дома). Друзья безъ дальнихъ разговоровъ отправлялись въ путь и придя въ домъ слѣдующимъ образомъ здоровались съ хозяиномъ: «Добраго вечера; поздравляемъ съ праздникомъ; дай тебѣ Богъ въ здоровьѣ и весельѣ праздновать его многіе годы». Затѣмъ начинали пить, ѣсть, смѣяться, и импровизованные барды съ жаромъ пѣли свои поэтическія пѣсни. Иногда по цѣлымъ недѣлямъ тянулись эти ширшества, такъ что въ 1855 году князь Данило I, чтобы ограничить эти разорительныя злоупотребленія, издалъ особый законъ, которымъ запрещались производить чрезмѣрные расходы въ день семейнаго праздника **).

Въ религиозныхъ процесіяхъ, къ которымъ черногорцы имѣютъ большую склонность, принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины и дѣти. Процесіи эти устраиваются или для поклоненія мощамъ, или для освященія жатвы и воды или по объѣту. Мужчины при этомъ несутъ образа и статуй святыхъ и самымъ варварскимъ образомъ поютъ разныя молитвы. Освященіе воды никогда не обходится безъ свали; такъ какъ существуетъ обыкновеніе окружать ботцасами водки и вина верхнюю окраину колодезя, у котораго остававливается процесія, то слишкомъ ревностные пилигримы, благодаря неумѣреннымъ воз-

*) Только въ домѣ князя нарушается этотъ обычай, да и тутъ гостямъ прислуживаетъ первое, въ семействѣ, лицо послѣ князя.

**) Статья 86. Вторичное празднованіе дня святаго, покровителя семейства, и обычныя при этомъ подарки строго запрещаются на будущее время, такъ какъ этимъ путемъ разоряются и дѣлаются бѣдными дѣла семейства. Тотъ, кто не захочетъ повиноваться этому приказанію и будетъ продолжать слѣдовать этому обычаю, будетъ приговоренъ къ тюремному заключенію и къ штрафу въ два талари. Совершенно достаточно праздновать этотъ день одинъ разъ, именно въ день празднованія крещенія нашихъ предковъ.

ліаніямъ, очень скоро терпятъ сознание святой обязанности, ими исполняемой, а за этимъ неизбежно слѣдуютъ ссоры и драка.

Ни одно религиозное празднество не сохранило на себѣ столько слѣдовъ и поэзіи прошлаго, какъ праздникъ Рождества. Прослѣдимъ соединенныя съ нимъ церемоніи въ столицѣ, гдѣ присутствіе маленькаго двора и знатныхъ лицъ страны придаетъ имъ особый блескъ. Наванунѣ Рождества князь, окруженный войсками и въ сопровожденіи всѣхъ сенаторовъ, начальниковъ и чиновниковъ, отправляется въ одинъ изъ лѣсовъ, лежащихъ на склонѣ Лоушепа, чтобъ тамъ срубить Рождественское дерево или *баднжакъ* (*badnjak*). Всѣ его спутники дѣлаютъ тоже и затѣмъ начинается торжественное возвращеніе при шумѣ выстрѣловъ: пѣхота несетъ на плечахъ свои тяжелыя ноши; кавалерійцы везутъ большой *баднжакъ*, вѣтви котораго еще покрыты желтыми осенними листьями. Нѣтъ ничего живописнѣе возвращенія этого кортежа; при крикахъ «вивать» и пистолетныхъ выстрѣлахъ проходитъ онъ по улицамъ Цетиньи и наконецъ останавливается передъ княжеской резиденціей, гдѣ каждый ставитъ вдоль ограды свой *баднжакъ*. Полъ дворца, согласно православному обычаю, устилается соломою, гдѣ ложатся спать тѣ, кто не захочетъ просидѣть за столомъ всю ночь. Праздникъ начался, и въ каждомъ черногорскомъ семействѣ дѣлаются подобныя же приготовленія.

Тѣ, которые не могли идти въ лѣсъ срѣзать себѣ *баднжаки* покупаютъ ихъ на порогѣ своихъ домовъ и платятъ то, что запросятъ, потому что считается грѣхомъ торговаться о Рождественскомъ деревѣ. Противъ лицевой стороны дома должно быть посажено столько *баднжаковъ*, сколько есть въ домѣ мужчинъ; но обыкновенно садятъ однимъ больше въ видѣ счастливаго предзнаменованія увеличенія семейства. Мать семейства, съ своей стороны, приготовляетъ прѣсный хлѣбъ и изжариваетъ для завтрашняго дня барана или цѣлую свинью — послѣднее животное предпочитается изъ ненависти въ магометанамъ, которые считаютъ его нечистымъ. Равнымъ образомъ каждый озабочивается заготовить всѣмъ для него необходимымъ, такъ какъ всѣ лавки на слѣдующій день будутъ заперты. Приходитъ ночь и въ каждомъ домѣ начинаются вечернія церемоніи. Когда загнутъ огонь и приготовить ужинъ, то отецъ семейства первый беретъ свой *баднжакъ* и, неся его, говоритъ: «*Здравствуйте, всѣмъ вамъ мноія мта*» *). Ему отвѣчаютъ: «*Да будетъ такъ*» И мать идетъ посыпать зерна на порогъ дома, чтобъ сдѣлать плодороднымъ годъ. Когда отецъ положитъ свое дерево въ очагъ, то каждый изъ сыновей приноситъ свое и сооружается такимъ образомъ настоящій костеръ. Затѣмъ отецъ приступаетъ къ новой церемоніи. Онъ беретъ бутылку

*) Черногорцы охотно считаютъ года по временамъ года; равнымъ образомъ они рѣдко называютъ число и мѣсяцы, но опредѣляютъ время однимъ или другимъ праздникомъ (напр. Святаго Петра, св. Варвары) или годовымъ событіемъ (напр. собраніемъ налога, жатвой и т. д.).

вина, разливаетъ ея крестообразно по очагу и бросаетъ туда немного зеренъ, говоря: *«На мною жтъ, и пусть первый будетъ лучшимъ»*. Затѣмъ онъ привываетъ благословеніе неба навесь дождь, на присутствующихъ и отсутствующихъ, на хозяйственныя предприятия и на будущія жатвы. Присутствующіе отвѣчаютъ: *«Да будетъ такъ»*. Послѣ этого отецъ пьетъ изъ бутылки и передаетъ ее каждому изъ сыновей и наконецъ матери. По примѣру Богородицы разстилаютъ по всему дому солому и садятся ужинать. На столѣ, въ честь Святой Троицы, горятъ три свѣчки, воткнутыя въ хлѣбъ и украшенныя плющемъ и по мѣрѣ того какъ приступаютъ къ новому блюду бросаютъ часть его на огонь *бадняка*. По окончаніи ужина подходятъ къ дверямъ и при звукахъ пистолетныхъ выстрѣловъ, кричатъ: *«Да здравствуетъ Господарь; за мною баднякы; есмь добраго почтаю собранія»*. И изъ дверей и оконъ несутся со всѣхъ сторонъ крики: *«Ей, Марко! Ей, Юро! пусть баднякы принесетъ тебѣ счастіе! Доброга вечерняго собранія!»*

Рождественскій огонь долженъ горѣть всю ночь; и такъ какъ ночное бдѣніе обязательно, то при каждомъ треснувшемъ на огнѣ *баднякы*, необходимо выстрѣлить снаружи изъ пистолета. Такимъ образомъ сгораетъ весь костеръ, исключая впрочемъ оконечностей *бадняка*, которыя располагаются по лѣвой сторонѣ очага: этими головешками будутъ зажигать очагъ при ночныхъ бдѣніяхъ подъ Новый годъ. Надо прибавить, что необходимо остерегаться, дабы не наступить на *баднякы*: тотъ, кто сдѣлаетъ это, умретъ вирожденіе года.

Набожные люди проводятъ часть ночи въ церкви; потомъ, по окончаніи службы, которая тянется съ полночи до утра, «когда владыка или священникъ произнесутъ торжественныя слова: «Миръ Божій, Христосъ се роди (Миръ Божій, Христосъ родился) возвращаются домой, и садятся за ужинъ, прерываемый время отъ времени танцами, пѣснями, разсказами и ружейными выстрѣлами.

Обычай требуетъ также, чтобъ вирожденіе цѣлаго дня друзья и родственники посѣщали другъ друга безъ церемоній, а гостепріимство обязываетъ имѣть всегда накрытый столъ гдѣ бы каждый могъ вволю пить и ѣсть. Обыкновенно перваго утренняго посѣтителя просятъ ударить его палкой по огню *бадняка* и въ это время онъ говоритъ: *«о пусть у васъ будетъ столько барановъ, коровъ и лошадей, сколько баднякы далъ искры!»* Смотри по тону голоса судить о хорошемъ или дурномъ предсказаніи.

Въ Цетинѣ самъ князь, послѣ ужина, на которомъ присутствуютъ всѣ лица, провожавшія его къ обѣднѣ, начинаеть въ сопровожденіи своихъ гостей обходъ столицы, причемъ дѣлаетъ честь своимъ присутствіемъ каждому изъ болѣе или менѣе знатныхъ жителей; само собою разумѣется, что они выказываютъ при этомъ большое соревнованіе въ угощеніи.

Впродолженіе трехъ дней на полу жилищъ остается эмблематическая солома; но пиршества, часто продолжающіяся цѣлую недѣлю, еще долѣе сохраняютъ воспоминаніе о минувшемъ праздникѣ.

Ночныя бдѣнія подѣ Новый годъ служатъ побудительною причиною къ тому, чтобъ еще разъ собраться около очага, гдѣ догораетъ послѣдняя часть *баджасама*, нарочно для этого сохраненная. Въ эту ночь совершается чудо: желѣзный крокъ надѣ очагомъ не жжетъ и до него безопасно можно дотрогиваться руками *) Вмѣстѣ съ зарею начинаются объятія, взаимныя поздравленія и пожеланія даже между людьми, совершенно незнакомыми. На столѣ зажигаются тѣ же свѣчи, что и на Рождество, потомъ хозяинъ дома пьетъ за здоровье своихъ домохадцевъ и разливаетъ вино такъ, чтобъ потушить всѣ три свѣчи. Если по случаю одна изъ свѣчей не потухнетъ, то это считается предзнаменованіемъ долгой жизни для того, кто сидитъ передъ нею.

Черногорскіе праздники, въ которыхъ такъ хорошо соединены въ одно и человекъ съ его слабостями и простосердечіемъ, и религія съ ея величіемъ и повзвѣю, оставляютъ по себѣ гораздо лучшія воспоминанія, чѣмъ роскошныя, но часто неудобныя и принужденныя, праздники нашей цивилизаціи. Съ какою душевною прелестью и правдой бдѣный черногорецъ, сяди у Рождественскаго очага, гдѣ горитъ традиціонная *баджасама*, могъ-бы воспричать вмѣстѣ съ поэтомъ **): «*me mea paupertas vitae traducat, dum meus exiguo luceat igne focus*».

Какъ и всѣ народы, привыкшіе научаться изъ всегда открытой книги природы, черногорцы часто перекадываютъ въ пословицы правила мудрости, повѣренныя ежедневнымъ опытомъ, не приминувъ вложить въ нихъ ту ѣдкую и пронизательную критику, которая такъ свойственна ихъ характеру.

Нѣсколькихъ цитатъ будетъ достаточно, чтобъ убѣдить насъ, что многія изъ черногорскихъ пословицъ есть только повтореніе тѣхъ поговорокъ, которыя, если можно такъ выразиться, принадлежать всемірному языку человѣческихъ обществъ:

Мудрецу достаточно одного глаза.

Не вѣрь улыбкѣ сильнаго больше, чѣмъ улыбкѣ неба: обѣ мѣняются въ одно мгновеніе.

Тотъ, кто довѣряется данному часу — легко обманывается.

Изъ сороки не дѣлаютъ изгороди.

Пока пахнетъ роза — каждый ее восхваляетъ.

Какъ постелишь кровать, такъ и заснешь.

Полученное благодареніе легко забывается.

На что нужно ожерелье, если оно меня душитъ.

Передъ концомъ вѣтеръ дуетъ сильнѣй.

*) Въ случаѣ смерти главы семейства крокъ пересвязывается въ видѣ блока и такъ оставляется на три или четыре дня; это служитъ признакомъ глубокаго траура.

***) Тибулъ, кн. I, элегія I.

Согласіе не разоряетъ дома.

Каждое чудо продолжается три дни.

Кусокъ въ рукавъ другаго всегда вается большимъ.

Тотъ, кто убѣгаетъ — бѣжить по одной дорогѣ; кто преслѣдуетъ — топчетъ сто дорогъ.

Не нужно хотѣть воровать раньше, чѣмъ вырастутъ крылья.

Тѣло — сосѣдка костямъ; земли — сосѣдка утесу.

Лучше плакать съ умнымъ, чѣмъ смѣяться съ дуракомъ.

Попли дурака на войну — а потомъ садись и плачь.

Согласіе нѣсколькихъ гвѣтлевъ гораздо лучше, чѣмъ раздоръ кѣ-лой толпы.

Лучше скользить ногами, чѣмъ языкомъ.

Совокупляйся всегда только съ той, кто тебѣ подъ пару.

При несчастіи не довольствуйся слезами, а ищи лекарство.

Кто покупаетъ инструменты, тотъ бросаетъ ремесло.

Когда ты врешь, то ври такъ, чтобы подумали, что ты говоришь правду.

Когда утка останавливается, то отрываетъ глазъ.

Общанія утѣшаютъ только дураковъ.

Каково гвѣздо, такова и птица.

Кто больше всѣхъ кричитъ, тотъ меньше всѣхъ работаетъ.

Что посеешь — то и пожнешь.

Когда овца блеетъ, то теряетъ кусочекъ.

Пусти дурака на дурную дорогу, онъ пойдетъ по ней.

Море не нуждается въ соли.

Дураки строятъ дома; умные ихъ покупаютъ.

Сѣдло выдуманно не для осла.

Одна драхма удачи лучше чѣмъ сто фунтовъ золота.

Кто встаетъ рано, въ тому судьба благосклонна.

Выбирай жену ушами, а не глазами.

Ладонью не заставишь солнца.

Какъ - бы мало человѣкъ не боялся чегонибудь, онъ всетаки много бережется отъ этого.

Убытокъ даже и дураку открываетъ глаза.

Вода и огонь — хорошія слуги, но плохіе господа.

Въ чужомъ человѣкѣ ты никогда не найдешь другаго самого себя.

Если ты идешь поздравлять волка, то бери собаку.

Кто скоро судить, тотъ скоро и раскаявается.

Усталой лисицѣ даже и хвостъ тѣжелъ.

Кто за себя не мститъ, тотъ никогда не будетъ святымъ.

Ревъ осла не прославляетъ Бога.

Кто былъ укушенъ ехидной, тотъ боится и ящерицы.

Въ отдаленныхъ деревняхъ, гдѣ обычай гостепримства сохраняется во всей своей силѣ, на главѣ дома (*старшина*) лежитъ обязанность и честь принимать гостя и радоваться съ нимъ трапезу.

Блюда должны быть изобильны; вина и водки вволю. Если чужестранец проводит въ домѣ нѣсколько дней, то невѣста или старшая дочь подаетъ ему утромъ умываться и служить за столомъ.

Разъ черногорецъ далъ слово принять когонибудь подѣ своей крышей, то будь это хоть его смертельный врагъ, онъ можетъ считать себя въ безопасности, потому что до тѣхъ поръ, пока онъ гость — его личность священна. Это право убѣжища, даруемое часто убійцамъ, что дѣлало хозяина какъ бы участникомъ въ преступленіи, нерѣдко служить непреодолимымъ препятствіемъ къ правильному отиравленію правосудія. Дѣйствительно: такъ какъ очагъ черногорца считается закономъ неприкосновеннымъ, то тотъ, кто спасается тамъ можетъ жить совершенно спокойно, ожидая случая убѣжать къ туркамъ или уйти къ ускокамъ и жить тамъ на свободѣ. Это обстоятельство побуждало князя Петра II приказывать зажигать тѣ дома, гдѣ скрылся преслѣдуемый, разрѣшая такимъ образомъ насилиственной мѣрой неопределимое затрудненіе.

Насколько черногорцы самоотверженны въ дружбѣ, настолько они ужасны въ своей ненависти.

Одна изъ пословицъ, приведенныхъ нами выше, достаточно указываетъ, что чувство мести стало у него родомъ религіи.

Козене освети, узе не посвети (Kosene osveti, ouse ne posveti)

Кто не мститъ за себя, не будетъ святымъ.

Едва обида нанесена, какъ обиженный уже клянется отомстить за нее; онъ не удовольствуется отплатить за нее равнымъ оскорбленіемъ, такъ какъ ложное чувство чести требуетъ, чтобъ месть превосходила обиду. Отсюда происходитъ эта продолжительная ненависть между семействами, гдѣ каждый старается сдѣлать вредъ своему непріятелю, сжигая его домъ, уничтожая его жатву, срубая фруктовые деревья, нанося вредъ его стадамъ, его здоровью и наконецъ покушаясь на его жизнь или на жизнь его ближнихъ. Если убить родственникъ, то черногорецъ обмакиваетъ рубашку жертвы въ пролитой крови, уносить ее къ себѣ домой и вѣшаетъ на перегородку, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока месть не будетъ удовлетворена. Даже на самой матери лежитъ священная обязанность возбуждать чувство мести въ своихъ дѣтяхъ, рассказывать имъ исторію убійства, описывать имъ послѣднія муки жертвы и ласками заставить ихъ поклясться исполнить лежащій на нихъ долгъ мести.

Дѣло въ томъ, что по общему вѣрованію, души убитыхъ родственниковъ воируютъ о мщеніи и жалуются что долго не приходитъ часъ мести. Впрочемъ обязанность мстить переходитъ отъ отца къ сыновьямъ, отъ сыновей къ племянникамъ и вообще ко всѣмъ родственникамъ по нисходящей линіи.

Но и посреди этой кровавой вражды продажность служитъ найти средство къ примиренію, допустивъ возможность платы за пролитую кровь: это цѣна крови (платити крварину). Се-

мейство убійцы просить перемирія на нѣсколько недѣль и получивъ клятвы согласія (гаро, віго) отъ семейства убитаго, организуетъ торжественное посольство. Двѣнадцать самыхъ молодыхъ и красивыхъ женщинъ изъ родственниковъ убійцы берутъ съ собою грудныхъ дѣтей и отправляются въ домъ убитаго. Придя туда, они кладутъ младенцевъ и начинаютъ плавать и кричать, просятъ имѣть къ нимъ жалость и состраданіе, умоляютъ во имя Іоанна Крестителя, покровителяствующаго всѣмъ недавно окрещеннымъ, отказаться отъ мести и сжалиться надъ этими бѣдными, невинными существами. Родные убитаго остаются первое время совершенно равнодушными къ этимъ мольбамъ; но потомъ мало-по-малу показываютъ, что они ими тронуты, берутъ на руки дѣтей и общаются, въ знакъ прощенія, крестить двѣнадцать слѣдующихъ новорожденныхъ и быть посаженными отцами у такого-же числа дѣвушекъ.

Какъ только дѣти взяты на руки своихъ новыхъ покровителей, то ихъ матери сейчасъ же даютъ, въ видѣ задатка мира, серебряную монету, кусокъ полотна и хлѣбъ. Затѣмъ семейство убитаго приступаетъ къ назначенію восьмидесяти четырехъ членовъ искупительнаго суда; приглашеніе имъ разсылается членами семьи виновнаго и они не могутъ отказать въ своемъ участіи, ни отнестись недобросовѣстно къ дѣлу. Потомъ назначается мѣсто, день и часъ суда и всѣ собираются кругомъ судей. Первое слово принадлежитъ оскорбленной сторонѣ, которая излагаетъ свою жалобу, указываетъ на вредъ, причиненный смертью жертвы и проситъ, чтобъ дѣло было судимо согласно народному обычаю; затѣмъ идутъ оправдыванія и извиненія противной стороны. Прежде чѣмъ произнесется приговоръ, начинаются танцы крови. Присутствующіе составляютъ кругъ и начинаютъ дѣлать медленныя, меланхолическія движенія. Среди этого круга вводятъ убійцу; онъ идетъ на четверинкахъ и оружіе, причинившее смерть, виситъ у него на привязи. Въ во время какъ танцующія показываютъ видъ, что избѣгаютъ его, онъ трижды произноситъ громкимъ голосомъ: «простите». Тогда ближайшій родственникъ убитаго проситъ самаго уважаемаго изъ судей постыдно прогнать этого презрѣннаго. Судья повинуется и ударомъ ноги валитъ его на землю, но едва тотъ коснется ея, какъ жалобнымъ голосомъ, закричитъ: «простите ради Бога». Немедленно танецъ прекращается и поднимаются крики сожалѣнія. Тогда, укрощенный этой сценой, ближайшій родственникъ убитаго поднимаетъ своего врага и беретъ его оружіе: затѣмъ цѣлуетъ своего непріятеля и, обращаясь къ собранію, говоритъ: Этотъ человекъ мнѣ больше не врагъ; съ этого времени онъ будетъ моимъ другомъ, моимъ братомъ и не только моимъ, но и братомъ всѣхъ родственниковъ нашего дорогаго убитаго. Произнося эти слова онъ ломаетъ на двѣ части серебрянную монету и одну изъ частей отдаетъ своему новому брату. Оба они тщательно будутъ хранить эти половинки, какъ память ихъ прими-

ренія. Послѣ всего этого старѣйшій изъ судей произноситъ приговоръ, опредѣляющій цѣну пролитой крови. Цѣна эта измѣняется между пятьюдесятью и пятьюдесятью четырьмя дехинами, а иногда выражаетъ собою двѣнадцать убійствъ. Часть этой суммы принадлежитъ церкви, другая идетъ на покрытіе судебныхъ издержекъ, а третья остается въ семействѣ убитаго.

Иногда семейство убитаго отказывается отъ мести гораздо дешевле и довольствуется быкомъ или нѣсколькими козами.

Вся эта церемонія заканчивается роскошнымъ пиромъ съ криками вивать и нѣснями. Издержки падаютъ на виновнаго въ убійствѣ.

Что касается собственно до родовой мести, то она совершается всегда ночью и ей обыкновенно предшествуетъ вызовъ главы угрожасимаго семейства, которому объявляютъ въ какомъ мѣстѣ должно совершиться искупленіе.

Сцены, подобныя нами описанной, въ счастію становятся день-отъ-дня рѣже въ Черногоріи. Князь Петръ II первый нанесъ чувствительный ударъ этому кровавому обычаю, издавъ строгіе противъ него законы, а его преемникъ еще болѣе ограничалъ сферу дѣйствія родовой мести *). «Сколько тебѣ лѣтъ? спросили однажды у маленькаго черногорца. — Десять. — Умеръ твой отецъ? — Нѣтъ, онъ не умеръ, онъ убитъ и я отомщу за него. Мать, мой дядя и нашъ священникъ заставили меня въ этомъ поклясться». Глядя на эту холодную и мрачную энергію ребенка, считающаго себя призваннымъ къ исполненію дѣла мести, легко себѣ представить какъ ужасна должна быть роль взрослого человѣка, обязаннаго родовой мстью.

Набросимъ завѣсу на эти нравы, свойственные первобытнымъ варварамъ и чтобы отдохнуть отъ кровавыхъ зрѣлищъ перенесемъ въ нашемъ воображеніи въ Цетинью, передъ княжескій дворецъ или на площадь какойнибудь черногорской деревушки. Вообразимъ, что мы попали туда послѣ обѣда, въ воскресенье; проникнемъ среди этого круга изъ женщинъ, дѣвушекъ, одѣтыхъ въ ихъ лучшіе костюмы, среди мужчинъ всѣхъ возрастовъ и посмотримъ на молодую пару, собирающуюся танцевать народный танецъ.

Передъ нами ловкій танцоръ съ гордымъ взглядомъ побѣдителя; его оружіе за поясомъ, доколеница плотно охватываетъ его ноги; ноги обуты въ *отанки* и всѣмъ ясно видна вся сила его подкопѣнокъ, съ дѣтства развитая бѣгомъ и военными упражненіями. Онъ прыгаетъ попеременно то на одной, то на другой ногѣ, описываетъ граціозныя кривыя линіи, дѣлаетъ антрша, то подниметъ крестообразно сложенные руки, то опуститъ ихъ или махнетъ ими, напоми-

*) Такъ какъ черногорцы и жители Берды мстятъ не только виновному въ убійствѣ, но его братьямъ и невиннымъ родственникамъ, то подобная родовая месть строго запрещается, и тотъ, кто убьетъ невиннаго, будетъ казненъ. Только самъ убійца, котораго правосудіе будетъ разыскивать, можетъ быть лишень жизни; ни въ какомъ случаѣ не позволяется оскорблять его брата или другихъ родственниковъ; но убійца поплатится головой за свой поступокъ (Улож. князя Данила I, ст. 39).

Милена, княгиня Черногорская.

ная движенія крыльевъ большой птицы; время отъ времени онъ выпускаетъ дикій, нечеловѣческій крикъ или хватаетъ пистолетъ, заряжаетъ его и стрѣляетъ надъ самымъ ухомъ его невозмутимой соучастицы въ танцахъ.

Эта послѣдняя, напротивъ того, робкая, съ краской на лицѣ, вся вволнованная, съ опущенными глазами повторяетъ движенія своего товарища, какъ бы заранѣе признавая за нимъ преимущество въ силѣ и красотѣ, которое, впрочемъ, тотъ и не заботится уступить своей соучастицѣ, думая только о себѣ, о своей ловкости и о томъ вниманіи, котораго онъ служитъ предметомъ. То простирая надъ ней руки, какъ бы беря ее подъ свое покровительство, то, такъ сказать, паря надъ ея головою, онъ походитъ на сокола, готоваго броситься на робкую горлицу или на орла, который съ высоты облаковъ, сбирается вонзить свои когти въ беззащитнаго ягненка. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ иностранецъ видитъ только простую игру, пріятное развлеченіе, въ сущности кроется глубокая драма, которую преданіе рассказываетъ слѣдующимъ образомъ:

Когда древніе черногорцы захотѣли создать свой національный танецъ, то они долго колебались, не зная изобрѣсти-ли имъ нѣчто совершенно новое или заимствовать у сосѣдей какой нибудь изъ ихъ танцевъ.

Черногорцамъ дѣйствительно долженъ былъ быть извѣстнымъ албанскій танецъ, древній *пиррійскій*, гдѣ ногами крѣпко бьютъ въ тактъ, машутъ обнаженными саблями, иногда переплетаясь руками такъ, что танцоры походятъ скорѣе на сражающихся, а также *Коло* сербовъ и *Палликары*, (Pallikares) круговой танецъ, при которомъ кругъ танцующихъ постепенно расширяется, такъ что сотни дѣвушекъ и мальчиковъ принимаютъ въ немъ участіе*). Тоже былъ имъ хорошо знакомъ, равно и гусиный танецъ, при которомъ танцующіе дѣлаютъ другъ около друга все болѣе и болѣе тѣсныя круги.

«Нѣтъ, сказали черногорцы — мы не возьмемъ ничего у другихъ; дѣти горъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ облаками, мы возьмемъ танецъ орла». И съ этихъ поръ, какъ говорить повѣстическое преданіе, черно-

*) Коло часто называли черногорскимъ танцемъ, хотя это и совершенно невѣрно; но такъ какъ о немъ часто упоминается въ сочиненіяхъ, трактующихъ о сербскихъ странахъ, то мы дадимъ здѣсь его краткое описаніе. Коло начинается съ того, что всѣ танцующіе, мужчины и женщины, ставоватся въ одну линію, причемъ держатъ другъ друга за руку или за кончики платка или даже связываются поясами; потомъ начинаютъ двигаться впередъ и отступать прежде медленнымъ и однообразнымъ шагомъ, за тѣмъ все быстрѣе и быстрѣе и наконецъ, соединяются въ общій кругъ, послѣдовательно увеличивающійся. Прежнее движеніе продолжается, кругъ послѣдовательно переходитъ въ трехугольникъ, эллипсъ, пятиугольникъ и другія геометрическія фигуры, смотри по умѣнью и изобрѣтательности танцора, направляющаго его движеніемъ. Часто кругъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ круговъ, повторяющихъ тѣже фигуры и за тѣмъ, по сигналу распорядителя, снова граціозно соединяется въ общій. Въ то время какъ танцующіе медленно кружатся, поется *«ходи у коло дуски моја»* (приди въ кругъ моя душа; на что другіе отвѣчаютъ: *оди у коло»* (приди въ кругъ).

горцы въ своемъ танцѣ начали подражать движеніямъ царя пернатыхъ, когда онъ нападаетъ на свою жертву.

Грустная, монотонная пѣсня, часто съ самыми незначительными словами, безъ общей идеи, служитъ акомпаниментомъ черногорскаго танца.

Три или четыре пѣвца, смѣняясь попеременно, замѣняютъ впродолженіе всего времени оркестръ, который, впрочемъ, никакъ-бы не могъ подладиться подъ странныя движенія этой дикой хореографіи. Гудла никогда не акомпанируетъ національный танецъ. Онъ не требуетъ также и акомпанимента тѣхъ грубыхъ инструментовъ, которые употребляются горными пастухами, или служатъ средствомъ для добыванія пищи слѣпымъ и калѣкамъ, каковы: дудка, различные роды свирѣли, *тамбура* (tambura)—родъ гитары или мандолины съ двумя металлическими струнами, и *дипла* (diplo) или волынка, состоящая изъ двухъ сквозныхъ тростниковыхъ палочекъ, на концѣ которыхъ привязывается ковій мѣхъ, наполненный воздухомъ.

Ни одинъ актъ изъ жизни черногорцевъ не сохранилъ на себѣ такую печать прежнихъ нравовъ и изобиліе символическихъ подробностей, какъ обрученіе и свадьба. Согласно весьма древнему черногорскому обычаю, часто семейства двухъ молодыхъ людей сами берутъ на себѣ трудъ устроить ихъ свадьбу, такъ что воля будущаго жениха и невѣсты не принимаетъ въ этомъ ни малѣйшаго участія. Это дѣло часто рѣшается съ самаго дня ихъ рожденія. Въ этомъ случаѣ принимается во вниманіе только какою нибудь интересъ или чаще всего желаніе еще крѣпче связать узы старой дружбы между родителями и передать дѣтямъ чувство взаимнаго уваженія. Понятно, что браки эти часто бываютъ весьма неустойчивы; и если разрывъ не всегда слѣдуетъ немедленно, то часто всетаки дѣло этимъ кончается и тогда устраивается правильный разводъ, который возвращаетъ обоимъ супругамъ счастье и свободу. Весьма часто повторяющиеся случаи просьбы о разводѣ, которыя мотивируются исключительно несходствомъ характеровъ, побудили послѣднихъ черногорскихъ правителей уничтожить по возможности вышеописанный обычай и для вступленія въ бракъ требовать полного согласія жениха и невѣсты.

Теперь, когда молодой человѣкъ выберетъ себѣ невѣсту, то онъ сообщаетъ объ этомъ наиболѣе уважаемымъ членамъ своего семейства, которые должны отправиться въ домъ къ избранной дѣвушкѣ, съ тѣмъ, чтобы просить у родныхъ ея руки. Отказъ случается рѣдко. Прошло то время, когда отвергнутый женихъ собиралъ своихъ друзей, подстерегалъ дѣвушку и тащилъ къ священнику, благословенія котораго было совершенно не трудно получить. Иногда, вслѣдствіе привычекъ, развитыхъ въ борьбѣ съ невѣрными, похищеніе производится даже и въ томъ случаѣ, если дѣвушка приметъ предложеніе и сами родители будутъ на это согласны. Но когда все пр-

исходить по правиламъ, то посланные, или *просзчи* (*proszci*), снабженные обильной провизіею, отправляются къ родственникамъ дѣвушки, руки которой они просятъ для своего сына или друга; затѣмъ всѣ садятся за столъ и, если согласіе дано, то начинаютъ за виномъ обсуждать брачныя условія. Тогда отецъ дѣвушки проситъ дать ему время, чтобъ хорошенъко разсмотрѣть предложенія и посовѣтничаться съ дочерью, и опредѣляетъ день, когда *просзчи* могутъ придти за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Въ назначенный день посланные приходятъ опять, снова садятся за столъ, и когда каждый изъ собесѣдниковъ выпьетъ три раза, по древнему обычаю, глава *просзчи* предлагаетъ дѣвушкѣ стаканъ вина. Если она принимаетъ—то значить родственники отдають ее окончательно; затѣмъ представитель ея будущаго мужа подаетъ ей яблоко, въ которое воткнута монета и которое дѣвица отдаетъ немедленно отцу или брату и вообще хозяину дома. Когда родители и *просзчи* покончатъ съ условіями, то назначаютъ день, въ который женихъ долженъ прислать свадебный кортежъ за своей нареченной. Въ ожиданіи этого дня женихъ выбираетъ двухъ родственниковъ или друзей, обязанныхъ служить шаферами его невѣсты; они называются *деверь*, (*djevers*) въ древней Греціи ихъ называли *паранимфами* (*paranymphes*). Равнымъ образомъ онъ приглашаетъ нѣсколько знакомыхъ ей молодыхъ людей, которые составятъ свадебный кортежъ, назначенный отправиться за невѣстой; это *сваты*. Съ раняго утра дня свадьбы, а если невѣста живетъ далеко, то и наканунѣ этого дня, веселое общество *деверей* и *сватовъ*, верхами, съ пѣснями, криками и пистолетными выстрѣлами отправляется на встрѣчу такому же кортежу, отправленному родственниками невѣсты. Всѣ вмѣстѣ пріѣзжаютъ къ дому невѣсты, на порогъ котораго ихъ встрѣчаютъ родственники дѣвушки, исключая, впрочемъ, отца и матери. Тогда *деверь* спрашиваютъ мать, говорить ей цѣль своего прибытія и просятъ позволенія увести ее дочь. Мать должна несоглашаться на ихъ просьбы, горько плакать, и наконецъ, смягченная подарками, даетъ свое согласіе. Послѣ этого *сваты* входятъ въ домъ, гдѣ стоитъ сундукъ, подарокъ жениха обыкновенно купленный на базарѣ въ Рива или Скутари. Въ этотъ огромный ящикъ, росписанный яркими красками, кладутъ подарки, которые каждый считаетъ своимъ долгомъ поднести. Подарки состоятъ обыкновенно изъ принадлежностей женскаго туалета, но часто и изъ различной кухонной утвари *). Между тѣмъ мать и подруги молодой дѣвушки уводятъ ее наряжаютъ во все новое, начная съ тонкой, шелговой рубашки, съ широкими вышитыми рукавами, и кончая бархатной *жетой* съ золотымъ шитьемъ. На братѣ невѣсты лежитъ обязанность снять съ ея головы *капу*, эмблему дѣвственности.

*) Спустя три дня послѣ свадьбы, но никакъ не раньше, мать отдаетъ дочери ея первый визитъ и въ то же время привозитъ къ ней сундукъ со всѣми подарками.

которую съ этого времени замѣнить строгій платокъ замужней женщины *).

Тѣмъ временемъ столъ уже накрытъ для *сватей*; *ханджаръ* рѣжетъ зажареннаго барана; водка, вино и кофе подаются въ изобиліи, и пока въ толпѣ танцующихъ, собравшейся у двери дома, раздаются радостные крики и стрѣльба, веселые, остроумные *бриндизы* (рѣчи) говорятся въ честь молодой, готовой къ отъѣзду. Дѣйствительно настала минута, въ которую она должна окончателно покинуть родительской домъ; съ опущенной головою, плотно прикрытая своимъ покрываломъ, переступаетъ она черезъ порогъ въ сопровожденіи родныхъ и друзей дома и садится на приведенную *свату* лошадь.

Если путь свадебнаго кортежа къ дому невѣсты былъ очень веселъ, то возвращеніе еще веселѣе. Въ каждой деревнѣ его встрѣчаютъ криками «вивать», ружейными выстрѣлами; друзья жениха или невѣсты сбѣгаются со всѣхъ сторонъ съ *ботцами* въ рукахъ и сами пьютъ и предлагаютъ пить всему кортежу. Торжественное и радостное шествіе направляется не къ дому жениха, а прямо въ церковь. Женихъ тоже прѣвзжаетъ туда, но скрытно и также не замѣтно удаляется послѣ совершенія обряда.

Наконецъ молодая жена, въ сопровожденіи *деверей* и *сватей*, приходитъ въ тотъ домъ, гдѣ для нея должна начаться новая жизнь. На порогѣ этого дома она замѣчаетъ *старшину*; съ ребенкомъ въ рукахъ идетъ онъ ей на встрѣчу и предлагаетъ поласкать мальчика. Сцена эта имѣетъ эмблематическо значеніе; она служитъ счастливымъ предзнаменованіемъ для тѣхъ материнскихъ обязанностей, которыя молодой женщиной скоро придется исполнять. Затѣмъ свекровь подаетъ ей яблоко, которое она должна изъ всѣхъ силъ бросить черезъ домъ; если ей не удастся перебросить его, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Если при взглядѣ на эту сцену, намъ придетъ на память свадьба Тетиса и Пелея, то по крайней мѣрѣ яблоко раздора, брошенное нѣкогда на столъ боговъ и поднятое теперь невинной рукою молодой женщины, перелетитъ, не останавливаясь, этотъ домъ, гдѣ должны царствовать любовь и счастье. Поэтому, дочь Черногоріи, напруги всю силу твоей гибкой руки, и когда яблоко исчезнетъ за твоимъ новымъ жилищемъ, ты можешь услышать, какъ будутъ говорить около тебя: «никогда твоя мать не будетъ имѣть несчастія видѣть, что дочь ея изгнанная съ брачнаго ложа, лишаетъ ее сладкой надежды видѣть своихъ внучатъ. Вертите вы, которыя твете нить судьбы, вертите, вертите легкое веретено» *).

*) Эта капа виситъ, въ продолженіе двухъ или трехъ дней, на гвоздѣ, въ покинутомъ молодою дѣвушкою домѣ.

***) *Anxia nec mater discordis moesta puella.*

Весь свадебный кортеж входитъ въ домъ; начинается пиршество *сватовъ*, а *девери* безъ церемоніи садятся на брачную постель, куда молодой мужъ приносить имъ кушанья и напитки. Въ этотъ день *девери* обязаны ухаживать за молодой женой, такъ какъ мужъ, какъ хозяинъ дома, дѣлать этого не можетъ, особенно въ присутствіи постороннихъ. Приходитъ вечеръ, а *девери* все продолжаютъ занимать молодую женщину въ ея спальнѣ, куда наконецъ является и мужъ, получивъ предварительно благословеніе отъ главы семейства. Тогда *девери* возвращаются къ веселой компаніи, усаживаются кругомъ очага, куда имъ приносятъ водки и сушеныхъ фигъ.

На зарѣ слѣдующаго дня *девери* приносятъ молодымъ вина, хлѣба, лепешку и жареную курицу. Тогда молодая женщина встаетъ съ постели, цѣлуетъ своего свекра, *сватовъ* и всѣхъ присутствующихъ, потомъ подаетъ имъ всѣмъ умываться, и каждый изъ нихъ бросаютъ ей въ кувшинъ одну или нѣсколько монетъ. За обѣдомъ молодая прислуживаетъ гостямъ и скромными наклоненіями головы отвѣчаетъ на ихъ *бриндизи*. Передъ окончательнымъ уходомъ *сваты* еще разъ дарятъ ей кольца, монеты или еще что нибудь.

Такова черногорская свадьба, съ ея почти мифологическими обрядами, смыслъ которыхъ давно уже, безъ сомнѣнія, потерявъ для жителей страны. Невозможно найти ни въ этомъ воинственномъ приѣздѣ *сватовъ*, которые являются какъ будто похитить женщину, а не лобровольно увести ее; ни въ роли *деверей*, которые скорѣй кажутся тѣлохранителями, чѣмъ шаферами, ни въ этомъ праздникѣ, куда допускаются одни мужчины, гдѣ ни одна женщина не помогаетъ новобрачной своими совѣтами, присутствіемъ и веселіемъ; невозможно найти, повторяемъ мы, во всемъ характерѣ этой свадьбы, радостей и изящества тѣхъ брачныхъ празднествъ, гдѣ молодая, вся покрытая цвѣтами, въ бѣлой сіяющей одеждѣ, самая прекрасная среди цѣлой группы молоденькихъ дѣвушекъ, ея окружающихъ, слышитъ, какъ идущія со всѣхъ сторонъ поздравленія, перемѣшиваются съ слезами ея матери? Какая разница даже и съ этими древними празднествами Гименей, среди которыхъ раздавались пѣсни любви и гимны красотѣ; когда древній поэтъ на свадьбѣ Юліи и Манліи, громко пѣлъ гармоническія и звучныя строфы своей эпиталамы: «дѣти, подымите ваши факелы; я вижу невѣсту, которая идетъ покрытая брачнымъ вуалемъ. Идите, пойте: да здравствуетъ, да здравствуетъ на всегда Гименей, богъ свадьбы!»

«А вы, цѣломудренныя дѣвственницы, для которыхъ скоро заблеститъ подобный-же день, пойте также, пойте хоромъ: Богъ свадьбы, о Гименей; о Гименей, богъ свадьбы!» *).

Socubitu caros mittet sperare nepotes.
Pureite, dusentes subtemina, cuvrite, fussi.
Catullus, LXIV

*) Bollite, o pueri, faces;
Flammeum rideo renire.

ГЛАВА VIII.

Отъ Триеста до Катарро. — Отъ Катарро до Цегинья. — Столица Черногоріи.

На сколько плаваніе по Адриатическому морю въ пакетботахъ, совершающихъ свои рейсы три раза въ недѣлю между Триестомъ и Корфу, скучно и продолжительно для спѣшащаго или озабоченнаго какими либо дѣлами путешественника, на столько оно привлекательно для туриста, любителя всего новаго и неомиданнаго, какъ и для ученаго, желающаго при видѣ памятниковъ воскресить все прошлое. Для однихъ это ничто иное, какъ нескончаемый рядъ гаваней, увеличивающій при каждой остановкѣ толпу, наполняющую палубу и каюту; затѣмъ потерянные ночи, проведенныя на якорѣ, и наконецъ сильные вихри, внушающіе только одинъ страхъ; для другихъ же наоборотъ, ихъ занимаетъ это разнообразіе костюмовъ, интересуютъ различные обычаи; разнородные типы служатъ имъ безпрестанно смѣняющейся панорамой, и наконецъ это вавилонское смѣшеніе языковъ составляетъ для нихъ молнѣйшій концертъ. Затѣмъ представляется взору безчисленное множество островковъ, обширные архипелаги, громадныя цѣпи горъ, пропадающія только на горизонтѣ, и которыя какъ бы готовятся раздавить дерзкое судно, плывущее у ихъ подножія. Вдоль берега тутъ и тамъ рисуются живописныя рыбацкія деревушки, развалины прежнихъ монастырей, древнія базилики, города, въ которыхъ стѣны, существующія болѣе 20-ти столѣтій, служатъ основаніемъ многихъ построекъ, а наконецъ вы можете увидѣть даже и дворецъ какого нибудь римскаго императора, въ которомъ помѣщаются теперь множество лавочекъ, и который совершенно ступшевывается въ лабиринтъ темныхъ и грязныхъ улицъ.

Триеста больше не видно съ его бѣлыми большими домами, съ его лѣсомъ кораблей, съ его обрывистыми холмами, сокращающими горизонтъ. Нашему взору представляется бухта Каподистрія; затѣмъ слѣдуютъ бѣлые домики города Пирано, оставляющаго сожалѣніе въ удаляющемся путникѣ.

Мы значительно уже отѣхали отъ Омаго, когда наше вниманіе было обращено на Паренцо съ его каедральнымъ соборомъ, чу-

Ite, concimite in modum:
 Io Hymen hymenaeo io,
 Io Hymen hymenaeo.
 Vos item simul integrae
 Virgines, quibus advenit
 Par dies, agite, in modum
 Dicite: O hymenaeo Hymen,
 Hymen, o hymenaeo.

Ca'tullus, LXI.

домъ первыхъ вѣковъ христіанства; живописно расположенная Равинья на одно мгновеніе показываеъ свои роскошныя дома. Затѣмъ, приблизивъ къ самому берегу, оставивъ справа отъ себя острова Бриони и проплывъ между укрѣпленными островками, многочисленныя проходы между которыми обороняются перекрестнымъ огнемъ съ множества батарей, пароходъ подошелъ къ самому берегу противъ арсенала Пола, великолѣпнаго австрійскаго военнаго порта. Въ то время, когда пароходъ старался найти себѣ путь между флотомъ, загромоздившимъ портъ, пассажиры имѣли достаточно времени рассмотреть громадную круглую колонаду, столь величественную и съ этого разстоянія казущуюся настолько неповрежденною, что напоминаетъ скорѣе только что оконченный памятникъ, нежели развалины, сопротивлявшіяся ударамъ столькихъ вѣковъ: это та самая знаменитая арена, которая гораздо обширнѣе и чудеснѣе римской и веронской, и великолѣпіе которой такъ картинно описать Гумфри Деви. Въ Полѣ есть еще и другія достопримѣчательности; такъ, послѣ амфитеатра нужно еще обратить вниманіе на Геркулесовы ворота, затѣмъ на Золотныя ворота съ триумфальной аркой, на храмъ Августа и наконецъ на древній францисканскій монастырь съ церковью, окна которой въ вивантійскомъ стилѣ и состоятъ изъ колонокъ истрійскаго мрамора.

Пола исчезла; пароходъ обогнулъ мысъ Проманторе и мы вошли въ Карnero, обширный заливъ, въ которомъ попеременно дуютъ бора и сирокко. Море здѣсь не покойно, сурово, бываетъ даже опасно, но вскорѣ Луссино-Пикколо предлагаетъ вѣрное убѣжище путешественнику, еще ошеломленному гуломъ бури этого роковаго залива: Carnero capivogo.

Отъ Луссино до Зары пустынный берегъ Далмаціи и безчисленное множество острововъ его архипелага представляются здѣсь во всей своей неплодородности.

Едва кое-гдѣ видѣются, какъ затерянные между известковыми скалами, маленькія зеленѣющія полянки, гдѣ трава вполне распустилась только въ тѣни оливковаго, фиговаго или миндальнаго дерева; иногда вы увидите на склонѣ какого нибудь холмика небольшія виноградныя лозы. Затѣмъ слѣдуетъ трехдневное плаваніе по судходнымъ каналамъ; тутъ уже кормчему не приходится отдохнуть и минуты. Это продолжительное и монотонное плаваніе вдоль однообразныхъ и безплодныхъ береговъ утомляетъ путешественниковъ, которыхъ, впрочемъ, резиденція Далмаціи вознаграждаетъ разнообразіемъ своихъ пейзажей.

Тѣмъ не менѣе этотъ пустынный и неплодородный берегъ Далмаціи съ его мириадами островковъ и рифовъ, разбросанныхъ въ Адриатическомъ морѣ, имѣлъ нѣкогда свое значеніе; эти бухты, губы, безчисленное множество заливовъ служили нѣкогда убѣжищемъ дерзкимъ пиратамъ, ускокамъ, которые вызывали страхъ и трепетъ

въ капитанахъ венеціанскихъ галеръ. И даже еще не болѣе какъ полъ вѣка назадъ здѣшніе рыбаки, наслѣдовавшіе гнусный обычай грабить, обирали несчастныя суда, занесенныя вѣтромъ въ ихъ край.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Зары пароходъ видѣть въ проходъ Себенико, надъ которымъ возвышается островокъ, гдѣ венеціанскій Вобанъ, Санъ-Микели, нагромоздилъ массу укрѣпленій. На горѣ св. Анны также видны бастионы, и этотъ французскій фортъ свидѣтельствуетъ о битвахъ въ началѣ нашего столѣтія. Обогнувъ нѣсколько мысовъ, вы входите наконецъ въ послѣднюю бухту или вѣрнѣе сказать озеро, замкнутое со всѣхъ сторонъ, и за которымъ амфитеатромъ возвышается древній городъ Себерико. Едва пароходъ успѣваетъ причалить къ набережной, какъ всѣ стремятся по грязнымъ и узкимъ улицамъ, соединеннымъ между собою грязными же лѣсенками, отыскивать знаменитый и любопытный каедральный соборъ; затѣмъ осматриваютъ венеціанскую Loggia, равно какъ и театръ и потомъ отправляются къ рынку, гдѣ въ красивѣйшихъ костюмахъ толпятся городскія жительницы и крестьянки. Пока не пробѣтъ часъ отъѣзда, гостиница для пріѣзжающихъ предательски ожидаетъ пассажировъ въ свою обширную и низкую залу, одновременно кухню и столовую, атмосфера которой, пропитанная табачнымъ дымомъ, запахомъ далматскаго рагу и удушливымъ чадомъ печки, вызываетъ такое отвращеніе, котораго не въ силахъ побороть самый сильный аппетитъ.

Сдѣлавъ остановку въ гавани Рогозница, объѣхавъ затѣмъ весь Планка, пароходъ Ллойдъ долженъ былъ пробраться между островомъ Цизона и самымъ берегомъ, чтобы достигнуть укрѣпленнаго стариннаго и живописнаго города Трау, котораго одна часть занимаетъ цѣлый островокъ, а другая расположена на одномъ углу острова Буа. Эти обѣ части города соединены между собою мостами, изъ которыхъ одинъ разводной, для пропуска судовъ. Базилика, которая по своей архитектурѣ считается лучшею во всей Далмаціи, Лоджіа и старый замокъ Камерменго, построенный еще венеціанцами въ 1420 г. на одномъ изъ выдающихся мысовъ, заслуживаютъ, чтобы путешественникъ остался здѣсь до слѣдующаго парохода. Затѣмъ наконецъ достаточно двухъ часовъ, чтобы проѣхать разстояніе отъ Трау до Спалато, главной цѣли путешественниковъ - артистовъ по берегамъ Далмаціи.

Остановимся здѣсь, и мы, въ свою очередь дольше, такъ какъ здѣсь жилъ и умеръ одинъ изъ влстителей Рима.

Предоставимъ автору «Lettres sur l'Adriatique» (писемъ объ Адриатическомъ морѣ) рассказать всѣ подробности странной исторіи о сынѣ Діоклеи *), происходившемъ изъ рабской семьи, и который по

*) На Морачѣ; близъ Скутари.

предсказанію друида, убивъ вепря, затѣмъ начавъ службу солдатомъ и пройдя послѣдовательно всѣ воинскіе чины, достигаетъ императорской мантии и добивается даже божескихъ почестей.

Діоклетіанъ - Юпитеръ совместно съ своимъ товарищемъ Максиміаномъ Геркулесомъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ прославляетъ римское оружіе и затѣмъ, утомленный властью, взываетъ къ Далмаціи, своей родинѣ, о покоѣ и забвеніи. Двѣнадцать лѣтъ онъ употребилъ на постройку дворца, вполне достойнаго пріемника цезарей и который и понынѣ свидѣтельствуетъ о своемъ первоначальномъ великолѣпіи.

Въ концѣ концовъ Діоклетіанъ, сойдя съ міровой сцены, кончаетъ свою жизнь въ такой же неизвѣстности, въ какой онъ ее и началъ.

Не нѣсколько часовъ, а нѣсколько дней Спалато требуетъ отъ путешественника, желающаго подробно осмотрѣть слѣдующія его примѣчательности:

Храмъ Юпитера, обращенный въ кафедральный соборъ, съ его кругообразной колоннадой, съ его высокими куполомъ и громадной галлереей изъ коринтскихъ колоннъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вполне сохранились и понынѣ; храмъ Эскулапа и Твердская колокольня; затѣмъ старая часть города съ ея кривыми улицами и высокими домами на подобіе тюремъ; новый Спалато съ его роскошными постройками и широкой сводчатой улицей; два порта и наконецъ Салона, бывшая столица страны, нынѣ же заглохшая деревушка, которую всю обобрали, за заключеніемъ ея разваливъ, послѣднихъ слѣдовъ ея прежняго величія.

Покинувъ Спалато, вы вѣзжаете въ широкій каналъ, находящійся между континентомъ и остр. Брацца; его сѣрѣющіе, обнаженные, но величественные берега, особенно материковый, подъ которымъ Вельбихъ раскинулъ свою темную громадную цѣпь хребтовъ, изрѣзаны болѣе или менѣе вдающимися бухтами. Одна изъ этихъ бухтъ расположена между двухъ горъ съ отвѣсными склонами, точно море пробило себѣ дорогу между скалъ, что представляетъ живописную и величественную картину; это — Альмисса, гнѣздо пиратовъ, откуда они въ 12 и 13-мъ столѣтіяхъ дѣлали свои набѣги и грабили пилигримовъ и купцовъ, которыхъ вѣра и любовь къ барышамъ влекли на востокъ. Венеціанцы неоднократно пытались обуздать свирѣпыхъ враговъ ихъ торговли и кораблей, но всѣ ихъ попытки были безуспѣшны, такъ какъ Альмиссинцы, несмотря на естественную недоступность ихъ логовища, придали ему еще болѣе безопасности, загородивъ къ нему доступъ стѣной, входъ которой имъ однимъ только былъ извѣстенъ. Суда альмисскихъ пиратовъ, выходя изъ рѣки *), быстро огибали скалы, гдѣ и находили обезпеченное убѣжище. Но

*) Рѣка Цетинья, которая беретъ свое начало въ Динарскихъ Альпахъ, въ предѣлахъ Босній, послѣ долгаго теченія на югъ, поворачиваетъ въ противоположную сторону, чтобы противъ Альмиссы впасть въ море.

Венеція все-таки покончила съ этими разбойниками о чемъ и до сихъ поръ свидѣтельствуеъ красующійся на стѣнахъ Альмиссы крылатый левъ. У самаго берега на вершинѣ одной скалы, возвышается укрѣпленный замокъ, господствующій надъ маленькимъ городомъ, расположеннымъ у его подножья; это—замокъ Мирабелла. Въ незначительномъ разстояніи отъ Альмиссы находится небольшая пристань, отъ которой пять дней ѣзды до Сараево, главнаго города Босніи. Не останавливался въ Альмиссѣ, которая въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія, пароходъ причаливаетъ въ Мильна, резиденціи острова Брацца.

Затѣмъ, обогнувъ его южный берегъ и проѣхавъ между островами Спальмадоресъ, пароходъ въѣзжаетъ въ прекрасную бухту Лезина, на заднемъ планѣ которой возвышается городъ того же имени, съ господствующей надъ нимъ большою и красивою крѣпостью. На пути отъ Лезины до Корцола вы оставляете къ западу отъ себя знаменитый островъ Лиссу, около котораго произошла въ 1811 году битва между англійской и французской эскадрой подъ предводительствомъ Госта и Дюбурдьё, а въ 1866 г. — большое сраженіе, въ которомъ итальянскій флотъ сильно пострадалъ отъ австрійскаго. Послѣ Аустерлица Лисса подпала подъ владычество Англичанъ, которые построили на ней обширные морскіе и военные арсеналы; она имъ служила главнымъ торговымъ пунктомъ въ Адриатическомъ морѣ.

Къ юго-западу отъ Лиссы расположенъ большой островъ Корцола, жители котораго пользуются во всемъ Адриатическомъ морѣ вполне заслуженною репутаціею хорошихъ плотниковъ и кораблестроителей. Чтобы попасть изъ Корцола въ Рагузу, надо плыть вдоль полуострова Сабьончелло, затѣмъ, миновавъ островъ Меледо около котораго, какъ Далматы увѣряютъ, Св. Петръ потерпѣлъ крушеніе въ 57-мъ году, — вы входите въ цѣлый лабиринтъ укрѣпленныхъ островковъ и достигаете наконецъ долины Омбло, въ которой находится бухта Гравоза, служащая гаванью Рагузы. Самый городъ находится въ 20-ти минутахъ отъ гавани; экипажи ожидаютъ здѣсь пассажировъ, чтобы ускорить и облегчить имъ дорогу къ старому городу, отстроенному французами и украшенному австрійцами. Дорога, ведущая къ нему, идетъ между множествомъ развалинъ, дачъ и небольшихъ дворцовъ, разрушенныхъ черногорцами во время осады 1806 года, въ которой они были заодно съ русскими. Рагуза была основана около половины седьмаго столѣтія, 200-ми годами позже Венеціи и, такъ какъ она упорно отражала всѣ хитрости и лесть своей соперницы, то и избѣгла зависимости, которую ей прочили. Это единственный городъ во всей Далмаціи, надъ которымъ не красовался левъ Св. Марка. Расскажемъ въ двухъ словахъ его исторію: Въ 689 г.: до Р. Х. одна греческая колонія основала въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ теперь Рагуза, городъ Эпидоръ, извѣстный своимъ храмомъ и портомъ. Бывши завоеванъ римлянами, Эпидоръ былъ во

время войны Цезаря и Помпея на сторонѣ перваго, но былъ осажденъ Октавіемъ, а освобожденъ Вотиніусомъ; затѣмъ, взбунтовавшись противъ метрополіа, былъ покоренъ проконсуломъ Полліо, немного спустя онъ былъ почти уничтоженъ готами, чего незамедлили вполнѣ довершить славяне. Тогда послѣдніе остатки жителей города Эпидора пошли себѣ искать убѣжище въ мѣстность, лежащую между скалами, возвышающимися надъ Рагузой и моремъ, построили здѣсь новый городъ, котораго населеніе было увеличено пріютившимися въ немъ эмигрантами города Салона.

Въ 1050 г. король Далмаціи даровалъ этому городу 22 мили земли. Въ ту эпоху сформировалась каста патриціевъ, которыхъ потомки и понынѣ существуютъ, и тогда было здѣсь установлено олигархическое правленіе. Независимая, но черезчуръ безсильная, Рагуза предложила Турціи въ 1370 г. ежегодную дань въ 500 цехиновъ золотомъ въ замѣнъ ихъ имяннаго покровительства, и дѣйствительно, ея благоденствіе росло, но землетресеніе 1667 года пожѣдало ему; оно уничтожило почти весь городъ и большую часть его жителей. Но, оправившись довольно скоро отъ этого страшнаго бѣдствія, она удержала еще свою независимость до 1806 г.; тогда ей сразу стали угрожать три державы: Англія, Франція и Россія. Рагуза стала искать защиты у французовъ, которымъ и открыла всѣ ворота своего города. Послѣ этого русскіе въ союзѣ съ черногорцами рѣшили ее уничтожить; въ этой борьбѣ лилась кровь жителей, воображавшихъ, что защищаютъ свою свободу, вмѣстѣ съ кровью французовъ, смотрѣвшихъ на Рагузу, ни какъ на ввѣрившуюся ихъ чести, а какъ на результатъ своей побѣды. И такъ, два года спустя, въ одинъ прекрасный день, Лористонъ объявляетъ собравшимся сенаторамъ, что республика Рагуза болѣе не существуетъ; а семь лѣтъ спустя Далмація по Вѣнскому конгрессу стала принадлежать Австріи. Рагуза городъ гордый и благородный; страницы его исторіи только и говорятъ, что о его славі; она вполнѣ достойна быть сравниваемой съ Венеціей, но она честнѣе, благороднѣе и добродѣтельнѣе послѣдней, судя по прекрасной антитезѣ М. Мармье, который говоритъ, что «насколько Венеція горда своей свободой; алчна въ своихъ расчетахъ, преисполнена страстью къ побѣдамъ, высокомерна и черства съ своими подвластными владѣніями и наконецъ пронырлива и лукава относительно тѣхъ, чей силы и могущества она страшится, — на столько Рагуза осталась скромна въ своихъ притязаніяхъ и полна благородныхъ чувствъ справедливости и великодушія; силѣ ея послужила честность, а возвышенію — добродѣтель».

Въ настоящее время Рагуза безжизненна, покойна, облечена въ скорбь о своемъ прошломъ, и, беззаботная относительно будущаго, отдыхаетъ въ своихъ высокихъ стѣнахъ, съ которыхъ въ былое время возносились ежемѣсячно молитвы за благоденствіе главы республики. Но и Венеція, ея соперница, тоже отдыхаетъ на своемъ

холодномъ мраморномъ ложѣ, рисуя въ своемъ воображеніи блестяще кортежи своихъ правителей, тотъ флотъ, украшенный флагами и какъ она въ послѣдній разъ бросаетъ свое обручальное кольцо возлюбленной волнѣ Адриатическаго моря.

Выѣхавъ изъ Гравозы, вы почти тотчасъ же видите слѣва живописный островъ Лакрома, лежащій противъ самой Рагузы и извѣстный тѣмъ, что Ричардъ Львиное Сердце прошелъ по немъ, возвращаясь изъ Св. мѣсть.

Когда несчастный принцъ Максимилианъ командовалъ австрийскимъ флотомъ, то этотъ островъ служилъ ему лѣтней резиденціей; онъ сдѣлалъ изъ него настоящій садъ, въ которомъ среди рощицъ цвѣтниковъ и чужестранныхъ растений можно было вообразить себя въ тропическомъ поясѣ *). Затѣмъ вы проѣзжаете мимо острова Св. Иларія, на которомъ по примѣру Св. Павла, Иларій высадили чтобъ проповѣдывать Евангеліе въ Далмаціи; потомъ виднѣтся долина Брено съ ея красивой бухтой и ея живописными берегами покрытыми оливковыми лѣсами, изъ которыхъ выдѣляются деревушки и развалины древняго Эпидора — Рагуза века. Проѣхавъ это мѣсто, берега становятся снова крутыми, утѣсистыми и обнаженными; въ одной изъ извилинъ берега расположена Молонта, затѣмъ приходится обогнуть сильно укрѣпленный мысъ, Пунча Достро и мы у входа въ Катарскій заливъ.

Противъ насъ съ одной стороны расположенъ островокъ Занько или Рондини, застроенный батареями, а на противулежащемъ берегу находится крѣпость Санта Роза, усиливающая защиту Катарскаго входа. Входъ этотъ имѣетъ 24 мили длины; извилины его образуютъ 4 большихъ и 9 маленькихъ бухтъ, чѣмъ напоминаетъ Босфорскій и Смирненскій проливы. Эти бухты представляютъ непрерывный рядъ портовъ одинъ безопаснѣе другаго и способныхъ вмѣстѣ разомъ нѣсколько флотовъ. Первая бухта замыкается съ юго-востока мысомъ д'Остро, затѣмъ за мысомъ Кабила открывается второй заливъ, на западной сторонѣ котораго недалеко отъ черезполоснаго турецкаго владѣнія Суторина расположенъ не большой городъ Кастель-Ново, съ господствующей надъ нимъ крѣпостью Спаньоло.

Кастель-Ново живописно расположенъ на склонѣ горы и опоясанъ каменной стѣною; населеніе его состоитъ изъ 1500 душъ православнога вѣроисповѣданія; въ немъ находится церковь Стефана Духана, съ прилегающимъ къ ней греческимъ монастыремъ. Кастель-

*) Почти весь островъ покрытъ сосновыми лѣсками, душистыми кустарниками, миртами, буксами, рододендронами и цѣлымъ собраніемъ растений самыхъ рѣдкихъ видовъ. Древній монастырь, обращенный въ обиталище эрцгерцога, представляетъ длиннѣйшую галерею, по сторонамъ которой расположены цѣлый рядъ гостинныхъ и спальныхъ покоевъ. Максимилианъ хранилъ въ этой лѣтней резиденціи всѣ свои коллекціи, собранія во время его путешествій, которыя потомъ были перевезены въ Мирамару, и въ настоящую минуту тамъ можно встрѣтить множество вещей, съ которыми связано воспоминаніе объ этомъ кратковременномъ императорѣ Мексики, несчастной жертвѣ превратности судьбы и возмущающихъ дѣйствій политики.

Ново вестъ торговныя сношенія съ турками черезъ посредство Суторино; отъ него до Рагузы 8-мъ часовъ ѣзды въ экипажѣ. Въ одной мили разстоянія отъ Кастель-Ново находится Порто-Розе, немного дальше — лазаретъ, затѣмъ хорошенькая деревня Мельина, населенная исключительно рыбаками, какъ Кастель-Ново и всѣ пребрежныя деревни.

Оставивъ справа острова Страдіоти, а слѣва гору Дезвилье берега настолько близко сходятся, какъ будто хотятъ преградить путь, это — Каттѣнскій проливъ, въ которомъ въ былыя времена для защиты протягивали цѣпь, нынѣ же эта цѣль замѣняется съ большимъ успѣхомъ настильнымъ огнемъ батарей. Затѣмъ пароходъ плыветъ далѣе на сѣверъ, чтобъ проникнуть въ большую бухту, на заднемъ планѣ которой расположенъ небольшой городъ Ризано, извѣстный по богатой одеждѣ и отличному вооруженію жителей; жители эти всѣ сербскаго происхожденія и, не смотря на то, что подвластны иноплеменникамъ, сохранили свои прежніе нравы и обычаи; они очень симпатизируютъ черногорцамъ, и по случаю рожденія молодаго князя Данила была отправлена въ 1871 году въ Цетинью съ поздравленіемъ депутація, состоящая изъ богатѣйшихъ жителей. Отъ Ризано до Грахова шесть часовъ ѣзды, если ѣхать черезъ Австрійскую брѣвность Драгай. Вернувшись къ прежнему направленію нашего пути, отъ котораго мы удалились, чтобъ завернуть въ Ризано, мы должны проѣхать мимо острововъ Св. Георгія и Madone-di-Scapulare. Первый былъ атакованъ и взятъ черногорцами въ 1806 году противъ желанія англичанъ, которые и понынѣ имъ этого не могутъ забыть; на второмъ находится монастырь, въ которомъ хранится образъ Божьей Матери, рисованный, какъ говоритъ преданіе, Св. Лукой; этотъ островъ служить мѣстомъ поклоненія охотно посѣщаемымъ.

Перасто съ его красивымъ мысомъ; Столиво съ его громаднымъ шпиемъ, возвышающимся надъ церковью; Доброта, богатѣйшая деревня этой мѣстности, и наконецъ Перцано съ его миловидными домиками, изъ которыхъ одни какъ будто купаются въ морѣ, другіе точно взбираются по склону холма, представляютъ живописную панораму, въ которой вы видите, то вилы, сады, терасы, рощицы, то роскошную зелень оливковаго, лимоннаго или апельсиннаго дерева, которыхъ упительный запахъ разносится морскимъ вѣтеркомъ. Но вскорѣ надъ этими хорошенькими пейзажами, надъ этой зеленой полосой листвы, образующей вокругъ бухты точно живое ожерелье, начинаютъ возвышаться все болѣе и болѣе высочія, сѣрыя и обнаженныя горы, которыя становятся положительно страшными, когда буря облекаетъ ихъ цѣлою мантиею темныхъ, ужасныхъ тучъ. Наконецъ передъ судномъ разстилается послѣдняя бухта, а за нею городъ, точно придавленный окружающею его стѣною гигантскихъ скалъ, недосигаемой глазу высоты — это городъ Катаро, а надъ нимъ Черная гора. Чтобы проѣхать весь проливъ надо 5 часовъ времени,

включая сюда и остановки въ его бухтахъ. Но путешественникъ съ избыткомъ вознагражденъ за эти остановки и неудовольствія, встрѣчающіеся на этомъ пути, такъ какъ онъ созерцалъ такія грандіозныя картины, лучше которыхъ человекъ едва ли гдѣ нибудь можетъ встрѣтить. Римляне полные властители Далмаціи не могли не обратить вниманія на лучшую гавань ея береговъ, и поэтому одна изъ ихъ колоній успѣшила занять мѣстность у Катарскаго залива.

Катаро испытываетъ различныя превратности судьбы до 9-го столѣтія, когда имъ завладѣваютъ сарацины, которые его окончательно разрушаютъ. Но затѣмъ, вновь выстроенный эмигрантами, пришедшими сюда изъ разныхъ странъ, въ немъ учреждается нѣчто въ родѣ республики, которая хотя и входитъ современемъ въ составъ Сербскаго государства, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свое самоуправеніе. Въ 13-мъ столѣтіи Тамплиеры обращаютъ его въ свою крѣпость и удерживаютъ его за собой до уничтоженія этого грознаго ордена. Послѣ смерти Этьена Уроша, сына и преемника Великаго Духана, въ 1367 году Катаро, чтобы не погибнуть вмѣстѣ съ паденіемъ Сербіи, обращается за покровительствомъ къ Людовику Венгерскому, который въ 1378 году не въ силахъ воспрепятствовать венеціанцамъ завладѣть имъ и удержать его за собою до 1380 года; въ этомъ году Венеція снова возвращаетъ его Людовику, внезапная смерть котораго служитъ сигналомъ къ новому порабощенію Катаро, переходящаго подъ скипетръ королей Босніи. Но въ 1419 году онъ снова переходитъ къ Венеціи и съ этихъ поръ его судьба связана съ исторіею свѣтлѣйшей республики. Въ этотъ періодъ времени Катаро былъ два раза осажденъ турками (1538 и 1657), въ 1572 большая часть его жителей была истреблена язвой, затѣмъ онъ протерпѣлъ нѣсколько землетрясеній, изъ которыхъ послѣдовавшее въ 1667 году, разрушившее его сосѣдку Рагузу, сильно ему повредило. Не смотря на все это, Катаро сохраняетъ еще достаточно силы, чтобы нѣсколько разъ отличиться въ борьбѣ съ турками и выставить цѣлый рядъ героевъ, славныхъ моряковъ, артистовъ и писателей.

Въ 1797 году Катаро переходитъ подъ власть Австріи, въ 1805 году по Пресбургскому миру долженъ былъ быть уступленъ Франціи, но въ это время Россія захватываетъ его и уступаетъ его только въ 1807 году по Тильзитскому миру; а съ 1814 года на стѣнахъ Катаро развѣвается флагъ Австрійской Имперіи, правительство которой, гордясь обладаніемъ этой крѣпости, усиливаетъ его укрѣпленія и надмѣнно торжествуетъ надъ отвращеніемъ его жителей, страдающихъ отъ чужеземнаго ига. Главный городъ округа, имѣющаго около 40 т. жителей, большею частью православнаго исповѣданія *), Катаро служитъ резиденціею католическаго епископа и кро-

*) Всѣ дѣйствительные уроженцы этого края исповѣдуютъ греческую вѣру, кромѣ

мѣ своихъ 2-хъ тысячъ жителей, состоящихъ изъ купцевъ и моряковъ, обладаетъ еще многочисленнымъ гарнизономъ и всякаго рода чиновниками. Главную торговлю онъ ведетъ съ черногорцами, которыми три раза въ недѣлю открываетъ свой рынокъ и служить заинтересованнымъ посредникомъ между ими и Триестомъ относительно всего, что потребляется въ княжествѣ. Если Катаро и не очень симпатиченъ, то онъ въ высшей степени поражаетъ своей дикой красотой.

Его стѣны, какъ бы выростающія изъ пропасти, его заливъ, омывающій подошвы возвышающихся надъ нимъ горъ, его цитадель, расположенная вдоль узкихъ гребней, и наконецъ, его почти неприступные форты *) внушаютъ страхъ и своего рода уваженіе, но выйдя съ тѣмъ наводять уныніе, которое впрочемъ разсѣивается едва вы появитесь на набережной славяно-австрійскаго города. Эта набережная издали казалась настолько сдвинутой моремъ и горами, что кромѣ ряда расположенныхъ на ней домовъ, трудно было что нибудь еще вообразить. Но, приблизившись къ этой мѣстности, ваше удивленіе растетъ ежеминутно; вы видите цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ, небольшіе, но хорошенекіе садики, граціозно спускающіе надъ оградой свою листву апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ; громадныя лозы винограда ползутъ какъ гигантскія ліаны вдоль стѣнъ домовъ и, образовавши на террасахъ и балконахъ цѣлыя арки изъ своей зелени, граціозно спускаются съ нихъ. Затѣмъ вы можете на каждомъ шагѣ встрѣтить красивые остатки византійской архитектуры, какъ то: роскошныя балюстрады, рѣзьбу, оконныя украшенія и всѣвозможныя артистическія оправы, которые суть живые свидѣтели той эпохи, когда знатнѣйшія фамиліи города Катаро, завидуя богатству и роскоши своихъ повелителей, строили дворцы на подобіе венеціанскихъ.

Многое на этихъ старыхъ стѣнахъ напоминаетъ то время, когда левъ св. Марка возвышался надъ ними; даже всѣ измѣненія и украшенія, сдѣланныя австрійцами, не могли снять печати безсмертныхъ твореній могущественной республики. Выѣзжая изъ города со стороны противуположной морю, вы видите громадную лощину, часто обращающуюся въ потокъ, благодаря непрерывнымъ осеннимъ дождямъ, падающимъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду и затопляющимъ Катаро:

Тутъ же, у подножія той знаменитой лѣстницы, которая идетъ по отвѣснымъ горамъ до самой границы Черногоріи, находится пустое мѣсто, назначенное для рынка черногорцевъ. Черногорцы приходятъ и на этотъ рынокъ вооруженными, такъ какъ они бывають постоянно у себя дома; но чтобы имѣть право ходить по городу, они обязаны

деревни Перцаніо, которая, хотя и населена сербами, вполне католическая. Едва $\frac{1}{2}$ часть этого округа-католики.

*) Кромѣ цитадели Катаро еще защищенъ фортомъ Тринита, защищающимъ дорогу въ Будуа, и фортомъ Вермацъ, въ которому ведетъ превосходная лѣстница. Лѣстница Черногоріи защищена частью фортомъ Вермицъ, частью цитаделью.

отдавать свои пистолеты и кинжалы на сохранение австрийским караульнымъ. Кажется, что крутя скалы, лежащая вправо отъ гѣстницы и увѣнчанная цитаделью, какъ бы принадлежать къ господствующей надъ ними горѣ; въ дѣйствительности же они отдѣлены узкимъ ущельемъ, глубина котораго еще увеличивается вышиной громадныхъ стѣнъ крѣпости. Обнаженность этихъ скалъ и ужасающій видъ этого амфитеатра горъ, окаймляющихъ заливъ, составляютъ поразительный контрастъ веселымъ, съ красными крышами домикамъ города Катаро и окружающимъ его зеленѣющимъ террасамъ и длиннымъ аллеямъ тополя и акаціи. У самаго выхода въ море построены красивой венеціанской работы ворота съ замѣчательной башней; мѣсто около нихъ, расположенное на самомъ берегу, назначено для гуляній, куда каждый вечеръ все катарское общество, избѣнившее національному костюму, пріѣзжаетъ показывать свои роскошные наряды.

Здѣсь два раза въ недѣлю австрийская военная музыка исполняетъ съ неподражаемымъ искусствомъ, свойственнымъ только нѣмецкому артисту, прекрасныя пьесы своего репертуара, тогда какъ офицеры гарнизона, забывшіе о своемъ изгнаніи, ухаживаютъ за дамами совершенно противъ обычая этой страны, въ которой женщина не пользуется первенствомъ, даннымъ ей даже природой, надѣлившей ее граціей и красотой.

Обратимъ теперь наше вниманіе на примѣчательности самаго города.

Передъ вами кафедральный соборъ съ красивой павертью и открытой галлареей, въ концѣ которой виднѣется розетка, помѣщенная между двухъ башенъ изящной архитектуры. Рядомъ съ соборомъ находится дворецъ епископа, а напротивъ греческая церковь, построенная въ романскомъ стилѣ и бывшая православнымъ соборомъ въ то время, когда Катаро служилъ мѣстопребываніемъ одному православному архимандриту. Въ настоящее время въ Катаро есть еще одна православная церковь съ чрезвычайно роскошнымъ убранствомъ и нѣсколько католическихъ церквей и монастырей ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ. Довольно порядочная дорога проведена вдоль сѣвернаго берега залива, которая въ Кастель-Ново соединяется съ Рагузской дорогой, построенной Мармономъ. Эта дорога есть спасеніе для путешественника, не желающаго потерять нѣсколько дней въ Мелинѣ, гдѣ приходится выжидать, когда въ дурное время года пароходъ Lloyd рискнетъ объѣхать мысъ Ostro, бывающій зачастую опаснымъ.

Путешественникъ, желающій въ подробности осмотрѣть Черную Гору долженъ обезпечить себя нѣсколькими рекомендательными письмами отъ консуловъ, находящихся въ Триестѣ и Рагузѣ *); снабженный такими официальными письмами, онъ можетъ смѣло обратиться къ

*) Это обезпеченіе въ особенности необходимо, если вы ѣдете изъ Альбаніи черезъ Скутари въ Черногорію.

представителю Черногоріи *), который навѣрно снабдитъ его всѣмъ необходимымъ, чтобы проѣхать въ Цетинью.

Деревня Скальри, расположенная за Катаро, между цитаделью и скала (лѣстницей), специально снабжаетъ проводниками на Черную Гору; они все люди благонадежные, отважные и знакомые съ мѣстностью; съ ними можетъ даже и женщина безъ опасенія отважиться идти на Черную Гору. Если вы путешествуете въ жаркое время года, то должны выѣхать изъ Катарро на разсвѣтѣ; тогда вы можете подъ защитой горныхъ гробней пройти полъ дороги, не пострадавши отъ жары и нестерпимаго для глазъ отраженія солнечныхъ лучей отъ обнаженныхъ и бѣлыхъ скалъ.

Впрочемъ не много такихъ горъ въ Европѣ, восхожденіе на которыя представляло-бы туристу столько живописныхъ картинъ, какъ передняя часть Черной Горы.

Эта дорога точно прилѣпленная къ скалѣ, идущая то впередъ, то вдругъ такъ круто поворачивающаяся обратно, что послѣдующая вѣтвь идетъ о боку съ предыдущей **); цитадель, господствующая надъ пропастью, а между тѣмъ имѣющая видъ придавленной, возвышающейся надъ нею горой; эта чудесная панорама входа въ Катарскій заливъ, въ которомъ по мѣрѣ того какъ вы подымаетесь, число заливовъ и мысовъ все увеличивается; наконецъ эти утопающія въ зелени деревушки, разбросанныя по берегу; вы воображаете, что удаляетесь отъ Батаро, но каково ваше удивленіе, когда вы, прошедши по тяжелой дорогѣ часа полтора, вдругъ его видите прямо подъ собою; вамъ кажется какъ будто вы на него смотрите изъ лодочки поднявшагося аэростата; и наконецъ эти волненія, вызванныя страхомъ путешествія по дорогѣ, лежащей на самомъ краю пропасти;—все это вѣстѣ будитъ въ душѣ человѣка тѣ сильныя ощущенія, къ которымъ впрочемъ уже преданіе полное таинственности, а наконецъ и само названіе Черная Гора заранѣе подготовили; поэтому они еще болѣе оставляютъ навсегда неизгладимыя воспоминанія. Крутизна горы и узкость этого мѣста, по которому вѣется катарская лѣстница дѣлаютъ ее замѣчательнѣйшей изъ всѣхъ гдѣ либо существующихъ. Положеніе путешественника, поднявшагося на самый верхъ ея и видящаго движущихся катарскихъ жителей въ улицахъ города въ самомъ микроскопическомъ видѣ, можно смѣло сравнить съ положеніемъ человѣка, стоящаго на башнѣ гигантской высоты и смотрящаго въ развернувшуюся передъ нимъ пропасть.

Если же это случайно день рынка въ Катаро, то дорога чрезвычайно оживлена; тогда она буквально загромождена мулами, навью-

*) Въ настоящую минуту Перо Ромодановичъ.

***) Постройка дороги отъ Катаро до Черногорской границы была начата во время владычества французовъ (107—1814), окончена же и поддерживается съ большою заботливостью австрийцами. Общая длина ея явилась равняется приблизительно 6-ти тысячамъ метровъ.

ченными шерстью или рыбой; дѣльными стадами быковъ или барановъ; цѣлой вереницей женщинъ, несущихъ на спинахъ дрова или скудную провизію Черной Горы. Впрочемъ, эти женщины не теряютъ времени для прохождения зигзаговъ лѣстницы; онѣ сокращаютъ путь, перескакивая, не смотря на свою ношу, съ удивительною ловкостью съ одной скалы на другую; онѣ иногда въ 20 шаговъ проходятъ спускъ, по которому искусство умѣло провести дорогу въ полъ километра длиною.

Когда эти женщины поздно вечеромъ возвращаются съ разными ящигами и тюками, онѣ ни на минуту не задумываются о другой, болѣе удобной дорогѣ; веселыя, нѣкоторыя даже съ вязаньемъ въ рукахъ и съ видомъ полного счастья, принимаются онѣ скакать по тѣмъ же скаламъ, по которымъ это продѣлывали уже утромъ *). Это загроможденіе пути хотя въ дѣйствительности и не опасно для путешественниковъ, благодаря солидности лошадей и муловъ, на которыхъ они воссѣдаютъ, тѣмъ не менѣе они столбенѣютъ отъ ужаса въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога не загорожена перилами и видятъ себя на краю пропасти, глубину которой они совершенно невольно тотчасъ же измѣряютъ. Но эта дорога, шедшая до сихъ поръ съ небольшимъ подъемомъ и отлично содержанная, вдругъ дѣлается страшно каменистою. Вы должны довольно продолжительное время ѣхать по самому краю пропасти, гдѣ малѣйше неосторожный шагъ можетъ быть гибельнымъ; затѣмъ, объѣхавъ нѣсколько страшныхъ скалъ, вы подѣзжаете къ громадному потоку, вытекающему изъ нихъ и существующему только зимою; здѣсь дѣлаютъ привалъ, и усталые, облитые потомъ люди и животныя утоляютъ жажду и отдыхаютъ.

Послѣ этой станціи дорога становится чрезвычайно крута и мѣстами опасна; тутъ человекъ сто могутъ отразить цѣлую армію. Къ счастью нужно не болѣе получаса, чтобы достигнуть плоскогорья, возвышающагося надъ равниной Нѣгошъ, въ глубинѣ которой съ восточной стороны виднѣтся деревня, расположенная полукругомъ у подножія горы *).

Это — колыбель князей Петровичей, которая есть также мѣсто-рожденіе и нинѣ царствующаго въ Черногоріи князя.

*) Зимой же, когда эти горы и трещины покрыты довольно плотнымъ снѣгомъ, эти женщины прибѣгаютъ къ довольно рискованному и странному способу для сбереженія своего времени и труда: оставляя свою ношу на спинѣ, онѣ садятся на стюпка, котораго конецъ передній служатъ имъ рулемъ и такимъ образомъ скользятъ по импровизованному пути, и достигаютъ подошвы безопасно и въ нѣсколько секундъ.

*) Будетъ не лишнее для путешественника по Черногоріи знать разстоянія между главными пунктами по дорогѣ отъ Катаро до Петинь. Ѣхавши на хорошей лошади шагомъ, считаютъ, что 1) отъ Катаро до высотъ, на которыхъ расположены послѣднія постройки цитадели надо—35 минутъ.

2) Отъ этого мѣста до границы—50 минутъ.

3) Отъ границы до плоскогорья Нѣгошъ—35 минутъ.

4) Отъ плоскогорья до деревни—35 минутъ.

5) Отъ Нѣгошъ до ключа Данила—30 минутъ.

6) Отъ ключа до вершины Керцмакъ —40 минутъ.

Николай I, върнувшись въспоминаніямъ своей юности, ежегодно приѣзжаетъ сюда въ самое жаркое время года, потому что здѣсь не такъ жарко, такъ какъ эта долина находится выше Цетиньи и освѣщается вѣтеркомъ съ Адриатическаго моря. Князь перестроилъ домикъ своихъ отцовъ, сдѣлавъ изъ него хорошенькую виллу съ двумя башенками, которая останавливаетъ вниманіе путешественника, проезжающаго мимо Нѣгоша и поднимающагося на высоты, у подножья которыхъ она расположена. При входѣ въ долину, вы находите нѣчто въ родѣ караванъ-серая, у котораго вожатый каждый разъ останавливаетъ караванъ. Еще не такъ давно онъ содержался однимъ старымъ черногорцемъ, который все хвастался тѣмъ, что стрѣлялъ въ французовъ, занявшихъ Катаро и что видѣлъ русскихъ, расположившихся въ долину Нѣгоша. Оставивъ наконецъ этотъ пунктъ, приходится цѣлыхъ полъ часа подниматься по самымъ крутымъ утесамъ, чтобы достигнуть небольшого родника, пробитаго здѣсь стараніями князя Данила. Потомъ вашъ путь лежитъ между цѣлымъ рядомъ холмовъ; достигнувъ же наконецъ высоты, на которой помѣщается телеграфный столбъ, служащій въ продолженіи цѣлаго часа предметомъ вашего вниманія, — передъ вами развертывается прекрасная панорама Албанскихъ горъ, у подошвы которыхъ разстилается цѣлая пелена синеватыхъ водъ Скутарскаго озера. Часть Цетинской долины тоже видна, но самая резиденція остается закрытой тѣмъ склономъ горы, на которомъ расположенъ старый монастырь.

Въ продолженіе этого путешествія можно было ознакомиться со способомъ обработки земли Черногорцевъ, о которомъ впрочемъ мы уже говорили раньше. Нельзя не удивляться ихъ изобрѣтательности и искусству, съ которыми они на малѣйшихъ площадкахъ устраиваютъ маленькіе садики, крутые овраги превращаютъ въ непрерывный рядъ террасъ, превышающихъ одна другую, и наконецъ голыя и бесплодныя скалы обращаютъ въ обработанныя и плодоносныя поля. Теперь намъ остается сдѣлать еще одинъ привалъ, чтобы затѣмъ отправиться въ путь, продолжающійся цѣлыхъ полъ часа по самымъ крутымъ и извилистымъ покатостямъ, которыя насъ должны привести къ деревни Боиць, расположенной на откосѣ скалы къ сѣверу отъ Цетинской долины; эта деревня, по обычаю черногорцевъ, расположена полукругомъ. Вы проезжаете мимо церкви, передъ которой всѣ путешественники останавливаются, снимаютъ шапки, крестятся и читаютъ молитву; дальше вы видите главный во всемъ

7) Отъ вершины до деревни Боиць—35 м.

8) Отъ деревни до Цетиньи—40 м.

Это въ суммѣ составитъ пять часовъ времени. Бывши на обыкновенной лошади можно накинуть лишній часъ; а съ множествомъ остановокъ, которыя устраиваютъ черногорцы, когда имъ не къ спѣху, надо положить среднимъ счетомъ семь часовъ.

княжествѣ пороховой заводѣ, который, окутавшись мантией зелени, пріютился на уединенной скалѣ. Затѣмъ дорога становится болѣе ровною и, продегая между колея, засѣяныхъ мансомъ, хлѣбомъ, овсомъ и картофелемъ, ведетъ до самой резиденціи, одна часть которой виднѣется уже издали. Не доѣзжая до самаго города, вы оставяете вправо отъ себя громадное зданіе, — это новый арсеналъ, построенный въ 1870 г.; церковь, которая стоитъ прямо передъ вами, есть церковь Влашка; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея возмѣшается на холмѣ небольшой свѣодообразный памятникъ, увѣнчанный крестомъ, — это мавзолей, посвященный памяти горцевъ изъ Дробняка. Они во время войны 1862 года перешли границу Сербіи, чтобы получить обѣщанное оружіе и припасы, но ихъ предпріятіе неудалось изъ за политическихъ соображеній, которыми Бѣлградское правительство должно было уступить, и имъ предложили вернуться на родину черезъ Австрію; но отважнѣйшіе изъ нихъ рискнули пробиться черезъ турецкіе ряды, за что и заплатились жизнью.

Продѣлавъ еще немного далѣе, вы видите совершенно новое одноэтажное строеніе, которое какъ будто приналось къ самой горѣ, — это госпиталь, выстроенный еще въ 1871 году, но который стоитъ безъ всякаго употребленія; причина этого явленія заключается во первыхъ въ недостатокъ денегъ для поддержанія его, а во вторыхъ въ фанатическомъ взглядѣ черногорцевъ на свою свободу и домашнія лекарства, и потому они никогда не рѣшились бы заточить себя въ госпиталь, гдѣ, быть можетъ, пришлось бы и умереть вдали отъ семьи и друзей.

Поль вѣка тому назадъ, старый цетинскій монастырь былъ почти единственнымъ представителемъ черногорской столицы. Въ 1850 году около 20-ти жилищъ, изъ которыхъ только два можно было называть домами, расположившись вокругъ дворца, построеннаго владыкой Петромъ II и ивиющаго видъ монастыря, и были началомъ деревни. Когда мы пріѣхали сюда въ 1868 году, то намъ представилась уже обширная деревня, принимающая характеръ мѣстечка; въ ней можно было насчитать около 70 домовъ, крытыхъ болѣею частью соломой. Поощряемая заботами о ней самаго князя, его небольшая резиденція росла все болѣе и болѣе, и въ настоящее время это — та Цетинья, въ которой насчитывается кромѣ двухъ старыхъ длинныхъ улицъ, соединенныхъ между собою въ видѣ буквы L, еще семь или восемь *). Постоянныхъ жителей въ ней считается около 600 душъ, но сюда ежедневно пріѣзжаетъ и уѣзжаетъ множество наро-

*) Въ 1870 году послѣдовало запрещеніе крыть крыши домовъ въ Цетиньѣ соломой, такъ какъ при существующемъ обычаѣ разводять огонь подъ открытымъ небомъ употребленіе соломѣ становилось крайне опаснымъ при большомъ скопленіи построекъ. Но жители долго не могли рѣшиться на употребленіе черепицы, потому что она обходится слишкомъ дорого, такъ какъ ее нужно было приносить изъ области Вѣлопачичъ на спинахъ женщинъ или муловъ.

да, привлекаемого въ главный пунктъ страны, либо коммерческими дѣлами, либо судебными, разбираемыми здѣсь въ сенатѣ. На половинѣ длинной улицы, по которой вы въѣзжаете въ столицу, вы видите площадь, посреди которой въ тѣни большой шелковицы устроенъ колодезь, отъерываемый, подъ наблюдениемъ полицейскаго, только два раза въ день. Воду изъ этого колодца можно брать исключительно только для питья. На право отъ этой площади идетъ широкая улица, на которой красуется новый дворецъ, выстроенный Николаемъ I. Въ самомъ концѣ главной улицы, идущей перпендикулярно въ послѣдней, помѣщается громадное зданіе, построенное на счетъ правительства: это гостинница для прѣзжающихъ, въ которой впрочемъ вы не найдете даже самаго необходимаго, не говоря уже объ удобствахъ. Благодаря отсутствію удобствъ и своей неистотѣ, она почти всегда пуста; это зданіе скорѣе могло бы служить школою или судебной палатою, чѣмъ исполнить назначеніе гостинницы. Съ лѣвой стороны отойтъ столь же громадное зданіе простой, но прочной архитектуры, вполне приспособленное къ своему назначенію: это школа для дѣвицъ основанная и руководимая госпожею Н. Пацавичъ.

Изъ древнихъ зданій, заслуживающихъ вниманія путешественниковъ, слѣдуетъ упомянуть о старомъ монастырѣ, построенномъ на южномъ склонѣ горнаго кряжа, который, направляясь по Цетинской долины съ запада на востокъ, раздѣляетъ ее на двѣ неровныя части.

Первоначально этотъ монастырь былъ построенъ Иваномъ Чернымъ*), но послѣ двукратнаго разрушенія, вновь выстроенъ княземъ Данииломъ, который расположилъ его на болѣе возвышенномъ мѣстѣ и сдѣлалъ изъ него нѣчто въ родѣ крѣпости, долженствовавшей служить оплотомъ противъ нашествія турокъ.

Впрочемъ, въ настоящемъ его видѣ, трудно узнать строеніе, воздвигнутое по плану Даниила, потому что съ тѣхъ поръ онъ уже нѣсколько разъ страдалъ отъ разрушительныхъ турецкихъ нападений и отъ неоднократныхъ землетрясеній, вызывавшихъ непрерывныя перестройки. Наружный видъ его чрезвычайно живописенъ; онъ представляетъ два монастыря: — одинъ внизу у подошвы горы, а другой повыше; его полукружные ничѣмъ не украшенные своды покоятся на невысокихъ и тонкихъ устояхъ; всѣ его постройки и даже церкви отличаются простой и первобытной архитектурой; четырехугольная

*) Когда Иванъ Карноевичъ вернулся изъ Италіи въ 1484 г., онъ велѣлъ построить въ Цетинѣ въ честь Св. Дѣвы Маріи превосходный монастырь на подножіи монастыря Магіа Дологора въ Анконѣ. Для обезпеченія существованія этого монастыря, въ 1485 году 4 января князь Иванъ Карноевичъ даровалъ ему земли на Левчинѣ и обложилъ жителей налогомъ въ пользу митрополита и архимандрита Вавиды (Милантиновичъ).

Онъ же постановилъ, что епископство Цетинья будетъ впредь носить названіе митрополита всей Зеты. Монастырь Ивана Чернаго, разрушенный Слутарскимъ виадромъ Сулейманомъ въ 1690 г., былъ вновь выстроенъ, но въ 1714 году снова разрушенъ.

башня, возвышающаяся надъ монастыремъ, похожа скорѣе на многоэтажный голубятникъ, чѣмъ на колокольню. Къ самому монастырю прилегаютъ зданіе болѣе современной постройки; подвальный этажъ этого зданія служитъ тюрьмою, исключительно для женщинъ, первый этажъ занятъ элементарными школами, во второмъ же находятся скромныя квартиры владыки и архимандрита. На противоположномъ концѣ монастыря вы видите на склонѣ большое пространство, усыпанное ульями, которые издали кажутся вамъ скорѣе гробницами на турецкомъ кладбищѣ. На это жужжащее семейство направлены всѣ заботы епископа, которыя впрочемъ вознаграждаются довольно значительнымъ ежегоднымъ доходомъ.

Обладая богатой греческой утварью, подаркомъ русскихъ царей, маленькая церковь, вмѣщающая едва только полтора ста человекъ, не представляла бы ничего замѣчательнаго, если бы она не была хранилищемъ бранныхъ остатковъ трехъ замѣчательнѣйшихъ мужей Черногоріи. По обѣимъ сторонамъ входа помѣщаются гробницы князя Данила и его брата Мирко-Петровича, отца князя Николая. Третья гробница или вѣрнѣе сказать рака покоитъ въ себѣ хорошо сохранившіеся мощи владыки Петра II-го, котораго черногорцы уже 20-тъ лѣтъ чтутъ святымъ *); въ большіе праздничные дни его мощи открываются. Немного ниже этого монастыря, около крайней стѣны новаго дворца, видна часть развалинъ, обозначающихъ мѣсто монастыря Ивана Чернаго, разрушеннаго въ 1690 г. Солиманомъ Скутарскимъ. Петръ II часто путешествовавшій по Европѣ и имѣвшій вкусъ изысканнѣе вкуса своего народа, нашелъ помѣщеніе въ монастырѣ довольно мизернымъ и поэтому выстроилъ себѣ дворецъ, который жители Цетиньи называли *Bigliardo* (бильярдъ **). Этотъ дворецъ былъ жилищемъ и его пріемника Данила. Это длинное и скучное двухэтажное строеніе, по виду напоминающее монастырь; какъ въ верхнемъ, такъ въ нижнемъ этажѣ во всю длину зданія идутъ коридоры, изъ которыхъ множество массивныхъ дверей ведутъ, какъ въ кельи, въ 30 или болѣе комнатъ; оба этажа соединены между собою широкой лѣстницей.

Князь Даниилъ пристроилъ къ этому дворцу флигель, назначавшійся для Сената, и въ которомъ и въ настоящее время бывають за-

*) Послѣ смерти тѣло его было погребено въ монастырѣ Сташевичъ, но семь лѣтъ спустя, одинъ ребенокъ разсказалъ, что покойный явился ему ночью въ снѣни; всѣ повѣрили этому чудесному явленію и рѣшили тотчасъ же открыть гробъ; тѣло его оказалось вполне сохранившимся. Извѣстіе объ этомъ чудѣ быстро разнеслось по всей странѣ, и тогда стали настоятельно просить свюдохъ о причисленіи владыки къ лику святыхъ. Просьба эта была уважена, и Петръ I, чтимый святымъ, почитается теперь, одѣтый въ священническое платье, въ гробницѣ этой маленькой монастырской церкви, куда черногорцы изъ всего княжества приходятъ на поклоненіе къ дню его праздника, 9-го іюля. Въ этотъ день иногда собирается 9-тъ или 10-тъ тысячъ человекъ.

***) Происхожденіе этого названія лежитъ въ томъ впечатлѣніи, которое произвелъ привезенный въ княжескій дворецъ бильярдъ, для переноски котораго понадобилось 50 человекъ.

сѣданія, не смотря на то, что нѣсколько лѣтъ сряду онъ былъ совершенно покинута. Отъ 1869 до 1873 года старый дворецъ Петра II-го служилъ помѣщеніемъ для семинариі, а впоследствии былъ обращенъ въ Острогскій монастырь. Въ настоящую минуту дворецъ представляетъ собою ничто иное, какъ караванъ-серай, въ которомъ принимаютъ почетныхъ гостей; въ одномъ же углу его помѣщается княжескій докторъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщается типографія единственной во всемъ княжествѣ. Громадная стѣна, всѣ четыре угла которой украшены массивными башнями, огораживаетъ, расположенные передъ дворцомъ длинный дворъ, а за дворцомъ обширный садъ. Издали эта стѣна напоминаетъ наружны защиты феодальнаго жилища, но эта иллюзія пропадаетъ по мѣрѣ приближенія, когда вы видите ее прозаически раскрашенною въ итальянскомъ вкусѣ, частью голубымъ, а частью розовымъ цвѣтами. Въ ста шагахъ отъ главнаго подъѣзда дворца находится главный входъ во дворецъ настоящаго владѣтельнаго князя. Средняя часть этого дворца, выходящая на улицу, была устроена 12 лѣтъ тому назадъ для вдовствующей княгини Дарьиныи Даниловны, но вдова Данила I-го, имѣвшая большую склонность къ роскоши, художествамъ и наукамъ, не могла примириться съ простотою нравовъ и умственнымъ застоємъ Черногоріи, почему и удалилась въ Венецію, (гдѣ она занимаетъ дворецъ, Тіероло); въ ея же помѣщеніи устроился владѣтельный князь, покинувъ старый дворецъ Петра II-го. Два флигеля, пристроенные въ 1870-мъ году, почти утроили размѣры зданія, которое, когда мы видѣли его въ 1886-мъ году, походило скорѣе на мызу, чѣмъ на княжеское жилище. Новый дворецъ былъ открытъ для празднествъ въ 1871-мъ году по случаю крестинъ наследника; въ этомъ же году былъ разведенъ садъ, далеко простирающійся отъ дворца Николая I-го. Цетинскій дворецъ очень простъ по наружному виду, внутри же замѣчательенъ своими тремя смѣжными залами, роскошное убранство которыхъ далеко не соответствуетъ грубости людей, которыхъ приходится въ нихъ принимать. Вы видите здѣсь большой портретъ князя Данила немного въ театральной повѣ; затѣмъ портреты царей и царицъ Россіи и Австріи; владыки Петра II-го; Мірео Петровича и двухъ княгинь Дарьиныи и Милены; три послѣдніе суть произведенія Чермака. Въ большомъ залѣ стоитъ массивный серебрянный самоваръ, поднесенный славянскимъ комитетомъ князю Николаю во время его путешествія въ Москву въ январѣ 1869 года. Въ маленькомъ Цетинскомъ дворцѣ также бывають пиры и празднества, но конечно это не пышные пиры Лукулла. Когда бы вы видѣли возсѣдающихъ въ праздничные дни за княжескимъ обѣденнымъ столомъ, вамъ бы скорѣе показалось, что эти гордые и выразительныя лица, и стальныя груди принадлежать рыцарямъ и воинамъ, вернувшимся съ поля битвы и празднующимъ свою побѣду, нежели мирнымъ жителямъ, раздѣляющимъ трапезу,

предложенную можетъ быть въ честь какого нибудь дорогаго для страны святаго.

За старымъ дворцомъ Петра II-го находятся внясенія конюшни, а еще немного дальше видно большое четырехугольное зданіе съ большимъ внутреннимъ дворомъ;—это тюрьма. Всего нѣсколько лѣтъ, что черногорцы подлежатъ суду и подвергаются дѣйствительному аресту; но здѣсь исправительная система аначительно мягче другихъ европейскихкихъ странъ: днемъ ихъ заставляютъ исполнять какую нибудь незначительную работу, а вечеромъ заключенный черногорецъ возвращается въ свою келью, гдѣ его ожидаетъ почти такая же пища и постель, какую онъ имѣетъ и дома.

Хотя и говорятъ, что эта исправительная система заключеній была введена Дамилломъ, но, какъ мы увидимъ позже, она практиковалась и въ старыя времена, только гораздо рѣже и большею частью въ томъ случаѣ, когда черногорецъ не уплачивалъ наложенной на него денежной пени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ цетинская тюрьма представляла простой домъ безъ забора, дверей и замковъ; не было даже сторожей, присматривавшихъ за виновными; тѣмъ не менѣе эта оригинальная тюрьма удерживала заключенныхъ въ ней лучше всякой другой; достигалось же это черезъ отобраніе у виновнаго его оружія.

Если черногорецъ пожелаетъ гдѣ либо безъ своего пистолета и атагана, онъ считается обезчещеннымъ, вотъ почему и заключенный не можетъ переступить порога своего пріюта; если онъ бѣжитъ въ горы, его тотчасъ узняютъ и отправятъ обратно; если же ему удастся бѣжать за границу, то его никто не преслѣдуетъ, такъ какъ онъ этимъ избавляетъ страну отъ своей личности, и онъ отправляется къ туркамъ, гдѣ и ведетъ жизнь ускоковъ. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ памятникѣ, полномъ преданій и который для каждаго путешественника служитъ любопытнымъ пунктомъ его наблюденій;—это знаменитая «башня череповъ», построенная на холмѣ, господствующемъ надъ монастыремъ.

Существующая въ настоящую минуту башня выстроена владыкой Петромъ II-мъ на развалинахъ прежней, которая была построена одновременно съ монастыремъ и служила для обороны. Постоянное назначеніе этой башни заключается въ томъ, чтобы быть увѣнчанной всѣми головами турокъ, обезглавленныхъ въ ежедневныхъ стычкахъ на границѣ. Принести такой трофей въ цетинскій Капитолій значитъ вписать свое имя въ золотую книгу храбрости черногорцевъ. Ни одинъ черногорецъ не желалъ бы погрѣшить противъ этого религіознаго обряда *).

*) Въ одномъ изъ своихъ романовъ, напечатанномъ въ 1869 году въ журналѣ *Révue des deux mondes* подъ заглавіемъ *Pierre qui roule*, г-жа Жоржъ-Зандъ перенесла въ Черногорію одну сцену изъ жизни ея кочующихъ комедіантовъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ обычаевъ, переданныхъ довольно вѣрно, въ особенности каса-

Долина, въ которой расположена столица Черногоріи, находится на высотѣ 700-ть метровъ; она окружена со всѣхъ сторонъ цѣпью горъ, которая на востокѣ и сѣверо-востокѣ возвышается отъ 3-хъ до 4-хъ сотъ метровъ надъ уровнемъ долины; на сѣверѣ и западѣ эти горы положеительно пустыни и обнажены; на востокѣ же югѣ онѣ покрыты снизу большимъ кустарникомъ, а выше — зеленымъ дубомъ, букомъ и сосной. Направленіе большей оси этой равнины идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, длина ея равняется 4800-мъ метрамъ; что же касается ширины цетинской долины, то она различна: отъ 250 до 900-ть метровъ. Въ одномъ мѣстѣ этой долины горы сходятся, раздѣливъ такимъ образомъ ее на двѣ неравныя части; сѣверная часть, составляющая $\frac{3}{4}$ всей равнины, болѣе плодородна и менѣе холодна, чѣмъ южная, въ которой расположена Цетинья.

Кромѣ столицы вы найдете на сѣверѣ этой равнины большую деревню Байць, а на западѣ деревню Даникрай. Во времена междоусобій въ Черногоріи, Байць и Цетинья постоянно враждовали между собою; изъ за самаго незначительнаго предлога кровь проливалась даже на глазахъ у владыки, который тщетно проповѣдывалъ о согласіи и единодушіи. Но время этихъ междоусобицъ уже миновало; хотя они съ одной стороны ужасны, но за то съ другой стороны поддерживали тотъ воинственный духъ, который нельзя отнять у черногорцевъ, не заставивъ ихъ забыть о своемъ прошломъ и отъказаться отъ будущаго.

ГЛАВА IX.

Отъ Цетиньи до Рѣки — Данигородъ и Острогъ. — Ловля скорани.

Цетинья представляетъ слишкомъ мало развлеченій для странствующаго, въ Черныхъ горахъ, туриста, чтобы на долго удержать его въ своихъ стѣнахъ. Для него достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы обозрѣть городъ во всѣхъ направленіяхъ и оказать должное вниманіе всѣмъ публичнымъ учрежденіямъ; не забудетъ онъ также подняться и на башню «Череповъ», съ высоты которой открывается видъ на всю окрестность. Но напрасно станеть искать туристъ въ развернувшейся передъ нимъ панорамѣ, признаковъ торговли, искусствъ и промышленности большихъ городовъ. Ни шумъ, ни жизненность даже небольшихъ столицъ не поражаютъ его слуха и зрѣнія;

только черногорскаго князя, всё остальное, не смотря на красивое изложеніе, болѣе или менѣе неосновательно. Въ особенности выставленный ея энтузіазмъ, охватившій начальниковъ черногоріи при слушаніи марсельезы, пропѣтой одной актрисой, говорить о томъ, что романтика мало знакома съ музыкальнымъ вкусомъ черногорцевъ.

нѣтъ фабрикъ и заводовъ, выпускающихъ цѣлыя струи дыма изъ своихъ длинныхъ трубъ, ни локомотивовъ съ ихъ пронзительнымъ свистомъ, ни шумныхъ экипажей съ грохотомъ катящихся по мостовой. Здѣсь, на оборотъ, всюду царствуетъ глубокая тишина, напоминающая монашеское поселеніе, и лишь перѣдка прерываемая благовѣстомъ монастырскаго колокола. И такъ, минута была самая благоприятная для продолженія нашего путешествія въ глубь страны, гдѣ быть можетъ любопытныя ожидаютъ насъ изученія. Впрочемъ мы можемъ снова возвратиться въ главный городъ страны, какъ скоро требованія этикета позволятъ намъ официально переступить порогъ княжеской резиденціи.

Дорога, ведущая въ Рѣку, и оттуда черезъ озеро въ Скутари въ Албаніи, въ Вѣлопавичъ и Берды, тянется вдоль утесовъ, окаймляющихъ нижнюю часть равнины съ западной стороны. На разстояніи полу-часа ѣзды отъ Цетиньи находится узкое ущелье называемое «Граница» откуда открывается, еще болѣе полный чѣмъ съ вершини Керштадтъ, видъ на Скадарское блато (Скутарское озеро) и горы Албаніи. Здѣсь вашъ взоръ съ удовольствіемъ останавливается на равнинѣ и деревнѣ Доброско село, занимающихъ первый планъ въ картинѣ. Достигнувъ этой деревни можно только пѣшкомъ послѣ утомительной часовой ходьбы по крутымъ и каменистымъ востогорамъ. На одномъ изъ нихъ красивый источникъ служитъ мѣстомъ отдыха. Здѣсь уже снова начинаютъ попадаться вмѣстѣ съ виноградомъ и плодовыя деревья предвѣстники болѣе теплаго климата.

Еще цѣлый часъ ходьбы по каменистому грунту крутаго спуска, и вы достигаете берега рѣки Черноевницы, гдѣ всюду ярко-красныя цвѣты гранатоваго дерева смѣшиваются съ зеленью кустарниковъ.

Во время этого интереснаго путешествія, продолжавшагося три съ половиною часа, нѣсколько разъ открывалось взору, сквозь лабиринтъ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ, все теченіе Рѣки, начиная отъ ея истока у Обода и до впаденія ея въ озеро, пониже Плучи.

Достигнувъ берега, слѣдуетъ остановиться для осмотра небольшого оружейнаго завода, строенія котораго виднѣются уже издали, на правомъ берегу рѣки, и потомъ отправиться далѣе къ источнику Рѣки, отстоящему отсюда только на десять минутъ ходьбы.

Здѣсь среди беспорядочно разбросанныхъ скалъ Иванъ Черный, нѣкогда построилъ крѣпость и здѣсь же, по преданію черногорцевъ, въ таинственной и темной пещерѣ откуда вытекаетъ рѣка, покоится онъ въ объятіяхъ горной вилы *), въ ожиданіи того дня, когда ему придется снова вмѣстѣ съ своими храбрыми черногорцами, отправиться отнимать у похитителей свое родовое наслѣдство: Катаро и берега Адриатическаго моря, гдѣ нѣкогда находилось сербское царство — южнославянъ.

*) Вилы — добрыя духи.

Въ 20-ти минутахъ ѣзды отъ завода находится городъ Рѣка, возвышающійся на самомъ берегу рѣки, воды которой, слабо сдерживаемыя парпетомъ, часто заливаютъ набережную, построенную Даниломъ I и магазины находящіяся на ней.

Двойной рядъ тутовыхъ деревьевъ дѣлаетъ эту набережную мѣстомъ прогулки, гдѣ каждую субботу устраивается базаръ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Черногоріи. И дѣйствительно, сюда стекаются торговые люди изъ Виръ, Подгорицы и даже изъ Скутари. Въ эти базарные дни городъ представляетъ чрезвычайно оживленную картину, и иностранцы, желающіе посѣтить его, должны воспользоваться именно такимъ днемъ; тѣмъ болѣе, если имъ путь отсюда лежитъ въ Скутари, такъ какъ въ это время здѣсь бываетъ нѣсколько лондрасъ (длинныя черногорскія лодки,) съ восьмью или десятью гребцами. Городъ не великъ; онъ состоитъ изъ двухъ главныхъ параллельныхъ улицъ, идущихъ уступами, и нѣсколькихъ маленькихъ переулковъ, расположенныхъ по крутому спуску. Живутъ въ немъ частью черногорцы и частью уроженцы Подгорицы, занимающіеся кромѣ мелкой торговли еще сбытомъ мѣстныхъ произведеній; такъ здѣсь продается великолѣпный табакъ изъ Лишанской нахіи. Приготовленный по турецкому способу, онъ имѣетъ вкусъ и запахъ настоящего Латакія.

Нѣсколько албанскихъ семействъ, проживающихъ въ городѣ, занимаются вышиваніемъ золотомъ и серебромъ и приготовленіемъ разныхъ украшеній изъ сутапа, предназначенныхъ для Черногорскихъ вождей и самаго князя.

Иностранцы найдутъ тутъ болѣе удобную гостинницу чѣмъ въ Цетиньи; да впрочемъ почти въ каждомъ домѣ, можно найти одну или двѣ комнаты исключительно предназначенныхъ для прѣзжающихъ на базаръ. За гостепримство это платятъ всего нѣсколько крейцеровъ. Нечего и говорить что убранство этихъ комнатъ менѣе чѣмъ скромно, простыня и одѣяло составляютъ все удобство постели, случается что въ одной комнатѣ спитъ около двадцати человѣкъ, растянувшись на полу.

Узкій каменный мостъ, построенный при князѣ Данилѣ и находящійся какъ разъ противъ гостинницы, ведетъ на другую сторону рѣки, къ невысокой горѣ, на вершинѣ которой находится церковь, школа, жилище префекта, и гдѣ нѣкогда существовала первая славянская типографія, о которой будетъ сказано ниже, и которую Юрій Черноевичъ (1490—1497) пожаловалъ странѣ. За этимъ возвышеніемъ находятся лѣса, изобилующіе дичью, въ которыхъ охотился князь во время своего зимняго пребыванія въ Рѣкѣ.

Мельницы, находящіяся по правой сторонѣ дороги, ведущей въ городъ, были первыми устроенными въ Черногоріи, и этимъ страна обязана Мирю Петровичу.

Особый каналъ, проведенный къ Ободскому арсеналу, снабжаетъ

мельницы водою. Въ Рѣкѣ есть хорошая школа, открытая сербскимъ учителемъ и въ которой уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мальчишки и дѣвочки съ успѣхомъ получаютъ первоначальное образованіе.

Частыя разлитія рѣки Черноевницы производятъ миазмы, заражающіе воздухъ, вслѣдствіи чего въ этихъ мѣстахъ, неизлечная и прилегающихъ къ городу, свирѣпствуетъ перемежающаяся лихорадка, дѣлающая эту мѣстность чрезвычайно неаудороваю.

Если вамъ путь и не лежитъ въ Албанію, то и въ такомъ случаѣ нельзя отказаться отъ удовольствія спуститься по рѣкѣ до ея впаденія въ озеро. Трехъ часовъ достаточно для этого путешествія, которое оканчивается у турацкой крѣпости Лессендрія. Столько же часовъ требуется и для обратнаго путешествія вверхъ по теченію.

Эта рѣка течетъ очень живоисто; то сжимая свое теченіе между двумя горами, то расширяя ихъ на счетъ своихъ береговъ, то скрывая свою страшную глубину подъ густымъ покровомъ кувшинокъ, она постоянно мѣняетъ направленіе, впадая наконецъ въ Скутарское озеро, принимающее всѣ черногорскія рѣки.

Не доходя до устья, вы увидите на берегу около тридцати пристроенныхъ къ скалѣ хижинокъ, сложенныхъ изъ плоскихъ камней безъ цемента. Это деревня Плочи. Сюда на зимнее время переселяются нѣкоторые жители Черницы, для извѣстной между морями Далмаціи, ловли уклева или скоранцы. Рыба эта очень нѣжная на вкусъ въ свѣжемъ видѣ, есть ни что иное какъ голова, отъ 12-ти до 15-ти сантиметровъ длины. Она водится въ большомъ количествѣ въ верхнихъ частяхъ озера, откуда въ началѣ зимы поднимается выше устья рѣки Черноевницы, гдѣ находитъ себѣ болѣе обильную пищу, чѣмъ въ озерѣ. Соединившись большими стаями, и образуя какъ бы рыбы мели, скоранца пріобрѣтаетъ въ январѣ и февралѣ, тѣ размеры и тотъ вкусъ, которые ей необходимы для того приготовленія, которому она подвергается.

Эти же мѣсяцы и самыя удобныя для рыбной ловли, которая преимущественно производится въ тихіе и ясныя дни, такъ какъ необходимо, чтобы вода была совершенно прозрачна, для того чтобы посланные развѣдчики могли слѣдить за рыбою съ высоты холмовъ, лежащихъ вдоль берега.

Развѣдчики своимъ крикомъ направляютъ лодки къ тому мѣсту, гдѣ серебристый отблескъ на водѣ указываетъ имъ на присутствіе рыбы. Закидывается громадная сѣть—и миллионы головокъ попадаются въ нее. Ловля производится не болѣе четырехъ или пяти разъ въ году и этого бываетъ совершенно достаточно для хорошаго улова рыбы. Князь почти никогда не пропускаетъ этой рыбной ловли въ которой принимаютъ участіе важнѣйшіе сановники страны и знатные иностранцы.

Къ назначенному дню, въ Плочи всѣ приготовленія для ловли бывають уже оконченны. Съ пріѣздомъ князя и его свиты, тотчасъ на-

чинается рыбная ловля. Растанутая на берегу съѣтъ постепенно отвозится лодками на средину рѣки, гдѣ ее уже ожидаютъ нѣсколько маленькихъ лодочекъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы окружить съѣтъю то мѣсто, гдѣ находится рыба, и, пугая ее ударами весель по водѣ, загнать въ одно мѣсто.

По указаніямъ развѣдчиковъ, которые слѣдятъ за каждымъ движеніемъ стаи скоранцы, лодки постоянно сѣживаютъ кругъ, а наконецъ вода исчезаетъ и остается у берега одна животрепещущая серебристая масса рыбы.

Двадцать человѣкъ, вооруженныхъ плетеными рѣшетами, бросаются въ эту движущуюся массу и стараются какъ можно скорѣе, наполнить лодки стоящія полугругомъ.

Вмѣстѣ съ головами попадаютъ, вызывая громкіе крики, радости, карпы, угри и форели.

Эта рыбная ловля — настоящій праздникъ и недостаетъ только новаго Леопольда Робера, который бы ошоттизировалъ эту картину.

Если уловъ былъ хорошъ, то наполняютъ рыбою около 15-ти или 20-ти большихъ лодокъ, въ 8-мъ и 10-ть гребцовъ и около 30 парусныхъ лодокъ, на сумму до 10,000 флориновъ и болѣе. За ловлею слѣдуетъ обѣдъ, весь *мѣни* котораго состоитъ изъ только что пойманной добычи.

Затѣмъ князь и его свита, возвращаются въ Рѣку, увозя съ собою лучшую часть добычи, поднесенную ему рыболовами.

Не такъ давно еще доходъ, приносимый этою ловлею, составлялъ исключительную собственность князя, но въ настоящее время арендная плата, взимаемая за рыбную ловлю, составляетъ какъ и прочія пошлины, доходъ государства.

Изъ лодокъ рыбу перекалдываютъ въ большіе каменные чаны, и оставляютъ въ равахъ въ продолженіи трехъ дней, потомъ вынимаютъ ихъ, вализываютъ на веревочки и развѣшиваютъ въ рыбацкихъ хижинахъ, назначенныхъ для копченія рыбы.

Для этого хижину забираютъ, оставая лишь небольшое отверстіе для притока воздуха, необходимаго для поддержанія медленнаго огня на большомъ очагѣ. Въ теченіи двухъ или трехъ дней дымъ придаетъ рыбѣ всѣ качества необходимыя для продолжительнаго ея сохраненія.

Здѣсь будетъ кстати помѣстить разсказъ Белица о ловлѣ скоранцы въ XVII вѣвѣ, когда онъ посѣтилъ Скутарскій санджагъ. Вотъ что разсказываетъ этотъ знатный Каттарецъ.

«Множество различныхъ породъ рыбъ, живущихъ въ прѣсныхъ водахъ, водится въ Скутарскомъ озерѣ, а на его берегахъ растутъ огромныя тополя и ивы, которыя, начиная съ октября мѣсяца и преимущественно весной, покрываются цѣлыми тысячами водныхъ ныряющихъ птицъ, называемыхъ по турецки *сагабулак*, которыми рыболовы пользуются для ловли рыбы.

«Со стороны Базагура, почти на самой срединѣ озера, возвышается небольшая скала, покрытая высокими деревьями. У подошвы этой скалы, на известную глубину, спускаются верши, равняющіяся въ выѣстности десяти венеціанскимъ боченнамъ, которые прикрѣпляются жердями ко дну.

«Каждое лѣто при пониженіи уровня воды, верши исправляютъ и увеличиваютъ число отдѣленій.

«Каждый человѣкъ знаетъ свое мѣсто и свою тону; и нѣкоторые имѣютъ ихъ по двѣ, по три, по пяти а иногда и по десяти вершей, съ условіемъ заплатить известную пошлину, доходящую иногда до 40 и 50 талари въ годъ.

«На зимнее время скоранца удаляется изъ холоднаго и мутнаго озера въ болѣе теплыя, текуція воды. Что же касается вершей и тоннъ, то онѣ охраняются сторожами.

«Изъ Жаблява, а также и изъ другихъ мѣстъ приѣзжаетъ множество барокъ и лодочекъ, которыя всѣ собираются у Базагура. Собирается также изъ города много турокъ, заинтересованныхъ рыбною ловлею.

«Ихъ священникъ поиза, стоя въ лодкѣ произноситъ краткую молитву, потомъ громко ударяетъ въ ладоши, испуская крикъ. Это служитъ сигналомъ для птицъ, которыя мгновенно оставляютъ деревья и спускаются въ мѣсту тони; и здѣсь, плавая и ныряя, вдоволь лакомятся рыбою, которая спасается отъ ихъ преслѣдованія въ верши.

«Птица эта водится здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ, такъ, трудно повѣрить, чтобы мушкетомъ употребляемымъ въ лагунахъ Венеціи для охоты на птицъ, можно убить здѣсь столько птицъ, сколько будетъ пущено дроби. Прибавлю еще, что птица эта очень прозорлива и, наѣвшись, дѣлается до того тяжела, что бываетъ не въ состояніи подняться на воздухъ; въ это время ее можно брать въ руки у самой лодки. Мнѣ даже удалось убить изъ мушкета нѣсколькихъ сидѣвшихъ на деревѣ, при чемъ остальные даже не пошевельнулись. Еще одна удивительная вещь, это то, что, поднявшись на воздухъ, эти птицы собираются большими стаями образующими какъ бы густую, темную тучу, застилающую солнце. Птицы эти здѣсь пользуются особеннымъ уваженіемъ, такъ на примѣръ запрещено ихъ стрѣлять. За каждую убитую птицу виновный платитъ четыре дуката штрафу, и оружіе его конфискуется.

«Подобное постановленіе чрезвычайно благоразумно, такъ какъ безъ этихъ птицъ ловля скоранцы была бы невозможна. Особенно почитается эта птица жителями Жаблява, которые по ея количеству предсказываютъ болѣе или менѣе удачную ловлю.

«Наконецъ владѣтели вершей поднимаютъ ихъ и часто находятъ тамъ столько загнанной птицами рыбы, что безъ труда нагружаютъ ими цѣлыя барки, приготовленныя исключительно для этого случая.

«Когда верши опорожнены, ихъ снова ставятъ на прежнее мѣсто;

черезъ два дня рыбная ловля возобновляется и опять же при помощи птицъ.

«По случаю ловли сюда собирается множество людей равнаго класса, которыхъ владѣтели вершей, щедро надѣляютъ рыбюю».

Съ начала XVII вѣка, когда Болица писалъ этотъ рассказъ, много перемѣнъ произошло на берегахъ Скутарскаго озера.

Тамъ, уже не существуетъ болѣе громаднхъ ивъ и тополей, покрывавшихся мириадами, шьярющихъ птицъ, да и эти послѣднія, если и не совсѣмъ исчезли, то стали чрезвычайно рѣдки.

Но хотя ловля скоранцы и измѣнилась въ своихъ главныхъ чертахъ и способъ производства ея, тѣмъ не менѣе она и до сихъ поръ еще составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній, вынесенныхъ иностранцами изъ путешествія по Черногоріи.

Отъ устья рѣки Черноєвицы до Вирь-Базара—часъ ѣзды. Мѣстность эта, съ протекающею по ней рѣкою и отрывающимся видомъ на одну изъ частей богатой Черницы, очень живописна.

По пути слѣдуетъ заѣхать въ турецкую крѣпость Лессендру построенную на одномъ изъ пяти островковъ, на которыхъ кѣвогда находились православные монастыри. Островокъ Вранина, лежащій противъ устья Морачи, напоминаетъ своимъ очертаніемъ турецкое сѣдло.

Путешествіе отъ Лессендры до Скутари, продолжающееся семь часовъ, есть одно изъ самыхъ пріятныхъ въ лѣтнее время. Его можно совершить и ночью, если не особенно желаешь насладиться видомъ живописныхъ береговъ Скадарскаго-блато, вдоль которыхъ приходится ѣхать.

Чтобы продолжать путешествіе въ Бѣлопавичъ, слѣдуетъ вернуться въ Рѣку, такъ какъ необходимо взять проводниковъ и лошадей, безъ которыхъ нельзя обойтись въ этомъ путешествіи.

Это одна изъ самыхъ дальнихъ экскурсій въ Черногоріи, и поэтому необходимо застаться продовольствіемъ и выѣхать очень рано, чтобы не погибнуть отъ истощенія въ пустыняхъ Лишанска и достигнуть Данилограда по ранше.

Послѣ шести-часовой чрезвычайно утомительной ѣзды, вы достигаете наконецъ до горныхъ вершинъ этой нахи, и въ обширной панорамѣ, развернувшейся передъ вами, вы видите горы Берды и Албаніи, Пиперы, всю нижнюю Зету, Спужъ, Подгорицу, Скутари, Скадарское-блато и Мало-блато; дажѣ Зету-Рѣку и Морачу, соединяющихъ свои воды пониже Дуэлы, и охватывающія горизонтъ, вершины Морачи, Воиника и Дормитора.

Затѣмъ, въ продолженіи полу-часа вы спускаетесь и достигаете обширнаго плоскогорья, имѣющаго около версты въ длину и возвышающагося на 150 метровъ надъ равниною Бѣлопавича. Проѣхавъ мостъ Меджиста, черезъ часъ можно уже быть въ недавно основанномъ Данилоградѣ. Этотъ городъ еще только начинается обстраи-

ваться, а потому, — осмотрѣвъ мостъ Мирво, и находящійся въ полчаса ѣзды отъ него древній монастырь, живописно расположенный на живомъ берегу рѣки, и въ которомъ помещается складъ оружія, — вы сѣбѣ лучше оставите городъ. Въ Данилоградѣ есть школа, телеграфная станція, и каждое воскресенье тамъ устраивается довольно обширный базаръ. Въ разстояніи двадцати-пяти минутъ ѣзды отъ города, на скалястомъ возвышеніи одиноко стоящелъ въ равнинѣ, расположена деревня Орья-Лука, въ которой прежде находилась временная квартира Данила I-го, обращенная въ настоящее время въ школу. Небольшая церковь, находящаяся напротивъ, построена княземъ Николаемъ I, и посвящена памяти отца его — Мирво.

Если выѣхать изъ Данилограда утромъ, то можно до полудня прибыть въ знаменитый Острогскій монастырь, въ который ежегодно въ Троицкнъ день собирается множество богомольцевъ. До монастыря сначала приходится ѣхать, въ теченіи двухъ часовъ по равнинѣ, до береговъ рѣки Зеты, которую переѣзжаютъ въ бродѣ, или въ лодкахъ, и затѣмъ вступаютъ въ мрачныя горы, среди которыхъ расположенъ монастырь, состоящій изъ двухъ отдѣленій. Нижній монастырь заключаетъ въ себѣ обширный каравансарай (постоялый дворъ на востокѣ), предназначенный для богомольцевъ, небольшую церковь и разныя службы.

Въ двадцати минутахъ ходьбы отъ нижняго, построенъ верхній монастырь въ самомъ пустынномъ мѣстѣ горъ, въ глубинѣ обширной пещеры, надъ которою возвышается громадная отвѣсная скала.

Здѣсь въ 1857 году Мирво-Петровичъ съ четырнадцатью воинами выдержалъ настоящую осаду турецкихъ войскъ.

Здѣсь же находятся мощи Св. Василія, на поклоненіе которымъ стекаются богомольцы изъ пограничныхъ съ Черногоріей, австрійскихъ и турецкихъ провинцій, какъ-то, Албаніи, Босніи, Герцеговины, Далмаціи и изъ мѣстъ еще болѣе отдаленныхъ, а также изъ всѣхъ черногорскихъ областей.

Наканунѣ Троицына дня, всѣ постоялыя дворы монастыря наполняются богомольцами, ставятся палатки, а многіе располагаются и подъ открытымъ небомъ. Купцы изъ Скутари и Подгорицы открываютъ импровизированныя лавки, выставляя лучшія произведенія Албаніи: узорчатое оружіе, филиграновыя украшенія, вышитыя платья и разнаго рода шелковыя матеріи.

Каждый считаетъ своимъ долгомъ принести святому свое приношеніе; кто по богатѣ жертвуетъ серебро или какуюнибудь семейную драгоценность; кто по бѣдѣ — какуюнибудь хозяйственную принадлежность или чтонибудь изъ платья. По окончаніи праздника всѣ эти предметы продаются албанскимъ купцамъ съ аукціона и вырученная сумма, доходящая до ста-пятидесяти талари, вмѣстѣ съ тремя или четырьмя тысячами флориновъ — приношеніемъ богомольцевъ, — опускается въ сокровищницу Св. Василія. Когда князь не при-

Сенаторъ Вукотичъ. Отецъ Милены.

существует лично на праздники, то его представляет, или президент сената, или ктонибудь изъ членовъ княжеской фамилии. Но личное присутствіе князя, какъ мы уже видѣли нѣсколько разъ, придаетъ этому стеченію народа особенный блескъ и значеніе скорѣе политическое, чѣмъ религіозное.

И вотъ почему турецкія власти очень недоброжелательно относятся къ путешествію православныхъ семействъ, проживающихъ въ ихъ провинціяхъ, предпринимаемому для поклоненія мощамъ.

Въ концѣ 1873 году духовная семинарія, учрежденная первоначально въ Цетиньѣ, была переведена въ Нижній Острогскій монастырь. И здѣсь, въ политѣшемъ уединеніи, подъ руководствомъ достопочтеннаго архимандрита Любича, молодые черногогорцы получаютъ смѣшанное образованіе, въ составъ, котораго входятъ: богословіе, грамматика, исторія и тѣ изъ предметовъ, въ которыхъ семинаристы овладутъ слабымъ познаніемъ, при своемъ вступленіи въ семинарію. Молодые люди, выходящіе отсюда, предназначаются или къ духовному званію, или къ учительскому.

Острогскій монастырь, владѣя большими пространствами пахатной земли и лѣсами, получаетъ съ нихъ значительный доходъ. Прежде, когда управленіе этою частію находилось въ рукахъ стараго монаха, мало заботившагося о земныхъ благахъ, монастырскіе доходы равнялись самой ничтожной цифрѣ; теперь же, когда управленіе было передано сметливому и умному священнику, доходы быстро увеличились и въ настоящее время доходятъ до семи или восьми тысячъ флоринновъ, идущихъ на церковныя потребности всего княжества.

Изъ Острога въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ можно доѣхать до прекрасной равнины Нишичъ и посѣтить здѣсь небольшую турецкую крѣпость, передъ отправленіемъ въ ту часть Берды, которая называется Юпа, великолѣпныя пастбища и обширныя лѣса которой привлекаютъ сюда, почти ежегодно на нѣсколько недѣль, князя, желающаго хоть на короткое время забыться отъ столичныхъ пріемовъ въ безыскусственной и полной опасностяхъ жизни охотника.

Путешественникъ, который уже въ монастырѣ опредѣлитъ дальнѣйшій путь своего странствованія, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Цетинью по той дорогѣ, по которой онъ выѣхалъ изъ нея т. е. черезъ Данилоградъ и Рѣку, можетъ прямо отправиться изъ Оря-Луки въ Чево, слѣдуя по лѣвой сторонѣ горъ Гарначъ; или же, зашаспись хорошими проводниками, — почти прямо изъ Острога — проѣхать отъ запада къ востоку всю равнину Вѣлопавичъ и по ужаснымъ дорогамъ доѣхать до Катунской нахіи.

Невозможно провести и нѣсколько дней въ Цетиньѣ, не побывавъ на горѣ Ловшень, вершина которой, возвышаясь на четыреста метровъ надъ равниною, превышаетъ всѣ окрестъ лежащія горы.

Ловшентъ состоитъ изъ нѣсколькихъ возвышенностей, лежащихъ между Катаро, Грбай и Негушъ; главныя между ними: Яблонувый Врхъ и Язерскій Врхъ, или собственно Ловшентъ. На вершинѣ послѣдней находится гробница владыки Петра II-го; отсюда открывається видъ на всю Черногорію, отъ Босніи до Адриатическаго моря и залива Катарскій. Такъ какъ подъемъ на гору чрезвычайно затруднителенъ, то надо воспользоваться первыми часами дня, для того чтобы достигнуть вершины ранѣе девяти часовъ. Если вы желаете полюбоваться восходомъ солнца, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ остановиться на нѣсколько времени у знаменитаго источника, называемаго Иваново-корнито *), отъ котораго до вершины остается ѣзды не болѣе какъ полтора часа.

Двѣ дороги ведутъ къ этому источнику; одна, начинаясь въ сѣверо-восточной части равнины, близъ Катаро, постоянно идетъ по крутымъ спускамъ и приводитъ къ источнику, при самомъ входѣ въ деревню Байцъ; другая болѣе удобная, но болѣе длинная дорога, начинаясь на юго-западѣ отъ Цетиньи, ведетъ къ источнику черезъ маленькую деревушку Бѣлоски-Соколь, жители которой занимаются продажей лѣса, растущаго въ ея окрестностяхъ. Обыкновенно отправляются къ источнику первою дорогою, а возвращаются послѣднею.

Отъ Цетиньи до Иванова-корнито, хотя и не болѣе трехъ съ половиною часовъ ѣзды, но тѣмъ не менѣе здѣсь останавливаются, чтобы дать отдыхъ лошадямъ, необходимый имъ для окончанія этого утомительнаго путешествія.

Оставивъ источникъ, вы вступаете въ безплодную и каменистую долину, оканчивающуюся настоящимъ амфитеатромъ скалъ, гдѣ уже нужно предоставить самимъ лошадямъ избирать себѣ дорогу между скалами и оврагами. Впрочемъ опасаться нечего, такъ какъ черногорскія лошади также увѣренно ступаютъ по крутымъ спускамъ, какъ и по ровной дорогѣ.

Случается, что въ какомъ нибудь узкомъ мѣстѣ, на краю обрыва, онѣ сперва останавливаются, какъ бы соображаясь съ своими силами, а потомъ однимъ хорошо рассчитаннымъ прыжкомъ разомъ преодолеваютъ препятствіе.

Черезъ часъ вы достигаете полуразвалившейся лачужки, сложеной изъ камня, въ которой нѣкоторое время жилъ знаменитый Чипанъ - Мали.

*) Родникъ Ивана Черноевича. Вся Черногорія преисполнена воспоминаніями объ Иванѣ Черноевичѣ; ему приписываютъ открытіе источника находящагося у подошвы Ловшента. Этотъ родникъ Ивана находится въ предѣстной долинѣ, предлагающей туристу отдыхъ подъ тѣнью своихъ гигантскихъ буковъ. Вода его, замкнутая въ каменномъ подземелии и проведенная по цѣлому ряду древесныхъ стволовъ, выдолбленныхъ въ видѣ корнито, до того холодна, что невозможно продержать въ ней руки долѣе одной секунды. Мы упоминаемъ для свѣдѣнія, что Ивановъ источникъ имѣетъ цѣлебныя свойства въ болѣзняхъ дыхательныхъ органовъ, и дѣйствуетъ какъ слабительное. Вкусъ воды приятенъ.

Здѣсь оставляютъ лошадей и слѣдуютъ вдоль узкаго горнаго гребня, ведущаго къ отвѣсному утесу, вокругъ котораго высѣчены узкія, крутыя ступени. Подниматься по нимъ было бы очень опасно для людей подверженныхъ головокруженію, если бы не черногорскіе проводники, ловкость и осторожность которыхъ служить ручательствомъ для безопасности туриста.

По окончаніи этого опаснаго перехода, останется всего нѣсколько минутъ ходьбы, какъ до маленькой часовни, въ которой находится гробница Петра II *), такъ и до оконечности хребта, заканчивающейся страшною пропастью. Поднявшійся на вершину туристъ вполне вознагражденъ за свое утомительное путешествіе тѣмъ видомъ, который отрывается на одну изъ интереснѣйшихъ панорамъ, какими только приходится наслаждаться человѣку. Съ одной стороны, виднѣется Адриатическое море, несущее свое волны къ берегамъ Италіи; далѣе Грбай Зупа, Батарскій заливъ и Кривошіе, а съ другой, — Черногорье, представляющее какъ бы океанъ беспорядочно разбросанныхъ скалъ, «наноминающихъ волны, которыя какъ бы окаменѣли въ своемъ волненіи»; какъ выразился о ривахъ Адриатическаго моря г. Мармье. Далѣе виднѣется Берда, рѣзко выдѣляясь на сѣромъ фонѣ, по которому отъ Кома до Дормитора тянется цѣлый рядъ зубчатыхъ гребней горъ.

Спускаться до источника приходится гѣшкомъ, и пока наши проводники поджариваютъ барана, можно отправиться осмотрѣть прелестную долину, окруженную лѣсомъ, въ которой находятся развалины монастыря построеннаго Петромъ II, пріѣзжавшимъ сюда каждое лѣто на нѣсколько мѣсяцевъ. Величественная и дикая природа, носившая слѣды большаго переворота, вполне гармонировала съ настроеніемъ его души, и возвышала до поэтическаго генія этого поэта, бывшаго одновременно епископомъ и княземъ. Не понимаемый своими и почти неизвѣстный остальному міру, этотъ князь сказалъ однажды, во время своего пребыванія въ Римѣ, послѣ того какъ написалъ по просьбѣ одной женщины стихи въ альбомѣ, «стихи эти — произведеніе цивилизованнаго человѣка, когда онъ находится среди полуварварскаго народа, полуварвара, когда онъ находится въ цивилизованной странѣ и который вмѣстѣ съ тѣмъ есть князь контрабандистовъ».

*) Онъ завѣщалъ перенести свое тѣло на Ловченъ, чтобы его прахъ могъ въ мнѣ покоится между небомъ и дорогой для него Черногоріей.

ГЛАВА X.

Николай I, князь Черногоріи и Берды. — Его молодость. — Его вступленіе на престолъ. — Женитьба его. — Война 1862 года. — Шпага Черногоріи. — Договоръ въ Скутари. — Холера въ Черногоріи. — Смерть Мирко. — Конституція 1868 г.

Даніилъ I, умирая въ Каттаро отъ руки убійцы, назначилъ своимъ преемникомъ девятнадцати-лѣтняго своего племянника Николая, только что вернувшагося на родину, изъ которой онъ былъ удаленъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Новый Господарь, получивъ власть совершенно неожиданно, безъ всякаго подготовленія къ ней, столь необходимаго для мудраго управленія страной; но къ его счастію у него былъ живъ отецъ, сильный характеръ и непреклонная воля котораго помогли ему на первыхъ порахъ его самодержавія.

Николай I Петровичъ Негошъ, князь и владѣтель Черногоріи и всей Берды, родился 13 (25) сентября 1841 г. въ деревнѣ Негошъ, отъ старшаго брата князя Даніила, Мирко-Петровича, великаго воеводы Черногорскаго и Станы Мартиновичъ *). По порядку наследованія онъ былъ седьмымъ изъ семейства Петровичей, призваннаго къ управленію страной. Будущій князь Черногоріи провелъ свою первую молодость, какъ и всѣ дѣти его народа, въ буйныхъ забавахъ, составляющихъ для черногорца какъ-бы военную школу. Въ бѣгѣ, въ прыганьѣ и борьбѣ, сынъ Мирко не зналъ себѣ соперника. Время свое проводилъ онъ, странствуя безъ всякаго надзора, по горамъ и лѣсамъ, далеко отъ родительскаго дома; а страсть его къ лошадамъ и оружію заставляла предъугадывать въ немъ отличнаго наѣздника и стрѣлка, неимѣющаго себѣ соперника во всемъ княжествѣ. Жизнь среди дикой и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозной природы, вмѣстѣ съ страстною любовью къ родинѣ, пробудила въ немъ и поэтическое дарованіе, которое постоянно поддерживалось въ немъ разсказами о военныхъ подвигахъ и народными пѣснями, слышанными у семейнаго очага.

Насталъ наконецъ день, когда юный Петровичъ долженъ былъ покончить съ своею беззаботною и привольною жизнью черногорца. Десяти лѣтъ его отправили въ Триестъ, гдѣ ему пришлось начать свое образованіе съ самаго начала, такъ какъ онъ едва умѣлъ читать и писать. Въ семействѣ Куэтичъ, гдѣ онъ былъ принятъ, и изъ котораго взялъ впоследствии себѣ жену, онъ безъ труда занялся изуче-

*) Полный титулъ князя слѣдующій: Николай I Петровичъ Негошъ, князь и господарь Черногоріи и Берды. Въ церковныхъ грамотахъ влѣстителей Черногоріи называютъ князьями Скадара (Скутари) и Приморіи (береговъ). Черногорецъ называетъ своего князя «Святой господарь» (Sveti gospodar) или просто господарь; турки же его называютъ «Кага калуджеръ» (черный монахъ).

нiемъ италянскаго и нѣмецкаго языковъ, и въ четыре года получилъ первоначальное образованiе, въ которомъ все относящееся до исторiи Сербiи стояло на первомъ планѣ. Но болѣе теоретическаго изученiя принесло ему пользу въ будущемъ то практическое изученiе нравовъ, которое онъ приобрѣлъ, вступая въ сношенiе съ разнообразнымъ населенiемъ столицы Истрии.

Тихая жизнь въ семействѣ Куэтичь, гдѣ онъ находилъ свою вѣру, свой языкъ и вмѣстѣ съ искусствами, образованiемъ и изысканною вѣжливостью цивилизацiи, обычаи и привычки своего племени — болѣе чѣмъ всякая другаго рода жизнь могла способствовать къ смягченiю дикой и грубой природы горца. И рѣшенiе князя Даниила отправить молодого Николая въ Парижъ, вмѣстѣ съ прочими его двоюродными братьями, только помѣшало общественно-национальному развитiю юноши.

Дѣйствительно, Даниилъ вошелъ въ дружественныя сношенiя съ императоромъ Наполеономъ III, который въ числѣ прочихъ доказательствъ своего расположенiя къ черногорскому князю, предоставилъ ему нѣсколько ваканцiй для молодыхъ черногорцевъ въ лицей Людовика Великаго.

И вотъ черезъ нѣсколько времени, находимъ мы нашего юношу въ тѣсныхъ стѣнахъ лицея, полнаго еще воспоминанiй о своей независимой и привольной жизни, и очень мало расположеннаго подчиниться, какъ требованiямъ дисциплины, такъ и превосходству своихъ товарищей по заключенiю.

Проводя долгiе и скучные часы занятiй на школьной скамьѣ, онъ оживлялся только тогда, когда дѣло касалось борьбы или разбирательства ссоры, и въ этихъ случаяхъ всегда имѣлъ первенство. Но жизнь, стѣсненная такими узкими рамами, могла быть только однимъ продолжительнымъ страданiемъ для юнаго черногорца, который могъ какъ ученикъ Фауста восвеликнуть:

Какой, однако, грустный домъ!
 Ни дерева, ни зелени кругомъ,
 И право хоть бѣжать отсюда:
 Такъ все угрюмо и мертво!
 Признаться, это до того
 Мой слухъ и зрѣнiе стѣсняетъ,
 Что самая охота пропадаетъ *)

Поэтому и не удивительно, что въ тѣ рѣдкiе дни, когда его отпускали изъ лицея, онъ не стремился къ удовольствiямъ Парижа, а напротивъ, избѣгая шума и суетни городской, отправлялся въ самыя пустынные окрестности города, чтобы провести хотя нѣсколько часовъ на свободѣ, подышать свѣжимъ воздухомъ и насладиться ярнымъ блескомъ солнца.

Можно представить себѣ какъ велика была его радость, когда

*) Фаустъ. Переводъ Струговщикова.

черезъ долгій промежутокъ времени, наставалъ наконецъ день отъѣзда на родину, и когда, приближаясь къ заливу Батаро, онъ могъ любоваться видомъ Катунскихъ горъ и Ловшена, съ возвышающейся на немъ гробницею владыки. Едва успѣвалъ пароходъ пристать къ берегу, какъ ученикъ лица св. Людовика, не дожидаясь проводниковъ и лошадей отправляемыхъ изъ Цетиньи, уже направлялся въ горы и, взбираясь по утесамъ, достигалъ своей родной деревни Нетошь, гдѣ такъ привольно протекло его дѣтство.

Здѣсь съ наивною радостью, окликаясь онъ по имени тѣхъ жителей, которыхъ помнилъ, но они съ удивленіемъ смотрѣли на молодого иностранца, не узнавая его. И когда онъ нѣсколько часовъ спустя совершенно неожиданно, безъ доклада появлялся во дворцѣ, то его домашніе едва узнавали въ этомъ преждевременно разившемся юношѣ, племянника Данила I.

Въ одну изъ такихъ своихъ поѣздокъ на родину Николай Петровичъ вдругъ узнаетъ, что дядя его, пораженный рукою убійцы, умеръ, и, оставивъ послѣ себя одну дочь Ольгу, назначилъ его своимъ преемникомъ, такъ какъ Мирко отказался отъ престола. Молодому князю при своемъ вступленіи на княжескій престолъ, не пришлось преодолѣвать тѣхъ препятствій, какія выпали на долю Данила при его восшествіи на престолъ.

Всѣ черногорцы единодушно привѣтствовали въ лицѣ племянника умершаго князя, достойнаго потомка тѣхъ Петровичей, изъ которыхъ многіе, начавъ правленіе почти съ юношескихъ лѣтъ, обнаруживали умъ и энергію, присущіе болѣе зрѣлому возрасту. И такъ, полны надежды и вѣры въ своего князя, котораго охранялъ воинственный Мирко, черногорцы стали по немножку готовиться къ войнѣ, о которой уже носились слухи.

Вдовствующая княгиня, прекрасная и умная Даринья Даниловна, нѣсколько лѣтъ раздѣлявшая княжескій престолъ съ своимъ супругомъ, заимствовала и всѣ политическія стремленія его. Рассчитывая на молодость и неопытность князя, она надѣялась играть роль Анны Австрійской и сохранить еще на нѣсколько лѣтъ то вліяніе при дворѣ, которымъ она справедливо пользовалась при жизни своего супруга. Главная цѣль ея честолюбія заключалась въ томъ, чтобы упрочить въ княжествѣ вліяніе Франціи и уничтожить народныя предразсудки, задерживавшіе Черногорію на пути современнаго прогресса. Но опытъ показавъ на сколько мечты эти были несбыточны.

Николай I, подъ вліяніемъ тетки, на которую онъ перенесъ все уваженіе, питаемое къ памяти покойнаго дяди, можетъ быть и задумалъ бы измѣнить существующій порядокъ вещей, еслибы не Мирко, который, понимая всю несвоевременность такихъ преобразованій, не удерживалъ бы отъ нихъ сына. Въ особенности Мирко не желалъ, чтобы его сынъ вступилъ въ бракъ съ котороюнибудь изъ иностранныхъ принцессъ, такъ какъ это могло послужить къ образованію партій

въ странѣ. Впрочемъ все было уже устроено, чтобы избѣжать этой опасности. И два мѣсяца спустя послѣ восшествія своего на престолъ, Николай вступилъ въ бракъ съ тою, которая еще съ дѣтства была предназначена ему въ супружество *).

Самая искренняя дружба издавна связывала Мирко Петровича и воеводу Петра Вукотича. Эти два воина, не бывъ еще отцами семейства, порѣшили, что если Богъ благословитъ ихъ потомствомъ, соединить своихъ дѣтей и этимъ союзомъ еще тѣснѣе скрѣпить свою дружбу. Все устроилось согласно ихъ желанію, и Милена Вукотичъ съ дѣтства была предназначена въ невѣсты сыну Мирко. Молодая дѣвушка выросла, проводя время или въ своей семьѣ или въ семьѣ своего свекра, занимаясь, какъ и всѣ черногорскія дѣвушки хозяйствомъ, и зачастую, смиренно исполняя требованія гостепріимства, прислуживала тѣмъ самымъ иностранцамъ, которымъ впоследствии при дворѣ Цетиньи пришлось почтительно подходить къ ея рукѣ.

Думала ли тогда молодая черногорка, что настанетъ день, когда одинъ изъ могущественнѣйшихъ владѣтелей Европы, императоръ и король въ одно и тоже время, окажетъ ей этотъ знакъ своего почтенія. Милена Николаевна очень скоро усвоила себѣ свѣтское, изящное обращеніе, образцомъ которыхъ для нея служила вдовствующая княгиня и которыя ей были необходимы при ея высокомъ положеніи. И вскорѣ свѣтлѣйшая княгиня приняла безъ всякаго смущенія выраженіе преданности и почтенія отъ воинственныхъ старцевъ Черногоріи, не привыкшихъ склоняться передъ женскимъ превосходствомъ.

Спокойствіе, которымъ наслаждалась Черногорія было непродолжительно; не прошло и года со времени вступленія въ бракъ князя, какъ пришлось начать войну съ турками.

Смерть князя Даніила, скорѣе чѣмъ всякое другое событіе, могло возбудить воинственный духъ турокъ, помнившихъ еще Граховскую рѣзню. Деспотизмъ турецкихъ властей началъ все сильнѣе и сильнѣе проявляться въ покоренныхъ провинціяхъ, и несчастные христіане ждали только удобнаго случая, чтобы пристать къ храбрымъ черногорцамъ. Почти вся Герцеговина возстала, начиная отъ Суторини до Баньянъ и Пивы съ одной стороны, и отъ Никшичъ до Дробіака и Шаранцы съ другой; всѣ кто былъ недоволенъ турецкимъ правительствомъ, пристали къ воставшимъ. Омеръ - Паша съ 30,000 войскомъ былъ разбитъ Лукою Вукаловичемъ при Пивѣ осенью 1861 года, и долженъ былъ отступить, въ ожиданіи подкрѣпленія для продолженія наступательныхъ дѣйствій. Извѣстіе объ этой побѣдѣ воодушевляло черногорцевъ, и они громко стали требовать дѣятельнаго участія въ востаніи герцеговинцевъ, охватившаго уже и Боснію. Никогда еще сербамъ не представлялось такого удобнаго

*) 10 (22) Октября 1860 г.

случая для восстановления своей независимости на Балканском полуостровѣ. Побуждаемый-ли настоятельными просьбами великихъ державъ, опасаясь-ли обнаружить воинственный духъ черногорцевъ, который имъ всегда ставился въ упрекъ, или боясь потерять покровительство великихъ дружественныхъ державъ, только Николай I упорно держался нейтралитета. Мало того, по просьбѣ Скутарскаго консула, онъ даже дозволилъ, чрезъ долину Бѣлопавичъ, подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ изъ Албаніи къ крѣпости Никшичъ, осажденной возставшими. Многіе утверждаютъ, что черногорцы, не смотря на многіе важныя обстоятельства, способныя вызвать ненависть и мщеніе противъ турокъ, не позволили себѣ относительно ихъ ни одного непріятельскаго дѣйствія и поэтому порицають Высокую порту за блокированіе границъ княжества, называя ея дѣйствія насильственными и незаконными, которыя не могли быть оправданы никакимъ вызовомъ.

Мы, которые видѣли Черногорію въ подобныхъ обстоятельствахъ — считаемъ эти дѣйствія предосудительными, такъ какъ онѣ не соотвѣтствуютъ ни характеру и репутаціи Омеръ-пашы, ни достоинству Высокой порты. Мы понимаемъ, что въ 1861 г. точно такъ же какъ и въ настоящее время, черногорское правительство при всемъ своемъ желаніи сохранить нейтралитетъ, было безсильно удержать свой народъ отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ турокъ, въ то время какъ они воевали съ ихъ же братьями. Въ оправданіе черногорскаго правительства, надо сказать, что оно не могло быть отвѣтственно за дѣйствія отдѣльныхъ личностей, которыя вызвали крутыя мѣры генерала — Омеръ-Пашы.

Къ сожалѣнію Николай I даже не воспользовался объявленіемъ блокады, чтобы двинуть свои 25,000 человекъ противъ турецкой арміи, пользовавшейся зимнимъ временемъ для поправленія своихъ силъ, и помѣшать ея наступательному движенію противъ округовъ Попова и Суторины.

Подкрѣпленія, полученныя Омеръ-Пашею, дали ему возможность составить армію подобную, направленной противъ русскихъ въ 1854 г.

Весною 1862 г. снова начались военные дѣйствія, и сердаръ экремъ не удовлетворился теперь уже одною блокадою, а одновременно съ объявленіемъ войны, посланнымъ въ Цетинью, двинулъ свои войска къ границамъ Черногоріи, которыя и переступили ихъ въ трехъ мѣстахъ. Между тѣмъ, пока князь Николай I бесполезно протестовалъ у великихъ державъ противъ такого неожиданнаго и несправедливаго вторженія, часть его войска, соединившись съ возставшими герцоговинцами, одержала первую побѣду надъ турками при Черницѣ. При описаніи черногорскихъ границъ мы замѣтили какую постоянную опасность для страны представляетъ ея раздѣленіе на двѣ части, соединенныя долиною Бѣлопавичъ, надъ которою

господствуютъ съ сѣверо-запада и юго-востока турецкія крѣпости Никшичь и Спужь.

Омеръ-Паша, придавъ въ 1862 г. тотъ же планъ дѣйствій какъ и въ 1853 году, раздѣлилъ свои войска на три корпуса, изъ которыхъ первый подъ командою Дервишъ-Паши отправился изъ Никшича къ Дужскому ущелью, а второй подъ начальствомъ Абди-Паши направился со стороны Спужа, къ входу въ долину Бѣлопавичъ. Оба отряда должны были сойтись въ средней части долины, между тѣмъ какъ третій, — подъ командою Гуссейнъ-Паши, долженъ былъ сдѣлать диверсію въ Бердахъ.

Мирко-Петровичъ, на долю котораго выпало быть главнокомандующимъ черногорской арміей, поручилъ своему другу Петру Степановичу Вукотичъ защиту Дужской позиціи, а самъ взялся дать отпоръ Абди-Пашѣ со стороны Албаніи; тѣмъ не менѣе онъ постоянно переходилъ отъ одного корпуса къ другому, наблюдая за ходомъ дѣла на обоихъ концахъ равнины Бѣлопавичъ, помогая то дѣломъ, то словомъ.

Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ оба корпуса, отлично управляемые и заключавшіе въ своихъ рядахъ не мало доблестныхъ воиновъ, уничтожали дѣйствія Дервиша и Абди, и несмотря на свою малочисленность сравнительно съ турками, одержали нѣсколько славныхъ побѣдъ близъ Мартиновичъ и Острога. Въ это же самое время Гуссейнъ-Паша, находясь въ Бердахъ, принужденъ былъ, близъ Лимскаго ущелья, прекратить свои дѣйствія и отойти въ Кучи-Дреколловичъ, для того чтобы, достигнувъ Спужа, соединиться съ арміей Абди-Паши.

Въ то время, какъ въ верхней Зетѣ происходили эти неудачныя попытки моллюководцевъ Омеръ-Паши, судьбѣ княжества угрожала опасность съ другой стороны. Такъ, чуть было не случилось такое же страшное происшествіе, какъ и два года тому назадъ, на берегахъ Катарскаго залива.

Николай I, отправлявшійся въ сопровожденіи вдовствующей княгини и княжны Милены, въ лагерь своего отца, едва не сдѣлался жертвою убійства, во время отдыха на Криницкой границѣ.

Убійца, въ которомъ подозрѣваютъ турецкаго подданнаго, успѣлъ скрыться. Желая вѣрнѣе достигъ своей цѣли, онъ зарядилъ ружье нѣсколькими зарядами — и это обстоятельство спасло жизнь князю.

Насталъ июль мѣсяцъ, а черногорцы все еще удачно отражали непріятеля; но вдругъ Дервишъ-Паша, удачно прикрывъ свое наступленіе къ ущелью Дугъ, быстро бросается въ Дробніагъ и, пройдя Кукинской-Мостъ, появляется неожиданно выше Острога.

Петръ Вукотичъ, будучи не въ силахъ помѣшать этому движенію, принужденъ былъ при Голіи выставить свою армію подъ открытымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и, послѣ значительной потери, отступить къ деревнѣ Орья-Лука, гдѣ его ожидали новыя неудачи.

Его разстроенный отряд спасается въ горы Гарначъ, между тѣмъ какъ Мирко, находясь подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля и, имѣя противъ себя почти все войско Омеръ-Паши, долженъ былъ отступить въ Лишанскую нахію.

Дальнѣйшее сопротивленіе было бы непродолжительно, еслибы турецкій генераль сейчасъ же отправился преслѣдовать Мирко. Но, упоенный первыми побѣдами, Омеръ-Паши пожелалъ дать вкусить и солдатамъ всю прелесть побѣды, а поэтому предоставилъ имъ разграбить богатую равнину Бѣлопавичъ, — эту житницу Черногоріи. Не довольствуясь тѣми дарами, которые имъ такъ щедро предлагала роскошная природа этой долины, турки разграбили и уничтожили все, что имъ попало подъ руку. Деревни были сожжены, скотъ угнанъ, плодовые деревья поломаны, даже лѣса были опустошены; и только тогда, когда уже ничего не оставалось для разрушенія, турки подумали о продолженіи войны. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались черногорцы, чтобы соединить свои силы и, подъ руководствомъ храбраго Мирко, придумать новый планъ защиты на границѣ Лишанской. Когда Омеръ-Паши снова двинулся въ походъ, то онъ нашелъ черногорцевъ уже приготовившимися къ упорной оборонѣ и занявшими прекрасныя позиціи. Во время битвы при Загарачи и Кокоти, численность турецкихъ войскъ доходило до 50,000 челов., между тѣмъ какъ черногорцевъ было втрое менѣе и, не смотря, на это, преимущество постоянно оставалось за черногорцами, которые, перейдя къ наступательнымъ дѣйствіямъ, въ состояніи были даже въ Бѣлопавичѣ, отбросить непріятеля на берега Морача. Въ ожиданіи новыхъ подрѣзленій, набравшихся изъ самыхъ отдаленныхъ частей страны, Омеръ-Паши расположился лагеремъ недалеко отъ Скутарскаго озера, подъ прикрытіемъ крѣпости Жаблякъ. Видя неудачные результаты своего первоначальнаго плана вторженія, онъ отказался отъ него на будущее время и рѣшилъ идти прямо на Цетинью. Эта борьба, веденная одною изъ сильнѣйшихъ державъ противъ горсти горцевъ, не имѣвшихъ ни артиллеріи, ни боевыхъ снарядовъ, и бывшихъ почти безъ дисциплины, не возбудила участія ни въ одномъ изъ европейскихъ кабинетовъ, безстрастно смотрѣвшихъ на истребленіе героическаго народа. А между тѣмъ было достаточно одного заявленія со стороны франціи, послѣ Граховской битвы, чтобы остановить дѣйствія турокъ. Казалось, что на этотъ разъ Турція была не единственною державою, желавшею уничтоженія черногорцевъ.

Здѣсь мы приведемъ трогательный разговоръ г. Лемуара о томъ содѣйствіи, которое оказало бѣдной націи папское правительство.

«Папскій престолъ всегда выказывалъ сочувствіе христіанскимъ воинамъ, боровшимся съ исламомъ. Въ 1821 г. папа, первый изъ европейскихъ правителей, оказалъ помощь грекамъ въ борьбѣ ихъ съ Турціей. И теперь Ватаканскій старецъ протягивалъ руку по-

мощи притѣсняемымъ черногорцамъ, приказывая, особымъ циркуляромъ, албанскимъ епископамъ, запрещать католикамъ вступать въ ряды турецкаго войска.—Но Пій IX, не бывъ въ состояніи оказать славянскимъ христіанамъ ту матеріальную помощь, какую оказали грекамъ Пій VII, могъ имъ только дать нравственную поддержку, бессильную противъ турецкихъ пушекъ и штыковъ *)).

Между тѣмъ армія Омеръ-Паши, снабженная съѣстными припасами и новыми подрѣзками, оставила лагерь. И пока солдатскія палатки подымались по рѣкѣ Черновицѣ, отоманскіе батальоны подымались впередъ по утомительной дорогѣ, гдѣ ежедневно приходилось имъ каждый шагъ брать съ бою.

Утромъ 23-го августа Мирко собралъ послѣдніе остатки своего войска и занялъ своими позиціями екалистый валъ, въ двухъ верстахъ отъ города Рѣка. Въ продолженіи цѣлаго дня, Мирко, находясь постоянно во главѣ своего отряда, мужественно отражалъ непріятеля **). Но черногорцы, голодные и объятые невольнымъ ужасомъ, который овладѣвалъ даже самыми храбрыми изъ нихъ при видѣ смерти своихъ послѣднихъ друзей, «немогли долѣе выносить этого», какъ выразился одинъ изъ нихъ и, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, одинъ за другимъ направились къ своимъ деревнямъ, оставляя поле страшенія, не смотря на всѣ увѣщанія своего глубокоуважаемаго вождя. И вотъ послѣ 60-ти сраженій все окончилось такимъ печальнымъ образомъ. А Мирко, который за свои геройскіе подвиги былъ прозванъ «Мечемъ Черногорья», названіе, которое сохранить за нимъ и потомство, оставалось только повторить слова славнаго полководца, побѣжденнаго при Павіи «*De toutes choses ne m'est demouré que l'honneur et la vie qui est sauvé*»: (Изъ всѣхъ благъ, которые у меня были, только честь и жизнь спасены).

Всякое новое сопротивленіе становилось совершенно бесполезнымъ; утесы Липанской и Рѣкской нахій были уже обагрены черногорскою кровью; да и Катунская нахія пала бы вѣроятно въ непродолжительномъ времени, не смотря на серьезную оборону къ которой приготовились жители равнины, деревни Доброско-Село и границы горнаго прохода, лежащаго выше столицы. Но въ это время дипломатія какъ бы очнулась отъ своего равнодушія и потребовала соглашенія между побѣдителемъ черногорцевъ и молодымъ княземъ. Свиданіе между Омеръ-Пашею и княземъ Николаемъ I произошло въ Рѣкѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Миръ былъ заключенъ на тяжелыхъ для черногорцевъ условіяхъ, заключающихся въ нижеслѣдующемъ договорѣ, предложенномъ турецкимъ главнокомандующимъ, какъ ультиматумъ, и помѣченнымъ числомъ 31-го августа 1862 году.

*) Ф. Ленорманъ. Турки и Черногорцы.

***) Намъ рассказывали, что въ этотъ ужасный день Мирко подрѣзали только сколько нѣсколькими грушамъ, которыя ему доставилъ одинъ изъ солдатъ.

Статья 1-я. Внутреннее управление Черногоріи остается такимъ, какимъ оно было до вступленія императорскихъ войскъ на ея территорию.

Статья 2-я. Демаркаціонная линія, начертанная смѣшанной комиссіей 1859 г. будетъ составлять на будущее время границу Черногоріи.

Статья 3-я. Оттоманское правительство дозволить черногорцамъ беспошлинный ввозъ и вывозъ товаровъ черезъ гавань Антивари. Ввозъ оружія и военныхъ припасовъ запрещается.

Статья 4-я. Черногорцы имѣютъ право брать въ аренду земли, лежащія внѣ Черногоріи, но съ условіемъ заниматься исключительно земледѣліемъ.

Статья 5-я. Мирю оставить Черногорію съ тѣмъ, чтобы никогда въ нее не возвращаться.

Статья 6-я. Дорога изъ Герцоговины до Скутари, проходящая черезъ внутреннюю Черногорію, будетъ открыта для торговли. Нѣсколько пунктовъ на этомъ пути будутъ заняты императорскими войсками, которыя расположатся въ блокгаузахъ. Пункты эти будутъ обозначены впоследствии.

Статья 7-ая. Черногорцы не будутъ болѣе дѣлать набѣговъ. Въ случаѣ возстанія одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ съ Черногоріей округовъ, черногорцы не будутъ оказывать имъ ни матеріальной, ни нравственной поддержки. Всѣ сенаторы, правители нахій и прочіе сановники дадутъ сердарю экрему письменное обязательство выполнять это условіе.

Статья 8-ая. Всѣ недоразумѣнія меньшей важности, могущія произойти на границахъ, будутъ рѣшаемы съ общаго согласія. Каждый изъ правителей пограничныхъ округовъ Черногоріи, долженъ имѣть особыхъ консуловъ для рѣшенія этихъ недоразумѣній; въ тѣхъ же случаяхъ, когда поднятый вопросъ не можетъ быть ими разрѣшенъ, обѣ партіи отнесутся прямо къ Высокой Портѣ.

Статья 9-ая. Ни одно семейство не можетъ въѣхать въ Черногорію безъ паспорта, выданнаго турецкими властями.

Статья 10-ая. Черногорцамъ въ интересахъ ихъ торговли будетъ дозволенъ свободный проѣздъ по всей турецкой имперіи. Путешественники будутъ находиться подъ покровительствомъ правительства.

Статья 11-ая. Всѣ преступники будутъ задерживаемы и отправляемы къ ихъ собственнымъ властямъ, на основаніи условій взаимной выдачи преступниковъ.

Статья 12-ая. Всѣ преступные райи будутъ отправляемы къ своимъ семействамъ.

Статья 13-ая. Въ силу того же самаго принципа взаимности, всѣ предметы добытые грабежемъ должны быть возвращаемы, а виновные навазываемы.

Статья 14-ая Черногорцы обязуются не возводить никаких укрѣпленій на границахъ Босніи, Албаніи и Герцеговины.

Суровая статья, въ силу которой Мирко предстояло полное изгнаніе, составила славу этого воина, такъ какъ сами турки свидѣтельствовали ею, что отъ него зависѣла судьба всей Черногоріи; но для черногорцевъ, которые должны были привести въ исполненіе этотъ декретъ объ изгнаніи своего лучшаго гражданина, она была позоромъ. Но пятая статья договора въ Скутари, осталась мертвою буквою, такъ какъ даже турки не имѣли на столько твердости, чтобы потребовать ея выполненія.

И въ продолженіи еще дѣлныхъ пяти лѣтъ великій воевода Мирко былъ руководителемъ своего сына въ управленіи княжествомъ и преобразовывалъ военныя силы страны. Укрѣпленія, которыя въ силу шестой статьи договора, должны были быть воздвигнуты по дорогѣ изъ Герцеговины въ Скутари, въ дѣйствительности были построены только на самой границѣ, да и то на турецкой территоріи; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи были уничтожены. Къ тому же, европейскія правительства, очнувшись наконецъ отъ своего равнодушія, стали протестовать противъ подобнаго захвата княжества. И такъ Николаю I *) оставалось только попытаться у султана уничтожить это условіе, что и было имъ сдѣлано.

Вслѣдъ за несчастною войною, въ Черногоріи настали голодъ и крайняя бѣдность. Уничтоженіе житницъ въ Вѣлопавичахъ, остановка земледѣлія въ остальныхъ частяхъ страны, потеря стадъ, прекращеніе торговли, все это соединилось, чтобы составить печальный эпилогъ къ истребленію черногорскаго войска. Жертвы продолжительной и кровавой борьбы составляли только часть жертвъ, отнятыхъ у голода, по грустному выраженію Мирко. «Тѣхъ, которыхъ пощадилъ война, не пощадилъ голодъ». -- Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ Черногорія не осталась безъ сочувствія и помощи.

Слѣстные припасы и деньги посыпались ей со всѣхъ сторонъ; одна Франція, на первый случай, прислала хлѣба въ зернѣ болѣе чѣмъ на шестьсотътысячь франковъ.

Николаю I-му пришлось, съ самаго начала своего княженія, испытать всѣ тѣ бѣдствія, которыя могутъ постичь народъ, уничтожить его благосостояніе и подвергнуть опасности самое существованіе. Эта опытность дорого обошлась молодому князю, хотя онъ ей и обязанъ тѣмъ раннимъ благоразуміемъ, которое и внесъ во всѣ свои послѣдующія дѣйствія и той твердости характера, съ которою онъ умѣлъ устоять противъ воинственныхъ увлеченій народа, не признающаго труда, выгодъ мира, презирающаго жизнь безъ славы, олицетворяя

*) Вслѣдствіе депеша, посланной княземъ Черногоріи 5-го февраля 1864 г. Высочайшаго Порту въ своемъ отвѣтѣ послѣдовавшемъ 4-го марта отказалась отъ приведенія въ исполненіе шестой статьи договора въ Скутари.

собою то, что Вольтеръ, подражая Тациту, говорить о горцахъ Каталоніи. «Неустрасимый народъ, который не дорожить жизнью, проведенной безъ борьбы».

Года, послѣдовавшіе за войной, были употреблены на восстановленіе разваливъ, оставленныхъ турецкимъ войскомъ на своемъ пути. Въ это время успѣли увеличить запасъ пороховыхъ заводовъ, построить въ Рѣчанской области небольшой арсеналъ и доставить странѣ, посредствомъ лотереи, разрѣшенный французскимъ правительствомъ, тѣ 12,000 винтовокъ, которыя въ настоящее время составляютъ главное вооруженіе черногорцевъ. Съ своей стороны Сербія доставила имъ первую батарею горныхъ гаубицъ, драгоцѣнной даръ, который былъ удвоенъ великодушіемъ Сербіи. Офицеры, присланные изъ Бѣграда систематизировали военное образованіе этихъ неподготовленныхъ воиновъ, которые располагали только своего смѣлостью и преданностью отечеству, но были незнакомы съ техникой военного искусства.

Прибывъ въ Парижъ, во время всемірной выставки, въ 1867 году, князь Николай, также какъ и дядя его Данило въ началѣ имперіи, встрѣтилъ со стороны Наполеона III-го доказательство особаго почета и расположенія къ себѣ и своей странѣ, которыя льстили его самолюбію и надеждамъ.

Новое несчастіе готовилось нанести ударъ привязанностямъ Николая, поразивъ его одновременно въ лицѣ отца и народа, какъ сына и князя. Холера, занесенная изъ Каттаро, появившись въ первый въ разѣ Черногоріи, обнаружилась съ ужасающею силою, опустошая селенія и самыя отдаленныя хижины Черногоріи. Глава княжества, поспѣшивъ возвратиться изъ Франціи, прибылъ въ домой и, не слушая увѣщаній людей, предостерегавшихъ его отъ заразы, возвратился въ свою небольшую столицу, гдѣ царствовалъ ужасъ. Нѣсколько дней спустя храбрый Мирно заболѣлъ и скончался на рукахъ сына своего, оставивъ за собою сожалѣніе и надежды всего народа. Между тѣмъ въ Скутари, Мостарѣ и Сараевѣ, пани освобожденные отъ этого Дамовлова меча, возвратились къ своей прежней наглости и смѣлости. Въ то время какъ Черногорія представляла обширное царство смерти, гдѣ каждый хладнокровно ожидалъ удара, готового его поразить, Османъ паша, съ отрядомъ войска, напалъ на Дробняковъ и только подъ влияніемъ поздняго раскаянія въ своемъ позорномъ поступкѣ, рѣшился отступить. Оправившись послѣ бѣдствій войны, князь и поданные его должны были приняты за дѣло новаго возмездія, забывая погибшія жертвы ради заботъ о странѣ.

1868-ой годъ былъ ознаменованъ важнымъ событіемъ, которое произвело неожиданную перемену въ управленіи страны. Въ день св. Георгія была обнародована новая конституція, съ силу которой черногорскій князь, добровольно отрекаясь отъ большинства неограниченныхъ правъ, которыми до того времени пользовался онъ и его

предшественники, даровалъ сенату болѣе значительныя преимущества, а именно: сборъ налоговъ и распредѣленіе ихъ; надзоръ за церковнымъ имуществомъ, вѣрными владыкѣ; управленіе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ и окончательный приговоръ по уголовнымъ и другимъ судебнымъ дѣламъ. Глава страны утрачивалъ право безконтрольнаго пользованія государственными доходами, и его содержаніе было ограничено. Конституція предоставила князю исключительное право помилованія, а также обсужденіе и рѣшеніе вѣнскихъ политическихъ дѣлъ.

Доказавъ такимъ образомъ странѣ свое безкорыстіе, князь Николай опередилъ даже желаніе подданныхъ, издавна привыкшихъ видѣть въ лицѣ князя, своего повелителя избранника народа и помазанника Божія и считавшихъ преступленіемъ всякое подозрѣніе относительно его честности, искренности и преданности общему дѣлу. Благодаря этому чувству уваженія и довѣрія, прекрасному въ своей простотѣ, черногорцы, во время самыхъ страшныхъ внутреннихъ распрей, сохранили единодушіе и, среди величайшихъ невгодъ этой ожесточенной борьбы, не утратили храбрости и надежды.

Вслѣдствіе такого полного преобразованія въ правительственныхъ дѣлахъ, должно было производиться значительное улучшеніе въ организаціи, просвѣщеніи и вѣнскихъ сношеніяхъ страны. Черногорцы, выведенные изъ невѣжества и одиночества, готовились начать новое существованіе. Эти измѣненія послѣдовали за событіемъ, имѣвшимъ громадное значеніе для черногорскаго князя. Мы говоримъ о путешествіи князя Николая и долгомъ пребываніи его въ Петербургѣ.

ГЛАВА XI.

Улучшенія и преобразованія въ княжествѣ.—Характеръ и образъ жизни князя Николая.—Князь поэтъ.—Князь легко удовлетворенный.—Безмятежная шалка.

Полное изложеніе улучшеній, ознаменовавшихъ послѣдніе годы царствованія князя Николая, повели бы къ повтореніямъ, которыхъ мы избѣгаемъ; поэтому мы оставимъ до слѣдующихъ главъ подробный разборъ преобразованій, совершенныхъ въ Черногоріи въ правительствѣ, войскѣ и во всѣхъ отрасляхъ управленія страной. Теперь займемся описаніемъ того человѣка, который въ настоящее время управляетъ Черногоріей. Вслѣдствіе безграничной власти, которою онъ пользуется, положеніе его въ княжествѣ легче опредѣлить, нежели его отношенія къ другимъ государствамъ. Такая власть не только номинальная, но и дѣйствительная требуетъ отъ того, кто ею

пользуется, много осторожности, энергии, проницательности и настойчивости.

Англичанка, посѣтившая въ 1863 году Черногорію, такъ описываетъ наружность князя Николая, тогда только что вступившаго на престолъ: «Онъ необыкновенно красивъ, кажется старше своихъ лѣтъ, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ». Не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ, описаніе это еще вѣрно. Можно сказать, безъ преувеличенія, что черногорскій князь въ полномъ смыслѣ слова красивый мужчина, который и теперь кажется старше своихъ лѣтъ. Излишняя простота отчасти вредитъ его изящной наружности; но такъ какъ крѣпкое тѣлосложеніе и сила высоко прѣнятся горцами, то въ этомъ отношеніи князь Николай I служитъ типомъ совершенной красоты. У него густые, черные волосы. Длинные бабенбарды *), которые онъ одинъ носитъ въ княжествѣ и густые усы, придаютъ его лицу выраженіе энергии и хитрости. Его черные, живые, блестящіе глаза имѣютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, магнетическую силу и проницательность, что придаетъ много жизни его лицу. У него низкій лобъ, заросшій волосами, густыя брови, прямой носъ, красивый улыбающійся ротъ **), прекрасные зубы, мускулистая шея, широкая грудь, стройный станъ, сильныя руки, какъ у человѣка упражнявшагося въ борьбѣ; большія крѣпкія ноги, какъ у истаго черногорца. Голосъ его, въ обыкновенномъ разговорѣ звучный и пріятный, становится грубымъ и рѣзкимъ, когда онъ обращается къ народу. Движенія его непринужденны, жесты выразительны, походка немноготеатральна, вслѣдствіи ежедневнаго присутствія на торжествахъ, въ обществѣ напыщенныхъ людей. Хотя онъ безъ затрудненія говоритъ на собраніяхъ, однако не отличается краснорѣчіемъ, свойственнымъ его народу. Его рѣчь рѣзка и сжата. Онъ охотнѣе всего излагаетъ свою мысль медленно въ видѣ обдуманыхъ вопросовъ, зная, что каждое слово его будетъ перетолковано слушателями и, переходя изъ устъ въ уста, превратится въ событіе. Вслѣдствіе нервно-сангвиническаго темперамента, въ немъ развиты сильныя страсти и чувствительность, которую онъ рѣдко выказываетъ, боясь быть заподозрѣннымъ въ слабости. Если первыя побужденія бываютъ искренни, то хорошія послѣдствія ихъ заглушаются разсудительностію. Черногорецъ, переселенный на нѣкоторое время за границу, не измѣняется отъ сношенія съ иностранцами, у которыхъ онъ заимствуетъ достаточно опытности для опредѣленія своего собственнаго характера и врожденныхъ наклонностей, съ тѣмъ чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ подавлять ихъ, а въ другихъ извлекать изъ нихъ пользу. Вотъ почему такъ трудно опредѣлить послѣдовательность политическихъ дѣйствій правителя Черногоріи, объяснить себѣ его поведение въ затрудни-

*) Черногорцы носятъ усы и длинныя, ниспадающіе до плечъ волосы.

***) У него широкий открытый лобъ, волосы и глаза почти черные, кроткое не много грустное выраженіе его лица, часто оживляется пріятной улыбкой.

тельныхъ обстоятельствахъ и постигнуть его намѣренія, вслѣдствіе разнорасія его словъ и поступковъ; это сфинксъ Киферона, ожидающій своего Эдипа! Если для обыкновеннаго человѣка ровность характера, способствуя общительности, представляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ, то для того, кто долженъ, какъ глава страны, подавать примѣръ другимъ, это качество становится обязательнымъ. Оно служитъ одновременно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ государя, недоступнаго мимолетнымъ увлеченіямъ, который, благодаря непреклонной воли, умѣетъ владѣть собою во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ этомъ отношеніи Николай I стоитъ ниже дяди своего Даниила. Вслѣдствіи впечатлительности своего характера и необузданности права, онъ непостояненъ, какъ въ сужденіяхъ о людяхъ и вещахъ, такъ и въ своемъ обращеніи. Ревностно предпринимая какое нибудь дѣло, онъ теряетъ энергію при неудачѣ. Поддаваясь минутному впечатлѣнію и, находя оправданіе въ неограниченной власти, онъ не терпитъ и не допускаетъ сопротивленія. Такое самообольщеніе въ сужденіяхъ, боязнь уронить свое достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе повелѣвать, естественно порождаетъ тотъ недостатокъ, о которомъ, Магивель, предостерегая своего государя, говоритъ: «Я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ важномъ недостаткѣ, избѣгнуть котораго для властелина трудно, особенно если онъ не довольно разсудителенъ и проницателенъ—я разумью льстецовъ. Вслѣдствіе самолюбія люди до такой степени заблуждаются, что они едва могутъ избѣгнуть этой заразы и, желая избавиться отъ нея, легко подвергаются презрѣнію другихъ».

Но какимъ образомъ черногорскій князь можетъ избѣгнуть опасности, которой добровольно подвергается всякое значительное лицо? Какимъ образомъ народъ, мѣсть котораго не знаетъ границъ, можетъ убѣдиться въ томъ, что онъ не оскорбитъ своего властелина, говоря ему правду, которую онъ не сумѣетъ отличить отъ полнаго неуваженія. Вслѣдствіе этого Николай долженъ бы стараться возвышать людей, извѣстныхъ своею мудростью, осторожностію и вмѣстѣ съ тѣмъ независимостію характера. Онъ обязанъ предупреждать, не поощряя, существующее между членами совѣта соперничество и взаимное недовѣріе, единственное качество которыхъ состоитъ въ низкихъ наговорахъ и преступныхъ доносахъ, причемъ общественные интересы всегда приносятся въ жертву личной ненависти. Правительственная аксіома «разъединять, чтобы властвовать», въ политическомъ отношеніи имѣетъ смыслъ, но приближенныхъ государя должно соединять общее чувство преданности къ своему повелителю и государству; имѣя притомъ одну общую цѣль—благо страны,—двойное средство, для достиженія котораго они должны жертвовать личными страстями и уважать истину. Увеличивая число партій, всего легче управлять ими. Но можно ли искать совѣта у завистливыхъ людей? Притомъ чувство собственного достоинства обязываетъ

государя возвышать и облагораживать характеръ, окружающихъ его людей, не давая имъ унижаться до измѣны. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ подвергнуться вліянію своихъ приверженцевъ. «Кромѣ того», говоритъ Фенелонъ, «это ставитъ людей въ зависимость отъ доносчиковъ, низкаго, хитраго отродья, вредящаго самымъ невѣрнымъ дѣламъ, преувеличивающаго незначительныя и готоваго скорѣе изобрѣсть зло, нежели перестать вредить. Они, для корыстныхъ цѣлей, употребляютъ во зло любопытство и подозрительность слабаго, недовѣрливаго князя *)».

Принужденный поддерживать уваженіе къ своей личности, посредствомъ внѣшней обстановки, дѣйствующей на воображеніе, и сохранять признаки своей власти самодержавной формой, князь Николай, подобно правителямъ первобытныхъ государствъ, лично принимаетъ жалобы своихъ подданныхъ и находится въ постоянномъ сношеніи съ самыми послѣдними изъ нихъ. Поэтому большая часть времени проходитъ въ открытыхъ приемахъ, гдѣ всякій можетъ лично защищать свои права. Это новое судопроизводство совершенно лишено формальностей. Часто, въ послѣднихъ случаяхъ, мѣстомъ собранія служитъ Петинская площадь, гдѣ высокое тутовое дерево, подъ тѣнью котораго собирается ареопагъ, было свидѣтелемъ столькихъ же приговоровъ, какъ и сенатъ Черногоріи **).

Въ жизни черногорскаго князя нѣтъ тѣхъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ дѣлъ и занятій, присущихъ обыкновенному государю. Послѣдній пользуется приемами, спектаклемъ, празднествами, придворнымъ этикетомъ. Первый ведетъ суровый образъ жизни горцевъ, привираетъ роскошъ, изысканность, изысканность пищи, скучаетъ однообразіемъ, радуется неожиданностямъ, и находитъ величайшее счастье въ полудикой свободѣ. Князь Николай встаетъ обыкновенно довольно поздно и тотчасъ же отправляется въ сенатъ. Тамъ онъ самостоятельно занимается дѣлами среди шума, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не слыхавъ его, или же принимаетъ участіе въ преніяхъ верховнаго судилища. Если разбирается какое нибудь уголовное дѣло, то онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ его, допрашиваетъ обвиняемыхъ и свидѣтелей и, при случаѣ, становится защитникомъ подсудимаго. За тѣмъ князь, въ сопровожденіи стражи, прогуливается

*) Телемакъ, книга XVIII.

**) Такой легкій доступъ послѣдняго изъ поданныхъ къ государю во многихъ случаяхъ способствуетъ нарушенію справедливости и можетъ даже вредить уваженію, которое заслуживаетъ рѣшеніе сената. Припомнимъ по этому поводу слова Ментора къ Идомею: «Рѣшайте вопросы касающіеся общихъ правилъ судопроизводства и законодѣнія и не берите на себя рѣшенія частныхъ дѣлъ, иначе вамъ придется ихъ разбирать въ огромномъ количествѣ и сдѣлаться единственнымъ судьей всего народа, такъ что всѣ остальные подвластные вамъ судьи будутъ безпомощны. Вы будете завалены ничтожными дѣлами, такъ что важныя ускользнутъ отъ вашего вниманія. И такъ, остерегайтесь попасть въ такое затрудненіе, предоставьте разбирательство частныхъ дѣлъ обыкновеннымъ судьямъ. Дѣлайте только то, въ чемъ никто не можетъ помочь вамъ, тогда вы будете исполнять настоящую обязанность государя.»

но своей столицѣ, дозволяя многочисленнымъ просителямъ, ожидающимъ его на пути, подавать ему прошенія. Эти просители, люди большею частію пришедшіе издалека, боясь апеллировать въ сенатъ на рѣшенія уѣздныхъ судовъ, обращаются къ правосудію или милосердію государя. Нерѣдко князь съ своей свитой останавливается предъ общественнымъ колодцемъ и, окруженный толпой, подобно Людовигу IX подъ венсенскимъ дубомъ, благосклонно выслушиваетъ безконечныя жалобы просителей.

На непродолжительномъ семейномъ обѣдѣ, въ полдень, всегда присутствуютъ мать и сестра князя, мужъ послѣдней и отецъ княгини Милены во время своего пребыванія въ Цетиньѣ. Затѣмъ слѣдуетъ отдыхъ, который продолжается до трехъ или четырехъ часовъ. Тогда, смотря по погодѣ, князь, одинъ или въ обществѣ сенаторовъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, верхомъ совершаетъ прогулку по Цетинской равнинѣ. Здѣсь происходятъ ристалища, скачки съ препятствіями, восхожденія на крутыя холмы, гдѣ Черногорскій конь выказываетъ силу своихъ ногъ. Николой I находитъ удовольствіе въ этихъ опасныхъ шумныхъ играхъ, которыя, сопровождаясь криками и выстрѣлами, напоминаютъ въ нѣкоторомъ родѣ игры дикихъ арабовъ. Къ вечеру князь опять выходитъ на площадь столицы, оживленную появленіемъ людей, возвращающихся изъ Рѣченской и Катарской нахій. Здѣсь можно замѣтить группы праздныхъ черногорцевъ, которые съ чубукомъ во рту, выставляютъ на показъ величіе своей особы, блескъ оружія, богатую отдѣлку одежды. Въ это время Цетинья представляетъ для иностранца прекрасное зрѣлище. До тѣхъ поръ, пока встрѣча съ дѣйствительностью не изгладитъ пріятное впечатлѣніе произведенное имъ, столица Черногоріи, имѣющая восточный характеръ, оставляетъ самое пріятное воспоминаніе.

Послѣ вечерней трапезы, князь, какъ истый черногорецъ, предоставляетъ женщинамъ гостинныя дворца, а самъ отправляется въ нижнюю залу, куда вскорѣ собираются сенаторы и другія важныя лица Цетиньи, а также иностранцы, приглашенные присутствовать на этомъ собраніи, называемомъ «сѣдникомъ». Съ этой минуты настаютъ для князя самыя пріятныя дни, особенно зимою у очага, гдѣ весело трещитъ огонь, среди воиновъ, которые почтительно ожидаютъ вопросовъ государя, чтобы возвысить свой голосъ; князь обращается къ одному съ привѣтомъ, къ другому съ вопросомъ. Съ одними толкуетъ о городскихъ новостяхъ, другихъ разспрашиваетъ о томъ, что дѣлается въ отдаленныхъ уѣздахъ. Такимъ образомъ, въ часъ времени, онъ узнаетъ болѣе, нежели узналъ бы изъ самыхъ подробныхъ корреспонденцій. Кромѣ того слова каждаго, обсуждаемыми присутствующими, даютъ возможность узнать истину. Изъ этихъ разговоровъ, замѣняющихъ собою рапорты, онъ узнаетъ все, что касается интересовъ областей, а именно: полученные доходы, понесенныя утраты, урожаи и даже случаи, касающіеся частныхъ лицъ.

Такая бесѣда напоминаетъ средніе вѣка, когда владѣлецъ замка, не боясь уронить свое достоинство, садился близь очага, чтобы выслушивать разказы своихъ подчиненныхъ. Князь сообщаетъ собранію главныя событія европейской политики, стараясь въ тоже время уяснить своимъ понятливымъ и проникательнымъ слушателямъ, лишеннымъ научнаго образованія, современныя открытія и ихъ вліяніе на прогрессъ общества. Затѣмъ охотно припоминають эпизоды изъ исторіи сербовъ или нѣкоторыя событія изъ послѣднихъ войнъ. Если въ собраніи находится одинъ изъ славныхъ вождей, то онъ, по настоянію князя, рассказываетъ, про какую нибудь битву, въ которой принималъ участіе. Бесѣда не обходится безъ пѣвца, который поетъ, при звукахъ гуслей, народныя пѣсни, отъ которыхъ бьются сердца присутствующихъ. Онъ перечисляетъ героевъ, погибшихъ за царя Лазаря на Коссовомъ полѣ, проклинаетъ измѣнника Бранковича и повѣствуетъ о томъ, какъ храбрый Милошъ, поразивъ султана Мурада, три раза, прежде чѣмъ погибнуть, избѣгалъ преслѣдованій. Онъ воспѣваетъ битву при Круссѣ; взятіе въ плѣнъ Кара Махмуда, обезглавленнаго съ 26-ю предводителями и 3000 солдатъ, причѣмъ пятнадцать знаменъ достались черногорцамъ. Самъ князь нерѣдко принимаетъ участіе въ пѣніи и, подражая бардамъ Черногоріи, поетъ то, что ему внушаетъ народная поэзія.

Возвратимся однако къ княжеской бесѣдѣ, гдѣ время проходитъ быстрѣе и пріятнѣе, нежели на великолѣпныхъ придворныхъ собраніяхъ. Простыя бесѣды князя съ подданными поддерживаютъ въ сердцахъ горцевъ любовь къ отечеству и государю, возвышаютъ въ ихъ собственныхъ глазахъ людей разныхъ сословій, участвующихъ въ нихъ и сливаютъ въ одно общее чувство преданности къ отечеству всѣ сословія, которыя предъ княземъ пользуются всѣми преимуществами равенства.

Николай I-й заклятый врагъ принужденности и этикета, избѣгаетъ, при первой возможности, придворныхъ представленій, удаляясь въ лѣсъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ не способенъ къ усидчивымъ занятіямъ и продолжительному чтенію и только слегка просматриваетъ обзорнія, журналы и книги, которыя ему доставляютъ. Въ этомъ явномъ презрѣніи къ умственному труду, какъ будто проявляются слова, сказанныя Людовикомъ XIV-мъ герцогу Вивонну: «Къ чему служить чтеніе?» Онъ главнымъ образомъ стремится къ жизни свободной отъ всякаго принужденія, предпочитаетъ охоту, рыбную ловлю, путешествіе, сношеніе съ толпой готовой во всякое время дня собраться вокругъ него.

Нѣсколько дней послѣ возвращенія Николая I-го изъ Россіи, мы всѣ отправились на Черновицкую рѣчку, на большую ловлю скоранцевъ, при которой князь ежегодно присутствуетъ. По окончаніи замѣчательной ловли, наполнившей тридцать барокъ, мы присоединились къ князю въ хижинѣ рыболововъ, гдѣ насъ ожидалъ скромный завтракъ,

состоявшій преимущественно изъ рыбы. Хижина, прислоненная къ скалѣ и построенная изъ камней, была завалена сушеными скорлупами, распространявшими удущливый запахъ, тѣмъ болѣе, что единственной тягой служила небольшая дверь недостаточная для свѣта. Его замѣняли огонь, среди дыма котораго мы исчезали. Освѣщеніе составляла зажженная вѣтка смолистаго дерева, которую старуха держала въ рукахъ. Мы перенесли взоры съ этой жалкой обстановки на молодаго предводителя черногорцевъ, шапка котораго, украшенная брилліантами, блистала въ полумракѣ, и не могли не выразить князю наше удивленіе и восторгъ при видѣ той простоты и неприужденности, съ которой онъ принималъ гостепріимство въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ, распространяя вокругъ себя веселость. «Какъ вы ошибаетесь» отвѣчалъ онъ съ живостью, «я здѣсь чувствую себя болѣе счастливымъ, нежели среди великолѣпнй дворца въ Петербургѣ!

Черногорскій народъ, виновный, такъ сказать, въ избыткѣ лести и покорности, въ отношеніи своего князя, поставилъ себя независимо въ умственномъ отношеніи. Изъ этого можно вывести нелестное заключеніе относительно искренности похвалъ. Одна легенда повѣствуетъ: «Однажды горецъ изъ дальней области, желая возвратится въ Цетинью, но не имѣя порядочной шапки, отправился къ сосѣду и попросилъ одолжить ему шапку. «А на что она тебѣ?» сказалъ ему послѣдній, «у тебя хорошій кушакъ, сдѣлай изъ него тюрбанъ для дороги, а когда ты придешь къ церкви Влашка *), ты снова долженъ подпоясаться; на что тебѣ тогда шапка, которую ты не можешь надѣть».

Слѣдуетъ-ли наконецъ упоминать о томъ, что произойдетъ съ Николаемъ I-ымъ, если возникнетъодно изъ тѣхъ столкновеній между Черногоріей и Турціей, вторыми постоянно угрожаютъ? Безъ сомнѣнія, сынъ Мирко выказалъ бы храбрость достойную своего отца. Вся Черногорія вполне довѣряется своему предводителю. Во время войны 1862 г. князь былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы принять въ ней серьезное участіе. Но съ тѣхъ поръ онъ показалъ во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ столько энергіи, что народъ можетъ смѣло надѣяться увидать подъ его управленіемъ славные дни Черногоріи. Впрочемъ, Черногорія должна искать свое спасеніе не въ правильныхъ битвахъ, но во внезапныхъ нападеніяхъ и засадахъ, всегда готовыхъ обнаружится. Такимъ образомъ личная храбрость, необузданная смѣлость, и рыцарская преданность, исчезая ежедневно все болѣе и болѣе, найдеть себѣ послѣднее убѣжище въ Черногоріи и будетъ составлять величайшую добродѣтель черногорцевъ и ихъ князя. Если Николай I не отречется отъ отеческихъ преданій, быть можетъ настанетъ день, когда народъ съ гордостью увидитъ его съ мечемъ въ рукѣ, пролагающимъ дорогу въ рядахъ враговъ, среди натиска турокъ и татаръ, подобно Карлу XII-му при

*) Находящаяся при входѣ въ Цетинью.

Варницѣ. Этотъ легендарный герой, о которомъ мы только что упомянули, есть одинъ изъ любимыхъ героевъ Николая I-го. Онъ ставитъ выше всего чудесную судьбу его.

ГЛАВА XII

Правительство Черногоріи.—Внутренняя и вѣншия политика.—Гражданскій бюджетъ князя (liste civile).—Сенатъ.—Первое министерство.—Религія.—Владыки.—Сщеники.—Богословія.—Просвѣщеніе.—Женскій институтъ.

Безграничное пользованіе гражданскимъ, религіознымъ и военнымъ правомъ и таинственнымъ обяніемъ, свойственнымъ теократіи, придало, узкой, юрисдикціи черногорскаго владыки величіе и неоспоримую власть надъ людьми, увлеченными пылкимъ религіознымъ чувствомъ и любовью къ отечеству. Поочередно, исполни обязанности правителя, предводителя или первосвященника, каждый изъ этихъ начальниковъ олицетворяетъ собою цѣлую эпоху въ исторіи страны; онъ вдохновлялъ всѣ дѣйствія, руководилъ предпріятіями и опредѣлялъ успѣхъ. Гражданское самодержавіе, въ лицѣ Даниила I, замѣнило эту тройную власть. Черногорское правительство, превратившись изъ духовнаго въ свѣтское, думало утвердить свое существованіе и независимость, добровольно усвоивъ болѣе современную форму правленія. Но можно ли считать такой рѣзкій переходъ дѣйствительнымъ успѣхомъ для страны? Это докажетъ будущее. Однако, до настоящаго времени, черногорцамъ, повидимому, не принесло особой пользы освобожденіе отъ теократіи, подъ управленіемъ которой они совершили такіе сверхестественные подвиги и сохранили неприкосновенною свою свободу.

Измѣненное княземъ Данииломъ I въ 1851 г. и племянникомъ его Николаемъ I въ 1860 г., черногорское правительство, представляетъ неограниченную монархію, наследственную въ мужскомъ поколѣніи *) рода Петровичей Негошей. Не смотря на многократныя притязанія Высокой Порты, глава Черногоріи отвергаетъ верховную

*) Семейство Негошей или Негоши родомъ изъ Герцеговины, которую родоначальникъ его покинулъ въ 16 столѣтіи и поселился у подножія Ловшена, въ незаселенномъ округѣ Катунской нахіи, которую онъ назвалъ Негуши, въ память своей родины (гора Негуши въ Герцеговинѣ). У него было два сына Ерачь и Роньчъ, ставшіе родоначальниками двухъ могущественныхъ семействъ. Въ 1697-мъ г. потомокъ Ерача, Петровичъ Негошъ, избранный владыкой подъ именемъ Даниила, присвоилъ своему семейству право наследства и основалъ такимъ образомъ династію нынѣ царствующую въ Черногоріи. Такъ какъ владыки были обречены къ безбрачію, то архіерей выбиралъ себѣ пріемника изъ числа своихъ племянниковъ. Роньчъ былъ родственникомъ Радоницей, которые исправляли должность гражданскихъ правителей во времена прежнихъ владыкъ.

Радоници потомки прежнихъ гражданскихъ правителей Черногоріи, находятся въ настоящее время въ Катаро. Эта отрасль царствующаго дома исчезла въ

власть Турціи и царствуетъ вполнѣ независимо. Онъ называется княземъ или господаремъ Черногоріи и Берды. На основаніи указа, изданнаго Даниломъ I, его особа неприкосновенна и священна. До настоящаго времени онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть политическую, правительственную, судебную и военную. Недавнее же учрежденіе министерства частію имѣнило безграничную власть и безконтрольность дѣйствія господаря. Этотъ послѣдній не нуждается въ подтвержденіи своихъ правъ ни въ кругу знатныхъ особъ, ни въ народѣ, такъ какъ никто не осмѣлится оказать сопротивленіе уважаемому начальнику, въ лицѣ котораго видятъ преемника св. владыки. Какая самодержавная власть можетъ сравниться съ властью князя, который, недовольствуясь всѣмъ повелѣвать, получалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ церковныя и государственныя доходы и, расплатившись съ своими чиновниками, имѣлъ право безконтрольно располагать средствами народа. Ничего не могло быть проще такихъ правительственныхъ распоряженій внутри страны, прямого сношенія князя съ чиновниками и его ежедневныхъ разговоровъ съ послѣдними изъ нихъ. Исключая народныхъ собраній (скупчинъ), происходившихъ въ важныхъ случаяхъ, (напр: когда требовалось измѣненіе въ конституціи) не было присутственнаго мѣста для обсужденія законовъ, которые самъ государь, почти одновременно, придумывалъ, предлагалъ и издавалъ; не было министровъ, съ которыми онъ могъ бы посоветоваться, такъ какъ особы, исправляющіе высшія должности, люди большею частію весьма преданные, не осмѣлились бы противорѣчить рѣшеніямъ господаря. Здѣсь не существовало такихъ многосложныхъ управленій, гдѣ бездѣйствіе служащихъ равняется ихъ бесполезности; нѣтъ доходныхъ предпріятій, поглощающихъ налоги, подъ предлогомъ болѣе удобнаго сбора. Никогда должностное лицо не пользуется своей безсмѣнностью, всѣ повинуются безусловно; можно сказать, что вся страна служитъ выраженіемъ воли князя. Наконецъ этотъ послѣдній, легко вступая въ сношенія съ людьми различныхъ сословій, принимая ихъ просьбы и при случаѣ благопріятствуя имъ, является какъ бы посредникомъ между вельможами и народомъ и достигаетъ того важнаго преимущества, что поддерживаетъ народъ вельможами, а этихъ послѣднихъ народомъ. Легко возникающее, вслѣдствіе этого соперничество, могло бы утвердить деспотическую власть, уважать и поддерживать которую выгодно какъ тѣмъ, такъ и другимъ; въ этому какъ нельзя болѣе подходить слѣдующее правило Макіавеля: «Мудрый князь долженъ по-

Черной горѣ, а Радоничъ изъ Цетиньи имѣютъ другое происхожденіе. Это послѣднее семейство, глава котораго, Иво Радоничъ, былъ убитъ въ началѣ 1874 года, породнилось съ царствующимъ домомъ, вслѣдствіе женитьбы Радонича на одной изъ сестеръ Даниила I. Оба Радоничи сыновья Иво, Станко и Стефанъ, двоюродные братья князя Николая I, тогда какъ Вождаръ Петровичъ, о которомъ будетъ сказано ниже, приходится ему троюроднымъ братомъ.

ступать такъ, чтобы подданные его всегда нуждались въ немъ; это единственное средство, которымъ онъ можетъ заслужить ихъ преданность).

Однако постоянно возникающія затрудненія вишней политики часто прерываютъ спокойствіе, которымъ пользуется внутри страны глава Черногоріи. Съ одной стороны недовѣрчивая Турція, будучи не въ состояніи подчинить этого мнимаго вассала, относитъ малѣйшія смуты, происходящія въ сосѣднихъ областяхъ Черногоріи, прояскамъ и дѣйствіямъ этой послѣдней. Завидуя вліянію, воспоминавше о которомъ не изгладилось, Австрія, съ другой стороны, какъ бы предвидитъ то время, когда горцы, покинувъ свои утесы, нападутъ на всѣ приморья и устья и подадутъ руку помощи народамъ, жаждущимъ освободиться отъ древняго ига *).

Мы понимаемъ непріятное и опасное положеніе князя, который, имѣя дѣло съ національною ненавистью и тщеславнымъ стремленіемъ своего народа, не можетъ принять сторону ни той, ни другой державы, такъ какъ первая всегда была и будетъ смертельнымъ врагомъ черногорцевъ, а вторая возбуждаетъ въ нихъ недовѣріе.

Относясь враждебно ко всякаго рода стѣсненіямъ, князь Николай не въ состояніи подчиниться, въ качествѣ главы государства, правильному распредѣленію времени и принимать въ опредѣленные часы свой совѣтъ, адъютантовъ, секретарей. Часы дня и ночи для него безразличны; часто ночью онъ обсуждаетъ дѣло, которое обдумывалъ въ теченіи дня.

Въ дополненіе скажемъ о главѣ черногорскаго правительства, что вслѣдствіе реформъ; произведенныхъ конституціей 1868 г., содержаніе князя было ограничено 6000-ми австрійскихъ дукатовъ (70,500 франковъ), изъ числа которыхъ онъ долженъ былъ вычестъ на жалованіе извѣстнаго числа чиновниковъ. Но съ 1869 года государство приняло на себя этотъ расходъ съ цѣлію предоставить въ полное распоряженіе князя, назначенное его семейству содержаніе.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ непосредственно за властью господара слѣдовала власть сената (совѣтъ), основаннаго владыкой Петромъ II-мъ въ 1831-мъ году. Пораженный злоупотребленіями, которыя влекла за собою совершенная независимость частныхъ судищъ, и слишкомъ большимъ значеніемъ, прибрѣтенымъ нѣкоторыми начальниками, пользовавшимися вдали отъ господара безконтрольной, неспоримой властію, Петръ II-ой придумалъ соединить всю власть въ одно законодательное собраніе, дѣйствія котораго онъ могъ бы повѣрять. Такимъ образомъ былъ основанъ сенатъ, состоявшій пер-

*) Роберъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: Австрія опасается потерять Катаро, которую черногорцы считаютъ наслѣдіемъ своихъ предковъ, хотя въ 1443-мъ году утратили на нее право. Безъ сомнѣнія и жителямъ Черногоріи непріятно видѣть, омываемую морскими волнами гору, которую они не могутъ обладать, отличающуюся богатствомъ прибрежныхъ странъ Адриатики; изобилующихъ финиками, апельсинами, виноградниками и оливками. (Восточные славяне).

воначально изъ пресѣдателя и двѣнадцати членовъ; онъ напоминаетъ собою палату перовъ и имѣлъ двойное назначеніе: обсуждать законы, подвергая ихъ утвержденію народа, и разбирать по апелляціи въ послѣдней инстанціи дѣла земскія, а также дѣла, рѣшенныя въ частныхъ судахъ. При учрежденіи этого верховнаго судилища народу было предоставлено право избранія совѣтниковъ, которое утверждалось владыкой. Впослѣдствіи отступили отъ этого обычая и при Данилѣ, какъ и теперь, назначеніе сенаторовъ вполне зависитъ отъ господаря. Кромѣ того Данило, встрѣтивъ въ сенатѣ противодѣйствіе, самовластно отнесся къ рѣшенію сенаторовъ, которые съ того времени отказались сопротивляться его распоряженіямъ. Въ настоящее время сенатъ рѣшаетъ только судебныя дѣла; что же касается политическихъ вопросовъ, то совѣту объявляется только рѣшеніе ихъ. На основаніи конституціи 1868-го князь не обязанъ давать отчета въ дѣлахъ виѣшней политики. При основаніи сената двѣнадцать членовъ его получали содержаніе въ 100 флориновъ каждый, которое съ тѣхъ поръ увеличилось. Въ настоящее время жалованіе шестнадцати сенаторовъ распредѣлено слѣдующимъ образомъ.

Президентъ получаетъ 3500 франковъ, вице-президентъ 3000 франковъ.

Каждый изъ 5 сенаторовъ въ Цетиньи по 1500 франковъ.

9 сенаторовъ, не живущихъ въ столицѣ, но засѣдающіе ежегодно въ теченіи 3 мѣсяцевъ, получаютъ по 750 франковъ.

Число сенаторовъ, какъ видно, увеличилось тремя. Между ними находится вице-президентъ, котораго прежде также не было.

Что касается умѣренности ихъ содержанія, то оно зависитъ отъ незначительныхъ средствъ финансоваго бюджета. Каково бы ни было жалованье этихъ сановниковъ, однако нельзя обвинить ихъ въ томъ, что они пользуются трудами народа. Путешественники, которымъ удалось видѣть черногорскій ареопагъ, во время исполненія его обязанностей, сохранили пріятное воспоминаніе объ этомъ сенатѣ. По словамъ г-на Ленорманъ онъ напоминаетъ совѣтъ отцовъ и изгнанниковъ въ одеждѣ изъ звѣреныхъ шкуръ, которыхъ Ромулъ собиралъ у подошвы горы Палатина. Онъ говоритъ: «Эти собранія происходятъ въ Цетиньѣ, въ низкомъ, покрытомъ соломой зданіи, имѣющимъ видъ сарая и раздѣленномъ внутри на двѣ половины. Одна изъ нихъ служитъ конюшнею для ословъ и муловъ, на которыхъ пріѣзжаютъ сенаторы изъ селеній; въ другой половинѣ происходятъ пренія. Мебель замѣняетъ длинный коверъ, каменная скамья, прислоненная къ стѣнѣ, и нѣсколько стульевъ, стоящихъ у очага, гдѣ зимой пылаетъ огонь. Здѣсь садятся сенаторы, сложивъ съ себя тяжелое оружіе и оставивъ у пояса только пистолеть и кинжалъ. Пуская клубы дыма, они разсуждаютъ и слушаютъ чтеніе официальныхъ дѣлъ, о которыхъ докладываетъ секретарь князя.

«Во время присутствія князя въ засѣданіи, онъ садится около дру-

гихъ на каменную скамью, куда въ знакъ отличія кладутъ подушку или шерстяной мѣшокъ. Выводы преній вылагаются во время засѣданій письменно секретаремъ, столицемъ, по турецкому обычаю, на колѣнахъ.

«Если пренія продолжаются долѣе обѣденнаго часа, то въ залѣ засѣданія жарятъ барана, котораго сенаторы ѣдятъ, не прерывая хода дѣлъ» *). Это описаніе вѣрное относительно первыхъ лѣтъ царствованія Данилы, представляетъ въ настоящее время собраніе, на которомъ предсѣдательствуетъ князь, когда онъ, во время своихъ путешествій, занимается судопроизводствомъ, окруженный сенаторами и другими сопровождающими его лицами. Данило помѣстилъ сенатъ во флигель зданія, построеннаго имъ около дворца Петра II-го. Такимъ образомъ онъ могъ слышать изъ своихъ покоевъ шумныя пренія собранія и тяжбы кліентовъ. Когда князь Николай назначилъ дворецъ для помѣщенія семинаріи и школы дѣвицъ, совѣтъ былъ переведенъ въ находящійся противъ дворца домъ, нижній этажъ котораго служитъ гауптвахтой (кабадагіе). Наконецъ въ 1873 г. сенатъ снова занялъ свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ Петра II. Однако верховное судилище только немногимъ отступило отъ первоначальной простоты, представленной нами выше. Зала засѣданія, выѣленная известью, бѣлая деревянная рѣшетка предъ судилищемъ, старый столъ, у котораго засѣдаютъ судьи и помѣщается кресло президента, не можетъ показаться сенаторскимъ совѣтомъ иностранцу, находящемуся въ первый разъ собраніи этихъ вооруженныхъ людей.

Данило всегда старался удержать власть надъ сенатомъ, и Николай I также не хотѣлъ допустить сенатъ до полнаго освобожденія. Предсѣдательство, дарованное отцу его Мирю превратило сенатъ въ безгласное орудіе, которое приводилось въ движеніе дѣятельностію энергичнаго брата Данилы. По смерти Мирю въ 1867 году осталась свободною должность, на которую опасно было опредѣлить савонника, способнаго къ сопротивленію. Вслѣдствіе этого Николай I воспользовался возвращеніемъ въ Черногорію двоюроднаго брата Божидара Петровича, окончившаго образованіе свое во Франціи и назначилъ президентомъ сената этого молодаго человѣка, почти еще ребенка, совершенно незнакомаго съ дѣлами страны, вслѣдствіе своего десятилѣтняго отсутствія. Должность вице-президента, ввѣренная Петру Степановичу Вукотичу, отчиму князя, окончательно подавило свободу дѣйствій сената. Петръ Степановичъ человѣкъ, пользующійся громаднымъ вліяніемъ, знаменитый и всѣми уважаемый воинъ, употребилъ въ пользу зятя свои блестящія способности, которыя возвели его въ число главныхъ представителей Черногоріи.

До конца 1873 года сенатъ, занимая второстепенную роль, все-

*) Ленорманъ. Турки и Черногорцы.

такимъ сохранялъ право считать себя первымъ учрежденіемъ государства. Въ это время основаніе министерства, осуществившаго мечту Николая I, оспариваемое разсудительными людьми, которые выражали свое мнѣніе по этому поводу, окончательно возбудило негодованіе лицъ, болѣе благопріятствующихъ рутинѣ, нежели блестящимъ правительственнымъ нововведеніямъ. Въ 1874 году страна избрала ложное, преждевременное направленіе; безъ всякихъ видимыхъ причинъ, кромѣ желанія главы Черногоріи. коставить между собою и сенатомъ преграду, которую всегда было бы возможно противопоставить послѣднему и для возбужденія соперничества было учреждено министерство. Прибавимъ, что выборъ сановниковъ, не соображался съ ихъ личными качествами, предоставлялъ каждому изъ нихъ преимуществва, не соотвѣтствующія ихъ способностямъ. При этомъ учрежденіи, даже не забыли устроить канцелярію, которая менѣе другихъ была необходима.

Въ числѣ правительственныхъ реформъ, ознаменовавшихъ эти послѣдніе годы; мы должны упомянуть объ опредѣленіи въ каждую область, въ 1871 году начальника, пользующагося довольно значительными правами какъ гражданскими, такъ и военными. Эти префекты, вмѣшиваются въ распри, происходящія на границахъ, но не усмиряютъ, а еще болѣе ожестчаютъ ихъ, придавая имъ большое значеніе въ глазахъ сосѣднихъ пашей и тѣмъ самымъ увеличивая отвѣтственность Цетинскаго правительства, подъ вліяніемъ котораго они повидимому дѣйствуютъ.

Рядомъ съ деспотическою властью господара, мы встрѣчаемъ силу духовенства, заимствующую изъ преданій прошлаго обаяніе, которое впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій окружало особу воинственныхъ іереевъ Черной горы.

Хотя со времени Петра II митрополитъ Черногоріи, Берды, Скутари и Приморья *) занималъ второстепенную роль, однако народъ искренно и глубоко уважаетъ этого сановника и остался бы доволенъ, если бы этотъ послѣдній продолжалъ принимать въ гражданскихъ дѣлахъ участіе, котораго его лишили. Но Данило и племянникъ его Николай не терпѣли вблизи себя соперничающей власти, съ которой имъ пришлось бы считаться. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы по возможности ограничить прерогативы митрополита. При вступленіи на престолъ князя Николая I, епископскую должность исправлялъ знаменитый человѣкъ, возведенный, въ настоящее время, русскимъ правительствомъ, въ высокій духовный санъ.

Съ свойственною ему проникательностію Мирко угадалъ затрудненіе, которое могло бы возникнуть на будущее время для его сына

*) Приморьемъ называется Адриатическое побережье между Каттаро и устьемъ Баяны. Оно составляетъ отдѣльную область, причисленную къ большимъ областямъ Сербскаго государства, которое изображается съ гербомъ на щитѣ Душана (пять держащая руку, вооруженную мечомъ). Убийца. Сербин и Турпин).

въ лицѣ человѣка, обладающаго силою ума и религіи. Владыко, нравственно обязанный оставить занимаемую имъ должность епископа, былъ принужденъ уѣхать изъ Черногоріи, уступивъ свое мѣсто неизвѣстному монаху, бывшему настоятелю Острожскаго монастыря, отличавшемуся простотой и добродѣтелями. Иларіонъ Рогоновичъ, посланный въ Москву въ 1863 г., для посвященія въ епископы Святѣйшимъ Синодомъ, вскорѣ возвратился, чтобы занять должность, исправляя которую онъ никому не могъ мѣшать. Къ чести его скажемъ, что онъ, удаляясь отъ гражданскихъ распрій, поселился въ старомъ Цетинскомъ монастырѣ, и въ продолженіи десяти лѣтъ, своимъ самоотверженіемъ, преданностію и милосердіемъ, выказывалъ себя достойнымъ того высокаго положенія, которое ранѣе его занимали Василій и Петръ I. Онъ представляетъ собой самаго почтеннаго, безпристрастнаго сановника, самаго искренняго друга черногорскаго народа. При владыкѣ Иларіонѣ находится архимандритъ Любичъ изъ Будуа, добросовѣстный и ученый человѣкъ, занимающій должность начальника семинаріи. Черногорскій владыка не получаетъ содержанія отъ правительства. Онъ имѣетъ 5000 франковъ, на свое личное содержаніе, изъ церковныхъ доходовъ, получаемыхъ съ аренды земель Цетинскаго и Острожскаго монастырей.

Эти доходы обеспечиваютъ совершеніе богослуженія, какъ въ церквахъ епископства, такъ и въ самыхъ бѣдныхъ монастыряхъ княжества.

Незначительное число монаховъ не въ состояніи населить почти необитаемые монастыри, гдѣ богослуженіе совершается обыкновенными священниками. Послѣдніе, число которыхъ доходитъ до 400, размножились въ странѣ и отличаются совершеннымъ невѣжествомъ; ихъ знаніе ограничивается чтеніемъ церковно-славянскихъ книгъ и совершеніемъ богослуженія. Ихъ болѣе отличаютъ по бородѣ, нежели по священнической одеждѣ, которую они часто не носятъ. Въ своихъ обязанностяхъ они имѣютъ обыкновеніе носить черногорскій костюмъ съ оружіемъ у пояса. Микевичъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Нерѣдко случается видѣть священника, содержащаго трактиръ, продающаго вино и играющаго на гусляхъ Священникъ ничѣмъ не отличается въ нравахъ, обычаяхъ и одѣяніи отъ черногорскаго крестьянина». Вѣроятно были важныя злоупотребленія, ибо приказъ, изданный владыкою, запретилъ въ 1864 году священникамъ, не состоящимъ на службѣ, носить священническую одежду и отпускать бороду.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ составъ духовенства былъ самый жалкій; невѣжество священниковъ соотвѣтствовало невѣжеству народа. Но послѣ путешествія князя Николая въ Россію, Государь пожертвовалъ капиталъ на учрежденіе семинаріи, для помѣщенія которой назначили часть строеній стараго дворца Петра II-го. Замѣчательный теологъ и литераторъ венгерецъ Миланъ Костичъ, основательно изучившій славянскій и нѣмецкій языки, прибылъ въ 1869 г. въ

Цетинью, чтобы вступить въ должность директора этого училища, во главѣ котораго онъ оставался впродолженіи трехъ лѣтъ. Отставленный отъ этой должности, вслѣдствіе важныхъ столкновеній, въ несчастію онъ оставилъ успѣшно начатое дѣло, и семинарія, не успѣвъ принести пользы, въ 1873 г. была переведена въ Острожскій монастырь, гдѣ она находится въ упадкѣ.

Большая часть небольшихъ церквей, построенныхъ по-одному образцу, отличаются крайнею бѣдностію. Богослужбные обряды сохраняются въ нихъ съ необыкновенною простотою. Черногорцы повидимому мало заботятся о богослуженіи, на которомъ они почти никогда не присутствуютъ. Трудно согласовать нѣкоторые наружныя выраженія благочестія, какъ напр: крестныя знаменія, молитвы, призываніе Богородицы и святыхъ, вѣтвы, посты, процессіи, почитаніе праздниковъ, однимъ словомъ всѣ внѣшнія проявленія горячей вѣры, — съ легкомысліемъ, готовымъ осмѣять предметы, достойныя уваженія.

Повторять слова Ленормана, «что Черногорія — страна пользующаяся большою свободою вѣроисповѣданія», значить утверждать ее равнодушіе къ религіи. Что касается правительства, то оно, покровительствуя исключительно православію, относится съ одинакимъ равнодушіемъ къ католикамъ и мусульманамъ и не легко согласилось бы на постройку въ княжествѣ католической церкви или мечети.

И такъ православіе составляетъ единственную религію княжества. Что касается немногихъ мусульманъ, населяющихъ границы Кучей и Васоевичей, то они принадлежатъ не столько албанскимъ и черногорскимъ, сколько независимымъ племенамъ, готовымъ оказать свое содѣйствіе всякому за большую плату.

Епископская церковь въ Цетиньѣ сохраняетъ нѣкоторый блескъ при совершеніи обрядовъ, возвышаемый присутствіемъ князя, его семейства, сенаторовъ и другихъ лицъ, присутствующихъ на большихъ праздникахъ. — Въ ризницѣ епархіи находится много богатыхъ украшеній, пожертвованныхъ, благодаря великодушію Россійскихъ Императоровъ и благочестію славянъ. Когда въ торжественные дни владыка облачается въ блестящія одежды, то ожидаешь услышать въ соборной церкви призывъ къ священной войнѣ, раздававшійся не разъ подъ сводами монастыря. — Согласно православному обряду, князь присутствуетъ стоя при самыхъ продолжительныхъ богослуженіяхъ, подавая тѣмъ примѣръ самой глубокой сосредоточенности.

Вспоминая прошедшее, странно видѣть эти двѣ власти, встрѣчающіяся лицомъ къ лицу въ храмѣ, гдѣ онѣ еще такъ недавно были нераздѣльны.

Владыка не обязанъ цѣловать руку князя: пожатіе руки служить выраженіемъ нѣкотораго равенства между этими двумя представителями верховной власти.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ на счетъ состоянія обу-

ченія въ княжествѣ, указавъ успѣхи, происшедшіе въ этомъ отношеніи за послѣдніе годы.

До Петра II-го въ Черногоріи нельзя найти никакихъ слѣдовъ общественнаго обученія. Этотъ владыка, ученый и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, первый основалъ двѣ небольшія школы, существовавшихъ недолго. Позднѣе, его племянникъ Данило, сознавая, по собственному опыту, всю цѣну знанія, къ которому онъ стремился, устроилъ въ своемъ собственномъ дворцѣ небольшую коллегію, гдѣ онъ самъ руководилъ занятіями нѣсколькихъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ лучшимъ семействамъ.

Не смотря на желаніе Николая I-го распространить обученіе согласно потребностямъ страны, ему удалось только въ 1868 году учредить при монастырѣ въ Цетинѣ нѣчто въ родѣ нормальной школы, состоящей изъ двухъ классовъ.—Ограниченныя средства послѣдней дозволили образовать лишь нѣсколькихъ священниковъ, менѣе невѣжественныхъ чѣмъ остальные, и сообщить дѣтямъ самыя первоначальныя знанія. Къ счастью скоро все должно было измѣниться. Между тѣмъ какъ въ 1869 году семинарія привлекла всю интеллигентную молодежь Черногоріи; нѣсколько учителей, прибывшихъ изъ Сербскихъ земель были отправлены въ равныя области, чтобы тамъ заняться обученіемъ. Въ то же время въ высшей школѣ въ Цетинѣ намѣревались образовать преподавателей изъ учениковъ не пожалевшихъ принять священнической санъ.

Наконецъ труды и замѣчательная настойчивость Милана Костича имѣли желаемый успѣхъ.

Въ три года ему удалось образовать до сорока учителей, превосходившихъ по своимъ познаніямъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и распространить въ Черногоріи неоцѣнимые дары просвѣщенія, котораго оно дотолѣ было лишено совершенно. Въ настоящее время въ Черногоріи нѣтъ ни одного значительнаго села, которое бы не имѣло своей школы, гдѣ мальчики и дѣвочки, съ поразительною легкостью, свойственною этой интеллигентной расѣ, приобрѣтаютъ знанія, которыя въ настоящее время составляютъ настоятельную потребность населенія. Надо было извернуться, чтобы включить въ государственныя расходы содержаніе этихъ новыхъ должностныхъ лицъ, которымъ желали доставить дѣйствительныя выгоды. Мудрыми распоряженіями наконецъ удалось опредѣлить имъ жалованье въ 120 талари *). Сумма немалая въ странѣ, гдѣ сенаторы довольствуются такимъ же умѣреннымъ вознагражденіемъ.

Черезъ десять лѣтъ въ Черногоріи безграмотныхъ среди молодежи не будетъ, и Черногорія будетъ имѣть основаніе презирать тѣ великія державы, превозносимыя за науку, литературу и искусства, гдѣ третья

*) Т. е. шестьсотъ франковъ, къ которымъ надо причислить помѣщеніе и отопленіе, доставляемыя средствами семействъ, дѣти которыхъ посѣщаютъ школы.

часть войска не имѣть самыхъ поверхностныхъ понятій о грамотности.

Мы не можемъ умалчивать о такомъ новомъ учрежденіи какъ «Богословіе», которому со временемъ предстоитъ произвести переворотъ въ общественномъ положеніи женщинъ княжества: мы говоримъ объ институтѣ, которымъ съ 1870 года управляетъ г-жа Пацевичъ. Онъ состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ Ея И. В. русской Государыни Императрицы и подъ надзоромъ княгини Милены. Это полезное учрежденіе было основано вслѣдствіе пребыванія князя Николая въ Петербургѣ. Императрица Марія Александровна поручила вѣдѣніе этого учрежденія той достойной особѣ, которая до настоящаго времени находится во главѣ женскаго Черногорскаго Института. Цѣль Института доставить образованіе дочерямъ лучшихъ семействъ княжества, котораго они до этого времени были окончательно лишены, и приготовить ихъ цѣлесообразнымъ воспитаніемъ къ тому назначенію, которое достанется имъ среди возникающаго общества.

Благодаря постояннымъ попеченіямъ, эти молодыя дѣвушки утратили неровность характера, свойственную малоразвитымъ натурамъ, и горячо привязались къ своимъ наставницамъ. Поэтому эти дѣти, воспитываемые съ материнскою вѣжностью, о которыхъ еще недавно никто не заботился, должны благословлять имя своей умной начальницы и двухъ преданныхъ наставницъ.

Последнія, соединяя съ блестящимъ образованіемъ обаянія молодости, добровольно рѣшились поселиться въ Черногоріи, чтобы доставить женщинамъ Черной горы умственное и нравственное развитіе, которое, вмѣстѣ съ знаніемъ и воспитаніемъ, возвысивъ женщину, заставитъ суроваго черногорца относиться къ ней съ должнымъ уваженіемъ.

ГЛАВА XIII.

Языкъ. — Книгопечатаніе. — Журналы. — Телеграфъ. — Почта. — Эстафеты свѣтлѣйшей республики. — Дороги — Доходы и расходы княжества.

Черногорцы говорятъ на сербскомъ нарѣчій, принадлежащемъ къ славянскимъ языкамъ. Чистое въ самой странѣ, отчасти искаженное въ сосѣдствѣ съ Австріей введеніемъ нѣкоторыхъ итальянскихъ словъ, это нарѣчіе еще болѣе измѣняется на границахъ Турціи и особенно въ Бѣлопавичахъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ оборотовъ, заимствованныхъ изъ турецкаго языка. Владѣя богатымъ запасомъ словъ необходимымъ для слога и поэзіи, это нарѣчіе литературы не имѣетъ или, лучше сказать, всѣ произведенія послѣдней хранятся

въ памяти рапсодовъ. Что касается ученыхъ, то они не употребляютъ этотъ звучный и гибкій языкъ, не смотря на то, что ни какой другой не въ состояніи передать съ такою ясностью мысли совершенно отвлеченныя, посредствомъ оборотовъ, выработанныхъ самостоятельно, независимо отъ древнихъ языковъ, выраженія которыхъ постоянно встрѣчаются въ наукахъ и искусствахъ.

Знаніе сербскаго языка, въ которомъ преобладаютъ согласныя, облегчаетъ изученіе турецкаго и нѣмецкаго языковъ. Не смотря на то, что грамматика этого нарѣчія напоминаетъ прекрасный языкъ эллиновъ, у котораго онъ заимствовалъ будущее время и склоненіе, греческаго благозвучія ему не достаётъ. Члена въ его грамматикѣ не существуетъ, который встрѣчается однако въ нарѣчій кроатовъ. Сербскій языкъ, по сложности грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ, рѣдко изучается во всей своей тонкости и красотѣ. — Подобно латинскому языку, это нарѣчіе въ устахъ народа не стѣсняется принятыми формами. Поэтому языкъ черногорцевъ — далеко не отставшій языкъ.

Само собою разумѣется, что обученіе въ черногорскихъ школахъ происходитъ на мѣстномъ нарѣчій; изученіе мертвыхъ языковъ въ Черногоріи считается совершенно лишнимъ. Этотъ народъ, подобно всѣмъ южнымъ племенамъ, отличаются способностью къ филологіи. Не смотря на то въ странѣ почти никто не занимается изученіемъ иностранныхъ языковъ, какъ напр. албанскаго или турецкаго, знаніе которыхъ могло бы быть полезно. Примѣръ владыки Петра II-го писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ изучившаго почти всѣ европейскіе языки, не находить въ настоящее время подражателей. Правительство Черногоріи, покровительствуя просвѣщенію должно было бы позаботиться возвратить языку страны его первоначальную чистоту, изданіемъ хорошаго словаря, который избавилъ бы его отъ чужеземныхъ оборотовъ. Въ то же время слѣдовало бы стараться распространить изученіе италіянскаго языка, необходимаго для всего населенія страны. Благодаря многочисленности священниковъ, знакомыхъ съ старославянскимъ языкомъ, въ Черногоріи нрѣдко можно встрѣтить людей способныхъ объяснить божественныя книги.

Впрочемъ черногорцы не должны забывать, что у нихъ появились первыя богослужебныя славянскія книги, слѣдовательно первыя памятники письменности, въ которыхъ употреблена такъ называемая Кирилловская азбука.

Георгію Черновичу, сыну Ивана, вступившаго на престолъ въ 1490 году, принадлежитъ честь основанія первой, извѣстной, славянскои типографіи. Онъ устроилъ ее въ своемъ ободскомъ дворцѣ построенномъ на холмѣ, который возвышается надъ современнымъ городкомъ Рѣкой. Здѣсь издавались первыя богослужебныя книги, которыя отсюда распространялись по всей Россіи, Семьдесятъ лѣтъ

Дочери князя Черногорскаго. Любица Зорка и Милка.

спустя, это уваженіе къ письменности, проникши въ Черногорію, благодаря Георгію Черновичу, продолжало приносить пользу.

Доказательствомъ этому служатъ драгоцѣнные рукописи, изъ которыхъ послѣднія принадлежатъ 1566-му году. Онѣ доказываютъ, что въ это время страна еще не погрузилась въ невѣжество, въ которомъ она пребываетъ до настоящаго времени. Взятіе Обода и Скутари Али Пашею положило конецъ слишкомъ краткому періоду умственного развитія, уничтоживъ процвѣтавшее книгопечатаніе. Въ 1591 года владыка Пахомій, желая возвратитъ церквамъ богослужебныя книги, утраченныя во время войны, вздумалъ возобновитъ типографію въ Ободѣ и на ее мѣстѣ нашелъ развалины, свидѣтельствовавшія о пребываніи османовъ. Не ранѣе какъ при Петрѣ II возникли стремленія къ письменности. Почти въ самомъ началѣ своего царствованія онъ устроилъ типографію въ монастырѣ Цетиньи, гдѣ впоследствии издавались народныя пѣсни, собранныя изъ всѣхъ мѣстностей и сохранившіяся въ своей первобытной простотѣ. Отъ 1835 до 1839 годъ Дмитрій Милановичъ издавалъ свои «Горлицы», гдѣ помѣщалась краткая исторія Черногоріи до 1830 года. Этотъ знаменитый владыка-поэтъ приноситъ обильную дань черногорской литературѣ, которой онъ желаетъ положить начало; но щедрорасточаемыя дары падаютъ на неблагодарную почву. По словамъ Марьме, эта страна, населенная убійцами и ворами, которую онъ надѣялся вести по пути прогресса и цивилизаціи, оставалась глухой къ его призыву. «Этотъ закованный Прометей, осужденный на вѣчныя муки, среди варварской націи, унесъ съ собой въ могилу священный огонь, которымъ онъ думалъ воодушевитъ свой народъ».

По прошествіи года, черногорцы, лишенные пуль, воспользовались шрифтомъ, употребивъ его на выдѣлку пуль для военныхъ дѣйствій, наполнявшихъ тревожное царствованіе Данилы. Умственное движеніе княжества было пріостановлено. Печатныя станки, забытыя подъ сводами монастырей, были восстановлены для печатанія ничтожныхъ произведеній, подобныхъ «Орлику» цетинскому календарю, имѣвшему значеніе обыкновеннаго альманаха. Въ продолженіи десяти лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ Николай I оставилъ въ первоначальномъ видѣ типографію, гдѣ все еще сохранилась память о Петрѣ II-мъ. Можетъ быть причиной этому были дороговизна платы и содержанія рабочихъ. Наконецъ, когда въ 1870 году правительство рѣшило издавать газету, книгопечатаніе было возобновлено въ старо-цетинскомъ дворцѣ, для чего было приглашено необходимое число рабочихъ. Это еженедѣльное изданіе, положившее начало черногорской прессѣ, получило названіе «Чернорца». Ея главнымъ редакторомъ былъ По-

*) Исторія Черногоріи.

**) Слова Петра II Г. Вильненсону «Дальмація и Черногорія»

помочь изъ Воеводины, а издателемъ секретарь князя Николая Иванъ Сундечичъ. Подвергнутый строгой цензурѣ, новый журналъ не могъ сохранить либеральное направленіе, которое ему стремился придать редакторъ. Каждая статья была тщательно просматриваема, появляясь въ такомъ видѣ, что не могла никого затронуть внутри и внѣ страны. Черногорскій листокъ, находя сбытъ только черезъ Австрію, долженъ былъ опасаться послѣдней, чего онъ не сдѣлалъ. Вслѣдствіе одной статьи, гдѣ «Черногорецъ» осуждалъ дѣйствіе царскаго и королевскаго правительства въ Венгрію, пересылка газеты черезъ Каттаро была запрещена; вмѣстѣ съ тѣмъ и самое изданіе было прекращено, такъ какъ число подписчиковъ внутри страны было слишкомъ незначительно. Съ этого времени изданіе это, находясь подъ тою же редакціей, появилось подъ именемъ «Гласа Черногорца». До этого времени, типографія, возстановленная въ Цетиньѣ, не могла достигнуть такого значенія, чтобы ею можно было воспользоваться для напечатанія церковныхъ и другихъ книгъ, необходимыхъ для княжества. Всѣ книги доставляются изъ Бѣлграда и Аграма, за цѣну, по которой ихъ нельзя было бы получить на мѣстѣ по недостатку средствъ, а главнымъ образомъ по равнодушію правительства относительно распространенія книгопечатанія въ княжествѣ.

Въ 1870 году телеграфъ еще не соединялъ столицу Черногоріи съ сосѣдними австрійскими станціями. Средства дѣйствительно не дозволяли даже такого незначительнаго расхода. Въ этомъ случаѣ снова щедрость императора Александра оказала помощь странѣ. Вскорѣ по возвращеніи кн. Николая изъ Петербурга, былъ присланъ оттуда необходимый матеріалъ для устройства нѣсколькихъ телеграфныхъ станцій и для продолженія телеграфной линіи на разстояніи нѣсколькихъ сотъ километровъ. По просьбѣ князя Николая, австрійское телеграфное управленіе произвело необходимыя работы для соединенія на границѣ выше Каттаро, новой телеграфной линіи Черногоріи. 9/14 марта 1870 г. императоръ Александръ получилъ телеграму, выражающую благодарность князя Черногоріи за важную услугу оказанную государемъ его странѣ. Въ то время какъ происходили работы по черногорской линіи, изъ Бѣлграда въ Цетинью былъ отправленъ г. Беруковичъ съ тѣмъ, чтобы подготовить нѣсколькихъ молодыхъ черногорцевъ для открытавшихся должностей. Двѣнадцать изъ нихъ, оказавшихъ удовлетворительныя познанія, были назначены на новую должность, директоромъ которой былъ Стефанъ Радоничъ. Вскорѣ послѣ открытія телеграфной станціи въ Цетиньѣ, была основана такая же въ Рѣчанской области. Линія, продолженная до Данилгорода и Орья-Луки въ Вѣлопавицахъ, достигла лѣтомъ 1872 г. острожскаго монастыря, далѣе котораго она еще не продолжена.

Вслѣдствіе медленности и трудности сношеній между Бердой и столицею было бы важно для правительства соединить Васоевичи

съ Острогомъ, посредствомъ телеграфа, такъ какъ извѣстія съ крайней границы Босніи достигаютъ монастыря по простествіи двухъ или трехъ дней. Эта станція начала дѣйствовать только съ 1873 г. Въ силу австро-черногорской телеграфной конвенціи плата за депеши изъ Каттаро въ Цетинью была понижена до двадцати крейцеровъ. Внутри государства двойная плата, превышая средства страны, ограничиваетъ телеграфное сообщеніе лицамъ занимающимся торговлей и находящимся на государственной службѣ. Вслѣдствіе этого телеграфное управленіе, не смотря на скудное жалованье служащихъ (отъ ста до трехсотъ флориновъ), получаетъ изъ общественной кассы больше нежели доставляетъ, подражая въ этомъ отношеніи оффиціальному журналу, расчеты котораго производятся ежегодно съ большимъ убыткомъ. Легко было бы предотвратить такое положеніе и увеличить доходы телеграфной линіи, соединивъ её, начиная съ Оря Луки, согласно желанію Турціи, съ одной стороны въ Нившичъ, съ другой въ Спунцомо; установивъ такимъ образомъ прямыя сношенія Герцеговины и Босніи съ Албаніей, Румеліей и Константинополемъ, безъ необходимаго посредства Далмаціи *). Хотя было рѣшено устроить это дѣло, оно не пошло однако. Черногорское правительство не захотѣло отказаться отъ прежней вражды, не смотря на то, что чрезъ это страдали ея же собственные интересы. Между тѣмъ телеграфная линія, проходящая чрезъ Бѣлопавицы, находилась бы въ распоряженіи черногорцевъ, которые, въ случаѣ войны, въ нѣсколько часовъ могли бы ее уничтожить.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ почтовое вѣдомство въ Черногоріи имѣло самое первобытное устройство. Каждую недѣлю, во вторникъ и четвергъ почтальонъ отправлялся въ Каттаро съ корреспонденціей всего княжества и возвращался на другой день съ письмами и журналами, доставленными Лойдскимъ пароходомъ. Правительство не взидало за это никакой платы, вовсе не заботясь о доставленной ему почтѣ. Такъ какъ почтовый трактъ оканчивался въ Цетиньѣ, то письма, адресованныя въ страну, доставлялись въ контору купцамъ, гдѣ они ждали по цѣлымъ мѣсяцамъ удобнаго случая для дальнѣйшей пересылки. Въ 1868 году былъ составленъ проектъ преобразования почты. Но не ранѣе какъ въ концѣ слѣдующаго года былъ заключенъ договоръ. Въ немъ участвовалъ съ одной стороны директоръ почтъ Далмаціи, съ другой Иванъ Сундечичъ, уполномоченный Черногоріи. Они предоставили Австро - Венгерскимъ палатамъ разсмотрѣніе и обсужденіе этихъ договоровъ.

Въ силу этого договора почтовая такса между Венгріей и Черногоріей была понижена до незначительной цѣны въ пять крейцеровъ. Не ранѣе какъ въ 1874 г. почта была открыта. Черногорскія марки

*) Вслѣдствіе отсутствія договора между Черногоріей и Турціей депеша, отправленная прямо изъ Цетиньи въ Албанскую Скутари, стоитъ шесть съ половиною дванцигеровъ т. е. столько же сколько изъ Парижа.

носить изображение князя Николая. Съ 1871 г. М. П. Субботичъ изъ Каттаро, служащій при австрійскомъ почтовомъ вѣдомствѣ, былъ прикомандированъ къ князю для организаци почты. Онъ участвовалъ при открытіи Черногорской почты, которою и управляетъ до настоящаго времени.

Все, что было сказано нами о почтовыхъ отношеніяхъ между Венгріей и Черногоріей, напоминаетъ намъ услуги, оказанныя черногорцами Венеціи, когда они обязались передавать депеши свѣтлѣйшей республики изъ Каттаро въ Константинополь.

Маріано Болицо, перечисляя въ началѣ своихъ записокъ вопросы, которыми онъ долженъ заняться при описаніи санджака Скутари, указываетъ на почтовые сношенія, вѣренныя черногорцамъ, значеніе, средства и удобства которыхъ они ощущаютъ вполнѣдствіи.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія обмѣнъ писемъ, между такими отдаленными городами, какъ Венеція и Константинополь, представлялъ большое затрудненіе. Для торговой республики, поддерживающей сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, быстрый обмѣнъ депешъ имѣлъ огромное значеніе, такъ какъ отъ этого, также какъ и нынѣ, зависѣли удача или неудача громаднхъ коммерческихъ предпріятій. Поэтому два раза въ мѣсяцъ отправлялись изъ Каттаро отъ двухъ до пяти посланныхъ съ письмами въ Турцію. Сношенія эти имѣли слѣдующее устройство: Въ конторѣ всегда находилось лицо — представитель черногорцевъ, исполняющихъ должность курьеровъ. Какъ только венеціанскіе корабли доставляли депеши, посланный, получавшій ежегодно 12 дукатовъ, былъ обязанъ немедленно доставлять ихъ въ Черногорію и передавать курьерамъ. Послѣдніе отправлялись тотчасъ же въ Подгорицу къ графу Лассо де Слатца, сопровождавшему ихъ до Груды къ графу Хассану Хергеловичу, который былъ обязанъ ограждать ихъ на пути чрезъ Кучи, до Клименти и предоставить ихъ графу Прентассу, гдѣ они находились уже внѣ опасности.

Два пути представлялись черногорскому посланному: во 1-хъ, старая дорога, пересѣкавшая Черную гору, вела въ Подгорицу, оттуда въ Пристину, Черницу, Филипполи, Адрианополи и Константинополь; во 2-хъ новая дорога или дорога Герцеговинская, представлявшая огромный обходъ чрезъ Пливица, Добранчи, Бродарево и Новый Базаръ, тоже достигала Пристины, затѣмъ продолжалась далѣе, какъ уже было сказано выше.

Курьеры, отправлявшіеся чрезъ Черногорію, въ пять дней достигали Черницы, тогда какъ по Герцеговинской дорогѣ требовалось на это девять дней; такъ что время ихъ путешествія въ Константинополь и обратно равнялось 44-мъ днямъ. По черногорской дорогѣ тотъ же самый путь совершался въ 36 дней.

Маріано Болица слѣдующимъ образомъ объясняетъ, почему черногорскіе курьеры, привыкшіе къ старой дорогѣ, избрали путь чрезъ

Герцеговину, чтобъ достигнуть Пристины. «Въ то время 1612 г., какъ Марко Молинь былъ ректоромъ и провекторомъ Каттары, въ Подгорицу прибылъ Али-Бей Махмедъ Беговичъ, паша Скутари, съ цѣлью заставить черногорцевъ заплатить дань, въ которой они отказывали окончательно. Такъ какъ угрозы и убѣжденія не помогали, онъ выступилъ въ походъ во главѣ трехъ тысячъ воиновъ, въ числѣ которыхъ находились горцы изъ Кучей, перешелъ Морачу и прибылъ въ Дѣскопалу. Затѣмъ, вступивъ въ Черногорію, онъ опустошилъ селеніе Стагневичъ и Горицу. Но черногорцы, ожидавшіе его у подошвы одной горы, начали битву и разбили его совершенно. Черногорскіе курьеры, слѣдовавшіе по обычной дорогѣ черезъ Кучи, не зная о происшедшемъ событіи, были имъ убиты. Вслѣдствіе этого никто изъ посланныхъ не рѣшался слѣдовать по этой дорогѣ. Важность сообщаемыхъ порученій, съ которыми ихъ посылали, заставила избрать другую дорогу черезъ Герцеговину; послѣдняя замедляла путь на шесть дней лѣтомъ и на восемь зимою. Такъ какъ посланные по старому пути получали лѣтомъ 15 талари, а зимою до 20 талари на человѣка, то были принуждены восвысить ихъ жалованье отъ 20 до 25 талари. Это представляло расходъ въ 500 дукатовъ и что важнѣе всего—невознаградимую потерю времени.

Этотъ порядокъ продолжался болѣе шести лѣтъ. Расходы превышали 3000 дукатовъ, когда Францу Морозини ректору въ Каттаро, человѣку смѣлому, опытному и преданному общественному дѣлу, пришла мысль открыть прежнюю дорогу для уменьшенія расходовъ. Не смотря на препятствія и происки людей, дорожившихъ болѣе личными выгодами, нежели благомъ государства, онъ призвалъ Мариано Болица и поручилъ ему вступить по этому дѣлу въ переговоры съ жителями Кучи и Черногоріи для того, чтобы возвратить прежнюю дорогу на условіяхъ безопасности.

Болица, принявъ это порученіе, отправился лично въ Подгорицу, чтобъ вести мирные переговоры съ обѣихъ сторонъ. Дѣло имѣло благоприятный исходъ. Было рѣшено открыть курьерамъ доступъ къ прежней дорогѣ, оградивъ ихъ личную безопасность. Къ этому присоединили условіе, чтобы вознагражденіе въ 100 талари было унчлено наследникамъ умершихъ и что обряды перемирія будутъ совершены согласно обычаямъ страны. Болица нашелъ нужнымъ личить Гассана Іергаловича изъ Груды ежегоднаго вознагражденія въ 12 талари, такъ какъ онъ находился внѣ предполагаемой дороги и передать его графу Лалу Дрекалову; далѣе онъ нашелъ необходимымъ назначить вознагражденіе въ 12 талари графу Нико Райкову изъ Кучей, для того чтобы оба, связанные общими интересами сопровождали курьеровъ до Клименти. Это обстоятельство было важно потому, что главныя опасности угрожали на дорогѣ въ Кучи. Опасность была неизбѣжна, такъ какъ прежней дороги нельзя было миновать. Затѣмъ шесть талари были назначены

графу Станьевичу въ Лископольѣ. У него посланные останавливались въ день самаго отъѣзда и онъ сопровождалъ ихъ до Слатицы.

Для лучшаго успѣха дѣла, Болица пригласилъ съ собою, въ Каттаро, сына графа Лала Дрекалова и самаго графа Ниво Райцева, — самыхъ вліятельныхъ лицъ въ Кучахъ и вообще въ Черногоріи.

Былъ составленъ договоръ, подписанный кромѣ этихъ двухъ лицъ, проводиторомъ изъ Каттаро и даже Болицей. Было назначено два курьера, сопровождавшихъ начальника Кучей, которые, совершивъ путь по старой дорогѣ въ Константинополь, и возвратились оттуда цѣлы и невредимы. Отъѣздъ знаменитаго Морозина измѣнилъ снова маршрутъ курьеровъ; имъ опять была назначена дорога черезъ Герцеговину, не смотря на то, что всѣ горцы, друзья Болицы убѣждали его въ безопасности этой дороги.

Разсказъ о почтовыхъ предпріятіяхъ черногорцевъ во времена свѣтлѣйшей республики прямо относится сюда; поэтому мы не могли не заимствовать у Болицы нѣкоторыхъ подробностей, которыя онъ передаетъ съ такою же важностью, какъ будто дѣло касается государственныхъ вопросовъ. Эти представители племени, съ своеобразнымъ благородствомъ, которымъ назначаютъ по шести или двѣнадцати талари, чтобы проводить отъ одной станціи до другой курьеровъ, являются намъ какими то странными типами мнувшаго времени, когда преданность цѣнилась дешево; время которое — ужъ такъ далеко отъ насъ.

Не смотря на попытки сдѣланныя въ послѣднее время, чтобы соединить между собою главные центры страны, можно сказать, что Черногорія въ настоящемъ своемъ видѣ не имѣетъ порядочной дороги даже на протяженіи одного километра. Начиная отъ австрійской границы, дорогу изъ Каттаро въ Цетинью, въ видѣ небольшой тропинки, можно различить по слѣдамъ, оставленнымъ лошадьми и пѣшеходами на утесахъ. Превращаясь нерѣдко въ рядъ отвѣсныхъ скалъ, передъ которыми неувѣренный всадникъ долженъ сходить съ лошади, эта тропинка ничѣмъ не напоминаетъ дорогу, ведущую въ столицу. На границѣ Нѣгоша при входѣ въ долину Цетиньи надъ селеніемъ Бойць и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ бы намѣренно сохранили преграды, поставленныя природою на своемъ пути, разрушить которыя было бы не трудно безъ особыхъ расходовъ для государства. Но за то путешественникъ, подвергаясь опасности, пользуется прекраснымъ видомъ. Быть можетъ черногорцы поняли, что чужестранецъ предпочитаетъ вступать въ страну по неприступнымъ скаламъ и обрывамъ, чѣмъ по дорогѣ причудливо извивающейся по склонамъ горъ. Въ то же время когда неожиданностей не существуетъ, когда царь возноситъ путешественниковъ до облаковъ, быть можетъ для туриста будетъ утѣшительна мысль, что въ двухъ шагахъ отъ Адриатики его ожи-

даютъ новыя опущенія. Поэтому онъ долженъ быть благодаренъ черногорцамъ за ихъ беззаботность и за ту искренность, съ которою они отвѣчаютъ на упреки, обращенныя къ нимъ по поводу дороги. «По ней ѣздили всегда, чего не могутъ продолжать и теперь?» Отъ Цетины до Рѣки эти упреки, сопровождаемые философскимъ отвѣтомъ, могли бы постоянно повторяться между чужестранцемъ и его путеводителемъ. На разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ столицы путешественникъ, предоставивъ своей лошади совершить опасный переходъ черезъ Доброско Село, долженъ сосредоточить все свое вниманіе на то, чтобъ избѣгнуть паденія, которое по незнанію мѣстности ему угрожаетъ на каждомъ шагѣ.

Дорога, проложенная въ 1869 г. между Рѣкой и Бѣлопавицами, весьма удобная лѣтомъ—представляетъ большія затрудненія въ дождливое время года. Не имѣя каменной настилки, дорога въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она идетъ по полямъ, лѣсамъ и кустарникамъ превращается въ настоящее болото, гдѣ пѣшеходъ и лошадь утопаютъ по колѣно. Это неудобство встрѣчается при входѣ въ долину Бѣлопавицы, при въѣздѣ на Медицинскій мостъ; въ этихъ мѣстахъ содѣйствіе проводника становится необходимымъ для того, чтобъ достигнуть Данилгорода и Орья-Луки.

Изъ этого мѣста до Острога дорога также хороша, какъ между Каттаро и столицей. Миновавъ Бѣлопавицы, по направленію къ Зутѣ или Морачѣ дороги до такой степени переплетаются, что путешественникъ въ состояніи проникнуть далѣе не иначе, какъ въ сопровожденіи туземца. При этомъ онъ долженъ на время разстаться со всѣми удобствами и спокойствіемъ. Только особая палатка можетъ защитить путешественника отъ нечистоты, наполняющей хижины. Если онъ не можетъ довольствоваться хлѣбомъ, молокомъ или сыромъ, то онъ долженъ заранѣе закупить съѣстныхъ припасовъ. Эти затрудненія возрастаютъ, когда оставивъ Цету, онъ направится въ Пиперы, Кучи и Вазоевичи. Опасность была бы неизбѣжною, если бы путешественникъ, рекомендованный правительству, не находился подъ надзоромъ проводника. Экспедиція въ Комъ и Дормиторъ (имѣющихъ 2600 м. высоты) будетъ всегда представлять предпріятіе трудное и опасное. Недоступность этихъ вершинъ также велика, какъ и другихъ высочайшихъ горъ Европы.

Въ 1873 году былъ составленъ планъ новой дороги для прямого сообщенія столицы съ Данилгородомъ черезъ Каттарскую область. Этотъ новый путь, начинаясь близъ Села Бойцъ, поднимается по крутымъ утесамъ, замыкающимъ съ этой стороны долину Цеты, достигаетъ Чеклича, Чево и другихъ богатыхъ селеній Черногоріи, пересѣкаетъ громадный дубовый лѣсъ, проходитъ Маховину и спускается затѣмъ къ долинѣ, слѣдуя по крутымъ склонамъ Планы, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на всю область Цеты. Достигнувъ подошвы горъ, остается только перейти Сушицу, чтобы

попасть въ Бѣлопавицы и быстро достигнуть Данилгорода и Орва — Луки. Большая часть дорогъ Черногоріи, исключая тѣхъ, которыя ведутъ изъ Цетиньи въ Грахово, оттуда въ Ривано черезъ крѣпость Драгай и тоже дороги изъ Цетиньи въ Цету, черезъ фортъ Умать слишкомъ незначительна, чтобъ о нихъ упоминать.

Въ 1869 году австрійскому правительству былъ представленъ проэктъ о проведеніи дороги между Каттаро и Цетиньско. Послѣднее съ обычною готовностью относящіяся ко всему касающемуся интересовъ Черной горы, поспѣшило предоставить въ распоряженіе князя инженера Вольфганга Паклера изъ Зары. Послѣдній, прибывъ въ Черногорію, немедленно принялся изучать порученный ему проэктъ. Въ пользу его онъ измѣнилъ совершенно планъ прежней дороги; даже австрійскую вѣтвь новой дороги онъ провелъ не на сѣверъ, а на югъ отъ крѣпости Каттаро. Но прежде чѣмъ довести это дѣло до конца, Вольфгангъ Паклеръ умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года отъ страшной болѣзни, постигшей его вслѣдствіи тяжелыхъ трудовъ и лишеній, которыя онъ выносилъ во время исполненія этого предпріятія и надъ которымъ онъ трудился безъ посторонняго содѣйствія. Его проэктъ, представленный въ цѣлой серіи плановъ и приспособленный къ мѣстности, изученной имъ при посредствѣ многихъ рекогносцировокъ, былъ представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе австрійскихъ уполномоченныхъ. На основаніи этихъ изысканій въ концѣ 1873 г. были предприняты работы, къ сожалѣнію вскорѣ оставленныя безъ всякаго повода, или, лучше сказать, вслѣдствіе разныхъ предлоговъ со стороны австрійскаго правительства, которое въ дѣйствительности вовсе и не думало оказать этому дѣлу свое содѣйствіе. Такимъ образомъ путешественники по Черногоріи еще продолжаютъ пользоваться всѣмъ разнообразіемъ дороги между Каттаро и Цетинья, и путь, удобный для ѣзды въ экипажахъ, своимъ монотоннымъ однообразіемъ, еще, по всей вѣроятности, не скоро охладитъ воображеніе любителей дикой природы.

Въ видѣ заключенія къ сдѣланному нами очерку правительства и различныхъ учреждений въ Черногоріи, мы укажемъ теперь на источники государственныхъ доходовъ и на тѣ расходы, которые падаютъ на государственное казначейство. Вопросъ этотъ, впрочемъ, не отниметъ у насъ много времени, такъ какъ черногорскій бюджетъ, по своей незначительности, является только каплею воды въ томъ океанѣ милліоновъ, который представляютъ собою современные доходы и расходы великихъ европейскихъ государствъ.

Согласно существующему распредѣленію податей, правительство можетъ рассчитывать на ежегодное поступленіе въ казну приблизительно до трехъ-сотъ пятидесяти тысячъ франковъ. Къ этой суммѣ нужно прибавить проценты съ капитала, нѣкогда положеннаго владыкой Петромъ II въ государственный банкъ въ Петербургѣ *) и

*) Цифра этого капитала доходила до 500,000 ф.

часть котораго уже вынута, и затѣмъ ту денежную помощь, которой Черногорія обязана особому вниманію къ ней русскихъ императоровъ, — что все вмѣстѣ составитъ около ста тысячъ франковъ. Бромѣ того, съ 1870 *) года, Россія приняла на себя всѣ издержки по содержанию Семинаріи и женскаго института, что составитъ въ годъ до шестидесяти тысячъ франковъ.

На государственное казначейство падаютъ слѣдующіе расходы:

1) Содержаніе княжескаго двора	70,000 фр.
2) Ежегодный пенсіонъ до совершеннолѣтія княжнѣ Ольгѣ, дочери князя Данила	7,500 >
3) Ежегодный взносъ для образованія приданнаго въ 200,000 ф. для той-же княжны	25,000 >
4) Жалованье президенту сената, вице-президенту и 14-ти сенаторамъ	20,500 >
5) Выдача пенсій, по 60 ф. каждая, раненымъ, изувѣченными на войнѣ	30,000 >
6) Жалованіе 120 переніакамъ (изъ нихъ 40 по 300 ф. и 80 по 100 ф. каждому).	20,000 >
7) Жалованье доктору князя и двумъ иностраннымъ докторамъ	12,000 >
8) Содержаніе представителя Черногоріи въ Скутари	4,500 >
9) Содержаніе арсеналовъ въ Цетиньѣ и въ Рѣка.	10,000 >
10) Жалованье начальникамъ, капитанамъ, сотникамъ, десятникамъ, знаменщикамъ, приблизительно	120,000 >
	<hr/>
	320,000 фр.

Кромѣ того государство даетъ деньги необходимыя для официальныхъ путешествій князя за границу и даже оплачиваетъ издержки по передвиженіямъ внутри страны, если только эти передвиженія мотивированы не личными потребностями князя. Изъ вышеизложеннаго видно, что если доходы княжества и весьма скромны, то и расходы очень не велики; такимъ образомъ, не дѣлая долговъ и не прибѣгая къ займамъ, государственное казначейство уплачиваетъ каждый годъ всѣ необходимыя расходы, такъ что можно сказать, что если Черногорія и самая бѣдная страна изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она одна на столько благоразумна, что удерживаетъ необходимое равновѣсіе между своими доходами и расходами.

*) Царь Николай I, котораго Россія и Черногорія никогда не забудутъ, въ 1837 году назначилъ черногорскому князю пенсію въ 9000 червонцевъ, и далъ народу хлѣба на 60,000 флоринновъ.

(*Vačlik, la Souveraineté du Monténégro*).

ГЛАВА XIV.

Краткій очеркъ климата Черногоріи. — Пища. — Гигіена. — Болѣзни и медицина въ Черногоріи.

Въ сочиненіи, подобномъ нашему, невозможно отнестись къ научнымъ вопросамъ ни съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они заслуживаютъ, ни дать имъ надлежащее развитіе. Такъ что предлагаемый нами краткій очеркъ черногорскаго климата, гігіеническихъ условій обитателей страны и вглядъ на состояніе медицины въ ней имѣютъ цѣлью только открыть поле для новыхъ наблюденій и дать необходимыя свѣдѣнія для путешествующихъ по Черногоріи.

Хотя Черногорія лежитъ на одной широтѣ съ Корсикою и Умбриєю, но ея возвышенное положеніе обусловливаетъ крайнюю переѣнчивость погоды и сильные зимніе холода. Что касается собственно до столицы, то лѣтомъ ея климатъ можетъ быть названъ вполне восхитительнымъ; днемъ умѣренный жаръ, рѣдко превышающій тридцать два съ половиною градуса, ночью всегда пріятная свѣжесть. Не то бываетъ зимою: въ мѣсяцахъ январѣ и февралѣ морозы доходятъ до двадцати двухъ градусовъ.

Наблюденія надъ среднею тепературою нѣсколькихъ лѣтъ въ Цетинѣ дали намъ цифру двѣнадцать съ половиною градусовъ; такъ что столица Черногоріи принадлежитъ къ мѣстамъ съ умѣренной средней температурою. Но рядъ термометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ одновременно въ Катунской нахіи, Черничѣ, и въ Бѣлопавичахъ даль-бы совершенно другой результатъ. Средняя температура, полученная такимъ образомъ, достигла-бы по крайней мѣрѣ пятнадцать градусовъ и указывала-бы, что Черногорія, взятая во всемъ ея объемѣ, лежитъ въ поясѣ теплаго климата. Разница между среднею температурою самаго теплаго мѣсяца и таковою-же самаго холоднаго доходить, въ Цетинѣ, до двадцати пяти градусовъ и это достаточно характеризуетъ особенности климата въ столицѣ; между тѣмъ въ нѣсколькихъ лѣтъ оттуда, даже среди зимы, можно наслаждаться всѣми прелестями неба Ниццы и Италіи. Поэтому, чтобъ избѣжать вліянія суроваго климата, княжеское семейство на зиму уѣзжаетъ обыкновенно въ Рѣку, лежащую въ трехъ часахъ пути отъ Цетиньи.

Упомянемъ также о томъ фактѣ, что въ Черногоріи, на первый взглядъ, барометрическое давленіе не соотвѣтствуетъ вовсе интенсивности атмосферическихъ феноменовъ; дѣйствительно, эти послѣдніе часто достигаютъ страшной силы только благодаря особенностямъ топографическаго устройства страны, гдѣ изобилуютъ пересѣкающія

другъ друга горныя цѣпи, ущелья, внезапныя повышенія и пониженія почвы, такъ что малѣйшій южный или югозападный вѣтеръ, пройдя по гребнямъ черногорскихъ горъ, легко переходитъ въ бурю.

Случаются зимы, когда количество снѣга въ горахъ бываетъ такъ велико, что прекращаются всѣ сообщенія, даже между столицею и Каттаро. Въ этомъ случаѣ цѣлыя толпы охотниковъ жертвуютъ своимъ трудомъ и временемъ для того, чтобъ очистить дорогу, и наконецъ восстанавливается сообщеніе среди двойной стѣны изъ снѣга. Сама столица не всегда избѣгаетъ этихъ снѣжныхъ заносовъ и часто случается, что въ продолженія цѣлыхъ мѣсяцевъ сообщенія происходятъ въ ней по цѣлому лабиринту узенькихъ тропинокъ.

Въ теченіи марта мѣсяца и трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ въ году, въ Черногоріи дуетъ юго-западный вѣтеръ, часто переходящій въ ураганъ; цѣлые потоки дожда льются въ горахъ *) и низвергаются по обнаженнымъ утесамъ въ многочисленныя маленькія долины, которыя, по остроумному сравненію г. Деларю, подобно ячейкамъ огромнаго улья, разбросаны тамъ и сямъ по поверхности Черногоріи. Быстро поглощаемыя крайне пористой почвою, эти массы воды скопляются въ подземныхъ пещерахъ, которыми изобилуетъ Черногорія, переливаются оттуда въ рѣки, теченіе которыхъ мы уже описали, и затѣмъ окончательно смѣшиваются съ водами общаго резервуара «Скадарско блато». Сколько разъ, послѣ этихъ ужасныхъ мартовскихъ и ноябрьскихъ ночей, когда силы природы, какъ будто въ ожесточеніи, бросаются на Черногорію, мы видѣли, на мѣстѣ низменной части долины Цетиньи, цѣлое озеро, окруженное амфитеатромъ горъ. Потомъ мало по малу на поверхности воды появлялись холмы, игороды, заборы и къ вечеру исчезала вся масса воды, оставляя послѣ себя грязныя лужи на рыхлой почвѣ.

Многолѣтнія наблюденія позволили намъ сдѣлать слѣдующій средний выводъ о состояніи погоды въ Черногоріи; въ году бываетъ:

хорошихъ дней	202
умѣренныхъ дождей	80
ливней	37
снѣжныхъ дней	17
бурь	20
урагановъ	6
дней съ градомъ	3
землетрясеній	1

Впродолженіи большей части зимы почти вся Черногорія однообразно покрыта снѣжной пеленою; но лѣтомъ каждый холмъ предста-

*) Въ это время жить въ Каттаро становится почти невозможнымъ. Ксавье Мармье писалъ по этому поводу слѣдующее: «я нигдѣ не видалъ такихъ частыхъ и продолжительныхъ дождей, каковы идутъ здѣсь; развѣ только въ Египтѣ дождь падаетъ ливнемъ и черезъ полъ-часа вовсе прекращается; между тѣмъ какъ на высотахъ Каттаро онъ идетъ безпрерывно, часто въ продолженіи цѣлыхъ недѣль».

вляеть прелестное зрѣлище своей, если не богатой, то оригинальной растительностью. Въ Катунскѣ рѣдкіе буквыи, дубовыи и ясеневыи лѣса снова покрываются своей великолѣбною зеленью, опять оживаютъ кустарники по бокамъ утесовъ; майскъ и картофель наполняютъ малѣйшія извилины черноземной земли; худощавыя хлѣбныя деревья желтѣють въ долинахъ Негоша и Цетиньи; въ Бѣлонавчѣ, посреди богатыхъ полей, гордо возвышаются фруктовыя деревья; въ Рѣчанской нахи растетъ драгоцѣнное кожанное дерево; въ Лишанской нахи большія поля табаку, тщательно воздѣлываемыя, обѣщаютъ вѣрный доходъ; въ Черничѣ, смоковница, гранатовое дерево, апельсинныя и лимонныя деревья ждуть только осени, чтобы оправдать надежды обитателей этой лучшей части Черногоріи; наконецъ въ Бердѣ высокая, роскошная трава покрываетъ всѣ холмы своимъ зеленымъ ковромъ и служитъ отличнымъ пастбищемъ для тысячи стадъ барановъ и козъ.

И такъ, не смотря на свой суровый климатъ, Черногорія имѣетъ свои маленькія богатства и свои хорошіе дни; первыя удовлетворяютъ скромныя потребности ея обитателей; послѣдніе могутъ плѣнить даже путешественниковъ и оставить въ ихъ сердцахъ неизгладимыя воспоминанія.

Находясь подъ постояннымъ вліяніемъ своего суроваго климата, къ которому ранняя привычка сдѣлала его почти нечувствительнымъ; ведя по своей крайней бѣдности, вполне трезвую жизнь; поддерживая свое здоровье и силу постоянными играми, ходьбою и работою на свѣжемъ, оживляющемъ горномъ воздухѣ, — черногорець до такой степени закаляется отъ вліянія вѣтшиныхъ, климатическихъ условій что даже самыя элементарныя правила гигиены становятся совершенно бесполезными для него. Находясь постоянно на готовѣ начать свою боевую жизнь среди утесовъ, безъ крова и пристанища, онъ вовсе не думаетъ о матерьяльныхъ удобствахъ, которыя только разслабили-бы его; въ своемъ скромномъ жилищѣ, куда свободно проходятъ вѣтеръ и сырость, онъ не находитъ большой разницы съ чисто лагерной стоянкою. Обиліе сѣважинъ въ его хижинѣ приноситъ ему, по всей вѣроятности, даже пользу; оно уменьшаетъ вредное вліяніе спѣртого воздуха въ то время, когда въ небольшомъ пространствѣ его жилища собираются въ кучу женщины, мужчины и животныя *). Такъ какъ полъ въ хижинахъ большей частью земляной, то во время дождей онъ покрывается тинистой и жирной грязью, и сухимъ остается только небольшое мѣсто близъ очага. Хорошо еще,

*) Укажемъ при этомъ случаѣ на примѣръ Жаксона, доктора англійской арміи въ соединенныхъ Штатахъ въ 1870 г. Онъ вмѣсто того, чтобы заперать своихъ больныхъ въ зараженный воздухъ госпиталей, оставлялъ ихъ въ повозкахъ, гдѣ день и ночь они подвергались всѣмъ перемѣнамъ погоды, и въ результатахъ получались совершенно неожиданныя выздоровленія. Упомянемъ еще (такъ какъ число примѣровъ легко можетъ быть увеличено) на счастливое учрежденіе госпиталей въ палаткахъ, смѣло практикованное Скриве и Миселемъ Леви во время крымской войны.

что закоренѣлый обычай не позволяет имѣть въ жилищѣ тѣхъ необходимыхъ принадлежностей, изъ которыхъ въ нашихъ домахъ современная цивилизація обращаетъ также большое вниманіе. Благодаря этому обычаю, черногорскіе дома избавляются отъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ зараженія воздуха, которая въ противномъ случаѣ дѣлала бы ихъ дома совершенно необитаемыми.

Житель Черногоріи, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, носитъ одинъ и тотъ-же костюмъ, и такъ какъ онъ презираетъ употребленіе воятика, то струка, защищающая его зимою отъ стужи, прикрываетъ его лѣтомъ отъ дождя. Надѣвъ капу, которая въ сущности не защищаетъ ни лба, ни глазъ, ни затылка, онъ въ продолженіи цѣлыхъ дней путешествуетъ подъ палящимъ солнцемъ или спокойно работаетъ на полѣ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для своего здоровья.

Черногорцы не отличаются опрятностью; продукты испареній, скопляющіеся на ихъ шерстяной одеждѣ и безъ того всегда грязной, привычка ѣсть прямо руками, безъ всякихъ предосторожностей, мясо, сыръ и сырой лукъ; пребываніе въ дымной атмосферѣ хижины — все это придаетъ имъ отвратительный запахъ, который будетъ особенно хорошо памятенъ нанюхавшимся его въ тѣхъ тавернахъ или *красмахъ*, гдѣ собираются въ базарный день крестьяне, прибывшіе на рынокъ.

Маисъ, картофель и мелочные продукты составляютъ основную пищу черногорца; свѣжее или соленое мясо только изрѣдка появляется на ихъ столѣ и есть скорѣе предметъ роскоши, чѣмъ ежедневнаго употребленія. Притомъ-же они вовсе не заботятся о томъ, чтобъ ихъ маисовой или ржаной хлѣбъ былъ вкусенъ и питателенъ; ихъ цѣль — получить, изъ кое-какихъ смолотыхъ зеренъ, тяжелую и зернистую массу, способную обезкуражить даже самый выносливый желудокъ. Тому, кто посоветуетъ имъ лучше просѣивать муку, они отвѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ получится лишь неудобоваримый, вредный для здоровья хлѣбъ *).

Черногорцы не ѣдятъ никакой дичи; мало того, они считаютъ ее вредною; такъ что, нѣсколько времени тому назадъ, можно было въ Цетиньнѣ купить за одинъ цванцигеръ великолѣпнаго зайца и за нѣсколько крейцеровъ отличную куроцатку. Въ деревняхъ сильно осуждаютъ тѣхъ, кто осмѣливается ѣсть курицы, но не потому, чтобъ это кушанье считалось дурнымъ, а потому, что это бесполезная роскошь: такія вещи не для насъ, говорятъ крестьяне, онѣ для богатыхъ и иностранцевъ.

Молоко и всѣ его продукты, а особенно кислое молоко, весьма любимы черногорцами. Дѣйствительно, эта пища болѣе чѣмъ всякая

*) Надо ли заключить изъ этого, что природа внушила этимъ совершенно невѣжественнымъ людямъ разрѣшеніе важнаго вопроса о роли отрубей въ пищѣ; вопроса, при обсужденіи котораго знаменитый Миллонъ напалъ на всѣ признанныя вѣрными идеи, утверждая что обиліе хлѣба есть качество чисто идеальное, которое лишаетъ хлѣбъ его естественной приправки.

другая подходит къ нервно-сангвиническому темпераменту черногорцевъ. На высшихъ вершинахъ ихъ горъ, гдѣ разрѣженный воздухъ возбуждаетъ органы, умѣряющая пища уравниваетъ атмосферическое возбужденіе; она даетъ имъ, какъ было сказано относительно швейцарскихъ горцевъ, «силу тѣла и физическую, и нравственную гармонию».

Общее и постоянное употребленіе мансоваго хлѣба не повело за собою, какъ намъ показалось, въ Черногоріи тѣхъ послѣдствій, которыя по справедливости были ему приписаны въ Ломбардіи, Испаніи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи. Болѣзнь, описанная въ первый разъ Казалемъ въ 1735 году подъ именемъ *болѣзни Розы* и впоследствии изучаемая подъ именемъ иланской проказы, неизвѣстна, по крайней мѣрѣ въ ея полномъ развитіи, въ Черногоріи, что безъ сомнѣнія зависитъ отъ тѣхъ совершенно исключительныхъ стараній, съ которыми производятъ обработку, жатву и сохраненіе этого драгоценнаго для страны хлѣба *). Но все таки нельзя утвердительно сказать, что пища эта не имѣетъ вліяніе на происхожденіе цѣлой массы нервныхъ болѣзней столь распространенныхъ въ Черногоріи.

Черногорцы заимствовали у своихъ сосѣдей турокъ обычай пить кофе, единственную роскошь, нарушающую монотонность ихъ обѣда. Потребленіе водки, сильно распространяющееся внутри княжества, должно-бы было обратить на себя серьезное вниманіе правительства, такъ какъ незначительная цѣна продукта и отсутствіе пошлинъ приведутъ къ тому, что порокъ этотъ сдѣлается общимъ во всей странѣ; тѣмъ болѣе, что онъ легче укореняется въ гористыхъ мѣстностяхъ, чѣмъ въ другихъ, просто по причинѣ большей дѣятельности дыхательныхъ органовъ, которые черезъ это требуютъ большаго матеріала для органическаго горѣнія. Поэтому для страны было бы настоящимъ благодѣяніемъ, а въ тоже время и источникомъ дохода для государства, если-бы на весь спиртъ, провозимый изъ заграницы, были налагаемы пошлины **).

Черногорецъ одинаково легко переноситъ недостатокъ пищи и плотные обѣды. При одномъ условіи найти по дорогѣ фонтаны, гдѣ-бы онъ могъ напиться, черногорецъ, нисколько не страдая отъ воздержанія, можетъ путешествовать цѣлые дни. Весь въ поту, едва дыша, бросается онъ къ источнику, жадно, глотокъ за глоткомъ, выпиваетъ громадное количество свѣжей воды, а потомъ, какъ будто оживленный, снова неумоимо продолжаетъ путь.

*) Каждый мансовый стебель очищается отъ листьевъ и имѣетъ только одинъ колосъ, поврежденія котораго ясно видны; зерна тщательно высушиваютъ, отбираютъ, кладутъ въ ящики и хранятъ въ самыхъ сухихъ мѣстахъ хижинъ.

**) Если справедливо, что ежегодное потребленіе спирта доходитъ до восьми или десяти тысячъ бочекъ (5,800—6,500 гектолитровъ), то доходы княжества легко могутъ быть удвоены. Для этого достаточно наложить пошлину въ путора шванцера на *батца*.

Бани въ Черногоріи совершенно неизвѣстны, и про черногорца можно сказать совершенно справедливо, что во всю свою жизнь онъ купался только одинъ разъ: именно при крещеніи. Вставая по утру, онъ доводитъ себя тѣмъ, что выливаетъ себѣ на голову крушинъ воды, слегка причесываетъ волосы и, если онъ не принадлежитъ къ высшимъ классамъ общества, то мѣняетъ бѣлье только въ томъ случаѣ, когда разъ надѣтая рубашка сама въ видѣ лохмотьевъ спадаетъ съ него. Носовые платки ему тоже совершенно незнакомы и вмѣсто нихъ онъ практикуетъ одно средство, совершенно не совмѣстное даже съ самыми элементарными понятіями о благопристойности. Грязное бѣлье и шерстяная одежда, пропитанная все возможными испареніями; дурной воздухъ жилищъ; необходимость спать тремя или четырьмя на одной кровати; употребленіе общей домашней посуды, чистота которой всегда болѣе чѣмъ сомнительна, и наконецъ общее презрѣніе ко всѣмъ гигиеническимъ предосторожностямъ — все это ведетъ за собою упорныя и многочисленныя кожные болѣзни, и, если къ нимъ примѣшаются заразительные элементы, то понятно съ какою легкостью сыпныя лихорадки, чесотка, лишай всѣхъ возможныхъ видовъ развиваются въ семействахъ и цѣлыхъ деревняхъ. Противники самыхъ полезныхъ нововведеній, черногорцы не признаютъ до сихъ поръ благодѣяній предохранительной оспы и, подобно тому какъ это было въ прошломъ столѣтіи, прибѣгаютъ къ прививанію дѣйствительной оспенной матеріи, когда размѣръ эпидеміи испугаетъ ихъ. Иногда, къ несчастью, лекарства переходятъ цѣль; но частые случаи смерти отъ употребленія этого опаснаго средства вовсе не открываютъ имъ глаза. Мы сами два раза пытались ввести въ общее употребленіе предохранительное оспопрививаніе, и если наши усилія и не пропали совершенно даромъ, то ограничились весьма небольшимъ кружкомъ, между тѣмъ, какъ достаточно было бы нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ распространить по всей странѣ предохранительное оспопрививаніе.

Въ мѣстахъ сосѣднихъ съ турецкими провинціями, гдѣ существуетъ относительная распущенность нравовъ, неизвѣстная внутри страны, можно часто встрѣтить случаи той болѣзни, по поводу которой французы, итальянцы и испанцы долго дѣлали другъ другу незаслуженные упреки. Не входя въ подробности, мы только замѣтимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, жертвы заразы, остановивъ послѣднія проявленія которой не въ силахъ никакія лекарства, дѣлаются, какъ средневѣковые прокаженные, предметомъ ужаса и отвращенія. Ихъ запираютъ вдали отъ всякаго жилья въ настоящія берлоги; никто не посѣщаетъ ихъ, и тамъ въ ожиданіи смерти они получаютъ скудную пищу.

Переменяющія лихорадки вполне царствуютъ въ низменныхъ частяхъ Черногоріи, особенно по болотистымъ берегамъ Черноевича, Рѣки, въ части Черничи, сосѣдней съ рѣкой Вире и озеромъ Ску-

тари и во всѣхъ Бѣлопавичахъ. Обыкновенно они возобновляются три или четыре раза и за частую не влекутъ за собою серьезныхъ послѣдствій.

Иногда впрочемъ, особенно если бѣдность помогаетъ болѣзни они оставляютъ послѣ себя гипертрофію селезенки и полнѣйшее худосочіе. Злокачественныя лихорадки случаются тоже довольно часто и намъ случалось видѣть въ Цетиньѣ нѣсколько людей, пораженныхъ этою болѣзнию, которую они занесли изъ низменныхъ мѣстностей страны.

Тифозная горячка, въ счастью, случается довольно рѣдко; надо думать, что съ развитіемъ народонаселенія она увеличится. Ревматизмъ и волотухи распространены значительно; легочная чахотка поражаетъ весьма немногихъ лицъ, и жертвами ея бывають исключительно женщины.

Хотя холера только одинъ разъ посѣтила черногорію, но жители до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминають объ эпидеміи 1867 года.

Первыя болѣзни, какъ вѣжеться, вполне преобладають въ патологіи черногорцевъ; душевно-больные составляютъ значительный процентъ для такого незначительнаго народонаселенія; весьма распространены хроническія головныя боли, мигрени и самыя разнообразныя невралгіи, параличи съ самаго дѣтства, истерика почти у трети женщинъ, нервное разстройство у мужчинъ и нервныя біенія аорты у обоихъ половъ *). Въ Бѣлопавичахъ намъ показывали одного субъекта, одержимаго странною болѣзнию: онъ постоянно чувствовалъ сильный холодъ, такъ что даже лѣтомъ у огня очага, покрытый нѣсколькими одѣялами, онъ, что называется, не могъ попасть зубъ на зубъ. Подобныя-же факты были намъ сообщены докторомъ Аслани, въ настоящее время медикомъ въ Сирѣ, который прожилъ много лѣтъ въ Черногоріи.

Дѣти по большей части страдаютъ глистами; болѣзнь солитера тоже довольно распространена, особенно въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ преобладаетъ молочная пища, какъ напр. въ Бѣлопавичахъ. Но хотя лекарство у нихъ и подъ руками (такъ какъ гранатовыя деревья распространены по всей странѣ), однако черногорцы тщетно употребляютъ различныя эмперическія лекарства, чтобъ выжить непрощеннаго гостя **). Худое пищевареніе, наблюдаемое весьма часто, происходитъ безъ сомнѣнія отъ злоупотребленія спиртными напи-

*) Эта болѣзнь совершенно сбиваетъ съ толку черногорцевъ, и часто страдающіе ею жалуются, что скорпіонъ или другое какое животное грызетъ имъ животъ.

Вначалѣ мы думали объяснить происхожденіе этой болѣзни у мужчинъ тѣмъ, что ихъ оружіе всею своею тяжестью лежитъ исключительно на животѣ; но разъ дѣло идетъ о женщинахъ, эта причина ничего не объясняетъ. Быть можетъ тутъ виновата сама пища; огромное количество картофеля и тяжелаго мансоваго хлѣба страшно растягиваетъ желудокъ и вѣроятно дѣйствуетъ механически не только на аорту, но и на утробное нервное сплетеніе.

***) Одинъ изъ нихъ рассказывалъ намъ, что ѣздилъ въ Вѣну, чтобъ избавиться отъ солитера.

тками, дурной пищи и непрерывнаго куренія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, особенно въ Бердахъ, попадаются, отдѣльные случаи слоновьей проказы; жирныя опухоли не рѣдки: у одной женщины ихъ было до 150. Не смотря на общее употребленіе соленаго мяса, скорбутъ никого не поражаетъ; правда соленая пища нейтрализуется кислыми плодами и кислымъ молокомъ. Наконецъ, благодаря изобилію ехиднъ различныхъ породъ, случаи ядовитыхъ укушеній встрѣчаются каждый годъ и иногда бываютъ смертельны. Весьма не мудрено, что главныя болѣзни сильно распространены въ Черногоріи, такъ какъ жители нисколько не предохраняютъ свои глаза отъ вышнихъ вліяній, а потому весьма часто можно наблюдать: воспаленіе глазныхъ вѣкъ, воспаленія бѣлочной плевы, перепончатый наростъ и воспаленіе радужной плевы.

Привычка рубить дрова топоромъ, не прибѣгая къ пилѣ, имѣетъ слѣдствіемъ частыя ушибы глаза, а отсюда развиваются многочисленныя катаракты. Близорукость, какъ мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ, встрѣчается весьма рѣдко; тоже можно сказать и про дальноворкость. Притомъ, употребленіе очковъ почти неизвѣстно въ Черногоріи, что безъ сомнѣнія нужно приписать или дурно направленному самолюбію, которое не позволяетъ сознаться ни въ малѣйшемъ недостаткѣ, или-же боязни прослыть смѣшнымъ.

Чтобы дополнить вышеизложенное, скажемъ нѣсколько словъ о способахъ леченія, наиболѣе распространенныхъ въ Черногоріи, способахъ, для которыхъ вы напрасно стали-бы искать другаго основанія, кромѣ чистаго эмпиризма, такъ какъ забота объ общественномъ здоровьѣ составляетъ достояніе нѣсколькихъ семействъ, которыя берегутъ секретъ болѣе и менѣе таинственныхъ всеисцѣляющихъ составовъ.

До холерной эпидеміи 1867 года въ Черногоріи былъ весьма распространенъ обычай кровопусканія, но съ этого времени кредитъ этого средства значительно пошатнулся, что безъ сомнѣнія произошло отъ злоупотребенія имъ различныхъ шарлатановъ, набѣжавшихъ сюда въ время эпидеміи. Впрочемъ, черногорецъ вовсе не ждетъ медика, чтобъ произвести эту маленькую операцію. Онъ беретъ пиявку и самъ приставляетъ еѣ къ внутренней ручной жилѣ и выпускаетъ такимъ образомъ нужное ему количество крови. Для остановки крови онъ употребляетъ паутину или еще лучше пухъ, пропитанный дубильнымъ веществомъ. Пиявки, поэтому, пользуются большимъ уваженіемъ, и нѣкоторыя лица, не желая покупать ихъ, ни ловить самими, входятъ просто въ болото, гдѣ они водятся, и ждутъ пока въ ихъ ноги не всосутся штукъ пятьдесятъ. Равнымъ образомъ употребляютъ кстати и некстати кровеносныя банки и такъ какъ для этой цѣли обыкновенно служатъ бычачьи рога, то и вошло въ привычку говорить человѣку, которой жалутся на какую нибудь болѣзнь «поставь себѣ

пять или шесть роговъ». Нарывной пластырь, какъ и банки, пользуется особымъ довѣріемъ и къ нему прибѣгаютъ весьма часто.

Черногорцы сильно уважаютъ рвотныя, но напротивъ страшно боятся слабительныхъ. Поэтому во время болѣзни они исключительно просятъ доктора дать имъ такого лекарства, чтобы ихъ вырвало. Дѣло въ томъ, что *сафру*, желчь, они считаютъ причиною всѣхъ болѣзней и имъ кажется необходимымъ избавиться отъ нея посредствомъ рвотнаго *). Но чтобы ихъ вырвало имъ нужно принять чрезвычайно сильную дозу, такъ какъ ихъ кушанья, сильно приправленные пряно-стями, и огромное количество поглощаемой ими водки нейтрализуютъ дѣйствіе рвотнаго. Такъ какъ значительныя дозы виннаго камня пропитаннаго сурьюмою или ипебакуаны не производятъ на нихъ никакого дѣйствія, то они сами готовятъ чрезвычайно сильное рвотное, именно: трехдневный настой воды на тывѣ. Раны съ опухолью, они лѣчатъ никотиномъ весьма богатымъ чернымъ и ѣдкимъ остаткомъ, который скопляется на днѣ ихъ чубука.

Что касается докторскихъ предписаній, то обыкновенно они контролируются и обсуждаются цѣлымъ ареопагомъ болѣе и менѣе ученыхъ родственниковъ или сосѣдей, которые, выражая каждый свое мнѣніе, до такой стѣпени смущаютъ больного, что онъ обочательно забываетъ предписанія своего медика. Такимъ образомъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ роль этого послѣдняго сводится на ничто. Къ тому же онъ рѣшительно не можетъ похвѣшать больному ѣсть что ему угодно и пить водку или кислое молоко, и больные съ самою невозмутимую увѣренностью отрицаютъ передъ нимъ всѣ неосторожности, сдѣланныя въ промежуткѣ между его визитами. И притомъ нужно обладать испытаннымъ самоотверженіемъ, чтобы довести до конца медицинскія изслѣдованія надъ лицомъ, одно прикосновеніе къ которому можетъ быть если и не опасно, то во всякомъ случаѣ неприятно по своимъ послѣдствіямъ.

Всѣвозможныя глазныя болѣзни обыкновенно лечатся простымъ подвязываніемъ глаза и затѣмъ въ видѣ второстепеннаго средства прикладываютъ растеніе *дрегнякъ*, (*dregniak*) или въ свѣжемъ состояніи или въ видѣ порошка,—родъ леченія скорѣе увеличивающій, нежели уменьшающій болѣзнь. .

Черногорскіе шарлатаны не охотно берутъ на себя отвѣтственность въ трудной хирургической операціи; они рѣшаются отрѣзать какой нибудь членъ только тогда, когда тотъ едва держится. Въ случаѣ гангрены они приближаютъ къ огню пораженную часть и смотря потому остается-ли она нечувствительна къ жару или нѣтъ, они рѣшаются дополнить дѣло природы. Но каждый разъ, когда представится случай употребить микстуру, они не примнутъ это сдѣлать. Пуля пробивала легкое у одного молодого человѣка; мы предписали употреб-

*) Ихъ сосѣди турки, съ своей стороны, считаютъ геморой причиною всѣхъ болѣзней.

леніе наиболѣе раціональныхъ мѣръ, которыя указываетъ въ этомъ случаѣ наука. Но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ, не смотря на всѣ наши усилія, въ гостинницу, гдѣ лежалъ раненый, нахлынула цѣлая толпа людей и больного забросали вопросами и совѣтами. Скоро явился знаменитый мѣстный хирургъ со всѣми своими инструментами. Онъ началъ съ того, что приготовилъ изъ полотна длинную втулку, вымазалъ ее мазью и принялся двигать ею въ разнѣ изъ стороны въ сторону. Эта операція продолжалась каждый день до тѣхъ поръ пока не образовалось въ груди страшнаго нагноенія. Чтобъ освободить отъ него грудь, больного заставили стать на четвереньки и въ этомъ положеніи начали ему, такъ сказать, чистить легкія, пока наконецъ онъ не умеръ. Несчастный, благодаря какому-то чуду, все таки въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати дней сопротивлялся соединеннымъ усиліямъ его хирурга и друзей, какъ будто торопившихъ его кончину.

Леченіе лихорадочныхъ болѣзней вообще начинается съ того, что больного укутываютъ въ толстыя шерстяныя одѣяла и кладутъ на соломенномъ тюфякѣ близъ очага, гдѣ огонь поддерживается непрерывно; такъ какъ голова больного, какъ будто нарочно, вполне подвержена дѣйствию огня очага, то крайне непонятно отчего больной не всегда умираетъ, если не отъ своей болѣзни, то отъ прилива крови къ мозгу. Когда онъ достаточно поджарится съ одной стороны, его перевертываютъ на другую и все время угощаютъ водкой, уксусомъ и настоемъ *пеллина* (шалфей), которому они очень довѣряютъ, и все это съ цѣлю заставить больного скорѣе вспотѣть, что считается хорошимъ признакомъ. Мы слышали, хотя сами не были свидѣтелями этого, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ больного обвертываютъ въ теплую еще шкуру убитаго барана. Насколько черногорецъ равнодушенъ къ своимъ ранамъ на столько онъ боится всякой болѣзни, природу которой онъ не можетъ понять. Поэтому въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ существуетъ еще обычай: прежде чѣмъ позвать доктора, отнести больного въ церковь гдѣ оставляютъ его въ продолженіи нѣсколькихъ дней, какъ будто только помощь неба способна возвратитъ ему здоровье. Иногда при хроническихъ болѣзняхъ черногорецъ, до сихъ поръ и не думавшій обращаться къ кому нибудь за помощію, внезапно захочетъ лечиться. Тогда онъ начинаетъ жаловаться на боль, ложится въ постель, и будь-то въ самую ужасную погоду, ночью, онъ все таки посылаетъ за докторомъ, который натурально спѣшитъ на помощь, но пріѣхавъ узнаетъ къ своему величайшему удивленію, что его больной уже нѣсколько лѣтъ находится въ томъ-же самомъ положеніи. Въ другихъ случаяхъ они лечатся, такъ сказать, по довѣренности. Родственникъ или другъ больного идетъ къ доктору и говоритъ ему: «у меня болитъ то-то, съ такого-то времени; я испытываю то-то и то-то; что вы посоветуете мнѣ сдѣлать?» Получивъ извѣстныя наставленія, повѣренный отправляется къ сво-

ему больному и сообщает ему результаты консультаціи, а если находить что онъ полезенъ и для него, то и самъ воспользуется имъ. Если случится комунибудь заболѣть лихорадкой и слечь въ постель, то немедленно прибѣгаютъ сосѣди, какъ будто совершенно убитые этимъ обстоятельствомъ: «узнаешь-ли ты меня?» спрашиваетъ одинъ; другой безъ церемоніи прибавляетъ «А! онъ сейчасъ умретъ» или-же «это умершій человѣкъ» и торопятся зажечь свѣчи и позвать священника, чтобъ исповѣдать мнимаго умирающаго. Такимъ образомъ можетъ случиться, чѣму разъ мы сами были свидѣтелями, что въ одинъ и тотъ-же день, человѣкъ, совершенно здоровый утромъ, слячетъ въ постель, его исповѣдаютъ, причастятъ, оплачутъ, а вечеромъ онъ почти здоровый сидитъ за ужиномъ.

Когда черногорцу дѣлаютъ какуюнибудь болѣзненную операцію, то онъ не кричитъ, что было-бы для него позоромъ, а сжимаетъ зубы, бьетъ себя кулаками въ грудь и лобъ и дѣлаетъ такія гримасы, что хирургъ можетъ спросить себя, уже не дѣйствительно-ли сумасшедшій находится у него въ рукахъ? Но все это отвлекаетъ вниманіе больнаго отъ боли—и честь спасена.

Всевозможныя раны заживаютъ у черногорцевъ съ замѣчательною легкостью. Лихорадка, происходящая отъ раны, имъ совершенно неизвѣстна *), не знаютъ они также ни рожи, ни вторичнаго гнойнаго всасыванія; въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ причина успѣха ихъ хирургіи, никогда не прибѣгающей къ операціямъ отрѣзанья, такъ какъ черногорецъ предпочитаетъ смерть потери какагонибудь члена.

Большіе любители всевозможныхъ мазей, черногорскіе медики охотно покрываютъ ими всѣ, даже самыя незначительныя раны; хорошо еще, что смолистыя вещества входятъ главнымъ образомъ въ составъ этихъ лекарствъ и нейтрализуютъ вредное дѣйствіе горькихъ жировъ, тоже употребляющихся для приготовленія мази. Много разъ случалось намъ слышать о фармацевтическихъ секретяхъ, переходимыхъ отъ отца къ сыну въ нѣкоторыхъ черногорскихъ семействахъ, или о средствахъ, постоянно съ успѣхомъ примѣняющихся даже къ такъ называемымъ, неизлечимымъ болѣзнямъ. Но намъ, кажется, что народное легковѣріе служитъ единственною гарантіею

*) Нужно-ли приписать отсутствіе этой лихорадки счастливому свойству ихъ натурн, хладнокровію и ихъ храбрости при самыхъ опасныхъ ранахъ и тому равнодушію, съ которымъ они относятся къ нимъ? Раненые черногорцы встрѣчаютъ своего князя обычными жаркими восклицаніями; ихъ походные госпитали оглашаются скорѣе пѣснями и криками *живо!*, чѣмъ стонами и воплями отчаянія. Припомнимъ, къ тому-же, что Карлъ XII, опасно раненый подъ Полтавою, вопль съхраняетъ свою неукротимую энергію, и благодаря этому избѣгаетъ гнояной лихорадки. Носимый въ качалкѣ онъ нисколько не задумывается дать великую и рѣшительную битву; онъ проигралъ ея; собранные на берегу Днѣпра солдаты и офицеры ждали только его приказанія, чтобъ умереть, какъ истинные шведы; но гнояная лихорадка изъ героя сдѣлала простаго человѣка или скорѣе, какъ говоритъ Вольтеръ, себя не сознающаго больнаго. Его рана гноилась; лихорадка мучила его, а замѣчено, что многіе самыя неустрашимые люди, во время гнояной лихорадки, теряли эту способность, которая, какъ и другія добродѣтели, требуютъ яснаго, спокойнаго состоянія души. Карлъ не былъ больше самимъ собою.

этих баснословныхъ результатовъ, а потому мы и не считаемъ нужнымъ указывать на нихъ. Упомянемъ только къ случаю, что одно семейство въ Бердахъ утверждаетъ, что ему извѣстно вѣрное средство противъ водобоязни, которое, если употреблять его въ продолженіи шести недѣль послѣ укушенія, даетъ полное выздоровленіе. Фактъ исцѣленія подтверждали намъ весьма почтенные люди. То, что намъ удалось узнать объ этомъ важномъ секретѣ, не имѣетъ нужды быть скрываемымъ; леченіе состоитъ въ слѣдующемъ: 1-е дѣлается подъ языкомъ надрѣзъ (безъ сомнѣнія открытіе или уничтоженіе *lysses*); 2-е открываютъ подъязычную вену; 3-е вводятъ туда жидкость, для приготовленія которой употребляютъ мѣдную пластинку (очевидно растворенную въ какой нибудь кислотѣ, или можетъ быть прямо въ уксусѣ, что дастъ въ результатѣ уксусно-кислую мѣдь). Это леченіе водобоязни было открыто семейству, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, однимъ жителемъ Константинополя, которому предки этого семейства оказали когда-то важную услугу. Напрасно нѣсколько разъ призывали въ Цетинью обоихъ братьевъ, владѣющихъ теперь этимъ секретомъ и за большую цѣну просили ихъ открыть его; братья постоянно отказывались сдѣлать это, такъ что изъ всего способа леченія извѣстны только нѣкоторыя частности, описанныя нами выше.

Въ закоренѣлыхъ болѣзняхъ уха, черногорцы прибѣгаютъ къ весьма оригинальному леченію, которое, не смотря на всю свою простоту, содержитъ въ себѣ зародышъ одного изъ наиболѣе научныхъ изобрѣтеній современной терапевтіи. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: готовятъ изъ полотна родъ трубочки или удлиненнаго рожка и покрываютъ его воскомъ. Трубочку эту вставляютъ въ слуховой проходъ, потомъ зажигаютъ ея свободный конецъ, такъ что внутри уха образуется довольно сильное теченіе воздуха, которое и прочищаетъ больной органъ. Несомнѣнно, что этотъ способъ представляетъ въ миниатюрѣ примѣненіе воздуха къ очищенію; въ данномъ случаѣ воздухъ разрѣзается въ наружной части уха и потому быстро входитъ въ евстафьеву трубу и въ ящикъ барабанной перепонки и прочищаетъ ихъ. Но какая лежитъ пропасть между ушною трубкою черногорцевъ и аппаратами Гаука и Вальденбурга! Не распространяясь много, мы скажемъ нѣсколько словъ объ одной хирургической операціи, съ давняго времени извѣстной въ Черногоріи, и къ которой жители относятся съ безграничнымъ довѣріемъ, именно о сверленіи черепа. Одно названіе этой операціи заставитъ въ наше время содрогнуться обыкновеннаго человѣка, но черногорцы, подобно арабамъ, относятся къ ней такъ-же просто, какъ мы относимся къ кровопусканію. Впрочемъ, не надо думать, что каждый черногорскій медикъ или костоправъ занимается операціею сверленія черепа: нѣтъ; она въ нѣкоторомъ смыслѣ собственность фамиліи Иллишковиць, въ Черницѣ, члены которой въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній не переставали кстати и некстати сверлить черепа жителямъ Черногоріи.

Такъ какъ черногорцы приписываютъ причину всѣхъ головныхъ болей застою крови въ черепѣ, то весьма естественно, что они желаютъ избавиться отъ этихъ болей, проникнувъ въ самое мѣсто нахождения болѣзни. Въ этомъ лежитъ причина той легкости, съ которой они рѣшаются на опасную операцію сверленія черепа, чтобъ избавиться отъ упорныхъ невралгій или отъ головныхъ болей, явившихся слѣдствіемъ ударовъ или паденія на голову. Впрочемъ нужно сознаться, что интенсивность этихъ болей, причина которыхъ лежитъ частью въ самомъ мозгѣ, частью въ надчерепныхъ нервахъ, оправдываетъ до нѣкоторой степени тѣ попытки, которыя черногорцы производятъ иногда до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ дѣйствительнаго облегченія. Кромѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ мы сами могли видѣть слѣды одного или нѣсколькихъ сверленій черепа, намъ передавали, что есть субъекты, выдержавшіе благополучно отъ восьми до десяти подобныхъ операцій. Впрочемъ факты, признанные самою наукою, показываютъ съ какою легкостью черепъ переноситъ дѣйствіе не только сверла, но и долота и колотушки. Если Марешаль могъ просверлить въ двѣнадцать мѣстахъ голову одной молодой дѣвушки и соединить эти дырѣя въ одно широкое отверстіе; если Мэтри де Латушъ могъ сдѣлать тоже самое пятьдесятъ два раза на одномъ и томъ-же индивидуумѣ, не убивъ его; если Лапейрони употребилъ цѣлый арсеналъ слесарныхъ инструментовъ, чтобъ отрѣзать всю лобную часть; если фактъ, приводимый Савьяромъ, объ одномъ лицѣ, которое замѣстило тыквеннымъ дномъ три четверти снятаго у него черепа, вѣренъ, то также весьма понятно, что въ Черногоріи живутъ съ двѣнадцатью дырѣями въ черепѣ, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго неудобства. Этимъ объясняются слова одного изъ знаменитыхъ современныхъ хирурговъ, противника операціи сверленія черепа, который слѣдующимъ образомъ выражалъ свое недовѣріе въ ея дѣйствительности: «успѣхъ, достигнутый операціею сверленія черепа, доказываетъ только то, что операція эта сама по себѣ не безусловно смертельна».

Что касается до хода операціи, то мы не можемъ описать его, ибо какъ свидѣтели, такъ и Иллишковици ни за какую цѣну не соглашались работать на глазахъ иностранца; поэтому мы позволяемъ себѣ заимствовать у доктора Булонъ описаніе этой операціи, сдѣланное имъ со словъ очевидцевъ, людей умныхъ и весьма почтенныхъ, описаніе совершенно согласное съ свѣденіями, собранными нами. «Тщательно выбривъ, въ мѣстѣ сильнѣйшей боли, часть черепа, величиною въ ладонь, черногорскій хирургъ разсѣкаетъ и снимаетъ круглый кусочекъ кожи величиною немного больше двугривеннаго. Затѣмъ онъ скребетъ по кости, чтобъ очистить ея отъ всѣхъ тканей, которыя еще могутъ остаться на ней послѣ снятія кожи (одинъ изъ хирурговъ немедленно продолжаетъ операцію, другіе же отглаживаютъ ея до завтрашняго дня); послѣ этого концомъ черепнаго бу-

рава, не употребляя рукоятки, онъ отдѣляетъ костяной кружокъ величиною въ гривенникъ, т. е. около одного сантиметра въ диаметръ. Сдѣлавъ это, хирургъ приказываетъ пациенту побольше наклонить голову въ сторону отверстия, которое онъ продѣлалъ, съ цѣлью облегчить выходъ текущей крови. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ самъ вводитъ многократно въ дырочку тонкую губку, помощью которой, какъ онъ объясняетъ, она идетъ искать послѣднія капли больной крови. Этимъ операція заканчивается, и отверстие закрывается маленькимъ кусочкомъ полотна, смазаннаго вощаннымъ спускомъ*).

Мы не можемъ согласиться съ знаменитымъ докторомъ, у котораго мы заимствовали это описаніе, въ томъ, что польза этой операціи (если только польза дѣйствительно существуетъ) происходитъ отъ разрыва нѣкоторыхъ болѣе или менѣе проблематическихъ нитей, пораженныхъ невралгіею. Тутъ есть что-то до сихъ поръ не объясненное; или не зависитъ-ли успѣхъ операціи отъ условія дотронуться непосредственно до гнойной впадины и этимъ произвести надлежащее кровотеченіе. Невѣжество хирурговъ, о которыхъ мы говоримъ, не позволяетъ имъ сдѣлать этого различія и бояться послѣдствій раны, которая впрочемъ, если вѣрить словамъ большинства знаменитыхъ хирурговъ, обыкновенно не ведетъ за собою никакихъ опасныхъ послѣдствій. Въ этомъ случаѣ, кровоизліаніе, которому помогаетъ хирургъ, наклоняя голову пациента, подѣйствуетъ какъ мѣстное кровопусканіе и облегчитъ мозгъ чрезъ открытую гнойную впадину.

Наконецъ скажемъ въ заключеніе, что народная опытность не могла бы обманываться въ продолженіи столькихъ поколѣній, и если черногорцы, какъ и арабы, продолжаютъ упорствовать въ хирургическомъ заблужденіи, которое намъ кажется ужаснымъ, то это доказываетъ, что они извлекаютъ изъ него извѣстную пользу и всё научныя теоріи разобьются предъ очевидностью совершившагося факта, что дало возможность Вовенаргу остроумно сказать: «Теоріи безъ фактовъ суть только ремесло разсудка».

Черногорія почти не имѣетъ докторовъ, пріѣзжающіе туда остаются тамъ недолго, княжество еще много лѣтъ будетъ находиться во власти костошраровъ, которымъ она предоставляетъ заботы о народномъ здравіи. Между тѣмъ было-бы не трудно снабдить страну извѣстнымъ числомъ медиковъ, если-бы привести въ исполненіе планъ, предложенный нами еще въ 1869 году, и который состоялъ въ отправкѣ каждый годъ одного или двухъ молодыхъ черногорцевъ, кончившихъ курсъ въ общихъ школахъ, въ Бѣлградъ, въ медицинскую школу, съ тѣмъ чтобы послѣ четырехъ лѣтъ они снова возвратились въ страну. Если бы этотъ проектъ былъ реализованъ, княжество теперѣ уже обладало бы необходимымъ числомъ медиковъ, и относительно значи-

*) *Boulougne; le Monténégro.*

тебныя суммы, истрачиваемыя каждый годъ на иностранцевъ, болѣе естественно и плодотворно возвращались бы въ руки черногорцевъ, для которыхъ они сдѣлались бы неожиданнымъ богатствомъ. Въ этомъ случаѣ во время войны и эпидеміи не было бы необходимости прибѣгать съ большими издержками къ помощи различныхъ авантюристовъ, знанія которыхъ не могутъ внушать большаго довѣрія. При томъ же мы убѣждены, что черногорцы будутъ изучать медико-хирургическія науки съ тѣмъ же успѣхомъ, который они выказали при изученіи другихъ наукъ. Мы можемъ привести въ подтвержденіе нашихъ словъ тотъ фактъ, что, учредивъ въ 1872 году при семинаріи, въ видѣ опыта, курсъ элементарной хирургіи, мы въ нѣсколько мѣсяцевъ достигли такихъ результатовъ, что наши ученики, въ нѣкоторыхъ чисто практическихъ вещахъ могли поспорить съ кончившими курсъ медиками.

Прибавимъ еще, что, въ виду трудности для княжества набирать за границую и удерживать въ странѣ болѣе или менѣе порядочный личный медицинскій составъ, со стороны правительства было бы весьма благоразумно поощрять труды скромныхъ и добросовѣстныхъ людей и привязывать ихъ къ себѣ. Такого вниманія правительства заслуживаетъ напр. нашъ другъ докторъ Ж. Аслани, кончившій курсъ въ афинскомъ университетѣ; своими филологическими и профессиональными знаніями, своимъ хорошимъ знакомствомъ съ языкомъ и нравами черногорцевъ, онъ долго могъ бы оказывать странѣ неоцѣненныя услуги.

ГЛАВА XV.

Черногорія съ военной точки зрѣнія. — Древнія времена. — Попытки реформы, сдѣланныя княземъ Даниломъ I. — Нынѣшняя организація. — Черногорскій воинъ.

Черногорская пословица говоритъ: «возьми мое ружье, или моего брата, все равно». Какой другой народъ, кромѣ народа, у котораго военные инстинкты преобладаютъ надъ всѣми другими, могъ лучше характеризовать свою привязанность къ оружію, необходимому ему каждую минуту для защиты своей родины. Дѣйствительно, настоящій черногорецъ не заботится ни о своемъ домѣ, ни о своемъ полѣ, ни объ остальномъ имѣніи; онъ безъ сожалѣнія жертвуетъ ими, если можетъ еще сжимать рукою прикладъ своего ружья; но если приказъ князя отниметъ у него этотъ символъ его храбрости и обязанности, это для него стыдъ и безчестіе. Съ подобными чувствами у своихъ обитателей, Черногорія можетъ представлять обширный боевой лагерь, гдѣ, начиная отъ ребенка и кончая старикомъ, всѣ солдаты;

и такова дѣйствительно картина Черногоріи въ теченіи всей ея воинственной исторіи. Но до 1853 года не существовало и тѣни организаціи въ войскѣ, собиравшемся на скоро для защиты своихъ враговъ. Едва непріятель угрожалъ какому-нибудь пограничному мѣсту, какъ это извѣстіе, быстро разносимое по странѣ неутомимыми ходами или криками часовыхъ, переходило отъ *плема* къ *племя*, отъ деревни къ деревнѣ, поджигало всѣхъ здоровыхъ людей и они въ безпорядкѣ, заботясь только о быстротѣ хода, брасались къ тому мѣсту, гдѣ угрожала опасность. Въ этомъ случаѣ, каждый велъ войну, такъ сказать, лично отъ себя; или если репутація какого-нибудь воина возбуждала довѣріе къ его храбрости и способности, то собирались вокругъ него и формировался отрядъ. Часто турецкіе единовѣрцы заранѣе давали знать черногорцамъ о планѣ непріятеля и о пунктахъ нападенія или указывали направленіе, взятое непріятельскими отрядами и обозомъ, которые въ этомъ случаѣ не трудно было захватить. Каждый черногорецъ бралъ свое оружіе, пищу и все необходимое для начинающей компаніи. Государство снабжало его только порохомъ, да и то, по своей бѣдности, часто въ весьма незначительномъ количествѣ.

Если довѣриться указаніямъ, даннымъ быть можетъ даже съ излишнею точностью Маріано Болицца, то Черногорія въ семнадцатомъ вѣкѣ могла выставить восемь тысячъ двадцать семь сражающихся собранныхъ изъ девяноста деревень и трехъ тысячъ пятисотъ двадцати четырехъ домовъ. Но въ этомъ числѣ только восемьсотъ имѣли ружья; остальные были вооружены саблями, копьями и щитами *). Въ этой иррегулярной арміи, составленной изъ болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга частей, дѣйствующихъ сообща только подъ начальствомъ владыки, каждый солдатъ совершенно не зналъ другихъ начальниковъ, кромѣ начальника своей деревни; да и сами начальники, ревнивые къ своимъ правамъ, часто изъ за соперничества прибѣгавшіе къ оружію **), угрожались только подъ взглядомъ своего государя и признавали лишь его власть. Только одинъ отрядъ перяниковъ ***) , образованный владыкой Петромъ II, представлялъ собою нѣкоторую однородность. Они въ одно и тоже время были тѣлохранителями князя, исполняли полицейскія обязанности и слѣдили за исполненіемъ законовъ. Позднѣе, князь Данило, наслѣдникъ

*) La prima parte principale, che e Montenegro, contiene in se rilluggi 90, fanno case 3,524 et gente armata 8,027.

Fra quali ri possono essere ottocento archebuggiera, el sesto sspada, targa e gi'gazina, e sono tutte di rito greco (Mariano Bolizza, loc. cit.).

**) Петръ I въ продолженіи всего своего царствованія боролся съ этими злоупотребленіями, столь гибельными для общаго блага страны, и даже со смертнаго оубра призывалъ жить въ согласіи вождямъ, окружившимъ его, чтобы выслушать послѣднія приказанія.

***) Названіе перяникъ произошло отъ перяница, (плюмажъ-султанъ) потому что этотъ отрядъ носилъ на своихъ шапкахъ султанъ или *перяница*, похожую на кошака древнихъ сербовъ. Отрядъ перяниковъ состоялъ изъ ста человѣкъ; быть въ немъ и до сихъ поръ считается за честь.

Петра II, образовалъ родъ гвардіи, состоящей изъ лучшихъ людей, испытанныхъ въ предшествующихъ войнахъ; эта гвардія со временемъ оказала значительныя услуги. Въ 1853 году онъ приказалъ вести списки людямъ отъ восемнадцати до пятидесяти лѣтъ, положивъ такимъ образомъ начало дѣйствительной арміи, главнымъ начальникомъ которой былъ онъ самъ; съ другой стороны онъ создалъ кадры, которыя состояли изъ капитановъ (*капитани*), назначенныхъ для командованія надъ племенами; сотниковъ (*стотинаши*)—начальниковъ надъ сотнями, и десятниковъ (*десешиани*), командующихъ взводомъ изъ десяти человекъ; кромѣ того въ каждой ротѣ находился знаменщикъ или *борякторъ*. Равнымъ образомъ Данило учредилъ званіе соотвѣтствующее нашему полковничьему чину и воеводъ (*дюковъ*, *дус*), замѣняющихъ нашихъ генераловъ. Гвардейскій отрядъ, ядро котораго было сформировано княземъ Метромъ II, былъ увеличенъ сравнительно въ значительномъ размѣрѣ и образовалъ собою тѣ знаменитыя войска, которыя въ кровавый день подъ Граховымъ рѣшили битву въ пользу черногорцевъ.

Эта почти иррегулярная армія, которую князь Данило пытался замѣнить недисциплинированныя банды черногорцевъ, была вовсе незнакома ни съ военнымъ способомъ обращенія съ оружіемъ, ни съ военными движеніями; при образованіи ея имѣлась только одна цѣль: достигъ того, чтобъ каждый зналъ за кѣмъ онъ долженъ слѣдовать, когда придется идти на непріятеля. Разъ война кончилась, эти импровизованныя войска, раздѣливъ съ начальниками и государствомъ военную добычу, расходились по своимъ деревнямъ и, впредь до получения новаго приказанія, мирно занимались деревенскими работами. Въ мирное время *стотинаши* оставались судьями въ своихъ участкахъ; *воиводи* и *сердари* поступали въ сенатъ.

Черногорцы уже съ давнихъ поръ имѣютъ нынѣшнее вооруженіе т. е. ятаганъ или *ханджаръ*, два пистолета, длинное албанское ружье или *дуа пушка* и патронницу. Издержки на войну, кромѣ народа, падали лично на каждого и вознагражденіемъ за нихъ, и за потери, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, служила военная добыча. Женщины, какъ мы видѣли, тоже принимали участіе въ защитѣ страны; они снабжали сражающихся пищею и военными снарядами, а при случаѣ и лично помогали на полѣ битвы.

Черногорцы имѣли средство отлично отплачивать туркамъ за потерю времени на веденіе войны и за ея неизбежно дурныя послѣдствія; это средство—организанія тѣхъ *четасовъ* или вооруженныхъ бандъ, которыя, подъ начальствомъ отчаянныхъ смѣльчаковъ, переходили каждую минуту границу, пронивали иногда вглубь сосѣднихъ турецкихъ провинцій, рѣзали головы, похищали оружіе, лошадей и скотъ и увозили даже женъ ихъ непріятелей. Исторія этихъ *четасовъ* есть рядъ героическихъ легендъ, гдѣ правда перемѣшана съ вымысломъ и рассказы о которыхъ оживляютъ вечернія собранія черно-

горцевъ. Строгіе приказы князя Данило, равно и послѣдовавшіа измѣненія въ политическихъ отношеніяхъ Турціи къ княжеству, почти совершенно прекратили, къ величайшему сожалѣнію черногорцевъ, эти набѣги, весьма полезныя, безъ сомнѣнія, для поддержанія воинскаго духа, но способныя также увѣковѣчить и безъ того столѣтнюю вражду.

Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, въ Черногоріи даже и не поднимался вопросъ объ артиллеріи; только въ рѣдкихъ случаяхъ употреблялись пушки, отнимаемыя у турокъ, но онѣ производили больше шума, чѣмъ вреда.

Чрезвычайно простая военная организація, изобрѣтенная и введенная княземъ Даниломъ, и которою впослѣдствіи воспользовался его братъ Мирко, безъ сомнѣнія имѣла вліяніе на тѣ успѣхи, которыми ознаменовались послѣдніе годы его царствованія; но событія 1862 года, когда войска Омеръ-Паши наносили страшный вредъ своимъ нарѣзнымъ оружіемъ, рѣшительно доказали черногорцамъ, что участь битвъ зависитъ не отъ одной храбрости и что времена *дуна тужка* прошли безвозвратно. Такъ какъ финансы княжества совершенно не позволяли покупку усовершенствованнаго оружія, въ которомъ чувствовалась крайняя потребность, то во Франціи, съ согласія императорскаго правительства, была организована лотерея въ пользу Черногоріи и результаты ея дали возможность княжеству купить двѣнадцать тысячъ карабиновъ Манье, которые были розданы самымъ лучшимъ стрѣлкамъ. Но это еще не всё; новая система ружей требовала особаго, тщательнаго приготовленія патроновъ и храненія ихъ, тогда какъ прежде каждый черногорецъ дѣлалъ ихъ самъ для себя, и наконецъ нужно было имѣть въ виду ихъ высокую цѣну, а также и заботиться о сохраненіи и починкѣ самаго оружія, на что были совершенно не пригодны старыя фабрики для кремневыхъ ружей. Вопросы эти, вполне второстепенные для большаго государства, получали весьма важное значеніе въ странѣ, незначительной по своимъ размѣрамъ, и какъ-бы стиснутой между сосѣдними государствами, которыя тщательно наблюдаютъ за перевозкою чрезъ ихъ границу оружія и патроновъ и всегда могутъ задержать ихъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ князь Михаилъ Обреновичъ оказалъ дѣйствительно значительную услугу черногорцамъ, приславъ имъ въ 1866 году ружейнаго мастера Владиміра Иллиха, человѣка замѣчательно ловкаго и изобрѣтательнаго. Иллихъ при помощи самыхъ незначительныхъ средствъ успѣлъ создать въ Ободѣ, при истокѣ Черновицкой Рѣки, нѣчто въ родѣ маленькаго арсенала и занялся тамъ практическимъ обученіемъ извѣстнаго числа черногорцевъ, такъ что черезъ нѣсколько времени страна имѣла ружейныхъ мастеровъ достаточно искусныхъ въ починкѣ и въ обращеніи съ новымъ оружіемъ.

Князь Николай, желая хорошенько познакомить свой народъ съ

искусствомъ обращенія съ новымъ ружьемъ и посвятить его въ тайны военныхъ движеній, практикуемыхъ всею Европою, снова обратился съ просьбою къ князю Михаилу, который съ большою охотою прислалъ въ Черногорію для этой цѣли отличнаго артиллерійскаго офицера, полковника Милютина Вовановича и двухъ поручиковъ Алекса Гіорговича и Панта Пеговича. Не забыли прислать также и трубача, Тодоръ Ротвижъ, который долженъ былъ обучить маленькую черногорскую армію военнымъ сигналамъ, употребляющимся въ сербскихъ войскахъ; сигналы эти обазались впоследствии вполнѣ примѣнимыми въ черногорскимъ горахъ. Военная миссія, побѣдая Бѣлградъ, взяла съ собою всѣ инструменты, необходимые для учрежденія маленькаго арсенала, который и существуетъ теперь при вѣздѣ въ Цетинью подъ названіемъ *лабораторіума*; въ немъ хранятся запасныя ружья, нѣсколько пушекъ съ ихъ принадлежностями, холодное оружіе и другія военныя принадлежности. Тамъ-же съ 1872 года занимаются приготовленіемъ патроновъ и починкою воинскаго вооруженія вообще. Княжество располагаетъ также нѣсколькими пороховыми лабораторіями; главнѣйшая изъ нихъ находится въ Бойцѣ, при входѣ въ долину Цетиньи. На случай внезапной войны хранится запасъ около десяти милліоновъ патроновъ т. е. болѣе четырехъ-сотъ на каждаго сражающагося *).

Организовавъ правильное обученіе черногорской арміи, полковникъ Вовановичъ, возвратился въ свою страну; его помощники оставались еще пять лѣтъ въ Черногоріи и съ успѣхомъ dokonчили разъ принятую на себя задачу. Теперь, если черногорскія войска и не маневрируютъ съ автоматическою правильностью большихъ европейскихъ армій, то во всякомъ случаѣ двигаются съ правильностью весьма достаточною для эволюцій въ горахъ, гдѣ особенная точность движенія вовсе и не желательна, и настолько владѣютъ сомкнутымъ строемъ, что ихъ начальникъ не можетъ, какъ это случалось прежде, въ рѣшительную минуту остаться одинокимъ противъ войскъ непріятеля.

Черногорія не могла безъ зависти смотрѣть на постоянное усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и на введеніе въ большей части европейскихъ войскъ оружія, заряжающагося сзади. По этому, проѣзжая черезъ Вѣну, при своемъ возвращеніи изъ Россіи въ февралѣ 1869 г., князь Николай заказалъ двѣ тысячи игольчатыхъ ружей

*) Въ своихъ прежнихъ войнахъ черногорцы никогда не чувствовали недостатка въ храбрости, но недостатокъ въ порохѣ былъ постоянный; отсюда понятна радость, когда его получали. Одно письмо рассказываетъ подобный эпизодъ, случившійся во время продолжительной блокады Мехметомъ-Беговичемъ Черногоріи, гдѣ въ это время княжилъ Василій Петровичъ. «Вдругъ наши молодые герои жалуются: у нихъ нѣтъ ни свинца, ни пороха. Турки проходятъ у самой подошвы ихъ укрѣпленій, которыя не изрыгаютъ болѣе грома, и отправляются жечь деревни. Но Богъ посылаетъ намъ неожиданную помощь: не смотря на строгое запрещеніе даже Венеціи, одинъ иностранецъ привозитъ ночью и продаетъ намъ нѣсколько тысячъ патроновъ. Восхваленные этимъ, сыны Черногоріи принялись плясать отъ радости и распѣвали радостныя пѣсни». (G'rlist de Tsettinjé, t. II 1836).

системы Томаса Седерля; въ концѣ этого-же года, не смотря на нѣкоторыя затрудненія дѣлаемыя Австріей *), эти ружья были привезены въ Черногорію и дополнили собою современное вооруженіе княжества. Щедрость русскаго императора позволила, съ своей стороны, закупить значительное количество пороха и другихъ военныхъ принадлежностей; а приобрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ машинъ для арсенала въ Цетинью дало возможность притоплять въ нихъ патроны для игольчатыхъ ружей.

Въ августѣ 1870 года въ Цетинью пріѣхалъ капитанъ Иванъ Влаховичъ, присланный изъ Бѣлграда продолжать миссію прежнихъ сербскихъ офицеровъ. Офицеръ этотъ получилъ отъ князя Николая приказаніе составить проэктъ новой военной организаціи; въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года проэктъ былъ представленъ князю, утвержденъ имъ и немедленно приведенъ въ исполненіе.

Современная черногорская армія состоитъ изъ двухъ дивизій численностью до 10.000 каждая и изъ одной горной батареи.

Каждая изъ этихъ дивизій дѣлится на двѣ бригады.

Черногорская бригада состоитъ изъ пяти батальоновъ; изъ нихъ четыре вооружены карабинами Минье, а одинъ игольчатыми ружьями (системы Томаса Седерля). Этотъ батальонъ состоитъ изъ самыхъ искусныхъ стрѣлковъ.

Батальонъ имѣетъ восемь ротъ; имъ командуетъ батальонный командиръ, у котораго есть помощникъ младшій штабъ-офицеръ.

Каждая рота состоитъ изъ 90 рядовыхъ, 10 капральныхъ (*десешани*) 2 унтеръ-офицеровъ, 1 горниста, 1 ротнаго командира, (*шетникъ стотинаши*) знаменщика (*боряктаръ*) — всего изъ 106 человѣкъ.

Такимъ образомъ численный составъ батальона равняется 848 человѣкамъ.

Штыкъ замѣненъ ханджаромъ, который носится за поясомъ.

Горная батарея состоитъ (по швейцарской системѣ) изъ 4 пушекъ и при нихъ 48 человѣкъ прислуги и 3 офицера.

Каждая пахія обязана поставить, смотря по ея народонаселенію, болѣе или менѣе значительное число батальоновъ, которые въ сущности соотвѣтствуютъ полкамъ европейскихъ армій. Впрочемъ трудность регулированія движеній болѣе или менѣе значительнаго числа войскъ, зависящая отъ топографическихъ условій страны, даетъ черногорскимъ ротамъ полную самостоятельность и судьба войны будетъ по прежнему находиться въ рукахъ стотинашей.

Главный штабъ этой маленькой арміи составленъ слѣдующимъ образомъ:

1 Князь, главнокомандующій арміею;

*) Въ это время было возстаніе въ Каттаро и не безъ основанія опасались участія въ немъ черногорцевъ.

- 2 Воевода, исполняющій обязанности начальнаго главнаго штаба *); и адъютанты.
- 3 Два воеводы,—дивизионные начальники.
- 4 Четыре воеводы,—бригадные начальники.

По принятіи и приведеніи въ исполненіе этой организаціи послѣдовали назначенія на всѣ созданныя ею должности, кромѣ должностей воеводскихъ или генеральскихъ. Назначеніе послѣднихъ будетъ сдѣлано княземъ только передъ самымъ открытіемъ кампаніи. Дѣлается это по всей вѣроятности въ виду того, чтобъ избѣгнуть возбужденія зависти, которой неизбѣжно подвергались-бы лица, возведенныя на такой важный постъ, или быть можетъ съ цѣлью сохраненія единства власти князя надъ всѣми его войсками. Нѣкоторые не безъ основанія замѣтятъ, что поступать такимъ образомъ, довѣря власть импровизованнымъ генераламъ, не знакомымъ ни съ дѣломъ, ни съ войсками, значитъ сильно рисковать успѣхомъ войны.

Какъ только новая армія была сформирована, немедленно были созваны въ Цетинъ всѣ батальонные командиры и остальные офицеры, которыхъ предварительно необходимо было обучить военному дѣлу. Въ продолженіи восьми недѣль (мартъ и апрѣль 1871 г.) имъ преподавали искусство обращенія съ усовершенствованными ружьями, искусство маневрированія и исполненія различныхъ тактическихъ построеній; послѣ этого ихъ подвергли относительно довольно серьезному испытанію и отослали къ ихъ батальонамъ. Успѣхъ оправдалъ ожиданія на нихъ возлагаемыя и съ тѣхъ поръ мы могли замѣтить, что дисциплина и тактическія качества все болѣе и болѣе прививаются къ батальонамъ, которые самъ князь инспектируетъ время отъ времени въ свои поѣздки внутрь страны.

Другая хорошая сторона новой организаціи заключается въ извѣстной регламентаціи повышеній въ чинахъ, подчиняющей полученіе послѣднихъ не случайностямъ войны или капризу правителя страны, но военнымъ способностямъ и личной храбрости. Поэтому на будущее время не могутъ имѣть мѣсто такіе случаи, когда какой нибудь воинъ, имѣющій репутацію храбреца, (*юнакѣ*) по безъ всякихъ способностей къ командованію, вдругъ дѣлается рѣшителемъ судьбы цѣлаго отряда и невольно, единственно по своей неспособности губить его. Подвиги личной храбрости будутъ вознаграждаемы знаками отличія, оружіемъ «за храбрость» и благодарностью государя передъ собравшимся народомъ.

Начальникамъ предписывается быть справедливыми, при случаѣ строгими, но не гордыми, привѣтливыми и ласковыми относительно своихъ подчиненныхъ и держать себя съ достоинствомъ относительно другъ друга; своему князю они даютъ вѣтву въ постоянной вѣрности

*) Эту должность въ настоящее время занимаетъ сенаторъ Нлья Пламенатъ, челоувѣкъ съ большими способностями. Многочисленныя путешествія развили кругъ его идей несравненно шире общаго строя понятія черногорцевъ.

сти и самоотверженіи. Тагъ какъ законы страны дѣлають изъ каждаго черногорца солдата, то онъ никогда не долженъ забывать, что вся его жизнь проходить при такихъ условіяхъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются дисциплина и обязательства военной жизни.

Когда захотѣли сдѣлать въ княжествѣ перепись людямъ, которымъ можно было съ пользою выдать ружья или оставить уже имѣющіяся у нихъ, то была составлена коммисія подъ предсѣдательствомъ воеводы, которая послѣдовательно обходила всѣ нахи, записывая молодыхъ людей, достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, вычѣркая шестидесяти лѣтнихъ стариковъ и передавая первымъ ружья, которыхъ ослабѣвшія руки послѣднихъ не могли уже держать. Рядомъ съ радостью молодыхъ людей, получающихъ довѣряемое имъ оружіе, слышалась крики отчаянія стариковъ, у которыхъ отнимали вѣрныхъ спутниковъ ихъ храбрыхъ подвиговъ. Часто все семейство стараго черногорца просило, чтобъ его главѣ оставили ружье, которое немолимый приказъ долженъ былъ передать въ болѣе молодыя руки. Дѣло въ томъ, что черногорецъ забываетъ свою старость, когда дѣло идетъ о защитѣ своей родины, и паходится въ бездѣйствиіи онъ считаетъ стыдомъ для себя, пока руки его могутъ еще владѣть оружіемъ; одни только женщины имѣють право оставаться зрительницами сраженій. Онъ признаетъ только матерьяльную помощь въ дѣлѣ общаго спасенія. И не въ однихъ только случаяхъ, относящихся собственно до войны онъ такъ разсуждаетъ, но всегда и вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ страны. Мы приведемъ здѣсь одинъ примѣръ, который вполне объяснитъ то, что мы хотимъ сказать. Коммисія, собирающая подати, не беретъ у стараго черногорца, извѣстнаго своею крайнею бѣдностью, того скромнаго оброка, который онъ хочетъ внести въ народную казну; тогда черногорецъ обращается къ находящемуся здѣсь князю «Развѣ я больше уже не сынъ моего отечества, говоритъ онъ, или быть можетъ моя маленькая подать недостойна присоединиться къ подати другихъ? Я пролилъ на войнѣ много крови за мое отечество и имѣю полное право пожертвовать ему мои небольшія деньги. Не прикажи, государь, покрывать позоромъ мои сѣдые волосы; окажи мнѣ правосудіе и отдай приказаніе коммисіи взять мою подать». И коммисія должна была уступить приказу князя и просьбамъ старика. Какой примѣръ преданности общему дѣлу!

Достаточными причинами къ освобожденію отъ военной службы считаются: болѣзненность, увѣчья, опасныя раны, полученныя на войнѣ; но и тѣ, кто освобождается отъ военной службы, должны при случаѣ приносить возможную для нихъ пользу, или дѣлая патроны, помогая перевозкѣ, или совмѣстно съ женщинами ухаживая за ранеными. Что касается собственно дѣйствующей арміи, то она, смотря по возрасту отдѣльныхъ личностей, раздѣляется на два класса, послѣдовательно призываемые, смотря по необходимости.

Снабдивъ людей ружьями и патронами государство этимъ исполняетъ всѣ свои обязанности; дѣло самихъ сражающихся заготовить одежду, съѣстными припасами, и всѣмъ, что необходимо для солдата. Только продолжительность войны, не позволяющая заниматься земледѣліемъ, неурожай и вообще крайняя необходимость могутъ заставить государство заботиться о продовольствіи дѣйствующихъ войскъ. Поэтому за черногорской арміею не слѣдуютъ ни обозы, ни походные госпитали; въ ней нѣтъ и общей хозяйственной администраціи, однимъ словомъ ничего такого, что такъ затрудняетъ движеніе нашихъ войскъ; впередъ-ли они идутъ, или назадъ—все равно, черногорскія войска ничего не оставляютъ за собою. Женщины каждой нахія поочередно будутъ приносить сражающимся съѣстные припасы или отправятся получать въ лабораторіяхъ патроны, которые они съ трудомъ понесутъ затѣмъ черезъ горы, идя день и ночь и часто по самымъ опаснымъ дорогамъ, къ той части войскъ, которая дерется съ непріателемъ.

Топографическія условія мѣстности, въ которой приходится дѣйствовать черногорской арміи—такъ какъ не можетъ быть и мысли о томъ, что ей придется когда нибудь вести серьезную войну за предѣлами своей страны—сдѣлали совершенно бесполезнымъ существованіе какой-бы то нибыло кавалеріи. Только одни начальники имѣютъ право и обыкновеніе дѣлать кампанію на лошади, дорогое содержаніе которой не можетъ быть по средствамъ большаго числа людей *). Мы видѣли въ 1871 году эскадронъ, составленный изъ всѣхъ всадниковъ, которыхъ только можно было набрать въ странѣ. Разнообразіе сѣдлъ, сбруи, совершенная независимость въ движеніяхъ, странность костюмовъ и вооруженія—все это представляло самую оригинальную смѣсь, которую только можно было себѣ представить, и которая не давала ни малѣйшей идеи о настоящей кавалеріи, организованной для совокупнаго дѣйствія.

Такимъ образомъ черногорская армія въ дѣйствительности состоитъ только изъ болѣе или менѣе регулярной пѣхоты и небольшого количества артиллеріи. Прежде существовала только одна пѣхота; позднѣе, при князѣ Даниилѣ, взятіе у турокъ нѣсколькихъ пушекъ навело на мысль утилизировать ихъ, что впрочемъ было исполнено безъ большаго успѣха **). Кромѣ того, артиллерія требуетъ такихъ

*) Въ нѣкоторыхъ частяхъ Черногоріи, напр. въ Цетинѣ, содержаніе лошади стоитъ ежегодно 100 талари (500 ф.)—сумма крайне значительная даже для самихъ богатыхъ лицъ страны. Собственно въ Черногоріи почти нѣтъ сѣна; въ Бердѣ-же оно находится въ изобиліи.

***) То были исключительно осадныя орудія, которыя надо было съ большими усилиями, на рукахъ, переносить черезъ утесы и воспользоваться которыми можно было только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло шло объ атакѣ редута или какой-нибудь крѣпости; но искусство осады совершенно неизвѣстно черногорцамъ, такъ какъ сама природа взяла на себя у нихъ роль Вобана. Въ Цетинѣ до сихъ поръ еще можно видѣть нѣкоторые изъ этихъ пушекъ; они валяются на площади или во дворѣ стараго дворца и никто не думаетъ даже предоставить имъ тѣ почести, которые воздаются обыкновенно этому роду трофеевъ.

издержекъ, удовлетворить которыя княжество чувствовало себя не въ состояніи. Однако въ настоящее время Черногорія владѣетъ двумя батареями горныхъ единороговъ, подаренныхъ князю Николаю покойнымъ княземъ Михаиломъ Обреновичемъ, и въ тоже время сербскій патриотъ Лазарь Трифковичъ, желая показать свое уваженіе черногорскому народу, присоединилъ къ этому подарку 3,000 австрійскихъ дукатовъ, назначенныхъ для покупки пяти сотъ ружей пяти сотъ сабель и необходимаго количества бумаги, для приготовленія милліона патроновъ.

Образованіе артиллеріи, начатое полковникомъ Вовановичемъ, было поручено затѣмъ поручику Пеговичу, а въ настоящее время этою частью завѣдуетъ воевода Махо Вербича, какъ человекъ сравнительно болѣе образованный съ его товарищами по арміи.

Что касается до пѣхоты, которая, какъ мы видѣли, составляетъ главную силу страны, то, не смотря на ея организацію по батальонамъ, ея настоящею боевою единицею является рота, такъ какъ эта группа въ сто шесть человекъ болѣе соотвѣтствуетъ древнимъ привычкамъ страны. Дѣйствительно, каждая рота, по прежнему, продолжаетъ считать въ своихъ рядахъ знаменщика или борягтара, всегда человека опытнаго, смѣлаго и часто даже прославленнаго военными подвигами. Онъ долженъ, когда это потребуется, идти во главѣ роты, увлекать её, поднимать храбрость падающихъ духомъ, стыдить трусовъ, задѣвать насмѣшками непріятели и даже бросаться на него, чтобъ заставить своихъ товарищей придти на защиту знамени. Черногорцы всегда считали такимъ стыдомъ потерю знамени *) , что ихъ князь безъ всякаго страха можетъ довѣрить его и храбрости. Къ тому же трусость подвергаетъ виновнаго въ ней столь ужасному наказанію, что для него становится невозможнымъ жить въ странѣ. Ему надѣваютъ женскій фартугъ, даютъ въ руки веретено и заставляютъ проходить по рядамъ собравшихся войскъ, которые покрываютъ его оскорбленіями и презрѣніемъ. Кромѣ этого позорнаго наказанія существуютъ: тюрьма, денежный штрафъ, (*моба*) выговоръ начальнаго или даже самаго князя, и натурально черногорцы наиболѣе чувствительны къ послѣднему наказанію.

Въ прежнихъ войнахъ, разъ войска не находились по близости отъ непріятели, или на непріятельской землѣ, то движеніе ихъ происходило рѣшительно по произволу: уходили толпами туда и сюда, заботясь только о встрѣчѣ; но едва какая нибудь опасность угрожала имъ, или переходили границу, то немедленно выставлялись ведеты, которые утилизируя черногорскую ловкость и проворство, взбирались на самыя недоступныя высоты, и криками или пистолетными выстрѣлами извѣщали своихъ о томъ, что дѣлается у непріятели. Когда наступала удобная минута, черногорцы мгновенно вы-

*) Ротные значки имѣютъ сербскій цвѣтъ: красный крестъ на бѣломъ фонѣ.

скакивали изъ за извилинъ утесовъ, держа ружье въ одной рукѣ, и ятаганъ въ другой; они слѣпо бросались на непріятеля, думая только о славѣ и о томъ, чтобы принести возможно большее число головъ, или-же, если эти кровавые трофеи окажутся слишкомъ затруднительными, то объ украшеніи своихъ поясовъ носами и ушами, отрубанными безъ милосердія на полѣ битвы. Иногда черногорцы, для того, чтобы обмануть непріятеля въ своей численности или въ позиціи ими занимаемой, надѣвали на острія утесовъ свои красныя шапки, которыя привлекали вниманіе и огонь турокъ, а сами они, пользуясь этой ошибкою, внезапно нападали на непріятеля. Вопросъ о возмездіи между турками и черногорцами былъ разбираемъ нами выше; здѣсь намъ остается только указать на багопріятную реакцію въ этомъ отношеніи и на тѣ счастливые результаты, которые были слѣдствіемъ запрещеній, отданныхъ по этому поводу князьями Петромъ II-мъ, Даніиломъ I-мъ, а по ихъ примѣру и княземъ Николаемъ. Впрочемъ, разъ прекращается у черногорцевъ ошьяненіе боемъ, они становятся милосердны и великодушны къ своимъ плѣнникамъ, такъ какъ холодное звѣрство вовсе не принадлежитъ ихъ рыцарскому характеру.

Природа взяла на себя въ Черногоріи обязанность замѣнить собою всѣ крѣпости, цитадели и всевозможныя фортификаціонныя сооруженія, которыя у другихъ народовъ предохраняютъ входъ въ ихъ страну; во всемъ княжествѣ нельзя найти ни одной стѣны, ни одного прикрытія, построеннаго съ цѣлью защиты отъ вторженія непріятеля. Впрочемъ, занимая позицію, на которой они хотятъ удержаться, черногорцы иногда прибѣгаютъ къ постройкѣ маленькихъ земляныхъ укрѣпленій, называемыхъ *метерици*, назначеніе которыхъ по большей части состоитъ въ прикрытіи удаленныхъ постовъ.

Вопросъ о продовольствіи черногорской арміи не стоитъ даже того, чтобы о немъ упоминали. Мы видѣли чѣмъ питается черногорецъ; онъ незамѣтно переходитъ отъ умѣренности своей обыкновенной жизни къ лишеніямъ военнаго времени, совершенно подобно тому, какъ тягости войны немногимъ отличаются отъ его обыкновенной, непрерывной дѣятельности. Вопросъ о жалованіи даже и не существуетъ для него; его званіе гражданина синонимъ званію солдата; сражаясь за свою страну, онъ сражается за свой домъ, потому что въ его душѣ отечество и семейство находятъ одинаковое самоотверженіе и вѣрность *).

Къ своей замѣчательной физической силѣ, къ поразительной ловкости и вѣрному взгляду, черногорецъ присоединяетъ еще крайнюю понятливость ко всему, что касается собственно войны. Можно даже сказать, что полное развитіе его способностей имѣетъ мѣсто только

*) До реорганизации арміи капитаны получали ежегодно жалованья 20 талари (100 франковъ) и знаменщики 5 талари. Эти незначительныя суммы назначались для покрытія расходовъ по передвиженіямъ, соединеннымъ съ этими должностями.

на полѣ битвы. Всегда на сторожѣ того, что происходитъ, внимательный къ самому себѣ, незнающій страха, онъ щеголяетъ храбростью и заботится только о томъ, чтобы составить себѣ имя какимъ нибудь знаменитымъ подвигомъ. Онъ доводитъ до фанатизма любовь къ своему знамени и отчаянно, безнадежно будетъ драться до самой смерти, прежде чѣмъ отдастъ его непріятелю. Неутомимый ходокъ, онъ проходитъ въ одинъ день громадныя разстоянія, способныя разрушить всю непріятельскую тактику, или истощить силы преслѣдующихъ войскъ. Привыкшій съ дѣтства къ употребленію огнестрѣльнаго оружія онъ рѣдко не попадаетъ въ цѣль и съ другой стороны, цѣня на вѣсъ золота свои патроны, онъ стрѣляетъ только въ вѣрныхъ случаяхъ. Находясь подъ начальствомъ людей ему давно извѣстныхъ, выражающихъ свою власть надъ нимъ почти патриархальнымъ способомъ, онъ любитъ ихъ, уважаетъ и исполнѣ имъ довѣряетъ.

Но что особенно характеризуетъ черногорца какъ воина, что вызываетъ его надъ всѣми рядами европейскихъ солдатъ, — это чувство его индивидуальности, гордость своею независимостью, которая проявляется даже и въ легкомысленныхъ поступкахъ личной храбрости.

Поэтому правительство не должно доводить до крайности нынѣшнія тенденціи свои: оно не должно замѣнять исполнѣ личную инициативу приказаніемъ начальника. Разъ солдатъ исчезнетъ въ массѣ, не будетъ нести извѣстной отвѣтственности за свои поступки, онъ сдѣлается безсознательною машиною и потеряетъ потребность въ тѣхъ подвигахъ личной храбрости, къ которымъ побуждаютъ его какъ самолюбіе, такъ и его привязанность къ родинѣ. Пролить кровь за свое отечество кажется черногорцу такою естественною обязанностью, что онъ едва можетъ дожидаться того времени, когда заживутъ его раны, чтобы снова бѣжать на поле битвы; онъ радостно идетъ на встрѣчу смерти, которая увѣковѣчитъ память о немъ въ сердцахъ его соотечественниковъ; онъ знаетъ, что имя его будетъ упомянуто въ пѣсняхъ, и что женщины въ своихъ рыданіяхъ присоединятъ его имя къ именамъ героевъ, составляющихъ славу Черногоріи; его послѣдній крикъ, его послѣднія желанія обращены къ его князю и отечеству.

Во время гибельнаго отступленія Петра Стефанова въ Бѣлопавичи, въ 1862 году, князь Николай I, вечеромъ въ день сраженія, посѣтилъ походный госпиталь, учрежденный въ его домѣ въ Орья - Лука. Раненные всѣхъ возрастовъ лежали тамъ на соломѣ; при входѣ князя они забывали о своихъ страданіяхъ, чтобы поздороваться съ нимъ; вдругъ изъ груди мертвыхъ и умирающихъ, подобно приведенію, поднимается страшно изувѣченный молодой человекъ; собравъ для одного порыва весь остатокъ своихъ силъ, онъ сворѣе прохрипѣлъ, чѣмъ прокричалъ: *«Живіо господаръ»* и, какъ неподвижная масса, упалъ умирающій на свое кровавое ложе.

Созвавъ всеобщее народное ополченіе, Черногорія можетъ противупоставить непріятелю около двадцати тысячъ человекъ, едва три четверти которыхъ вооружены настоящимъ европейскимъ оружіемъ *).

Подобный численный составъ можетъ показаться съ перваго взгляда весьма недостаточнымъ для защиты княжества, а между тѣмъ, благодаря топографическимъ условіямъ страны, эта маленькая армія будетъ въ состояніи надолго задержать самыя огромныя арміи и нанесетъ своему противнику такія существенныя потери, которыхъ не въ состояніи будетъ вознаградить никакой результатъ, даже занятіе столицы княжества.

ГЛАВА XVI.

Право Черногоріи на независимость.—Будущность княжества.

Насильственные измѣненія, происшедшія въ составѣ европейскихъ государствъ въ послѣднее десятилѣтіе, и формальное, систематическое, всѣми признанное замѣщеніе грубою силою древнихъ гарантій трактатовъ и неотъемлемыхъ правъ владѣнія—все это въ наше время дѣлаетъ совершенно бесполезнымъ всякое разсужденіе, имѣющее цѣлью доказать право даннаго народа на независимую жизнь, даже если-бы эта независимость поддерживалась цѣлымъ рядомъ побѣдоносныхъ войнъ и многовѣковой автономіею. Таково въ дѣйствительности положеніе Черногоріи, много разъ безъ успѣха требовавшей признанія дипломатическимъ путемъ того порядка вещей, который съ такимъ трудомъ былъ созданъ ею и поддержаніе котораго она можетъ серьезно гарантировать, что ею и было доказано много разъ. Хотя мы вовсе не думаемъ, чтобъ законныя требованія Черногоріи были-бы когда нибудь удовлетворены дипломатическимъ путемъ и чтобъ Турція сама добровольно отказалась-бы отъ своего чисто номинальнаго главенства, но мы все таки попытаемся, въ видѣ заключенія къ этимъ изслѣдованіямъ, доказать неопровержимыми фактами право Черногоріи на освобожденіе ея изъ вассальнаго положенія. Для этой цѣли мы должны-бы были снова нарисовать въ общихъ чертахъ картину войнъ, которыя со временъ Черноевичей, почти постоянно велись черногорцами изъ за обладанія своею первоначальною территоріею и которыя позволили имъ, благодаря цѣлому ряду геройскихъ усилій, мало по малу увеличить ее. Но мы

*) Именно: 12,000 вооружены карабинами Минье, 300—игольчатыми ружьями, 1,000 передѣланными ружьями, а остальные старыми албанскими ружьями. Игольчатые ружья выданы только лучшимъ стрѣлкамъ и находятся въ одинаковомъ количествѣ въ каждомъ изъ батальоновъ.

ограничимся отсылкою читателя къ длинному описанію турко-черногорскихъ войнъ, которому мы посвятили введение этого труда, войнъ почти не на минуту ни прекращающихся съ того времени когда, бѣжавшіе отъ оттоманскаго владычества сербы, заняли Черногорію *).

Развѣ недостаточно этихъ войнъ, благородно поддерживаемыхъ въ продолженіи четырехъ съ половиною столѣтій, для того, чтобъ сдѣлать на всегда знаменитымъ данный народъ и создать ему національную независимость? И что еще нужно прибавить къ этимъ славнымъ сказаніямъ, чтобъ подтвердить право черногорцевъ на ихъ автономію? Временныя занятія, бывшія скорѣе слѣдствіемъ пожаровъ, убійствъ и грабежа, чѣмъ дѣйствительныхъ побѣдъ, не могутъ служить Портѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобъ претендовать на управленіе страной, никогда ей, въ сущности, не принадлежавшей. Что она сто разъ пыталась завладѣть ею — это факты доказываютъ неоспоримо, но несомнѣнно также и то, что во всѣхъ случаяхъ она поступала такъ-же, какъ поступило бы любое враждебное государство: ея визири и паша, во главѣ многочисленныхъ армій, являлись вовсе не для того, чтобъ усмирить возставшую провинцію султана, но чтобъ раздавить непріятеля и разрушить тѣ непріступныя твердыни, куда спасались послѣдніе защитники Сербіи.

Признавая такимъ образомъ за Черногорією полное право пользоваться всѣми выгодами, добытыми путемъ долгихъ войнъ, мы ограничимся изученіемъ дипломатическихъ сношеній ея правительства съ различными союзными ей государствами и съ тѣми странами, которыя, отдѣляя ея отъ Турціи, согласились на взаимные договоры и конвенціи; мы прослѣдимъ въ исторіи свободныя, независимыя дѣйствія черногорскихъ князей и владыкъ и наконецъ покажемъ всю неувѣренность и колебаніе Турціи, когда она бываетъ поставлена въ необходимость доказывать свои предполагаемыя права на Черногорію.

Первыя военныя сношенія Черногоріи, въ которыхъ она поступаетъ, какъ независимое отъ Турціи государство, были сношенія ея съ албанцами, воевавшими съ турками при Георгіѣ и Иванѣ Кастріоти. Степанъ I Черноіевичъ въ продолженіи двадцати четырехъ лѣтъ помогаетъ освобожденію страны, которую Скандебергъ въ то-же время защищаетъ отъ оттоманскаго флота. Но еще раньше этой эпохи, Балхиды, владѣтели всей Зеты, а слѣдовательно и Черногоріи, находились въ сношеніяхъ съ республиками Венеціи и Рагузы. Балха I вступаетъ въ договоры съ первой изъ нихъ въ 1373 году, а со второй въ 1380 и 1385 г. Уже въ 1385г., какъ союзникъ венеціанцевъ, онъ ведетъ войну съ Ухичемъ, княземъ Далмаціи. Его сынъ Джурачъ въ 1386 году подтверждаетъ всѣ договоры, заключенные его отцомъ съ обѣими республиками, а въ 1388-мъ году даетъ вене-

*) Полагая утомительнымъ длинное описаніе этихъ войнъ, мы не перевели этой главы.

ціанцамъ особія льготы для торговли въ его странѣ. Джурачъ Страхомировъ внукъ Балка I въ 1394 году уступаетъ тѣмъ-же венеціанцамъ крѣпость Скутари, а въ 1406 году республика въ свою очередь даетъ Черногоріи Будуа и Антивари; позднѣе Венеція часто прибѣгала къ помощи черногорцевъ въ ея непрерывныхъ войнахъ съ Турціею.

Дипломатическія сношенія Черногоріи съ Австріею начались въ царствованіе Маріи Терезіи, порученіемъ, которымъ баронъ Пинтеръ, министр имперіи, снабдилъ Николая Марковича какъ регенту Радоничу. Послѣ этого Радоничъ отправился въ Вѣну въ сопровожденіи сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича, и заключилъ съ барономъ Пинтеромъ настоящій наступательный и оборонительный союзъ, подлинный актъ котораго, хотя и ратифицированный императрицею, не имѣетъ въ глазахъ черногорцевъ того значенія, которое онъ заслуживаетъ, такъ какъ скупщина только впоследствии узнала о его существованіи. Тѣмъ не менѣе преемникъ Маріи Терезіи нашелъ въ черногорцахъ вѣрныхъ союзниковъ, и когда Фидицъ Вукаловичъ пріѣхалъ въ Цитинью съ капитаномъ Бербетомъ, то привезъ съ собою письмо Іосифа II, которымъ предписывалось принять всѣ необходимыя мѣры къ освобожденію Черногоріи отъ тираническихъ претевній турокъ.

Въ теченіи всей борьбы, театромъ которой были устья Каттаро въ 1807 и 1814 годахъ, черногорцы сражались за Австрію и даже самый округ Каттаро императорское правительство получило отъ Петра I. Кромѣ того владыко уступилъ Австріи округъ Ловица; уступка была устроена дипломатическимъ путемъ, въ силу договора, подписаннаго въ Цетиньѣ 7 іюня 1820 года митрополитомъ Черногоріи и кавалеромъ Кабога, австрійскимъ уполномоченнымъ. Въ 1830 году несогласіе, происшедшее на австро-черногорской границѣ близъ Пастровичи, было покончено формальнымъ перемиріемъ, какъ это обыкновенно бываетъ между воюющими сторонами. Въ 1841 году былъ заключенъ договоръ, опредѣляющій австро-черногорскую границу, и великій канцлеръ имперіи, князь Менттерихъ, самъ писалъ къ Петру II письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ князя и самого себя по поводу окончательнаго опредѣленія пограничной линіи. Какимъ образомъ правительство, во главѣ котораго находился знаменитый дипломатъ того времени, согласилось бы на опредѣленіе границъ съ страной, если бы оно смотрѣло на эту страну только какъ на возмущившуюся провинцію? Не должны ли мы видѣть въ этомъ обстоятельстве негласное признаніе той автономіи, отъ которой Черногорія не хочетъ отказаться ни за какую цѣну. Равнымъ образомъ, въ благодарность Австріи, черногорцы помогали ей въ войнѣ 1848 года, а австрійское правительство въ свою очередь уполномочило въ 1852 году фельдмаршала Лейнингена поддержать

дѣло Черногоріи въ Константинополѣ и добиться отъ Порты признанія для княжества *statu quo ante bellum*.

Дипломатическія сношенія Черногоріи съ Россією начались въ царствованіе Петра Великаго, по случаю его войны съ Турцією въ 1711 году. Въ своемъ манифестѣ отъ 4 марта того же года, адресованномъ на имя правителей Черногоріи (Данило и Лука Петровичей) царь предлагаетъ имъ взяться за оружіе противъ ихъ общаго врага и обѣщаетъ имъ щедрое вознагражденіе за ованную услугу. Въ другомъ манифестѣ, въ слѣдующемъ году (16 апрѣля 1712 г.), Петръ Великій говоритъ черногорцамъ . . . «что въ благодарность за ихъ прошлыя и нынѣшнія услуги онъ соглашается на признаніе ихъ независимости.»

Пріемники Петра Великаго и особенно императрица Екатерина I, Елизавета и Екатерина II имѣли частыя сношенія съ Черногорією и посылали ей богатые подарки; Павелъ I, въ 1799 г., даже назначилъ ей ежегодную субсидію. Но только въ 1806 году Черногорія вступаетъ въ настоящій военный союзъ съ Россією и принимаетъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ округѣ Каттаро и передъ Рагузою. Въ 1852 году, императоръ Николай, давъ свое полное согласіе на обращеніе изъ духовнаго въ свѣтское правительства Черногоріи, тѣмъ самымъ негласно подтвердилъ право черногорцевъ управлять собою и ясно выразилъ свои симпатіи относительно официальнаго признанія независимости княжества. Наконецъ все болѣе и болѣе частыя и интимныя сношенія Черногоріи съ Россією особенно послѣ путешествія князя Николая въ Петербургъ въ 1869 г., достаточно показываютъ, что императорское русское правительство первое охотно согласится на окончательное освобожденіе княжества отъ вассальнаго отношенія къ Турціи.

Черногорія до тѣхъ поръ оставалась почти неизвѣстною Франціи, пока непрерывныя войны имперіи не привели въ Далмацію войска Наполеона I. Этотъ послѣдній, желая чувствомъ благодарности привязать къ себѣ знаменитаго Петра I, тщетно предлагалъ ему чрезъ Лористона званіе патріарха Далмаціи. Съ своей стороны Мармонъ, зная на сколько онъ долженъ опасаться черногорцевъ, попытался вначалѣ заключить съ нимъ союзъ; потомъ, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, онъ перемѣнилъ тонъ и началъ дѣлать угрозы, но и тутъ ничего не достигъ, благодаря непоколебимой твердости Петра. Принцъ Евгений, совѣтовавшій герцогу Рагузскому эти крайности, вовсе и не подозрѣвалъ какое сопротивленіе можетъ оказать этотъ маленький народъ; поэтому, позднѣе, Мармонъ получилъ совершенно противуположныя инструкціи, которыми предлагали ему стать по возможности въ дружескія отношенія къ черногорцамъ. Памятное свиданіе, которое онъ имѣлъ съ владыкою, привело только къ одному результату: оно возвысило въ глазахъ Мармона личность того чело-

вѣва, котораго онъ хотѣлъ привязать къ себѣ, заставивъ его разорвать союзъ съ Россією *).

Въ 1808 Наполеонъ снова побуждалъ герцога Рагузскаго войти въ переговоры съ черногорцами и привлечь ихъ на сторону Франціи; онъ даже предложилъ послать консула въ Цетинью, но Петръ I, находя во всемъ этомъ западню для свободы своей страны, не поддавался на всѣ ласковыя слова, обрацаемыя къ нему.

Соблюдая нейтралитетъ во время крымской войны, Данило I, безъ сомнѣнія, хотѣлъ отплатить Франціи долгъ благодарности, потому что французское правительство гордо поддерживало въ Константинополѣ, въ 1852 г., фельдмаршала Лейнингена въ его представленіяхъ въ пользу Черногоріи. Съ своей стороны, въ 1857 году во время путешествія князя Черногоріи въ Парижъ, императоръ сдѣлалъ ему самый ласковый пріемъ, чѣмъ воспользовался тотъ, высказавъ передъ правителемъ Франціи права княжества на независимость.

Въ архивахъ Цетиньи находится мало документовъ, относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ между Черногоріею и Великобританіею. Во время возмущенія въ Каттаро Петръ I вступалъ въ сношенія съ адмираломъ Цермантлемъ и капитаномъ корабля Гостомъ, и даже въ одномъ случаѣ, генералъ Готье главный начальникъ въ Каттаро, счелъ своею обязанностью написать владыкѣ, чтобъ увѣдомить его объ интригахъ нѣсколькихъ англійскихъ эмиссаровъ, посланныхъ къ нему съ порученіемъ.

Немного словъ будетъ достаточно, чтобъ доказать, что самодержавіе черногорскихъ князей основывается, въ принципѣ, на извѣстномъ правѣ, не признавать котораго нѣтъ возможности; что фактически оно продолжалось до нашихъ дней и турки только тогда могутъ уничтожить его, если дѣйствительно займутъ Черногорію.

Первыя князья Черногоріи происходили, по женской линіи, изъ семейства сербскихъ царей, такъ какъ Джурачъ I, сынъ Балха I-го женился на Миличѣ, дочери Вувашина Мерняшевича. Такимъ образомъ они находятся въ числѣ наслѣдниковъ той имперіи Неманжидовъ, распадѣніе которой не былъ въ состояніи удержать Урошъ Младшій. Они передали своимъ наслѣдникамъ, митрополитамъ по выбору и свѣтскимъ регентамъ, (1517—1697) власть вполнѣ свободную отъ всякой узурпаціи; и такъ какъ Петровици, въ свою очередь, получили ее тоже вполнѣ правильно, то отсюда слѣдуетъ заключить, что они царствуютъ теперь въ Цетиньи также законно, какъ и султанъ въ Стамбулѣ. Отмѣтимъ тѣмъ не менѣе ту особенность, свидѣтельствующую въ пользу черногорцевъ, что присутствіе турокъ по сю сто-

*) Впослѣдствіи Мардонъ писалъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ: этотъ владыка, красивый человекъ, около пятидесяти лѣтъ, съ замѣчательнымъ умомъ, выказывалъ въ своемъ обращеніи много благородства и достоинства. Его власть ничтожна въ странѣ, но его вліяніе безгранично.

рону Босфора составляет для Европы четырехъ вѣковой позоръ, который могутъ защищать только одни нелѣпыя политическія соображенія, между тѣмъ какъ ожесточенное сопротивленіе сербовъ и черногорцевъ захвату невѣрующихъ продолжаетъ славныя традиціи конца среднихъ вѣковъ и слѣдующихъ за ними столѣтій. Разсказывая выше событія изъ исторіи черногорцевъ, мы имѣли случай убѣдиться, что ея князья и владыки пользовались своею властью неоспоримо, безъ всякихъ волненій и революцій, какъ это бываетъ въ благоустроенномъ государствѣ. Иванъ Черноевичъ даруетъ епископству Цетиньи титулъ митрополита Зеты и довѣряетъ ея управленіе Висариону; самъ онъ получаетъ отъ своихъ подданныхъ торжественную присягу въ томъ, что они подчиняютъ его власти всѣ ихъ военныя предпріятія противъ турокъ. Когда, послѣ смерти Джурача IV-го Черноевича (1497), венеціанцы получили приглашеніе отъ бея

Черногорскій воевода.

Скутари завладѣть Черногорією, то свѣтлѣйшая республика отвѣтила, что турки никогда не владѣли Черногорією, а слѣдовательно не имѣютъ никакого права распоряжаться ею.

Уѣзжая въ Венецію (1511) Джурачъ Черноевичъ передаетъ среди общаго собранія, свѣтскую власть и управленіе Черногорією митрополиту Вавилу; имъ и начинается тотъ длинный рядъ избранныхъ владыкъ, которому фамилія Петровичей придала столь большой блескъ. Новыя сицилійскія вечерни, посредствомъ которыхъ Данило I вполне освободилъ свою страну отъ присутствія турокъ снова возвращаютъ на минуту потерянную свободу Черногоріи; наконецъ торжественная декларація князя Данило I, учреждающая свѣтское правительство вмѣсто существовавшей теократіи и освященіе та-

ного порядка вещей русскимъ правительствомъ, достаточно доказываютъ не только то, что Черногорія сознаетъ свою силу и независимость, но и признаніе ея правъ всѣми великими европейскими государствами.

Да и сверхъ того: какими актами Великая Порта можетъ подтвердить свое право на главенство надъ Черногорією и доказать незаконность власти ея князя? И даже если-бы подобныя акты и существовали когда нибудь въ прошломъ, то ихъ совершенно уничтожила-бы многовѣковая давность, потому что Черногорія на дѣлѣ оставалась всегда вполне свободною и независимою, не была ни разу ни покорена, ни управляема турками, никогда не признавала верховной власти султана и наконецъ никогда европейскія державы не считали еѣ нераздѣльною частью оттоманской имперіи.

Далѣе: переносъ вопросъ въ область международнаго права, про князей и владыкъ Черногоріи можно сказать, что, за неизмѣнимъ другого утвержденія, дѣйствительное пользованіе правами верховной власти замѣнило для нихъ документы на это право и это не только для управляемой ими страны, но и относительно тѣхъ державъ, съ которыми она вступила въ сношенія. Развѣ турки имѣли верховную власть надъ Черногорією въ то время, когда, владѣя всею берегою отъ Рагузы до Алессіо, черногорцы учреждали таможи и взымали пошлины съ жителей Рагузы на Даньѣ и Крива Рѣки? Или пользовались-ли они ею въ то время, когда Иванъ Черноевичъ укрѣплялъ границы своего государства отъ Антивари до Герцоговины, и присоединилъ къ своему гербу двуглаваго орла съ двумя трижды зазубренными коронами? Были-ли они верховными правителями Черногоріи, когда Василій и Петръ I рѣшительно отказали имъ въ харачѣ и торжественно объявили себя независимыми? Наконецъ, значеніе можно придать еще слѣдующей деклараціи Али Паши, объявленной имъ на Парижскомъ конгрессѣ 1856 году въ отвѣтъ на запросъ графа Буоля *) «Порта считаетъ Черногорію составною частью оттоманской имперіи и объявляетъ, что не имѣетъ намѣренія измѣнять существующій порядокъ вещей». Первая часть этой деклараціи утверждаетъ вещь совершенно невѣрную, а вторая выражаетъ безусловно бессильное мнѣніе; знаменитый великій визирь, зная лучше всякаго другаго что значили слова «существующій порядокъ вещей», резюмировалъ въ нихъ, самъ того не желая, всю исторію Черногоріи т. е. ту полнѣйшую независимость, на которую Порта не могла или не осмѣлилась дѣлать серьезнаго нападенія **).

*) Засѣданіе 26 марта.

**) Немного спустя послѣ обнародованія протоколовъ Парижскаго конгресса, Данило I обратился къ европейскимъ кабинетамъ съ слѣдующею нотой, въ которой онъ протестовалъ противъ утвержденія Али-Паши: «Ваше превосходительство; во время конференцій въ Парижѣ, въ присутствіи уполномоченныхъ другихъ державъ Паша утверждалъ, что Порта считаетъ Черногорію своею провинціею. Это утвержденіе нельзя доказать. Черногорцы скорѣе имѣютъ право претендовать на половину Албаніи и всю Герцоговину, потому что мои предшественники, независимые князья Черно-

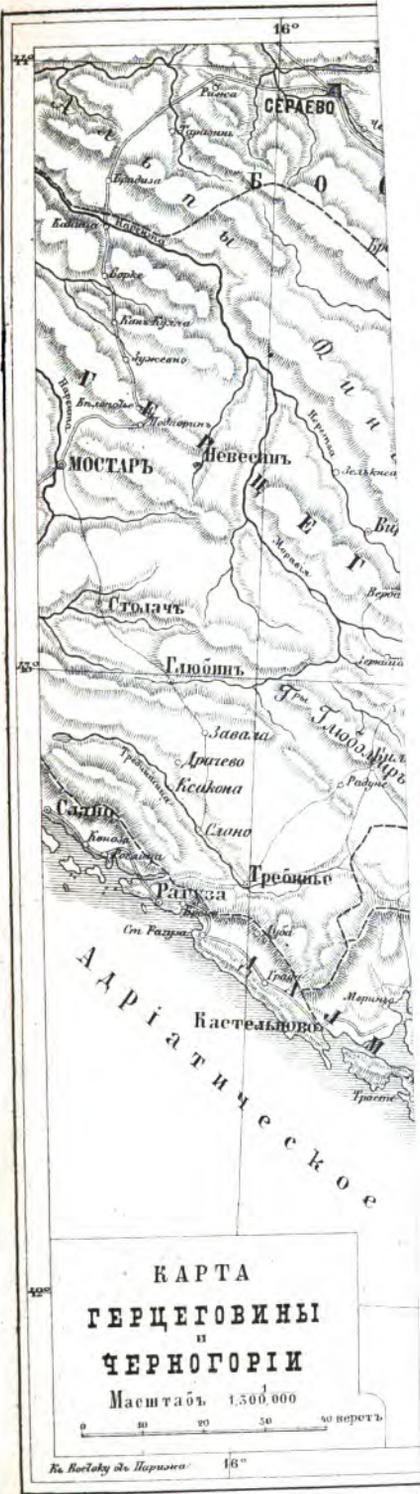
Когда въ 1872 году оттоманское правительство пригласило всё провинціи имперіи принять участіе въ вѣнской выставкѣ, то Черногорія, увидя себя въ этомъ приглашеніи причисленной къ провинціямъ, на которыя распространяется верховная власть Великой Порты, энергически протестовала противъ этого и объявила, что она признаетъ официальнымъ только приглашеніе австро-венгерскаго правительства; это желаніе въ скоромъ времени было удовлетворено.

Посвятивъ введеніе этой книги краткому изложенію исторіи Черногоріи; мы затѣмъ старались представить современное состояніе этой страны на основаніи нашихъ продолжительныхъ личныхъ наблюденій; цѣлью нашей служить истина, мы никогда завѣдомо не уклонялись отъ нея. Теперь, оканчивая принятую на себя задачу, намъ остается только спросить себя: какая будущность ожидаетъ эту страну; ждутъ-ли ее еще новыя потрясенія или то состояніе спокойствія и прогресса, которымъ она пользуется подъ разумнымъ управленіемъ нынѣшняго князя, должно считаться окончательною, опредѣленною жизнью ея народа *). Мы этого не думаемъ. Роль Черногоріи должна оставаться воинственною до тѣхъ поръ, пока не совершится окончательное освобожденіе сербо-славянскихъ земель, и если въ продолженіи тринадцати лѣтъ Черногорія только собираетъ свои силы, то это безъ сомнѣнія для того, чтобъ съ большею вѣроятностью на успѣхъ приступить къ исполненію своей задачи: свергнуть турецкое иго съ своихъ единовѣрцевъ. Дѣйствительно, судьба сербскихъ провинцій, находящихся еще подъ властью турокъ, неразрывно связана съ тѣмъ положеніемъ, которое приметъ Черногорія въ день ихъ неизбѣжнаго возстанія. На крикъ войны, раздавшійся въ Цетиньѣ, отвѣтить крики всего народонаселенія между Савой и Дриномъ, Адриатическимъ моремъ и Дунаемъ и даже быть можетъ Прутомъ. Дѣло въ томъ, что Сербія, Румынія и Черногорія поняли наконецъ, что въ виду общаго врага должно исчезнуть всякое чувство соперничества и долженъ быть отложенъ, хотя на время, всякій вопросъ о первенствѣ. Каждый въ тихомолку подготавливаетъ образованіе той великой федераціи на Дунаѣ, къ которой присоединятся всё провинціи древней имперіи Неманжидовъ и быть можетъ даже вся Румелія, если только Европа, отказавшись отъ заблужденій прошлаго, освободитъ наконецъ Константинополь отъ его незаконныхъ владѣтелей.

горіи, герцога Зеты, владѣли нѣкогда этими землями, между тѣмъ какъ турки никогда не владѣли Черногоріею.

Я прошу ваше превосходительство принять во вниманіе этотъ протестъ. Цетинья 19/21 мая 1856 Давидо 12. Нѣгошь.

*) Въ ту минуту, когда мы писали эти строки (1 февраля 1875 года), еще ничто не давало возможности предусмотрѣть тѣхъ важныхъ событій, которыя спустя нѣсколько мѣсяцевъ совершились въ Герцоговинѣ. Но въ виду трудности оцѣнить послѣдствія этихъ событій и судить о положеніи принятомъ Черногоріею, мы сочли лучшимъ удержаться отъ всякихъ разсужденій, касающихся современнаго положенія дѣлъ на Востокъ (Вельфоръ, 1 декабря 1875 г.).

АНГЛІЯ И ЛОНДОНЪ.

ПИСЬМО КЪ ЭРНЕСТУ ДРЕОЛЬ.

БЫВШЕМУ ДЕПУТАТУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА.

Мой милый другъ.

Вѣроятно вы, какъ многіе другіе, сказали себѣ въ одинъ прекрасный день, что вамъ необходимо познакомиться съ Англіею и, уложивъ въ чемоданъ ваши вещи, отправились въ путь.

Затѣмъ, по прибытіи въ Лондонъ, посвятивъ недѣлю или двѣ на прогулки по улицамъ и паркамъ великобританской столицы, на бѣглый осмотръ ея музеевъ, церквей и театровъ, проѣхавъ чрезъ туннель подъ Темзою, прогулявшись изъ Лондона и Ричмонда въ Кью и изъ Гамптона-Куръ въ Виндзоръ, присутствовавъ при какомъ нибудь представленіи въ Дерби или въ Хрустальномъ дворцѣ, вы заплатили счетъ, поданный вамъ въ гостиницѣ, и возвратились въ отчизну довольные тѣмъ, что можете, въ свою очередь, сказать: «Я также знаю Англію!»

Какое мнѣніе о нашихъ сосѣдяхъ вы вынесли изъ вашего пребыванія въ ихъ странѣ?—я не знаю. Но, по всей вѣроятности, оно складывалось подъ влияніемъ впечатлѣній, зависящихъ часто отъ времени года, въ которое вы путешествовали; зависящихъ отъ того, видѣли ли вы всё вышеприведенныя подробности славнаго города и его окрестностей сквозь туманъ, или при солнечныхъ лучахъ, во время сезона или зимою; зависящихъ даже оттого, въ какой гостиницѣ вы остановились и съ какими людьми, симпатичными вамъ или нѣтъ, судьба столкнула васъ. Вѣрнаго понятія о странѣ нельзя себѣ составить послѣ кратковременнаго пребыванія въ ней. И потому, задавши себѣ вопросъ: не доставить ли вамъ удовольствія ближе познакомиться съ этою націею полною про-

творѣчій и самыхъ странныхъ обычаевъ, очень не симпатичною, по достойною удивленія во многихъ отношеніяхъ, съ націею, которой мы французы, приписываемъ множество пороковъ, которыхъ она не имѣетъ, и отказываемся признать за нею тѣ качества, которыми она дѣйствительно обладаетъ—задавъ себѣ этотъ вопросъ и отвѣтивъ на него утвердительно, я рѣшилъ написать вамъ рядъ писемъ, въ которыхъ постараюсь самымъ точнымъ образомъ изложить нравы и обычаи этого народа, которые я имѣлъ возможность изучить близко, проживши нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ.

А. Д. Я. Фореаль.

Лондонъ, іюнь 1875 года.

ПИСЬМО I

АНГЛОСАКСОНСКАЯ РАСА.

Орды варваровъ, нахлынувшія въ первые вѣка христіанской эры на римскій міръ, имѣли различныя судьбы. Тѣ, которыя направились въ Галлію, очутились лицомъ къ лицу съ народонаселеніемъ многочисленнымъ, сильнымъ и уже на столько цивилизованнымъ, что полудикіе пришельцы, хотя и побѣдители, должны были однакоже подчиниться вліянію побѣжденныхъ.

Подобно бурнымъ потокамъ, кипучія воды которыхъ, врываясь въ спокойное озеро, не въ силахъ замѣтно поколебать его спокойствія, орды эти, вторгнувшись въ нашу страну, исчезли среди кельто-латинскаго элемента, не повліявъ ни мало ни на духъ, ни на типъ галльской расы.

Но не такова была участь ордъ, поселившихся на великобританскихъ земляхъ. Британцы, принадлежавшіе также къ семейству кельтовъ, но еще мало цивилизованные и, въ дополненіе, изнуренные междоусобными распрями, скоро были не только покорены пришельцами, но даже изгнаны изъ своихъ владѣній, и вынуждены искать убѣжища частью въ горахъ Уэльса, частью на полуостровѣ, который они назвали своимъ именемъ, оставивъ свои земли во владѣніи англо-саксовъ.

Такимъ образомъ Галлія осталась послѣ вторженія варваровъ страной кельтскою, тогда какъ Велико-Британія, сдѣлавшаяся съ тѣхъ поръ Англіею, превратилась въ дѣйствительности не болѣе какъ въ нѣмецкую колонію.

Тысяча двѣсти лѣтъ, прошедшія со времени раздѣленія этихъ одноплеменныхъ ордъ, не изгладили слѣдовъ ихъ общаго происхожденія. Не смотря на множество французскихъ словъ, введенныхъ вслѣдствіе нормандскаго завоеванія въ англійскій языкъ, онъ остался, тѣмъ не менѣе, очень близкимъ, родственнымъ съ нѣмецкимъ языкомъ, болѣе того—чѣмъ-то въ родѣ нѣмецкаго діалекта.

Въ физическомъ отношеніи сходство нѣмца съ англичаниномъ также безспорно, какъ и аналогія ихъ языковъ; время, климатъ, нравы и различныя случайности народной жизни произвели очень мало измѣненій въ первобытномъ типѣ.

Въ нравственномъ отношеніи оба эти народа сохранили еще большее сходство. Они одарены одинаковыми способностями, обладаютъ одинаковымъ благоразуміемъ, спокойствіемъ, одинаково практичны и упорны въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, одинаково злопамятны и мстительны. Наконецъ, замѣчательно еще то, что Реформація, отвергнутая народами кельтской расы, была принята только потоками поклонниковъ *Одина*. Не странно ли дѣйствительно, и не заслуживаетъ ли вниманія особенно то обстоятельство, что Англія и Германія освободились отъ римскаго владычества и отложились отъ католической церкви почти одновременно, но по причинамъ совершенно различнымъ.

И наша борьба съ этими двумя одноплеменными націями носила всегда тотъ отпечатокъ ожесточенія, которымъ отличаются обыкновенно столкновенія, вызванныя антагонизмомъ двухъ враждебныхъ между собою племенъ отъ временныхъ ссоръ, вызываемыхъ политическими соображеніями, въ которыхъ вчерашніе непріатели могутъ сдѣлаться на другой же день союзниками.

Мы видѣли еще недавно, какъ живуча эта вѣковая, племенная вражда, вслѣдствіе которой было пролито уже такъ много крови какъ со стороны Франціи, такъ и со стороны Германіи, и которую однако не могло погасить все это страшное кровопролитіе.

Что же касается Англіи, то хотя политическія случайности, случайное совпаденіе интересовъ и могли заставить ее и насъ забыть ненадолго эту обоюдную, закоренѣлую вражду, могли заставить насъ сдѣлаться даже союзными націями, но, тѣмъ не менѣе, мало вѣроятія, чтобы прочная дружба или искренняя симпатія могли когда нибудь сблизить эти двѣ народности, потрясавшія міръ своими кровавыми ссорами въ теченіе восьми вѣковъ и раздѣляемыя различіемъ происхожденія, различіемъ нравовъ и религій.

Какъ видите, я далеко не раздѣляю мнѣнія тѣхъ энтузіастовъ, которые утверждаютъ, что съ того дня, когда пройдетъ желѣзная дорога изъ Парижа прямо въ Чарингъ-Кросъ, прекратятся всѣ распри между Франціею и Англіею; что съ этого дня начнется эра вѣчнаго міра и дружбы между этими двумя націями.

Конечно, это было бы величайшее счастье для міра, и человѣчество много бы выиграло отъ водворенія согласія между этими двумя вели-

жии державами!—Казалось бы, дѣйствительно европейскимъ націямъ пора было бы оставить другъ друга въ покоѣ и обратить свои взоры на тѣ обширныя страны, на тѣ безчисленные острова, существованіе которыхъ было еще неизвѣстно четыре столѣтія тому назадъ и большая часть которыхъ, будучи открыты чуть не вчера, остаются неизслѣдованными пустынями. Франція и Англія, эти двѣ соперничающія націи, такъ долго спорившія между собою изъ за первенства между европейскими державами, кажутся по всему предназначенными для великой миссіи доставлять этимъ необитаемымъ странамъ смѣлыхъ пионеровъ, которые должны населить ихъ и исторгнуть изъ нѣдръ ихъ земель сокровища, заключающіяся въ нихъ.

Можно ли, дѣйствительно, допустить мысль, чтобы природа надѣлила двѣ интеллигентныя энергическія расы различными способностями съ единственною цѣлю вѣчнаго антагонизма между ними? Не естественнѣе ли, напротивъ, предположить, что онѣ предназначены помогать одна другой въ осуществленіи одного великаго дѣла? А какая болѣе высокая задача, какое болѣе достойное дѣло можетъ представиться человѣческой дѣятельности, какъ не колонизація Новаго Свѣта? Не величественное ли, не прекрасное ли зрѣлище представили бы цивилизованному міру эти двѣ націи, знаменитѣйшія между всѣми, идя рука объ руку къ одной великой цѣли—къ цѣли приобщенія къ цивилизаціи несчастныхъ сыновъ человѣческой семьи, находящихся въ дикомъ, варварскомъ состояніи!

Къ несчастію, до осуществленія этой прекрасной мечты еще очень далеко; европейскіе народы, переплывая океанъ, увозили съ собою свои антипатіи и враждебныя чувства другъ къ другу; племенные распри такъ же сильны въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ, съ тою разницею, что тамъ кельто-латинскія племена оказываются менѣе сильными въ борьбѣ чѣмъ здѣсь, и перевѣсъ остается очевидно на сторонѣ англосаксовъ.

Націи латинскаго происхожденія, первыя осмѣлившіяся предпринять далекія экспедиціи, которыя должны были повести къ открытію неизвѣстныхъ материковъ, отказались повидимому отъ мысли поддерживать свое вліяніе въ этихъ странахъ, завоевавши ихъ. Откуда отправляются ежегодно многочисленныя эмиграціи въ Америку и Австралію?—почти исключительно изъ Англіи и Германіи.

Огромная саксонская семья, раздѣленная въ Европѣ на двѣ націи, за моремъ сливается опять въ одну народность и угрожаетъ завладѣть всѣмъ міромъ, которому мало по малу она прививаетъ свои обычаи, свои

нравы, свой духъ, свои наклонности, свой языкъ и свою религію. Если плодovitая, предприимчивая, смѣлая, англо-саксонская раса не будетъ задержана въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, не встрѣтитъ препятствій къ распространенію своего владычества по всему свѣту, то она загонитъ въ Америку безсильныхъ сыновъ латинскихъ расъ, расъ, которыя должны будутъ ограничиться владѣніемъ нѣсколькихъ миль территоріи, занимаемой ими въ Европѣ, территоріи, которую имъ придется еще можетъ быть съ опасностью жизни оспаривать футъ за футомъ у своей счастливой соперницы. Кто можетъ дѣйствительно поручиться, что Францію не ожидаетъ въ будущемъ участь, постигнувшая знаменитую отчизну Сократа, Перикла и Платона? Кто знаетъ, можетъ быть чрезъ нѣсколько столѣтій она не только будетъ вычеркнута изъ списка великихъ державъ, но даже перестанетъ существовать какъ независимая нація? Кто рѣшится утверждать, что самый языкъ нашъ, на которомъ говорятъ теперь всѣ европейскія аристократіи, не сдѣлается жертвымъ языкомъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ ученымъ на столько, чтобы съ трудомъ перевести безсмертныя произведенія Корнеля и Мольера?

Но въ чемъ именно заключается причина того цвѣтущаго состоянія Англіи, того могущества и силы, которыя позволяютъ ей населять міръ своими дѣтьми, не только не уменьшая численности народонаселенія, остающагося въ ней, но какъ будто увеличивая его, такъ какъ съ каждымъ годомъ число его возрастаетъ все болѣе и болѣе, не смотря на постоянныя эмиграціи. Обладаютъ ли англичане какими нибудь великими качествами?—Нѣтъ; они одарены иными способностями, инымъ умомъ чѣмъ мы; но нельзя сказать, чтобы эти способности, этотъ умъ превосходилие нашихъ способностей, нашего ума. Но преимущество ихъ предъ нами заключается въ томъ, что они приобрѣли со временемъ то, чего имъ не дала природа. Что составляетъ нынѣ силу и могущество Англіи; что позволяетъ ей работать безъ отдыха для своего возвышенія, для распространенія своего вліянія по всей вселенной?—это, безспорно, ея мудрость въ дѣлѣ политики, мудрость, которую она выказываетъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Англичане, одаренные практическимъ умомъ и способностію пользоваться опытами прошлаго, побороли въ себѣ склонность къ возмущеніямъ и дисциплинировались; сохраняя независимость характера, эту отличительную свою черту, они однакоже сдѣлались врагами всякой насильственной революціи.

Быстрымъ, потрясающимъ переворотамъ, не оставляющимъ послѣ себя ничего, кромѣ развалинъ, они предпочитаютъ перевороты постепенные, совершаемые временемъ, которые дѣлаются хотя и медленнѣе,

но за то вѣрнѣе. Вмѣсто того, чтобы разрушить старое зданіе вдругъ, не заботясь о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою его паденіе, англичане замѣняютъ одно по одному стгнившія бревна новыми. Сообразно съ новыми потребностями, они постепенно измѣняютъ его устройство, и, такимъ образомъ, все зданіе незамѣтно перестраивается вновь, безъ шума и безъ всякихъ катастрофъ.

Сверхъ того, англичане поняли ранѣе другихъ народовъ, что мы живемъ въ такую эпоху, когда человѣческая дѣятельность, усиливаемая и подстрекаемая удивительными открытіями новѣйшей науки, должна найти себѣ исходъ и пищу; они увидѣли, что большая часть политическихъ и социальныхъ революцій происходятъ единственно вслѣдствіе невозможности, въ которой находятся массы, алчущія удобствъ и наслажденій жизни, приложить себѣ къ нимъ дорогу среди всѣхъ преградъ и препятствій, воздвигаемыхъ предъ ними предрасудками прошлыхъ вѣковъ; и чтобы дать исходъ этимъ естественнымъ, законнымъ стремленіямъ, англичане стали поддерживать движеніе эмиграціи въ тѣ новыя страны, въ которыхъ ничто не стѣсняетъ человѣческой дѣятельности, и гдѣ приходится людямъ бороться только противъ одного противника, — противъ дѣвственной, дикой природы.

Канада, Австралія, такъ же какъ другія отдаленныя владѣнія Англіи, за исключеніемъ одной Индіи, едва могутъ назваться колоніями въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Онѣ пользуются дѣйствительною автономіею, имѣютъ свои правительства, почти независимыя и связанные съ метрополіею такими слабыми узами, что разорвать ихъ ничего не стоитъ. Но если Англія утратила въ этихъ странахъ свою власть, за то она много выиграла въ отношеніи богатства и внутренняго спокойствія. Лондонъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ продуктовъ всего міра, и Англія справедливо гордится тѣмъ, что скоро половина земнаго шара будетъ принадлежать сынамъ Великобританіи.

Революція 1789 года убила во Франціи тотъ духъ предприимчивости, который поднялъ такъ высоко наше колониальное могущество. Великіе проекты, задуманные Кольбертами, Колиньи и Лау и отчасти введенные въ исполненіе энергическими усиліями Дюплекса, Бурне, д'Естанжа, Вугенвиля, были оставлены въ день паденія старой французской монархіи. Въ теченіе цѣлаго столѣтія Франція тратитъ, безплодныхъ возмущеніяхъ и смутахъ тотъ избытокъ силъ и энергіи, горныя она могла бы употребить на болѣе полезное и болѣе достойное дѣло.

ПИСЬМО II

Англичанинъ.—Его характеръ.—Его домашній очагъ (home).

Замѣчали ли вы, какъ красивы англійскія дѣти? Сколько разъ, гуляя въ Гайдъ-паркѣ, я останавливался предъ этими веселыми и жужжащими роями бѣлокурыхъ, румяныхъ херувимовъ съ пухлыми ручками, съ полными ножами и съ изумленнымъ взглядомъ!

Ихъ движенія граціозны и естественны; личики ихъ сіяютъ беззаботною веселостью. Самый языкъ англійскій, выходя изъ ихъ дѣтскихъ устъ, кажется мягче и пріятнѣе; но прослѣдите жизнь этихъ дѣтей, и вы будете поражены до какой степени воспитаніе, которое они получаютъ, среда, въ которой они живутъ, изглаживаетъ мало по малу большую часть даровъ, которыми такъ щедро надѣлила ихъ природа. Особенно рѣзка эта метаморфоза въ мужчинахъ. По мѣрѣ того, какъ они вырастаютъ, выраженіе беззаботной веселости на лицѣ смѣняется напускною степенью и серьезностью. Языкъ, который они произносили такъ мягко, лепеча на немъ въ дѣтствѣ, они начинаютъ произносить такъ рѣзко, вырастая, что онъ походитъ на какой-то лай или рычаніе собаки. Движенія ихъ становятся также рѣзки и порывисты, походка неуклюжа и нетверда.

Происходитъ ли это вслѣдствіе особенности ихъ сложенія или привычки, усвоенной съ дѣтскихъ лѣтъ дѣлать слишкомъ большіе шаги, только складъ англичанина, его манеры, вся его осанка лишены положительно всякой граціи. Англичанинъ съ своею вытянутою шеею, съ корпусомъ, наклоненнымъ впередъ, и съ руками, которыми онъ размахиваетъ на ходу, имѣетъ видъ человѣка, преслѣдующаго известную цѣль, которая отъ него постоянно удаляется и которой онъ никакъ не стичь не можетъ. Онъ не ходитъ, но пожираетъ пространство.

Лишь позднѣе, съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, когда члены и очлененія утрачиваютъ гибкость, англичанинъ пріобрѣтаетъ ту сталь-

ную твердость, которая не лишена своего рода достоинства. Не смотря, однако, на всё эти недостатки, англійскій типъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ красивыхъ типовъ человѣческой расы. Высокій и тонкій бюстъ, маленькая голова на широкихъ плечахъ и, еще болѣе, правильныя черты лица и неподвижность физиономіи придаютъ онымъ Альбіона даже низшаго класса видъ полный благородства и достоинства.

Въ нравственномъ отношеніи они отличаются самыми рѣзкими контрастами. Алчные къ приобрѣтенію, они вмѣстѣ съ тѣмъ расточительны; пропитанные духомъ независимости, они подчиняются безропотно дисциплинѣ; склонные ко всему новому, они вызываютъ страстную привязанность ко всёмъ старымъ обычаямъ своей страны; прогресисты и вмѣстѣ съ тѣмъ рутинеры, по наружности холодныя, а въ душѣ энтузіасты, жаждущіе удовольствій и всегда скучающіе, горячіе филантропы, и вмѣстѣ съ тѣмъ люди самыя жестокосердые, какъ только того требуютъ ихъ интересы; будучи страстными поклонниками искусства, они лишены всякаго художественнаго пониманія и по большей части восторгаются художественными произведеніями, не понимая ихъ; многорѣчивые на бумагѣ и страшно скупые на слова въ изустныхъ разговорахъ; позитивисты по натурѣ, и временемъ склонные къ романтизму; республиканцы въ душѣ, а de facto самыя вѣрные приверженцы монархизма; религиозныя по виду, а въ сущности скептики: таковы англичане. Стало бытъ, дать вѣрное понятіе объ этомъ народѣ нельзя въ краткомъ очертаніи.

Солидные и сдержанные по темпераменту, англичане невыносимо тщеславны и горды. Каждый англичанинъ убѣжденъ столько же въ превосходствѣ своей націи надъ всѣми прочими, какъ въ своемъ собственномъ превосходствѣ надъ людьми, окружающими его; и всякаго, кто не докажетъ ему *unquibus et rostro*, что онъ по крайней мѣрѣ равный ему во всемъ и ни въ какомъ отношеніи не стоитъ ниже его, онъ непременно будетъ считать существомъ низшей эссенціи.

Въ чужихъ краяхъ онъ держитъ себя съ безцеремонностью побѣдителя въ завоеванной странѣ, и считаетъ все позволительнымъ для себя. Дома это ему не такъ удобно, такъ какъ въ каждомъ изъ своихъ соотечественниковъ онъ встрѣчаетъ гордость, не уступающую его гордости, упрямство, равное его упрямству. Ничего не можетъ быть любопытнѣе, какъ видѣть схватку двухъ англичанъ въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ. Тамъ, гдѣ мы, французы, стараемся умалиться до крайности, чтобы занять какъ можно меньше мѣста и не стѣснять нашего со-

сѣда, англичанинъ, напротивъ, старается занять какъ можно болѣе мѣста. Дайте ему только волю, онъ васъ затолкаетъ, задавить васъ съ самымъ флегматическимъ видомъ. Всякую уступку, всякое вниманіе съ вашей стороны онъ приметъ за сознаніе вашего ничтожества передъ нимъ.—Но дайте ему отпоръ, сопротивляйтесь ему,—и вы будете поражены, съ какою легкостію онъ уступитъ вамъ и, сверхъ того, будете увѣрены, что вы выиграете очень много въ его мнѣніи.

Во Франціи подобныя столкновенія оканчиваются болѣею частію обмѣномъ визитныхъ карточекъ или обмѣномъ кулачныхъ ударовъ, смотря по воспитанію противниковъ, такъ какъ наши преданія о вѣжливости, равно какъ горячность нашего характера, заставляютъ насъ уважительно относиться къ другимъ, зная, что дерзость и нахальство не проходятъ безнаказанно.

Въ Англіи всѣ эти маленькія борьбы происходятъ молча и никто не выказываетъ ни удивленія, ни малѣйшаго негодованія при видѣ притѣсненія или дурныхъ поступковъ со стороны какого нибудь сосѣда, которому никто не сдѣлаетъ также никакого снисхожденія. Англичанинъ дѣйствительно очень грубъ. По нашимъ понятіямъ, каждый изъ нихъ можетъ назваться дурновоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ не умѣетъ держать себя въ обществѣ, свищетъ и не снимаетъ шляпы съ головы въ общественныхъ мѣстахъ, даже въ присутствіи женщинъ; одѣвается, раздѣвается, мѣняетъ обувь на ногахъ въ вагонахъ желѣзной дороги, не заботясь ни мало нравится это или нѣтъ его сосѣдямъ. Съ женщинами онъ превращается въ нѣмого и хранитъ ненарушимое молчаніе; съ людьми незнакомыми ему онъ не заговоритъ иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости. Съ первыми онъ въ высшей степени неловокъ и застѣнчивъ, будучи лишенъ той легкости ума, которую онъ такъ любитъ. Впрочемъ, разговорамъ съ женщинами и ихъ обществу, до котораго англичане не охотники вообще, они предпочитаютъ спортсменскія упражненія. Весьма естественно, что такія отношенія мужчинъ раздражили до крайней степени самолюбіе женщинъ, и потому въ Англіи роли измѣнились: тамъ женщина подаетъ руку мужчине; нападаетъ на мужчину, беретъ его приступомъ женщина, а не онъ ее. Алчные къ приобрѣтенію, неразборчивые въ средствахъ для достиженія богатства, склонные отъ природы по духу своего ума и характера болѣе къ изученію положительныхъ наукъ, чѣмъ къ уразумѣнію искусствъ, англичане должны были превзойти всѣ прочіе народы въ промышленности и торговлѣ. Впрочемъ, этому способствовало очень много условій; столько же социальная организація Англіи, сколько самый темпераментъ англи-

чанъ, которыхъ надѣлила природа такою ненасытною во всѣхъ матеріальныхъ ихъ потребностяхъ, такимъ сильнымъ аппетитомъ, что удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей возможно лишь при средствахъ, доставляемыхъ широкою комерческою дѣятельностью.

И потому англичанинъ, будетъ ли онъ адвокатъ, артистъ, ученый, литераторъ, государственный человѣкъ или священнослужитель,—все равно онъ останется на каждомъ шагу прежде всего комерсантомъ.

Эта потребность пріобрѣтенія денегъ не можетъ однакоже назваться жадностью, такъ какъ англичанинъ вообще щедръ и даже расточителенъ. Но, тѣмъ не менѣе, эта расточительность не исключаетъ въ немъ осторожности и предвидѣнія; доказательствомъ этого можетъ служить лучше всего процвѣтаніе обществъ страхованія жизни, столь многочисленныхъ въ Англіи.

Характеръ ихъ отличается необыкновенною практичностью. Это свойство выразилось даже въ ихъ языкѣ, который они сумѣли освободить отъ всѣхъ грамматическихъ трудностей, столь обильныхъ во всѣхъ языкахъ, изъ которыхъ онъ образовался, а именно: въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Англійскій же языкъ, не смотря на свое происхожденіе отъ всѣхъ нихъ, сдѣлался языкомъ простымъ, ясно выражающимъ мысль въ немногихъ словахъ, правда, не очень пріятнымъ для слуха, но за то легкимъ для употребленія, и въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ остальномъ, англичане успѣли извлечь изъ скуднаго капитала большой доходъ.

Одинъ изъ величайшихъ недостатковъ англичанъ—это лицемеріе. На каждомъ шагу вы услышите, что они изрекаютъ проклятія противъ іезуитовъ и іезуитизма, но не вѣрьте въ искренность этихъ рѣчей. Ни одна нація, болѣе англійской, не придерживается принципа, что цѣль оправдываетъ средство; ни одинъ народъ не способенъ такъ притворяться, какъ англійскій. И въ ненависти, которую онъ питаетъ къ іезуитизму, сказывается гораздо болѣе зависть соперничества по ремеслу, чѣмъ дѣйствительная антипатія.

Англичане имѣютъ большую претензію на гуманность. Они негрофилы, индіанофилы; слезы показываются у нихъ на глазахъ при извѣстіи о несчастіяхъ, тяготящихся надъ человѣчествомъ, живущимъ въ отдаленныхъ странахъ, и свое сочувствіе они выражаютъ не только слезами, но и фактически, стараясь облегчить эти несчастія, если только это можетъ доставить имъ громкую славу; но за то они мало заботятся о бѣдствіяхъ, порождаемыхъ нищетою въ ихъ собственной странѣ, такъ

какъ для радикальнаго устраненія этихъ бѣдствій привилегированные классы общества должны были бы отказаться отъ тѣхъ привилегій, жертвовать которыми они вовсе не расположены и за которыя слишкомъ крѣпко держатся.

Англичанинъ будетъ горячо соболѣзновать о смерти лавретки, раздавленной на улицѣ, о страданіяхъ лошади, повредившей себѣ ногу; въ журналахъ, книгахъ, опичахъ будетъ громко высказывать самыя филантропическія идеи; но будьте увѣрены, что въ немъ не останется и тѣни этой чувствительности, какъ только дѣло коснется его интереса! Тогда англичанинъ, въ лицѣ ли отдѣльнаго индивидуума, или цѣлаго народа, становится холодно, методически жестокимъ; онъ не знаетъ ни жалости, ни милосердія, — и въ ищеніи своемъ неумолимъ! Пробѣгите лѣтописи Англій, и на каждой страницѣ вы встрѣтите слѣды этой жестокости. Ужасныя казни, которымъ подвергались побѣжденные галльскіе государи, головы которыхъ носили по лондонскимъ улицамъ; французское дворянство, хладнокровно умерщвленное послѣ Азенкура, по приказанію Генриха V; Іоанна д'Аркъ, сожженная заживо въ Руанѣ; несчастная Іоанна Грей, дѣтя шестнадцати лѣтъ, обезглавленное въ Тауерѣ Гиллѣ; Марія Стюартъ, содержавшаяся въ плѣну наперекоръ всякой справедливости и приговоренная къ смерти гнусными угодниками лицемерной, фальшивой Елизаветы; Бромвель, наслаждающійся лицемеріемъ трупа Карла I; Наполеонъ, жертва своего довѣрія къ тѣмъ, которыхъ онъ называлъ самыми великодушными изъ своихъ враговъ, прикованный на скалѣ Св. Елены; индѣйцы, сражающіеся за независимость и привязываемые въ наказаніе за это къ пушечному дулу: — всѣ эти преступленія, не считая безконечнаго ряда, представляемаго исторією, убійствъ англійскихъ королей, совершенныхъ не сгоряча обезумѣвшею отъ ожесточенія народною массою, но холодно, обдуманно, послѣ долгихъ обезуденій. Послѣ этого можно ли имѣть какое нибудь довѣріе къ гуманнимъ разглагольствованіямъ англичанъ?

Англичанинъ имѣетъ врожденную склонность къ искательству приключеній. Все новое, необыкновенное, или гигантское увлекаетъ и прельщаетъ его. Въ области серьезныхъ вещей, эта тенденція его ума принесла великіе результаты. Человѣчество обязано этой націи множествомъ географическихъ открытій, а равно научныхъ и промышленныхъ изобрѣтеній. Одаренный богатствомъ и смѣлымъ воображеніемъ и виѣсть съ тѣмъ страшною энергією, англичанинъ, рѣшившись на самое отчаянное, неосуществимое повидимому предпріятіе, не отступить отъ него ни предъ какииъ препятствіемъ. Неудача не отнимаетъ у него мужества, напро-

тивъ, она подзадориваетъ его; и чѣмъ больше затрудненій представляется, тѣмъ настойчивѣе стремится онъ къ достиженію своей цѣли. Любовь ко всему новому и необыкновенному въ области мелочныхъ вещей произвела экцентричность. Очень часто англичанинъ, при огромномъ состояніи и высокомъ общественномъ положеніи, вдругъ начинаетъ страдать сплиномъ, и развлеченія отъ дающей его скуки принимается искать въ самыхъ странныхъ приключеніяхъ, и находитъ какое-то наслажденіе совершать несказанныя безумства. Исторія обманщика и самозванца, выдававшего себя за сира Роджера Тичборна, была бы невозможна во всякой другой странѣ, кромѣ Англии; никто не повѣрилъ бы всей этой выдумкѣ ни на одну минуту. Да и какъ повѣрить дѣйствительно, чтобы потомокъ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій Соединенныхъ королевствъ, имѣющій около миліона дохода, предпочелъ бы выгодному положенію своему въ отчизнѣ, жизни роскошной и широкой безвѣстное существованіе въ Австраліи, гдѣ, для снисканія средствъ къ жизни, онъ занимается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ремесломъ мясника? Во всякомъ другомъ государствѣ, кромѣ Англии, не показалась ли бы такая исторія неправдоподобною сказкою, не заслуживающею ни малѣйшаго вниманія? Въ англійскомъ же обществѣ этотъ обманщикъ нашелъ немедленно многочисленныхъ сторонниковъ и потому только, что какъ ни мало правдоподобна такая исторія, однако въ родѣ ея случаи повторялись не разъ въ этой странѣ сдѣлана. Могла же придти фантазія сыну леди Монтагъ, внуку герцога Конгстона отправиться въ Португалію и сдѣлаться тамъ вожакомъ ословъ. Могъ же наследникъ одной изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ фамилій поступить на сцену одного изъ маленькихъ лондонскихъ театровъ.

Въ области искусствъ англичанинъ любитъ прежде всего грандіозность и оригинальность. А грандіозность и красота заключаются, по его понятіямъ, въ громадности. И потому, все что они создаютъ или строятъ, отличается этого рода величіемъ, т. е. громадностію. Взгляните на ихъ монументы, парки, мосты, корабли, фабрики, — все это громадныхъ размѣровъ. Тѣ же достоинства искусства, которыя цѣнили греки, римляне и вообще итальянцы, недоступны ихъ пониманію. Пренебрегая идти избитою дорогою, англичанинъ слѣдуетъ всегда и во всемъ влеченію своихъ фантазій, и самая странная, уродливая фантазія не покажется ему ни безобразною, ни отвратительною, такъ какъ вообще безобразіе не отталкиваетъ его, и не отталкиваетъ именно потому, что въ немъ не развито совсѣмъ то чувство, врожденное въ нѣкоторыхъ народахъ, которое называется вкусомъ, т. е. инстинктивнымъ пониманіемъ красоты и

безобразія. Есть наконецъ два порока, развившіеся въ этой націи до ужасающихъ размѣровъ: это воровство и пьянство. О первомъ я буду говорить впослѣдствіи, при описаніи коммерческихъ правовъ Англій. Что же касается пьянства, то прискорбнѣ всего то, что оно развито не только въ простомъ народѣ, но во всѣхъ слояхъ англійскаго общества безъ исключенія.

Многіе изъ великихъ людей, обезсмертившихъ свое имя, изъ принцевъ, возсѣдавшихъ на тронѣ, не избѣгли этой ужасной привычки. Однакоже ничто не можетъ быть ужаснѣ англійскаго опьянвія, опьянвія тяжелаго, одуряющаго, доводящаго людей до звѣрства, превращающаго самаго интеллигентнаго человѣка въ существо, стоящее ниже всякаго животнаго. Число осужденныхъ за пьянство достигло въ прошломъ году 190,000 въ одной Англій, не считая Шотландіи и Ирландіи. Въ одномъ Лондонѣ было осуждено 40,000 человѣкъ. Принимая въ соображеніе, что въ руки полиціи попадаютъ только такіе пьяные, которые нарушили общественный порядокъ, или валялись на улицѣ, нужно предполагать, что эта цифра, значущаяся въ юридической статистикѣ, составляетъ не болѣе десятой доли пьяницъ лондонскихъ!!!

Между тѣмъ, общество трезвости множество въ Лондонѣ.

Впрочемъ, въ высшемъ классѣ этотъ ужасный порокъ слабѣетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, хотя и случается встрѣчать еще довольно часто въ полдень, послѣ часа лунша, молодыхъ, изящныхъ джентельменовъ совсѣмъ пьяными на улицѣ. Въ низшемъ же классѣ порокъ этотъ поощряетъ къ несчастію, само правительство, которое, имѣя источникъ огромныхъ доходовъ въ подати, взимаемой имъ съ потребленія алкоголическихъ напитковъ, не только терпитъ существованіе питейныхъ домовъ «Gin Palaces», въ которыхъ англійскіе рабочіе напиваются до одурѣнія и превращаются въ скотовъ, но даетъ этимъ заведеніямъ еще разныя льготы.

Теперь я намѣренъ рассказать вамъ, что подразумеваютъ англичане подъ словами «отечество», семейство» и «домашній очагъ», «home».

Съ дѣтства англичанинъ подчиненъ системѣ воспитанія, имѣющей назначеніе развить въ немъ до крайнихъ предѣловъ любовь къ родинѣ и національную гордость,—система, которая, замѣтите, принята также въ Германіи.

Если вы желаете узнать, какъ проводятъ англичане эту систему, купите наудачу въ Лондонѣ одинъ изъ краткихъ учебниковъ исторіи или географіи, составленныхъ для школьнаго употребленія: вы найдете

въ нихъ, вмѣсто простаго изложенія историческихъ событій или описанія болѣе или менѣе подробнаго различныхъ странъ земнаго шара,— параллель, проводимую постоянно между Англіею и прочими націями, и всѣ эти сопоставленія клонятся, разумѣется, всегда къ тому, чтобы выставить англійскую расу, какъ первую расу въ мірѣ по ея произведеніямъ, какъ имѣющую наилучшія институты, наилучшее правитель-ства, наилучшую религію, наилучшія инстинкты! Безполезно прибавлять, что Франція и французы въ особенности выставлены въ этихъ учебникахъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Впрочемъ, англійское тщеславіе не щадитъ также и подданныхъ своей королевы, не принадлежащихъ къ англо-саксонской расѣ, и первая чувства, которыя стараются англичане внушить своимъ дѣтямъ,— это презрѣніе и ненависть къ ирландцамъ.

И этотъ родъ патріотическаго увлеченія прививается дѣтямъ не съ нынѣшняго дня. Я помню, какъ одинъ маленькій англичанинъ, учившійся со мною въ одной школѣ, котораго мы, какъ настоящіе парижскіе гамены, постоянно дразнили, смѣясь надъ его плохимъ выговоромъ французскаго языка, выведенный изъ терпѣнія, восклицалъ высокоиѣрнымъ тономъ, поднимая руку вверхъ: *«Веллингтонъ!»* и затѣмъ, опускавая ту же руку до полу, произносилъ съ презрѣніемъ *«Наполеонъ!»* желая выразить этими жестами превосходство англійскаго генерала надъ величайшимъ французскимъ полководцемъ.

Я долго смѣялся при воспоминаніи о патріотическомъ увлеченіи маленькаго англичанина; но нынѣ я уже не смѣюсь. Комическая сторона этого увлеченія исчезла для меня, и я прихожу все болѣе и болѣе къ заключенію, что англичане правы, внушая своимъ дѣтямъ слѣпую любовь къ отчизнѣ и восторженное уваженіе къ людямъ, прославившимся на службѣ ей. Это одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, которыми нація могутъ не только достигать могущества и силы, но и удерживать ихъ за собою! Стало быть, всякій англичанинъ долженъ быть патріотъ, и отрицать этого, разумѣется, никому не придется въ голову. Онъ гордится величіемъ своей страны, всегда готовъ на величайшія жертвованія для защиты ея. Доказательствомъ этого можетъ служить исторія тѣхъ пятнадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ Англія безъ отдыха почти боролась противъ Франціи, когда ею управлялъ великій императоръ. Побѣда надъ нами при Ватерлоо стоила англійской націи двадцать два миллиарда!

Но, тѣмъ не менѣе, любовь къ отчизнѣ въ англичанинѣ не имѣетъ совсѣмъ того политическаго характера, который встрѣчается въ патріо-

тизмъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Патриотизмъ англичанъ основывается на расчетѣ и гордости.

Завистливый, недоверчивый, подозрительный, видящій вездѣ враговъ или соперниковъ, англичанинъ считаетъ отчизну огромною ассоціаціею, кооперативнымъ обществомъ подъ фирмою «Англія, Шотландія, Ирландія и К^о», центральная администрація котораго имѣетъ свои засѣданія въ Лондонѣ. Какъ акціонеръ этой компаніи, онъ не покажетъ ни крови своей, ни денегъ, чтобы поддержать ея процвѣтаніе и не допустить ее лопнуть. Будучи прежде всего коммерсантомъ, онъ не хочетъ, чтобы домъ его объявлялъ себя несостоятельнымъ; но любви, привязанности къ землѣ, на которой онъ родился, выросъ, любви къ родинѣ, однимъ словомъ, въ немъ нѣтъ, и тоски по родинѣ—онъ никогда не испытываетъ. Онъ оставляетъ отчизну безъ всякихъ сожалѣній. Вездѣ, гдѣ онъ раскидываетъ свою палатку, онъ чувствуетъ себя дома, и воспоминаніе о далекой родинѣ скоро изглаживается въ немъ. Америка и Австралія населены англичанами, которые не сохраняютъ въ настоящее время уже никакой привязанности къ старой отчизнѣ своей; завтра могутъ сдѣлаться ея врагами, если только того потребуютъ ихъ новыя интересы.

Но особенность англичанъ заключается именно въ томъ, что гдѣ бы они ни поселились, они остаются англичанами, живутъ на англійскій ладъ, сохраняютъ англійскіе привычки и обычаи, однимъ словомъ, устроятъ какъ на Антильскихъ островахъ, такъ и въ Канадѣ, какъ въ Индіи, такъ и въ Австраліи новыя Англіи.

Испанецъ и французъ, переселившись въ колоніи, преобразуется, онъ измѣняетъ свои привычки, свой образъ жизни, измѣняется даже наружно, онъ становится такъ называемымъ креоломъ. Англійскаго же креола не существуетъ.

Это сопротивленіе вліяніямъ среды, въ которой онъ живетъ, есть послѣдствіе его необъятной гордости и необщительности.

Высокомерный до крайности, онъ чувствуетъ антипатію ко всему неанглійскому; энтузіазмъ возбуждаютъ въ немъ только великіе люди Англіи! Въ прочіимъ же онъ относится или съ полнымъ равнодушіемъ, или съ ненавистью. Этотъ энтузіазмъ, это уваженіе къ знаменитымъ людямъ своей страны англичане выражаютъ грандіознымъ образомъ. Они сохраняютъ, какъ святыню, воспоминанія о славныхъ для ихъ отчизны событіяхъ; относятся съ величайшимъ благоговѣніемъ ко всѣмъ людямъ, содѣйствовавшимъ величію и могуществу Англіи, ко всѣмъ своимъ гениальнымъ и талантливымъ соотечественникамъ, придав-

шимъ названію англичанина извѣстный блескъ своими произведе-
ніями.

Нѣтъ ни одной площади, ни одного сквера, гдѣ бы вы не увидали
статую какойнибудь знаменитой личности; имена Веллингтона и Нель-
сона начертаны вездѣ, какъ начертаны слова Ватерлоо и Трафальгаръ.
Войдите въ Вестминстерское аббатство—и вы увидите зрѣлище, возбуж-
дающее въ васъ и удивленіе, и уваженіе, и любознательство. Вокругъ стѣнъ
и основанія стройныхъ маленькихъ колоннъ этого древняго зданія, ва-
шимъ взорамъ представится безчисленное множество статуй и гробницъ;
стѣны эти покрыты медальонами и металлическими пластинками, на ко-
торыхъ вы прочтете имена великихъ людей Англій, погребенныхъ подъ
этими памятниками. Это исторія англійскихъ знаменитостей, начертан-
ная на мраморѣ и бронзѣ; это британическій Пантеонъ, котораго ни-
когда не осквернилъ прахъ какогонибудь Марата! И странное дѣло,
вы видите гробницу ужасной Елизаветы и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ
нея гробницу несчастной Маріи Стюартъ, столь же изящную и роскош-
ную какъ и первая. Йорки и Ланкастеры также покоятся подъ этими
античными сводами, забывши свои кровавыя распри, какъ будто война
Алой и Бѣлой Розъ была не болѣе какъ страшный кошмаръ. Знамени-
тые адмиралы, славные генералы, искусные дипломаты, государствен-
ные люди, ученые, поэты и писатели нашли послѣднее убѣжище въ
Вестминстерѣ. Оба Питта, Фоксъ, Шериданъ, Поупъ, Драйденъ, Ше-
кспиръ, Мильтонъ, Макоулей, Ньютонъ, Уатъ, Гершель, Руссель, Паль-
мерстонъ, Ливингстонъ и много еще знаменитыхъ людей покоятся въ
славномъ зданіи, плиты котораго составляютъ золотую книгу славы,
сохраняющую для потомства имена людей, которыми гордится эта страна.

Всѣхъ знаменитостей, погребенныхъ въ древнемъ аббатствѣ, я не
могу перечестъ; но есть двѣ изъ нихъ, не упомянуть о которыхъ не-
возможно: это Кемблъ и мистрисъ Сиддонсъ, его сестра. Актеръ и
актриса въ Вестминстерѣ! — Фактъ, заслуживающій вниманія!

Что же сдѣлали мы, французы, фанатическіе проповѣдники равен-
ства для Рапели и Тальмы?

И такъ, въ склепахъ этого славнаго кладбища покоятся рядомъ съ
сильными міра сего, королями, принцами и лордами, геніальныя плебеи.
Не достойно ли удивленія, что проходятъ вѣка, одинъ за другимъ, пра-
вительства жьняются, но уваженіе къ этимъ знаменитымъ гробницамъ
остается ненарушимымъ, и никому не приходитъ въ голову удовлетво-
рить надъ ними, этими памятниками, принадлежащими исторіи, свою
ненависть и злобу дня?

Англія и Лондонъ.

Подите же въ Сень-Дени, спросите у пустыхъ гробницъ, что стало съ бранными останками знаменитыхъ государей и разныхъ женщинъ, занимавшихъ высокое положеніе въ жизни, заключавшимися въ нихъ? Спросите, что стало съ гробницами дю-Гесклена, Генриха IV, Тюрена и великаго короля? Эхо вамъ отвѣтитъ: «93»!! Оно вамъ скажетъ, что правительство французской республики послало въ одинъ прекрасный день изступленную толпу разбить эти гробницы для отысканія въ нихъ нѣсколькихъ слитковъ золота и свинцу!

Четыре года тому назадъ повторилась опять та же оргія. Ванломская колонна была опрокинута, статуя Генриха IV сброшена со стѣны Ратуши и самое зданіе превращено въ груды золы; а гробница побѣдителя при Іенѣ и Аустерлицѣ не была ли предназначена къ уничтоженію апостолами международнаго братства! Дѣйствительно, одна изъ причинъ нашихъ несчастій—это именно то, что чувство патриотизма въ насъ заглушается постоянно ненавистью партій. Всякая политическая партія имѣетъ своихъ великихъ людей и не хочетъ признавать такими личностей, дѣйствительно заслужившихъ это названіе, если только, по своимъ мнѣніямъ, они не принадлежатъ къ ней. Каждая изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы одинаково гордиться славными французскими полководцами, назывались ли они Конде, Тюреномъ, Гошемъ, Блеберомъ, Моро или Бонапартомъ, старается напротивъ возвеличивать только тѣхъ изъ нихъ, которыхъ политическія мнѣнія согласовались съ ея мнѣніями, достоинства же, таланты прочихъ изъ нихъ она старается умалить въ глазахъ свѣта, забывая, что каждый изъ нихъ одинаково содѣйствовалъ возвышенію Франціи и увеличенію ея славы!

Между тѣмъ какъ между французами находится много людей, опровергающихъ военные таланты самого Наполеона I, англичане съ такимъ уваженіемъ относятся къ Велингтону, что до сихъ поръ не могутъ простить лорду Байрону, что онъ осмѣлился сказать, что побѣдитель при Ватерлоо можетъ быть и не столь славный полководецъ какъ побѣдитель при Іенѣ. Благодарность за услуги, оказанныя отечеству и благоговѣйное воспоминаніе о нихъ таковы въ нашихъ сосѣдяхъ, что стоитъ какому нибудь несчастному инвалиду напомнить обществу, что онъ одинъ изъ ветерановъ войны полуострова или Трафальгара, чтобы это общество выразило ему самое горячее сочувствіе, и не отказало ему въ вспомошествованіи. Во Франціи же кто заботится о ветеранахъ Эйлау, Ваграма и Линьи?—Никто; до нихъ никому нѣтъ дѣла.

Мы гордимся тѣмъ, что воздаемъ почести геніальнымъ личностямъ, не обращая вниманія на ихъ національность. И это правда, мы назн-

всемъ наши улицы, площади, бульвары именами великихъ иностранныхъ художниковъ, знаменитыхъ ученыхъ и т. д.; но это великодушное поклоненіе чужеземнымъ гениямъ не дѣлаетъ ли оно насъ несправедливыми и даже неблагодарными иногда относительно нашихъ великихъ людей? Не оскорбительно ли было нашимъ музыкальнымъ знаменитостямъ видѣть, что въ нашей оперѣ, сгорѣвшей имнѣ, почетное мѣсто было предоставлено автору Вильгельма Телля, тогда какъ Франція можетъ гордиться такими композиторами, какъ Люлли, Оберъ, Галевн, Герольдъ, Гунэ, Амбруазъ, Томасъ и Фелисьенъ Давидъ? Между тѣмъ въ Англии, столь бѣдной композиторами въ королевскомъ театрѣ Бовентъ-Гардена, въ которомъ даются только знаменитыя произведенія иностранныхъ композиторовъ, находится одна статуя: памятникъ, воздвигнутый англичанину Бальфу! Что мы выиграли, дѣйствуя такимъ образомъ? Больше ли насъ полюбили? Менѣе ли насъ ненавидятъ? Торжества, которыя мы устраивали въ честь Петрарки, статуи, которыя воздвигали великому Россіи возбудятъ ли онѣ въ итальянцахъ чувство дружбы и благодарности, которыхъ не приобрѣли намъ ни Маджента, ни Сольферино? Наши аплодисменты Мейерберу смягчили ли ненависть къ намъ Германіи?— Нѣтъ. Стало бытъ не лучше ли мы едѣлаемъ, если, воздавая должное всякому гению, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, мы сбережемъ однако наши лавры для славныхъ сыновъ Франціи, ихъ будемъ увѣнчивать ими, имъ будемъ воздвигать памятники! Въ этомъ отношеніи мы можемъ смѣло подражать англичанамъ и отложить въ сторону всякія опасенія насчетъ исключительности нашего патриотизма. Иначе, слѣдуя великодушнымъ стремленіямъ, присущимъ нашему характеру, влеченіямъ нашей добродушной, впечатлительной природы и врожденной любви ко всему прекрасному, мы рискуемъ остаться въ дуракахъ и сдѣлаться жертвою гуманистовъ, проповѣдующихъ утопическій принципъ: что отечество должно быть принесено въ жертву человечеству.— Но не вѣрно мы опредѣляемъ идею того и другаго, сравненіемъ перваго съ увеличенной семьей, со всеми ея самопожертвованіями и привязанностями; человечество же съ одинокимъ человекомъ, потеряннымъ въ массѣ ему подобныхъ и не имѣющимъ другихъ побужденій, кромѣ тѣхъ, которыя внушаетъ ему безграничный эгоизмъ.

Англичанинъ, не смотря на свою холодную наружность, на свою вѣшнюю ледяную оболочку, способенъ горячо любить. Супружескую вѣрность онъ рѣдко нарушаетъ, удовлетворяясь, вполнѣ прозою семейной жизни. Впрочемъ онъ болѣе привязанъ къ дѣтямъ, чѣмъ къ женѣ. Въ чемъ упрекаютъ англійскія женщины своихъ мужей, это именно въ

недостатѣ вниманія къ нимъ, въ суровости и сухости отношеній и еще болѣе въ томъ, что въ нихъ уважаютъ и любятъ гораздо болѣе мать, чѣмъ жену.

Англія дѣйствительно одна изъ тѣхъ странъ, въ которой доктрина Мальтуса можетъ имѣть наименѣе уснѣха. Среднимъ числомъ на каждое семейство дѣтей приходится отъ восьми до десяти человѣкъ, такъ какъ англичанинъ гордится имѣть многочисленное потомство. Но замѣчательно то, что мать, разстраивая свое здоровье частыми родами, отецъ изнуря свои силы непрерывною работою для содержанія огромной семьи, мало наслаждаются лицезрѣніемъ этой семьи, радостію видѣть вокругъ себя молодое, подрастающее поколѣніе, которому дали жизнь. Всѣ эти дѣти живутъ обыкновенно вдали отъ своихъ родителей. Англійскія женщины не кормятъ сами никогда и не берутъ кормилицъ въ домъ, которыя дѣйствительно не могутъ внушить особеннаго довѣрія; потому новорожденные воспитываются на режѣ въ отдаленіи отъ матери, заключенные въ «пигзегу». Когда же они подрастаютъ, ихъ отдаютъ подъ надзоръ гувернантки, и они продолжаютъ оставаться вдали отъ родителей, съ которыми даже не обѣдаютъ и не завтракаютъ вмѣстѣ; позднѣе, когда настаетъ пора ученія, ихъ отправляютъ въ учебныя заведенія, расположенныя по большей части въ деревнѣ; по окончаніи тамъ курса, они опять остаются не долго въ родительскомъ домѣ и уѣзжаютъ обыкновенно во Францію или Германію для изученія иностранныхъ языковъ.

Изучивши ихъ, дѣвушки отправляются странствовать по свѣту для отысканія мужа, а мужчины—для приобрѣтенія богатства, и такимъ образомъ мать и отецъ многочисленнаго семейства остаются въ одинъ прекрасный день совершенно одинокими! Что случилось съ ихъ дѣтьми? Они разбрелись всѣ въ разныя стороны и только!—одинъ поселился въ Австраліи, другой въ Капской землѣ, третій сдѣлался морякомъ, четвертый поступилъ въ армію; одна дочь вышла за мужа за какого нибудь иностранца, котораго встрѣтила въ своемъ странствованіи; другая остается старою дѣвою и продолжаетъ рыскать по свѣту, отыскивая суженаго! Выскажите англичанину, что васъ удивляетъ, что онъ допустилъ своихъ дѣтей разсѣяться по всему земному шару и остался одинокимъ,—онъ вамъ отвѣтитъ, что «это весьма естественно!» Онъ ни мало не безпокоится о томъ, что можетъ быть онъ никого изъ нихъ не увидитъ болѣе, такъ какъ интересы приковываютъ ихъ къ другому полушарію. Что за бѣда! Развѣ онъ самъ не семнадцатый или восемнадцатый членъ семьи, разсѣянной понемножку также во всѣхъ странахъ

міра. Стало быть, англичанинъ можетъ быть названъ скорѣе воспита- телемъ, чѣмъ отцомъ.—Но это качество воспитателя въ немъ очень развито.—Дисциплина и почтеніе къ главамъ семейства характеризуютъ английское воспитаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаетъ дѣтей признавать необходимость іерархіи, предоставляя старшимъ настоящую власть надъ младшими. Прекрасная привычка, способствовавшая много развитію въ англичанахъ духа покорности, составляющаго одну изъ добродѣтелей английской націи! Но и тутъ въ образѣ дѣйствій этого народа встрѣчается странное противорѣчіе. Не смотря на это подчиненіе семейнымъ законамъ, англичанинъ, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ съ дѣтства извѣстную независимость, что приноситъ ему огромную пользу въ послѣдствіи, научая его съ раннихъ лѣтъ вести себя въ жизни, и развивая въ немъ тотъ практическій смыслъ, которымъ отличается эта раса.

Къ несчастію послѣдствія этой системы воспитанія, прии́няемой одинаково и къ дѣвочкамъ, далеко не такъ выгодны для послѣднихъ, какъ для первыхъ. Что весьма полезно для однихъ, становится опаснымъ для другихъ. Въ слѣдующемъ письмѣ, я расскажу подробно безчисленныя неудобства примѣненія этого воспитанія къ женщинамъ.

Теперь же не могу не сказать еще нѣсколькихъ словъ о домашнемъ очагѣ, или т. н. «home», который будто бы такъ дорогъ каждому англичанину. Если вѣрить традиціи и пѣснямъ, то любовь къ своему дому развита въ английской націи гораздо сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ; но стоитъ взглянуть ближе въ бытъ этого народа, взглянуть въ-его жизнь, то убѣждаешься вполне, что эта воспѣваемая ихъ любовь къ домашнему очагу можетъ быть причислена къ числу предрасудковъ, вмѣстѣ съ тою ложною стыдливостію или скромностію, которою славятся англичанки.

Что англичанинъ большой домохозяинъ, что онъ не любитъ общества,—это правда. Но это вовсе не потому, чтобы онъ былъ особенно привязанъ къ своему домашнему очагу, къ своему дому, а скорѣе просто вслѣдствіе необщительности своего характера. Въ молодости они никогда почти не имѣютъ своего хозяйства, а живутъ большею частью въ lodging, или boarding houses—два рода меблированныхъ домовъ, почти неизвѣстныхъ во Франціи и очень распространенныхъ въ Англіи. Лишь позднѣе, когда женятся, они обзаводятся своимъ хозяйствомъ, своимъ домоу. Но къ этому дому, въ которомъ онъ живетъ съ женою, съ дѣтьми, въ которомъ узнаетъ всѣ семейныя радости, онъ ни мало не привязывается, и ему ничего не стоитъ бросить его. Онъ смотритъ на

него какъ на гостиницу, въ которой, смотря по обстоятельствамъ, ему приходится прожить болѣе или менѣе продолжительное время; и онъ уступаетъ его другому безъ всякаго сожалѣнiя, какъ только у него является фантазiя отправиться странствовать по свѣту.

Мы, французы, привязываемся къ вещамъ, къ мебели, ко всѣмъ тѣмъ бездѣлушкамъ, которыя мы собирали, по свойственной намъ слабости къ изящнымъ, хорошеенькимъ вещамъ; ко всѣмъ предметамъ, составляющимъ обстановку нашего домашняго очага. Какъ самый скромный работникъ, такъ и разбогатѣвшiй буржуа, или счастливый баловень судьбы, награжденный ею богатствомъ съ самаго дѣтства, всѣ, однимъ словомъ отъ бѣдняка до богача — чувствуютъ страшное отвращенiе разставаться со всѣми тѣми мелочами, которыя составляли обстановку ихъ домашней жизни и которыя, не имѣя часто никакой цѣнности, сами по себѣ очень дороги однакоже для тѣхъ, кому онѣ принадлежать по воспоминанiямъ, связаннымъ съ ними, по воспоминанiямъ иногда о счастливомъ, иногда о горькомъ прошломъ, забыть котораго однакоже нѣтъ ни силъ, ни желанiя.

Лишь въ случаѣ крайней необходимости рѣшаемся мы уступить какому нибудь неизвѣстному, чуждому намъ человѣку наше жилище, наши книги, картины, мебель. Можно ли, дѣйствительно безъ горя, безъ тяжелаго чувства отдать во владѣнiе перваго встрѣчнаго за извѣстную плату и ваше брачное ложе, и колибель, надъ которою вы такъ часто наклонялись, чтобы прислушаться къ дыханiю вашего спящаго ребенка и портреты, воспроизводящiе черты людей близкихъ и дорогихъ вамъ? — Нѣтъ, не правда ли? — Англичанинъ же, напротивъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, согласится всегда отдать въ наемъ свое помѣщенiе, этотъ дорогой ему, какъ говорятъ, «home» со всѣмъ, находящимся въ немъ, если только ему предложить хорошую плату. Англичанинъ, уѣзжаетъ ли онъ на воды, или предпринимаетъ далекое путешествiе, не преминетъ отдать въ наемъ свое жилище помѣсячно или понедѣльно. Эта экономiя даетъ ему возможность занимать болѣе дорогое помѣщенiе, чѣмъ бы онъ могъ по своимъ средствамъ.

Люди положительныя и практическiе конечно найдутъ, что англичане правы, поступая такимъ образомъ; что расчетъ въ жизни долженъ быть на первомъ планѣ. Можетъ быть и такъ; — но во всякомъ случаѣ это доказываетъ неосновательность общераспространеннаго мнѣнiя, что англичане дорожатъ своимъ домашнимъ очагомъ, своимъ home, болѣе всѣхъ прочихъ народовъ.

П И С Ь М О III.

Английская женщина.

Карандашъ нашихъ карикатуристовъ популяризировалъ во Франціи типъ англичанки высокой, сухонарой, плоской, съ желтыми волосами, падающими на плечи, съ длиннымъ носомъ, по большей части осѣдланнымъ очками. Нужно признаться, что эти карикатурныя изображенія дали очень ложное понятіе нашимъ соотечественникамъ о красотѣ дочерей Альбіона. Я не хочу этимъ сказать, чтобы таковой типъ дѣйствительно не встрѣчался совсѣмъ по ту сторону Ла-Манша; нѣтъ, встрѣтить его можно, но онъ составляетъ не правило, а только исключеніе; онъ есть вѣрное изображеніе одной категоріи женщинъ, образовавшейся исключительно въ Англии и которую составляютъ старыя дѣвы, проводящія свою жизнь въ странствованіяхъ по свѣту. Но, за исключеніемъ этого страннаго продукта британской цивилизаціи, можно безъ увеличенія сказать, что вообще англичанки очень красивыя женщины.

Какъ блондинки, такъ и брюнетки отличаются, благодаря туманному климату Англии, прекраснымъ цвѣтомъ лица; но не это одно составляетъ ихъ красоту; онѣ имѣютъ вообще красивыя черты лица; носы у нихъ прямыя, тонкія, рты по большей части миньятюрныя, зубы ослѣпительной бѣлизны; жаль только, что они слишкомъ длинны; форма глазъ также очень хороша и вѣки снабжены длинными, шелковистыми рѣсницами; во взглядѣ выражается какъ будто удивленіе и наивность. Между тѣмъ какъ у нѣмки нижняя часть лица чрезвычайно широка и топорна, у англичанки, напротивъ, она изящна и заканчивается слегка заостреннымъ подбородкомъ, выдающимся впередъ. Маленькая головка, совершенно античной формы, нискоится на длинной гибкой шеѣ; очертанія плечъ, правда, не безупречны; но этотъ недостатокъ выкупается ослѣпительною бѣлизною и полнотою тѣла, покрывающаго

ихъ, когда женщина достигаетъ своего полнаго развитія. Грудь прекрасная, хорошо расположенная; форма руки очаровательна, кисть ея даже у женщинъ низшаго класса изящна вполне и имѣетъ въ себѣ что-то аристократическое. Къ несчастію, портитъ англичанку, во-первыхъ, талія, которая слишкомъ длинна, плоска и лишена гибкости; во-вторыхъ, отсутствіе бедеръ. Вообще съ своимъ туловищемъ, держащимся на высокихъ, сухихъ ногахъ она походитъ на цаплю. Оконечности этихъ ногъ или ступни поражаютъ иностранца своею неимоверною длиною; и этотъ недостатокъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что неудобствѣ, безобразіи английской женской обуви нельзя ничего себѣ представить. Сознавая вѣроятно всѣ эти недостатки своей фигуры, англичанка старается заставить забыть ихъ, заботливо пряча эти несчастныя нижнія конечности и отерывая руки и плечи до такой степени, что, не желая быть нескромнымъ, видишь однако всѣ красоты ея бюста до самаго пояса. Въ нравственномъ отношеніи она не имѣетъ никакого сходства съ англичаниномъ. Въ ней нѣтъ ни его высокомерія, ни его грубости, ни его необщительности; напротивъ: она весела, охотно вступаетъ въ разговоръ и даже очень говорлива; она не только любезна, но вызываетъ на любовь. Воспитаніе, получаемое женщинами высшаго класса, сгладило повидимому нѣсколько врожденную склонность въ нихъ къ вызову мужчинъ на ухаживаніе за ними; но это не болѣе какъ маска. Въ сущности же склонность къ кокетству, желаніе нравиться, остались присущи ей какъ и всѣмъ женщинамъ вообще. Разница между проявленіемъ этой склонности въ англичанкѣ и въ женщинахъ другихъ націй заключается въ признакахъ кокетства; тогда какъ послѣднія становятся обыкновенно въ оборонительное положеніе, англичанка же, напротивъ, первая дѣлаетъ нападеніе, она ищетъ мужчину, вызываетъ его и улыбками и нѣжными взглядами. Какое чувство заставляетъ ее поступать такимъ образомъ? Побуждаетъ ли ее къ этому страстность темперамента?—не думаю. Скорѣе можно предположить, что двигателемъ ея въ этомъ случаѣ—есть чувство раздраженія, вызываемое холодною и невниманіемъ къ ней англичанина, и затѣмъ конечно естественное желаніе побѣдить это оскорбительное равнодушіе. Впрочемъ, тенденція англійскаго характера—предоставлять каждому полную свободу дѣйствій,—не мало также способствовало англійской женщинѣ сдѣлаться тѣмъ, что она есть въ настоящее время.

Въ семействѣ, имѣющемъ хотя сколько-нибудь порядочныя средства, дѣвочка съ ранняго дѣтскаго возраста отдается на попеченіи гувернантки, по большей части молодой, иногда хорошенькой и чаще всего

нравственности далеко не безукоризненной. А между тѣмъ дѣвочка остается большую часть времени съ нею, вдали отъ матери, въ уединенной дѣтской; съ нею же она дѣлаетъ продолжительныя прогулки въ паркахъ, такъ какъ въ Англии нѣтъ обычая, чтобы матери сопровождали своихъ дѣтей. Но за то есть обычай, чтобы молодыя дѣвушки путешествовали однѣ, участвовали въ охотахъ, ѣздили верхами на общественныхъ гуляньяхъ съ однимъ провожатымъ лакеемъ. И потому нередко приходится слышать о внезапномъ исчезновеніи изъ родительскихъ домовъ молодыхъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Газеты сообщаютъ на другой, на третій день публикѣ о грустномъ происшествіи, а затѣмъ наступаетъ молчаніе; въ семействѣ никто не осмѣливается промолвить ни слова пропавшей, бѣдной дѣвушки, сдѣлавшейся жертвою страннаго воспитанія, которое ей дали. Что съ нею случилось?—никто объ этомъ не думаетъ, никто не знаетъ, или, лучше сказать, не хочетъ знать о постигнувшей ея участи, которую угадать впрочемъ не трудно!

Да и вообще можетъ ли сохранять англійская дѣвушка невинность и свѣжесть чувства, когда она проводитъ цѣлыя ночи на балахъ, въ шумныхъ собраніяхъ, гдѣ она свободно, не боясь ни осужденій со стороны общества, ни выговоровъ, ни запрещеній со стороны матери, можетъ удалаться въ теплицы, едва освѣщенныя, или въ уединенные будуары съ какимъ нибудь молодымъ человѣкомъ, нашептывающимъ ей слова любви, и любующимся воедино ея голыми плечами и открытою чуть не до пояса грудью, и затѣмъ увлекающимъ ее опять въ вихрь вальса, гдѣ возбужденіе чувственности, присоединяясь къ волненіямъ сердечнымъ, вызваннымъ опаснымъ tête à tête, нарушила дѣвственность души, зажгла въ молодомъ, неопытномъ созданіи огонь страсти!

Насколько предпочтительнѣе та нѣжная заботливость, съ которою слѣдятъ матери во Франціи за своими дочерьми! Не довѣряя никому, они стараются войти въ ихъ душевный міръ, знать каждый изъ ихъ поступковъ, и затѣмъ незнакомятъ ихъ постепенно съ жизнью, ввести ихъ въ нее, такъ сказать, съ осторожностію, которая пріобрѣтается житейскою опытностію.

Послѣ этого можно ли не удивляться, что англичане, основываясь на болтовнѣ нѣкоторыхъ парижскихъ журналовъ, охотно приводящихъ на своихъ столбцахъ разные факты изъ похощеній какихъ нибудь потерянныхъ женщинъ, осмѣливаются говорить о развращеніи французскихъ нравовъ.

Между тѣмъ какъ стоитъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ,

чтобы убедиться что репутація скромности и чистоты нравовъ, которою пользуются англичанки за границею, приписывается имъ совершенно неосновательно!

Эти нравственные дочери Албіона, скромно опускающія глаза при словѣ «рубашка» не стыдятся однако позволять своимъ возлюбленнымъ цѣловать себя въ губы, какъ въ уединенныхъ аллеяхъ общественныхъ садовъ, такъ и въ мѣстахъ, гдѣ много гуляющихъ. Проидитесь по улицамъ и паркамъ въ праздничный день и вы увидите на каждомъ шагѣ коледую женщину, которая плотно прижавшись къ своему навалеру, и голову положивъ ему на плечо, идетъ съ нимъ рука объ руку или сидитъ обнявшись, ни мало не стѣняясь проходящихъ; и такое зрѣлище скандализируетъ только иностранцовъ, англичанъ же оно ни мало не смущаетъ, и они не только не осуждаютъ такого поведенія, но находятъ что такъ и должно быть! Вы спросите, какъ допускаетъ полиція такое нарушеніе общественного приличія? — Полиція не смѣетъ, не имѣетъ права запрещать любовникамъ открыто цѣловаться на улицѣ! Англичане народъ свободный, и парламентъ не издастъ никакого билля по этому поводу.

Въ Лондонѣ, какъ во всѣхъ большихъ городахъ, развратъ достигъ страшныхъ размѣровъ. Простонародная дѣвушка, оставленная на произволъ судьбы съ самыхъ раннихъ лѣтъ молодости, живя съ мужчинами своего класса въ одномъ помѣщеніи, становится пороочною, не успѣвъ еще сформироваться. Прежде всего развивается въ ней склонность, и безъ того уже довольно значительную, къ разврату — любовь къ нарядамъ, любовь, доходящая въ англичанкахъ до крайнихъ предѣловъ; затѣмъ еще та огромная свобода, которою пользуется прислуга въ Англіи.

Очень часто какая нибудь трактирная служанка, подававшая вамъ за часъ предъ тѣмъ пиво, или, такъ называемая, *house-maid* (прислуга, наннимаемая для того, чтобы все дѣлать въ домѣ), которая сейчасъ только ползала на четверенькихъ, съ засученными руками, по ступенямъ крыльца, вытирая ихъ тряпкою, попадаетъ вамъ на улицѣ закутанная въ бархатъ, мѣхъ и шелкъ, если это зимомъ; лѣтомъ же разодѣтая въ кружева и кисею, съ огромными шиньонами на головѣ, въ шляпѣ съ цвѣтами и перьями.

Вы спрашиваете себя, какими образомъ она находитъ время гулять по городу, да еще такая разряженная, что также требуетъ времени? Сначала это меня удивляло, но потомъ я узналъ, что, по англійскому обычаю, прислуга имѣетъ право уходить каждый вечеръ на два часа, такъ

какъ отъ восьми до десяти часовъ она свободна и можетъ дѣлать что хочетъ.

Прогуляйтесь по аристократическимъ кварталамъ въ эти часы, и у воротъ каждаго дома вы увидите группы, состоящія изъ обнижавшихъ мужчинъ и женщинъ и предающихся, въ ожиданіи часа разлуки, самымъ нескромнымъ нѣжностямъ! Не забудьте, что вы видите женщинъ, не сдѣлавшихъ изъ разврата ремесла!

О настоящихъ же проституткахъ, объ этихъ несчастныхъ созданіяхъ, продающихся первому встрѣчному, я не буду распространяться, но скажу только, что проституція, эта язва большихъ городовъ, дошла до страшныхъ размѣровъ въ Лондонѣ. Нерѣдко случается, что васъ останавливаетъ вечеромъ ребенокъ 12 или 13 лѣтъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Это дѣлается на улицѣ, въ глазахъ полиціи, которая остается пассивною зрительницею этого ранняго разврата! Впрочемъ, частная инициатива вмѣшалась и въ этотъ вопросъ, и успѣла создать нѣсколько обществъ, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы возвращать къ честной жизни, вырывать изъ вертеповъ разврата тѣхъ, въ которыхъ еще осталась хотя маленькая, едва замѣтная искра человѣческаго достоинства и чувство стыдливости.

Что же касается женщинъ той категоріи, которую можно назвать аристократіею разврата, т. е. содержановъ, то нужно отдать справедливость англичанамъ, что они приличіе ихъ поставили, чѣмъ мы, французы. Въ Лондонѣ ни одна изъ нихъ не смѣетъ афинировать той роскоши, которую онѣ афинируютъ въ Парижѣ. Тамъ онѣ не показываются такъ открыто и живутъ болѣе уединенно, — и если въ Англіи, какъ и во Франціи, мужчины имѣютъ глупость разоряться для нихъ, то по крайней мѣрѣ они не требуютъ, какъ наши соотечественники, чтобы деньги, которыя они имъ даютъ, онѣ тратили такъ шумно и публично. Въ Гайдъ-Паркѣ въ часы прогулки, ихъ бываетъ довольно много; но онѣ являются въ скромныхъ экипажахъ, держатъ себя прилично, не бросаются въ глаза ни своими туалетами, ни манерами. Впрочемъ, въ Лондонѣ имена этихъ дамъ совершенно неизвѣстны публикѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежащихъ къ числу аристократическихъ знаменитостей, фотографіи которыхъ можно найти въ окнахъ оптическихъ магазиновъ, улицъ Реджентъ-стритъ, или Пикадилли. Англійская пресса о нихъ никогда не упоминаетъ, и онѣ остаются въ тѣни. Этому примѣру не мѣшало бы послѣдовать и нашимъ французскимъ журналамъ, которые не подозреваютъ, что ихъ скандальная

привычка занимать публику рассказами о выходках и приключениях этих дамъ, чрезвычайно вредятъ намъ за границею.

Конечно, вы были бы очень недовольны, если бы я, перечисливъ всѣ физическія и моральныя недостатки и достоинства англійской женщины, не докончилъ ея портрета, не сказавъ ни слова о ея манерѣ одѣваться. Женщина, озабоченная прежде всего желаніемъ прельстить, очаровать своею наружною красотою, хочетъ, добивается устроить такъ свое платье, чтобы оно не только прикрывало ея тѣло, но, главное, возвышало всѣ достоинства ея формы, выставляло бы ихъ на видъ, но именно настолько, чтобы ихъ можно было и видѣть, и угадывать отчасти, и, имѣть съ тѣмъ, чтобы и стыдливость ея не страдала, или, скорѣе, чтобы приличія были соблюдены. Я говорю «приличія соблюдены» потому, что если стыдливость имѣетъ свои законы, то еще болѣе имѣетъ предразсудковъ. То, что оскорбляетъ ее утромъ, нимало не оскорбляетъ вечеромъ; что прилично въ одной странѣ, — становится неприличнымъ въ другой. Такъ женщина свѣтская считаетъ себя одѣтою, облекается въ бальное платье, хотя корсажъ этого платья не имѣетъ въ длину и десяти сантиметровъ; но все равно, это называется быть одѣтою, и она, не краснѣя, показывается обществу въ этомъ костюмѣ на балѣ.

Брестъязка, которая считаетъ позорнымъ открыть свои плечи, ни мало не стѣсняется бѣгать въ голѣ въ коротенькой юбочкѣ съ голыми ногами, видными до колѣнъ. Заимѣте, какъ ни скромны наши современные нравы, однако самая чистая, непорочная женщина найдетъ всегда случай приподнять хотя отчасти покрывъ, прикрывающій ея физическія совершенства, изъ чего слѣдуетъ заключить, что если костюмъ женскій и очень усовершенствовался со времени нашей прародительницы Евы, не знавшей долго другаго одѣянія, какъ листа съсѣдной смоквицы, то склонность ихъ къ кокетству нисколько отъ этого не уменьшилась.

И англичанка, какъ самая кокетливая изъ всѣхъ женщинъ, не можетъ стало быть не любить всего того, что служитъ украшеніемъ женской наружности и усиленіемъ могущества ея чаръ. Но, къ несчастію, природа наградивъ ее красотою, не одарила ее способностью, которой обладаютъ французскія, русскія и сѣверо-американскія женщины, бытъ оригинальными, не становясь смѣшными. Англичанка не имѣетъ съ всѣмъ вкуса. Искусство гармонически подбирать цвѣта недоступно для нея; ее прельщаетъ, напротивъ, рѣзкое соединеніе тоновъ, яркія оттѣнки. Поручите ее одѣть самой искусной модисткѣ, она найдетъ все таки средство испортить гармонию изыщно-скомбинированнаго туалета

прибавленіемъ какого нибудь неумѣстнаго банта или цвѣтка. Англичанка отличается тою особенностью, что для нея не имѣетъ значенія дѣйствительная цѣнность вещей, составляющихъ ея туалетъ. Шелковая матерія съ поддѣлкою бумаги, поддѣльныя кружева, рейнскіе кремни имѣютъ въ ея глазахъ одинаковое достоинство съ роскошными матеріями, сотканными въ Ліонѣ, съ чудными кружевами, выдѣланными въ Алансонѣ и Вѣнѣ, съ самыми чистыми жемчужинами Востока. За исключеніемъ женщины самаго высшаго общества, въ которомъ драгоценныя вещи передаются обыкновенно изъ поколѣнія въ поколѣніе, англичанка, даже самая богатая, не имѣетъ настоящихъ брилліантовъ и довольствуется поддѣльными.

Вообще, въ Лондонѣ женщины всѣхъ классовъ одѣваются одинаково; развѣ только по свѣжести туалетовъ можно отличить знатную даму отъ женщины средняго сословія, или даже отъ престонародной дѣвушки, продавщицы печеныхъ каштановъ или фіалковыхъ букетовъ.

Разсмотримъ теперь, какъ относится англійскій законъ къ женщинамъ. Въ силу того, что, пользуясь полною свободою и независимостію, она подвергается естественно разнымъ опасностямъ, законъ предоставляетъ ей права и привилегіи, которыми она не пользуется въ прочихъ странахъ.

У насъ молодой дѣвушѣ рѣдко представляется возможность или случай пасть. Воспитаніе, которое она получаетъ заботливое вниманіе, съ которымъ слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ семейство; строгое осужденіе, которому она подвергается со стороны общества за малѣйшее нарушеніе приличій: всѣ эти условія предохраняютъ ее отъ тѣхъ опасностей, которымъ подвергаются въ Англій дѣвушки, входя въ самыя фамиллярныя отношенія съ мужчинами, вошедшія въ нравы и обычаи страны и никѣмъ не осуждаемыя.

Если во Франціи дѣвушка падаетъ, то она виновата сама, такъ какъ она первая опрокинула барьеры, защищавшіе ее отъ соблазна. И потому законъ до известной степени правъ, отказываясь преслѣдовать ея соблазнителя, такъ какъ она была столько же его соучастницею, сколько жертвою.

Эта логика неумолима, жестока быть можетъ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ свою хорошую сторону, вынуждая женщину избѣгать увлеченій, могущихъ погубить ее на всю жизнь. Въ Англій же, гдѣ ни общество, ни семейство не защищаютъ женщину противъ опасностей, угрожающихъ ей, весьма естественно, что законъ взялъ ее подъ свое покровительство.

Такимъ образомъ, онъ даетъ право дѣвушкѣ, сдѣлавшейся матерью,

требовать от отца своего ребенка средств, необходимых для его воспитания; впрочем, даже этого требования ей не могут идти; ни заставить его признать, ни узаконить этого ребенка она не может; но это только потому, что англійскій законъ вообще не допускаетъ умышленна дѣтей бракомъ родителей по рожденіи ихъ, что, однакоже, допускается шотландскимъ закономъ. Къ замужней женщинѣ законъ также отнесся милостиво, обезпечивъ за нею право искать развода, на основаніи невѣрности мужа, хотя бы фактъ прелюбодѣянія совершился и не подъ супружескою кровлею. Наконецъ, въ случаѣ жалобы женщины, что она была изнасилована, законъ повелѣваетъ преслѣдовать виновника, на основаніи почти лишь голословнаго ея обвиненія. Этою привилегіею такъ часто злоупотребляютъ женщины, что недавно на одномъ митингѣ, собравшемся для того, чтобы требовать отъ желѣзнодорожныхъ компаній учрежденія при каждомъ поѣздѣ особенныхъ отдѣленій для женщинъ, вдругъ одинъ изъ сторонниковъ этого требованія заявилъ, что это необходимо не только для огражденія женщинъ отъ разныхъ непріятностей со стороны вагихъ нибудь нахаловъ, но также и для предохраненія порядочныхъ мужчинъ отъ эксплуатаціи со стороны женщинъ. Дѣйствительно, безпрестанно случается, что женщины подозрительной нравственности, наединѣ съ мужчиною, пользуются этимъ случаемъ чтобы обвинить его въ покушеніи на ихъ цѣломудріе, зная очень хорошо, что почти каждый порядочный человекъ согласится лучше позволить вытѣщить изъ своего кармана нѣсколько гиней, чѣмъ являться предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ такомъ гнусномъ преступленіи.

Мнѣ остается теперь только сказать вамъ, что наши сосѣди разумѣютъ подъ нарушеніемъ обѣщанія *breach of promises*.

Молодая дѣвушка, если хотите, даже вдова, встрѣчаетъ на своемъ пути человека, который ей нравится, который, съ своей стороны, вызываетъ ей известную симпатію. Съ одобренія, или безъ одобренія обоихъ семействъ, влюбленные расточаютъ другъ другу нѣжныя вѣтвы, горячіе обѣты. Между ними происходитъ взаимный обмѣнъ длинныхъ, страстныхъ посланій; они имѣютъ, не стѣсняясь, частыя продолжительныя свиданія, гдѣ, разумѣется, не обходится дѣло безъ жаркихъ поцѣлуевъ, безъ маленькихъ вольностей въ обращеніи! Конечно, все это обязываетъ ихъ повѣнчаться. Но, къ несчастію, въ Англійи проходятъ мѣсяцы, иногда цѣлыя годы между помолвкою и свадьбою. Въ теченіе этого времени первые горячіе восторги стихаютъ, ближе узнаютъ другъ друга; обоюднo открываютъ другъ въ другѣ кой-какіе недостатки; прибавьте къ этому сцены ревности, легкую невѣрность и сильное утомле-

ніе, — и вы не найдете ничего удивительнаго въ томъ, что въ одинъ прекрасный день который нибудь изъ влюбленныхъ объявляетъ другому, что возвращаетъ ему его слово и свободу!

Вы думаете, безъ сомнѣнія, также какъ и я, что, послѣ первой минуты горечи, женщина, если не она предложила разрывъ, то должна постараться забыть неблагодарнаго и, во всякомъ случаѣ, радоваться, что этотъ разрывъ произошелъ до, а не послѣ замужества. Законъ, правда, предоставляетъ ей право преслѣдовать невѣрнаго; но развѣ ей не будетъ противна огласка, *urbi et urbi*, нѣжныхъ чувствъ, которыхъ она была предметомъ, вольностей, которыя съ нею позволялись? Развѣ она не поколеблется выдать секреты этихъ писемъ, безмолвныхъ свидѣтелей отвѣтной любви, вовсе не предназначавшихся къ приведенію во всеобщую извѣстность? Но это необходимо, такъ какъ для того, чтобы ей присуждено было судомъ вознагражденіе, надо доказать сперва, что была потеря, и слѣдовательно опредѣлить свойство и размѣры понесеннаго ущерба, что необходимо приводитъ къ скабрзнымъ открытіямъ.

Однако, англичанки не останавливаются передъ этого рода соображеніями; ихъ женское чувство стыдливости нисколько не страдаетъ отъ мысли, что журналы разнесутъ по всему свѣту разсказъ объ ихъ неудачахъ. Поэтому процессы по нарушенію обѣщаній очень обыкновенны во всѣхъ классахъ общества. Не такъ давно, племянница одного изъ знаменитыхъ министровъ ея величества, королевы Викторіи, заставила судъ присудить уплатить ей такимъ образомъ 200,000 франковъ одного очень богатаго джентльмена, который, давъ ей обѣщаніе жениться на ней, слишкомъ поздно замѣтилъ, что воспоминаніе о его первой женѣ, съ которою онъ состоялъ въ разводѣ, черезъ чуръ еще живо въ немъ для того, чтобы онъ могъ, не кривя душою, дать другой искренній обѣтъ. Вы видите, въ Англии, странѣ существенно практической, съ обѣтами любви поступаютъ какъ съ просроченными векселями: срокъ вышелъ — и надо платить: иначе протестъ.

Все предъидущее объясняетъ вамъ свободу нравовъ англійской женщины. Чѣмъ рискуетъ она, въ самомъ дѣлѣ, запутываясь въ любовную интригу? Если ей не удастся женить на себѣ, развѣ у ней нѣтъ въ виду получить вознагражденіе за нарушенное слово? Способъ легкій и часто пріятный, приобрести себѣ приданое, а оно дастъ ей возможность позднѣе найти себѣ мужа, человека безъ предразсудковъ, который возьметъ ее, какъ товаръ, закрывая глаза на то, что онъ не первой уже свѣжести.

ПИСЬМО IV.

Лондонъ.

Поѣздъ проходитъ разстояніе между Дувромъ и Лондономъ приблизительно въ теченіе двухъ часовъ; но едва вы сдѣлали половину дороги, какъ уже по безконечному числу биткомъ набитыхъ поѣздовъ, бороздящихъ поля, по необыкновенной ширинѣ рельсовыхъ путей, скрещивающихся, перепутывающихся и наложенныхъ другъ на друга, по колоссальнымъ размѣрамъ *viaducovъ* и мостовъ вы чувствуете близость огромнаго города!

По мѣрѣ того какъ вы подвигаетесь впередъ, пейзажъ мѣняется видъ. Вашимъ глазамъ представляются зеленѣющіе холмы, съ прихотливо разбросанными на нихъ граціозными коттеджами, красныя кирпичныя башенки которыхъ, всѣ обвитыя плющемъ, рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ неба. Мало по малу дуга исчезаютъ подъ нескончаемыми рядами маленькихъ низкихъ домиковъ съ аспидными крышами, однообразная правильность которыхъ прерывается только внезапно поднимающимися изъ среды ихъ гигантскими постройками мануфактурныхъ фабрикъ всѣхъ родовъ и обширными складами, вмѣщающими въ себѣ сырые продукты со всего свѣта.

Наконецъ, передъ вами открывается Лондонъ, съ своимъ безконечнымъ лѣсомъ мачтъ и трубъ, поверхъ которыхъ возвышается обернутая въ вѣчную туманную пелену мрачновеличественная масса — соборъ Св. Павла.

Городъ — нынѣ столица Соединеннаго Королевства — существовалъ уже въ то время, когда Юлій Цезарь ступилъ ногою на почву Великобританіи. Слѣдовательно, время его основанія, въ точности не извѣстное, все таки предшествуетъ христіанской эрѣ. Кажется, что, съ первыхъ дней существованія, Лондонъ уже обнаруживалъ чѣмъ сдѣ-

ляется современемъ, такъ какъ Тацитъ говоритъ о немъ какъ о весьма торговомъ городѣ.

Въ настоящее время Лондонъ самая громадная столица въ Европѣ. Его населеніе достигло, въ 1871 году, цифры 3,810,744 ч. жителей; если считать ежегодное приращеніе народонаселенія почти въ 140,000 ч., онъ долженъ имѣть теперь болѣе 4 милліоновъ жителей. Длина всѣхъ его улицъ, если ихъ вытянуть въ одну линію, равняется 6,612 милямъ (миля=1,600 метрамъ). Число домовъ достигаетъ до 530,000.

Когда Парижъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сломалъ окружавшую его каменную стѣну и раздвинулъ свои предѣлы вплоть до укрѣпленій, нашлись люди, которые возстали противъ этого расширенія границъ, представляя на видъ, что слишкомъ большое скопище рабочихъ въ одномъ и томъ же центрѣ будетъ имѣть гибельныя послѣдствія, и что, въ принципѣ, городъ въ 2 милліона жителей долженъ непремѣнно быть постояннымъ очагомъ возстаній и бунтовъ.

Къ несчастію, Парижъ доказалъ, къ своему стыду, справедливость этихъ опасеній. Но, спрашиваю я, не прискорбно ли для нашего національнаго самолюбія видѣть, что отвратительный духъ неповиновенія и мятежа, обуявшій французовъ, дѣлаетъ у насъ невозможнымъ то, что у нашихъ сосѣдей устроилось совершенно естественно само собою? Тогда какъ для того, чтобы сдерживать Парижъ, нужно, кромѣ полиціи, вооруженная сила въ 100,000 человекъ, въ Лондонѣ, не смотря на двойное населеніе и гдѣ считают по крайней мѣрѣ $2\frac{1}{2}$ милліона рабочихъ 11,000 полицменовъ совершенно достаточно для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія.

Сити было колыбелью Лондона, какъ-то доказываютъ слѣды римскихъ построекъ, обнаруживаемыхъ отъ времени до времени. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, громаднѣйшій городъ, простирающійся въ настоящее время отъ Ричмонда до Вульвича, ограничивался Темзою, Лондонскою баннею, Тамплезъ и мѣстомъ, носящимъ названіе London-Wall. Это приблизительно пространство, составляющее въ наше время Сити въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть ту часть Лондона, которая еще сохранила въ цѣлости старыя привилегіи и прежнюю организацію; и власть лорда-мера распространяется единственно только на нее одну:

Но пришло наконецъ время, когда, слишкомъ стѣсненный въ своихъ стѣнахъ, Лондонъ почувствовалъ необходимость расширить свои предѣлы, и вскорѣ предмѣстья получили болѣе значенія, чѣмъ самъ городъ. Рабочее населеніе, привлекаемое весьма естественно ближе къ порту, представлявшему ему возможность найти болѣе легкія средства къ за-

работку, все сгруппировалось на восточной сторонѣ; аристократія же и богатая буржуазія, любящіе всегда тишину и спокойствіе, вездвигли свои изящныя постройки на Страндѣ, длинной, параллельной Темзѣ улицѣ, которая вскорѣ соединила Лондонъ съ Вестминстеромъ, тогда еще простою деревушкою. Многія причины содѣйствовали однако къ выбору богатымъ классомъ этой мѣстности; она уже въ теченіе многихъ лѣтъ была выбрана монархами для ихъ мѣстожительства. Дворцы Вестминстерскій, Сентъ-Джемскій и Уайтъ-Галль всѣ построены на западной сторонѣ отъ Сити. Когда, 2 сентября 1666 года, весь Лондонъ былъ объятъ пламенемъ большого пожара, поглотившаго соборъ, болѣе 80 церквей и 13,000 домовъ, городъ былъ почти весь выстроенъ изъ дерева, что объясняетъ ужасающую быстроту, съ которою пламя прозвело свои опустошенія, пожирая все, что встрѣчало на своемъ пути, начиная съ Тампля до мѣста, гдѣ возвышается нынѣ монументъ.

Судя по сохранившимся гравюрамъ того времени, можно заключить, что столица Англій была тогда довольно некрасивымъ городомъ, съ отвратительными темными и узкими улицами, съ низенькими и дурно выстроенными домами. Вслѣдъ за деревяннымъ городомъ выросъ городъ кирпичный: но стройка началась съ такою стремительностью и съ такимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ надзора со стороны властей, что никто не подумалъ, пользуясь тѣмъ, что пожаръ все сжигалъ и сглаживалъ, расширить улицы и обезпечить этому городу, возникающему изъ пепла, побольше свѣта и воздуха.

Послѣдствія этой непредусмотрительности даютъ себя и теперь чувствовать. Въ Сити большая часть ужасныхъ лачугъ конца XVII столѣтія была замѣнена огромными зданіями, довольно красивыми по виду, въ которыхъ помѣстились банки и конторы крупныхъ торговыхъ фирмъ, но ширина улицъ осталась почти таже, а чрезмѣрная вышина новѣйшихъ построекъ только еще больше способствуетъ ихъ темнотѣ и сырости.

Если, въ самомъ дѣлѣ, исключить Каннонъ-Стритъ, Корнхилль, Чилсайндъ, Альдерсгетъ-Стритъ и Гросъ-Черчъ-Стритъ, то та часть Лондона, которая образуетъ собственно Сити, есть не болѣе какъ собраніе темныхъ дворовъ и переулковъ на столько узкихъ, что большая часть ихъ не доступна для ѣзды, и до того темныхъ, что принуждены почти круглый годъ освѣщать ихъ газомъ, а прекращенія такого порядка вещей даже не предвидится въ близкомъ будущемъ! Рутиня и уваженіе ко всему существующему доведены до такой степени въ Англій, а правительство до такой степени безсильно противъ удорства частныхъ

лицъ, что, не смотря на узкость этихъ улицъ, домовладѣльцы не хотятъ ихъ расширять, воздвигая на мѣстѣ прежнихъ развалинъ огромные дома. Даже самый соборъ, не имѣющій и 200-лѣтней давности, окруженъ развалившимися домиками, выстроенными одновременно съ нимъ и которые загораживаютъ и стѣсняють его со всѣхъ сторонъ. Напрасно Главное Общество завѣдывающее постройками публичныхъ зданій, пыталось недавно облегчить къ нему доступъ: всѣ его проезы должны были остаться неосуществленными, вслѣдствіе упорства жителей и корпорацій.

Лондонское Сити, объ особенныхъ привилегіяхъ, устройствѣ и своеобразной фizioноміи котораго я буду говорить впослѣдствіи, заключаетъ въ себѣ много общественныхъ зданій, какъ-то: банкъ, биржу, два почтамта (одинъ ведетъ свое начало со времени Георга IV, другой оконченъ съ годъ тому назадъ) дворецъ лорда-мэра, ратушу, Тамплъ присутственныхъ мѣста (Lawcourts), нѣсколько небольшихъ часовенъ и наконецъ соборъ и монументъ.

Большая часть этихъ общественныхъ зданій весьма посредственнаго художественнаго достоинства. Постройка ихъ тяжелая и съ претензіями, въ греческомъ стилѣ; вообще, они не заслуживаютъ вниманія иностранца.

Банкъ походитъ на огромный мавзолей; домъ лорда-мэра, *Mansion house*, такъ ничтоженъ, что трудно вѣрить, чтобы онъ служилъ официальнымъ помѣщеніемъ первому сановнику такого города, какъ Лондонъ. Вообще говоря, биржа и новый почтамтъ удачнѣе прочихъ зданій въ архитектурномъ отношеніи.

Монументъ имѣетъ историческій интересъ. Воздвигнутый при Карлѣ II, послѣ пожара 1666 года, съ цѣлью увѣковѣчить память объ этомъ страшномъ народномъ бѣдствіи и обозначить мѣсто, гдѣ огонь вдругъ остановился въ своемъ разрушительномъ теченіи, онъ состоитъ только изъ каменной колонны коричневаго цвѣта, въ 200 футовъ вышины, на вершинѣ которой помѣщается огромныхъ размѣровъ ваза, а изъ послѣдней поднимаются металлическіе языки, изображающіе пламя; онъ стоитъ на широкомъ цоколѣ, украшенномъ пояснительными надписями и прекраснымъ барельефомъ во вкусѣ Лудовика XIV. Соборъ св. Павла заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. До 1666 года, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышается нынѣшній, храмъ, существовалъ другой соборъ, весьма обширный и очень древній, но далеко не могшій идти въ сравненіе съ другими замѣчательными англійскими базиликами.— Онъ уже давно угрожалъ разрушеніемъ, и пока шли разсужденія о томъ,

слѣдуетъ ли его реставрировать, или перестроить совсѣмъ заново, по-доспѣлъ на помощь пожаръ.

Въ ту эпоху, готическое искусство находилось у всѣхъ въ глубокомъ пренебреженіи. Кристофъ Вренъ, котораго проектъ реставрированія былъ принятъ почти цѣликомъ, соображаясь съ требованіями дня, хотѣлъ воздвигнуть соборъ въ смѣшанномъ вкусѣ двухъ различныхъ стилей. По истребленіи огнемъ старой церкви, ему представилась возможность лучше утилизировать свой талантъ, выполняя свою любимую мысль, — хотя издалева приблизиться къ архитектурному образцу — собору св. Петра въ Римѣ.

Назначенный главнымъ архитекторомъ, смотрителемъ по перестройкѣ и возобновленію всего Сити, Вренъ положилъ, въ 1675 году, основаніе собору, которому онъ и обязанъ своею извѣстностью. Онъ былъ оконченъ въ 1710 году, въ царствованіе королевы Анны, а закладка его была въ царствованіе Карла II. Поэтому, архитекторъ, имѣя основаніе считать соборъ, предназначавшимся для католическаго богослуженія, задумалъ и планъ его, сообразно съ его назначеніемъ. Не смотря на нѣкоторые недостатки въ деталяхъ, на нѣкоторую тяжеловатость въ цѣломъ, соборъ св. Павла можетъ считаться однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ произведеній новѣйшей архитектуры; видъ его дѣйствительно величественъ, когда, съ противоположнаго берега Темзы, обнимаешь взглядомъ его огромную массу, возвышающуюся надъ всѣмъ его окружающимъ

При входѣ въ Сити, недалеко отъ Странда, еще существуетъ такъ называемый Темплъ-баръ, родъ тяжелыхъ и массивныхъ воротъ, украшенныхъ статуями Карла II и Якова II и черезъ которыя проникаютъ въ Сити, съ западной стороны.

Они также были выстроены Вреномъ, но приносятъ мало чести его таланту. Черезъ эти ворота англійскіе государи каждый разъ входятъ въ Сити, когда ихъ приводитъ туда какая нибудь торжественная церемонія; нужды нѣтъ, что тяжелыя половинки обыкновенно никогда не запираются, традиція все-таки требуетъ, чтобы государь не иначе прошелъ въ нихъ, какъ испросивши предварительнаго дозволенія на это у лорда-мера. Этого требуетъ привязанность народа къ стариннымъ вольностямъ. И такъ, въ эти дни, обѣ половинки поворачиваются на своихъ заржавленныхъ петляхъ, герметически запираются, и самъ лордъ-мэръ, облеченный въ полную форму, выѣзжаетъ на своей парадной лошади, покрытой попоною, въ сопровожденіи всего муниципалитета, вручать его величеству ключи отъ лондонскаго Сити.

Къ несчастію, земляныя насыпи, сдѣланныя со времени постройки судебныхъ палатъ, такъ испортили этотъ памятникъ древности, что рѣшили совсѣмъ его уничтожить, къ большому огорченію ревностныхъ консерваторовъ традицій прошлаго.

Если, выйдя изъ стараго Сити, мы направимся вдоль Странда въ Метрополию, въ тѣсномъ смыслѣ слова, нашимъ глазамъ вскорѣ представится на лѣвой сторонѣ монументальной входъ въ величественное зданіе, общій видъ котораго напоминаетъ славный вѣвъ. Это дворецъ Сомерсетовъ, нынѣ занятый присутственными мѣстами, нѣкогда составлявшій собственность Сомерсетовъ.

Это прекрасное зданіе обязано своимъ происхожденіемъ французу, Пьеру Пуже изъ Марсели.

Далѣе, миновавъ превосходный вокзалъ Чарингъ-Кроссъ, мы приходимъ на Трафальгаръ-скверъ, прекрасно распланированную площадь, которая была бы одною изъ красивѣйшихъ площадей въ Европѣ, если бы архитекторы позаботились украсить ее болѣе талантливыми произведениями искусства. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего безобразнѣе зданій Національной Галереи. Что же касается до колонны, воздвигнутой въ часть знаменитаго моряка Нельсона, то размѣры ея черезъ-чуръ ничтожны. Статуя, заканчивающая ее, отвратительна. Только и имѣютъ еще нѣкоторую цѣну четыре большихъ льва, украшающихъ собою цоколь. Эта работа Лондсеера.

Парламентская улица, начинающаяся у Трафальгарскаго сквера, ведетъ прямо къ Вестминстерскому аббатству, самому древнему и конечно одному изъ самыхъ красивыхъ лондонскихъ зданій. Эта великолѣпная церковь служитъ склепомъ для членовъ самыхъ знаменитыхъ англійскихъ родовъ. Она служитъ Пантеономъ для всѣхъ славныхъ мужей Соединеннаго королевства. Впрочемъ, я уже говорилъ о ней раньше.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аббатства, возвышается новое зданіе парламента, у подножія котораго Темза катитъ свои мутныя волны. Произведеніе новѣйшаго времени, такъ какъ оно едва имѣетъ 30 лѣтъ существованія; выстроенное Ч. Барри въ англійскомъ готическомъ стилѣ, оно дѣйствительно смотритъ очень величественно и своими стрѣльчатыми башенками, своею большою часовою башнею, своими росписными стеклами и гербовыми щитами, своими статуями, запрятанными въ ниши, оно производитъ глубокое впечатлѣніе на того, кто видитъ его въ первый разъ.

Предназначенное вмѣщать въ себѣ въ одно и то же время и палату лордовъ и палату общинъ, зданіе парламента не есть только простое

строение изъ камня; крохъ того оно есть символъ! Въ этой странѣ, гдѣ король царствуетъ, но не управляетъ, въ дѣйствительности верховная власть принадлежитъ парламенту; воздвигаая это великолѣпное зданіе, замѣнившее собою прежній Вестминстерскій дворецъ, заложенный Эдуардомъ Исповѣдникомъ и истребленный пожаромъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1834 года, Англія тѣмъ самымъ выразила свое благоговѣніе передъ этимъ верховнымъ господствомъ парламента.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, крохъ какъ въ памяти немногихъ старожилонъ, не остается болѣе никакихъ другихъ слѣдовъ отъ этой ужасной звѣздной камерѣ, гдѣ безчестными людьми, потакавшими королевской мстительности, были приговорены къ эшафоту Жюанна Грей, лордъ Дудлей, Марія Стюартъ и столько другихъ, не возбудившихъ въ сердцахъ гнусныхъ угодниковъ жалости къ себѣ ни своею молодостью, ни своимъ несчастіемъ, ни даже самою своею невинностью. Зала, изъ которой были позорно выгнаны члены длиннаго парламента солдатами Кромвелля; гдѣ опредѣлено было отнять власть у Якова II; тѣ стѣны, въ которыхъ нѣкогда гремѣла могучая рѣчь Русселей, Болингброковъ, Вальполей, Чатамовъ, Фоксовъ, Шеридановъ, Вурковъ, Пилей, все это безвозвратно исчезло. Одна только Вестминстерская зала уцѣлѣла посреди всеобщей гибели. Тутъ былъ произнесенъ приговоръ надъ Страффордомъ и Карломъ II; тутъ же во время реставраціи были выставлены головы Кромвелля, Иретона и Брадшо, тѣла которыхъ, вырытыя изъ аббатства, были затѣмъ вздернуты на тибурнскихъ висѣлицахъ и обращены въ пепель.

Пусть послужатъ гѣ ужасныя воспоминанія, которыя вынуждаютъ, урокомъ для будущихъ поколѣній! Счастлива Англія, если вибѣтъ съ старымъ зданіемъ парламента, свидѣтелемъ жестокихъ конвульсій, въ которыхъ она изнемогала въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, исчезли также изъ нея навсегда мятежныя страсти, увлекающія въ бездну самыя сильныя и славныя націи! Счастлива Англія, если новое зданіе никогда не будетъ болѣе театромъ тѣхъ бесплодныхъ и позорныхъ схватокъ, въ которыхъ политическія партіи, слишкомъ часто забывающія свои обязанности передъ отечествомъ, ищутъ только удовлетворенія тѣхъ эгоистическихъ интересовъ, представителями которыхъ онѣ служатъ! Счастлива Англія, если на ея долю никогда не выпадетъ стыдъ услышать въ стѣнахъ этого самаго парламента, въ тотъ день, когда страшная опасность будетъ угрожать отечеству, голосъ, призывающій народъ къ мятежу и возстанію!

Бокъ-о-бокъ съ великолѣпнымъ зданіемъ парламента, королевскіе дворцы представляютъ очень жалкій видъ. Маленькій Сентъ-Джемскій дворець, служившій помѣщеніемъ для англійскихъ государей съ 1675 г. до начала нынѣшняго царствованія, довольно богато отдѣланъ внутри, но снаружи, съ своими маленькими башенками и мелко-зубчатыми стѣнами, походить на Нюрнбергскую игрушку. Для полноты сходства тутъ есть и крошечный красный солдатикъ, входящій въ одну дверь и выходящій въ другую, и большія часы съ музыкою. Впрочемъ, нынѣ онъ служитъ только для пріемовъ у принца Валлійскаго. Королева живетъ въ Букингемскомъ дворцѣ, стоящемъ въ концѣ Сентъ-Джемскаго парка, рядомъ съ Гайдъ-паркомъ. Подновленный, увеличенный въ размѣрахъ королевою Викторією, этотъ дворець, мрачный и обнаженный, все-таки гораздо болѣе напоминаетъ собою огромныя казармы, нежели домъ государыни Великобританіи и обѣихъ Индій.

Ничего не можетъ быть плачевнѣе помѣщенія, занимаемаго принцемъ валлійскимъ. Самый послѣдній разбогатѣвшій лавочникъ отказался бы отъ пріобрѣтенія этого огромнаго балагана изъ красныхъ кирпичей. Если бы не позаботились поставить на немъ картушы съ тремя перьями и знаменитымъ девизомъ, ни одинъ иностранецъ не догадался бы, что этотъ жалкій домъ—дворецъ Марльборо—официальная резиденція наслѣдника короны.

Впрочемъ, за исключеніемъ Виндзора, одного изъ самыхъ прекрасныхъ образчиковъ феодальной архитектуры, англійскіе короли никогда не имѣли пышныхъ резиденцій. Вайтъ-Галль, напришѣръ, откуда несчастный Карлъ I вышелъ, чтобы положить свою голову на плаху, очень неуклюжее строеніе, не имѣющее ни стила, ни величія, и годное развѣ только для помѣщенія конюховъ.

Англичане, впрочемъ, сами начинаютъ понимать, что ихъ столица бѣдна хорошими зданіями, и они дѣятельно работаютъ, желая восполнить этотъ недостатокъ. Присутственные мѣста въ Парламентской улицѣ и Бурлингтонская академія, на Пиккадилли, доказываютъ, что они сдѣлали уже большой шагъ впередъ въ официальной архитектурѣ.

И такъ, несмотря на свои огромные размѣры, Лондонъ вмѣщаетъ въ себѣ весьма мало памятниковъ; въ немъ есть даже такіе кварталы, что вы, прогуливаясь по нимъ, въ теченіе долгихъ часовъ, не встрѣтите ничего, кромѣ кирпичныхъ домовъ и какихъ-то маленькихъ часовенъ изъ сѣраго камня, напоминающихъ деревенскія церкви, справляясь о которыхъ вы, къ удивленію своему, узнаете, что онѣ выстроены очень недавно.

Лондонъ изобилуетъ обширными парками. Два самые пространные суть: Реджентс-Паркъ—въ сѣверной части города, и Гайдъ-Паркъ, знаменитый во всемъ свѣтѣ, какъ мѣсто rendez-vous, въ теченіе уже цѣлаго столѣтія, аристократин и самаго избраннаго англійскаго общества. Планировка и декоративная часть Булонскаго и Венсенскаго лѣсовъ были заимствованы у лондонскихъ парковъ. Наполеонъ III, прожившій много лѣтъ въ Лондонѣ, не преминулъ замѣтить, что Парижъ неоспоримо уступаетъ ему во всемъ, что касается парковъ и садовъ, и исключительно ему мы обязаны нашими предѣстными северами и всекитительными мѣстами для прогулокъ, которыми мы такъ гордимся.

Лондонскіе парки не требуютъ за собою такого тщательнаго ухода, какъ наши два большіе парижскіе парка, такъ какъ они состоятъ главнымъ образомъ изъ обширныхъ зеленыхъ лужаекъ, на которыхъ пасутся стада барановъ; деревьевъ же мало. Собственно они и предназначаются для митинговъ, на которыхъ, какъ вамъ извѣстно, стеченіе народа никогда не бываетъ менѣе 30 или 40 тысячъ.

Кенсингтонскій садъ, отдѣляющійся отъ Гайдъ-Парка широкимъ ровомъ, имѣетъ совсѣмъ другой видъ; онъ во многомъ напоминаетъ намъ Тюльерійскій садъ, или, вѣрнѣе паркъ Сень-Клу. Высшій кругъ мало его посѣщаетъ но за то въ немъ можно встрѣтить много дѣтей Ихъ, дѣйствительно, можно въ немъ оставлять безъ опасенія, такъ какъ ѣзда экипажей запрещена.

Въ этомъ паркѣ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, Шатобрианъ, во время своего изгнанія, убѣгая городского шума, написалъ нѣкоторыя свои произведенія, между прочимъ Аталу и Духъ Христіанства.

Проходя по Лондону, видишь довольно много статуй, воздвигнутыхъ въ память государей и великихъ людей Англій. Я уже вамъ говорилъ о статуѣ Нельсона, на Трафальгарскомъ скверѣ; недалеко отъ нея, противъ Сень-Джемскаго парка, возвышается еще колонна герцогу Юркскому. При всемъ безобразіи этого монумента, трудно все таки смотрѣть безъ смѣха на громовой отводъ, пронизывающій черепъ благороднаго герцога; послѣдній такимъ образомъ имѣетъ видъ человѣка, котораго за честь стоять на вершинѣ этой неуклюжей колонны, казнили вздернувши на колъ.

Мнѣ вѣтъ надобности говорить, что побѣдителю при Ватерлоо воздвигнуто въ Лондонѣ много статуй. Одна стоитъ въ Сити, противъ биржи. На углу Гайдъ-парка, противъ Aspley House, въ которомъ онъ умеръ и гдѣ еще живутъ его потомки, можно видѣть его въ профилѣ верхомъ на лошади, поставленной на триумфальную арку, что

весьма не красиво. Но, безъ сомнѣнія, самый замѣчательный памятникъ воздвигнутъ соотечественниками великому полководцу, прозванному Iron Duke. Онъ поставленъ въ началѣ бульвара «Rotten Row» и состоитъ изъ колоссальной статуи, изображающей Ахилла, въ боевомъ положеніи тѣла, размахивающаго саблею и не имѣющаго на себѣ ничего, кромѣ каски и щита. Если вы подойдете къ этой аллегорической, не одѣтой фигурѣ, вы, конечно, не безъ нѣкотораго удивленія, узнаете, благодаря надписи, начерченной на пьедесталѣ, что этотъ памятникъ воздвигнутъ Веллингтону английскими дамами. Конечно, такіа чувства дѣлають вамъ честь, но зачѣмъ же, о скромныя дочери Альбіона вы лишили одѣянія вашего героя?

На другомъ концѣ Гайдъ-парка, устремляясь въ высь своимъ золотымъ шпилемъ, находится памятникъ, воздвигнутый новою Артемизою своему супругу. Имѣя форму готическаго мавзолея, поставленнаго на широкой фундаментъ съ двумя уступами, изукрашеннаго барельефами и по угламъ котораго стоятъ высокія мраморныя статуи, этотъ памятникъ воздвигнутъ въ честь принца Альберта, за тѣ усилія, которыя онъ способствовалъ развитію искусства и промышленности въ Англіи.

Это весьма пышный монументъ, на который было, можетъ быть, даже черезъ-чуръ много потрачено золота, мрамора, бронзы и мозаики, — но, тѣмъ неменѣе, онъ свидѣтельствуетъ, что английская нація сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ въ искусствѣ. Группы Азіи и Африки, вышедшія изъ подъ рѣзца Ролея и Тида — два прекрасныя произведенія и по мысли, и по выполненію.

Лондонскіе театры я пройду молчаніемъ. Они не имѣютъ никакого значенія съ точки зрѣнія архитектурнаго искусства. Они по большей части такъ запрятаны среди различнаго рода построекъ, что нельзя ни по чему догадаться объ ихъ существованіи.

Одинъ Ковенъ-Гарденскій театръ еще имѣетъ нѣкоторый видъ, но, къ несчастію, онъ находится въ самой грязной и нездоровой части города.

Какъ во всѣхъ большихъ городахъ, въ Лондонѣ также есть кварталы, преимущественно выбранныя для жительства извѣстными классами общества, и улицы, въ которыхъ сгруппировались отдѣльные роды промышленности. Аристократія, поселившаяся сначала на Страндѣ, послѣдовательно обитала на Тавистокскомъ и Руссельскомъ скверахъ, затѣмъ на пространствахъ между Реджентскимъ и Гайдъ-парками, то есть отъ Портландской площади до Брианстонскаго сквера; наконецъ, оставя парки, она водворилась въ Вельгравіи, что въ настоящее время

составляет для англійской столицы — Сентъ-Жерменское предмѣстье. Вайсватеръ и Кенсингтонъ, соответствующія нашему фобургу Сентъ-Оноге и всѣмъ новымъ кварталамъ Малезерба и Гаусмана, заняты высшимъ кунечествомъ, свѣжиспеченной аристократіей и иностранцами.

Одна изъ самыхъ красивыхъ улицъ въ западной части города, и конечно, самая замѣчательная, есть Pall-Mall, улица клубовъ.

Она начинается у Трафальгарскаго сквера, пересѣкаетъ Реджентъ-Стритъ и оканчивается у Сентъ-Джемскаго дворца. Она имѣетъ великолѣпный видъ, съ расположенными по обѣ ея стороны, богатыми отелями, въ которыхъ помѣщаются самые элегантныя и аристократическія лондонскіе клубы.

Главнѣйшіе изъ нихъ суть Атенеумъ, клубъ путешественниковъ, реформистскій, Карльтонскій, младшій карльтонскій, клубъ арміи и флота и united Service.

Если не считать императорскаго и земледѣльческаго кружковъ, у насъ въ Парижѣ нѣтъ ничего могущаго соперничать съ этими великолѣпными помѣщеніями и даже самый Жокей-клубъ выглядит очень плачевно, сравнительно съ Карльтонскимъ или Реформистскимъ клубомъ. Два послѣдніе не будучи ни особенно старыми, ни особенно аристократическими, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ числу самыхъ знаменитыхъ въ Лондонѣ; такъ какъ дѣтъ 40 тому назадъ они были основаны съ политической цѣлью.

Реформистскій клубъ, на что указываетъ и самое его названіе, либеральный; Карльтонскій же напротивъ строго консервативный. Въ этихъ то клубахъ сосредоточивается, во время выборовъ, капиталы, предназначенныя для поддержки кандидатовъ каждаго изъ политическихъ отбѣнковъ, которыхъ они служатъ представителями. Суммы эти довольно значительны, такъ какъ вамъ извѣстно, какую роль играютъ въ Англии деньги, въ бурное время борьбы между избирателями.

Къ несчастію, эти клубы, не смотря на ихъ богатство, не что иное какъ обширные храмы, посвященные скукѣ. Нѣтъ ничего снотворнаго, ничего однообразнаго, ничего тошнаго жизни англійскихъ кружковъ. Кажется, что англичане основали свои клубы исключительно съ цѣлью доказать міру, что 600 или 800 человекъ, принадлежащіе всѣ къ интеллигентному классу общества, въ состояніи встрѣчаться, въ теченіи 20 лѣтъ сряду, въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ и въ одни и тѣ же часы, храня строго молчаніе и не кланаясь другъ съ другомъ.

Въ Сити есть одна улица, имѣющая совершенно особый характеръ но тѣмъ не менѣе на которую весьма любознательно взглянуть въ нѣкото-

рычася дня;—это Флитъ-Стритъ. На ней помѣщаются конторы большей части журналовъ, издаваемыхъ въ Лондонѣ. Куда бы вы ни посмотрѣли, вы вездѣ видите, начертанныя гигантскими буквами названія всевозможныхъ газетъ и журналовъ. Daily News, Daily Telegraph Punch, Fun, Sporting life и сотни другихъ водворились на Флитъ-Стритѣ. Тѣмъ не менѣе, постоянно увеличивающееся число новыхъ изданій, принудило ихъ перейти для своего помѣщенія за Темиль-Баръ и многія устроились на Страндѣ. Одинъ только Times, этотъ царь европейскихкихъ журналовъ, выстроилъ свой отель въ улицѣ королевы Викторіи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Флитъ-Стритъ.

Теперь, когда мы обошли большую часть лучшихъ лондонскихъ кварталовъ, давайте сядемъ въ лодку у Вестминстера и спустимся до Вульвича по великолѣпной рѣкѣ благодаря которой Лондонъ можетъ считаться самымъ значительнымъ и надежнымъ портомъ въ цѣломъ свѣтѣ. И какая же это восхитительная прогулка, продолжающаяся около 1 1/2 часа; въ особенности, когда солнечными лучамъ удастся разсѣять нѣсколько туманъ, что позволить вамъ обнять взоромъ, развертывающуюся съ обѣихъ сторонъ панораму. Пржеде всего взорамъ вашимъ представляются высокія зданія парламента, противъ которыхъ возвышаются изящныя павильоны больницы св. Фомы, самой лучшей больницы въ Лондонѣ, хотя вообще въ немъ есть очень хорошія; далѣе, между тѣмъ какъ по правой сторонѣ тянутся мрачныя дома Соутварка, построенныя на сваяхъ, по причинѣ иловатаго грунта, по лѣвой сторонѣ начинаются набережныя, кончающіяся только у моста Blackfriars; эти набережныя весьма недавняго сооруженія; онѣ были окончены всего 5 лѣтъ тому назадъ. До того времени Темза два раза въ день періодически заливала и вновь очищала всю мѣстность, на которой, въ настоящее время возвышается Victoria Embankment. Безчисленное число разъ возбуждался вопросъ о сооруженіи лондонскихъ набережныхъ, но проектъ имѣлъ участь всѣхъ проектовъ въ Англіи: прошло много лѣтъ, а ничего не было сдѣлано. Наконецъ пришло время, когда испаренія, выходящія изъ остатковъ всякаго рода, гнившихъ на берегу, сдѣлались столь ужасными, что общественное здоровье очутилось въ серьезной опасности парламентъ долженъ былъ разойтись. Только тогда постройка набережныхъ была рѣшена окончательно.

Онѣ дѣйствительно прекрасны; выложены гранитомъ и украшены богатыми канделябрами и головами львовъ, въ бронзовыя части которыхъ продѣты кольца, для прикрѣпленія лодокъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга были оставлены широкія каменные площадки,

на которыхъ будутъ ставить статуи и группы. Одинаково, позаботились объ устройствѣ пристаней для пароходовъ, на которыхъ производится сообщеніе между Лондономъ и его окрестностями. По мѣрѣ того, какъ лодка подвигается впередъ, она оставляетъ за собою одинъ за другимъ мосты: Чарингъ-Кроссъ, Ватерлоо, Blackfriars. Новый мостъ, мостъ Cannon Street и наконецъ знаменитый Лондонскій мостъ, который хотя выстроенъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, думаютъ уже вновь передѣлывать: такъ сильно движеніе въ этомъ мѣстѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что здѣсь Сити непосредственно сообщается со всею южною частью метрополи. Въ теченіи нашего плаванія мы послѣдовательно миновали станцію Чарингъ-Кроссъ, Сомерсетскій дворецъ, сады Тампля, соборъ св. Павла, станцію Каннонъ-Стритъ, затѣмъ безконечныя магазины и склады, такъ называемыя wharfs, прямо выходящія на Темзу, зданія таможи, Биллингсгэтскій рынокъ (рыбный) и наконецъ лондонскую башню. Глядя на эту маленькую крѣпость, окруженную стѣнами неопредѣленнаго цвѣта, съ расположенными въ углахъ ея небольшими четырехугольными башенками, вамъ конечно не придетъ въ голову, что она была театромъ столькихъ ужасныхъ драмъ, столькихъ знаменитыхъ преступленій и столькихъ же оставшихся неизвѣстными. А между тѣмъ сторожа, приставленные къ этой старинной крѣпости, въ одно и тоже время Бастиліи, Тамплю и Венсенну Англии, покажутъ посѣтителю лѣстницу, гдѣ, при Карлѣ II, нашли скелеты двухъ дѣтей Эдуарда. Внутри тюремнаго двора, можно видѣть камень, обозначающій мѣсто, гдѣ были обезглавлены Анна Болонъ и Екатерина Говардъ, эти двѣ несчастныя жертвы жестокости и разврата Генриха VIII. Въ настоящее время башня преобразована въ нѣкоторое подобіе артиллерійскаго музея, въ которомъ находится довольно замѣчательная коллекція стариннаго оружія; тутъ же сохраняются драгоцѣнности короны.

Лондонская башня, имѣвшая долгое время привилегію брать пошлину съ поднимавшихся вверхъ по Темзѣ судовъ, утратила съ тѣхъ поръ свое тираническое значеніе; но должность констабля или управляющаго башнею еще сохранилась и дается въ награду генераламъ. Жалуютъ этимъ почетнымъ саномъ отъ имени ея величеста, обыкновенно въ присутствіи всѣхъ сторожей башни, которыя носятъ названіе beefeaters (мясопотребителями).

Послѣднимъ констаблемъ былъ сэръ Вилліамъ Гомъ, фельдмаршалъ. Костюмъ сторожей есть одна изъ лондонскихъ достопримѣчательностей; они все еще одѣты какъ при Генрихѣ VII: въ высокото-

жественные дни они надѣваютъ брызжи и вооружаются алебардами.

Непосредственно за башней начинается портъ; Темза, будучи вдвое шире Серы у Новаго моста, не пересѣкается уже болѣе никакимъ мостомъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся доки, окруженные высокими строениями въ 6 и 7 этажей, гдѣ нагружаются и разгружаются корабли всѣхъ странъ свѣта. Тутъ плаваніе становится затруднительно, такъ какъ множество кораблей непрерывно входятъ въ портъ и выходятъ изъ него; а проходъ между судами всѣхъ размѣровъ и всѣхъ національностей, бросившими въ немъ якорь, чрезвычайно узокъ! Но вотъ мы и приблизились къ концу нашего плаванія, оставивъ за собой съ правой стороны красивое зданіе, выстроенное Карломъ II для инвалидовъ морскаго вѣдомства и Гринвичскую богадѣльню; оба берега рѣки представляютъ открытую, ровную мѣстность, гдѣ время отъ времени подымается высокая труба какого нибудь завода; наконецъ лодка останавливается у подножія холма на вершинѣ котораго помѣщается Вульвичскій арсеналъ. Тутъ то выливаются тѣ огромныя пушки которыми Англія вооружаетъ свои броненосцы. Тутъ же находится академія, изъ которой выходятъ южные джентльмены въ офицеры англійской арміи. Французскій императорскій принцъ, какъ извѣстно, кончилъ тутъ свое военное образованіе.

Вообще резюмируя все сказанное, нельзя отрицать того, что Лондонъ прекрасный городъ, хотя впечатлѣніе, которое получаешь видя его въ первый разъ, не совсемъ въ его пользу. Грандіозный, велѣдствіе своихъ широкихъ улицъ, необозримыхъ парковъ и обширныхъ скверовъ, на самомъ дѣлѣ Лондонъ не чаруетъ взора легкимъ изяществомъ и оживленіемъ, такъ какъ большая часть его домовъ скверно выстроены, мрачнаго вида и своими лишенными всякихъ украшеній фасадами изъ почернѣлыхъ кирпичей походятъ скорѣе на тюрьмы, чѣмъ на жилища гражданъ свободной страны.

Я долженъ однако сказать, что новые кварталы, выросшіе лѣтъ 10 тому назадъ, вокругъ парковъ западной части города, очень хорошіе; англійскіе архитекторы, замѣтивъ, какой некрасивый видъ представляетъ рядъ высокихъ и узкихъ строеній, различествующихъ и по размѣрамъ и по стилю, возымѣли счастливую мысль сгруппировать нѣсколько строеній въ одно цѣлое, такъ чтобъ оно имѣло видъ монумента съ фронтономъ посрединѣ, съ павильонами по угламъ, и съ колоннами. Этому остроумному расположенію обязаны дема улицъ Кенсингтонской, Ланкастерской и Гросвеноръ своимъ величественнымъ видомъ, столь

противоположнымъ съ отвратительной и безобразной фізіономіей другихъ частей Лондона. Но эта роскошь архитектуры не мѣшаетъ царить въ въ этихъ кварталахъ самому тоскливому безмолвію, что происходитъ вслѣдствіе многихъ причинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ Сите и части города, занимаемой обдѣлѣннымъ населеніемъ, въ каждомъ кварталѣ имѣется только по одной улицѣ съ торговымъ движеніемъ; въ ней то, натурально, и сосредоточивается вся жизнь и дѣятельность. Но за то по обѣ стороны этой торговой жилы, усѣянной магазинами, простираются на сколько хватаетъ глазъ, обширные скверы и безконечныя улицы, состоящія единственно изъ домовъ частныхъ лицъ и имѣющія видъ настоящихъ пустынь, въ которыя сворачиваютъ только ихъ обыватели!

Въ тому же, все кажется нарочно приспособленнымъ къ той цѣли, чтобы не нарушалось ничѣмъ безмолвіе этихъ элегантныхъ пустынь. Всего чаще эти кварталы принадлежатъ въ цѣломъ составѣ какому нибудь страшно богатому лорду, который, хотя и позволилъ милостиво прорѣзать улицы и выстроить дома на принадлежащей землѣ, но подъ условіемъ, что его феодальныя привиллегіи остаются неприкосновенными. Поэтому, на каждомъ шагу встрѣчаемъ при входѣ въ мирокія и прекрасныя улицы, надписи съ слѣдующимъ объявленіемъ: *Private Road, no thoroughfare* то есть; ѣзда въ экипажахъ запрещена, что, вы понимаете, способствуетъ въ значительной степени сходству этихъ широкихъ дорогъ съ теремами спящей царевны.

Прибавьте ко всему вышесказанному, что городъ покидается на 9 мѣсяцевъ въ высшимъ обществомъ; что магазины забираются каждый вечеръ въ семь часовъ; что самыя невинныя удовольствія запрещены въ воскресенье; что улицы дурно освѣщаются и плохо содержатся; что небо всегда облачно, температура постоянно сырая, что въ связи съ сѣрными парами, съ дымомъ и копотью, отдѣляемыми милліонами трубъ атмосфера грязнитъ и съѣдаетъ въ нѣсколько дней все выставленное на открытый воздухъ и придаетъ городу видъ мрачный и грязный и, послѣ всего этого нельзя разумѣться удивляться тому, что Лондонъ, не смотря на оспоримыя красоты, все-таки мало привлекательный городъ, и что иностранцы, побывавшіе въ немъ разъ изъ любопытства, ни имѣютъ ни малѣйшаго желанія вновь посѣтить его, предпочитая искать въ другомъ мѣстѣ забавъ и развлеченій.

ПИСЬМО V.

ЛОРДЪ-МЭРЪ И ЛОНДОНСКІЙ СИТИ,

Вчера было 9-ое ноября (Lord mayor's day) день, въ который мэръ лондонскаго Сити, избираемый въ день св. Михаила, вступаетъ официально въ свою должность.

Съ ранняго утра огромная толпа собирается вокругъ Гильдъ-Галля, такъ какъ оттуда отправляется въ Вестминстеръ поѣздъ, сопровождающій перваго городского сановника; поѣздъ этотъ очень смѣшонъ и напоминаетъ собою прогуливаніе по парижскимъ улицамъ карнавальнаго быка.

Нужно, чтобы въ нашихъ соеѣдяхъ любовь къ традиціямъ прошедшаго было сильно вкоренена, если мэръ такого города, какъ Лондонъ, соглашается прогуливаться по улицамъ въ наше время въ костюмѣ, годномъ для маскарада, съ барабаннымъ боемъ, съ знаменами, въ каретѣ времёнъ Людовика XIV, достойной занять почетное мѣсто въ музеяхъ Кенсингтона или Ключи, но въ которой лордъ-мэръ, воссѣдая съ своими оруженосцами, или носильщиками жезла и шпаги, съ своимъ капелланомъ, представляетъ самое комическое зрѣлище.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эта торжественная процессія отправлялась обыкновенно въ Вестминстеръ водянымъ путемъ, по Темзѣ. Какъ венеціанскій дожъ обручался нѣкогда съ Адриатическимъ моремъ, такъ и лордъ-мэръ обручался съ лондонскимъ Сити.

Почему церемонія измѣнила свой характеръ, — я не знаю. Все, что я могу сказать, это то, что античная вызолоченая гондола, удостоивавшаяся разъ въ годъ чести виѣзжать въ себѣ новаго избранника, существовала еще нѣсколько лѣтъ назадъ. Но увы! незавидна участь всякаго земнаго величія. Славная гондола было превращена въ нѣчто, похожее на Publice House, или питейное заведеніе. Право выбирать своихъ муниципальныхъ судей было предоставлено Лондону и другимъ важнѣйшимъ

английскимъ городомъ въ XII вѣкѣ Генрихомъ I-мъ и подтверждено Великою хартією 1214 года, въ царствованіе короля Іоанна. Титулъ же лорда былъ данъ мэру лондонскаго Сити позднѣе, Эдуардомъ III. Послѣ того привиллегія эта была распространена и на нѣкоторые другіе города Соединеннаго королевства.

Первый лордъ-мэръ былъ нѣкій Генрихъ-Фридерикъ Алуинъ; онъ занималъ это положеніе въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ. Нынче же лорды-мэры выбираютъ никакъ не болѣе какъ на одинъ годъ. Избраніе совершается въ день Св. Михаила, и затѣмъ избранный остается въ должности до 9-го ноября слѣдующаго года.

Организація лондонскаго Сити, напоминая во многихъ отношеніяхъ организацію нашихъ древнихъ французскихъ городовъ, существовавшую до 1789 года, съ ихъ эшевенами, съ ихъ корпораціями остается почти тѣмъ же, чѣмъ она была нѣсколько столѣтій тому назадъ. Если и сдѣланы въ ней измѣненія, то самыя незначительныя.

Раздѣленное на округа, имѣющіе каждый свою отдѣльную администрацію, глава котрой называется «Alderman», лондонское Сити, составляющее лишь небольшую часть метрополи, управляется муниципальнымъ совѣтомъ (common council), въ которомъ засѣдаютъ избранные всѣхъ округовъ, альдермэны, шерифы, ундеръ-шерифы и лордъ-мэръ въ качествѣ председателя. Право избирать, а также быть избраннымъ въ члены этого совѣта, принадлежитъ только людямъ, участвующимъ въ одной изъ торговыхъ компаній Сити. Что же касается избранія лордъ-мера, то это избраніе, по выраженію англичанъ, проходитъ чрезъ нѣсколько ступеней.

За нѣсколько дней до Михайлова дня, различныя корпораціи приступаютъ къ избранію шерифовъ, которые, будучи выбраны, отправляются въ «Mansion House», официальное помѣщеніе лорда-мера, гдѣ даютъ присягу, формула которой, составленная еще въ царствованіе Елизаветы, обязываетъ охранять льготы и права Сити, безпристрастно относиться къ бѣднымъ, оставаться вѣрнымъ всѣмъ хорошимъ старымъ обычаямъ Сити, поддерживать въ немъ порядокъ и охранять его отъ всякихъ бѣдствій; наконецъ, не отдавать на откупъ нѣмецкой тюрьмы. Къ этой старой формулѣ сдѣлано новѣйшее добавленіе, которымъ шерифы обязываются еще служить королевѣ всѣми законными средствами и во всѣхъ случаяхъ, могущихъ имъ представиться, охранять права престола и содѣйствовать выполненію королевскихъ повелѣній; однимъ словомъ, вести себя такимъ образомъ, чтобы дѣлать честь королевѣ и упрочивать благоденствіе подданныхъ ея величества.

Выполнивъ эту формальность, шерифы облачаются въ пурпуровую

одежду; цѣпь, эмблема ихъ званія, надѣвается имъ на шею самимъ лордомъ-меромъ, которому они вслѣдъ за тѣмъ представляютъ ундеръ-шерифовъ, подписывающихся подъ тою же присягою. Въ концѣ концовъ, имъ вручаются ключи отъ тюремъ Сити.

Каждый годъ, 29 сентября, въ Гильдъ-Галлѣ собираются члены всѣхъ корпорацій, для назначенія новаго лордъ-мера на будущій годъ. Это избраніе совершается очень торжественно. Въ 12 часовъ дня лордъ-меръ, состоящій въ должности, отправляется, въ полной парадной формѣ, изъ Mansion House въ Гильдъ-Галль; ему предшествуютъ барабанщики, за нимъ слѣдуетъ конвой, состоящій изъ маршала, носильщика жезла и оруженосца, несущаго шпагу; его окружаетъ свита, состоящая изъ альдерменовъ, шерифовъ и ундеръ-шерифовъ. Въ Гильдъ-Галлѣ его торжественно встрѣчаютъ альдермены всѣхъ округовъ, чиновникъ юстиціи Сити (deputy recorder) и делегаты корпорацій, въ мундирахъ и со всѣми знаками отличія ихъ званія, и, въ дополненіе, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. По полудни, всѣ собравшіеся сановники идутъ процессіею въ сосѣднюю церковь, «St. Lawrence Jewry». Тамъ обѣдню служитъ викарій, а проповѣдь, сообразную съ обстоятельствами, говоритъ канцеляръ лорда-мера. Въ былыя времена лордъ-меръ и шерифы пріебщались обыкновенно св. Таинъ; но этотъ обычай оставленъ, вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ израильтянинъ, г. Соломонъ, былъ избранъ въ эту должность.

По окончаніи богослуженія, всѣ сановники отправляются опять процессіею сперва въ палату альдерменовъ, а оттуда въ большую залу, гдѣ рассаживаются на эстрадахъ. Водворяется глубокое молчаніе, и «сэмптон сіегъ», нѣчто въ родѣ глашатая, открываетъ засѣданіе обыкновенными формулами, а deputy recorder, приближаясь къ засѣдающимъ, объявляетъ имъ, что они собрались съ цѣлію воспользоваться высокою и древнею своею привилегіею избирать лордъ-мера лондонскаго Сити на слѣдующій годъ.

Послѣ этого заявленія, нѣкоторые изъ членовъ собранія дѣлаютъ нѣчто въ родѣ допроса кандидатамъ, обыкновенно занимавшимъ должности альдерменовъ или шерифовъ. Ихъ спрашиваютъ, имѣютъ ли они твердое намѣреніе, въ случаѣ, если будутъ избраны, защищать и поддерживать привилегіи корпораціи и всѣ права, которыми они пользуются.

Кандидаты, допрашиваемые такимъ образомъ, отвѣчаютъ обыкновенно исповѣдью своихъ мнѣній и убѣжденій, исповѣдью, въ которой объявляютъ все, чего отъ нихъ требуютъ, и прибавляютъ даже, что счита-

ють сохраненіе старнхъ обычаевъ необходимымъ для процвѣтанія торговли и промышленности Сити. Впрочемъ, не смотря на эти заявленія, — время дѣлаетъ свое дѣло, и всѣ эти обычаи и привилегіи исчезаютъ мало по малу предъ нападеніями общественнаго мнѣнія, требующаго горячо ихъ нарушенія. Баллотировка производится не шарами, не голосами, а вставаньемъ избирателей съ мѣста. Требуется, чтобы баллотировались непременно два кандидата, и если они были избраны достаточнымъ, по закону, числомъ голосовъ, ихъ представляютъ палатѣ альдерменовъ, которой принадлежитъ право окончательнаго избранія лордъ-мера.

Новый избранникъ говоритъ тогда рѣчь, наполненную ораторскими формальностями выражающую всегда одною и тою же, а именно: удивленіе и смущеніе видѣть себя удостоеннымъ такой великой чести, какъ званіе перваго судьи города, не имѣющаго себѣ подобнаго въ мірѣ; лице-мѣрную скромность, но слишкомъ позднюю къ несчастію, которая высказывается обыкновенно формулою, что онъ спрашиваетъ себя, можетъ ли онъ выполнить возлагаемую на него миссію, и не найдетъ ли другаго лица, болѣе достойнаго и способнаго, чѣмъ онъ, занять высокую должность и проч. Затѣмъ слѣдуютъ похвалы предшественнику, который, въ свою очередь, отвѣчаетъ комплиментами новому избраннику, и при этомъ не упускаетъ случая сказать нѣсколько лестныхъ фразъ прежнимъ шерифамъ, обращающимся затѣмъ съ поздравленіями къ своимъ преемникамъ.

Послѣ двухъ или трехъ часовъ взаимнаго куренія ежиднама другъ другу, сановники Сити расходятся; новый лордъ-меръ возвращается въ свою контору, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ большую залу Гильдъ-Галля 9-го ноября, для окончанія церемоніи пиршествомъ.

Жалованье лордъ-меру полагается 6,000 фунтов. стер., вознагражденіе, кажется, хорошее; но расходы, сопряженные съ этою должностію, такъ велики, что каждый изъ нихъ тратитъ изъ своихъ денегъ по крайней мѣрѣ столько же еще.

Стало быть эта честь доступна только для крупныхъ капиталистовъ Сити; но, не смотря на эти невыгоды въ финансовомъ отношеніи, большинство домогается попасть въ шерифы или альдермены, какъ на одну изъ ступеней, ведущихъ къ чести сдѣлаться лордъ-меромъ. Почти каждый изъ коммерсантовъ, какъ только фортуна ему начинаетъ улыбаться, является кандидатомъ на эти должности, въ надеждѣ рано или поздно достигъ желанной цѣли: облечься въ пурпуровую одежду и въ шляпу съ перьями, отворять двери въ Тамплъ-Баръ предъ коро-

левою, принимать иностранных государей въ Гильдъ-Галлѣ, чинить судъ и расправу въ Mansion House. Въ теченіе многихъ лѣтъ они съ упоеніемъ мечтаютъ о грамотѣ, жалуемой ея королевскимъ величествомъ почти каждому лордъ-мэру на рыцарское и баронетское достоинство.

Впрочемъ, большая часть муниципальных должностей довольно выгодна: шерифы получаютъ вознагражденія около 100,000 фр., deputy recorder получаетъ 75,000 фр., chamberlain 50,000 и common serjeant почти столько же. Жалованья эти платятся, разумѣется, различными корпораціями, которыя всѣ очень богаты, такъ какъ пользуются льготами и правами, начало которыхъ теряется во мракѣ древности. Значительные доходы, которыми располагаетъ главная корпорація Сити, употребляются на различныя общественныя работы, на содержаніе больницъ и тюремъ и на украшеніе города; фонды же, въ которыхъ каждая корпорація имѣетъ свою долю, идутъ на образованіе вспомогательныхъ кассъ для членовъ каждой компаніи а равно изъ нихъ же берутся огромныя суммы для баловъ и обѣдовъ, даваемыхъ въ теченіе года.

Каждая корпорація имѣетъ свой гербъ и свой девизъ, между которыми встрѣчаются даже очень остроумные. Девизъ (salters) соляной корпораціи, наприимѣръ: sal sapit omnia ¹⁾; девизъ. (Founders) строительнаго компаніи: God the only founder, Гербы эти играютъ важную роль въ украшеніяхъ Corporate Halls, великолѣпныхъ отелей, въ которыхъ даются блестящіе обѣды или балы, посвящаемые не только членами корпораціи, устраивающій ихъ, но и всѣми знаменитостями міра аристократическаго, политическаго и духовнаго.

Нѣкоторыя изъ ремесленныхъ обществъ принадлежать, по преданію къ такой-то или такой-то политической партіи; другія опять къ другой. Одни пронитаны духомъ либерализма; другія, напротивъ, считаются консервативными. Почему?—они и сами были бы въ затрудненіи отвѣтить на это. Корпорація портныхъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ въ Сити, доставившая перваго лондонскаго лордъ-мэра, украшаетъ свои салоны портретами предводителей партіи торі; тамъ вы увидите и Питта и лордъ Эльдена и Веллингтона, и много другихъ. Стало быть, лондонскіе портные—консерваторы.

Всѣхъ жителей въ Сити насчитывается не болѣе 600,000, что составляетъ одну шестую часть всего населенія въ Лондонѣ. Муниципальное устройство этого города въ городѣ таково, что, не смотря на всѣ свои несовершенства и свою древность, всѣ отправленія проихо-

¹⁾ Богъ есть единственный строитель.

дять въ немъ правильно, и насчетъ Сити можно сказать, что оно имѣеть администрацію, управляющую имъ дѣйствительно, тогда какъ про участки, находящіеся за границами его, гдѣ власть лордъ-мера не дѣйствительна, и которые управляются разными администраціями, независимыми другъ отъ друга, такъ называемыми приходами (vesties), никакъ нельзя сказать, чтобы они управлялись хорошо и чтобы отправленія совершились въ нихъ правильно; общаго съ Сити они ничего не имѣють, за исключеніемъ почтоваго вѣдомства; даже полиція лондонская раздѣляется на полицію Сити и полицію — метрополи.

Каждый приходъ имѣеть свои особенныя постановленія, правила, свой тарифъ податей, свою особенную систему во всемъ, относящемся къ вѣдомству надъ дорогами. И такъ Лондонъ представляетъ собою не единый городъ, а собраніе нѣсколькихъ маленькихъ городовъ, не связанныхъ между собою общностью интересовъ, а находящихся, напротивъ, въ постоянной враждѣ, порождаемой соперничествомъ, что парализируетъ всякій прогрессъ. До времени Роберта Пила, враждебность этихъ администрацій между собою дошла до того, что полиція одного прихода не имѣла права исполнять данныя ей предписанія на территоріи соседняго прихода, и, вслѣдствіе этого, преступники могли удобно избѣгать наказанія, переходя изъ одного прихода въ другой. Теперь же, къ счастью, это измѣнилось, и полиція метрополи имѣеть право отправлять, возложенныя на нее обязанности, во всей столицѣ.

Тѣмъ болѣе можете себѣ представить, въ какую страшную борьбу приходится вступать правительству почти непрерывно съ этими мѣстными администраціями, когда дѣло касается не общественнаго спокойствія, а выполненія общепользныхъ и необходимыхъ иногда работъ!

Для устранения этихъ затрудненій было учреждено (Board of works) т. е. министерство общественныхъ работъ, на которое была возложена обязанность разсматривать все проекты по этому поводу, централизовать и представлять ихъ на разсмотрѣніе приходамъ, и приводить послѣдніе къ соглашенію между собою. Въ несчастіе, дѣятельность этого министерства парализировалась постоянно столкновениями съ непреодолимыми преградами, или съ древними привилегіями, уничтоженіе которыхъ еще немислимо въ англійскомъ обществѣ.

Такимъ образомъ, Лондонъ остается однимъ изъ наихуже управляемыхъ и наихуже содержанныхъ столичныхъ городовъ Европы, не смотря на огромныя налоги, налагаемые на жителей муниципальными налогами.

Французы имѣють обыкновеніе превозносить до небесъ англійскую

организацию и только потому, что они очень невежественны в этом отношении и не дают себя труда изучить ее, всмотреться в нее хорошенько. Апостолы административной децентрализации, конечно, имѣют полное основаніе прославлять эту администрацію, такъ какъ организациія ея согласуется съ ихъ теоріями; но со стороны людей, несогласныхъ съ этими теоріями, восторженіе англійскою администраціею есть страшная непослѣдовательность или крайнее легкомысліе.

Было время во Франціи и очень недавно, въ послѣдніе годы имперіи, когда, для пріобрѣтенія популярности, стоило только напасть на телеграфное управленіе или на администрацію Сенской префектуры; когда для того, чтобы сдѣлаться посланникомъ въ Афинахъ или министромъ финансовъ, достаточно было одной великой заслуги — стать во враждебныя отношенія къ борону Гаусману.

Но вотъ уже почти пять лѣтъ прошло съ 4-го сентября. Имперія не существуетъ; однако никто не осмѣлился разрушить могущественную организацию, содѣлавшую изъ Парижа мировую столицу; даже самый муниципальный совѣтъ, не смотря на свой радикализмъ, вынужденъ слѣдовать во всемъ программѣ, составленной муниципальной комиссіею, председателемъ и душою которой былъ префектъ имперіи.

И такъ, тогда какъ у насъ децентрализациія находитъ ярыхъ защитниковъ, въ Англійи же, напротивъ, начинаютъ воставать противъ нея и стремиться къ централизациіи все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ.

Телеграфныя линіи были куплены государствомъ у различныхъ компаній за болѣе дорогую цѣну, чѣмъ стоила бы постройка новыхъ, только для того, чтобы сдѣлать телеграфное учрежденіе учрежденіемъ государственнымъ. Каждый день слышатся настоятельныя требованія покупки желѣзныхъ дорогъ правительствомъ, или по крайней мѣрѣ, энергическое и прямое вмѣшательство правительственной власти въ ихъ управленія; и точно также настоятельно требуется учрежденіе единой полиціи, которая могла бы дѣйствовать безпрепятственно во всемъ королевствѣ, вмѣстѣ 288 полицій, дѣйствующихъ нынѣ въ Англійи.

Въ Лондонѣ, лордъ Эльго, выразитель общественнаго мнѣнія, выведенный наконецъ изъ терпѣнія безпорядочностію и неспособностію приходскихъ администрацій, всталъ въ главѣ движенія, имѣющаго цѣлію ввести организацию Сити во всей метрополіи и сосредоточить управленіе интересами этого громаднаго города съ 4 милліонами жителей въ рукахъ лордъ-мера и муниципальнаго совѣта.

Парламентъ занятъ въ настоящую минуту проектомъ закона, соответствующаго этой мысли, и можетъ быть уже близокъ день, когда не

смотря на сопротивленіе извѣстной части общества, столица Англии будетъ приведена въ порядокъ, благодаря реформамъ въ ея администраціи.

Прежде чѣмъ покончить съ Сити, считаю не лишнимъ сказать вѣскольکو словъ о внѣшнемъ видѣ этой части Лондона.

Вы помните вѣроятно, что я говорилъ выше о привычкѣ, усвоенной съ давнихъ временъ лондонскою аристократіею и высшею буржуазіею селиться за городомъ. Этому привычу не замедлили послѣдовать и самыя купцы, вынуждаемые, по мѣрѣ возрастанія коммерческаго значенія Лондона, оставлять свои жилища, превращая ихъ одни за другими въ магазины и склады. — Такими образомъ, Лондонъ, или, собственно говоря, нынѣшній Сити, опустѣлъ и въ настоящее время онъ принадлежитъ исключительно коммерціи. — Всѣ огромныя зданія, находящіяся въ этой мѣстности, заняты сверху донизу конторами банкирскихъ домовъ, страховыхъ обществъ и проч.

Утромъ, около девяти часовъ, въ Сити царитъ еще мертвая тишина; магазины хотя и открыты, но улицы совсѣмъ пусты; однако скоро онѣ начинаютъ наполняться народомъ, почти исключительно мужчинами, прѣвзжающими массами съ отдаленныхъ окраинъ метрополиа по желѣзнымъ дорогамъ, въ омнибусахъ, въ разныхъ кэбахъ, и такъ далѣе. Всѣ эти люди прѣвзжаютъ въ Сити заниматься дѣлами, и мѣсто это превращается на нѣсколько часовъ въ самый людной, самый дѣятельный центръ Лондона. Интересное зрѣлище представляетъ вся эта суматоха людей бѣгущихъ, какъ на пожаръ, толкающихъ другъ друга, озабоченныхъ одною мыслию, движимыхъ однимъ стремленіемъ: купить или продать что нибудь и приобрести побольше денегъ!

Все это движеніе, весь этотъ шумъ и суета продолжаются только до пяти часовъ въ продолженіе недѣли, а въ субботу до двухъ, и затѣмъ въ Сити наступаетъ опять мертвая тишина: лавки закрываются, конторы пустѣютъ, толпа негоціантовъ всѣхъ классовъ увѣзжаетъ по тѣмъ же дорогамъ, по которымъ прѣехали утромъ; каждый ѣдетъ въ свою частную резиденцію, и купецъ или дѣлецъ превращается до завтрашняго утра въ джентельмена.

П И С Ъ М О VI.

СЕЗОНЪ И СВѢТСКАЯ ЖИЗНЬ.

Вотъ наступила весна! Солнце показалось наконецъ лондонскимъ жителямъ, смотрящимъ на него съ изумленіемъ, какъ на рѣдкое явленіе. Огромныя деревья въ паркахъ, темныя скелеты которыхъ прозябали нѣсколько мѣсяцевъ въ туманномъ сумракѣ, начинаютъ одѣваться зеленою листовою. Равноденственные вѣтры разогнали наконецъ противный туманъ, окутывавшій городъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, словно холоднымъ саваномъ. Лондонъ оживаетъ, жизнь шумная и веселая закипаетъ въ немъ, и онъ наряжается къ лѣту для встрѣчи гостей. Начинается сезонъ.

Въ благородныхъ резиденціяхъ Бельгравія, Кенсингтона, Ланкастеръ-Гате и Портлендъ-Сквера, во всѣхъ отеляхъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ парками, открываются двери, очищаются стѣны отъ толстыхъ слоевъ пыли и плѣсени, покрывшихъ ихъ зимою; дома принимаютъ праздничный видъ, магазины на Вундъ-Стритъ, Регентъ-стритъ и Пикадилли соперничаютъ въ изяществѣ и богатствѣ своихъ выставокъ; роскошныя экипажи съ напудренными лакеями снуютъ взадъ и впередъ по аристократическимъ улицамъ: превращеніе полное. Даже приходскія администраціи выходятъ изъ своей апатіи на столько, что отъ времени до времени заставляютъ мести улицы и восстанавливать фонари.

Эта двойственность фizioноміи англійской столицы имѣетъ нѣсколько причинъ. Первая изъ нихъ заключается именно въ томъ, что Лондонъ не имѣетъ счастливой привилегіи Парижа привлекать и въ особенности удерживать иностранцевъ. Въ Лондонъ пріѣзжаютъ обыкновенно люди по дѣламъ или изъ любопытства; но никто не ѣдетъ туда

искать развлеченій и веселья, и потому бывають тамъ не долго; другая же причина заключается въ давнишней привычѣ высшего общества проживать тамъ какъ можно меньше времени.

Королева живетъ очень мало въ Букингемскомъ дворцѣ: она предпочитаетъ пребываніе въ Виндзорѣ, Бальморалѣ и на островѣ Уайтѣ. Что же касается аристократіи, то члены ея предпочитаютъ проводить вакаціи парламента, продолжающіяся около восьми мѣсяцевъ, вдали отъ Лондона. Одни изъ нихъ отправляются между двумя сессіями въ путешествіе на материкъ; другіе ѣдутъ охотиться за оленями и лисцами въ свои владѣнія и наслаждаться въ своихъ замкахъ тою роскошною жизнію, преданія о которой у насъ сохраняють только Ла-Рошфоко, Грефули и еще очень немногіе, подобныя имъ вельможи.

Буржуазія не преминула, разумѣется, послѣдовать примѣру двора и аристократіи: таковыи образомъ явилась мода проводить зимніе мѣсяцы въ Брайтонѣ или въ другихъ портовыхъ городахъ, находящихся на южномъ берегу Англии. Правда, что всѣ эти мѣста отстоятъ далеко отъ Лондона; но неудобство это устраняется экстренными поѣздами, переносащими въ одинъ или два часа съ береговъ Ла-Манша въ самый центръ Сити негоціанта или банкира, вынужденнаго пріѣзжать каждый день туда.

Въ теченіе трехъ четвертей года, стало быть, Лондонъ остается почти пустымъ городомъ. Люди торговые, директора театровъ, антрепренеры увеселительныхъ зрѣлищъ и разныхъ праздниковъ взяли привычку все организовать, все фабриковать, все готовить только въ ожиданіи такъ называемаго сезона.

Но, къ несчастію, сезонъ этотъ продолжается не долго; годичный трудъ долженъ окутиться въ нѣсколько недѣль; и дѣйствительно, трудно себѣ представить, съ какою лихорадочною дѣятельностію готовится весь этотъ людъ къ жатвѣ съ наступленіемъ свѣтлыхъ, ясныхъ дней.

Я вамъ описалъ администрацію Лондона, его видъ и видъ его памятниковъ; описалъ особенности Сити и его организацію; теперь хочу сказать нѣсколько словъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ увеселеніяхъ, о залахъ, концертахъ, выставкахъ всякаго рода, которые въ теченіе трехъ мѣсяцевъ превращають этотъ суровый, мрачный городъ въ центръ, столь же шумный и оживленный какъ Парижъ.

Великосвѣтская жизнь въ Лондонѣ начинается очень рано. Наши женщины большаго свѣта покоятся еще въ своихъ роскошныхъ спальняхъ съ опущенными занавѣсками, когда уже англичанки давно прогу-

ливаются по городу. Если вамъ когда нибудь случится быть въ аристократическихъ кварталахъ Лондона, постарайтесь заглянуть въ столовые роскошныхъ домовъ около девяти часовъ утра, и вы увидите тамъ за завтракомъ женщинъ молодыхъ и старыхъ, съ которыми вы разстались на какомъ нибудь балѣ въ поздній часъ ночи.

Утро свое великосвѣтскія женщины посвящаютъ на разѣзды по магазинамъ, на покупки и заказы своихъ туалетовъ. Отъ десяти до двѣнадцати часовъ модные магазины наполнены этимъ празднымъ и вмѣстѣ столь дѣятельно суетящимся миромъ, для котораго оттънокъ шляпки, отдѣлка платья суть важные вопросы, такъ какъ отъ этого зависитъ приобрѣтеніе или сохраненіе репутаціи эlegantной женщины.

И въ эти часы часть Гайдъ-Парка, называемая Botten-Bow, очень удобная для прогулки верхомъ, посѣщается обыкновенно только мужчинами, истинными любителями спорта или мальчиками, посвящаемыми грумами въ тайны наѣздническаго искусства. Но около полудня амазонки и изящные кавалеры начинаютъ показываться въ этой части парка, а къ обѣимъ сторонамъ длинной аллеи стекается густая и пестрая толпа, чтобы взглянуть на единственное въ мирѣ зрѣлище, представляемое всѣми этими наѣздниками и наѣздницами.

Дѣйствительно, весьма красивую картину составляетъ вся эта масса всадниковъ и амазонокъ, раздѣленныхъ на группы, которыя, подъ тѣнью высокаго деревьевъ, то несутся въ карьеръ, то тихо и плавно разѣзжаютъ взадъ и впередъ по длинной аллеѣ. Освѣтите всю эту сцену блестящими лучами весенняго солнца; прибавьте къ ней изумрудныя, зеленныя лужайки громаднаго парка; вспомните также что англійскія лошади, самыя красивыя въ свѣтѣ и что англійскія женщины также очень хороши, и вы поймете тогда, что привлекаетъ въ Botten-Bow ежедневно во время сезона толпы гуляющихъ.

Но въ два часа вся эта масса людей исчезаетъ. Въ длинной аллеѣ которая тянется отъ отеля герцога Веллингтона до Кенсингтонскаго сада, столь оживленной за нѣсколько минутъ, вы не встрѣтите никого! Настала часъ лѣнца — и все разѣхалось, все разбѣжалось, чтобы приготовиться къ новымъ увеселеніямъ. Однѣ изъ амазонокъ, разѣзжавшихъ утромъ на своихъ красивыхъ скакунахъ, возвратятся около пяти часовъ въ эти аллеи, но уже не верхомъ, а небрежно протянувшись въ экипажахъ; другія же отправятся дѣлать визиты; нѣкоторыхъ изъ нихъ вы встрѣтите на выставкѣ, устраиваемой ежегодно въ Кенсингтонѣ или же найдете въ королевской академіи, если только ихъ не привлекла

военная музыка въ Hortiencultural Garden. Многихъ, впрочемъ, вы можете быть и тутъ не найдете, въ такомъ случаѣ идите искать ихъ въ какомъ нибудь музыкальномъ собраніи, такъ называемыхъ «music party», или «fancy fair»; вечера, устраиваемые съ благотворительною цѣлью.

Эти музыкальныя собранія составляютъ одно изъ любимыхъ размеченій англійскаго высшаго общества; но если вы будете приглашены на одинъ изъ нихъ не рассчитывайте услышать тамъ музыку! Въ огромныхъ салонахъ нижняго этажа вы найдете многочисленное собраніе женщинъ всѣхъ возрастовъ, въ самыхъ изящныхъ, роскошныхъ туалетахъ, увидите съ трудомъ пробирающихся между ними джентельменовъ молодыхъ и старыхъ, съ цвѣтами въ петлицахъ въ желтыхъ перчаткахъ съ алмазными стрѣлками; что же касается музыки, то будьте довольны, если до вашего уха долетитъ изрѣдка пронзительный какой нибудь звукъ, покрывая вдругъ весь шумъ и говоръ, оглушающіе васъ. По направленію этого звука обратите ваши взоры и въ уединенномъ уголкѣ салона, вы увидите дѣйствительно несчастнаго артиста, надсажающагося въ бесполезныхъ усиліяхъ заставить эту болтливую, равнодушную толпу выслушать одинъ изъ сентиментальныхъ англійскихъ романсовъ какъ напр. *J wish, J was a bird!* или *Ah stay with me, my darling, stay!* Такимъ образомъ пройдетъ два, три часа. Будутъ входить, выходить, двигать стульями, будутъ пить, ѣсть, болтать, смѣяться, или звать, все будутъ дѣлать, только не слушать музыку. Впрочемъ это не мѣшаетъ ей продолжаться: едва мѣсто за фортепьяно освобождается, какъ сейчасъ же его занимаетъ опять какой нибудь артистъ по профессіи, или просто любитель, и начинаетъ пищать или реветъ; но ревъ и пискъ заглушаютъ опять, къ счастью, жужжаніемъ неутомимаго роя.

Вечеръ, разумѣется, посвящается баламъ, обѣдамъ и театрамъ. О балахъ я не скажу ничего, такъ какъ они ничѣмъ почти не отличаются отъ парижскихъ. Что же касается обѣдовъ, то о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Англичане, какъ всѣмъ извѣстно, большіе охотники до нихъ. Они сами говорятъ, что если бы завтра Лондонъ разрушился отъ землетрясенія, то оставшіеся въ живыхъ жители не преминули бы ознаменовать великое событіе обѣдомъ! Если обѣдъ имѣетъ officialный характеръ, тосты слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ: пьютъ за здоровье королевы, арміи, флота и проч...; за каждый тостъ говорится непремѣнно длинная рѣчь, и продолжается обѣдъ и питье благородныхъ напитковъ до тѣхъ поръ, пока собесѣдники со-

всѣмъ охмѣляютъ и почувствуютъ необходимость отправиться по домамъ.

На частныхъ обѣдахъ хозяева садятся обыкновенно у концовъ стола: хозяинъ съ одного конца, хозяйка съ другаго. Послѣ десерта, по знаку послѣдней, всѣ дамы встаютъ и уходятъ въ салонъ; мужчины же продолжаютъ разговоръ, запивая его хересомъ и кларетомъ, какъ будто на тощакъ. Въ этомъ занятіи они проводятъ еще добрый часъ времени, и, только напившись и наговорившись, одни вдоволь, удостоиваютъ дамъ своимъ присоединеніемъ къ ихъ обществу, которыя, въ ожиданіи ихъ, распиваютъ чай.

Сезонъ открывается обыкновенно скачками, такъ называемыми университетскими (the University Boat races), гдѣ борются сподвижники двухъ знаменитыхъ университетовъ, Оксфордскаго и Кембриджскаго; эти скачки имѣютъ свой особенный характеръ и составляютъ важное событіе въ Англіи.

Цѣлый мѣсяцъ предъ назначеннымъ днемъ журналы печатаютъ подробные отчеты о ежедневныхъ пробныхъ скачкахъ; обсуждаютъ шансы того и другаго; общество раздѣляется на партіи; завязываются пари, споры, разсужденія; всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ великаго событія, и любопытнѣе всего то, что Лондонъ облачается въ голубой цвѣтъ; магазины выкладываютъ на выставки всѣ голубыя матеріи, находящіяся въ нихъ; кучера общественныхъ каретъ навязываютъ на свои бичи темно — или свѣтло-голубыя ленты, смотря по тому, стоятъ ли они за Оксфордъ, или Кембриджъ; видя все это, вамъ начинаетъ казаться, что вы рассказываете въ Византіи, во времена знаменитаго соперничества *голубыхъ съ зелеными!*

Когда наступаетъ наконецъ великій день, и хотя часто, по случаю прилива, скачки начинаются очень рано утромъ, берега Темзы отъ Гаммерсмита до Морлака покрыты безчисленнымъ множествомъ народа и каждый изъ зрителей слѣдитъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за борьбою и аплодируетъ съ энтузіазмомъ побѣдившему, имя котораго сейчасъ же является въ афишахъ, развѣшиваемыхъ по всѣмъ улицамъ города и сообщаемыхъ по телеграфу во всѣ отдаленныя англійскія владѣнія.

Въ этотъ день голубой цвѣтъ входитъ еще болѣе въ моду, такъ какъ всѣ интересующіеся болѣе или менѣе этою борьбою считаютъ какъ будто бы обязательнымъ облачаться въ платье голубаго цвѣта того или другаго отъѣвника.

Только Derby day имѣетъ привилегію возбуждать еще сильнѣе

английское общество въ особенности любителей всякаго рода спорта. Съ наступленіемъ весны скачки въ Англии слѣдуютъ одна за другою непрерывно. И каждая изъ нихъ привлекаетъ толпы людей, слѣдящихъ за ними съ живѣйшимъ интересомъ. Самыя извѣстныя мѣста собраній— это Кромдонъ, Честеръ, Ньюмаркетъ, Аскотъ, Гудвудъ; но ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не представляетъ такого любопытнаго и оригинальнаго зрѣлища, какъ знаменитое поле Эпсомскихъ скачекъ въ день Дерби.

Бываетъ это всегда въ среду. Въ этотъ день парламентъ закрывается; въ большихъ конторахъ и управленіяхъ Сити остается лишь самое ограниченное число служащихъ; всѣ торговныя сдѣлки останавливаются.

Съ ранняго утра, по городу начинаютъ снова изысканные «drags» съ сундуками, наполненными съѣстными припасами; каблучки украшаютъ свои кареты газовыми занавѣсками, въ виду предохраненія отъ пыли своихъ кліентовъ; содержатели омнибусовъ выставляютъ ихъ двойное количество противъ обыкновеннаго, чтобы доставить возможность бѣднымъ людямъ проѣхаться въ Эпсомъ по старой лондонской дорогѣ, за дешевую цѣну, а между тѣмъ, изъ всѣхъ дербакадеровъ отправляются поѣзды, уносящіе безчисленныя толпы, по направленію возвышенности, на верхней площади которой находится знаменитое поле скачекъ, извѣстное во всемъ мірѣ.

Трибуны Лоншана и Шантлиби показались бы дѣтскими игрушками рядомъ съ Grand-Stand, громаднымъ уродливымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщается около 4,000 человекъ и столь высокимъ, что всѣ эти зрители могутъ слѣдить за всѣми перипетіями борьбы.

Эти скачки продолжаются четыре дня сряду, и множество мелкихъ торговцевъ пользуются этими случаями и отерываютъ лавочки на лужайкѣ, гдѣ устроены огромные сараи съ разрисованными полотняными крышами, служащіе конюшнею для каретныхъ лошадей, которыхъ обыкновенно выпрягаютъ. Тутъ же находятся и другія зданія легкой постройки, такъ называемыя refreshment rooms, въ которыхъ можно найти ветчину, ростбифъ и разныя крѣпкіе напитки. Между всѣми этими зданіями и лавочками ломаются паяцы на открытомъ воздухѣ; бродятъ gypsies, эти странные английскіе цыгане, съ лицами бронзоваго цвѣта, съ черными, нечесанными волосами, предлагающіе всякому встрѣчному погадать о своей участи; поютъ хоры пѣвцовъ, такъ называемыхъ menstrels, замѣчательные своимъ серьезнымъ видомъ, сохраняющимися даже подъ салными масками; своимъ костюмомъ, собран-

ными как будто из доскутьевъ знаменъ Соединенныхъ Штатовъ. Пѣніе это производится подъ аккомпаниментъ гитаръ и баскскихъ барабановъ! Этотъ странный оркестръ вывезенъ изъ Америки, но на англійской почвѣ имъ дирижируетъ обыкновенно знаменитый Пуншъ, котораго трехъ ярусный безобразный носъ, двойной горбъ и костюмъ, украшенный блестками, имѣютъ свойство разгонять британскую инпохондрию. Вся эта пестрая толпа людей, двигающихся взадъ и впередъ, толкающихся, пьянствующихъ, весь этотъ шумъ и гамъ придаютъ Дерби скорѣе видъ ярмарочнаго мѣста, чѣмъ поля скачекъ. Однакоже, весь этотъ крикъ и шумъ вдругъ стихаетъ и водворяется глубокое молчаніе, какъ только колокольъ возвѣщаетъ о состязаніи на большой призъ; каждый, начиная отъ паяца до почтеннаго лорда, обращаетъ любопытный взоръ на пеструю толпу, изъ которой скоро долженъ выдѣлиться счастливый побѣдитель, торжественное «ура!» которому, вырвавшись изъ трехъ-сотъ тысячъ устъ, потрясетъ воздухъ и разнесется громкимъ эхомъ далеко по всей окрестности!

Аскотъ же, напротивъ, служитъ мѣстомъ аристократическихъ собраний, и видъ его напоминаетъ Шантильи въ тѣ времена, когда еще не была туда проведена желѣзная дорога, сдѣлавшая эти собранія доступными для толпы.

Самое названіе «дамскихъ скачекъ», данное аскотскимъ скачкамъ, доказываетъ, что тамъ не участвуетъ публика, собирающаяся въ Эисомъ.

Въ Аскотъ собирается цвѣтъ англійскаго общества; принцы и принцессы королевской фамиліи пріѣзжаютъ въ Даунмонтъ, и на всю недѣлю, время, которое обыкновенно продолжаются скачки, поселяются въ очаровательныхъ кетеджахъ, находящихся въ его окрестностяхъ, и занимаемыхъ за огромныя деньги...

Я вамъ говорилъ уже, что англичане страшные охотники до всѣхъ упражненій спорта. Эти упражненія очень многочисленны, и исчислять ихъ всѣ заняло бы много времени. Самыя извѣстныя изъ нихъ это: гѣшіе бѣги, или состязаніе въ скороходствѣ; крикетъ, поло, состязаніе въ плаваньи и множество такъ называемыхъ *athletic sports*, которые сильно содѣйствуютъ физическому развитію англійской расы и въ большей модѣ у аристократической молодежи.

Сезонъ изобилуетъ вообще развлечениями всякаго рода. Послѣ выставки картинъ, открываются выставки лошадей, цвѣтовъ, собакъ и кошекъ, наконецъ, затѣмъ наступаетъ праздникъ королевы, празднуемый въ субботу, предшествующую средѣ Дерби. Этотъ знаменательный день доставляетъ лавочникамъ случай выказать свою преданность

престолу роскошнымъ освѣщеніемъ своихъ магазиновъ, и уличнымъ мальчишкамъ удовольствіе приклеить себѣ фальшивые носы и усы и, прогуливаясь въ этихъ украшеніяхъ по улицамъ, угощать прохожихъ ударами по спиѣ чѣмъ-то въ родѣ трещетки, что, разумѣется, не особенно пріятно послѣднимъ!..

Въ началѣ іюня ежегодно бываетъ еще одно замѣчательное гулянье въ Гайдъ-Паркѣ; это гулянье въ общественныхъ каретахъ, принадлежащихъ членамъ кучерскаго клуба (*coaching club*), или такъ называемаго *Four in hand club*. Интересное зрѣлище представляетъ этотъ длинный рядъ общественныхъ каретъ, запряженныхъ четверками лошадей, которыми управляютъ самые знатные и знаменитые спортсмены Великобританіи.

Если вамъ случится быть въ Лондонѣ лѣтомъ, отправляйтесь около десяти часовъ утра въ улицу Пикадилли и остановитесь предъ *Natichett* съ вывѣскою *Вълаго коня*. Оттуда ходятъ ежедневно общественныя кареты въ окрестности Лондона. Это учрежденіе общественныхъ экипажей замѣчательно тѣмъ, что оно организовано не администраціею какою нибудь, но обществомъ джентельменовъ, арендаторовъ, доставляющихъ такимъ образомъ удовольствіе лондонцамъ кататься по прекраснымъ дорогамъ, оставленнымъ и пустыннымъ со времени постройки желѣзныхъ дорогъ.

Почти всегда эти джентельмены сами управляютъ своими четверками прекрасныхъ лошадей, впряженныхъ въ кареты.

Наступаетъ конецъ іюня. Золотой кубокъ выигранъ какимъ нибудь счастливымъ на аскотскихъ скачкахъ, и часъ отъѣзда собравшейся тамъ публики пробилъ. Мало по малу аллея парка начинаетъ пустѣть; отели въ лучшихъ кварталахъ закрываются одинъ за другимъ, сезонъ кончается! И Лондонъ, не смотря на солнце, которое будетъ озарять его своимъ свѣтомъ еще нѣсколько недѣль, принялъ опять свой суровый, пасмурный видъ!

П И С Ь М О VIII.

КОМФОРТЪ.

Конечно, вамъ не разъ удавалось слышать при разговорахъ о прогрессѣ Франціи въ дѣлѣ комфорта, или удобствъ жизни, что мы далеко въ этомъ отстали отъ англичанъ и что у насъ комфортъ далеко не доведенъ до такого совершенства, какъ въ Англіи!

Я не знаю, кто первый пустилъ въ ходъ эту мысль, но она сильно распространилась повсюду и такъ укоренилась во мнѣніи свѣта, что очень трудно заставить его отказаться отъ нея. Сколько разъ, въ дни моей молодости, мнѣ случалось мечтать объ этомъ хваленомъ, воспѣваемомъ всѣми англійскомъ комфортѣ; сколько разъ старался я себѣ его представить, угадать, такъ сказать, все его совершенство! И когда я отправился въ первый разъ въ Англію, я мужественно переносилъ усталость и всѣ путевыя неудобства переѣзда изъ Парижа въ Кале, подерживаемый ожиданіемъ попасть наконецъ въ обѣтованную землю комфорта.

Долженъ признаться даже, что, выходя изъ вагоновъ сѣверной компаніи я взглянулъ на нихъ послѣдній разъ съ чувствомъ презрѣнія и сожалѣнія!

Когда я сѣлъ на пароходѣ, море было не спокойно; огромныя волны бурливо разбивались о наше судно и окачивали людей находившихся на палубѣ; это вынудило меня спуститься въ каюту, служившую салономъ. Первое впечатлѣніе мое, при видѣ этого перваго образца британскаго комфорта, было не въ пользу его. Я нашелъ тамъ множество пассажировъ, которые по большей части были больны и должны были лежать всѣ въ одной душной тѣсной каютѣ. Всѣ кушетки были заняты и мнѣ оставалось только стоять, хотя я съ трудомъ держался на ногахъ

отъ сильной качки, и въ дополненіе видѣть всё непріятныя слѣдствія морской болѣзни и дышать воздухомъ, пропитаннымъ острымъ запахомъ ветчины и честера, разложенныхъ на столѣ, вокругъ котораго сидѣли трое или четверо хладнокровныхъ сыновъ Альбіона спокойно завтракавшихъ.

Хотя на этомъ пароходѣ все было англійское, начиная отъ послѣдняго матроса до капитана, я однако никакъ не хотѣлъ отрѣшиться отъ своего убѣжденія въ превосходствѣ англійскаго комфорта надъ французскимъ, и всё неудобства, непріятно поражавшія меня на пароходѣ, представлялись мнѣ прямымъ слѣдствіемъ ежедневныхъ его сношеній съ Франціею.

Пріѣхавши въ Дувръ, я отправился на желѣзную дорогу и занялъ мѣсто въ первоклассномъ вагонѣ, рассчитывая доѣхать до Лондона самымъ комфортабельнымъ, самымъ спокойнымъ образомъ и насладиться отдыхомъ, который былъ мнѣ необходимъ послѣ такого труднаго перѣзда, какъ былъ нашъ въ этотъ разъ. Но, увы! я обманулся въ своихъ надеждахъ! Насъ было только четверо въ нашомъ отдѣленіи, и каждый изъ насъ разумѣется помѣстился въ одно изъ угловъ; я чувствовалъ настоятельную потребность протянуть свои уставшія ноги; но, къ несчастію, это оказалось невозможнымъ, такъ какъ англійскіе вагоны, болѣе тѣсныя чѣмъ наши, заключаютъ въ себѣ только по шести мѣсть, отдѣленныхъ одно отъ другаго перегородками; стало быть, въ этихъ вагонахъ можно только оставаться въ сидячемъ положеніи и въ дополненіе, не имѣть даже удобства прислониться къ мягкимъ спинкамъ, такъ какъ спины этихъ сидѣній тверды какъ камень. Въ полѣ очень душно и грѣлокъ для ногъ не полагается; это считается администраціями желѣзныхъ дорогъ излишнею роскошью, которую, впрочемъ, какъ я узналъ поздѣе, можно имѣть, заплативъ лишнихъ шесть пенсовъ.

Къ счастью, поѣздъ шелъ съ необыкновенною быстротою и мы скоро пріѣхали въ Чарингъ-Кросъ.

Тамъ ожидали меня новыя неудобства и затрудненія. Въ Англій нѣтъ залъ для багажа, и вещи остаются на помостѣ дебаркадера, гдѣ пассажиры должны за рѣшетчатой загородкой подъ открытымъ небомъ, на ногахъ, такъ какъ ни одной лавочки тамъ нѣтъ, ожидать соизволенія таможенныхъ чиновниковъ осмотрѣть ихъ чемоданы. Такимъ образомъ и мнѣ пришлось провести минутъ двадцать и затѣмъ я долженъ былъ сѣсть въ отвратительную карету, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо худшую, чѣмъ наши парижскія извозничьи кареты.

По пріѣздѣ въ гостиницу, мнѣ представился наконецъ случай от-

дать справедливость нашимъ сосѣдямъ въ превосходствѣ устройства ихъ каминовъ предъ нашими, которые дѣйствительно устроены очень разумно и комфортабельно: ничто не можетъ быть чище, удобнѣе и практичнѣе этихъ огромныхъ очаговъ, съ ихъ широкими каминными рѣшетками, на которыхъ вы найдете и щипцы, и кочергу, и стальной ломъ для разбиванія углей, такъ называемый «rocke».

Ланггашъ-отель, въ которомъ я остановился, считается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ лондонскихъ отелей; онъ построенъ не болѣе 12 лѣтъ тому назадъ, т. е. одновременно съ Grand-Hotel и Луврскимъ отелемъ въ Парижѣ. Хотя этотъ отель, какъ вообще всѣ большіе англійскіе отели, содержится очень хорошо, но никакъ не превосходитъ нашихъ. Что же касается кухни, которая составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій удобствъ жизни, то въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, мы превосшли нашихъ сосѣдей. Наши супы, составившіе славу французской кухни, совершенно неизвѣстны въ Англии, даже знаменитый нашъ классическій pot au feu превратился здѣсь въ Beet-tea.

Баранью жирную ногу ѣдятъ они съ смородиннымъ вареньемъ; ягненка приправляютъ соусомъ съ мятною эссенціею, вкусъ котораго напоминаетъ зубныя полосканья. Овощи подаются безъ всякой приправы; а къ салату очень часто примѣшивается сыръ à la crème. О кондитерскихъ же пирожныхъ нѣтъ и помину. Англійскія пирожныя представляютъ смѣсь зеленой смородины, ревеню, желатина, говяжьего жира сахарнаго песку и изюма; единственный родъ пироговъ, который можно ѣсть—это вѣчный «plumcake».

Но, оставляя кулинарное искусство, рассмотримъ какія удобства представляетъ уличная жизнь Лондона. За исключеніемъ парковъ, вы пройдете по всему городу и нигдѣ не увидите ни одной скамейки, гдѣ бы можно было отдохнуть; вы можете умирать отъ жажды, и другой возможности утолить ее вамъ не представляется, какъ рѣшиться войти въ питьевое заведеніе; скверы, занимающіе центры большихъ площадей, которые такъ прельщаютъ иностранцевъ, закрыты для публики; улицы всегда грязны, благодаря сырому климату и нераспорядительности разныхъ администрацій, такъ какъ метутъ ихъ только произвольно несчастные калѣки, которые, прочистивъ предъ вами дорожку среди океана грязи, протягиваютъ руку, прося у васъ, въ видѣ милостыни, пенни или двухъ за оказанную услугу.

Поѣзжайте въ лондонскихъ омнибусахъ — и вы рискуете задохнуться; васъ сжимаютъ какъ губку, и объемъ вашего тѣла долженъ уменьшиться на-половину, чтобы умѣститься въ тѣсномъ пространствѣ, полагаю-

щелся на каждого человека въ этомъ боченгѣ; изъ поѣздки, я самолично убѣдился, что строители и содержатели этихъ общественныхъ каретъ рѣшили проблему, считавшуюся до сихъ поръ неразрѣшимую, а именно, что вмѣщаемое можетъ быть въ объемѣ иногда больше вмѣстителища.

Я вамъ уже высказалъ мое мнѣніе объ англійскихъ извозчикахъ; вы знаете вѣроятно родъ экипажа, называемаго «Napome Sub», который нѣсколько лѣтъ тому назадъ старались ввести въ Парижъ, что однако не удалось, вѣроятно потому, что парижанамъ не понравился этотъ коучегъ еще болѣе вслѣдствіе своего неуклюжаго вида, чѣмъ вслѣдствіе неудобствъ, которыя представляетъ ѣзда въ немъ. Форма кэба дѣйствительно безобразна и смѣшна, а для парижанина изящество во всемъ и вездѣ необходимо, и онъ не могъ рѣшиться вѣззати въ эту колымагу, имѣющую одно достоинство — легкость на ходу. Но это единственное достоинство уродливаго экипажа англійскаго изобрѣтенія; затѣмъ же онъ представляетъ рядъ неудобствъ, съ которыми никакъ нельзя помириться людямъ, сколько нибудь избалованнымъ комфортомъ. Это родъ кабриолета на двухъ огромныхъ колесахъ, съ тяжелымъ фартукомъ спереди, и вы съ трудомъ вѣззаете въ него, протискиваясь въ узкое пространство между колесами, этимъ фартукомъ и откидною крышкою. Затѣмъ хотите вы что нибудь сказать кучеру, сидящему на высокихъ козлахъ позади васъ, вы принуждены подняться на ноги и говорить съ нимъ чрезъ маленькое отверстіе, находящееся на вершинѣ откидной крышки, прямо надъ вашею головою.

Если холодно, вы опускаете родъ васистаса предъ вами; но вамъ не остается тогда воздуха и 20-ти кубическихъ сантиметровъ, что мѣшаетъ вамъ дышать свободно; если идетъ сильный дождь, — опять представляется новое неудобство массивныя дверцы колымаги пропускаютъ воду, которая ручьями льется на ваши колѣна, — и волею не волею вы принимаете ножную ванну.

Если лошадь не совсѣмъ спокойная или слабая на ноги, вамъ угрожаютъ самыя разнообразныя и опасныя приключенія. Вздумается ей кружиться — вы вальсируете съ вашимъ легкимъ кэбомъ съ нею; вздумается ей встать на дыбы, — тяжесть кучера съ его сидѣньемъ сзади поддерживаютъ ее въ вертикальномъ положеніи, и вы рискуете, что она повалится всею тяжестью на васъ; споткнется она вдругъ и упадетъ, кэбъ опрокидывается внизъ и вы, разбивая головой стекло васистаса, находящагося предъ вашимъ носомъ, раните себя лицо осколками; если же вы имѣли неосторожность оставить открытыми дверцы вашего кэба, —

еще хуже: вы рискуете вылетѣть при первомъ толчкѣ на мостовую и хорошо еще, если вамъ не упадетъ на затылокъ вашъ чемоданъ, едва сохраняющій равновѣсїе на округленной и скользкой вершинѣ откидной крышки.

— После всего вышесказаннаго мною, вы согласитесь, надѣюсь, что въѣзжихъ общественныхъ удобствъ для всѣхъ нѣтъ въ Англїи. Но заглянемъ въ частную жизнь этого народа, заглянемъ въ этотъ завѣтный «Flower», въ который англичанинъ также охотно прячется, какъ улитка въ раковину, и посмотримъ, найдемъ ли мы тамъ этотъ хваленый англійскій комфортъ.

Англійскіе дома занимаются обыкновенно однимъ семействомъ; — обычай очень хорошій, завидный уже потому только, что онъ избавляетъ англичанъ отъ тирании этого подчиненнаго деспота, котораго парижане, по своей безыбренной снисходительности, удостоили названія консержа.

Но, въ несчастїю, и этотъ хорошій обычай имѣетъ одно огромное неудобство, а именно то, что домовладельцы въ слѣдствїе высокой цѣнности земли, вынуждены выгадывать пространство и строить нѣчто въ роды башенъ; такимъ образомъ обитатели этихъ башенъ, чтобы перейти изъ одной комнаты въ другую, вынуждены то подниматься на 3 или 4 этажа, то спускаться оттуда внизъ, что довольно утомительно и неприятно.

Обычай, вѣрно распространенный въ Англїи, устилать комнаты коврами приводится всегда, какъ неопровержимое доказательство ихъ любви къ комфорту, но это также не болѣе какъ заблужденіе, и должно быть причислено въ число прочихъ ошибочныхъ понятїй объ этомъ народѣ, его жизни и его характерѣ.

Ковры въ Англїи есть необходимость, но отнюдь не роскошь и, по моему мнѣнію, весьма часто большое неудобство. Это — необходимость потому, что паркетъ дѣлается тамъ по большей части самый плохой, изъ простыя основныя доски, худо сплоченныхъ вѣствъ; и, для прикрытїя этихъ недостатковъ столярнаго мастерства англичане стали устилать свои покои коврами. Это неудобство потому, что если они полезны зимою, для сохраненїя тепла въ комнатахъ, то лѣтомъ, напротивъ, они не только бесполезны, но неприятны, пропитываясь насквозь пылью. А такъ какъ они необходимы по вышеприведенной причинѣ, то лѣтомъ-то именно ихъ и нельзя вынести; въ это время сезона, даже на дни баловъ ихъ нельзя выбросить, и въ этихъ случаяхъ ихъ покрываютъ только суровымъ холстомъ, по которому молодыя миссъ по-

сятся въ вихрѣ галопа, танца обожаемаго и предпочитаемаго ими всѣмъ прочимъ танцамъ.

Примите въ соображеніе, что такъ какъ ковровъ, для покрытія всѣхъ половъ въ домѣ, нужно большое количество, то это составляетъ большую издержку, и стало быть мѣнять ихъ нельзя часто; такимъ образомъ пропитывался многіе годы дымомъ отъ топленія каминовъ каменнымъ углемъ, подвергался ежедневному чищенью и обметанію, они превращаются въ какія-то грязныя, невзрачныя тряпки, и въ этомъ видѣ остаются все-таки въ комнатахъ. Именно эти ковры, покрытые обыкновенно слоемъ пѣсени и пыли, облитые, конечно, не разъ въ теченіи долгихъ лѣтъ ихъ пребыванія въ домѣ разными пахучими снадобьями, необходимыми въ домашнемъ обиходѣ, распространяютъ въ англійскихъ домахъ тотъ странный, неопредѣленный запахъ, который самымъ неприятнымъ образомъ поражаетъ обоняніе и производитъ удушье, при входѣ въ нихъ.

Что же касается обстановки этихъ вонючихъ жилищъ, то болѣе безобразной и менѣе комфортабельной, чѣмъ въ Англіи, вы нигдѣ, вѣроятно, не встрѣтите.

Столовые англійскія по большей части выкрашены свѣтло-зеленой или сѣрою краскою, и съ своимъ большимъ столомъ по срединѣ, съ своими тяжелыми стульями изъ краснаго или орѣховаго дерева, напоминаютъ залы на провинціальныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Стѣны ихъ украшаются обыкновенно какими нибудь литографированными картинками, или же нарисованными масляными красками, но всегда изображающими одно изъ двухъ, или радугу послѣ бури, или золотистую жатву.

Салоны англійскіе олеиваются обыкновенно обоями съ огромными разводами или деревьями, бывшими у насъ въ модѣ лѣтъ сороку назадъ.

Надъ каминомъ находится всегда зеркало, достигающее до половины его въ вышину; но ни часовъ, ни канделябровъ вы не увидите на немъ, развѣ только какую нибудь алебастровую статуетку, которыми награждаетъ Италія всю Европу, сохраняемую подъ стекляннымъ колпакомъ, и стеклянные подсвѣчники съ хрустальными цвѣтными висюльками по обѣимъ сторонамъ ея; или же, вмѣсто статуетки, чучела какой нибудь птицы.

Мебель хотя и бываетъ обита дорогою матеріею, но форма ея всегда безобразная и никакъ не можетъ назваться, ни покойною, ни удобною.

Уборная комната эта наилучше обставленная комната; тамъ въ

найдете прекрасные фаянсовые тазы, стоящіе на мраморныхъ столахъ, огромные шкафы, раздѣленные на множество отдѣленій, предназначенныхъ для разныхъ употребленій.

Спальня же, напротивъ, не представляютъ ни малѣйшаго комфорта; къ нимъ относятся съ полнымъ пренебреженіемъ и, за исключеніемъ спаленъ самыхъ богатыхъ и эlegantныхъ женщинъ, всѣ онѣ обставлены самымъ скромнымъ образомъ. Въ каждой вы увидите только желѣзную кровать съ мѣдными украшениями, съ кретоновымъ, скромнымъ занавѣсомъ; нѣсколько легкихъ стульевъ, туалетный столикъ у окна и два или три гардеробныхъ шкафа орѣховаго дерева, или даже простаго сосноваго подъ лакъ.

Какъ видите, въ частной жизни также далеко нѣтъ въ Англии того комфорта, который приписывается ей обыкновенно и на который такъ изобрѣтательны будто бы англичане. Разумѣется нельзя сказать, чтобы онъ былъ тамъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Громадныя богатства, наслѣдственные или пріобрѣтенныя промышленными предпріятіями и торговыми оборотами, позволяютъ обладателямъ ихъ не отказывать себѣ ни въ какихъ матеріальныхъ благахъ жизни; а такъ какъ богачей много въ этой странѣ, то вѣроятно на этомъ основаніи и составилось въ Европѣ высокое мнѣніе объ англійскомъ комфортѣ.

Въ этихъ счастливыхъ семействахъ вся жизнь, конечно, устроена съ полнѣйшимъ комфортомъ; они выписываютъ и поваровъ изъ Франціи, и мебель привозятъ изъ за-границы и всевозможные предметы роскоши, произведенія искусства собираютъ понемногу въ разныхъ странахъ міра. Но вѣдь нравы, обычаи, склонности народа изучаются, узнаются не въ привилегированномъ кругѣ людей. Жизнь милліонеровъ вездѣ одинакова, такъ какъ богатства даютъ имъ возможность устраивать свою жизнь совершенно иначе, чѣмъ обставлена жизнь среды, окружающей ихъ. И потому я изучалъ комфортъ частной жизни людей съ среднимъ состояніемъ, т. е. имѣющихъ отъ 20,000 до 40,000 фр. годоваго дохода, и пришелъ къ заключенію, что они пользуются гораздо меньшими удобствами, чѣмъ люди съ тѣми же средствами и даже съ меньшими во Франціи и что вообще во всѣхъ отношеніяхъ у нихъ комфортъ гораздо менѣе развитъ, чѣмъ у насъ.

ПИСЬМО VIII.

Правосудіе и законъ.

Если во Франціи не допускается мысль о мевѣдѣніи закона кѣмъ бы то ни было, то въ Англіи, напротивъ, находится очень мало людей, могущихъ похвалиться знаніемъ его, и самые правовѣды или, такъ называемые, «lawyers» не составляютъ исключенія изъ этого правила.

Въ Англіи никто никогда не предпринималъ тѣхъ великихъ трудовъ, которыми ознаменовали себя въ началѣ нынѣшняго столѣтія во Франціи Тронше, Портали, Мальвиле Бито де Прежане подъ предѣдательствомъ величайшаго гения новѣйшихъ временъ. Англія не имѣетъ свода законовъ.

И такъ, между тѣмъ какъ во Франціи, благодаря этимъ трудамъ законъ единый для всѣхъ водворился на мѣсто безкончнаго множества мѣстныхъ законодательствъ, которыми управлялись различныя провинціи, присоединившіяся постепенно одна за другою къ ней, въ Соединенномъ королевствѣ законъ остался безпорядочнымъ собраніемъ всѣхъ древнихъ обычаевъ, всѣхъ постановленій, которыя издавались парламентомъ въ теченіе девяти столѣтій и къ которымъ продолжаютъ прибавляться всѣ новые акты императорскаго парламента.

Такимъ образомъ, ридомъ съ извѣстными законами, общими всему королевству и дѣйствительными почти на всѣмъ пространствѣ англійскихъ владѣній, существуютъ въ каждомъ графствѣ, городѣ, мѣстечкѣ свои обычаи, имѣющіе силу закона, и часто противорѣчащіе другъ другу. Прибавьте къ этому еще: феодальныя традиціи, слѣды которыхъ далеко не изгладились въ Англіи; привилегіи, которыя давались государями нѣкоторымъ фамиліямъ, муниципалитетамъ или корпораціямъ пользованіе которыми сохранилось до нашихъ временъ, и вы поймете—

почему англичанинъ не рѣшится никогда подписать никакого акта, не имѣя при себѣ одного, а иногда и двухъ повѣренныхъ.

Люди, рѣшающіеся въ Англій заводить какойнибудь процессъ, должны занастись мужествомъ и энергіею храбрыхъ путешественниковъ, пускающихъ въ странствованія по океану для открытія неизвѣстныхъ земель. Каждый шагъ въ англійской процедурѣ подвергаетъ васъ случайности вдругъ наткнуться на какуюнибудь неожиданную опасность, не предвидѣнную не только вами и вашимъ повѣреннымъ, но и самимъ судьей, представителемъ правосудія. Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу здѣсь одинъ фактъ, случившійся во времена Георга IV, и характеризующій какъ нельзя лучше неопредѣленность и гуманность англійскаго законодательства.

И такъ, въ царствованіе Георга IV, одинъ индивидуумъ былъ вызванъ въ судъ по поводу одного тяжкаго обвиненія противъ него. Видя что не смотря на свои энергическія отрицанія и заперательства, ему не удалось убѣдить представителей правосудія въ своей невинности, онъ вдругъ всталъ съ своего мѣста и торжественно бросивъ перчатку къ ногамъ своего обвинителя, вызвалъ его на поединокъ, объясняя, что онъ отдается на судъ божій.

Судьи пришли въ страшное смущеніе и удивленіе въ первыя минуты, принявъ подсудимаго за сумасшедшаго; но защитникъ послѣдняго доказалъ имъ, что отказать его кліенту въ правѣ обращаться къ суду божію нѣтъ никакого основанія, такъ какъ этотъ странный и первобытный способъ разрѣшенія юридическихъ споровъ и несогласій не уничтоженъ ни однимъ изъ парламентскихъ постановленій.

Весьма естественно, что предъ такую странную апеллію и при видѣ затруднительнаго положенія судей, обвиняющая сторона отказалась отъ дальнѣйшаго преслѣдованія виновнаго. Но дѣло это надѣлавъ много шума, вызвало проектъ закона, уничтожившаго судъ божій.

Что же касается упорства англичанъ въ сохраненіи привилегій самыхъ несправедливыхъ, самыхъ нелѣпыхъ, но освященныхъ временемъ, то лучше всего дасть вамъ о немъ понятіе слѣдующій фактъ:

Три года тому назадъ, 2 мая 1872 года, суперъ-интендантъ Кингманской полиціи (въ графствѣ Норфолькъ), явился, въ сопровожденіи двухъ агентовъ, къ рыбному торговцу сэру Т. Т. Сампферу, въ Шпель-стритъ; и потребовалъ, чтобы ему была отдана великолѣпная стерлядь въ 60 фунт. вѣсомъ, которая составляла гордость торговца и приводила въ удивленіе прохожихъ. Изумленный торговецъ началъ допрашивать полицменовъ о причинѣ такого страннаго захвата его собственности,

и послѣдніе отвѣтили ему, что требованіе ихъ основано на правѣ, предоставленномъ съ давнихъ временъ городскому мэру брать всякую стерлядь, которая окажется въ городѣ, такъ какъ рыба эта, считаемая царскою рыбою, должна доставаться, какъ таковая, представителю верховной власти. Однако, въ настоящемъ случаѣ, по особенной милости и снисхожденію, лавочнику предоставляется честь и удовольствіе поднести самому роскошную рыбу мэру, которая если не будетъ отдана добровольно, то будетъ взята насильно. Послѣ этого объясненія, не смотря на сопротивление и всѣ протесты купца, три полицмена взяли рыбу и унесли ее въ домъ почтеннаго представителя верховной власти, предоставляя жертвѣ этого насилія право и свободу думать какъ ему угодно о томъ, что называется англійскими вольностями.

Во Франціи этотъ обычай также существовалъ въ старину; но около ста лѣтъ тому назадъ онъ былъ уничтоженъ, и фактъ, подобный вышеприведенному, произвелъ бы въ нашей странѣ страшное волненіе. Въ Англии же никто не обратилъ на него вниманія, онъ прошелъ безслѣдно и никакой мѣры, насколько мнѣ извѣстно, не было принято для прекращенія такого рода злоупотребленій. Изъ двухъ приведенныхъ примѣровъ, вы можете судить, какой страшный хаосъ господствуетъ въ англійскомъ законодательствѣ и какъ трудно добиться правосудія въ странѣ, гдѣ законъ окруженъ такимъ мракомъ.

Кому же можетъ быть выгодно такое положеніе дѣлъ? — Конечно однимъ преступникамъ! И лордъ Ромильи замѣтилъ совершенно справедливо, что нѣтъ такого насилія противъ собственности или личности, которое бы не могло быть оправдано въ Англии какимъ нибудь закономъ.

Что же касается мнѣнія столь распространеннаго во Франціи, что законъ нигдѣ такъ не уважается, какъ въ Англии, то это еще одно изъ заблужденій насчетъ этой націи.

Но нужно отдать англичанамъ ту справедливость, что, послѣ долгихъ лѣтъ агитацій, достигнувъ наконецъ высшаго благоразумія въ дѣлѣ политики, они умѣютъ пользоваться извѣстными вольностями, которыя у насъ повели бы къ страшнымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ. Правда также и то, что въ мелочахъ англичане, какъ люди спокойные и практическіе, избѣгаютъ всего, что можетъ назваться нарушеніемъ закона; у нихъ никогда не является желанія, какъ у насъ, французовъ, нарушить полицейскія постановленія или распоряженія изъ удовольствія выказать презрѣніе къ власти. Посмотрите, что происходитъ на лондонскихъ улицахъ, когда, вслѣдствіе скопленія въ нихъ экипа-

жей, движеніе становится затруднительнымъ; достаточно полисмену сдѣлать знакъ рукою, чтобъ все остановилось, или двинулось сообразно съ его приказаніямъ. Англичане повинуются, потому что они скупы на время и на слова, и знаютъ, что безпорядокъ на улицахъ былъ бы имъ не выгоденъ. Но попробуйте поставить англичанина, столь провинятаго, по общему мнѣнію уваженіемъ къ закону, въ такое положеніе, чтобы нарушеніе его представляло ему какой нибудь интересъ, и увидите, что онъ не задумается ни на минуту нарушить его самымъ дерзкимъ образомъ! И тѣмъ охотнѣе онъ это сдѣлаетъ, что увернуться отъ отвѣтственности за это нарушеніе или преступленіе очень легко и почти всегда возможно, благодаря плохой организаціи правосудія. Дѣйствительно, большая часть виновныхъ успѣваютъ избѣгать наказанія.

Несомнѣнно, что этой безнаказанности способствуетъ болѣе всего отсутствіе того министерства, которое мы называемъ во Франціи публичнымъ.

Въ Англіи правительство принимаетъ на себя весьма рѣдко инициативу преслѣдованій. Для того, чтобы виновный явился предъ судомъ, нужно, чтобы кто нибудь принялъ на себя трудъ преслѣдовать его и тянуть къ отвѣтственности; но судебная процедура обходится въ Англіи дороже чѣмъ гдѣ либо; судебныя издержки достигаютъ громадныхъ размѣровъ, и потому охотниковъ затѣвать процессы на свой страхъ и рискъ для того только, чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ находится очень мало. Процессы, на которые расходуются отъ восьми или десяти тысячъ фунт. стерлинговъ, не составляютъ рѣдкости въ Англіи. Обратитесь только къ страичему, и онъ очень скоро вытянетъ у васъ нѣсколько тысячъ франковъ. Силошь и рядомъ преступленія почти явныя, не допускающія никакого сомнѣнія, остаются безнаказанными и даже не преслѣдуются правосудіемъ потому только, что не находится человѣка, который бы рѣшился завести дѣло, могущее обойтись ему очень дорого и, кромѣ того, навлечь на него тьму неприятностей. По болѣе части въ такихъ случаяхъ каждый кто бы могъ или долженъ былъ явиться въ качествѣ истца, или обвиняющей стороны, умываетъ себѣ руки, предоставляя мошеннику или злодѣю свободу продолжать свои злодѣянія!

Въ коммерческомъ мірѣ особенно предоставляется широкое поле. — Крупные банкирскіе или торговыя дома почти всегда, когда становятся жертвою какаго нибудь мошенничества, запишутъ въ расходъ пропавшую сумму — и дѣло съ концомъ, предпочитая потерю неприятностямъ и расходамъ, сопряженнымъ съ преслѣдованіемъ виновнаго.

Впрочемъ, случается иногда и то, что слишкомъ крупныя, значительныя мошенничества вызываютъ преслѣдованія со стороны пострадавшихъ отъ нихъ; но и это по большей части ни въ чему не ведетъ! Винный почти всегда успѣваетъ ускользнуть изъ рукъ правосудія, благодаря тому, что ему предоставляется право до рѣшенія дѣла судомъ оставаться на свободѣ, если онъ представляетъ за себя поручителя. Поручители же, ручающіеся даже за очень крупныя суммы, всегда почти находятся. Вслѣдствіе чего встрѣчается въ этомъ народѣ такая готовность помогать ближнему, хотя бы и мошеннику? Вызываетъ ли эту готовность преданность, наивность, или, просто, желаніе поддержать обычай, который можетъ пригодиться когда нибудь и самому поручителю?—Этого я не беру съ опредѣленіемъ; но правдоподобнѣе всего предполагать послѣднее. Недавно было представлено поручительство на 300,000 фр. за одного негоціанта, обвиненнаго въ кражѣ милліона фр. и въ несостоятельности на 25 милліоновъ! Выпущенный на свободу онъ сейчасъ же ею воспользовался, и въ тотъ же день сѣлъ въ Дувръ на пароходъ, и отправился на материкъ, поставивъ своихъ поручителей въ непріятное положеніе — вносить 300,000 франковъ въ кассу юстиціи.

Впрочемъ, англичане начинаютъ сознавать неудобство отсутствія публичнаго министерства. Судья графства Мидлсекъ выразило недавно желаніе въ одномъ собраніи, чтобы этотъ пробѣлъ былъ наконецъ пополненъ въ Англіи. Я говорю только въ Англіи потому, что въ Шотландіи есть «Prosecutor fiscal»; должность, соответствующая должности нашего генераль-прокурора. Prosecutor fiscal назначается шерифами графства, городскими и мировыми судьями, и обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы преслѣдовать преступленія отъ имени общества.

Привожу здѣсь извлеченіе изъ одной статьи, которая была напечатана въ Экономистъ, въ ноябрѣ 1874 г., въ которой высказывается настоятельное требованіе въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ учрежденія Public prosecutor, или публичнаго министерства:

... «Мы уже писали нѣсколько разъ о томъ, какъ легко у насъ прекращаются преслѣдованія преступленій въ коммерческомъ мірѣ. Самые тяжкія обвиненія, доведенныя уже до свѣдѣнія общества и успѣвшія возбудить въ немъ любопытство и живой интересъ, вдругъ по той или другой причинѣ остаются безъ всякихъ послѣдствій. Дѣла оказываются таинственно, и люди, интересующіеся этими вопросами, остаются въ полномъ убѣжденіи, что мошенники, которыхъ обвиняли въ какомъ нибудь важномъ подлогѣ или обманѣ, остаются безнаказанными

«и могутъ продолжать своейно свои мошенническія продѣлки. Конечно, это происходитъ потому, что лицо, пострадавшее отъ злого илѣбодь собирана, обращается къ закону и возбуждаетъ преслѣдованіе противъ мошенника лишь въ виду своего личнаго интереса, въ виду удовлетворенія въ дѣлѣ, касающагося его, и готово всегда прекратить эти преслѣдованія, какъ только достигать своей цѣли посредствомъ частной сдѣлки съ этимъ мошенникомъ. Иначе и быть не можетъ: принимая на себя «страшные расходы и хлопоты, сопряженныя съ судебнымъ преслѣдованіемъ, въ виду пользы общества, были бы не свойственными «человѣческой натурѣ самоотверженіемъ! Но, тѣмъ не мѣняе, общество страдаетъ отъ такого эгоистическаго прелиюдѣйствія: вѣдь «обманамъ, совершаемымъ въ громаднхъ размѣрахъ въ его средѣ, благодаря «безопасности, съ которою ихъ можно совершать при возможности вхсдѣть въ сдѣлки съ жертвами, которыя оказываютъ не расположеніями «мириться съ своей потерей. Прекратить этотъ «скандалъ можетъ только учрежденіе публичнаго министерства, котѣ, конечно, польза которой «можно ожидать отъ этой реформы, будетъ несравненно меньше въ Англіи, чѣмъ въ во всякой другой странѣ, законы которой не столь снисходительно относятся къ подлечамъ, какъ ея законы.

Отсутствіе инициативы со стороны правительства для защиты честныхъ людей противъ преступниковъ и мошенниковъ всякаго рода вынуждала частную инициативу со стороны самаго общества, съ цѣлью: если не совсемъ устранить зло, порожденное недостатками закона, то облегчить его насколько возможно. Организовались общества, принимающія на себя преслѣдованія извѣстныхъ преступленій и извѣстныхъ проступковъ. Организовалось особенное общество для защиты женщинъ и дѣтей, такъ какъ въ слѣдствіе сильно распространеннаго въ Англіи пьянства, имъ часто приходится выносить побои и вообще грубое обращеніе со стороны своихъ мужей и отцовъ; затѣмъ есть еще общество для защиты путешественниковъ по желѣзной дорогѣ, имѣющее цѣлью возбуждать искѣ противъ желѣзнодорожныхъ компаній, въ случаѣ несчастныхъ какихъ нибудь происшествій.

Я постараюсь, впрочемъ, описать вамъ въ краткомъ очеркѣ организацию англійскаго правосудія, чтобы вы могли составить себѣ о ней вѣрное понятіе и увидать всѣ различія, существующія между нею и нашею организациею.

Самая низшая юридическая инстанція ихъ, соответствующая нашимъ мировымъ и вѣсть полицейскимъ, судамъ, — это учрежденіе, такъ называемое, «Police courts».

Въ лондонскомъ Сити въ этомъ судѣ дѣла разсматриваются лордъ-меромъ и альдерменами. Въ городахъ, имѣющихъ муниципалитеты, существуетъ тотъ же порядокъ; но во всѣхъ прочихъ мѣстахъ въ судахъ этой инстанціи рѣшаютъ дѣла мировые судьи. Всѣ проступки пьянства, всякое нарушеніе полицейскихъ постановленій или закона о фальсификаціи жизненныхъ припасовъ; всякіе споры между господами и слугами, извозчиками и пассажирами; всякое сопротивленіе агентамъ власти; наконецъ вызовы на дуэль, драки, собираіе милостыни, попытки на самоубійство и проч...—все это подлежатъ разсмотрѣнію этихъ судовъ; въ этой одной инстанціи дѣло разбирается и рѣшается, судья имѣетъ право приговаривать къ большимъ денежнымъ штрафамъ и къ довольно сильнымъ наказаніямъ, даже къ ссылкѣ на каторжныя работы только не на годы, а на извѣстное число мѣсяцевъ.

Если судья признаетъ преступленіе слишкомъ важнымъ и требующимъ сильнѣйшаго наказанія, то, если это въ Лондонѣ, онъ отправляетъ дѣло въ (central-criminal court) уголовный центральный судъ; если же въ прочихъ частяхъ Англіи,—то просто въ уголовные суды.

Въ первомъ случаѣ дѣло разбирается судьями, принадлежащими специально лондонскому Сити такъ называемыми *recordes* и *common serjeant*; во второмъ же, виновный имѣетъ дѣло съ самими судьями уголовного судилища; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ assisteруетъ судъ присяжныхъ. Послѣдній учрежденъ въ Англіи съ незапамятныхъ временъ; его роль тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ во Франціи.

Въ Англіи есть два рода этихъ судовъ: Великій судъ присяжныхъ (*Grand-jury*) и обыкновенный (*Common-jury*). Отправленія перваго соотвѣтствуютъ отчасти отправленіямъ, исполняемымъ у насъ слѣдственными судьями. Обвиненные являются прежде всего предъ великимъ судомъ присяжныхъ; такъ называемый коронеръ дѣлаетъ ему докладъ, вслѣдствіе котораго присяжные въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, признаютъ возбужденное противъ него преслѣдованіе основательнымъ или нѣтъ, и выражаютъ свое мнѣніе—въ первомъ случаѣ преданіемъ его суду, во второмъ—произнесеніемъ формулы *ignominus*, что равносильно освобожденію отъ суда. Въ обоихъ случаяхъ необходимо, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ единогласно, и это правило относясь, также къ постановленіямъ *Common-jury*, помогаетъ многимъ мошенникамъ избѣгать наказанія. *Common-jury* соотвѣтствуетъ вполнѣ нашимъ уголовнымъ судамъ. Составъ его почти тотъ же самый. Присяжные, въ числѣ 12, избираютъ изъ своей среды президента «*Fogman*», произносящаго рѣ-

шеніе отъ имени своихъ товарищей. Но вмѣшательство присяжныхъ въ судебныя пренія гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ у насъ.

Они дѣлаютъ вопросы обвиняемому, спорятъ съ защитникомъ, отпускаютъ разныя шутки, иногда не совсѣмъ приличныя, и главное даютъ всегда возможность предвидѣть рѣшеніе, которое каждый изъ нихъ произнесетъ.

Они получаютъ извѣстное вознагражденіе, цифра котораго съ очень давняго времени не измѣняется. Членамъ Grand-jury полагается 8 пенсовъ съ дѣла, членамъ же Common-jury одна гинея. Впрочемъ, если дѣло затягивается, то вознагражденіе прибавляется.

Требованіе единогласнаго рѣшенія есть послѣдствіе ложнаго истолкованія древняго закона, въ которомъ сказано, что всякій обвиняемый долженъ быть судимъ двѣнадцатью изъ своихъ равныхъ.

Въ Шотландіи этого единогласія не требуется; тамъ присяжные на ходятся въ числѣ пятнадцати человѣкъ, и рѣшаются дѣла большинствомъ голосовъ.

На вопросъ: — обвиняемый виновенъ или нѣтъ? присяжные отвѣчаютъ иногда еще одною формулою: «not proven»; подъ этими словами подразумѣвается, что они не имѣютъ достаточно данныхъ, или доказательствъ, чтобы составить себѣ мнѣніе въ томъ или другомъ смыслѣ.

Другое ложное истолкованіе настоящей мысли законодателя — это обязательство, которое возлагается на всѣхъ присяжныхъ присутствовать при судебныхъ преніяхъ съ самаго начала, такъ какъ сверхштатныхъ присяжныхъ, какъ во Франціи, здѣсь нѣтъ.

Къ чему жъ это ведетъ? — А къ тому, что когда дѣло затягивается, случается очень часто, что одинъ изъ присяжныхъ заболѣваетъ и пренія останавливаются впредь до его выздоровленія; если же онъ умираетъ до постановленія рѣшенія, то еще хуже: судебныя пренія возобновляются сначала въ присутствіи новаго присяжнаго, такъ какъ предъидущія, въ которыхъ онъ не участвовалъ, считаются не дѣйствительными.

Безполезно было бы доказывать всю нелѣпость традиціи, которая не разъ, конечно, внушала соучастникамъ или родственникамъ обвиняемаго преступную мысль отправить одного изъ присяжныхъ въ лучший міръ; кромѣ того, эта проволочка ставитъ очень часто подсудимыхъ, истощившихъ всѣ свои средства, въ невозможность продолжать борьбу для своей защиты.

Процессъ Тичборна, разбившійся въ два пріема, стоилъ болѣе трехъ милліоновъ. Вы знаете волненіе, которое произвела болѣзнь одного изъ

присяжныхъ въ известный моментъ судебныхъ прений по поводу этого дѣла, и это весьма естественное! Еслибы заблѣвшій присяжный, вмѣстѣ того, чтобы выздороветь чрезъ нѣсколько дней, вдругъ умеръ, — процессъ долженъ былъ бы возобновиться сначала! — Что предпринимъ бы въ такомъ случаѣ обвиняющая сторона? Имѣла ли бы она средства начинать снова дѣло, стоящее ей уже такъ дорого, и не пришлось ли бы ей отказаться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій виновнаго и оставить преступленіе безнаказаннымъ; или же, предполагая, что выдававшій себя за Тичборна, былъ бы дѣйствительно можно обвиняемъ въ самозванствѣ, нашелъ ли бы онъ другой разъ сторонниковъ расколоженныхъ предложить ему свои деньги? — вотъ вопросъ, который задавалъ себѣ всякій и въ которой вазуеты англійскій адвокатуры предложили рѣшить слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «Законъ, говорили они, требуетъ, чтобы обвиняемаго судили двѣнадцать изъ его равныхъ, присутствующихъ лично». Стало быть, для соблюденія закона въ буквальный его смыслъ, достаточно наличнаго присутствія при судебныхъ преніяхъ присяжнаго живаго или умершаго все равно, такъ какъ объ этомъ ничего не сказано въ законѣ. Что же касается единогласія, то оно, что присутствующій покойникъ не можетъ судить препятствіемъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ противорѣчія съ его стороны не можетъ встрѣтаться, тогда президентъ присяжныхъ, или такъ называемый Foreman отвѣтитъ президенту суда, что постановленіе слѣдуетъ единогласно».

Это оригинальное истолкованіе закона догадываетъ исполнѣ его несостоятельность и потребность мифіевія въ немъ.

«Велѣдствіе процесса Тичборна, былъ представляемъ проектъ реніиіи закона о судѣ присяжныхъ. — Въ этомъ проектѣ предлагается сократить число присяжныхъ до семи человекъ и допустить постановленіе рѣшешій большинствомъ. Лордъ Кемпбелъ предлагалъ уже 20 лѣтъ тому назадъ подобную реформу; но, къ несчастію предложеніе его осталось безъ послѣдствій, и до сихъ поръ ничего не было сдѣлано по этому вопросу. И потому болѣе чѣмъ вѣроятно, что новый проектъ встрѣтитъ гдѣ же сопротивленія, какъ и всѣ предшествовашіе ему, и будетъ имѣть одну участь съ ними».

«Особенность англійской процедуры заключается еще въ странномъ обращеніи съ присяжными въ известныхъ случаяхъ, какъ заперать, какъ кардиналовъ для избранія папы, на все время ихъ повѣщаній, которыя длятся до тѣхъ поръ, пока они не придутъ къ согласію и не поставятъ единогласно рѣшенія. А эти совѣщанія продолжаются иногда очень долго; такъ какъ единогласія не всегда легко добився».

и несчастнымъ присяжнымъ приходится тогда очень плохо, такъ какъ имъ строго воспрещено во время этого заключенія даже употребить какую бы то ни было пищу. Но вотъ они приходятъ наконецъ къ соглашенію, постановляютъ рѣшеніе, — которое, почему нибудь однакоже не удовлетворяетъ судью: тогда послѣдній возвращаетъ имъ назадъ это рѣшеніе, требуя, чтобъ они еще разъ обсудили дѣло.

Изъ этого вы видите, какую важную роль играетъ судья въ веденіи юридическихъ дѣлъ.

Не только онъ имѣетъ право отказаться принять рѣшеніе, постановленное совѣтомъ присяжныхъ, если онъ признаетъ его нелогичнымъ, но онъ не задумывается даже оуждать законъ, который онъ обязанъ принимать; и это случается весьма часто. Недавно одинъ членъ судьи заявилъ громко въ присутствіи всѣхъ членовъ суда: «I am not sorry to have this opportunity of publicly expressing my dissatisfaction with the law relating to the bills of sale. — But all that we can do is to carry out the law as it stands». (Баронъ Поллокъ, за сѣданіе 11 декабря 1874, дѣло *Rabinsons Brother n. Saden*).

Каждый день выносятся подобныя сужденія законовъ самыми высшіе судьи Англии, находя ихъ вполне несправедливыми и отжившими; но такъ какъ въ этомъ удивительномъ парламентарномъ правленіи господствуетъ полная безответственность, то никто не считаетъ обязанностью принимать на себя инициативу реформы въ законодательствѣ, и законы остаются тѣми, что они есть.

Въ Англии нѣтъ постоянныхъ уголовныхъ судовъ. Она раздѣлена на восемь округовъ, которые суть, считая вѣжество Валлійское: Центральный, Мидландскій, Норфолькскій, Оксфордскій, Сѣверный, Восточный, Сѣвероуэльскій и Южно-уэльскій.

Два раза въ годъ, весной и осенью, дѣе судей отправляются изъ Лондона, въ сопровожденіи всего судебнаго персонала, въ разные города и, переѣзжая изъ одного въ другой, разбираютъ и рѣшаютъ гражданскія и уголовныя дѣла.

Этотъ обычай, очень древній, впрочемъ, полезенъ тѣмъ во первыхъ, что значительно сокращаетъ число судей; во вторыхъ тѣмъ, что устраняетъ ихъ отъ мѣстныхъ вліяній; и тѣмъ также, что избавляетъ отъ расходовъ на постоянныя учрежденія. Благодаря этой экономіи, правительство имѣетъ возможность давать представителямъ правосудія такое значительное вознагражденіе, что они могутъ занимать высокое положеніе въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ стоять внѣ всякихъ подозрѣній въ подкупности. Лордъ-шерифъ юстиціи въ Лондонѣ получаетъ

въ годъ 200,000 фр., прочіе же судьи получаютъ отъ 120,000 до 175,000 франковъ.

Не имѣя намѣренія описывать всѣ подробности англійскаго законодательства, я назову только разныя юридическія учрежденія; въ которыя можно подавать аппеляціи какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ; вотъ они: «Court of probate and divorce, Queens Bench, Exchequer, Private Council; Chancery».

Но картину, которую я имѣлъ намѣреніе начертить, я бы счелъ не полною, если бы не упомянулъ о наказаніяхъ, опредѣляемыхъ англійскимъ закономъ за разныя преступленія и проступки. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни, перешедшія по наслѣдству отъ предковъ; другія же, внушенныя законодателямъ новѣйшихъ временъ новыми тенденціями англійскаго народа.

Первыя отличаются жестокостью и несправедливостью, — свойствами, присущими феодальнымъ законодательствамъ вообще, по которыя давно изгнаны изъ большей части уголовныхъ уложеній прочихъ народовъ.

Чтобы вы не сочли меня слишкомъ строгимъ въ моей оцѣнкѣ, привожу здѣсь мнѣніе по этому поводу одного изъ знаменитыхъ англійскихъ юрисконсультовъ:

«Читатели мои были бы поражены изумленіемъ, если бы я изложилъ имъ уложеніе о наказаніяхъ націи, извѣстной своимъ гуманизмомъ и просвѣщеніемъ. Конечно, они ожидали бы найти въ этомъ уложеніи самую строгую пропорціональность между проступками и наказаніями. И увидали бы, напротивъ, на каждомъ шагу самое грубое нарушеніе ея, увидали бы, что за наименѣе важныя проступки полагается смертная казнь». (Бентамъ, Принципъ уложенія о наказаніяхъ, III часть гл. IX.)

Бентамъ писалъ это въ 1820 г. Въ это время число проступковъ которые англійскій законъ предписывалъ наказывать смертию, достигало 52! Смертною казнью наказывалась дуэль и всякіе проступки, касающіеся охоты; отцеубійство же не подлежало этому наказанію! Съ тѣхъ поръ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, но число ихъ такъ незначительно, что общій духъ англійскаго законодательства почти совсѣмъ не измѣнился отъ этого, и исправлять его недостатки, смягчать его жестокость приходится постоянно присяжнымъ, или снисходительностью въ постановленіи своихъ рѣшеній въ пользу обвиненнаго, чтобы избавить его отъ наказанія, хотя и заслуженнаго, но слишкомъ несоразмѣрнаго съ совершеннымъ имъ преступленіемъ, или же поручая его милосердію верховной власти.

Вамъ извѣстно, конечно, что въ Англій приговоренныхъ къ смерти

вѣшаютъ; но, кромѣ этой казни, тамъ существуетъ много тѣлесныхъ наказаній разнаго рода, памятниковъ варварской, жестокой эпохи, когда человѣческое правосудіе не удовлетворялось лишеніемъ преступника возможности вредить обществу, или даже убійствомъ его, но считало необходимымъ истязать его. пытки такого рода не уничтожены до сихъ поръ; онѣ до того во вкусахъ и нравахъ этой гуманной націи, что въ настоящее время поднять вопросъ о томъ, чтобы ихъ возстановить для многихъ проступковъ и преступленій, которые наказываются тюрьмою, или ссылкой на каторжные работы.

Десяти-хвостная кошка (cat-o-nine tails) — одна изъ самыхъ употребительныхъ пытокъ; особенно часто ей подвергаютъ воровъ, попавшихся съ оружіемъ въ рукахъ. Приговоренный къ этому наказанію обнажается до пояса, и палачъ даетъ ему отъ пятидесяти до восьмидесяти ударовъ кнутомъ съ девятью ремешками длинными концами, которые вырываютъ куски окровавленнаго мяса изъ его спины и боковъ. При этой экзекуціи присутствуетъ докторъ; его обязанность въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы слѣдить за состояніемъ истязуемаго, и когда онъ найдетъ что тотъ не въ силахъ болѣе переносить страшной пытки, которой его подвергаютъ, то остановить наказаніе. Тогда несчастнаго отправляютъ въ больницу, гдѣ заботятся о немъ, лечатъ его до того дня, когда докторъ признаетъ его достаточно здоровымъ, чтобы вновь подвергнуться наказанію; и тогда его опять отдають въ руки палача.

Наказаніе кнутомъ приималось еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ англійской арміи, за проступки противъ дисциплины. Гражданское правосудіе также прибѣгаетъ къ нему во многихъ случаяхъ. Мировые судьи имѣютъ право приговаривать виновныхъ за извѣстные проступки къ палочнымъ ударамъ, числомъ отъ пяти до двадцати. Между тѣмъ какъ множество важныхъ преступленій остаются безнаказанными, приговоры въ каторжныхъ работахъ расточаются очень щедро за всякое сопротивленіе агентамъ власти, за собраніе милостыни и даже за проступки противъ «game law» или закона объ охотѣ, закона, сохранившаго всю строгость феодальныхъ временъ. Правда, что мужика, убивающаго какую нибудь дичь, сберегаемую для удовольствій барина, не вѣшаютъ, какъ въ старыя времена, но, тѣмъ не менѣе, несчастный арендаторъ, не пользующійся правомъ охоты на арендуемыхъ имъ земляхъ (а это право владѣльцы всегда предоставляютъ себѣ) и позволившій себѣ выстрѣлить въ кроликовъ, которые опустошаютъ его поля и огороды, приговаривается еще и въ настоящее время въ каторжныхъ работахъ срокомъ на 21 день. И нужно замѣтить, что англичане считаютъ недостаточнымъ

наказаніемъ для арестантовъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, только обязательную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полезную работу; нѣтъ: они заставляютъ этихъ несчастныхъ вертѣть родъ большаго, тяжелаго колеса, вращающагося вокругъ своей оси, которое послѣдніе приводятъ въ движеніе руками и ногами, на подобіе бѣлки въ клеткѣ.

Если можно упрекать старое англійское законодательство въ жестокости и несправедливости, то новое можно упрекнуть въ болѣе важномъ недостаткѣ: въ глубокой безнравственности.

Тенденція націи взвѣшивать все на вѣсъ золото, смотрѣть на все съ точки зрѣнія интереса, поклоняться одному божеству — деньгамъ, отозвалась очень явственно во всѣхъ законахъ и постановленіяхъ новѣйшаго времени!

Касается ли дѣло соблазна, или прелюбодѣянія, или многоженства, касается ли чести мужчины или репутаціи женщины, — все оканчивается нынѣ въ Англии взыскаціемъ со стороны, признанной судомъ виновною, извѣстной суммы въ пользу стороны, признанной имъ правою.

Говоря объ англійской женщинѣ, я объяснялъ уже вамъ что такое процессы по поводу нарушенія обѣщаній (*Breach of promises*) но не упомянулъ, что законъ допускаетъ также, чтобы мужчина преслѣдовалъ дѣвушку за нарушеніе ею обѣщаній, данныхъ ему, и получилъ бы отъ нея извѣстное вознагражденіе. Правда, что судъ присяжныхъ, очень расположенный иногда къ шуткамъ, приговариваетъ виновную дѣвушку къ уплатѣ одного фартинга, но не всегда бываетъ такъ, и часто судъ опредѣляетъ щедрыя вознагражденія.

Что же касается вопросовъ прелюбодѣянія, то въ англійскихъ судахъ они оканчиваются приблизительно такимъ же образомъ.

Когда одинъ изъ супруговъ, замѣтивъ невѣрность другаго, обращается въ бракоразводный судъ (*court of divorce*) съ просьбою о разрывѣ узъ, связывающихъ его, то просьба эта всегда удовлетворяется, если только невѣрность доказана. Конечно, это очень хорошо, такъ какъ никто не будетъ спорить, чтобы разводъ не былъ въ тысячу разъ предпочтительнѣе тому ложному, безвыходному положенію, въ которое ставитъ во Франціи обѣ стороны такъ называемая сепарація супруговъ (*séparation de corps*). Но какъ вы думаете, какое удовлетвореніе предоставляетъ англійскій законъ обманутому мужу; какому наказанію онъ подвергаетъ любовника его жены? — Вы предполагаете, можетъ быть, что онъ будетъ приговоренъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, или ко взносу большой суммы въ фонды юстиціи? — Ничего не бывало! По понятіямъ англичанъ, всякій вредъ, всякій ущербъ, причиненные чело-

вѣку, даютъ ему право на вознагражденіе со стороны лица причинившаго ихъ, и потому съ участника въ прелюбодѣяніи взыскивается денежный штрафъ въ пользу обманутаго супруга. Еще недавно одинъ несчастный мужъ, человѣкъ, принадлежащій къ хорошему обществу, потребовалъ и получилъ такимъ образомъ, за невѣрность своей жены 150,000 фр., которые онъ безъ зазрѣнія совѣсти положилъ въ карманъ, какъ будто получилъ ихъ отъ какаго нибудь страховаго отъ огня общества, за убытки, нанесенные ему пожаромъ.

Англичане называютъ насъ кровожадными потому, что мы, считая такіе щекотливые вопросы не подлежащими разбирательству суда, рѣшаемъ ихъ сами; но нашъ способъ рѣшенія, дуэль, они находятъ недостойнымъ цивилизованной націи. Допустимъ, что такъ; однако можно ли также назвать достойною такую цивилизацію, которая уполномочиваетъ человѣка легально устраивать статью дохода изъ своего безчестья и изъ позора своей жены? Какое понятіе можно себѣ составить о нравственной сторонѣ націи, которая, стараясь выставить вездѣ и во всемъ самую крайнюю скромность, не возмущается такими торговыми сдѣлками въ вопросахъ столь деликатныхъ и щекотливыхъ!

Какъ видите изъ всего сказаннаго, англійское законодательство требуетъ коренной реформы и было бы весьма желательно, чтобъ эта реформа измѣнила общій духъ его: иначе законъ, который долженъ предупреждать и наказывать преступленіе, благоприятствовать развитію въ народѣ благородныхъ чувствъ и стремленій, приведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ.

Къ несчастію, трудно этого ожидать въ странѣ, гдѣ чувствуется во всемъ и вездѣ недостатокъ единства; гдѣ принципы человѣческаго правосудія такъ же неясны и неопредѣленны, какъ и принципы религіозныхъ вѣрованій!

ПИСЬМО IX.

AURI SACRA FAMES?

Меня удивляетъ болѣе всего, въ Англіи то, что англичане не позаботились до сихъ поръ объявить подвѣску для сооруженія памятника человѣку, которому первому пришла въ голову гениальная мысль равѣсить на всѣхъ стѣнахъ объявленіе съ слѣдующимъ предостереженіемъ: Beware of pickpockets ¹⁾! Хотя, конечно, идея взваливать отвѣтственность на одну категорію индивидуумовъ — порокъ почти всеобщій, напоминаетъ отчасти правоучительную басню о животныхъ, зараженныхъ чумою, но, тѣмъ не менѣе, она замѣчательна и заслуживаетъ благодарности со стороны англійской націи!

Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы не слѣдовало бояться воровъ, или такъ называемыхъ «pickpockets»! Англійскіе воры не напрасно славятся во всемъ мірѣ своею необыкновенною ловкостью; они дѣйствительно довели свое ремесло до совершенства. Никто искуснѣе и деликатнѣе англійскаго вора не вынетъ изъ кармана часовъ, портфеля и т. д.; но вопросъ въ томъ, много ли ихъ, этихъ несчастныхъ, брошенныхъ нищетою или порокомъ на эту дорогу, которая рано или поздно приведетъ ихъ въ Ньюгетъ, или къ висѣлицѣ? — Можетъ быть, ихъ наберется нѣсколько тысячъ во всей Англіи!

Къ тому же, въ наше время все совершенствуется и цивилизація измѣнила точно также привычки воровъ, какъ и нравы честныхъ людей. Желѣзныя дороги давно уже уронили кредитъ воровства по большимъ дорогамъ; усовершенствованіе организаціи полиціи, телеграфъ, законы о выдачѣ преступниковъ, наконецъ замѣвъ серебра другими металлами сдѣлали работу пикпocketовъ менѣе прибыльною и болѣе опасною, и по-

¹⁾ Берегитесь карманныхъ воровъ.

тому число ихъ уменьшается съ каждымъ днемъ, хотя объявленія съ предостереженіями и умножаются по прежнему въ изобиліи на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ театрахъ и даже въ церквахъ. Повторяю ихъ численность весьма незначительна. Но изобилуетъ Англія мошенниками другой категоріи — патентованными плутами, мошенниками, имѣющими свои конторы, свои лавки; ихъ слѣдуетъ гораздо болѣе, чѣмъ आपको опасаться, чѣмъ бы они ни торговали, какого рода товаръ ни выставляли бы въ своихъ лавкахъ, гербовую ли бумагу, мануфактурныя ли произведенія, или жизненные принасы, — все равно. Трудно представить себѣ до какого совершенства дошли англійскіе кунцы въ дѣлѣ надувательства; такой ловкости, такой изобрѣтательности обмануть ближняго, обворовать его, вы нигдѣ не встрѣтите, какъ въ Англіи, также какъ не встрѣтите нигдѣ того недоумія, той подозрительности, съ которыми смотрятъ эти гениальныя мошенники на каждого входящаго въ ихъ магазины, пивнуясь, въ этомъ случаѣ конечно, весьма естественной, человѣческой склонности: — мѣрить всякаго на свой аршинъ!

Ничего не можетъ быть любопытнѣе, какъ видѣть ихъ, когда они борются между желаніемъ продать товаръ низшаго сорта, или даже совсемъ негодный по самой высокой цѣнѣ, и опасеніемъ, что имѣютъ дѣло съ болѣе утонченнымъ и ловкимъ плутомъ, чѣмъ сами!

Выкладывая предъ покупателемъ свои товары, доказывая самымъ нахальнымъ образомъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, небывалыя въ нихъ достоинства, купецъ ни на минуту не сводитъ глазъ съ кліента и слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, за каждымъ движеніемъ со вниманіемъ кошки, подстергающей мышь.

Когда покупка сдѣлана и покупатель собирается уходить, во всей фигурѣ купца сказывается сильное опасеніе — не захватилъ ли онъ чегонибудь въ свои карманы. Взявши деньги, хотя они обыкновенно платятся прежде выдачи товара, нашъ купецъ начинаетъ ихъ разсматривать, изслѣдовать, колотить о конторку, взвѣшивать, терѣть, кусать, и только послѣ всѣхъ опытовъ, убѣдившись, что онъ не фальшивые, рѣшается взять ихъ и выдать товаръ. Эта ненасытная алчность къ наживѣ, къ приобрѣтенію, высказывается впрочемъ во всѣхъ мелочахъ англійской жизни.

Если вамъ случится ѣхать въ омнибусѣ, или брать билетъ на желѣзной дорогѣ, — считайте внимательно сдачу, которую вамъ будетъ давать кондукторъ или кассиръ; изъ десяти разъ девять вамъ не добавятъ непременно нѣсколькихъ копѣекъ. Не думайте чтобы это была

ошибка! Доказате льством умнищенности можетъ служить то, что какъ только вы протянете руку, не говоря сколько именно вамъ не додано, вамъ сейчасъ же, не мало не смущаясь, отдадутъ недостававшія деньги, ни больше, ни меньше того, что вамъ слѣдовало получить! И не опасайтесь, чтобы плутъ, хотѣвшій утянуть у васъ нѣсколько копѣекъ, сталъ оправдываться или заспорилъ бы съ вами; нѣтъ: онъ сознаетъ, что хотѣлъ обокрасть васъ и предвидѣлъ, что вы можете замѣтить обманъ и потребовать утаенныя деньги. Неудача его ни мало не смущаетъ; онъ повторитъ ту же продѣлку съ другимъ, третьимъ, десятимъ и, къ вечеру, у него соберется нѣсколько шиллинговъ добавочныхъ къ его жалованью.

Эта эксплуатація человѣка дошла въ Англіи до крайнихъ предѣловъ. Все обращается въ коммерческую операцію; все ведетъ къ ассоціаціи съ торговою цѣлью. Искусство, правосудіе, наука и даже религія имѣютъ тамъ меркантильный характеръ.

Стряпчие, адвокаты, доктора, артисты и лица духовныя смотрятъ на свои профессіи не съ точки зрѣнія обязанностей, сопряженныхъ съ ними, а просто какъ на промыслы.

Эти почтенные члены ассоціацій относятся къ важнымъ вопросамъ совѣсти, семейныхъ интересовъ, здоровья съ самою странною безцеремонностью; очень часто случается, что докторъ посылаетъ вмѣсто себя въ своему паціенту, находящемуся при смерти, одного изъ своихъ компаньоновъ, потому только, что для него настала пора отправиться куда нибудь на морской берегъ или прогуляться въ Швейцарію. Очень часто паціентъ, попавъ на руки неопытнаго врача, отправляется на тотъ свѣтъ; но что за дѣло до того г. X и К^о? — Они все равно получаютъ крупную сумму въ вознагражденіе за свои труды, а для нихъ только и важно, чтобы въ годовомъ балансѣ оказалась хорошая прибыль.

Точно также поступаютъ люди и прочихъ профессій, называемыхъ у нихъ либеральными. Если когда нибудь, въ наказаніе за ваши грѣхи, вамъ придется войти въ сношеніе съ какимъ нибудь англійскимъ законникомъ, будьте на сторожѣ: избѣгайте встрѣчъ съ нимъ на улицѣ; избѣгайте отъ его присутствія, потому что каждый свой поклонъ, каждое привѣтствіе свое, или просто вопросъ о вашемъ здоровьи онъ поставитъ вамъ на счетъ, и каждая изъ этихъ любезностей обойдется вамъ въ 6 шиллинговъ и 8 пенсовъ! Не думайте, что я преувеличиваю: все, что я говорю основано на доказательствахъ.

Нужно ли говорить о наглости англійскихъ рекламъ? Самые громкіе эпитеты, самыя лестныя обѣщанія пускаются въ ходъ для привле-

ченія покупателей, съ цѣлью обмануть ихъ безсовѣстѣйшимъ образомъ! Стремленіе англичанъ къ мошенничеству сказывается всего болѣе въ торговлѣ жизненными припасами. Самая смѣлая фальсификація первобытныхъ матеріаловъ, продажа гнилыхъ, залежавшихся продуктовъ, негодныхъ для питанія, такъ укоренилась въ нравахъ и обычаяхъ лондонскихъ торговцевъ, что слабая преслѣдованія, возбуждаемая въ силу «Adulteration Act», врядъ ли въ состояніи будутъ искоренить зло.

Отсутствіе контроля со стороны правительства и свобода личнаго произвола, которою такъ гордятся англичане и которую такъ ревностно охраняютъ, сдѣлались источниками самыхъ опасныхъ злоупотребленій.

Въ «Times», было напечатано нѣсколько времени тому назадъ: The practice of sending bad meat to London must be put a stop to *).

Подъ именемъ дурной говядины журналъ подразумѣваетъ не низшаго достоинства говядину, а мясо дохлаго скота, или испортившееся вслѣдствіе той или другой причины. Мясники и колбасники очень часто призываются въ police courts, для отвѣтственности за подобныя проступки; но судья, имѣющій право подвергнуть ихъ строгому наказанію, ограничивается обыкновенно приговоромъ къ штрафу, весьма незначительному въ сравненіи съ тѣми барышами, которые они извлекаютъ изъ преступной своей торговли; послѣ чего, разумѣется, они точно также, какъ и прежде, продолжаютъ продавать негодный и вредный товаръ.

Одна изъ причинъ, способствующихъ продажѣ испорченной говядины—это отсутствіе боенъ, которыя бы находились подъ надзоромъ агентовъ власти, и еще обычай привозить не живьемъ скотъ въ Лондонъ, а рѣзаннымъ и разсѣченнымъ на части.

Пускай люди, упрекающіе французскую администрацію въ склонности все контролировать, всмотрятся въ то, что дѣлается въ Лондонѣ тогда они, конечно, сознаютъ необходимость этого контроля со стороны каждаго правительства, какое бы оно ни было, чтобы не предоставлять свободнаго поля дѣйствій человѣческой алчности къ легкой наживѣ.

Я уже сказалъ, что общественныхъ боенъ не существуетъ въ Лондонѣ: всякій мясной торговецъ имѣетъ право бить скотъ дома. Хотя парламентъ издалъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ актъ, заключающій въ себѣ условія, при которыхъ могутъ учреждаться «Slaughtes House», или бойные дома, но законъ въ этомъ отношеніи, какъ и во

*) Слѣдовало бы прекратить обыкновеніе посылать въ Лондонъ дурную говядину.

всѣмъ прочимъ, не соблюдается совѣмъ, и безпрестанныя жалобы общества оказываются безсильнымъ противъ апатіи администраціи.

Какъ доказательство всего вышесказаннаго, я привожу здѣсь officialный документъ, рапортъ доктора Деффилда, «Medical officer of health», Кессингтона, одного изъ самыхъ богатыхъ приходовъ Лондона.

«Бойныхъ домовъ въ этомъ приходѣ, пишетъ онъ, находится пятьдесятъ четыре; повидимому всѣ они были выстроены въ виду нарушенія статьи закона, требующей, чтобы эти учрежденія находились на разстояніи 40 фут. отъ общественныхъ путей сообщенія и по крайней мѣрѣ въ 50 фут. отъ обитаемыхъ домовъ. Въмѣсто того, большая часть боенъ расположена въ задней части мясныхъ лавокъ, находящихся подъ жилыми полами. Не довольно того, что эти комнаты, служачія бойнями, не приспособлены совѣмъ для этого употребленія; но онѣ служатъ еще, вмѣстѣ съ тѣмъ, прачечными и конюшнями для лошадей мясника. И амміаковые пары, скопляющіеся такимъ образомъ, сильно способствуютъ порчѣ говядины. Кровь спускаютъ по открытымъ желобамъ; полы по большей части дурно мочатся, стѣны не очищаются, а накрываются только толстымъ слоемъ клеевой краски. Проникнуть въ эти бойни можно не иначе, какъ черезъ лавку или черезъ узкіе корридоры дома».

Если такія злоупотребленія дѣлаются въ самыхъ аристократическихъ кварталахъ, можете себѣ представить, что происходитъ въ кварталахъ восточныхъ, обитаемыхъ бѣднымъ населеніемъ!

Рапортъ, изъ котораго я привелъ лишь важнѣйшіе пункты, есть уже не первый, а сотый, быть можетъ, изъ касавшагося этого важнаго гигиеническаго вопроса; онъ представленъ officialнымъ лицомъ, — и что же? обязанымъ, по своей должности, охранять общественное здравіе? Были приняты какія нибудь мѣры, чтобы существующій уже законъ не былъ нарушаемъ? — Ни чуть не бывало, никто объ этомъ не позаботился! Въ Англіи, стравъ съ конституціоннымъ правленіемъ, рапорты, слѣдствія слѣдуютъ одни за другими; но злоупотребленія уморно продолжаютъ существовать. Если являются желающіе искоренить ихъ, то имъ приходится бороться не только противъ людей, совершающихъ ихъ, но противъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ эти преслѣдованія заставляютъ опасаться за нарушеніе вольностей и привилегій, принадлежащихъ ихъ профессіямъ.

Я приведу одинъ фактъ, случившійся весьма недавно, который до-

кажется вамъ, до какой степени эта солидарность сильна Англія, и какъ она обезсиливаетъ дѣйствіе власти.

Въ началѣ 1874 года, въ Марилебонскомъ кварталѣ явилось много случаевъ заболѣванія тифозною горячкою; народонаселеніе стало волноваться, и приходская администрація нарядила медицинское слѣдствіе въ своемъ приходѣ.

Слѣдствіе это открыло, что жертвами эпидеміи были преимущественно люди, бравшіе молоко въ одномъ изъ самыхъ большихъ молочныхъ заведеній Лондона.

Сначала вредное свойство молока приписывали болѣзненному состоянію коровъ, но послѣ вторичнаго, болѣе внимательнаго изслѣдованія его, открыли въ немъ большую примѣсь отъ 30 до 40 проц. зловещественной воды, вредное свойство которой и было причиною эпидеміи.

Хозяинъ этого заведенія былъ вызванъ въ Police court и приговоренъ къ штрафу въ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, за поддѣлку молока. Это мошенничество, совершенное значительнымъ торговцемъ дономъ и имѣвшее такія ужасныя послѣдствія, казалось бы, заслуживало болѣе тяжкаго наказанія, но все ограничилось только этимъ штрафомъ, и судъ не преслѣдовалъ болѣе виновника злоупотребленія, отъ котораго погибло столько людей. Хозяева же прочихъ молочныхъ заведеній въ Лондонѣ собрались въ одномъ большомъ митингѣ, съ цѣлью воспротивиться требованіямъ нахальныхъ потребителей, осмѣлившихся заявить претензіи пить чистое молоко, или же, хотя и съ поддѣсью, но по крайней мѣрѣ съ поддѣсью доброкачественной воды, а не вредной. Черезъ нѣсколько дней послѣ собранія этихъ почтенныхъ коммерсантовъ, всѣ стѣны въ Лондонѣ покрылись маленькими объявленіями, въ которыхъ было напечатано слѣдующее: «Молочныя лондонскіе торговцы собирались для совѣщанія, и признали невозможнымъ доставлять потребителямъ чистое молоко по 4 пенса за пинту, и потому они постановили слѣдующее рѣшеніе, выбалотированное единогласно: продавать съ 13 февраля сего года пинту молока за пять пенсовъ».

Повышеніе на 25 проц! Славная мѣра заставить молчать неугомонныхъ потребителей? И не подумайте, чтобы молоко вслѣдствіе того стало чище! Всякій день журналы печатаютъ сообщенія о приговорахъ за продажу молока, смѣшаннаго съ водою.

Вотъ благодѣянія самоуправленія, которымъ такъ восхищаются наши французскіе либералы.

Въ одномъ сочиненіи объ Англія, я читалъ странный рассказъ о продѣлкахъ англійскихъ колбасниковъ, и не вѣрилъ. Мнѣ казалось не-

вѣроятнѣе, чтобы въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, такіа ужасныя злоупотребленія, сдѣлавшіяся извѣстны всему народонаселенію, не были превращены. Однакожь къ несчастію, ежедневное чтеніе отчетовъ Police courts убѣдило меня въ достовѣрности фактовъ, сообщенныхъ въ сочиненіи, о которомъ я упоминалъ.

По большей части всѣ произведенія колбасныхъ фабрикуются изъ протухлой говядины, изъ гнилыхъ выбросковъ мясныхъ лавокъ, негодныхъ для продажи; однако, замѣтьте, что продажа этихъ нездоровыхъ продуктовъ англійскихъ колбасныхъ производится въ огромныхъ размѣрахъ. Обыски дѣлаются безпрестанно въ разныхъ кварталахъ, у этихъ зловредныхъ фабрикантовъ; негодные матеріалы забираются слѣдователями; но это ни мало не смущаетъ честныхъ промышленниковъ; они отвѣчаютъ очень хладнокровно, что такоеъ обычай въ ихъ торговлѣ!

Не думайте, чтобы виновниками такихъ проступковъ были только мелкіе торговцы. Нѣтъ, большія заведенія не отступаютъ также отъ этого обычая.

13 іюля 1874 года, предъ судомъ, находящимся въ улицѣ Воршингъ, явился фабрикантъ сосисокъ. Изъ донесенія «Medical officer» оказывалось, что мясо, употребляемое въ этомъ заведеніи, нибующемъ для производства разнаго «steam-machines», берется съ большого скота. Подробности этого донесенія такъ отвратительны, что я избавляю васъ отъ нихъ. Инспекторъ народнаго здравія объявилъ, что запахъ на этой фабрикѣ такъ ужасенъ, что, войдя туда, онъ почувствовалъ себя очень дурно и чуть не заболѣлъ послѣ того! Такое зловопіе, продолжаясь онъ, не распространяется ни въ одномъ анатомическомъ театрѣ; однако-же работники показали единогласно, что мясо, распространяющее эту страшную, заразительную вонь, они приготовлялись класть въ котлы, когда явилась слѣдственная коммисія! Почтенный промышленникъ сваливалъ отвѣтственность на мясника, послѣдній, въ свою очередь, обращалъ ее на скотовода, доставлявшаго ему мясо.

Эта наглая поддѣлка жизненныхъ припасовъ встрѣчается вездѣ и во всемъ; но преимущественно искусною она является въ чаѣ, кофе, горчицѣ и хересѣ; въ фальсификаціи этихъ продуктовъ англійскіе торговцы-химики достигли совершенства.

Pall Mall Budget, отъ 2-го января 1874 года, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Конечно, это большое зло, что наши фабриканты наполняютъ восточные рынки матеріями изъ бумаги самаго сѣвернаго достоинства, которое скрывается подъ бѣлизною, придаваемой ей испанскими бѣли-

лами и подъ обманчивымъ приготовленіемъ ея; что они продають намъ катушки, на которыхъ нитокъ всегда гораздо менѣе означеннаго числа метровъ на ней; однакоже помириться со всѣмъ этимъ можно еще; но когда они поступаютъ съ тою же безсовѣстностію и безцеремонностію относительно всего, что мы ѣдимъ и пьемъ, то къ этому снисходительно относиться нельзя; тутъ дѣло идетъ не о денежной потерѣ, но о нашей жизни, о нашемъ здоровьи!

Эта статья была вызвана смертію одного джентельмена по имени Джона Энтулика, который вдругъ заболѣлъ и умеръ, выпивши бутылку Dry scheggу, купленную имъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ домовъ въ Ливерпулѣ.

При изслѣдованіи этого хереса оказалось, что онъ заключалъ въ себѣ въ пропорціи 80 % подмѣси водки самого сквернаго достоинства, масла, происходящаго изъ дистилляціи картофеля и образующаго острый ядъ, эссенціи горькаго миндаля и равныхъ другихъ веществъ очень опасныхъ!

Слѣдовало бы, прибавляетъ Pall-Mall-Budget, продавцовъ подобныхъ напитковъ судить какъ убійцъ, чтобы прекратить такое зло, благодаря которому купцы обогащаются, не только обворовывая потребителей, но и отравля ихъ.

Это извлеченіе изъ одного изъ лучшихъ лондонскихъ журналовъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что я ни мало не преувеличивалъ, говоря, до какой степени деморализации довело англійскій народъ стремленіе къ обогащенію и наживѣ!

Если англійскій торговецъ не надуваетъ покупателя въ качествѣ товара, то непременно въ количествѣ. Употребленіе фальшивыхъ вѣсовъ и мѣръ сильно распространено въ англійской торговлѣ.

Въ «Times», отъ 27 апрѣля 1874 года, сообщается, что 35 торговцевъ въ одну недѣлю изъ одного квартала были вызваны въ судъ по обвиненію въ употребленіи фальшивыхъ вѣсовъ.

«Большая часть изъ нихъ, говоритъ журналъ, привлечены къ отвѣтственности вторично за тотъ же самый преступокъ». Я бы могъ сообщить вамъ безконечное множество фактовъ въ этомъ родѣ, если бы не боялся утомить васъ, такъ какъ во всей Англійи происходитъ то же самое, что и въ Лондонѣ. Жители Ливерпула отыскиваютъ въ настоящее время средство предупредить, чтобы этотъ городъ не превратился въ складочное мѣсто всей негодной говядины въ королевствѣ! Стало быть, это повсемѣстное ужаснѣйшее зло.

Гдѣ, въ чемъ кроется причина такого положенія дѣлъ?—очевидно въ соціальной организаціи Великобританіи. Отсутствие контроля, сво-

Бода все дѣлать, что вздумается, привычка дѣлать все—должны были привести къ этому результату, какъ къ непрелѣзному слѣдствію олигархическаго правленія, подъ которыми живутъ англичане въ теченіе двухъ столѣтій.

Хотя каждый приговоръдается отъ имени государя, но тѣмъ не менѣе, послѣдній не имѣетъ никакого вліянія на дѣла страны. Инициатива, которою ему дозволено пользоваться, самая ничтожная, и потому жалобы націи обращаются не къ нему.

Аристократія, завистливая и деспотическая, забрала власть въ свои руки, чрезъ которую должно проходить всякое требованіе реформы, всякое предложеніе, касающееся къ измѣненію существующаго порядка. Кроме того, ванъ, разумѣется, извѣстно, сколько времени продолжается работа комиссій въ этомъ удивительномъ механизмѣ, называемомъ парламентскимъ правленіемъ! Слѣдствія и отношенія слѣдуютъ одинъ за другимъ, министерства смѣняются министерствами, а въ продолженіе этого времени проекты самыхъ необходимыхъ, самыхъ важныхъ реформъ лежатъ въ пыльных картонкахъ, извлечены изъ которыхъ они могутъ быть лишь однимъ чудомъ.

Эта врожденная въ англичанинѣ склонность ничего не измѣнять въ своихъ старыхъ обычаяхъ и считать священными самыя негнныя, отжившія традиціи поддерживаются аристократіею, которая видитъ въ каждой реформѣ посягательство на ея могущество; впрочемъ, помогаютъ ей въ этихъ усиліяхъ задерживать всякое движеніе духовенство, разныя корпораціи, однимъ словомъ—все сословія, пользующіяся съ давнихъ временъ извѣстными привилегіями и льготами. Итакъ, все привилегированныя классы составляютъ между собою заговоръ мѣшать движенію, весьма естественному, согласовать законъ съ потребностями новѣйшаго общества, съ духомъ времени; сознавая, что подавить этого движенія они не могутъ, они стараются по крайней мѣрѣ задерживать его. Съ тою же цѣлю классы вліятельныя поощряли въ народѣ эгоизмъ и стремленія къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Политика англійскаго правительства опредѣляется знаменитою фразою, негнрно приписываемою одному изъ великихъ государственныхъ людей Франціи: *собогащаются!*

И такъ Англія вся цѣлкою, очертя голову, бросилась въ торговые обороты и промышленныя предпріятія съ цѣлю обогащенія,—что очевидно увеличило значительно ея общественное богатство, но за то понизило уровень общественной нравственности.

Примѣръ подавали, впрочемъ, высшіе слои общества. Меньшіе сыновья лордовъ, обездоленные въ наслѣдственномъ ниществе правомъ

старшинства, пустились въ торговлю; въ аличности жъ наживѣ они не уступали людямъ прочихъ сословій. И въ настоящее время всё, отъ большаго до малаго, вся нація занята, озабочена одною мыслию, однимъ стремленіемъ: приобретать деньги, приобретать ихъ какъ можно болѣе, не останавливаясь ни передъ чѣмъ!

Что же касается неделikatности въ отношеніи коммерческихъ, не деликатности, порожденной этою ненавистною жаждою къ приобретению, то нѣтъ надежды, чтобы она прекратилась при отсутствіи законовъ покровительственныхъ и обуздывающихъ во-первыхъ, а также и при условіи той взаимной снисходительности, которою отличается англійское общество и которая явилась вслѣдствіе того именно, что каждый въ этой странѣ торгуетъ непременно чѣмъ нибудь.

По большей части, англичанинъ не протестуетъ и молчитъ, если его эксплуатируютъ, не потому, чтобы онъ не замѣчалъ этой эксплуатаціи, а просто потому, что самъ нарвится эксплуатировать всѣхъ и каждого.

Людей же, не занимающихся коммерческими или промышленными предпріятіями, очень мало въ Англии, и къ тому же всё они по большей части такъ богаты и пользуются такими привилегіями, что вынуждены молчать и позволять понемножку обваровывать себя, чтобы хотя отчасти загладить несправедливость судьбы, распредѣлившей такъ несоразмѣрно богатства.

Что за дѣло, спрашиваю я васъ, владѣльцамъ цѣлыхъ провинцій, владѣльцамъ цѣлыхъ кварталовъ въ Лондонѣ, что поставщики ихъ повысятъ цѣны на свои товары на 30 или на 40%? Имѣя нѣсколько миліоновъ дохода, часть его, предназначаемая для необходимыхъ расходовъ, относительно всей суммы его всегда очень мала, даже если ее увеличить вдвое.

Я вамъ уже говорилъ, да и вы сами можете видѣть изъ моихъ описаній коммерческихъ нравовъ и обычаевъ Англии, что безнаказанность, которая слишкомъ часто выпадаетъ на долю виновныхъ, придаетъ страшную смѣлость безчестнымъ людямъ для совершенія разныхъ преступныхъ дѣлъ. Въ письмѣ, гдѣ я говорилъ объ англійскомъ правосудіи, вы могли видѣть, до какой степени ихъ законодательство недостаточно и на сколько необходимы коренныя реформы въ немъ; стало быть, я не буду останавливаться на этомъ предметѣ и скажу только, что честные люди, которые все-таки есть въ Англии, рѣдко осмѣливаются преслѣдовать путемъ закона безчестныхъ поставщиковъ, потому что въ большинствѣ случаевъ судъ оставляетъ ихъ безнаказанными, и бывали при-

иъры, что эти мошенники начинали тогда сами процессы противъ своихъ жертвъ за диффамацию ихъ.

Приведу еще одинъ фактъ, какъ наглядное доказательство возмутительной снисходительности англійскаго суда къ этимъ наглымъ грабителямъ.

Годъ или два тому назадъ, оставовки работъ въ каменноугольныхъ копяхъ подняли цѣну на уголь на 100%; рекламы начали являться ежедневно въ страшномъ изобиліи! Каждый угольный торговецъ объявляетъ, что онъ продаетъ свой товаръ нѣсколькими шиллингами дешевле своего сосѣда! Одинъ потребитель, увлекшись соблазнительными обѣщаніями, купилъ двѣ тонны угля; когда товаръ былъ доставленъ ему, онъ скоро замѣтилъ, что углей въ немъ на-половину, остальную же часть составляютъ обломки сланца и вычерненныхъ камней. Онъ вызвалъ торговца въ окружный судъ; судья, освидѣтельствовавъ товаръ, призналъ дѣйствительно его плохимъ; но такъ какъ, говоритъ онъ, въ объявленіи купца было напечатано: our best Wallsend, т. е. нашъ лучший уольсендскій уголь, то онъ не можетъ быть обвиненъ въ нарушеніи своего обязательства, заключавшагося въ доставленіи не хорошаго угля, а лучшаго изъ находящагося въ его магазинѣ. Замѣчательное разсужденіе! И это искусное оправданіе мошенника промзнесъ потомокъ одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя!

Журналы безпрестанно жалуются, что слѣдствія насчетъ пожаровъ производятся слишкомъ слабо; жалобы эти очень основательны, такъ какъ множество пожаровъ не имѣютъ другой причины, какъ желаніе воспользоваться выгоднымъ застрахованіемъ; но страховыя общества, заинтересованныя наиболѣе въ этомъ дѣлѣ, закрываютъ глаза и не принимаютъ никакихъ преслѣдованій противъ этихъ злоумышленниковъ, боясь, что каждый процессъ можетъ имѣть скорѣе плачевныя, чѣмъ выгодныя для нихъ послѣдствія. Для дополненія этого грустнаго и слишкомъ долгаго перечисленія преступленій и проступковъ, вызываемыхъ ненасытною жаждою золота, я долженъ сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, поднятомъ недавно членомъ парламента, г-мъ Плимсолемъ, — о вопросѣ, касающемся негодныхъ для плаванія кораблей (Unseaworthy ships)!

Случаи кораблекрушеній, повторяясь съ каждымъ годомъ все чаще и чаще, возбудили общественное вниманіе, и въ обществѣ поднялся вопросъ: достаточно ли офиціальныхъ слѣдствій, производимыхъ министерствомъ торговли (Board of Trade) о поведеніи экипажа и объ обстоятельствахъ, при которыхъ случилось кораблекрушеніе, и не слѣ-

дустъ ли обратить вниманіе на состояніе, въ которомъ находились корабли при отправленіи ихъ?

Были собраны свѣдѣнія, сдѣланы осмотры всѣхъ судовъ, находившихся въ англійскихъ портахъ и скоро, благодаря донесеніямъ, явившимся въ огромномъ количествѣ (такъ какъ всѣ эти разслѣдованія произвели сильное волненіе между моряками), пришли къ такому заключенію, что множество судохозяевъ были на столько безчеловѣчны и безсовѣстны, что не задумывались отправлять въ море корабли, негодные для плаванія, съ цѣлю нажить огромные барыши съ грузовъ, отправленныхъ на этихъ негодныхъ судахъ и застрахованныхъ въ суммѣ гораздо высшей ихъ настоящей цѣнности, не думая о томъ, что этимъ ужаснымъ промысломъ они не только обваровываютъ страховыя общества, но подвергаютъ вѣрной смерти несчастныхъ, вынужденныхъ, для поддержки своихъ семействъ, отправляться съ грузомъ, предназначеннымъ гнусными спекуляторами для потопленія.

Сопоставьте эти факты съ филантропическими деклараціями англичанъ въ пользу негровъ или дикарей Океаніи, и спросите себя: чему жевѣрить — словамъ или дѣйствіямъ?

Разумѣется, сильный, могущественный классъ судохозяевъ энергически протестовалъ противъ утвержденій г-на Плимсоля; но предостереженіе сдѣлано, мракъ, окружавшій этотъ вопросъ, отчасти прояснился, и правительство волей-неволей вынуждено будетъ имѣть болѣе строгій надзоръ за портами.

Одно официальное сообщеніе по этому предмету было уже сдѣлано. Хотя въ немъ высказывается явная оппозиція противъ всякаго вмѣшательства правительственной власти въ дѣло, однако объявлено, что изъ двухъ сотъ сорока кораблей, обревизованныхъ комиссіею, тридцать признаны ею неспособными къ плаванію. Одинъ на восемь приходится стоить негодный! И это при всѣхъ снисхожденіяхъ правительства, которыя оно вынуждено дѣлать, встрѣчая очень часто посредникомъ между собою и виновнымъ какого нибудь вліятельнаго члена парламента, руководящагося извѣстными политическими соображеніями, и члена того большинства, безъ котораго существованіе отвѣтственнаго министерства было бы немислимо!

ПИСЬМО X.

Английская пресса.—Митинги.

Во всемъ, что касается того, что принято называть прессой; англичане стоять, нужно сознаться, выше насъ.

Смотря съ точки зрѣнія политической, приходится удивляться тому спокойствію и той воздержности, съ которыми английскіе журналисты пользуются своею свободою слова; васъ особенно поражаетъ въ этой прессѣ то, что она дѣйствительно успѣла сдѣлаться органомъ общественнаго мнѣнія; что она съ необыкновеннымъ тактомъ выполняетъ свою миссію, и что, нападая на правительство, она дѣлаетъ это въ виду дѣйствительно общаго блага, но никакъ не для удовлетворенія какихъ нибудь тщеславныхъ стремленій. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, чтобы английское правительство было совсѣмъ безоружно и не имѣло-бы во своемъ распоряженіи репрессивныхъ мѣръ. Свобода печати въ Англии заключается гораздо болѣе въ правахъ націи, чѣмъ въ буквѣ закона, а журналы приобрѣли значеніе, которое занимаютъ въ политической жизни Англии, своею ужѣренностью и тактомъ.

Различныя правительства, слѣдовавшія одно за другимъ у нашихъ сосѣдей въ теченіе двухъ вѣковъ, разумѣется, не всѣ благопріятствовали эмансипаціи прессы.

При Вильгельмѣ Оранскомъ печать была подчинена цензурѣ; освобожденная отъ нея въ началѣ царствованія королевы Анны, она опять подверглась преслѣдованіямъ во времена министерства Болингброка, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что знаменитый авторъ Робинсона Крузоэ Даниель Фокъ, былъ привязанъ къ столбу въ Тамплъ баръ за вольности въ печати. Два первые принца изъ Брауншвейгъ-Ганноверскаго дома благопріятствовали ей; но въ эпоху Американской войны и во время

французской революціи Георгъ III началъ ее опять преслѣдовать. И даже въ настоящее время печать въ Великобританіи пользуется свободою лишь подѣ условіемъ не выходить изъ предѣловъ воздержанности и умѣренности. Такъ, въ Ирландіи, со времени распространенія феѳіанизма, журналы подчинены, какъ въ настоящее время печать во Франціи, военному закону, дозволяющему однимъ почеркомъ пера прекращать ихъ въ ту минуту, когда правительство признаетъ себя въ опасности.

Но слѣдуетъ замѣтить, что печать рѣдко подаетъ поводъ власти прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ. Не думайте, впрочемъ, чтобы страхъ репрессивныхъ мѣръ сдѣлалъ прессу тѣмъ, чѣмъ она есть въ настоящее время.

Въ Англіи журналы, какъ нашъ «*Varrel*» или публикаціи въ родѣ «*Lanterne*», были-бы немислимы и, во всякомъ случаѣ, читателей они-бы не нашли. Въ настоящее время въ Лондонѣ издается журналъ «*the Englishman*», подѣ редакцію доктора Кенилли, очень талантливаго адвоката, но который, потерявши голову съ процесса Тигборна, гдѣ онъ участвовалъ въ качествѣ защитника Клемана, принялся извергать въ этомъ листкѣ разныя клеветы и оскорбленія противъ судей и правительства; я не скажу, чтобы эта газета не имѣла читателей; докторъ Кенилли имѣетъ даже довольно сильную партію, избравшую его депутатомъ въ парламентъ; но тамъ, въ этомъ парламентѣ онъ остается изолированнымъ, и передовые люди изъ членовъ палаты первые протестовали противъ рѣзкаго тона и направленія его журнала. Сверхъ того, англійское судебное сословіе, столь заботящееся о своемъ достоинствѣ, не задумалось исключить его изъ своихъ списковъ, считая человека, столь рѣзкаго и грубаго, недостойнымъ принадлежать въ такому почтенному званію! Изъ этого вы можете видѣть, что нація сама относится враждебно къ злоупотребленіямъ печати; слѣдовательно правительство не имѣетъ надобности вмѣшиваться тамъ, гдѣ общественное мнѣніе само осуждаетъ!

Что же касается нападенія журналистовъ другъ на друга, этихъ безпрерывныхъ личностей между писателями, которыя такъ скучны для читателей, то здѣсь, по большей части, они дѣлаютъ обоеихъ антогонистовъ предметомъ насмѣшки и общественнаго презрѣнія, и потому этихъ полемикъ почти не встрѣчается въ англійскихъ журналахъ.

Впрочемъ онѣ не такъ удобны, какъ у насъ, еще вслѣдствіе того, что статьи печатаются по большей части безъ подписи имени автора, что однако-же не имѣаетъ, чтобы эти авторы были извѣстны. Печать въ Англіи вообще очень уважается, и очень многія изъ свѣтилъ политиче-

скаго міра были обязаны своимъ высокимъ положеніемъ своему перу журналиста; но обычай не подписывать своего имени подъ статьями ставить автора въ болѣе независимое положеніе относительно читателей, которые, съ своей стороны, могутъ свободнѣе оцѣнивать литературный трудъ по его собственному достоинству, а не по имени автора.

Нужно-ли говорить, насколько англійскіе журналы выше нашихъ, какъ относительно редакціи, такъ относительно точности и разнообразій свѣдѣній, сообщаемыхъ ими. «Times» — это одна изъ самыхъ большихъ и наиболѣе извѣстныхъ европейскихъ газетъ. Это не газета, а родъ ежедневной энциклопедіи! Какъ сравнить съ наилучшими французскими газетами это огромное изданіе, на каждой страницѣ котораго находится по 1,200 строкъ, а на всѣхъ страницахъ отъ 5 до 6,000 строкъ, не считая двухъ большихъ листовъ, покрытыхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ объявленіями и свѣдѣніями всякаго рода?

Самыя изданія Daily News, Daily Telegraph, Standard, Hour, Pall Mall, будучи меньше на половину «Times», могутъ назваться огромными сравнительно съ нашими бѣдными французскими газетами, всегда дурно напечатанными, на скверной бумагѣ, и, въ дополненіе, сообщающими всегда ложныя извѣстія и неизбѣжными понятія о томъ, что происходитъ за границею.

Разумѣется, говоря это, я не имѣю намѣренія опровергать достоинства французскихъ писателей. Имена Арманъ Барелли, Мара, Тьера, Жирардена, Вальо, Дреолли и проч. не допускаютъ сомнѣній въ талантливости нашихъ журналистовъ политическаго отдѣла. Въ нашихъ газетахъ такъ называемыя передовыя статьи не уступаютъ передовымъ статьямъ англійскихъ газетъ, хотя духъ, столь различный, столь противоположный обоимъ народамъ, высказывается въ нихъ вполне. Тамъ, гдѣ наши политическіе писатели съ живостью, свойственной французскому характеру и подъ вліяніемъ непрерывныхъ волненій, обурывающихъ нашу страну, съ увлеченіемъ и горячо обсуждаютъ вопросы, англійскіе журналисты, напротивъ, оставаясь вѣрны своему методическому хладнокровному темпераменту и подчиняясь невольнo вліянію спокойной среды, въ которой они живутъ, разсуждаютъ обо всемъ холодно, приводя доказательство за доказательствомъ, можетъ быть слишкомъ растягиваютъ свои статьи, но за то придаютъ имъ страшную силу неоспоримой логики.

Англійская печать и въ томъ отношеніи выше нашей, что она знаетъ не только то, что дѣлается въ Европѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

Каждый день, дѣйствительно, англійскіе журналы, помимо телеграммъ,

присланныхъ каждому изъ нихъ спеціальными компаніями, какъ агентство Рейтеръ, получаютъ еще частныя денеши, сообщающія имъ всё событія, сколько нибудь замѣчательныя во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Сверхъ того, они получаютъ корреспонденціи изъ всѣхъ столицъ міра, гдѣ они постоянно содержатъ своихъ агентовъ, обязанныхъ сообщать журналу, котораго они суть представители, наискорѣйшимъ образомъ всѣ литературныя новости и даже свѣтскія хроника, могущія представлять какой нибудь интересъ для читателя.

Я не беру съ собою судить о точности извѣстій, получаемыхъ изъ Испаніи, Китая или Америки; но я очень часто имѣлъ случай убѣдиться, что лондонскія газеты извѣщаютъ обо всемъ, происходящемъ въ Парижѣ, съ тою же точностію, какъ любой изъ парижскихъ журналовъ.

Если важныхъ событій нѣтъ, то корреспонденціи наполнены описаніями нашихъ привычекъ и нравовъ. Глубокое знаніе Парижа и всей Франціи корреспондентовъ «Times» и «Daily News» привело меня въ изумленіе. Дѣйствительно, ихъ можно упрекнуть въ слишкомъ строгой критикѣ обычаевъ и характера иностранныхъ народовъ, но, тѣмъ не менѣе, трудно не признать въ ней, въ этой немилосердной критикѣ большой наблюдательности, что дѣлаетъ весьма интереснымъ и, вѣстѣ съ тѣмъ, неучетливымъ чтеніе ежедневныхъ англійскихъ изданій. Въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ французскихъ журналовъ не можетъ соперничать съ англійскими.

Вы скажете, что для такой организаціи журналовъ нужны значительныя капиталы. Но эти капиталы доставляютъ англійскимъ журналамъ объявленія и рекламы.

Мы не можемъ составить себѣ понятія во Франціи о силѣ и значеніи рекламы въ Англии. Онѣ являютъ во всѣхъ формахъ, во всѣхъ мѣстахъ, во всё время дня и ночи; онѣ преслѣдуютъ васъ на тротуарѣ; вы видите ихъ на стѣнахъ вокзала, цвѣтъ которыхъ исчезаетъ подъ ними, на стѣнкахъ omnibusовъ, внутри кэбовъ, въ вагонахъ, однимъ словомъ вы теряете ихъ изъ вида только входя въ ваше помѣщеніе.

Въ «Times» рекламы и объявленія занимаютъ четыре огромныхъ страницъ, въ прочихъ же газетахъ—двѣ страницы самой мелкой печати.— Среднимъ числомъ въ «Times» печатается ежедневно до тысячи объявленій. Англичанинъ, нуждающійся въ лавкѣ, коммѣ, компаньонѣ или спутникѣ для путешествія; лавкѣ, желающій получить мѣсто, домовладѣлецъ, ищущій покупателя на домъ, или содержатель квартиры, желающій отдать въ наймъ комнату; желѣзнодорожныя компаніи, страхо-

вня общества, желающія что нибудь сообщить своимъ акціонерамъ, — всё прибѣгаютъ къ столбцамъ газетъ.

Парижане, вѣроятно, помнятъ, съ какою радостью, во время осады города, они получили, благодаря стараніямъ Уэббурна, министра Соединенныхъ Штатовъ, обрывокъ «Times», заключающій въ себѣ извѣстія отъ своихъ отсутствующихъ соотечественниковъ. Эта манера переноситься черезъ посредство журналовъ весьма обыкновенна въ Англіи, хотя придумана она не англичанами; первая идея ея принадлежитъ Рендону Баезъ, основателю журнала «Petites Affiches», въ царствованіе Людовика XIII.

Англичане ею воспользовались, и теперь, черезъ посредство журналовъ, обдѣлываютъ свои частныя дѣла; между этими объявленіями вы найдете и любовныя переписки, и увѣдомленіе о бракахъ, рожденіи, смерти и т. д.

Итакъ вы видите, что наши французскіе журналы могутъ сравняться съ англійскими только тогда, когда публика будетъ ими пользоваться, какъ это дѣлается въ Англіи. Англичанинъ читаетъ много. Онъ любитъ наблюдать и учиться, и охотно убагаетъ свѣта. Кроме всего того, что собственно носитъ названіе газетъ или такъ называемыхъ ежедневныхъ наданій, въ Англіи существуетъ множество специальныхъ обзоршій, касающихся земледѣлія, охоты, спорта, а также огромное количество разныхъ литературныхъ сборниковъ, болѣе или менѣе иллюстрированныхъ, называемыхъ «Magazines». Есть наконецъ множество комическихъ журналовъ, какъ то: «Punch», «Figaro», «Fun», «Judy», «Vatiny Fair». И нужно отдать справедливость англичанамъ, что ихъ каррикатуры, хотя и слабы по исполненію, но полны смѣра и остроумія. Впрочемъ, этому способствуетъ полнѣйшая свобода, которою пользуются этого рода изданія. Люди политическіе, состоятъ-ли они членами правительства или нѣтъ, узнавая себя очень часто въ этихъ каррикатурахъ, ни мало не оскорбляются критикою, обращенною на нихъ.

Но нужно отдать справедливость каррикатуристамъ: они никогда не касаются частнаго человѣка и шутку свою никогда не доводятъ до оскорбленія личности. Иногда эпитафия жѣстче анше министровъ, но будьте увѣрены, уваженіе, которое каждый англичанинъ показываетъ къ особамъ королевской фамилии, помѣшаетъ артисту выйти изъ границъ приличія.

Теперь, когда я вамъ показалъ превосходство англичанъ передъ нами во всемъ, что касается печати, я вамъ укажу, какими образомъ наши сосѣди дошли до того, чтобы пользоваться свободою, которая у

насъ была причиною столькихъ несчастій. Дѣло въ томъ, что они воспринимались не такъ какъ мы, въ несчастной школѣ революціи, въ которой всегда говорятъ о правахъ человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не говорятъ ему, этому человѣку, ни слова о его обязанностяхъ.

Англичане, какъ они ни роживо относятся къ своимъ, такъ называемымъ вольностямъ, тѣмъ не менѣе, признаютъ необходимымъ подчиняться законамъ іерархіи, дисциплины и преклоняться передъ традиціями. Имъ нѣтъ вѣщаешь злоупотреблять правами чувство долга, и это чувство спасло Англію отъ всѣхъ тѣхъ бурь, которыя потрясаютъ Францію около столѣтія.

Напрасно французы будутъ оправдываться, что если они и злоупотребляютъ свободою, то это потому, что они никогда не имѣли возможности научиться пользоваться ею. Мы требовали всѣхъ вольностей и всѣ онѣ были даны намъ. Но какъ же мы ими воспользовались? Спросите это у Маратовъ, Камилль де Муленовъ, де Леклюзовъ и у Рошфоровъ! Не оскорбляли-ли они всего того, что должны были уважать? Не они-ли подстрекали массы къ сентябрьской рѣзнѣ, къ убійствамъ 1798 года, къ кровавымъ сценамъ въ іюнѣ 1848 года и въ мартѣ 1871 года? Оставили-ли они своимъ противникамъ право пользоваться тѣми вольностями, которыхъ они сдѣлали себя апостолами? Дантоны, Геберты, Робеспьеры, эти ярые ораторы клубовъ, не имѣли-ли они обыкновенія посылать на эшафотъ всѣхъ тѣхъ, чьи мнѣнія не согласовались съ ихъ мнѣніями? Не уничтожили-ли они сами другъ друга?

Но не этимъ только мы доказали, что не достойны имѣть тѣ вольности и права, которыми пользуется съ такимъ достоинствомъ народъ англійскій. — Вспомните, что происходило въ Англіи въ тотъ день, когда послѣ Сольферино, англичане пришли къ заключенію, что имъ угрожаетъ опасность со стороны Франціи! — Триста тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, старые и молодые, богатые и бѣдные, вооружившись и экипировавшись на свой счетъ, предложили свои услуги правительству и отдались въ его распоряженію. И что-же? — Это великое патріотическое движеніе не послужило поводомъ ни къ какимъ беспорядкамъ. Ничего, опасность миновала, но волонтеры продолжаютъ существовать; не смотря на очевидные недостатки подобнаго учрежденія, это ополченіе можетъ быть призвано во всякое время для службъ отечеству! И знайте, что правительство никогда не имѣло причинъ опасаться этой массы вооруженныхъ людей, такъ какъ ни одному человѣку изъ этихъ трехъ сотъ тысячъ людей не приходило въ

голове, ни на одну минуту мысль, что оружіе, взятое имъ въ руки для защиты отечества, находившагося въ опасности, онъ можетъ когда нибудь обратить противъ своего правительства.

Мы также имѣли національную гвардію, имѣли волонтеровъ. — И что-же? — Марсельскія банды, прибѣжавшія въ Парижъ на крикъ: *«отечество въ опасности»*, сдѣлали первое употребленіе изъ своего оружія, отправившись громить Тюльери и убивать швейцарцевъ, оставшихся вѣрными престолу; тѣ-же, для того гг. Гарнье Пажэ, Жюль Фавръ и Пикаръ требовали оружія, послѣ несчастной Рейсгофенской битвы, отказались употребить его противъ пруссаковъ, осаждавшихъ Парижъ, и обратили его противъ національной гвардіи, возвратившейся изъ плѣна.

И потому сторонники вольностей во Франціи всегда первые вставали противъ нихъ и уничтожали ихъ, успѣвши захватить власть въ свои руки, если только политическая страсть не ослабляла ихъ до того, чтобы сдѣлаться соучастниками анархіи!

Но я пройду молчаливѣе все, что есть ташолаго и грустнаго для чувства патриотизма въ нашемъ неразумномъ прошломъ, и возвращусь къ моему предмету.

Не знаю, говорилъ ли я вамъ гдѣ либо о той значительной долѣ участія, которое принимала англійская публича въ изданіи газетъ.

Настоящія ораторскія трибуны, англійскіе листки, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, помѣщаятъ на своихъ столбцахъ почти всѣ письма, въ нихъ адресуемыя и въ которыхъ трактуется о вопросахъ дня, лишь бы содержаніе ихъ было интересно и они были бы написаны общепринятымъ языкомъ. Идетъ ли дѣло о пожарѣ или о кораблекрушеніи, о вопросѣ политики или какой нибудь религіозной распрѣ, о новомъ изобрѣтеніи или проектѣ общественной полезности: вы можете быть увѣрены найти въ газетахъ многочисленные корреспонденціи касательно того, что наши сосѣди называютъ *the topic of the day*, — корреспонденціи, въ которыхъ случайные писатели, отвѣдая за нихъ противъ, любезно предлагаютъ содѣйствіе своего знанія и опыта. Имъ нѣтъ надобности говорить вамъ о хорошихъ сторонахъ этого обычая. Онъ способствовалъ тому, чтобы сдѣлать изъ прессы дѣйствительный органъ общественнаго мнѣнія; онъ доказываетъ, какъ правосудно умѣютъ пользоваться англичане своими политическими преимуществами.

Что происходитъ относительно права общественныхъ сборницъ — еще болѣе заслуживаетъ вниманія. Вамъ извѣстно, какое значеніе имѣтъ

митинги англичанъ! Привычка собираться вмѣстѣ на столько вкоренилась въ нравы, что въ Лондонѣ не проходитъ ни одного дня безъ митинга. Но не думайте, что на нихъ разсуждаютъ только о политикѣ. Вопросы относительно заработной платы и налоговъ, вопросы религиозные или мѣстные, какъ наприимѣръ, о цѣнѣ на газъ или на уголь, необходимость такихъ-то и такихъ-то перемѣнъ, касающагося мѣщенія или освѣщенія улицъ:—все это служитъ часто поводомъ къ митингамъ, на которыхъ присутствуетъ всегда значительное число людей. Не слѣдуетъ забывать также и собраній по инициативѣ женщинъ, съ цѣлю добиться для своего пола права избирательнаго голоса, равно какъ и тѣхъ, на которыхъ лже-Тичборнъ призывалъ къ посылному пожертвованію людей, убѣжденныхъ въ правотѣ его дѣла.

Запомнимъ кстати, что всякое собраніе въ Англіи получаетъ потому особый, специально ему присущій характеръ, что никогда, буквально никогда, митингъ не устраивается, не имѣя во главѣ своей какого нибудь лорда или члена парламента, или, наконецъ, какой нибудь особы, имѣющей въ графствѣ или округѣ важное значеніе.

Когда Франціи было дано право свободныхъ собраній, кто же имъ пользовался?—Площадные ораторы, обычные посѣтители трактировъ, адвокаты, лишенные права защиты, непризнанные честолюбцы, однимъ словомъ все несправимые революціонеры, которымъ смелость правительства придаетъ еще больше смѣлости, вмѣсто того, чтобы ихъ обезоруживать, и которые естественно говорятъ языкомъ ненависти и жесты противъ общества, ихъ отторгнувшаго! И можетъ ли быть, впрочемъ, иначе, когда, вмѣстѣ того, чтобы подражать Англіи, гдѣ аристократія никогда не удаляется отъ предметовъ, имѣющихъ общественный интересъ, у насъ, напротивъ, такъ называемые руководящіе классы относятся съ пренебреженіемъ къ подобнымъ собраніямъ, и, какъ кажется, не имѣютъ достаточно мужества, чтобы принять въ нихъ активное участіе.

Почему же во Франціи родовая аристократія, равно какъ и денежная, какъ та, такъ и другая, служащая представителями консервативнаго элемента, почему же онѣ стоятъ, такимъ образомъ, внѣ общественной жизни? Не есть ли странная нелѣпность предоставлять однимъ бунтовщикамъ пользоваться правами, даруемыми одинаково всемъ закономъ, который вотируется консервативнымъ большинствомъ нашихъ законодательныхъ собраній?

Независимо отъ права сходокъ, предоставляющихъ свободу собираться всемъ для обсужденія такого или другаго общественнаго, эконо-

монического, религиознаго или политическаго вопроса, или иныящихъ часто цѣлю познакомить государственнаго человѣка съ его избирателями, англійскій народъ имѣетъ еще право обращаться, въ полномъ своемъ составѣ, къ парламенту съ своими желаніями и просьбами. — Это въ сущности то же, что у насъ, во Франціи, называется правомъ петицій — съ тѣмъ только разницею, что наши законодатели, опасаясь, не безъ основанія, буйнаго характера нашего народа, обусловили это право формой письменныхъ прошеній, скрѣпленныхъ подписью всѣхъ тѣхъ, которые его поддерживаютъ.

Въ Англии часто народъ огромною толпою идетъ въ парламентъ. Весьма любопытенъ тотъ образъ дѣйствій, который эта нація прилагаетъ для пользованія своимъ правомъ. Четыре года тому назадъ, я очутился случайно при такой народной манифестаціи, и долженъ сказать, что былъ чрезвычайно пораженъ, представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Это было во время Коммуны.

Не прошло еще двухъ или трехъ дней по моемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, я пробѣгалъ изъ любопытства этотъ безконечный городъ и направлялся къ Вестминстерскому аббатству, желая взглянуть на него. — Дойдя до Вайт-Галля, я былъ пораженъ оживленіемъ парламентской улицы: громадная толпа направлялась къ парламенту и на улицахъ толпились сильныя отряды полиціеменовъ. «Чортъ возьми, сказала я самъ себѣ, неужели я оставилъ мятежный Парижъ для того, чтобы попасть въ омутъ англійской революціи? Вотъ и полиціемены, видъ которыхъ разительно напоминаетъ нашихъ городскихъ сержантовъ; а затѣмъ вотъ кругомъ и скопище лицъ, не обѣщающихъ ничего хорошаго!»

Чѣмъ болѣе я приближался къ Вестминстеру, тѣмъ гуще становилась толпа, но тѣмъ болѣе видъ ея приводилъ меня въ изумленіе. Вокругъ зданія парламента скупилось по крайней мѣрѣ 30 или 40,000 человѣкъ, женщины въ лохмотьяхъ, мужчины въ рубищахъ, босоногихъ дѣтей, къ которымъ естественно присоединилось большое количество уличныхъ зѣвакъ и праздныхъ наблюдателей. Весь этотъ народъ стоялъ на троттуарахъ тѣсною толпою, сдерживаемый полиціеменами, вооруженными своими короткими дубинками (truncheon) и энергически сдерживавшимися.

Кое-гдѣ были водружены флаги, и, что меня крайне удивляло, до моего слуха долетали очень явственно звуки оркестра. Привыкъ вамъ, я былъ сильно заинтересованъ. Разстояніе, въ которомъ я находился отъ флаговъ, мѣшало мнѣ разобрать покрывавшія ихъ надписи, — какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ человѣкъ и сунулъ мнѣ въ руку родъ

воззванія, разсѣявшаго всѣ мои недоумѣнія. Вотъ что заключала въ себѣ коданная мнѣ бумага.

«Налогъ на спички.»

Всѣ вы, равно какъ и дѣти ваши, обречены на голодную смерть!

«Мужчины, женщины, отцы, матери, сестры, братья, соединитесь всѣ въ одной большой манифестаціи, и покажите, что вы рождены англичанами не для того, чтобы васъ попирали ногами. Налогъ на спички убоить промышленность восточныхъ кварталовъ Лондона и нищета, уже теперь столь ужасная, сдѣлается еще въ десять разъ больше!

«Неужели вы будете это терпѣть?

«Соберитесь сегодня же, въ понедѣльникъ, 24 апрѣля 1871 г. въ часъ пополудни у Бауенскаго вокзала.

«Стекайтесь тысячами по направленію къ Вестминстеру. Сдѣлайте, такимъ образомъ, націи извѣстнымъ вредъ, который ей хотять причинить.

«Приглашены три оркестра»¹⁾.

Дѣло шло, какъ видите, о налогѣ, которымъ правительство хотѣло обложить спичечную фабрицію. Всѣ несчастные рабочіе, живущіе этою промышленностію, взволновались при этомъ извѣстіи, и захотѣли подкрѣпить своєю манифестаціею тѣхъ членовъ парламента, которые противились этой фискальной мѣрѣ. Время отъ времени въ этой страшной толпѣ раздавались восклицанія различнаго свойства.

Когда къ Вестминстеру подъѣзжалъ экипажъ члена парламента, благородный лордъ, сидѣвшій въ немъ, былъ привѣтствуемъ громкимъ ропотомъ и учащенными восклицаніями hiss! hiss! Напротивъ того,

¹⁾ Tax on Matches.

Starvation before you and your children. Men, women, fathers, mothers brothers, sisters, unite in a grand demonstration, and Show that you are English born and not to be trampled upon. The tax on matches will drive the trade from the East of London, and the present fearful distress will be increased tenfold.

Will you endure this?

Meet to day, moday, april the 24-th 1871, at 12 o'clock at the Bow Railway Station,—Come by thousands and walk to Westminster, and let the nation Know the wrong that is going to be dane.

Tree bands are engaged.

энергическія ура встрѣчали разукрашенныя кареты спичечныхъ фабрикантовъ, которыхъ популярность, естественно, была въ этотъ день очень велика.

Вообще же порядокъ не былъ нарушенъ, и правительство взяло свой проектъ назадъ.

Но я долженъ сказать, что дѣла кончатся не всегда такимъ мирнымъ путемъ. Дорога, ведущая къ Вестминстеру, бывала часто покрыта кровью, рѣшетки парка зачастую разломаны; но допустите-же 30,000 французовъ держать митингъ въ Елисейскихъ поляхъ или позвольте имъ массою идти въ собраніе требовать удаленія той или другой непопулярной мѣры, и вы увидите что двери палаты будутъ выломаны, комнаты засѣданій наполнены народомъ, пренія остановлены, и, можетъ быть, сами представители будутъ подвергнуты оскорбленіямъ и затѣмъ выгнаны!....

Развѣ всѣ наши манифестаціи не кончались такимъ образомъ?

ПИСЬМО XI

Похороны.

Безъ сомнѣнiя, предметъ, о которомъ я съ вами буду сегодня бесѣдовать, покажется вамъ нѣсколько скучнымъ. Но такъ какъ мое нагѣрнiе было—дать вамъ понятiе о большинствѣ англiйскихъ обычаевъ, то я подумалъ, что мнѣ невозможно пройти молчанiемъ обрядъ погребенiя у нашихъ сосѣдей.

Впрочемъ, вы увидите, если у васъ хватитъ мужества дочитать до конца это письмо, что, благодаря нѣкоторымъ своеобразнымъ обычаямъ нѣкоторыхъ укorenившихся, болѣе или менѣе страннымъ формальностямъ, самый обрядъ этотъ имѣетъ свои забавныя стороны, что казалось бы трудно допустить сначала.

Совершенно противно нашему обычаю, въ Англiи существуетъ обыкновенiе приступать къ погребенiю не ранѣе какъ спустя семь или восемь дней послѣ смерти. Умершаго, снаряженнаго въ дальнiй путь, кладутъ на постель, гдѣ онъ испустилъ свой послѣднiй вздохъ. Потомъ дверь комнаты запираютъ на ключъ, и каждый изъ членовъ семейства принимается за свои обыкновенныя занятiя до самаго дня церемонiи, на которую обыкновенно приглашаютъ какъ можно меньше народу, и это по двумъ причинамъ: во первыхъ, англiчанинъ считаетъ потерянною каждую минуту, отнятую у его дѣла и потому не любитъ быть отъ нихъ отвлекаемъ чѣмъ либо; во вторыхъ, всякая церемонiя, веселая или грустная: балъ, свадьба или погребенiе, одинаково должна въ себѣ заключать программу угощенiя; вслѣдствiе этого многiе, въ виду неизбѣжныхъ расходовъ, которые влечетъ за собою большое сборище друзей и знакомыхъ, нуждающихся въ поддержанiи силъ для того, что-

бы выразить волнующія ихъ чувства, всячески стараются объ уменьшеніи числа званныхъ.

Однако, англійскія похороны представляютъ дѣйствительно любопытное зрѣлище. Вы являетесь въ домъ покойника въ черномъ съ головы до ногъ; затѣмъ вы стараетесь придать своему лицу разстроенный видъ, выраженіе наиболѣе гармонирующее съ грустью, ощущаемою отцомъ, мужемъ или сыномъ, которыхъ вы только что пожали руки. Вздволнованнымъ голосомъ вы произносите свое слово сочувствія и сожалѣнія, и ожидаете сообразно съ нимъ отвѣта. Взамѣнъ того, въ вашему большому удивленію, самый близкій родственникъ усопшаго, спокойно и съ улыбкою на губахъ, вдругъ предлагаетъ стаканъ портвейна или стаканъ хереса.

Тѣмъ временемъ, религіозный обрядъ совершается въ комнатѣ, куда поставили гробъ; затѣмъ начинается раздача черныхъ, шелковыхъ шарфовъ, долженствующихъ быть прикрѣпленными къ шляпамъ приглашенныхъ лицъ, и заботливо сохраняемыхъ послѣдними, тамъ какъ вообще эти шарфы всегда дѣлаются изъ хорошей матеріи. На другой день изъ нихъ можно нашить прекрасныхъ галстуховъ.

Вамъ, можетъ быть, случалось видѣть, въ какомъ нибудь иллюстрированномъ журналѣ, изображеніе англійскихъ погребальныхъ дрогъ, въ видѣ длиннаго прямоугольнаго ящика, украшеннаго въ случаѣ пышныхъ похоронъ, десяткомъ черныхъ султановъ. Поэтому, я вамъ ихъ не буду описывать. Какъ только гробъ помѣстятъ внутри этого тяжелаго экипажа, кучеръ ударяетъ по лошади и рысью трогается съ мѣста въ сопровожденіи нѣсколькихъ траурныхъ каретъ съ неименно-численными, сидящими въ нихъ, особами, провожающими гробъ до самаго кладбища.

Когда проѣзжаетъ погребальная процессія, никому не приходитъ въ голову привѣтствовать величіе смерти въ лицѣ этого человѣческаго существа, котораго везутъ въ его послѣднее жилище. Какая разница съ трогательнымъ обычаемъ, господствующимъ у насъ, во Франціи: за гробомъ родственника или друга долго идутъ илькомъ, съ обнаженными головами. Что можетъ быть достойнѣе уваженія зрѣлища этихъ мужчинъ, благоговѣнно преклоняющихся передъ прохаживающими мимо нихъ останками; этихъ женщинъ, набожно дѣлающихъ знаменіе креста и шепчущихъ про себя краткую молитву за упокоеніе души, только только что оставившей тѣло!

Въ Англій нѣтъ ничего подобнаго. Никогда!—надо зарабатывать

деньги и дѣлать дѣло! Мертвые! — кто нѣтъ занимается, кромѣ гробовщиковъ и похоронныхъ поставщиковъ.

По опущеніи гроба въ могилу, кареты съ приглашенными возвращаются обратно въ домъ покойника, гдѣ уже главою семейства приготовлено обильное угощеніе.

Въ бывшее время, гдѣ нибудь въ деревнѣ, когда еще сообщенія были затруднительны, было совершенно въ порядкѣ вещей, что семейство усопшаго брало на себя заботу о немѣщеніи и прокормленіи тѣхъ лицъ, которыя проѣхали часто значительныя разстоянія, въ скверную погоду и по не безопаснымъ дорогамъ, для того, чтобы присутствовать на похоронахъ; но, въ Лондонѣ, когда большая часть приглашенныхъ живетъ не далѣе двухъ или трехъ миль отъ дома покойника, обычай ѣсть и пить, безъ нужды, при такихъ обстоятельствахъ, просто неприличенъ.

Я забылъ вамъ сказать, что обычай требуетъ, чтобы, по возвращеніи съ кладбища, было приведено въ извѣстность завѣщанію покойнаго. Если наследники люди холоднаго темперамента, то обыкновенно они сначала садятся за столъ, и въ чтенію приступаютъ лишь только за десертомъ; но чаще всего вскрываютъ will до обѣда, и случается, весьма естественно, что многіе при этомъ теряютъ аппетитъ; развѣ только, если обиденные родственники не предпочтутъ вознаградить себя за причиненную имъ обиду пріятными вкусной трапезы.

Я набросалъ вамъ въ общихъ чертахъ похороны богатаго класса. Потребеніе же бѣднаго въ Лондонѣ, какъ и вездѣ, весьма немногосложное: тутъ уже нѣтъ ни экипажей, ни нировъ, нѣтъ никого и позади колесницы, которую часто замѣняетъ простая извозничья карета, внутри которой ставятъ гробъ, если только не помѣстятъ его просто на просто рядомъ съ кучеромъ! Все это нисколько не возмущаетъ ни общественную совѣсть, ни правительственную власть, такъ какъ въ этой странѣ свободы или, скорѣе, равнодушія, доводимаго до крайности, власть старается какъ можно меньше во все вмѣшиваться. Самое объявленіе о смерти почти совсѣмъ произвольно. Не дѣлается никакого легальнаго удостовѣренія причинамъ, повлекшихъ за собою смерть, какъ это уже давно имѣетъ мѣсто во Франціи и Германіи, и сколько же за то драмъ, жестокостей и преступленій должно быть скрыто между четырьмя гробовыми досками!

Эта система невмѣшательства со стороны правительственной власти отериваетъ, вы понимаете, широкое поле корыстолюбію похоронныхъ поставщиковъ (funeral undertakers), число которыхъ доходитъ въ Лондонѣ болѣе чѣмъ до 1,200.

Между этии достойными промышленниками, конечно, найдется много безсовѣстныхъ людей, которые, за нѣсколько гной, не задумаются сдѣлаться сообщниками множества преступниковъ или даже преступлений, ускользающихъ, такимъ образомъ, отъ кары правосудія.

Недавно, въ Ветналь-Гринѣ, восточномъ лондонскомъ кварталѣ, случаю угодно было, благодаря любви къ сосѣду, обнаружить у одного изъ такихъ поставщиковъ въ гробу, несомненно большихъ размѣровъ, присутствіе женскаго и нѣсколькихъ дѣтскихъ труновъ. Что могли означать труны этихъ малютокъ съ женщиной, бывшею или совершенно чужою? Что заставило промышленника положить ихъ всѣхъ вмѣстѣ?—хотѣли ли просто соблюсти законимъ, удовольствовавшись однимъ гробомъ, и сбросить этии нутомъ жалкій кусокъ земли, или же надо было скрыть слѣды какого нибудь грязнаго преступленія, можетъ быть преступокъ какой нибудь павшей дѣвушки, доведенной до него безвыходнымъ положеніемъ и нищетомъ? никто ничего не узналъ достоверно. Торганшъ же получилъ отъ городского начальства только легкій выговоръ, и тѣмъ дѣло кончилось!

Допуская даже, что, давая послѣднее убѣжище оставкамъ бѣдныхъ дѣтей, родители которыхъ были сами не въ состояніи заплатить за погребеніе, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло;—такой ли благотворительности слѣдуетъ ожидать въ странѣ, столь кичащейся своею пресловутою свободою и громко заявляющей о правахъ человѣчества. Вы можете изъ этого видѣть, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ эгоистическій и меркантильный духъ, отличающій английскую націю. Мнѣ остается теперь только показать вамъ его конечную сторону.

Я уже вамъ говорилъ, что число похоронныхъ поставщиковъ въ Лондонѣ доходитъ отъ 1,000 до 1,200. Надо полагать, что эта промышленность весьма прибыльна, такъ какъ устройствомъ похоронъ и всего, къ нимъ относящагося, занимаются не только спеціальныя подрядчики, но также и большая часть обоинныхъ и небольныхъ дѣлъ мастеровъ, что часто подаютъ поводъ къ сценамъ весьма страннаго ствойства.

Вы останавливаетесь, напригѣрь, на большой улицѣ, передъ выставкою обойщика, гдѣ расположены продукты английской промышленности. Вы увидали нѣчто по вашему вкусу, и вы входите въ магазинъ. Купецъ принимаетъ васъ съ тѣмъ холоднымъ достоинствомъ, которое составляетъ отличный признакъ английской націи, и съ тѣмъ видомъ выспреннаго довольства самимъ собою, который столь свойственъ лондонскому лавочнику. Сдѣлавши покупку, вы направляетесь къ вы-

ходу, какъ вдругъ достойный торговецъ, съ заискивающимъ улыбкою на губахъ, преграждая вамъ путь, объявляетъ вамъ, что у него есть еще такая статья, которая, можетъ быть, введетъ васъ въ искушеніе. Довѣрчиво слѣдуете вы за нимъ, и вдругъ передъ вами очутился гробъ! Тутъ, не обращая уже ни малѣйшаго вниманія на то непріятное впечатлѣніе, которое могъ на васъ произвести видъ подобнаго ящика, онъ начинаетъ расхваливать передъ вами свою работу, вкусъ, съ которымъ подобраны цвѣта внутренней обивки къ дереву или къ матеріи съ наружной стороны, богатство украшеній и восхитительный эффектъ, который будутъ производить на его крышкѣ стальные гвоздики и доска, съ вырѣзанными на ней вашии иконами и титулами.

Мало того, онъ пойдетъ дальше: вооружится ярдомъ, сѣгритъ васъ вдоль и поперекъ, пригонитъ мѣрку къ размѣрамъ гроба, и станетъ убѣдительно вамъ доказывать, что вы сдѣлаете выгодное дѣльце (a bargain), купивши эту маленькую мебель, удовлетворяющую всѣмъ условіямъ прочности и комфорта. Даже и тутъ еще онъ не уговорится, а пригласитъ васъ влѣзть въ гробъ и на онѣмъ испробовать превосходство закладки. Разузнется, вы отвѣтите ему, что, въ настоящее время, вы не имѣете въ немъ надобности. Тогда онъ вамъ вручитъ свою карточку и свой price-list, прося вспомнить при случаѣ о его магазинѣ и отрекомендовать его вашимъ друзьямъ и знакомымъ; онъ прибавитъ, что беретъ на себя также доставку, и, если вамъ угодно будетъ, оставить ему мѣрку, то онъ можетъ, въ самый день вашей смерти, хотя бы то случилось и за границею, переслать вамъ гробъ, которымъ, безъ сомнѣнія, вы останетесь довольны.

Если онъ имѣетъ дѣло съ женщиною, то не преминетъ указать ей на достоинство и цвѣтъ внутренней шелковой обивки этой мебели, первой необходимости. Блондинкамъ онъ посоветуетъ взять гробъ, выложенный голубымъ бархатомъ, брюнеткамъ же—выставить на видъ, какъ удачно будетъ гармонировать съ цвѣтомъ ихъ волосъ ярко-красная матерія.

Не думайте, что бы все это было выдуманно мною для забавы. Поставщики гробовъ поощраютъ на выставку гроба всѣхъ размѣровъ, всѣхъ формъ и цвѣтъ, съ цѣлію привлечь прохожаго, такъ что, выходя отъ кондитора, прежде чѣмъ попасть къ модисткѣ или портному, судя по вашему полу, вамъ представляется возможность приторговать себѣ гробъ или памятникъ, и даже наглядно убѣдиться въ эффектѣ эпитафій, которую вамъ вздумается начертать на немъ, для напоминанія

вашимъ правнукамъ, что и вы нѣкогда прошли тоже въ этой грѣшной юдоли.

Не воображайте однакоже, что поставщикъ выполнитъ добросовѣстно свои обѣщанія и вы будете погребены такъ, какъ вы желали. Въ дѣйствительности, легко можетъ случиться то, чему я былъ самъ недавно очевидцемъ.

Великолѣпная колесница, вся изукрашенная султанами, запряженная четверкою лошадей въ богатыхъ понохахъ и съ головами, украшенными перьями, везла на кладбище одного счастливаго смертнаго. Вдругъ хлынулъ страшный ливень. Дороги остановились; факелщики сошли съ нихъ, приблизились къ лошадамъ, въ одинъ мигъ сняли съ нихъ все украшенія, также какъ и султаны съ колесницы и, отворивъ сзади дверку, свалили вмѣстѣ съ покойникомъ въ одну кучу, какъ понало, перья, султаны и покрывала.

Признаюсь, это зрѣлище меня поразило. Когда я подѣлился моею впечатлѣнностію съ однимъ, блиставшимъ, джентльменомъ, тоже свидѣтелемъ этой сцены, и сказалъ ему, что нахожу крайне неблагопріимнымъ и заслуживающимъ порицанія такое неуваженіе къ смерти, — «что-же тутъ удивительнаго, отвѣтилъ онъ мнѣ, вѣдь все это стоитъ денегъ!»

Вспомнивъ, что я въ Лондонѣ, я замолчалъ!

ПИСЬМО XII.

Религія и духовенство.

Если у насъ, во Франціи, много апостоловъ матеріализма, свободно проповѣдующихъ свои доктрины; если у насъ много приверженцевъ теоріи, утверждающей, что человѣкъ есть продуктъ постепеннаго совершенствованія матеріи, но никакъ не произвольное созданіе Бога, изъ этого нельзя еще заключить, чтобы религіозное чувство было въ нашей націи слабѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ народахъ.

Не говоря ужъ о другихъ и ограничиваясь только народомъ англійскимъ, я долженъ замѣтить, что въ немъ гораздо менѣе набожности чѣмъ въ нашемъ; скажу болѣе: этотъ народъ, имѣвшій также своихъ ученыхъ и заключающій въ своей средѣ множество приверженцевъ идеи происхожденія человѣка отъ четверорукихъ обитателей дѣвственныхъ лѣсовъ Африки и Америки, можетъ назваться деистомъ, но и только. Отъставъ отъ католической церкви, онъ утратилъ всякую религію и сохранилъ лишь какое-то смутное вѣрованіе въ существованіе Верховнаго Существа, вѣрованіе, присущее племенамъ, находящимся въ самомъ дикомъ состояніи.

Но, возразятъ мнѣ, въ Англіи есть однакоже офиціальная религія, носящая названіе англиканской церкви и къ которой англичане повидимому очень привержены. — Это правда; только не слѣдуетъ принимать за чувство религіознаго вѣрованія того, что въ сущности есть только преданность къ національной традиціи и не болѣе какъ актъ патріотизма.

Англиканская религія, какъ и королевская власть, суть институціи, при которыхъ англійское могущество начало возрастать, и только во имя этого англичане высказываютъ какъ къ той, такъ и къ другой

изъ этихъ институцій глубокое уваженіе и преданность; но та независимость, которую они сохраняютъ относительно королевской власти, доведенной до полнѣйшаго безсилія, они сохраняютъ также въ дѣлѣ религіи, и потому-то объ эти институціи, утративши de facto всякое значеніе, продолжаютъ существовать номинально.

Достаточно, впрочемъ, бросить взглядъ на основаніе англиканской церкви, чтобы объяснить себѣ состояніе умовъ, господствующее въ Англіи. Генрихъ VIII, названный папою Львомъ X защитникомъ вѣры, за его возстаніе противъ доктринъ Лютера, объявилъ английскую церковь независимую отъ папской власти, и провозгласилъ себя главою ея, какъ только Римъ отказался признать недѣйствительнымъ его бракъ съ Екатериной Арагонской. — Поддерживалъ его въ этомъ возстаніи Кранмеръ, докторъ теологіи, занимавшій катедру въ Кембриджскомъ университетѣ, но изгнанный оттуда и отлученный отъ церкви за то, что, будучи католическимъ священникомъ, вступилъ въ бракъ и такимъ образомъ нарушилъ обѣтъ безбрачія, — одно изъ коренныхъ учрежденій католической церкви.

Сдѣлавшись отступникомъ отъ своей вѣры и измѣнивъ своимъ клятвамъ, онъ счелъ долгомъ создать новую религію!

И такъ, вѣроломный и влюбленный священникъ, жестокой и развратный принцъ: вотъ достославные основатели раскола, получившаго названіе англиканской церкви.

Два первосвященника новой церкви начали съ того, что старались привлечь аристократію на свою сторону посредствомъ интереса. Благородные лорды высоко цѣнили свое отреченіе отъ вѣры предковъ; но Генрихъ VIII имѣлъ огромные источники въ своемъ распоряженіи, и потому это не имѣло дѣлу. Источники эти были несметныя богатства, конфискованныя имъ у разныхъ монастырей и религіозныхъ общинъ. Весьма естественно, что, имѣя такія громадныя средства въ рукахъ, въ странѣ, гдѣ все продажно, гдѣ все можно купить, легко было создать новую церковь и приобрести ей адептовъ.

Однако же много прошло времени, прежде чѣмъ сдѣлались извѣстны настоящіе принципы новаго вѣроисповѣданія. Кранмеръ получилъ все, чего онъ желалъ: утверженіе своего брака, званіе архіепископа кентербурійскаго и расположеніе короля. Генрихъ VIII также чувствовалъ себя удовлетвореннымъ; онъ развелся съ Екатериной и женился на Аннѣ Болейнъ; а когда эта надоѣла ему, онъ велѣлъ ей отсѣчь голову въ Лондонской башнѣ, и далъ полный разгулъ своимъ страстямъ. Доктрины же оставались все это время очень неопредѣленными и не-

ясными; но, тѣмъ не менѣе, вдругъ былъ отданъ приказъ королею арестовывать какъ бунтовщиковъ всѣхъ, продолжающихъ признавать папу главою церкви, и жечь на кострахъ, какъ еретиковъ всѣхъ тѣхъ, которые объявятъ себя послѣдователями ученія Лютера. Протестантизмъ дѣйствительно сильно распространился въ это время въ Германіи. По причинѣ, не менѣе странной, Лютеръ поднялъ знамя возстанія противъ Рима. Причина эта слѣдующая:

Монополія продажи индульгенцій была предоставлена Доминиканцамъ въ ущербъ Августинцевъ, пользовавшихся до того времени этою привилегіей. Лютеръ, принадлежавшій къ братству послѣднихъ и, естественно, недовольный этою мѣрою, такъ какъ она отнимала значительный доходъ у его ордена, принялся провергать дѣйствительность этого рода отпущенія грѣховъ, какъ только братство, соперничающее съ его братствомъ получило право продавать эти отпущенія!

Какъ видите, — вѣчная тактика всѣхъ оппозицій: нападать на злоупотребленія, разоблачать ихъ только тогда, когда они перестаютъ приносить выгоды сторонѣ оппозирующей и пользовавшейся ими до тѣхъ поръ, была присуща всѣмъ эпохамъ и всѣмъ странамъ. Лютеръ успѣлъ; онъ былъ отлученъ отъ церкви, презрѣлъ громы проклятій Рима и сдѣлался основателемъ религіи, носящей его имя!

Георихъ VIII, опровергавшій его догматы письменно, не хотѣлъ отречься отъ своихъ мнѣній. Но послѣ его смерти Англія, уже отдѣлившаяся отъ папства, усвоила отчасти доктрину нѣмецкаго реформатора. Однакоже англиканская религія сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть въ настоящее время, лишь съ царствованія Елизаветы, послѣ пролитія огромнаго количества крови, послѣ сожженія множества человѣческихъ жертвъ на кострахъ.

Таково скандальное происхожденіе вѣроисповѣданія, называемаго англиканскимъ, вѣроисповѣданія, представляющаго смѣсь лютеранизма и кальвинизма, съ сохраненіемъ епископальной іерархіи католицизма, съ принципами столь мало опредѣленными, что до сихъ поръ вопросъ объ исповѣди еще считается не совсѣмъ рѣшеннымъ, но, тѣмъ не менѣе, дорогаго для англичанъ, какъ религія государственная и потому ласкающая ихъ любви къ независимости, составляющей основную черту ихъ характера, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогая еще какъ религія политическая, первый пунктъ которой повелѣваетъ ненавидѣть папскую власть.

Нужно прочесть объявленія, приклеенныя къ стѣнамъ лондонскихъ, храмовъ, чтобы составить себѣ понятіе, до какой степени ненависть эта поддерживается въ націи англійскимъ духовенствомъ. *Преступленія*

*Ипстеса, Тайны исповѣданн, Разоблаченіе монастырской жи-
зни*: вотъ заманчивые сюжеты проповѣдей, о которыхъ распростра-
нятся ежедневно англиканскіе проповѣдники въ церквахъ.

Всѣ эти горячія нападенія противъ католической религіи были бы
понятны двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, во времена Борджіи и Ме-
дичи, бывшихъ причиною и извиненіемъ реформаціи; но теперь, когда
католическое духовенство превосходитъ протестантское и въ добродѣ-
теляхъ и въ терпимости; когда папа утратилъ свѣтскую власть и
остается государемъ лишь въ смыслѣ духовномъ, можетъ ли быть что
нибудь смѣшное, какъ слышать всѣ эти проповѣди англійскаго духо-
венства, увѣряющаго, въ дополненіе, своихъ слушателей, что возста-
вленіе тайной исповѣди предъ священникомъ привело бы Англію ко
всѣмъ бѣдствіямъ, пережитымъ ею въ средніе вѣка?

Трудно представить себѣ, до какого ослѣпленія, до какой мелочности
доходитъ эта ненависть англиканскаго духовенства ко всему, что ка-
сается сколько нибудь католицизма!

Все напоминающее католическое богослуженіе изгоняется съ страш-
ной настойчивостью. Извѣстныя украшенія, извѣстныя декораціи архи-
тектурныя раздѣляютъ этотъ остракизмъ. Трудно не улыбнуться при
мысли, что въ теченіе шести мѣсяцевъ пресса и духовенство Велико-
британіи обсуждали вопросъ: можно-ли дозволить архитектору, не кон-
прометируя настоящаго и будущаго существованія англиканской церкви,
воздвигнуть въ храмѣ св. Варнабе Пиммиискаго (въ Лондонѣ) балда-
хинъ составляющій родъ постройки, употребительной въ католическихъ
храмахъ, а потому присутствіе ея въ протестантскомъ храмѣ предста-
влялось, какъ видно, святотатствомъ! Кто повѣритъ, что это важное
дѣло вызвало наконецъ внимательство канцлера казначейства, рѣшив-
шаго, что присутствіе балдахина въ англиканскомъ храмѣ было бы про-
тивузаконно!

Я говорилъ уже выше, что причина отсутствія вѣры въ англійскомъ
народѣ лежитъ въ основаніи и въ принципахъ ихъ религіи.

Эта библія, которая протестантами считается преимущественно кни-
гою истины, переведенная первоначально самымъ плохимъ, тривиаль-
нымъ языкомъ, выпускалась въ свѣтъ столько разъ и подвергалась въ
каждомъ изданіи столькимъ исправленіямъ и передѣлкамъ, что ее трудно
узнать во всѣхъ этихъ дополненныхъ и исправленныхъ изданіяхъ.

Какъ во Франціи рѣдкій профессоръ университета не доставить
себѣ удовольствія издать пересмотрѣнными и исправленными Виргилія,
Цицерона, въ Англіи точно также каждое духовное лицо

считаетъ обязательнымъ для себя сдѣлать новое исправленное изданіе Библии, гдѣ каждый текстъ священной книги онъ старается истолковать своеобразно и даже оригинально. Если вы прибавите къ этому еще право, которое присвоиваетъ себѣ каждый обсуждать и истолковывать по своему всякое слово, всякую фразу Св. Писанія, — вамъ сдѣлается вполне понятнымъ, почему рядомъ, съ такъ называемою англиканскою церковью возникло такое множество различныхъ религиозныхъ сектъ! Независимо отъ Гайчѣрчменовъ, Бродчѣрчменовъ и Лаучѣрчменовъ, существуетъ секта Веслейяновъ, Баптистовъ, Индепендентовъ, или Конгрегационалистовъ, Квакеровъ, Гуманистовъ, Унитаріянцевъ, Сведенборгистовъ, Пуританъ, Пресвитеріанъ, Спиритуалистовъ и проч.

И, такимъ образомъ, въ Лондонѣ найдется до тысячи церквей, или скорѣе часовенъ, принадлежащихъ различнымъ сектамъ, которыхъ насчитывается почти такое же количество. Замѣчательный образъ понятій составили себѣ англичане обо всемъ, касающемся религіи. Если гдѣ нибудь живутъ священники на счетъ церкви, такъ это именно въ Англии. — Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, на какомъ нибудь пустырьѣ вырастаетъ хижина изъ досокъ, крытая листовымъ, смоленнымъ желѣзомъ. Это церковь! На двери написано названіе религиозной секты, къ которой принадлежитъ священнослужитель, располагающій совершить въ ней богослуженіе. Если дѣла пойдутъ хорошо, т. е. если проповѣди его восхваляются, сборъ не слишкомъ скудный, хижина превращается скоро въ болѣе изысканное зданіе, къ которому прибавляется еще прелестный домъ для помѣщенія священника съ его потомствомъ. Но иногда случается совершенно противоположное, какъ это было недавно въ церкви Св. Троицы въ Саутлендъ-северѣ, въ Брикстонѣ; проповѣди почтеннаго пастора придутся не по вкусу прихожанамъ, и тогда церковь остается пустою, и въ одно прекрасное утро является шерифъ, беретъ за долги органъ, кассу, скамьи и всю церковную утварь, продаетъ все это съ аукціона и закрываетъ церковь, прекращая въ ней богослуженіе впредь до новаго разрѣшенія. Такъ какъ сектъ множество, какъ мы уже говорили выше, и очень часто случается, что въ одной улицѣ расположены церкви двухъ сектъ, различныхъ одна противъ другой, то, для избѣжанія ошибокъ, вывѣшиваются при входѣ въ каждую изъ нихъ черныя доски, на которыхъ написаны золотыми буквами библейскіе тексты, особенное толкованіе конхъ и составляетъ причину битія этой секты. Эта вывѣска содержитъ въ себѣ, такъ сказать, меню духовнаго угощенія, на которое вы приглашаетесь. Если вамъ это меню по вкусу — вы входите; если же нѣтъ — вы идете въ сосѣднюю часовню, и спра-

вляется, что преподносится тамъ. Нужно быть очень разборчивымъ и причудливымъ, чтобы, наконецъ, при такомъ изобиліи часовенъ или ресторановъ для утоленія духовнаго голода не найти подходящей для себя духовной пищи.

Впрочемъ, въ Англіи люди поступаютъ въ священники, какъ во Франціи въ адвокаты.

И эти двѣ профессіи имѣютъ то сходство между собою, что какъ та, такъ и другая представляютъ шансы людямъ, посвящающимъ себя имъ, достигать самыхъ высокихъ и выгодныхъ положеній въ свѣтѣ. Всякій священникъ, имѣя хорошую протекцію, обладая иътворнымъ даромъ краснорѣчія, будучи жемать на дѣвушкѣ изъ знатной фамиліи, или принадлежа самъ къ одной изъ таковыхъ, имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться епископомъ, или примасомъ Англіи! А эти положенія не только хороши съ точки зрѣнія духовной іерархіи, но они даютъ, кромѣ того, право засѣдать въ палатѣ лордовъ: епископамъ — наравнѣ съ графами и баронами, архіепископамъ же Контербурійскому и Йоркскому — непосредственно за принцами крови.

Сверхъ того, они получаютъ огромное жалованье. Генрихъ VIII, хотѣвши привлечь высшее духовенство на свою сторону во время своего разрыва съ Римомъ, обезпечилъ ему доходъ, равняющійся доходу, который оно получало съ имѣній, конфискованныхъ имъ. Нынѣше примасъ Англіи получаетъ 375,000 фр. жалованья, архіепископъ йоркскій 250,000 фр.; епископы отъ 100,000 до 200,000 фр.; смотря по значительности епископствъ, находящихся подъ ихъ завѣдываніемъ; но это огромное вознагражденіе удваивается еще доходами съ епископства. Лондонское епископство приноситъ 500,000 фр. дохода своему епископу! Вы поймете послѣ этого, съ какою энергіею домогаются этихъ выгодныхъ должностей, и какую роскошную жизнь ведутъ семейства высокихъ сановниковъ англійской цркви. И потому англійское духовенство, имѣющее конечно, въ своей средѣ людей очень образованныхъ и почтенныхъ, сдѣлалось однакожъ убѣжищемъ всѣхъ интригантовъ и посредственностей. Когда англичанинъ имѣетъ между своими сыновьями малоспособнаго или лѣнтяя, однимъ словомъ негоднаго для торговли, онъ, не задумываясь, дѣлаетъ изъ него лицо духовное, и это принце не можетъ никого пугать въ Англіи, такъ какъ жизнь, которую ведетъ англійское духовенство, не представляетъ никакихъ лишеній и ничѣмъ не отличается отъ жизни свѣтскихъ людей. Такъ какъ бракъ имъ дозволяется, то они ухаживаютъ за женщинами, заводятъ интриги, охотятся за богатыми невѣстами, и, пользуясь своимъ выгоднымъ положе-

ніемъ, отлично устраиваютъ свои дѣла, касающіеся женитьбы. Поѣзжайте въ Роттенъ-Рау, и вы увидите тамъ множество духовныхъ лицъ порхающими вокругъ хорошенеккихъ женщинъ, услужливо помагаая имъ садиться въ сѣдло и благословляя ихъ между двумя нѣжными взглядами. Я долго не забуду моего удивленія, когда, на одномъ вечерѣ, спросивъ объ имени одного джентельмена, носящагося въ вихрѣ галона, въ платьѣ весьма страннаго покроя, я узналъ, что это былъ священникъ!

Если вы охотникъ и вамъ случится когда нибудь присутствовать на одной изъ великолѣпныхъ охотъ за лисицами, составляющихъ славу Англіи, то будьте увѣрены, что вы непремѣнно встрѣтите тамъ какое нибудь духовное лицо въ полномъ охотничьемъ вооруженіи, въ сапогахъ со шпорами и съ ножомъ на боку.

Звѣрь убитъ, и если почтенный пасторъ боится опоздать въ церковь къ часу, назначенному для богослуженія, онъ, не стѣсняясь, надѣнетъ сверхъ охотничьяго платья свое длинное одѣяніе съ бѣлыми кисейными рукавами, и будетъ проповѣдывать въ немъ съ каедрой прервѣніе къ богатствамъ и къ суетнымъ удовольствіямъ міра сего!

Такая жизнь, ничѣмъ не отличающаяся отъ жизни свѣтскихъ людей, подвергаетъ очень часто англійское духовенство столкновеніямъ съ правосудіемъ. То вызывается какое нибудь духовное лицо въ судъ, по обвиненію за нарушеніе обѣщанія жениться, — и оказывается что почтенный санъ не спасъ бѣднаго пастыря отъ соблазна прижматься къ своему сердцу слишкомъ близко какою нибудь сентиментальную миссъ, и затѣмъ отъ новаго увлеченія и желанія сохранить свободу располагать рукою; и вотъ затѣвается процессъ: служитель алтаря вынужденъ расплачиваться за свое легкомысліе. То видишь опять предъ судомъ другое духовное лицо, но по обвиненію другаго рода: этотъ имѣлъ несчастье жениться на какой нибудь Хсантинѣ и, не обладая терпѣніемъ Сократа, слишкомъ энергически и сильно далъ почувствовать супругѣ свою власть надъ нею!... Являются предъ лицомъ правосудія и такіе пастыри, которые выпрашиваютъ себѣ прощаніе на основаніи текста: *много простится тому, кто много возлюбилъ*, или напоминаютъ судьямъ, что самъ Ной утѣшался отъ бѣдотыи потопя, упиваясь благороднымъ виномъ; наконецъ, являются почтенные пастыри просто по обвиненію въ беззаконномъ присвоеніи чужой собственности, для покрытія расходовъ на свою часовню.

Нужно отдать справедливость англійскимъ судьямъ, что они не принимаютъ въ соображеніе званія и положенія обвиняемыхъ и ни мало не стѣсняются приговаривать дулицу къ тѣлесковное ному или позорному

наказанію, если преступленіе, совершенное имъ, заслуживаетъ этого; если же дѣло касается извѣстныхъ безпорядковъ, совершенныхъ въ пышномъ видѣ, то почтенный отецъ приговаривается къ удаленію отъ должности на извѣстное время, но, тѣмъ не менѣе, послѣдствіемъ этого является тоже фактъ, что служители алтара, выходя изъ тюрьмы, гдѣ они содержались за неженничество, прелюбодѣяніе или пьянство и вступая опять въ отправленіе своихъ священныхъ обязанностей, подрываютъ то уваженіе, которое должны внушать народу.

Таково англиканское духовенство! Такова нынѣ въ Англии протестантская религія, нѣтъвная претензію возратить черковь къ первымъ временамъ христіанства. Возставъ противъ власти папы, какой прикѣръ подала она свѣту? Обнаруживала ли она духъ терпимости, милосердія и любви; избѣгала ли тѣхъ крайностей, тѣхъ пороковъ, въ которыхъ упрекала католицизмъ? — Нѣтъ, она далека была отъ всего этого! Подозрительная, фанатичная, жестокая, она прѣбывала къ самымъ насильственнымъ возмутительнымъ мѣрамъ для снисканія себѣ адонтовъ и для своего водворенія. Въ Англии католики были преслѣдуемы, сжигаемы на кострахъ въ теченіе двухъ столѣтій; съ ними обращались какъ съ паріями; ихъ устранили отъ всякихъ должностей, даже университеты были для нихъ закрыты. Это гоненіе продолжалось до половины нынѣшняго столѣтія, и въ настоящее время еще католики не могутъ занимать должности великаго канцлера.

Что же касается той простоты, которую протестантизмъ ввелъ въ обряды богослуженія и въ обстановку самихъ храмовъ, то члены англиканскаго духовенства считаютъ ее только приличной для Бога, но никакъ не для себя, потому что свое положеніе они отлично обозначили, и цифры получаемаго ими вознагражденія опровергаютъ всякую претензію съ ихъ стороны, казаться смиренными и пренебрегающими благами міра сего.

Англиканская черковь, подчиненная контролю государства, съ которой она неразрывно связана, сохраняетъ еще нѣкоторый декорумъ, свойственный церкви, не смотря на внутреннюю неурядицу, господствующую въ ней; но что сказать вамъ о невѣроятномъ зрѣлищѣ, которое представляютъ различныя раскольничьи секты. Въ какой странѣ, кромѣ Англии и, можетъ быть, Соединенныхъ Штатовъ, могутъ случаться сцены, подобныя той, которая случилась въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Ноттингамъ? Въ часовнѣ, принадлежащей Сіонской сектѣ, часть конгрегаціи возстала противъ священника той часовни. Что же эти противники священнослужителя придумали? Они избрали другаго пастора, и въ часъ

богослуженія оба соперника очутились другъ передъ другомъ. Затягивалъ ли одинъ изъ нихъ гимнь, — другой, поддерживаемый своими сторонниками, перебивалъ его, заговывая что нибудь иное; хотѣлъ ли говорить одинъ изъ нихъ проповѣдь, — другой немедленно подавалъ знакъ и раздавались громкіе аккорды органа, заглушавшіе рѣчь проповѣдника. И эта скандальная сцена продолжалась болѣе часа, въ присутствіи полиціи, остававшейся въ бездѣйствіи и смотрѣвшей на нее хладнокровно и спокойно.

Можно ли послѣ этого удивляться, что всѣ тѣ, которые ищутъ въ религіи утѣшенія и примѣровъ, что люди дѣйствительно набожные удаляются мало по малу отъ вѣроисповѣданія, утратившаго всякое самоуваженіе! Можно ли удивляться, что въ послѣдніе годы число католиковъ увеличилось въ Англіи. Напрасно англійская пресса разражается гнѣвомъ противъ обращенія маркиза де-Бютъ, пэра Англіи и Шотландіи, маркиза де-Рипонъ, одного изъ высшихъ военныхъ сановниковъ, и лорда Осборна; движеніе этого перехода въ католицизмъ не остановится! Для низшихъ классовъ католическая религія имѣетъ еще и то преимущество, что представляетъ удивительные примѣры преданности и любви къ ближнему въ лицѣ святыхъ женщинъ, живущихъ въ религіозныхъ общинахъ и монастыряхъ, словомъ и дѣломъ, всѣмъ страдающимъ безъ различія вѣри.

И такъ католицизмъ дѣлаетъ страшные успѣха; причина этого лежитъ, можетъ быть, въ фразѣ, сказанной мнѣ недавно одною простою женщиною, старою шотландкою, находившеюся у меня во услуженіи: Зачѣмъ, спросилъ я ее, будучи протестанткою, вы ходите слушать проповѣдь въ католическую церковь? — «Да, потому, отвѣчала она мнѣ, что ваши священники говорятъ о Богѣ, тогда какъ наши говорятъ только о папѣ».

ПИСЬМО XIII.

Искусства въ Англіи.

Большинство иностранцевъ, посѣщавшихъ Англію возвращались отъ туда съ убѣжденіемъ, что англійская раса лишена совсѣмъ способности къ искусствамъ. Мнѣніе это съ перваго взгляда оправдывается тѣмъ фактомъ, что Англія, имѣвшая столько знаменитыхъ людей въ исторіи, словесности и наукахъ, не имѣла почти артистовъ, достойныхъ стать рядомъ съ тѣми, которыми гордятся Італія, Германія, Франція и Італія.

Тѣмъ не менѣе, этотъ недостатокъ, который англичане сами признають, кажется, столь страннымъ, что всѣ мыслящіе люди, знакомые съ Англіею, старались найти причину его. Одни видѣли въ немъ извѣривъ природы, другіе обвиняли самыя нравы англійской націи; нѣкоторые предполагали, что онъ происходитъ отъ климатическихъ условій.

Однакоже, обвинять въ немъ природу, кажется мнѣ, не логичнымъ. Исторія доказываетъ намъ, что всѣ народы, игравшіе важную роль въ мірѣ, оказывались всегда способными къ наукамъ, которыхъ они расширяли границы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ искусствамъ, на которыя они клали отпечатокъ своего національнаго духа и характера. Относите къ туманному климату Англіи это отсутствіе инстинкта пониманія прекраснаго и любви къ искусствамъ, кажется мнѣ, также весьма неосновательнымъ. Развѣ Голландія съ своимъ сѣрымъ небомъ не произвела цѣлой плеяды знаменитыхъ живописцевъ? Развѣ не среди тумановъ Амстердама родился Рембрантъ? Развѣ не во Фландріи, на сырыхъ берегахъ Шельды, подъ сѣнью чуднаго Антверпенскаго собора, родились Рубенсы, Ванديки, Журдены, Порбу и Тенье!

И такъ, изъ всѣхъ причинъ, которыя я назову естественными, ни одна не объясняетъ низкаго уровня Англіи въ дѣлѣ искусства, причину котораго, стало бытъ, остается искать въ случайныхъ обстоятельствахъ жизни этой націи. И въ такомъ случаѣ, разумѣется, нельзя отчаяваться, что-бы эта неспособность не исчезла съ удаленіемъ этихъ случайныхъ причинъ.

Прежде всего разсмотримъ, чѣмъ была Великобританія въ эпоху переселенія въ нее англо-саксовъ?— Страною почти дикою, цивилизація которой была ниже цивилизаціи самихъ полудикихъ завоевателей. Въ ней не встрѣчалось ни одного изъ тѣхъ памятниковъ римскаго могущества, которыхъ было такое множество въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи. Римскіе легіоны едва имѣли время построить укрѣпленный лагерь на британской почвѣ, какъ вдругъ опасности, угрожавшія сердцу имперіи, вынудили ихъ оставить Великобританію, гдѣ Римъ съ тѣхъ поръ сохранилъ лишь призракъ своего владычества.

Стало бытъ, англо-саксы не были посвящены въ тѣ отдаленныя времена, какъ завоеватели галловъ, во всѣ чудеса древняго искусства.

Кромѣ того, христіанство проникло въ Англію лишь въ четвертомъ столѣтіи т. е. въ ту эпоху, когда оно давно успѣло оказать свое благодѣтельное вліяніе на Францію, Италію и Испанію, успѣло смягчить нравы этихъ націй и развить въ нихъ чувство изящнаго. На британской же почвѣ начинаютъ воздвигаться тѣ громадныя укрѣпленныя замки, тѣ смѣлыя базилики, которыя служили символами двухъ силъ, составлявшихъ краеугольные камни феодализма,—дворянства и духовенства, лишь со вторженія въ ея предѣлы нормановъ.

Великолѣпныя соборы винчестерскій, эксетерскій, ланкольнскій, ворчестерскій, іоркскій, кентербурійскій и вестминстерскій, памятники, которыхъ громадныя пропорціи мы можемъ созерцать еще нынѣ, принадлежатъ къ норманскому періоду, точно также какъ и аббатства, встрѣчающіяся на англійской почвѣ тамъ и сямъ въ видѣ развалинъ.

Можетъ бытъ, всѣ эти англійскія церкви среднихъ вѣковъ уступаютъ въ изяществѣ и богатствѣ украшеніямъ соборамъ антверпенскому, бѣльнскому, руанскому, парижскому, страсбургскому и аміенскому, но, тѣмъ не менѣе они замѣчательны своимъ величественнымъ видомъ, который встрѣчается во всѣхъ новѣйшихъ постройкахъ англичанъ и представляетъ тотъ характеристическій стиль, ансамбль котораго составляетъ такъ называемый готическій англійскій стиль.

Лондонская башня, успѣвшая приобрести себѣ такую знаменитость въ исторіи Англіи, представляетъ безобразный памятникъ, лишенный

величества и изящества, но за то Виндзорскій замокъ, выстроенный также Вильгельмомъ Завоевателемъ, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ феодальной архитектуры; можетъ быть, архитектура его не отличается изяществомъ и смѣлостью; можетъ быть, онъ не имѣетъ архитектурныхъ достоинствъ знаменитыхъ замковъ Вонсенскаго и Куесн или величественныхъ Альказаровъ, воздвигнутыхъ маврами въ Испаніи, но, тѣмъ не менѣе, изъ осмотра англійскихъ памятниковъ среднѣхъ вѣковъ выносятся убѣжденіе, что Англія, не смотря на свою отсталость въ дѣлѣ артистическаго образованія, успѣла въ концѣ XV вѣка стать относительно искусствъ наравнѣ съ прочими европейскими державами. Первые симптомы возрожденія искусства отозвались въ ней. Греки, изгнанные изъ Константинополя Магомедомъ II, принесли въ Италію и, принеся съ собою традиціи о древнемъ искусствѣ, оживили изученіе его. Громадная революція произошла въ мірѣ артистическомъ, и на новый горизонтъ всплыли лучезарными свѣтилами Рафаэли, Микель-Анжело и Веронези.

Германія и Франція участвовали въ этомъ движеніи; темные, громадные феодальные замки, становясь бесполезными по мѣрѣ того, какъ нравы смягчались и феодальное право исчезало съ лица земли, начали заминаясь изящными дворцами, украшенными живописью Леонардо да-Винчи, Принакиса и изваяніями Бенвенуто-Челлини, Жана-Гужона и Жермена-Шилова. Между тѣмъ какъ на берегахъ Луары воздвигались чудные дворцы Блуа, Шамборъ, Амбуазъ, на берегахъ же Сены Лувръ Карла V-го уступалъ нѣсту Лувру Валуа, во Фландріи богатые сити Брюгге, Гента, Брюсселя и Лувена соперничали въ великолѣпіи и изящствѣ построекъ тѣхъ знаменитыхъ ратушъ, изъ которыхъ вскорѣ затѣмъ раздался сигналъ, призывавшій къ возстанію фламандцевъ противъ тираніи испанской; по другую сторону Рейна, Германія созерцала окончаніе постройки гейдельбергскаго замка, развалины котораго свидѣтельствуютъ еще нынѣ о его величіи и роскошной красотѣ.

Можно ли предположить, чтобы одна Англія осталась внѣ этого движенія и осталась бы безучастною въ этомъ общемъ стремленіи народовъ къ искусствамъ и словеснымъ наукамъ? Нѣтъ, этого допустить нельзя! Хорошенькая часовня, прибалканная къ древнему Вестминстерскому аббатству Генриха VII, рѣзной сводъ которой составляетъ предметъ удивленія всѣхъ артистовъ; замокъ Гамптонъ-къуръ, выстроенный кардиналомъ Вольсеемъ, доказываютъ достаточно, что движеніе, начавшееся въ Италіи, отозвалось и въ ней.

Но почему она вдругъ остановилась? Почему вдругъ въ то время,

когда Италия воздвигала свои мраморные и перфировые дворцы и храмы, на почвѣ уже покрытой развалинами древняго искусства, когда Франція сооружала постепенно свои очаровательныя дворцы въ Фонтенблго, Версалѣ, Марли, Сентъ-Жерменѣ и всѣ тѣ памятники, которыми она такъ гордится, Англія вдругъ замерла въ какой-то странной неподвижности. Архитектурное искусство исчезаетъ въ ней; архитекторы ея утрачиваютъ художественное чутье, и народъ англійскій въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ остается чуждымъ всемъ искусствамъ, теряетъ всякій инстинктъ понятія о нихъ.

Причина этого страннаго явленія лежитъ, мнѣ кажется, въ разрывѣ Англіи съ католицизмомъ.

Дѣйствительно, съ того дня, когда протестантство при Эдуардѣ VI воцарилось окончательно въ Великобританіи, идеи иконоборства, вызванныя новымъ вѣроисповѣданіемъ, начали изгонять изъ старыхъ базиликъ всѣ статуи и орнаменты. Не осталось болѣе въ храмѣ ни разноцвѣтныхъ стеколъ въ окнахъ, ласкающихъ взоръ своими мягкими оттѣнками, ни престоловъ пышно декорированныхъ, ни хоръ съ мѣстами, изящно вырѣзанными. Въ своей ненависти къ римской роскоши, новая религія вводитъ въ храмы первобытную простоту: каедрa, органъ, нѣсколько лавокъ грубой работы, суть единственные предметы, допускаемые въ нихъ; стѣны ихъ также не украшаются болѣе произведеніями живописи, а покрываются просто бѣлою краскою.

Вы поймете, какой страшный ударъ нанесъ религіозной архитектурѣ новый порядокъ вещей, и на сколько отъ этого удара должно было пострадать искусство.

У всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи, искусство обыкновенно вдохновлялось религіознымъ чувствомъ.

Первобытный человѣкъ, въ дикомъ состояніи, начиналъ обыкновенно вырѣзать изъ камня или изъ дерева идола, передъ которымъ онъ преклонялся. Какое чувство управляло имъ въ этомъ случаѣ?—Конечно, желаніе придать форму Верховному Существому, бессознательное представленіе о которомъ жило въ его душѣ. Египтяне, греки, римляне воздвигали гораздо ранѣе храмы для помѣщенія своихъ боговъ въ нихъ, чѣмъ дворцы, цитадели, триумфальныя арки и церкви! Великолѣпные соборы съ острокопечными шпильями, устремляющимися къ небесамъ, были созданы готическимъ искусствомъ, вдохновленнымъ идеею христіанства.

Побѣдоносный ислаимъ покрылъ Испанію своими мечетями; Индія славится богатствомъ своихъ священныхъ памятниковъ; наконецъ

остатки цивилизации, утраченной во мраке вѣковъ и предшествовавшей въ новомъ свѣтѣ прибытію Колумба, свидѣлствуютъ о существованіи тамъ храмовъ.

И такъ вліяніе религіи на искусство неоспоримо. Слѣдовательно, если, вмѣсто религіи, которая, какъ католицизмъ, благопріятствуетъ развитію оныхъ, народъ приметъ вѣроисповѣданіе, считающее святотатствомъ всякое великолѣпіе, которымъ человекъ съ самыхъ первобытныхъ временъ нѣгъ обыквовскіе окружаютъ всѣ религиозныя церемоніи; вѣроисповѣданіе, не допускающее украшенія храмовъ произведеніями архитектурнаго, ваятельнаго и живописнаго искусства, то весьма естественно, что этотъ народъ утратитъ всякую способность къ искусству, что въ немъ заглухнутъ художественныя инстинкты!

Вотъ это и случилось въ Англіи, подъ нагубнымъ, но абсолютнымъ вліяніемъ англійскаго доктрина. То же самое было бы и въ Германіи, если бы духъ реформации не былъ постоянно перевѣшиваемъ духомъ католицизма. Посмотрите, что стало съ англійскою архитектурой, столь цвѣтущею въ XV вѣкѣ, со дня разрыва Генрика VIII съ Римомъ!

Какіе слѣды въ искусствахъ оставила всемогущая Елизавета?

А съ тѣхъ поръ до настоящаго времени какими монументами обогатилась Англія, столь сильная и могучая!

Лишь два изъ ея памятниковъ заслуживаютъ вниманія.

Одинъ изъ нихъ построенъ французскими архитекторами, Шерекъ-Пюж: это Somerset-House, великолѣпное зданіе въ стилѣ Людовика XIV. Другое—это церковь св. Павла; но это зданіе не можетъ быть причислено къ монументамъ протестантской Англіи. Заложенный въ царствованіе Карла II, католика въ душѣ и умернаго въ католической вѣрѣ, храмъ св. Павла былъ задуманъ въ виду католическаго богослуженія: онъ не болѣе — какъ искусная копія храма св. Петра въ Римѣ.

Можно смѣло сказать, что протестантизмъ нанесъ ударъ не только архитектурѣ религиозной, но и гражданской, которая въ теченіе 200 лѣтъ произвела лишь нѣсколько публичныхъ зданій, не имѣющихъ никакого значенія съ точки зрѣнія искусства.

Но, мало по малу, остракизмъ, поражающій искусство вмѣстѣ съ католицизмомъ, сталъ ослабѣвать. И странное совпаденіе, пробужденіе искусства въ этой странѣ началось съ эмансипаціи католиковъ! Законъ объ отреченіи отъ католическихъ догматовъ былъ уничтоженъ въ 1828 году, и, менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ этого, Барри сдѣлалъ завладку величественнаго зданія парламента.

Съ тѣхъ поръ, въ древнихъ соборахъ предпринимаются разныя передѣлки, въ которыхъ замѣтна попытка возвратить имъ прежнее ихъ великолѣпіе. Къ несчастію, противъ этихъ попытокъ сильно возстаетъ высшее духовенство; опираясь на статуты Бранмера и на постановленія 1549 года, оно противится денуженію картинъ и статуй въ англиканскіе храмы. Однако, этотъ риторизмъ встрѣчаетъ противодѣйствіе. Процессъ, возникшій по поводу передѣлки алтаря въ эксетерской церкви, размолова, происшедшая между денбитской думою и епископомъ Семъ-азафскимъ, отказавшимся святить новую церковь подъ томъ предлогомъ, что алтарь украшенъ статуями; доказываютъ, что не далеко тотъ день когда искусство восторжествуетъ наконецъ надъ протестантизмомъ.

Впрочемъ, если оппозиція духовенства можетъ отдалить на нѣкоторое время возрожденіе религіозной архитектуры въ Англии, за то въ послѣдніа сорокъ лѣтъ она оказалась безсильною противъ огромнаго прогресса, сдѣланнаго гражданскою архитектурою.

Достоинъ замѣчанія то, что новѣйшіе англійскіе архитекторы придерживаются преимущественно готическаго стила, какъ будто этимъ самымъ хотятъ связать настоящее время съ эпохою процвѣтанія искусствъ въ Англии и пополнить пробѣлъ, который оставили за собою почти три вѣка!

Фонтаны, часовни вновь выстроенныя, зданіе парламента, огромныя зданія «*Law-Courts*», зданія, пристроенныя къ Темплю, большая часть перестроенныхъ домовъ въ Сити,—все это сдѣлано въ готическомъ стилѣ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы вошелъ въ моду еще другой стиль; прелестные вокзалы Чарингъ-Кресса и Банонъ-Стрита, клубы въ Пель-Мелъ Бурлингтонской академіи, управительственныя бюро въ Парламентъ Стритъ—выстроены во вкусъ возрожденія, точно также, какъ и изящныя «*Mansions*» новыхъ западныхъ кварталовъ. Это обнаруживаетъ въ англійскихъ архитекторахъ твердое намѣреніе пройти этапъ за этапомъ тотъ длинный путь, на которомъ всѣ европейскія націи, за исключеніемъ одной Англии, оставили свои слѣды. Можетъ быть вы предположите, что отъ удара, нанесеннаго протестантизмомъ искусству вообще, пострадали не только архитектура—живопись и вапніе?

Нѣтъ, на нихъ онъ отразился несравненно менѣе, и причина этого, я полагаю, заключается въ слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Изъ всѣхъ искусствъ, архитектура наименѣе независима. Напрасно архитекторъ будетъ чертить на бумагѣ планы великолѣпнѣйшихъ дворцовъ и храмовъ: онъ не имѣетъ никакихъ шансовъ осуществить свой

проектъ, могущій обезсмертить его имя, если онъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ дня, или не удовлетворяетъ требованіямъ каприза, или прихоти какого нибудь принца, какого нибудь вельможи, или, наконецъ, народа, которые должны доставить ему средства для сооруженія задуманнаго имъ зданія или монумента! Нужна была горячая вѣра среднихъ вѣковъ для того, чтобы воздвигать то множество соборовъ и монастырей, представляющихъ чудеса извѣстнаго и смѣлости фантазіи художника; нужно было всемогущество королевской власти временъ Филиппа II и Лудовика XIV, чтобы соорудить такіа постройки, какъ Эскурьяль, или версальскій дворецъ!

Стало быть, какъ бы ни былъ гениаленъ архитекторъ, онъ все-таки не болѣе какъ орудіе, которымъ управляютъ тысячи разныхъ случайностей, не зависящихъ отъ его воли! И, по большой части, слава, заслуженная имъ какими нибудь великими произведеніемъ архитектурнаго искусства выпадаетъ на долю помогавшихъ ему своими деньгами, или могуществомъ создать это произведеніе.

Живописецъ же и скульпторъ находятся въ условіяхъ несравненно болѣе благоприятныхъ!

Конечно, эпоха, въ которой они живутъ среда, окружающая ихъ, имѣютъ болѣе или менѣе благоприятное вліяніе на общій характеръ ихъ произведеній, но, тѣмъ не менѣе, они пользуются почти абсолютною независимостью. Первому нуженъ лоскутъ полотна, кисть да нѣсколько красокъ; второму нуженъ—обломокъ камня до рѣзца, чтобы создать какое нибудь великое произведеніе и приобрести славу, которой никто не можетъ оспорить у нихъ и присвоить себѣ!

И потому, хотя скульптура и живопись были изгнаны изъ храмовъ; хотя они мало встрѣчали поощренія со стороны принцевъ, вельможныхъ въ англійскихъ доктринахъ и считавшихъ ихъ неприличными украшеніемъ для своихъ дворцовъ, какъ предметы, напоминавшіе идолопоклонство, однако, тѣмъ не менѣе, они могли проявляться въ разныхъ произведеніяхъ, независимо отъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условій.

Но, въ несчастію, англійскіе живописцы должны были ограничиваться только портретами и пейзажами; они не могли, какъ итальянцы и испанцы, какъ знаменитый антверпенскій живописецъ, или нашъ великій Лесюёръ, брать изъ гѣтонисей христіанства сюжеты, выраженные на полотнѣ съ такою обаятельною пределью и силою художниками всѣхъ нѣмалъ. И потому ни одинъ изъ нихъ, конечно, не достигъ того гениальнаго совершенства, которое проявляли художники прочихъ школъ; но,

тѣмъ не менѣе, между ними было много очень талантливыхъ людей. Трудно, напримѣръ, отрицать, чтобы Рейнальдъ, Лауренцъ, Гайнсбурги, Гогартъ, Вильки, Констебль и Турнеръ не были дѣйствительно великими артистами.

Всѣ эти живописцы мало извѣстны во Франціи. Лувръ три года тому назадъ не имѣлъ другихъ произведеній англійской школы, кромѣ картинъ Боннингтона. Въ частныхъ же коллекціяхъ ихъ не было потому, что Англія неохотно выпускаетъ талантливыя произведенія своихъ артистовъ, такъ какъ она гордится ими, и къ тому же большая часть изъ нихъ — это портреты, принадлежащіе королевскому дому или вельможамъ, сохраняющимъ ихъ въ фамильныхъ галереяхъ.

Стало бытъ иностранцамъ очень рѣдко представляется случай видѣть произведенія знаменитаго Рейнольда, Лауренса, или даже Констебля, или Турнера, о чемъ можно пожалѣть, такъ какъ они дѣйствительно замѣчательны.

Есть портреты Рейнольда, которые могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями Ванъ-Дика, Рубенса, или Флиппа Шампана.

Твердость кисти, правильность рисунка, мягкость и живость колорита обнаруживаютъ огромный талантъ въ главѣ англійской школы, хотя въ этомъ талантѣ не проявляется божественнаго, могучаго вдохновенія, которое воодушевляло великихъ художниковъ живописнаго искусства; ни что не доказываетъ въ этихъ произведеніяхъ англійскаго артиста, чтобы онъ постигалъ всѣ утонченныя красоты декоративнаго искусства такъ, какъ ихъ понимали Веронецъ, Приматисъ, Миньяръ, Лебрень, Давидъ, Делакруа, Каульбахъ, Ингръ и Фландрисъ.

Все вышесказанное о Рейнольдѣ можетъ одинаково относиться и къ его знаменитому ученику, Лауренсу, произведенія котораго отличаются тѣми же качествами, только въ болѣе слабой степени.

Гайнсбургъ, жившій въ концѣ XVIII столѣтія, хотя не проявляетъ такого блестящаго таланта какъ первые, тѣмъ не менѣе можетъ быть причисленъ къ числу талантливыхъ художниковъ; по своимъ приемамъ онъ напоминаетъ Ванъ-Дю.

Что сказать вамъ о Гогартѣ? — это искусный рисовальщикъ, очень остроумный, ѣдкій критикъ своего времени; но живописцемъ его почти нельзя назвать. Его картина *«Модный бракъ»* — ничто иное какъ романъ, написанный кистью вмѣсто пера; и это произведеніе дѣлаетъ ему честь какъ моралисту, но не какъ художнику.

У Вильке, напротивъ, встрѣчаются всѣ качества голландской школы. Онъ преимущественно изображаетъ сельскія сцены, и нужно отдать ему справедливость, что онѣ составлены съ большимъ искусствомъ и замѣчательны по своему добросовѣстному исполненію. Эти картины, какъ по своимъ краскамъ, какъ по отдѣлкѣ деталей и тонкости выполненія, такъ и по правдѣ въ выраженіи фізіономій, по естественности въ позахъ, могутъ быть поставлены на ряду съ картинами Жерара Доу, Міериса, Тербурга, Вувермана и Теньера, и это сопоставленіе не будетъ для нихъ безвыгодно.

Констебль хорошій пейзажистъ; но краска у него слишкомъ тяжела и его пейзажамъ недостаетъ воздуха.

Остается только сказать нѣсколько словъ о Турнерѣ.

Онъ мало извѣстенъ во Франціи, куда не проникла даже чудная коллекція его произведеній въ гравюрахъ.

Его первыя картины были написаны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — замѣчательные пейзажи, поставившіе его рядомъ съ Николаемъ Пуссенъ и Клодомъ Лореномъ.

Онъ очевидно подражаетъ этимъ двумъ художникамъ. Манера располагать свѣтъ, порядокъ постановки зданій и человѣческихъ фигуръ, все — въ его произведеніяхъ напоминаетъ манеру и постановку Клода, до такой степени, что многія изъ его картинъ, какъ, напримѣръ, Дидону, основывающую Кароагенъ, даже вблизи можно принять за произведенія послѣдняго.

Этотъ знаменитый пейзажъ англійскаго живописца помѣщенъ въ національной галереѣ рядомъ съ картиною французскаго художника, изображающею *Отплытіе королевы Савской*.

Приемъ Турнера отличается отъ приѣма Лорена только въ отдѣлкѣ неба, которое не имѣетъ у него той прозрачности, какъ у послѣдняго, и еще въ выполненіи фигуръ, которыя менѣе рельефно выдаются въ произведеніяхъ англійскаго художника; но эти различія бросаются въ глаза лишь послѣ внимательнаго наблюденія.

Турнеръ заимствовалъ также многое у Пуссена. Его Апулей, отыскивающій Апулейю, предѣстная картина, задуманная еще во вкусѣ послѣдняго. Расположеніе деревьевъ на первомъ планѣ; обширность горизонта съ мягкимъ свѣтомъ, въ которомъ тонутъ монументы греческихъ форъ, поднимаясь надъ массою зелени; стараніе расположить такъ фигуры, чтобы онѣ представлялись не брошенными на-удачу, а принимающими участіе въ какомъ нибудь драматическомъ дѣйствіи: все

это вмѣстѣ доказываетъ, что Турнеръ строго придерживался традицій и правилъ историческаго пейзажа, завѣщанныхъ намъ французскими художниками XVII вѣка.

Рядомъ съ этими первоклассными произведениями, въ которыхъ чувствуется вліяніе нашей классической школы, Турнеръ произвелъ другаго рода картины, въ которыхъ рельефно выступаетъ его оригинальность. *Аполлонъ, убивающій змью Пифонъ*, *Избѣженіе младенцевъ*, *Входъ въ портъ Кале* и *Кораблекрушеніе*—суть, могучія произведения, на которыхъ отразилось замѣчательное движеніе умовъ, происходившее около 1825 года, пропагандистами котораго сдѣлались впоследствии Викторъ Гюго въ литературѣ, Делакруа и Рюдъ въ искусствахъ!

Англійскій художникъ становится съ этой эпохи романтикомъ. Въ своихъ картинахъ онъ не подражаетъ болѣе ни Пуссену, ни Клоду, но напоминаетъ скорѣе Изабе и Декана.

Къ несчастію, хотя въ этотъ періодъ талантъ его еще въ полной силѣ, но въ немъ чувствуются уже симптомы приближенія опаснаго кризиса.

И дѣйствительно, въ 1829 г. Турнеръ вдругъ производитъ картину, изображающую *Снѣжный ураганъ*, которая представляется какимъ то кошмаромъ, переведеннымъ на полотно; мысль знаменитаго художника была бы совершенно непонятна въ этомъ произведеніи, еслибы не позаботились объяснить ее надписью. Съ этого времени упадокъ таланта въ немъ становится все очевиднѣе и очевиднѣе. Около 1840 года бѣдный артистъ покрываетъ полотно лишь бѣлыми, розовыми и зелеными слоями красокъ, и среди этого хаоса едва можно узнать слѣды великаго исчезнувшаго таланта.

Картина его, озаглавленная: *Дождь, солнце и роса*, есть просто произведеніе сумасшедшаго. При видѣ ея, я спрашивалъ себя, — не Турнера ли изобразилъ Бальзакъ въ героѣ своего романа *«Chef d'oeuvre inconnu»*, такъ какъ сходство между англійскимъ живописцемъ и любопытною личностію, выведенною на сцену нашимъ знаменитымъ романистомъ, поразительно!

Двѣ залы Національной Галереи заняты произведениями Турнера. Въ одной изъ нихъ помѣщены картины, принадлежащія къ блестящей эпохѣ его таланта; въ другой администрація музея собрала странныя произведения втораго періода. Зачѣмъ эта выставка послѣднихъ? Если интересно изучить первыя, несмѣльны попытки великаго художника; если:

полезно даже для людей, интересующихся искусствомъ, прослѣдить всѣ фазисы развивающагося таланта, черезъ который онъ долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ явиться въ полномъ своемъ блескѣ и величіи, то никакъ не можетъ представлять ни интереса, ни пользы созерцаніе разрушающагося таланта, его постепенное пониженіе и наконецъ паденіе.

Англія имѣла также нѣкоторыхъ знаменитыхъ скульпторовъ. Между памятниками Вестминстера и Св. Павла есть очень художественныя; они произведены Флакманомъ и Шантреемъ, имена которыхъ значатся на нихъ.

Статуя *Ричарда Левиное-Сердце*, находящаяся у входа въ парламентъ, исполнена великолепно; изъ скульптурныхъ орнаментовъ памятника, воздвигнутаго принцу Альберту въ Кесингтонскомъ саду, замѣчательны сдѣланные рѣзцами Фолей, Тзида, г. Уивеса.

Впрочемъ, ни одинъ изъ англійскихъ скульпторовъ не приобрѣлъ себѣ столь славной репутаціи, какую приобрѣли въ живописи Рейнольдъ и Лауренсъ. Явленіе это очень странно, такъ какъ спокойствіе и хладнокровіе, необходимыя въ приѣмахъ ваятельнаго искусства, наконецъ, простота сюжетовъ, выполняемыхъ изъ мрамора и бронзы, казалось бы, должны были согласоваться съ англійскимъ темпераментомъ.

Въ чемъ можно упрекнуть англійскихъ скульпторовъ,—такъ это въ сухости и суровости. Видно, что ихъ произведенія создаются усиленнымъ трудомъ, терпѣливымъ изученіемъ искусства, но не вдохновеніемъ. Эти изваянія лишены той граціи, того изящества, которыми переполнены произведенія Пилона, Кановы, Козейевосса, Гужона, Блодіона, Прадье; и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нѣтъ энергіи и свѣлости, свойственныхъ произведеніямъ Микель-Анжело, Челлини, Пюже, Давида, Торвальдсена, Рюда и Карно.

Но въ чемъ отсталость англичанъ поразительна,—такъ это въ музыкальномъ искусствѣ. Эта неспособность тѣмъ болѣе удивительна, что нѣтъ причинъ, объясняющихъ ее. Протестантская религія, относящаяся такъ враждебно къ пластическимъ искусствамъ, всегда благопріятствовала, напротивъ, развитію музыкальнаго искусства. Реформація замѣнила въ церквахъ гармонію новѣйшей музыки то нестройное, всеобщее пѣніе съ варварскими аккордами, которое только и допускалось до тѣхъ поръ въ римскихъ литургіяхъ.

Музыка, державшаяся долго въ ограниченныхъ предѣлахъ народной

пѣсни и церковнаго пѣнія, можетъ назваться новѣйшимъ искусствомъ, и въ теченіе двухъ столѣтій она дошла до степени совершенства, о которомъ не имѣлъ понятія древній міръ.

Вдохновенія, создающаго мелодію, недостаточно въ наше время: композиторы должны изучать законы гармоніи и науку оркестрованія, средства которой увеличиваются по мѣрѣ того, какъ промышленность доставляетъ артисту все болѣе и болѣе усовершенствованные и звучные инструменты.

Италія, Германія и Франція могутъ гордиться, что онѣ содѣйствовали въ широкихъ размѣрахъ этому полнѣйшему измѣненію музыкальнаго искусства. Достаточно назвать имена Чимарозы, Марчело, Перголеза, Беллини, Меркаданте, Верди и Россини, имена Генделя, Гайдна, Вебера, Бетховена, Мейербергера и Моцарта, наконецъ имена Люльи, Далебрака, Буальде, Герольда, Обера, Галеви, Гуно, Ф. Давида, Амбруаза Томаса; повторяю, достаточно этихъ именъ, чтобы вспомнить ту роль, которую играла каждая изъ этихъ трехъ націй въ исторіи музыки. Англія же не произвела ни одного великаго музыканта. Висгопъ и Балфъ суть единственные композиторы, произведенія которыхъ имѣютъ нѣкоторое значеніе; но и этого даже нельзя сказать про оперы послѣдняго, которыя весьма слабы!

Это полное отсутствіе музыкальныхъ способностей обозначается не только недостаткомъ великихъ композиторовъ, но и отсутствіемъ артистовъ; въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году въ Лондонѣ открыты два лирическихъ театра, «Covent Garden» и «Drury Lane»; только иностранныя оперы, которыя даются въ нихъ постоянно, исполняются артистами всѣхъ націй, за исключеніемъ Англіи, французами, итальянцами, нѣмцами, испанцами, но ни одного англичанина между ними вы не найдете! Ни одинъ англичанинъ, за исключеніемъ Женни-Линдъ, никогда не рѣшался явиться въ оперѣ на сценѣ. И потому, вмѣстѣ съ сезономъ, въ Лондонѣ превращаются оперы, а идутъ только оперетки Оффенбаха и Леккока, которыя исполняютъ британскіе виртуозы; исполненіе это можно ли назвать пѣніемъ?—нѣтъ: англійскіе артисты даже скорѣе свистать, чѣмъ поютъ!

Но эта неспособность англійской націи къ музыкѣ не даетъ еще права сказать, чтобы она была лишена совсѣмъ артистическаго чувства; и хотя это общераспространенное мнѣніе, но оно невѣрно, и опровергается явно всѣми замѣчательными произведеніями англійскихъ живописцевъ и скульпторовъ, о которыхъ мы упоминали выше и которыхъ

хотя не много было, но достаточно, чтобы доказать неосновательность этого мнѣнія.

Изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, впрочемъ, чтобы уровень искусства стоялъ уже высоко въ Англіи. Въ ней были, конечно, талантливыя личности, сѣумѣвшія выдвинуться изъ толпы и придать извѣстный блескъ своей странѣ; но вообще англійскій народъ очень еще невѣжественъ въ дѣлѣ искусства. Нація не воспитывается въ одинъ день! Образованіе ея идетъ медленно; художественное же воспитаніе Англіи почти не начиналось еще, и потому успѣхи ея на этомъ поприщѣ, которые я указалъ, хотя и очевидны, но быстро поднять уровень ея на этомъ поприщѣ они не могутъ.

Уже сто лѣтъ тамъ существуетъ королевская академія живописи и скульптуры; но достаточно ли этого? Школы могутъ научить правиламъ искусства, могутъ исправить вкусъ, могутъ оказать благотѣльное вліяніе на тѣхъ, которые посѣщаютъ ихъ; но масса не пойдетъ учиться въ нихъ. Развиваетъ въ народѣ чувство прекраснаго не школа, а постоянное созерцаніе прекрасныхъ вещей, произведеній искусства, и развиваетъ такъ сильно, что наконецъ наступаетъ время, когда самый этотъ народъ считаетъ это чувство врожденнымъ ему!

Разсказываютъ про Корреджіо, что, увидавъ картину Рафаэля, онъ воскликнулъ: «Я также живописецъ!» И онъ дѣйствительно обезмертилъ свое имя!

Созерцаніе великихъ произведеній искусства пробуждаетъ въ человѣкѣ дремлющее въ немъ дарованіе. Италия есть классическая страна искусствъ; но причина этого заключается менѣе въ качествахъ, врожденныхъ итальянцамъ, чѣмъ въ постоянномъ присутствіи предъ ихъ глазами великихъ произведеній искусства всѣхъ эпохъ. Въ Англіи же, напротивъ, что можетъ пробуждать въ народѣ артистическія наклонности и что можетъ развивать ихъ? Тѣ не многіе монументы, которые если и имѣютъ художественныя достоинства, то, теряясь среди массы безобразныхъ, неуклюжихъ, черныхъ зданій, не могутъ оказывать благотворнаго дѣйствія на развитіе эстетическаго чувства въ народѣ; въ церквахъ, въ которыя этотъ народъ идетъ молиться, его взорамъ опять ничего не представляется, кромя бѣлыхъ обнаженныхъ стѣнъ; онъ не видитъ тамъ ни картинъ, ни статуй, ничего, однимъ словомъ такого, что дастъ человѣку первое понятіе объ искусствѣ, что развиваетъ въ немъ истиннѣе прекраснаго. Музеи, между прочимъ, довольно бѣдные, недоступны для рабочаго класса, такъ какъ два или три раза въ недѣлю,

не болѣе, они открыты для публики; наконецъ, все образованіе, вложившееся лишь къ тому, чтобы развить жадность къ наживѣ, къ приобрѣтенію, направляло самую промышленность, эту важную вспомогательную силу новѣйшаго искусства во Франціи, къ фабрикаціи безобразныхъ и дешевыхъ издѣлій, которыя распродаются быстро и приносятъ огромные барыши. Какъ же хотѣть, чтобы народъ англійскій, при всѣхъ этихъ условіяхъ, сдѣлалъ быстрые успѣхи въ артистическомъ образованіи! Однакоже, повторяю, движеніе въ этомъ направленіи началось въ Англии и произвело уже благодѣтельные послѣдствія. Англичане съ упорною настойчивостью и терпѣливою кропотливостью, принявшись за изученіе искусства, отправляясь для этого въ иностранныя страны, призывая къ себѣ иностранныхъ художниковъ, успѣли уже научиться производить очень хорошенекія вещи въ извѣстныхъ отрасляхъ искусства. Напримѣръ: гончарное производство идетъ у нихъ прекрасно. Рисовка ихъ фаянсовыхъ и фарфоровыхъ произведеній очень оригинальна и художественна.

Къ несчастію, повторяю еще, Англія только что начинаетъ свое артистическое образованіе, и много лѣтъ ей придется работать и трудиться на этомъ поприщѣ, прежде чѣмъ пробудится въ ней инстинктъ пониманія искусства, инстинктъ подавленный условіями ея жизни.

Рейнольдъ, основавшій королевскую академію, былъ бы пораженъ глубокимъ удивленіемъ, если бы увидалъ, какъ мало поддержалась та англійская школа, главою которой считается онъ!

Выставка въ Пикадилли, гдѣ выставляются ежегодно произведенія новѣйшихъ англійскихъ живописцевъ и скульпторовъ, представляетъ жалкое зрѣлище; между двумя или тремя тысячами картинъ, находящихся тамъ, едва ли наберется десять, имѣющихъ художественныя достоинства.

Не думайте, однакоже, чтобы залы Бурлингтонской академіи оставались пустыми! Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, время, которое продолжается тамъ выставка, толпы людей, подстрекаемые патріотическимъ чувствомъ, посѣщаютъ ихъ и не задумываются предъ покупкою самыхъ дрянныхъ произведеній, едва годныхъ служить экранами для каминовъ.

Изъ этого вы видите, что англійскіе артисты не могутъ пожаловаться на недостатокъ поощренія; всякая картина, сколько нибудь выше посредственности, но написанная англійскимъ художникомъ, покупается на вѣсь золота. Англичане, признавая свой низкій уровень въ дѣлѣ

искусствъ, не намѣрены, очевидно, мириться съ этимъ положеніемъ, и стараются всѣми силами исправить этотъ недостатокъ; а потому нельзя сомнѣваться, чтобы эти усилія не увѣнчались наконецъ успѣхомъ и Англія не встала бы наравнѣ съ прочими націями въ этомъ отношеніи.

ПИСЬМО XIV И ПОСЛѢДНЕЕ.

ОБЫЧАИ И ФИЗИОНОМІИ.

Въ этомъ послѣднемъ письмѣ я имѣю намѣреніе говорить объ очень многихъ вещахъ, которыя не нашлось мѣста въ предыдущихъ письмахъ и которыя однакоже не безынтересны и заслуживаютъ вниманія.

Мнѣ хочется рассказать вамъ о тѣхъ древнихъ обычаяхъ, которые Англія свято хранитъ, къ великому удивленію иностранцевъ, и еще о замѣчательнѣйшихъ фізіономіяхъ англійской столицы.

Рассказываютъ, что когда одна дама спросила лорда Байрона, какъ называется скука по англійски, онъ отвѣтилъ ей: «Выраженія для этого слова у насъ нѣтъ, но за то настроеніе или чувство, подразумеваемое подъ нимъ, намъ хорошо извѣстно!» Дѣйствительно, Англія есть самая скучная страна въ мірѣ.

Если кто нибудь усумнится предъ вами въ справедливости этого мнѣнія, посоветуйте ему поѣхать въ Лондонъ и такъ устроиться, чтобы прибыть туда въ воскресенье утромъ: этого будетъ достаточно, чтобы убить въ немъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ.

Представить себѣ тотъ скучный, мрачный видъ, который принимаетъ Лондонъ въ воскресные дни,—невозможно, не видавъ собственными глазами; но я попробую дать вамъ объ этомъ нѣкоторое понятіе.

Въ пять часовъ утра, когда свѣтъ едва начинаетъ проникать сквозь густой туманъ, окутывающій городъ, фуры молочниковъ начинаютъ развѣзать по всѣмъ улицамъ спящаго города, оставляя у каждой двери свои маленькіе ящики изъ бѣлой жести; затѣмъ настаетъ опять полная тишина! Лавки остаются герметически затворенными; въ частныхъ домахъ занавѣсы въ окнахъ не поднимаются и не открываются

стави. Никому не можетъ придти въ голову, что этотъ мертвый городъ вмѣщаетъ въ себя четыре милліона жителей! лишь въ «Public Houses» двери потихоньку полурастворяются, да изрѣдка покажется какой нибудь кабъ на улицѣ.

Но вотъ наступаетъ часъ обѣдни. Раздается пронзительный звонъ колоколовъ, и городъ оживаетъ на четверть часа; затѣмъ опять все умолкаетъ, и гробовое молчаніе длится съ одиннадцати часовъ до часа пополудни! «Public Houses» закрыты, такъ какъ въ противномъ случаѣ подвергаются штрафу; на желѣзныхъ дорогахъ не выдаютъ билетовъ, такъ какъ движеніе прекращено; вся жизнь въ городѣ будто замерла. Въ теченіе двухъ часовъ Лондонъ представляется вымершимъ городомъ.

Наконецъ богослуженіе оканчивается, храмы пустѣютъ мало-по-малу и на улицахъ показываются люди; но это оживленіе продолжается нѣсколько минутъ; затѣмъ городъ опять впадаетъ въ прежнюю летаргію; люди попрятались въ свои жилища и не видно болѣе ни одного живаго существа на улицахъ.

Возвращаясь изъ церкви, англичане садятся за столъ завтракать; завтракъ этотъ состоитъ по большей части изъ кушаньевъ, приготовленныхъ наканунѣ, и хлѣба, конечно, также испеченнаго вчера. Послѣ трапезы, продолжающейся часъ, или два, несчастныя миссъ, зѣвая отъ скуки, подходятъ къ окнамъ въ надеждѣ увидать какую нибудь проѣзжающую карету, или случайнаго прохожаго; а мать ихъ между тѣмъ отерываешь библію и принимается машинально читать ее; отецъ же съ отяжелѣвшей головой отъ выпивки нѣсколькихъ стакановъ хереса, засыпаетъ въ своемъ креслѣ надъ чтеніемъ одного изъ ММ тѣхъ скучнѣйшихъ обзорѣній, которые нарочно печатаются для воскресныхъ дней.

Этотъ день, считаемый, предназначеннымъ для покоя, называется англичанами иначе какъ «the day of rest» или днемъ покоя. По постановленіямъ англиканской церкви, въ этотъ день нельзя ни гулять, ни принимать никого у себя, ни играть на фортепиано, ни брать картъ въ руки, однимъ словомъ нельзя ни развлекаться, ни заниматься чѣмъ бы то ни было. Это правило распространяется даже на дѣтей, которымъ запрещаются всѣ невинныя игры и забавы.

Множество протестовъ поднималось противъ этого закона. Существуетъ даже общество, называемое «Sunday League», которое хлопочетъ объ открытіи на этотъ день музеевъ, доказывая очень основательно, что это принесло бы огромную пользу рабочему классу, который, работая всю

недѣлю, имѣлъ бы возможность провести нѣсколько часовъ въ національной галереѣ, или въ Британскомъ музеѣ, что было бы для него пріятнымъ и поучительнымъ развлеченіемъ, тогда какъ теперь, люди этого класса, проводя въ праздности весь день и соскучившись наконецъ принимаются искать развлечения въ пьянствѣ. Всѣ эти разумные доводы и протесты не могли однакожь побѣдить до сихъ поръ упорнаго сопротивленія англиканскаго духовенства противъ всякой реформы въ этомъ отношеніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это духовенство требовало даже закрытія на весь день «Public Houses». Но это вызвало такой мятежь въ народѣ, что нужно было отказаться отъ этой мысли.

И такъ «Sunday trading Act», изданный еще при Карлѣ II имѣетъ даже въ самой Англіи много противниковъ; очень часто собираются митинги, съ цѣлью требовать его уничтоженія.

Эти требованія основываются обыкновенно на томъ, что мѣра, мѣшающая заниматься всякою работою въ воскресный день, стѣсняетъ свободу совѣсти; что сверхъ того «vestries» избираемые для занятій дѣлами, касающимися администраціи, а никакъ не вопросами религиозными, поступаютъ противъ конституціи и выходятъ изъ предѣловъ дѣятельности, предоставляемой имъ закономъ, виѣшиваясь въ вопросъ, не подлежащій ихъ разбирательству.

Въ законѣ по поводу соблюденія воскресенья, какъ и въ большей части англійскихъ законовъ, заключаются странныя аномаліи. Такъ, онъ подвергаетъ большому штрафу земледѣльца, или мастераго, работающихъ въ этотъ день и точно также осуждаетъ моряка, который отказывается выступить въ море.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи и Шотландіи, не болѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, люди приговаривались къ большому штрафу за то только, что осмѣливались прогуляться по городу; въ Глазгоувѣ штрафъ этотъ доходилъ до тридцати шиллинговъ. Нынче, слава Богу, однакожь, эти строгости прекратились. Скажу даже болѣе; между тѣмъ какъ въ Лондонѣ продолжаетъ господствовать по воскресеньямъ официальная, обязательная скука, въ городскомъ же округѣ, находящемся въ власти «vestries» замѣтны оживленіе и движеніе и всѣ несогласные съ мнѣніемъ англиканской церкви, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, а въ седьмой обрекъ себя на скуку, отправляются туда.

Правительство въ вознагражденіе за скуку воскресныхъ дней придумало однакожь дать гражданамъ свободной Англіи право проводить хотя нѣсколько праздниковъ въ году пріятно, и потому лѣтъ пять тому

назадъ оно рѣшило въ своей мудрости, что лондонское народонаселеніе можетъ веселиться четыре раза въ годъ, не оскорбляя религіи и традиціи; эти дни слѣдующіе: второй день Рождества, понедѣльникъ послѣ Пасхи и Троицына дня и первый понедѣльникъ августа мѣсяца.

Во всѣ эти дни театры, закрытыя обыкновенно по воскресеньямъ, даютъ по два представленія; музеи открыты; въ публичные сады допускаются дѣти, желѣзныя дороги отправляютъ поѣзды по уменьшеннымъ цѣнамъ; «Public Houses» двери отворены настежь и на другой день всѣ журналы посвящаютъ восемь или десять столбцевъ рассказамъ объ увеселеніяхъ лондонскаго народонаселенія, не забывая при этомъ, — съ той страстью къ статистикѣ, которая служитъ ихъ отличительной чертой — выписывать цифры всѣхъ посѣтителей, бывшихъ въ такихъ-то и такихъ-то галереяхъ или музеяхъ, людей, прогуливавшихся въ такомъ-то и такомъ-то паркѣ. Вѣроятно это дѣлается съ цѣлью сообщить свѣту, что Англія обязана благодѣтельному парламентскому правленію привилегіей веселиться четыре раза въ годъ.

Есть одинъ день въ году, считавшійся лондонскимъ народонаселеніемъ въ былыя времена торжественнымъ праздникомъ: это шестое ноября.

Число это есть годовщина открытія пороховаго заговора. Вы помните вѣроятно, что въ 1605 году, въ царствованіе Якова I-го, одинъ англійскій офицеръ, по имени Гюй Фоксъ, былъ схваченъ въ тотъ самый моментъ, когда готовился зажечь фитиль, проведенный къ бочкамъ съ порохомъ, которыя должны были взорвать одновременно парламентъ и всю королевскую фамилію. Этотъ фанатикъ былъ приговоренъ къ смерти съ своими соучастниками, которые всѣ были католики.

Въ память этого событія и съ цѣлью поддерживать въ народѣ ненависть къ католицизму была учреждена церемонія, совершавшаяся, ежегодно 6 ноября, во время которой обыкновенно сожигались манекены, изображавшіе Гюй Фокса и самого папу.

Эта странная комедія совершается и до сихъ поръ еще въ большей части городовъ Англіи и Шотландіи. По всей вѣроятности изъ всѣхъ людей, принимающихъ въ ней участіе, очень немногіе знаютъ настоящее ея значеніе; доказательствомъ этого можетъ служить то, что съ давнихъ временъ уже манекенъ, котораго носятъ рядомъ съ Гюй Фоксомъ, изображаетъ уже не папу, но одну изъ личностей, успѣвшую въ прошедшемъ годѣ пріобрѣсти себѣ популярность. Знаменитый Клеманъ

имѣлъ нѣсколько разъ уже честь быть сожженнымъ рядомъ съ заговорщикомъ.

Въ Льюссѣ, маленькомъ городкѣ, находящемся при желѣзной дорогѣ изъ Лондона въ Врайтонъ, день Гюй Фокса празднуется съ особеннымъ торжествомъ. Тутъ вы услышите оркестръ, увидите фейерверки, бенгальскіе огни, знамена, шествіе съ факелами, однимъ словомъ полное торжество, устроенное городской молодежью; хотя на этотъ праздникъ собирается масса народа, однако порядокъ не нарушается; конечно не обходится безъ того, чтобы нѣкоторыя стекла не были выбиты въ магазинахъ, или нѣкоторыя двери лавокъ выломаны, но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, такъ какъ на другой же день съ ранняго утра всё эти беспорядки исправляются на счетъ организаторовъ праздника.

Въ Лондонѣ эта церемонія была совсѣмъ запрещена нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе разныхъ беспорядковъ и особенно раздоровъ, возникавшихъ обыкновенно между ирландцами католиками и протестантами англичанами; единственные слѣды, оставшіеся отъ этого древняго обычая, заключаются нынѣ въ прогулкѣ по городу гаменовъ, съ поддѣльными усами и носами и съ манекеномъ въ рубахъ.

Гольдшмитъ въ своей исторіи Англіи рассказываетъ, что «король Іоанъ набралъ извѣстное число разбойниковъ и возложилъ на нихъ обязанность сражаться за него съ каждымъ дворянникомъ, который осмѣлится сопротивляться его деспотическимъ требованіямъ». Говорятъ, что съ этого было взято учрежденіе должности бойца, или сподвижника короля; не знаю такъ ли это, но во всякомъ случаѣ обычай англійскихъ королей избирать себѣ сподвижника существуетъ съ очень давнихъ временъ. Должность эта долго была наследственной привилегіею фамиліи Маріонъ, глава которой былъ обыкновенно владѣтелемъ замка Скривальсбай-Даймокъ, вслѣдствіе женитьбы одного изъ членовъ этой фамиліи на наследницѣ замка Маріона. При коронованіи Ричарда II встрѣчается первый разъ Даймокъ въ этой должности, а прошлаго года умеръ Джонъ Даймокъ Скривельсбай, носившій еще титулъ сподвижника ея величества. Такъ какъ должность эта была наследственной, то случилось, что одинъ изъ Даймоковъ долженъ былъ бросить перчатку за Ричарда III и за Генриха VII, а другой позднѣе имѣлъ удовольствіе драться разъ за Якова II, а другой разъ за Вильгельма III.

Въ послѣдній разъ подвижникъ короля исполнялъ свои обязанности 1821 году при коронованіи Георга IV. На бѣлой лошади вер-

хоть, съ каской на головѣ и въ кирасѣ, онъ находился въ свитѣ его величества и два герольда вели подѣ узцы его коня. Что-же касается важнаго значенія, которое придавалось этой должности, то это видно изъ того, что при вышеозначенномъ коронованіи сажали въ сѣдло подвижника его величества герцога Веллингтонъ и лордъ Энглезі. При коронованіи Вильгельма IV и королевы Викторіи не упоминается уже болѣе о подвижникѣ, хотя титулъ продолжалъ оставаться наследственнымъ достояніемъ фамиліи Даймакъ, и въ 1841 году всѣ были поражены страшнымъ удивленіемъ въ Англіи, что послѣдній Даймакъ, носившій этотъ титулъ, согласился принять титулъ баронства.

Я забылъ вамъ сказать, что всякій разъ, какъ этотъ коронный чиновникъ исполнялъ обязанности, лежавшія на немъ, то получалъ въ вознагражденіе огромную серебряную чашу съ золотыми украшениями.

Впрочемъ не одинъ этотъ обычай продолжалъ соблюдаться при коронованіи англійскихъ государей. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ есть одно кресло, сгнившее дерево котораго свидѣтельствуетъ о его древности; обычай требуетъ, чтобъ въ самый день коронованія государь садился въ это кресло; сидѣнье его состоитъ изъ огромнаго камня, который, какъ гласитъ одна шотландская легенда, служилъ подушкой библейскому Якову. — Короли шотландскіе имѣли обыкновеніе садиться въ это странное кресло въ день своего коронованія. Эдуардъ I началъ этотъ обычай, и съ тѣхъ поръ т. е. въ теченіе девяти столѣтій ни одинъ изъ англійскихъ королей не рѣшался нарушить его.

Какъ-бы ни казались намъ смѣшны и ничтожны всѣ эти древніе обычай, но они безвредны и сохраненіе ихъ не представляетъ большаго неудобства. Какое дѣло англійскому народу сядетъ-ли его король на простой камень или на бархатную подушку, существуетъ-ли джентельменъ, обязанный вызывать на поединокъ каждаго, кто не угодитъ его величеству или наприимѣръ, что лордъ Кингдель въ качествѣ первыхъ бароновъ Ирландіи пользуются привилегіей испанскихъ грандовъ оставаться въ шляпѣ передъ лицомъ своего государя, все это въ сущности никому не приноситъ вреда; но есть другіе обычай, обычай, сохранившіеся до сихъ поръ, которые служатъ источникомъ постоянныхъ семейныхъ раздоровъ и процессовъ.

Вы думаете конечно, что маіоратъ это основное учрежденіе социальной организациі Англіи признается на всей ея территоріи; однако-жъ это заблужденіе. Въ Кентскомъ графствѣ находящемся такъ близко отъ Лондона, этотъ принципъ принялъ совершенно другую форму, тамъ

признается принцип передачи наследства одному из дѣтей,—и право маіората переносится на второго сына.

Разъ я упомянулъ слово бракъ, такъ уже расскажу кстати нѣкоторыя подробности, касающіяся брачной церемоніи настоящаго времени въ Англіи.

У нихъ, какъ и у насъ, оглашеніе публикуется за три недѣли до брака (впрочемъ это единственная формальность, требующаяся англійскимъ закономъ, если только женихъ и невѣста объявляютъ, что имъ 21 годъ). Бракъ однако долженъ совершаться до 12 часовъ дня; иначе онъ считается недѣйствительнымъ. Такъ постановлено однимъ указомъ Генриха VIII; на чемъ могло основываться такое странное постановленіе? спросите вы.—Законъ отвѣчаетъ вамъ на это, что человекъ послѣ этого часа не всегда бываетъ въ трезвомъ состояніи! Дѣйствительно, въ былыя времена обычаи былъ обѣдать въ одиннадцать часовъ и тогда повидимому какъ и нынче, англичане были склонны оставлять свой расудокъ на днѣ стакана.

Женихъ и невѣста входятъ въ церковь обыкновенно порознь; женихъ является въ сопровожденіи шафера, невѣсту же ведетъ подъ руку отецъ, и за ней слѣдуютъ восемь или десять молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ совершенно одинаково и называемыхъ «brides-mids».

Если свадьба происходитъ въ деревнѣ и женихъ съ невѣстой принадлежатъ въ аристократическимъ фамиліямъ—церемонія принимаетъ феодальный характеръ. На границѣ фамильныхъ владѣній той и другой стороны воздвигаются триумфальныя арки съ слѣдующими надписями:

«Да благословитъ Богъ счастливую чету! Да будетъ надъ вами всегда мое благословеніе!—Долгую жизнь нашему лорду и нашей леди!»

Церковь украшается гирляндами изъ плющей и лавровыхъ листьевъ; престолъ исчезаетъ подъ массой цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой должны проѣзжать молодые изъ церкви въ замокъ, собирается огромная толпа. По окончаніи религіозныхъ церемоній, молодую чету осыпаютъ поздравленіями всѣ приглашенные на праздникъ, затѣмъ раздаются собравшимся друзьямъ свадебные подарки, послѣ чего кортежъ отправляется въ «Hall», гдѣ собрались уже депутаціи отъ всѣхъ арендаторовъ, въ ожиданіи момента, когда они будутъ имѣть честь поднести новой шателенѣ свои поздравленія и множество подарковъ всякаго рода.

Въ силу однако древняго обычая, корня происхожденія котораго не

ногъ доискаться, въ карету молодыхъ бросаютъ горсти ризу, старыя туфли и метлы; и считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если колову задѣваетъ одна изъ этихъ вещей.

Впрочемъ письмо мое превратится въ цѣлый томъ, если я примусь перечислять всѣ странныя обычаи, которые до-сихъ-поръ соблюдаются въ Англіи и самомъ Лондонѣ, а потому я упомяну только о двухъ, или трехъ изъ нихъ, которыхъ главныя дѣйствующія лица вѣроятно понадались вамъ на улицахъ; — я говорю о молодыхъ людяхъ въ странныхъ широкихъ одеждахъ изъ синяго сукна, въ желтыхъ чулкахъ, короткихъ панталонахъ, красныхъ кожаныхъ бусакахъ, бѣлыхъ воротникахъ, и въ дополненіе показывающихся на улицахъ во всякое время года съ открытыми головами.

Ихъ называютъ «blue coat»; — это воспитанники школы, «Christ's Hospital», основанной Эдуардомъ VI; странный костюмъ ихъ не измѣнялся въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ.

Школа эта была основана съ благотворительною цѣлью для бѣдныхъ дѣтей; но постановленія основателя не соблюдаются, къ несчастію; и благодѣяніями дароваго воспитанія пользуются нынѣ дѣти зажиточныхъ родителей, имѣющихъ полную возможность платить за нихъ.

Но, если современемъ самый принципъ этого учрежденія измѣнился, за то извѣстные обычаи, ведущіе свое начало съ самаго основанія этого заведенія, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохранились во всей своей цѣлости. Такъ, ежегодно въ понедѣльникъ Пасхи воспитанники Christ's Hospital, въ вышеописанныхъ костюмахъ и въ дополненіе съ гербами на груди, на коихъ значатся слѣдующія слова: «He is risen» (онъ воскресъ) отправляется въ числѣ 726 человекъ въ Mansion House, гдѣ ихъ официально принимаетъ самъ лордъ-мэръ и леди его супруга. Они раздѣляются по своимъ заслугамъ на четыре категоріи. Первые 18 воспитанниковъ получаютъ по одной гинеѣ; слѣдующіе пять мальчиковъ, составляющіе вторую категорію, получаютъ по 10 шиллинговъ и 6 пенсовъ; затѣмъ слѣдуютъ 45 человекъ третьей категоріи, получающіе по 2 шиллинга и 6 пенсовъ, къ четвертой же категоріи относятся всѣ остальные и имъ выдается только по одному шиллингу. Сверхъ этого каждый получаетъ изъ рукъ супруги лордъ-мера по одному стакану вина и по два buns, родъ пирога, очень невкуснаго и неудобоваримаго, который англичане, въ силу традиціи, имѣютъ обыкновеніе ѣсть передъ Пасхой. Въ Страстную пятницу совершается другая церемонія, въ которой также принимаютъ участіе 60 человекъ воспитан-

никовъ Christ's Hoospital. Участіе это заключается въ томъ, что они обязаны присутствовать при богослуженіи, въ «Allhallows-Church» въ Ломбардской улицѣ, въ вознагражденіе за что получаютъ по одному новому пенни и по маленькому пакету миндаля и изюма. Эта раздача дѣлается въ силу духовнаго завѣщанія нѣкоего Петра Саймонса, посмертная щедрость котораго распространяется и на ректора, имѣющаго право на полученіе одной гинеи за проповѣдь, которую онъ обязанъ произнести.

Въ тотъ же день ректоръ прихода св. Вароломея Великаго совершаетъ похожую съ этой церемонію, учрежденную лѣтъ 300 тому назадъ. Вокругъ гробницы одной особы, имя которой въ несчастію не сохранилось, собираются ежегодно вдовы, въ числѣ двадцати одной, избираемая обыкновенно изъ числа самыхъ неимущихъ, которымъ выдается по шести пенсовъ каждой, въ силу завѣщанія, сдѣланнаго около 300 лѣтъ тому назадъ, не извѣстнымъ благодѣтелемъ, погребеннымъ въ этой гробницѣ и не забывшимъ также ректора, который въ свою очередь получаетъ шесть пенсовъ, въ качествѣ исполнителя воли покойнаго.

Обычай обмановъ перваго апрѣля извѣстенъ также англичанамъ; но сверхъ того у нихъ есть еще Valentine day, въ который они имѣютъ обыновеніе посылать по почтѣ разныя анонимныя шутки, написанныя всегда на изящныхъ маленькихъ листкахъ, разрисованныхъ, украшенныхъ девизами и эмблемами. Эти листки бывають иногда двойные и между этими двумя искусно склеенными половинками часто заключаются сюрпризы, но по большей части содержаніе этихъ корреспонденцій любовнаго свойства.

Откуда взялся этотъ обычай? Шекспиръ утверждаетъ, что день св. Валентина есть день совокупленія птицъ, и всѣ, съ кѣмъ мнѣ удавалось говорить на счетъ этого убѣждены, что съ этаго взялся обычай обвиняться 14-го февраля любовными признаніями. Это объясненіе покажется вамъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько «shocking». Но оно не мое, хотя я долженъ признаться, что, изучивъ англійскіе нравы, нахожу его весьма правдоподобнымъ. Англійская цивилизація имѣетъ слишкомъ много общаго съ нашей, чтобы можно было надѣяться встрѣтить въ Лондонѣ типы, дѣйствительно оригинальные и рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ, которые встрѣчаются у насъ. Уличная промышленность тамъ почти та же, что и въ Парижѣ. Впрочемъ нѣкоторый родъ торговли отличается своими особенностями, на примѣръ, торговля жареными кашта-

нами производится у них иначе чѣмъ у насъ; тогда какъ наши продавцы любятъ обыкновенно ставить свои палатки, защищающія ихъ отъ дождя и снѣга, у винныхъ потребовъ, лондонскіе же торговцы перемещиваютъ съ своими товарами съ одного мѣста на другое; раскладываются съ ними на тротуарахъ большихъ улицъ, гдѣ очень часто какой-нибудь разбѣянный прохожій опрокидываетъ ихъ подвижныя лавочки, состоящія изъ желѣзнаго листа, подъ которымъ находится печь, такихъ маленькихъ размѣровъ, что торговецъ несетъ ее обыкновенно на головѣ, переходя съ одного мѣста на другое.

Продажа варенаго картофеля также существуетъ у нихъ, но производится, какъ и первая, переднижнимъ способомъ, только организована гораздо лучше. Разкопавъ картофеля имѣютъ маленькія фурмы съ котлами, въ которыхъ варится картофель и подается покупателямъ горячій, съ прибавкой къ нему ломтя хлѣба, соли и даже масла.

Въ Лондонѣ существуетъ еще одна маленькая торговля, весьма замѣнительная, это — розничная продажа устрицъ въ кварталахъ, населенныхъ бѣдными людьми. Работники, отправляясь на работу, могутъ полакомиться за одинъ пенни устрицей, приправленной перцемъ. Эти странствующіе торговцы возозятъ ихъ обыкновенно въ маленькихъ тележкахъ, доставляя, такимъ образомъ, большое удобство бѣдному населенію.

Я не буду распространяться о кучерахъ нашихъ каретъ. Въ умѣньи управлять лошадьми они превосходятъ нашихъ извозчиковъ; относительно же неряшливости и нахальства, они не уступаютъ послѣднимъ. Но считаю необходимымъ посвятить нѣсколько строкъ описанію кучеровъ и кондукторовъ omnibusовъ, типовъ весьма любопытныхъ и заслуживающихъ вниманія.

Огромное количество omnibusовъ, разбѣжающихъ по всѣмъ направленіямъ Лондона, не составляетъ собственности одной компаніи. Однѣ и тѣ же артеріи эксплуатируются нѣсколькими администраціями, соперничающими между собой.

Въ Парижѣ, монополія, которой пользуется главное общество, преобразовала всѣхъ служащихъ въ немъ въ настоящихъ чиновниковъ, представляющихъ обезпеченіе, носящихъ мундиръ, и исполняющихъ свои обязанности честно, хотя конечно безъ особеннаго усердія и съ той апатіей, съ тѣмъ сознаніемъ своего достоинства, которыя суть отличительныя черты вообще агентовъ всѣхъ правительствъ и всѣхъ большихъ администрацій.

Въ Лондонѣ же, напротивъ, кучера и кондукторы не чиновники, а негоціанты. Тогда какъ первые съ высоты своихъ козелъ возвѣщаютъ громкихъ голосомъ прохожимъ названія улицъ, по которымъ они должны проѣзжать, кондукторы, повиснувъ на маленькихъ платформахъ, закидываютъ длинный ремень, помогающій имъ забирать пассажировъ въ карету, не замедляя ея хода! Трудно себѣ представить съ какой ловкостью они управляются, когда имъ приходится нѣтъ дѣло съ какой-нибудь робкой и нерѣшительной дамой. Они ловко соскакиваютъ съ своей платформы, въ одинъ мигъ достигаютъ тротуара и, схвативъ за талию трусливую путешественницу, влекутъ ее къ омнибусу, который, приостановившись на одну секунду, поспѣшно устремляется опять въ путь, боясь, чтобы его не опередилъ другой, соперничающій съ нимъ омнибусъ, и не пріѣхалъ бы ранѣе его на станцію. Очень часто случается, что кондукторъ, засуетившись въ такой ловлѣ пассажировъ, не вѣрно отсчитываетъ вамъ сдачу; но, что дѣлать, его нужно извинить: время—деньги!

Если погода хорошая, садитесь на имперіаль и постарайтесь занять мѣсто рядомъ съ кучеромъ, на лавочкѣ, такъ называемой, box-seat; вы увидите, съ какой нѣжной заботливостью, съ какими вниманіемъ будетъ васъ окружать вашъ возница съ какой предупредительностью онъ поможетъ вамъ входить и сходить, какъ тщательно будетъ закрывать ваши ноги кожаннымъ фартукомъ, для предохраненія ихъ отъ холода и дожда, какъ любезно даже предложитъ вамъ огня закурить вашу сигару. Мало этого, если вы только дадите ему поводъ вступить съ вами въ разговоры, будьте увѣрены, что онъ уже не замолчитъ ни на минуту, до-тѣхъ-поръ пока вы не слѣзете, такъ какъ кучера омнибусовъ самые многорѣчивые и говорливые люди въ Англии, за исключеніемъ адвокатовъ, которые обладаютъ способностью говорить не уставая въ теченіи двѣнадцати часовъ въ сутки. Повидимому, учтивость, это качество столь рѣдкое въ британской націи, сосредоточилось въ кучерахъ омнибусовъ!

Зимой, суровость климата вынуждаетъ ихъ закутываться въ толстыя плащи, болѣе или менѣ непроницаемые и ившюватые. Но наступаетъ 1-е мая и возница преобразуется! Куколка превращается въ бабочку!

Онъ становится настоящимъ джентельменомъ, надѣваетъ на голову сѣрую шляпу, повязываетъ на шею щегольской галстукъ, натягиваетъ на руки лайковые перчатки, вдѣваетъ въ петлицу цвѣтокъ, вообще принимаетъ осанку спортсмена и ни своими манерами, ни своимъ виѣщимъ видомъ, не бросился бы въ глаза, очутившись между благородными лор-

дами, членами Four in hand Club, которые, во время сезона, катаются въ Гайдъ-Паркъ, управляя сами своими щегольскими экипажами съ гербами.

Теперь перейдемъ къ странному и весьма употребительному способу распространенія публикацій въ Англіи—это способъ ходячихъ афингъ. Вамъ, конечно, случалось встрѣчать людей, превращенныхъ въ афинги, чинно прогуливающихся по значительнымъ лондонскимъ жиламъ. Если же вамъ не попадались на глаза эти любопытные субъекты, то представьте себѣ человѣка, съ досками на груди и на спинѣ, на которыхъ наклеены рекламы самаго разнообразнаго содержанія. Англичане называютъ ихъ Sandwich-men.

Въ Лондонѣ встрѣчается также множество тѣхъ *pifferari*, или несчастныхъ пѣвцовъ, которыхъ недавно изгнали изъ Парижа. Репертуаръ ихъ тотъ же самый *Viva la Francia! Viva l'Italia!* Марсельеза или Санта Лучія—вотъ мелодіи, которыми они раздираютъ слухъ англичанъ, впрочемъ, далеко не нѣжный! Къ ихъ несчастію они встрѣчаютъ страшную конкуренцію въ нѣмецкихъ музыкантахъ, образовавшихъ оркестры и играющихъ очень изрядно. Эти странствующія банды музыкантовъ состоятъ обыкновенно изъ 10 или 15 артистовъ, разыгрывающихъ на каждомъ мѣстѣ, гдѣ они останавливаются, цѣлый рядъ пьесъ изъ разныхъ знаменитыхъ оперъ, или кое-какіе изъ чудныхъ вальсовъ Штрауса; они странствуютъ по городу, начиная съ утра и до десяти часовъ вечера. Преимущественно они придерживаются аристократическихъ кварталовъ, гдѣ не такъ сильно движеніе экипажей. Исполнивъ серію пьесъ, двое или трое отдѣляются отъ группы и идутъ звонить у дверей сосѣднихъ домовъ; разумѣется, не всегда съ одинаковымъ сборомъ, возвращаются они къ своимъ товарищамъ. Однакоже, такъ какъ принято давать имъ не менѣе трехъ пенсовъ, то дневная выручка должна быть довольно значительна. Конечно, по воскресеньямъ имъ приходится отдыхать, ибо играть имъ воспрещается. Зимой, лучшіе изъ этихъ оркестровъ уѣзжаютъ изъ Лондона въ Брайтонъ, или въ одинъ изъ портовъ южнаго берега, куда обыкновенно стекается въ это время вся аристократія.

Скажу еще два слова объ англійскомъ скоморохѣ. Ихъ Пуншъ, какъ и нашъ Полишинель, конечно, итальянскаго происхожденія; какъ тотъ, такъ и другой имѣетъ два горба и оба снабжены ястребинными носами. Имѣя одно и тоже назначеніе—служить символами дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы, Полишинель и Пуншъ должны были, одна-

кожъ, измѣнить свои фязіономіи и привычки въ этихъ двухъ различныхъ странахъ; и такъ, между тѣмъ какъ во Франціи, Полишинель, поддѣлывался ко вкусамъ публики, сѣчетъ комиссара, англійскій Пуншъ изображаетъ пьяницу, угощающаго свою жену пеньками.

Не смотря на это, или скорѣе быть можетъ именно влѣдствіе этого Пуншъ очень популяренъ въ Англій. Онъ не избралъ себѣ какъ нашъ Гиньоль постоянного мѣстопробыванія въ паркахъ; обстановку онъ сохранилъ первобытную, весьма скромную и даетъ свои представленія вездѣ гдѣ попало, будучи увѣренъ, что, гдѣ бы онъ ни остановился, вокругъ него соберутся всѣ окрестные уличные мальчишки и даже множество взрослыхъ людей.

Перипетіи драмъ, разыгрываемыхъ Пуншемъ весьма однообразны. Онѣ заключаются, по большей части, въ ссорахъ, оканчивающихся палочными ударами. Но замѣчательно заключеніе этихъ представленій: на сценѣ является всегда маленькій скелетъ, снабженный всѣми атрибутами смерти! Развязка, вызывающая на глубокія размышленія, но тѣмъ не менѣе весьма странная, если принять въ соображеніе, что большинство зрителей не вышло еще изъ того счастливаго возраста, въ которомъ обыкновенно у человѣка одна забота — набивать себѣ ротъ сладостями.

Но довольно; пора кончить мое послѣднее письмо. Можетъ быть вы найдете страннымъ, что я не заканчиваю всего вышесказаннаго общими выводами. Я этого не дѣлаю потому, что не имѣлъ намѣренія написать книгу, но хотѣлъ просто сообщать вамъ изо дня въ день мои впечатлѣнія, предоставляя вамъ самимъ сдѣлать изъ нихъ выводы и составить себѣ мнѣніе объ Англій, этой эксцентрической странѣ, въ которой прошедшее и настоящее, рутина и прогрессъ, смѣшное и великое смѣшивается и сталкивается одно съ другимъ на каждомъ шагу; но которая, не смотря на это, не смотря на всѣ свои странности и пороки обладаетъ такими качествами и такими добродѣтелями, что даже заклятые ея враги не могутъ отказать ей въ названіи *великой націи*.

